

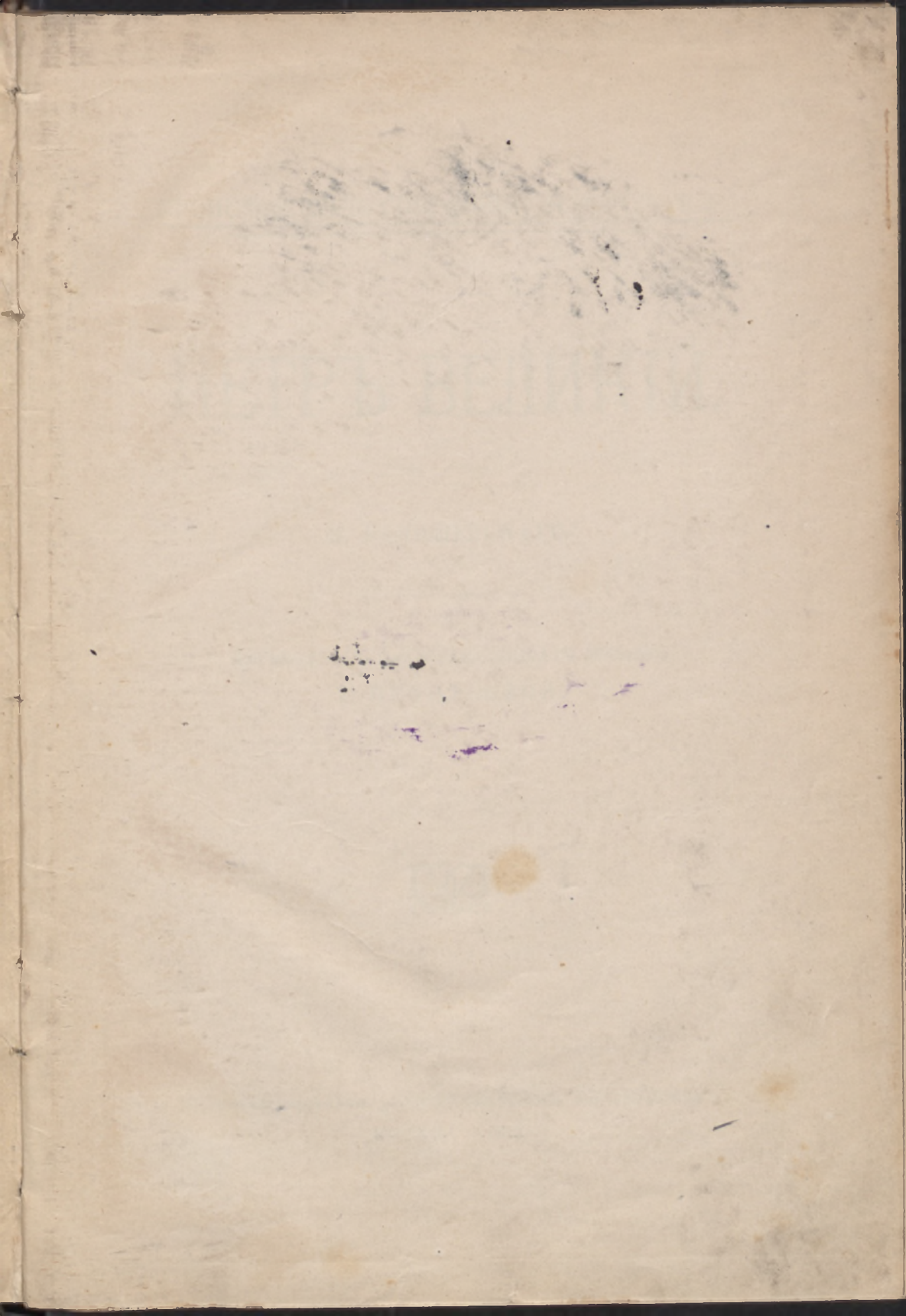
К. ВАЛШЕВСКИЙ

—
ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

3 przedział drapy
4 półka -

25 02158

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. Т. III.

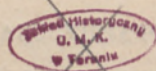
ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

К. ВАЛИШЕВСКАГО.

ПЕРЕВОДЪ СЪ 7-го ФРАНЦУЗСКАГО ИЗДАНІЯ
Т. ЛЕОНТЬЕВОЙ.

Книгоиздательство „СОВРЕМЕННЫЯ ПРОБЛЕМЫ“.
МОСКВА. — 1912.

3962/1949

1264702

Тшпографія т. д. Моск. Иад: „Копѣйка“, В. Дмитровка, д. 66.

D. 140/2015

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Томъ I. Иванъ Грозный, ц. 3 руб., въ переплетѣ 4 руб.

Т. II. Первые Романовы, ц. 3 руб., въ переплетѣ 4 руб.

Т. IV (печатается).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Не соображай своихъ силъ съ задуманнымъ предпріятіемъ, но по размѣрамъ предпріятія суди о своихъ силахъ“. На этотъ разъ въ своей задачѣ историка я почти долженъ былъ вдохновляться этимъ безумно смѣлымъ совѣтомъ, даннымъ поэтомъ моей родины. Такъ трудно подойти къ человѣку, составляющему предметъ моей книги, который господствуетъ надъ исторіей русскаго народа, и какъ будто и донинѣ вмѣшивается въ его существованіе!

По этой-то причинѣ я приступилъ къ нему такъ поздно, взявшись сначала за болѣе близкія къ намъ эпохи, идя отъ великой наслѣдницы — Россіи — къ создателю наслѣдства.

Съумѣлъ ли я, наконецъ, выдержать твой взглядъ, ты, бронзовый гигантъ, сходящій, по словамъ поэтовъ, въ сумеречныя ночи тамъ, на небережной Невы, со своего гранитнаго пьедестала, и неутомимо совершающій побѣдоносный объѣздъ мертвеца по уснувшему городу? Великій выходецъ съ того свѣта, уже около двухъ сотъ лѣтъ не покидающій тѣхъ мѣстъ, гдѣ ты жилъ, подобно генію очага — привычному и страшному, — нашелъ ли я магическую формулу, которая возвращаетъ даръ слова призракамъ и изъ пыли протекшихъ вѣковъ вновь создаетъ около нихъ жизнь?

Я имѣлъ намѣреніе оживить умершую эпоху, передать непосредственно свои свѣжія впечатлѣнія отъ людей и вещей, наполнившихъ ее. Я прикоснулся перстомъ къ чуду легендарнаго царствованія, — къ этой осуществившейся на дѣлѣ сказкѣ о хлѣбномъ зернѣ,

которое индійскій йоги посадилъ въ одно мгновеніе у себя на ладони, и которое выросло въ колось. И со мной говорилъ человѣкъ, обвѣянный чудомъ, быть можетъ, единственный человѣкъ во вселенной. Наполеонъ былъ только величайшимъ французомъ или итальянцемъ, — какъ угодно тому или другому историку, — но онъ не былъ самъ всей Франціей или Италіей. Петръ — это вся Россія, съ ея плотью и духомъ, съ ея темпераментомъ и геніемъ, съ ея добродѣтелями и пороками. При разнообразіи его склонностей, при безмѣрности его усилій, при тревожной игрѣ его страстей, онъ кажется коллективнымъ существомъ. Благодаря этому онъ и великъ, благодаря этому онъ отдѣляется отъ блѣдныхъ тѣней, которыя наши слабыя историческія заклипанія стараются отвоевать у забвенія. Его вызывать заклинаніями не зачѣмъ: онъ здѣсь. Онъ пережилъ себя, онъ продолжаетъ существовать, онъ не пересталъ дѣйствовать. Обликъ міра, извлеченнаго имъ изъ небытія, могъ измѣниться въ нѣкоторыхъ чертахъ, но основное начало его осталось то же самое. Въ этомъ мірѣ таилась неизмѣримая сила, которая въ теченіи трехъ вѣковъ разстраивала всѣ расчеты, и изъ наслѣдія Іоанна, изъ этого ничтожества, жалкаго куска степи съ рѣдкимъ населеніемъ, создала наслѣдіе Александра и Николая, — Имперію, превосходящую своимъ пространствомъ и количествомъ населенія всѣ извѣстныя государства Европы, Азіи и Африки — и государство калифовъ, и теперешнюю Британскую Имперію со всѣми ея колоніями: двадцать милліоновъ квадратныхъ километровъ и сто двадцать милліоновъ населенія! Эта сила получила однажды наименованіе: Петръ Великій. Она измѣнила свое имя, но не свой характеръ. Это душа великаго народа, и это такъ же душа великаго человѣка, въ которомъ нѣкогда какъ будто воплотились мысль и воля милліоновъ существъ. Она вся въ немъ и онъ весь въ пей. Эту-то силу я и хотѣлъ заставить трепетать жизнью на послѣдующихъ страницахъ.

Конечно, я хочу это сдѣлать не только при посредствѣ одного своего воображенія. Я взялъ все, что можно было взять отъ историческихъ документовъ,— вѣдь только они одни сообщаютъ намъ единственный пароль, при помощи котораго мы можемъ открыть опять двери прошлаго, каждый часъ закрывающіяся за нами. Я надѣюсь быть точнымъ. Я увѣренъ въ своей искренности. Можетъ быть, мнѣ придется вызвать удивленіе, разочарованіе или даже гнѣвъ. Я прошу моихъ русскихъ читателей хорошенько взвѣснить свои впечатлѣнія. Нужно всегда быть настолько мужественнымъ, чтобы признать свое настоящее и даже свое прошлое, а когда называешься русскимъ, то такое мужество и нетрудно. Пусть вмѣстѣ съ тѣмъ и другіе мои читатели не ошибаются относительно цѣли, которую я себѣ поставилъ. Пушкинъ, занимаясь собираніемъ матеріаловъ для біографіи національнаго героя, говорилъ, что онъ воздвигнетъ ему памятникъ, аere perennius, который невозможно будетъ перемѣщать, переносить съ одного перекрестка на другой. Пушкинъ какъ будто домогался для своего памятника той же неподвижности, какую обладаетъ образцовое произведеніе Фальконета. Это горделивое стремленіе поэта, раздѣляемое съ нимъ большинствомъ моихъ предшественниковъ, и не только русскихъ, совершенно чуждо мнѣ. Петръ и безъ моего вмѣшательства уже обладетъ памятникомъ, который, по моему искреннему убѣжденію, больше всего ему приличествуетъ. Не Пушкинъ, и не французскій скульпторъ воздвигли ему этотъ памятникъ. Надъ памятникомъ, о которомъ я говорю, онъ работалъ самъ, своими мозолистыми руками, и долго еще надъ нимъ работали его наслѣдники. Великій сибирскій путь недавно прибавилъ къ этому памятнику новый славный камень.

Моя цѣль совѣмъ иная. Взоры всего современнаго міра, то исполненные симпатіи, то недовѣрчивые, и даже враждебные, вотъ уже сколько времени направлены на громадное вмѣстилище моральной и физиче-

VIII

ской энергіи, открывшееся внезапно между старой Европой, уставшей жить, и старой Азіей, уставшей прозябать безъ жизни. Пропасть ли это, въ которую рухнуть и та и другая части свѣта? Или, быть можетъ, источникъ юности? Склонившись съ того и другого края, массы людей глядятъ безпокойно, всматриваются въ глубину, стараются ее измѣрить. Въ виду общаго любопытства и тревоги, я просто даю нѣкоторыя разъясненія. Это, какъ я уже сказалъ, исторія, но въ то же время и современность. Петръ Великій не умеръ. Смотрите! Быть можетъ, какъ разъ теперь наступилъ часъ. Горизонтъ свѣтлѣетъ отъ зари невѣдомаго, новаго дня. Съ широкой рѣки поднимается облако, какъ будто наполненное множествомъ призраковъ. Слушайте!.. Не стучать ли лошадиныя копыта по молчаливой мостовой?..

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
ВОСПИТАНІЕ.

КНИГА ПЕРВАЯ.
ОТЪ АЗІИ КЪ ЕВРОПЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.
Кремль и Нѣмецкая слобода.

I. Женитьба Алексѣя. Выборъ супруги. Царскій вѣнецъ для прекраснѣйшей. Кремлевская спальня. Наталья Нарышкина. Рожденіе Петра. Оспариваемыя отцовскія права. Борьба Нарышкиныхъ и Милославскихъ. Ссылка. II. Кремль. Скалепъ, сераль и тюрьма. Десять вѣковъ исторіи. Русь Московская и Русь Кіевская. Норманское завоеваніе. Исчезнувшее величіе. Сыновья Рюрика. Ярославъ Великій и Генрихъ I Французскій. Монгольское нашествіе. Паденіе. Подъемъ. Московская гегемонія подъ покровительствомъ монголовъ. Освобожденіе. Ивалъ Великій. Заря новой культуры. Европейскія вліянія. Поляки, Нѣмцы, Англичане, Голландцы. III. Нѣмецкая слобода. Европа и Азія. Московское гетто. Просвѣтительная работа. Расцвѣтъ. Петръ идетъ въ слободу. IV. Дни испытанія. Послѣднія потуги азіатскаго строя. Смерть Алексѣя и Феодора. Выборная царская власть. Роль Патриарховъ. Побѣда Нарышкиныхъ. Петръ провозглашенъ Царемъ. Призрачное торжество. Местъ Милославскихъ.

I.

Петръ Алексѣевичъ родился 30 мая 1672 года, или, считая по календарю, принятому въ то время въ странѣ, въ 7180 г.

За два съ половиной года до его рожденія древній московскій Кремль былъ свидѣтелемъ необычайнаго зрѣлища. Со всѣхъ концовъ страны, изъ отдаленнѣйшихъ провинцій въ царскія палаты явились десятки красавиць. Знатныя дѣвушки и дочери народа, оставивъ дворцы, хижины и даже монастыри,

приѣхали въ Москву, ко дню назначенному царемъ. Разбившись на нѣсколько случайныхъ группъ, онѣ размѣстились въ шести отведенныхъ для нихъ комнатахъ кремлевскаго дворца и вели обычную жизнь московскихъ женщинъ того времени,—праздную, замкнутую, однообразную жизнь гарема... Онѣ занимались рукодѣльями, пѣли, чтобы развлечься немного, мечтали, вздыхали, томились, зѣвали, рассказывали другъ другу нелѣпныя волшебныя сказки. Но, когда наступалъ вечеръ, дѣвушки забывали долгіе часы скуки и нетерпѣливаго ожиданія. Онѣ замирали отъ волненія, потрясенныя приближеніемъ страшной процедуры. Нѣсколько чудесныхъ, томительныхъ, полныхъ ужаса и надежды минутъ заставляли ихъ лихорадочно дрожать.

На порогѣ зала, обращеннаго въ спальню, показывались люди. Двое изъ нихъ приближались къ узкимъ постелямъ спящихъ красавиць, и не спѣша, обмѣниваясь многозначительными взглядами, разсматривали ихъ. Это былъ самъ царь, самъ Алексѣй Михайловичъ, сопровождаемый своимъ медикомъ. Среди незнакомокъ онъ искалъ себѣ супругу, „жену пригодную, для радости государевой“. Последняя изъ подданныхъ могла стать сначала великой княгиней, потомъ—царицей всея Руси. Таковъ былъ древній, двухвѣковой обычай, заимствованный у Византіи, отчасти по необходимости, отчасти изъ политическихъ соображеній. Царь Иванъ Васильевичъ тщетно искалъ для своего сына невѣсту среди иностранныхъ принцессъ. Онъ получилъ оскорбительный отказъ отъ датскаго короля и отъ маркграфа Бранденбургскаго. Родниться съ русскими князьями, своими сосѣдями и соперниками, онъ не хотѣлъ. Онъ собралъ въ Москвѣ полторы тысячи молодыхъ дѣвушекъ:—прекраснѣйшая должна была получить великокняжескую корону. Сто лѣтъ спустя, царь Михаилъ Феодоровичъ снова попробовалъ вести переговоры о бракѣ съ иностранными домами. Онъ потерпѣлъ полную неудачу: датскій король отказался принять русскихъ пословъ *).

Старый обычай окончательно утвердился.

*) Забѣлинъ, „Жизнь цариць“. Москва, 1872 г.

Приближенные и придворныя дамы должны были внимательно осмотрѣть дѣвушекъ, явившихся на царскій зовъ. Отъ строгаго, кропотливаго осмотра не ускользали сокровеннѣйшія части тѣла. Все было сдѣлано для того, чтобы представить царю по-истинѣ королевскій кусочекъ.

Случалось, однако, что обычай соблюдался лишь для формы. Такъ было и въ 1670 году.

Красавицы напрасно мечтали и надѣялись, напрасно кокетливо раскидывались во снѣ. Выборъ былъ уже сдѣланъ.

Въ 1667 году царю минуло 38 лѣтъ. Его первая жена, Мирославская, умерла, оставивъ шесть сыновей и восемь дочерей. Изъ сыновей остались въ живыхъ двое: Иванъ и Ѳедоръ. Оба были хилы и болѣзненны. Естественно, что царь подумывалъ о вторичной женитьбѣ.

Въ домѣ Артамона Сергѣевича Матвѣева онъ замѣтилъ красивую брюнетку, которую принялъ за дочь своего любимаго совѣтника. Это была Наталья Кирилловна Нарышкина, дочь бѣднаго, необразованнаго дворянина, отданная отцомъ на попеченіе богатаго, могущественнаго боярина.

Восхищенные глаза царя никогда не увидали бы красавицу Наталью, будь домъ Матвѣева истымъ московскимъ, соблюдающимъ родные обычаи, домомъ. Она оставалась бы за непроницаемыми дверьми терема. Но Артамонъ уже отказался отъ нѣкоторыхъ предрасудковъ.

Онъ былъ женатъ на иностранкѣ, Гамильтонѣ. Революціонная буря, разгромивъ крупныя якобинскія семьи, выбросила отпрыски ихъ подъ непривѣтливой широтой далекой, дикой страны. Царь Алексѣй радушно принялъ эмигрантовъ, и Матвѣевъ былъ обязанъ своимъ положеніемъ, отчасти, тому, что породнился съ однимъ изъ нихъ. Это родство сдѣлало его болѣе культурнымъ человѣкомъ. Онъ много читалъ, имѣлъ библіотеку, физическій кабинетъ, маленькую химическую лабораторію. Наталья всегда сидѣла за столомъ со своими пріемными родителями и ихъ гостями.

Алексѣй объявилъ сначала, что онъ найдетъ ей жениха, „который не посмотритъ на приданое“. Потомъ онъ внезапно рѣшился и сдѣлалъ предложеніе.

Артамонъ Сергѣевичъ былъ больше испуганъ, чѣмъ обра-

дованъ. Положеніе царскаго любимца уже создало ему враговъ. Онъ, вышедшій изъ малоименитой семьи Нарышкиныхъ, занималъ нѣсколько важныхъ должностей, стоялъ во главѣ управленія иностранными дѣлами, дворцомъ, монетнымъ дворомъ, командовалъ стрѣльцами, былъ правителемъ Малороссіи, Казани и Астрахани. Онъ просилъ царя хоть для вида соблюсти древній обычай. Натальѣ пришлось отправиться во дворецъ.

Всѣ обряды были старательно исполнены.

Дядя одной изъ прекрасныхъ претендентокъ поссорился съ правосудіемъ царя изъ-за мошенническихъ продѣлокъ, пущенныхъ имъ въ ходъ въ пользу своей племянницы. Онъ былъ допрошенъ „съ пристрастіемъ“ и подвергнутъ пыткамъ (дыба, кнутъ и огонь) *).

Свадьба состоялась 22 января 1671 года. Въ этотъ день Людовикъ XIV глядя, какъ его армія переправлялась, подъ начальствомъ Кондэ и Тюрена, черезъ Рейнъ, далъ поводъ для извѣстнаго письма Буало. Въ этотъ же день, на другомъ концѣ Европы, турецкая армія переплывала Днѣстръ, чтобы, заключивъ союзъ съ великимъ королемъ, съ тылу подойти къ имперіи. Въ Москвѣ не думали ни о томъ, ни о другомъ. Всѣ были заняты празднествами, устроенными по случаю рожденія царевича. Широкія теченія европейской политики не проникали въ глухую, замкнутую московскую жизнь.

Мѣсто рожденія величайшаго въ Россіи человѣка до сихъ поръ достовѣрно неизвѣстно. Кремлевскій дворецъ? Дворецъ близъ села Коломенскаго, извѣстный подъ именемъ „русскаго Виолеема?“ Измайлово? У насъ нѣтъ ни одного вполнѣ убѣдительнаго свидѣтельства. Разногласіе идетъ дальше. Петръ ни характеромъ, ни внѣшнимъ обликомъ не походилъ ни на Софію, ни на хилыхъ и слабыхъ Ивана и Ѳедора. Въ ихъ жилахъ текла испорченная кровь. Какъ могъ подточенный болѣзнью, подстерегаемый смертью Алексѣй дать сыну его могучее сложеніе, желѣзные мускулы, огромную силу?.. Кто же тогда? Можетъ быть, нѣмецъ-хирургъ под-

*) Забѣлинь, стр. 268.

мѣнил своимъ ребенкомъ дѣвочку,—истинный плодъ первыхъ ночей Натальи? Можетъ быть, здѣсь замѣшанъ Тихонъ Стрѣшневъ, придворный, низкаго происхожденія, предки котораго выдвинулись благодаря женитьбѣ Михаила Романова на красавицѣ Евдокии?.. Говорятъ, что однажды, въ пьяномъ чаду, Петръ попробовалъ освѣтить эти потемки. Онъ крикнулъ, будто бы, указывая на Ивана Мусина-Пушкина: „Этотъ хоть знаетъ, что онъ моего отца сынъ. А я чей? твой, что-ли, Тихонъ Стрѣшневъ? Говори, не бойся! Говори, а то задущу!“—„Батюшка, смилуйся! Что мнѣ отвѣтить?.. Вѣдь я не одинъ былъ!“ *).

Но чего только не говорятъ...

Смерть Алексѣя положила начало кровавой смутѣ, изъ которой выросло деспотичное, грозное могущество Петра. Это время наложило отпечатокъ на всю жизнь будущаго реформатора. Съ юныхъ дней онъ сдѣлался героемъ драмы, вождемъ, избраннымъ оппозиціонной партіей. Двѣ семьи, поднявшіяся изъ грязи, благодаря женитьбамъ царя, вступили въ жестокую борьбу у только что остывшаго тѣла своего общаго повелителя. Нарышкины считали себя потомками славной чешской семьи Narisci, владѣвшей Эгеромъ (Egra). Историкъ Мюллеръ называетъ ихъ предкомъ татарины Нарыша, бывшаго въ свитѣ князя Ивана Васильевича. Второе болѣе достовѣрно. Милославскіе происходили отъ московской вѣтви стариннаго литовско-польскаго рода Корсакъ (Korsak). Новая царская родня лишила ихъ прежняго положенія и прежняго вліянія; они были оскорблены и унижены вдвойнѣ. Отецъ Натальи въ нѣсколько лѣтъ сильно разбогатѣлъ, сдѣлался думнымъ дворяниномъ и царскимъ окольнымъ.

Алексѣй умеръ. Прозвучалъ похоронный колоколь. Часъ мщенія наступилъ.

Милославскіе противъ Нарышкиныхъ! Въ продолженіи 13-ти лѣтъ раздирала Россію кровавая распря боровшихся изъ-за власти семей. Первымъ побѣжденнымъ, первой жер-

*) Вокеродтъ. Переписка, опубликованная Геррманномъ. Лейпцигъ, 1872. Соловьевъ. Исторія Россіи, Москва 1864—1878, т. 15. Семевскій. Долгорукій. Мемуары.

твой палъ пріемный отецъ Натальи—бояринъ Матвѣевъ. Его схватили, пытали и сослали въ Пустозерскъ (на Бѣломъ морѣ), гдѣ онъ едва не умеръ съ голода*). Возникъ вопросъ о постриженіи Натальи. Потомъ было рѣшено отправить ее съ сыномъ въ подмосковное село Преображенское, гдѣ имѣлся выстроенный Алексѣемъ домъ.

Петръ покинулъ Кремль. Онъ вернулся туда лишь на короткое время: перенесъ тяжелыя испытанія и гнусныя оскорбленія. Онъ присутствовалъ при казни родныхъ; былъ свидѣтелемъ того, какъ теряло авторитетъ опустившееся правительство; лишился короны. Онъ поклялся въ непримиримой ненависти къ мрачному кремлевскому дворцу. И, побѣдивъ, всемогущій повелитель ушелъ изъ него, унося въ душѣ эту ненависть, положившую отпечатокъ на всю его жизнь и на всю его работу.

II.

Нынѣшній Кремль, загроможденный массой случайныхъ, ненужныхъ, не характерныхъ и не стильныхъ построекъ, можетъ дать лишь слабое представленіе о томъ, какой видъ имѣло въ концѣ XVII вѣка жилище Алексѣя Михайловича. Отъ пожаровъ 1701 и 1737 г. и передѣлокъ 1725 г. **) уцѣлѣла лишь часть великолѣпнаго итальянскаго Ренессанса, ввезеннаго, воспитанной въ Римѣ, дочерью Палеолога ***). Геній Фіораванти, Солари и Алевиза борется здѣсь съ Византійскими традиціями.

Нѣкоторыя церкви, нѣкоторыя части дворца и ограда мало похожи на царское жилище. Тонкіе силуэты кирпичныхъ башенъ, какъ часовые, возвышающихся надъ огромной стѣной, напоминаютъ крѣпость.

*) Исторія его ссылки, опубликованная Новиковымъ въ 1785 г. Москва.

**) Забѣлинъ. „Жизнь царей“. Москва, 1895, стр. 110—118; Устряловъ, Исторія Петра I, СПб. 1858, т. IV, стр. 33.

***) П. Пьерлинъ. Россія и папскій престоль (Russie et Sauf-Siège). Парижъ, 1896, стр. 107 и сл.

Храмъ Василя Блаженнаго на Красной площади способенъ воскресить образы ушедшей старины. Здѣсь — то же странное смѣшеніе архитектурныхъ стилей. Рядомъ со строгой готической Германіей—Индія, Византія, Италія. Китайски-головолмно расположенныя постройки кажутся вставленными одна въ другую. Прихотливое, причудливое сочетаніе красокъ, формъ, орнаментовъ. Кажется, что великій мастеръ создалъ это зданіе въ минуту какого-то гениальнаго сумасбродства. Тѣсныя комнаты, низкіе своды, мрачныя залы. Свѣтъ лампъ, проникающій въ темноту. Рыжеватый блескъ охры и киновари на стѣнахъ. Окна съ желѣзными рѣшотками. У всѣхъ дверей—вооруженные люди. Все кипитъ солдатами и монахами.

Дворецъ примыкаетъ къ церкви и монастырю, и мало отличается отъ нихъ. Повелитель на тронѣ напоминаетъ святого въ ракъ.

Душный воздухъ полонъ звуковъ, заглушаемыхъ толстыми стѣнами, теряющихся въ тяжелыхъ восточныхъ тканяхъ. Они плывутъ между скученными зданіями домовъ, соборовъ и монастырей, сливаются въ неясную гармонию. Изъ храмовъ доносятся звуки службы, въ теремахъ поютъ женщины. Иногда громкій крикъ прорѣжетъ воздухъ—это отзвукъ пирушки, устроенной въ какомъ-нибудь уголкѣ дворца. Иногда раздается пронзительный вопль пытаемаго въ казематѣ узника. Но все же тишина царитъ здѣсь. Всѣ говорятъ полупшопотомъ, ходятъ на цыпочкахъ и, постоянно, наблюдаютъ другъ за другомъ.

Это внутренность склепа, гарема и тюрьмы.

Кремль представляетъ собой не только жилище царей. Въ немъ сосредоточилась вся Россія. Онъ воплотилъ въ себѣ эту удивительную страну, не сливавшуюся съ Европой и презираемую Европой, несмотря на союзы и родственныя связи съ европейскими домами, несмотря на общія судьбы, удачи и несчастья, побѣды и пораженія. Россія—дѣтя. Позади нея—почти десятивѣковое историческое прошлое, впереди—занимающаяся заря новой исторической жизни.

Между концомъ девятаго и началомъ десятаго вѣка, въ то время, какъ первые французскіе короли: Людовикъ Косно-

язычный и Карлъ Толстый съ трудомъ защищали свои владѣнія отъ набѣговъ норманскихъ хищниковъ, „морскіе короли“ высадились на Балтійскомъ берегу. Норманъ Грольфъ отнялъ у Карла Простого прибрежную полосу, извѣстную теперь подъ именемъ Норманскаго побережья; норманъ Рюрикъ и его товарищи, на безконечной, протянувшейся отъ Балтійскаго до Чернаго моря, равнинѣ, заселенной рѣдкими славянскими и финскими племенами, основали государство *).

Полтора вѣка спустя славныя побѣды трехъ героевъ утвердили господство норманскаго племени въ трехъ европейскихкихъ странахъ: Робертъ Гюискардъ возвысилъ домъ Готевилей въ Италіи; Вильгельмъ (Guillaume) утвердился въ Англіи; въ Россіи княжилъ Ярославъ.

Русь Ярослава не была Русью московской. Москва еще не существовала. Столицей считался Кіевъ.

Потомки Рюрика не чуждались Запада. Они поддерживали сношенія съ Греціей, Италіей, Польшей, Германіей: Византія посылала къ нимъ ученыхъ, монаховъ, величественныхъ архіереевъ. Изъ Италіи и Германіи приходили зодчіе, кушцы, ремесленники, долетали отрывки римскаго права. Около 1000 г. князь Владиміръ Красное Солнышко издалъ законъ, требующій, чтобы всѣ его приближенные посылали дѣтей, въ устроенныя имъ при церквахъ, школы. Онъ строилъ дороги, отдавалъ на храненіе въ церкви образцы мѣръ и вѣсовъ. Сынъ его Ярославъ (1015—1054)—чеканилъ монету, строилъ дворцы, украшалъ площади Кіева римскими и греческими статуями и составилъ первый сводъ законовъ. Въ Ватиканѣ хранятся пять картинъ изъ коллекціи графа Калпони, представляющія очень интересный, подлинный образецъ искусства, процвѣтавшаго въ Кіевѣ въ XII вѣкѣ. Эти

*) Историки - славянофилы отрицають норманское завоеваніе. См. по этому вопросу работу Мартынова: Историческій Вѣстникъ, іюль 1879 и 1875. Соловьевъ (см. 7-ой т. Сборникъ политическихъ наукъ Везобразова, 1879) оспариваетъ мнѣніе Иловайскаго, хотя и признаетъ основную мысль, утѣшающую національное самолюбіе утвержденіемъ, что славянскія племена сами призвали и добровольно подчинились чужеземнымъ князьямъ.

произведенія ничуть не уступаютъ работамъ нѣкоторыхъ первыхъ итальянскихъ мастеровъ, Рико ди-Гандіа, напр. *).

Культурныя вѣянія доходили не только до Кіева. Смоленскій князь Романъ Ростиславовичъ занимался науками, составлялъ бібліотеку, основывалъ школы, въ которыхъ проходились древніе языки. Огромное государство, ограниченное Дономъ и Карпатами, Волгой и Двиной, завязало дѣятельную торговлю съ сѣверомъ, западомъ и югомъ Европы. Новгородъ поддерживалъ сношенія съ Балтійскимъ моремъ. Въ Кіевѣ пестрая торговая толпа наполняла улицы. Норманы, славяне, венгры, венеціанцы, генуэзцы, нѣмцы, арабы и евреи торговали самыми разнообразными товарами. Въ 1028 г. тамъ насчитывалось до 12-ти рынковъ.

Кіевскимъ князьямъ не приходилось искать женъ въ термахъ своихъ подданныхъ. Супруга Ярослава, Ингегердъ, была дочерью шведскаго короля Олафа. Свою сестру онъ выдалъ за Казимира Польскаго; сына Всеволода женилъ на дочери византійскаго императора Константина Мономаха, Вячеслава — на графинѣ де-Стадъ, Игоря — на Кунигундѣ, графинѣ Орламюндской. Его старшая дочь Елизавета была замужемъ за норвежскимъ королемъ Гаральдомъ, третья — Анастасія — за Андреемъ Первымъ, Венгерскимъ. Въ 1048 году три епископа, *quartier de Meau gosselivbe Chalignae* и *Roger de châlon*s, явились просить для короля французскаго Генриха Перваго руку второй дочери Ярослава Анны. (Все это рухнуло и исчезло безъ слѣда около половины XIII вѣка. Все это не было еще настоящимъ государствомъ, зданіемъ, построеннымъ на прочныхъ основахъ, — организаціей, способной выдержать страшный ударъ).

Кіевскіе, Смоленскіе и Новгородскіе Рюриковичи, соединяя съ воинственными инстинктами замѣчательныя организаторскія способности, въ силу наслѣдственности, были склонны въ то же время къ разрушенію и беспорядку. Склонность эта исчезла бы съ теченіемъ времени подъ смягчающимъ вліяніемъ обществъ, воспитанныхъ на основахъ строгой законности. Но времени не хватило.

*) Эти картины были подарены графу Каппони Петромъ въ благодарность за его труды при заключеніи договора съ Генуей.

Гроза разразилась въ 1224 году. Монгольскія орды Батя наводнили Россію.

Въ началѣ XII вѣка Владиміръ Мономахъ пытался объединить Русь. Теперь она распадалась на шестьдесятъ, расположенныхъ между Волгой и Бугомъ княжествъ, вырывавшихъ другъ у друга клочки власти. Батый и внукъ Чингизъ-хана Мангу заключили союзъ. Три вѣка усилій и культурныхъ начинаній исчезли въ пыли, поднятой сто тысячами лошадиныхъ копытъ. Отъ прежней, европеизированной завоевателями, ослабленной мѣстными условіями, но, благодаря быстрому всасыванію норманскаго элемента, не потерявшей своего національнаго облика, Руси не осталось и слѣда. Въ слѣдующемъ вѣкѣ, между 1319 и 1340 г. Кіевъ и прилегающія къ нему земли стали добычей Литовскихъ князей, —будущихъ королей Польши. Ягелонъ, стремясь создать новую польско-литовскую имперію, собралъ въ своихъ рукахъ куски недолговѣчнаго государства Мономаха: онъ присоединилъ Русь Червонную (Russie Rouge), Русь Бѣлую (Russie Blanche), Русь Черную (Russie Noire) и Малороссію, словомъ, „всѣя Руси“, какъ гласитъ, освященная впоследствии, формула. Эти земли были совершенно опустошены. Казалось, что исторія Рюриковичей кончена.

Она началась снова на западѣ огромной равнины, предназначенной судьбой стать родиной многочисленнаго народа.

Близъ верховьевъ Волги, на берегахъ Москвы-рѣки, заселенныхъ рѣдкими финскими племенами, затерялся жалкій поселокъ, защищенный крѣпостью. Здѣсь находился удѣлъ и жилище одного изъ потомковъ Рюрика. Постоянныя войны съ сосѣдними Рюриковичами и татарское нашествіе опустошили его. Въ началѣ XIV вѣка онъ оправился, разросся и сталъ центромъ, притягивающимъ финскіе и норманскіе элементы. Безропотно подчинившись игу азіатскихъ завоевателей, этотъ поселокъ разрослся и создавалъ внутреннюю организацію. Князья его, терпѣливые, смиренные и хитрые, сдѣлались посредниками между побѣдителями и побѣжденнымъ народомъ. Они были полезны первымъ и заслужили ихъ благосклонность; народъ терпѣлъ ихъ по необходимости. Они унизились до роли сборщиковъ податей, полицейскихъ

и даже палачей. Медленно, шагъ за шагомъ укрѣпляли они свое значеніе, свое, дорогой цѣной купленное, первенство. Наконецъ, долгожданный, искусно подготовленный день насталь. Они почувствовали себя въ состояніи порвать позорный союзъ, ставшій въ ихъ рукахъ орудіемъ освобожденія.

Подготовительная работа продолжалась почти два вѣка. Въ продолженіе двухъ вѣковъ непомѣрно разросшееся Московское княжество присоединило земли князей Переяславскихъ, Рязанскихъ, Владимірскихъ, Углицкихъ, Галицкихъ, Ростовскихъ, Ярославскихъ, Суздальскихъ. Побѣжденные князья становились сначала данниками, потомъ боярами московскаго князя. Орда, раздробленная и изнуренная внутренними междоусобіями, слабѣла.

Около 1480 года время испытаній кончилось, и удивленная Европа узнала, что между ней и Азіей образовалось новое государство, глава котораго объявилъ себя независимымъ. Онъ отгѣснилъ Золотую Орду за только что намѣченныя границы огромной, подчинившейся ему, территоріи и присоединилъ Новгородъ и Тверь. Онъ женился въ Римѣ на пріѣхавшей изъ Канстантинополя греческой принцессѣ и украсилъ свой гербъ двуглавымъ орломъ. Имя его было Иванъ.

Подданные назвали его Великимъ.

Кромѣ происхожденія своего повелителя, новое государство не имѣло ничего общаго съ славнымъ княжествомъ кievскимъ, которымъ владѣлъ Владиміръ и Ярославъ. Великій князь Московскій носилъ титулъ господина всея Руси, несмотря на то, что многія земли, которыя онъ называлъ своими, не принадлежали ему. Ими владѣла Польша. Три четверти его земель лежало внѣ прежнихъ норманскихъ владѣній. Его столица и его государство носили совершенно иной характеръ. Европа отсутствовала тамъ. Турано-монгольская волна, отплеснувъ, оставила на нравахъ, обычаяхъ и характерѣ правленія славянской страны прочный, густой слой тины. Естественно, что, несмотря на хранимыя священниками и греческими монахами традиціи русско-византійской церкви,—государство и общество, создавшіяся и организовавшіяся подъ игомъ Батыевыхъ

преемниковъ, коснѣли въ невѣжествѣ и дикости. Феодализмъ, Крестовые походы, рыцарство, римское право, изъ источниковъ котораго черпаютъ новѣйшіе умы; борьба свѣтской и духовной власти, породившая свободную мысль, словомъ, великая школа, создавшая моральное и умственное единство Запада, прошла мимо Россіи.

Отвергнувъ союзъ, предложенный на Флорентійскомъ соборѣ Римомъ и принятый Кіевскимъ правительствомъ, молодая Москва (1325—1381) смѣло порвала съ западнымъ міромъ.

Западный христіанскій міръ презиралъ эту далекую, осужденную папой восточную схизму. Когда съ ней устали спорить, ее предали забвенію.

Но сѣмена культуры появились снова и дали ростки, медленно пробивавшіеся сквозь толстый слой азіатскаго болота. Ихъ прислала, какъ и раньше, Европа. Шли они черезъ Польшу и черезъ владѣнія литовскихъ вельможъ—ополячившихся русскихъ. Возставшій сотрудникъ Ивана Грознаго, Курбскій, прежде чѣмъ бѣжать за границу, переписывался съ Чарторижскими, — которые остались православными и русскими съ головы до ногъ. Послѣ удачной войны съ Польшей, Москва впервые увидала типографію, привезенную Иваномъ, въ видѣ военной добычи и трофея. Присоединеніе Новгорода заставило новое государство войти въ сношенія съ Ганзой. Въ 1553 году англичане открыли устье Двины. Основался Архангельскъ, завязалась торговля съ сѣверными морями. Произошло новое вторженіе, снова вызвавшее борьбу за существованіе. Къ счастью, на этотъ разъ завоеватели явились съ другой стороны. Быстро схлынувшая европейская волна оставила послѣ себя иной осадокъ. Въ обозахъ польскихъ войскъ имѣлись іезуиты и бернардинцы—цвѣтъ папскаго Рима. Они вели пропаганду католицизма и схоластической науки. Послѣ образованныхъ, краснорѣчивыхъ, хитрыхъ іезуитовъ появились изящные, ловкіе, какъ истые поляки, самозванцы. Дворъ Лжедмитрія и Маріи Мнишекъ былъ точнымъ слѣпкомъ съ двора Сигизмунда, руководившагося при устройствѣ его совѣтами своей супруги, Бонѣ Сфорца. Польскій оркестръ примѣшалъ свои свѣтскія

мелодіи къ торжественнымъ звукамъ православной службы. Въ самый день окончательнаго торжества національнаго дѣла, польское и западное вліяніе сказалось даже въ новыхъ схваткахъ московскаго элемента съ Польшей и Западомъ.

Овладевъ Кіевомъ, войска царя Алексѣя не нашли ничего изъ того, что существовало въ немъ до татарскаго нашествія. Превжній блескъ исчезъ безъ слѣда. Но все же здѣсь, основанныя поляками, были школы, которыхъ не было въ Москвѣ, была типографія, которая могла бы замѣнить преданную анаѳемѣ и уже разрушенную типографію, привезенную Ивановомъ, была греко-латинская академія. Почва здѣсь всосала культуру, которой не знала Москва.

III.

Начиная съ этого времени, Москва получила возможность уйти изъ Азіи и, не переходя границы, войти въ Европу.

Выгнанный враждебной партіей изъ Кремля, выброшенный, такъ сказать, на улицу, Петръ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія возвращаться въ обиталище предковъ. Недалеко отъ него онъ нашель другой, болѣе притягательный, центръ.

Чтобы искоренить буйный духъ непокорнаго, свободолюбиваго Новгорода, Иванъ рѣшилъ измѣнить составъ его населенія. Десять тысячъ семей было выселено. Въ Россіи хранили секретъ подобныхъ правительственныхъ переворотовъ, возмущающихъ истинную гуманность. Выселенные новгородцы были отправлены въ Москву, а на ихъ мѣсто прислали столько же вѣрныхъ, покорныхъ и наказанныхъ за свою покорность—москвичей. Находившіеся среди переселенцевъ ганзейскіе купцы образовали на берегу Москвы-рѣки первое ядро иностранной колоніи.

Вскорѣ оказалось, однако, что присутствіе иностранцевъ оскверняетъ столицу. Мѣстный патриотизмъ сдѣлалъ Москву святымъ городомъ. Все княжество раздѣляло это блажное утвержденіе. За чертой города, въ сѣверо-западной части нынѣшней Москвы, между Покровской и Басманной, образо-

вадось нѣчто въ родѣ средневѣковаго гетто: на грязныхъ берегахъ узкаго притока Москвы-рѣки, Яузы, поселились „нѣмцы“,—*нѣмцы*, не знающіе языка страны, люди. Первымъ поселенцамъ, ганзейскимъ купцамъ жилось неважно: въ шестнадцатомъ вѣкѣ царь Василій составилъ себѣ стражу изъ живущихъ тамъ нѣмцевъ, литовцевъ и поляковъ. Преемники Василя, кромѣ солдатъ, брали изъ среды иностранцевъ ремесленниковъ, артистовъ и, позднѣе, школьныхъ учителей.

Въ интересной книгѣ Аделунга имѣется эстампъ, дающій представленіе о первоначальномъ видѣ слободы, въ которой скучились изгнанные постоянными суровыми постановленіями переселенцы. Это деревня, съ деревянными, изъ нетесанныхъ бревенъ, постройками, съ обширными огородами около жилищъ. Этотъ видъ, такъ же какъ и составъ населенія, быстро измѣнился. При Алексѣѣ „Нѣмецкая слобода“ была нѣмецкой только по-имени: кличка „нѣмецъ“ осталась какъ воспоминаніе о ея первыхъ обитателяхъ—германцахъ. Главную часть населенія составляли англичане и шотландцы. Благодаря проскрипціямъ Кромвеля, въ слободѣ встрѣчались люди съ именами Друммондъ, Гамильтонъ, Дальціель, Грахамъ, Лесли, позднѣе, Гордонъ. Французовъ еще не было: ихъ—католиковъ и янсенистовъ—боялись. Исключеніе составляли якобинцы—они были бѣглецами и казались безопасными. Позднѣе, послѣ отмѣны Нантскаго эдикта такое же довѣріе заслужили подданные христіаннѣйшаго короля. Якобинцы составляли обособленную группу, не занимавшуюся ни торговлей, ни промышленностью; несмотря на это, они сильно способствовали развитію зарождающагося благосостоянія слободы. Ихъ образованность и чувство собственнаго достоинства импонировали москвичамъ, знакомымъ до тѣхъ поръ лишь съ солдатскими правами нѣмецкихъ рейтеровъ.

Кромѣ этой, такъ сказать, аристократіи, въ слободѣ существовалъ рабочій классъ: промышленники, купцы, лѣкаря, аптекаря, артисты, учителя. Въ ихъ средѣ преобладалъ голландскій элементъ. Нѣмцы и голландцы соединяли въ себѣ всѣ добродѣтели своего племени. Они были предприимчивы и настойчивы, любили семейный очагъ, стремились къ созда-

нію идеальнаго порядка и общественнаго благополучія, къ внутреннему миру и плодотворной работѣ. У нѣмцевъ было два лютеранскихъ пастора, у голландцевъ пасторъ-кальвинистъ: религіозная распря прекратилась въ странѣ „варваровъ“. Свобода совѣсти была объявлена въ слободѣ для всѣхъ, кромѣ католиковъ:—имъ запрещалось имѣть священника. Школъ было очень много. Шотландецъ Патрикъ Гордонъ увлекался успѣхами Лондонскаго Королевскаго Общества. Англійскія дамы пудами выписывали романы и поэтическія произведенія національныхъ писателей. Поддерживалась дѣятельная переписка съ Европой. Изрѣдка устраивались скромныя, благопристойныя развлечения; въ самыя веселыя минуты въ нѣмецкихъ собраніяхъ танцевали „Грос-фатеръ“. Царь Алексѣй посѣщалъ театр, находившійся въ слободѣ.

„Орфей“ заслужилъ нѣсколько милостивыхъ словъ. Политика играла важную роль въ жизни колоніи. Члены дипломатическаго корпуса: англійскіе, голландскіе, датскіе, шведскіе резиденты являлись представителями интересовъ протестантскихъ государствъ.

Богатый, образованный, осторожный и ловкій Ванъ-Келлеръ (голландскій резидентъ) завоевалъ себѣ исключительное положеніе, передъ которымъ преклонялись даже москвичи... Каждые восемь дней онъ посылалъ курьера въ Гаагу (la Haga) и узнавалъ всѣ западныя новости. Отголоски великихъ событій, рѣшающихъ политическія судьбы Европы, волновали слободу *).

Слобода произвела очень пріятное впечатлѣніе на нѣмецкаго путешественника Таннера, посѣтившаго ее въ 1678 г. *). Она совершенно преобразилась: онъ увидѣлъ кирпичныя, удобные дома, окруженные цвѣтниками, улицы, обсаженные правильными рядами деревьевъ, фонтаны на площадяхъ. Слобода поражала своимъ контрастомъ съ русскими городами того времени, не исключая и Москвы.

*) Vulliemin, L'apres Posselt Revue Suisse, t. XXIX, 325. Bruner, Culturhistorische Studien. Riga 1878.

**) Tamur, Legatio Polono Lifhuanica Moscoviam. Nurenberg 1689, стр. 71 и сл.

Этотъ контрастъ не ускользнулъ отъ Петра.

Несмотря на польское вліяніе, несмотря на сосѣдство слободы, которая, такъ сказать, представляла Европу у дверей столицы,—Москва въ цѣломъ оставалась такой, какой сдѣлало ее трехвѣковое азіатское рабство.

Но признаки сношеній съ умственнымъ міромъ Запада все же существовали.

Появились люди, сбросившіе въ прямомъ и переносномъ смыслѣ смѣшное византійско-татарское одѣяніе. Прояснились мысли, намѣчалась программа реформъ болѣе широкая, какъ оказалось впоследствии, чѣмъ та, которую проводилъ Петръ *). Занималась заря новой жизни. Но рождающійся свѣтъ проникалъ лишь въ немногіе избранные умы. Правда, царь Алексѣй не выкалывалъ глазъ артистамъ, какъ дѣлалъ царь Иванъ, желая помѣшать имъ исполнять въ другомъ мѣстѣ свои шедевры; но царь Михаилъ, убѣждая знаменитаго Ольшлегера (Olearius) поступить къ нему на службу, приказалъ утопить колдуна. Дворъ былъ возмущенъ, въ городѣ вспыхнулъ бунтъ. Одинъ иностранецъ, пригласивъ къ обѣду знатныхъ вельможъ, съ удивленіемъ замѣтилъ, что они съ жадностью истребляютъ кушанья и наполняютъ ими свои карманы **).

Въ Кремлѣ ничто не измѣнилось послѣ ухода поляковъ и самозванцевъ. До своего изгнанія Петръ видѣлъ тамъ только лица своихъ приближенныхъ. По дорогѣ въ церковь и баню его окружалъ двойной рядъ карликовъ, несущихъ красный парчевый балдахинъ. Эта движущаяся тюрьма замѣняла другую, кремлевскую ***). Ребенокъ задыхался въ ней. Въ Преображенскомъ онъ ожилъ. Передъ нимъ открылся весь міръ, онъ получилъ свободу передвиженія.

*) Эта точка зрѣнія дала нѣкоторымъ историкамъ поводъ къ преувеличеніямъ. В. Ключевскій. Курсъ исторіи, читанный въ Московскомъ университетѣ, 1887—1889. Литографированный курсъ. Этимъ сообщеніемъ я обязанъ молодому русскому ученому Щукину, которому и приношу мою глубокую признательность.

***) Соловьевъ, т. 14, стр. 112.

****) Котошихинъ. Россія въ царствованіе Алексѣя. Спб. 1884. Стр. 19.

Однажды, бродя по берегамъ Яузы, онъ увидѣлъ Нѣмецкую слободу и не захотѣлъ уйти оттуда.

Но впереди его еще ждали тяжелыя минуты:—азиатскій режимъ готовилъ для него послѣднія испытанія.

IV.

Федоръ, старшій сынъ и наслѣдникъ Алексѣя, умеръ въ 1682 году, не оставивъ потомства. Кому достанется престолъ? Послѣ смерти послѣдняго изъ потомковъ Рюрика тронъ, почти всегда, овладѣвали путемъ насильственнаго переворота. Борисъ Годуновъ достигъ вершины власти, благодаря ряду убійствъ; Лжедмитрію помогли польскія сабли; Василій Шуйскій былъ ставленикомъ боярской партіи; Михаилъ Романовъ избранникомъ народа. Его династическія права были утверждены этимъ избраніемъ; но все же, говорить, что воцаренію Алексѣя, предшествовалъ призывъ къ голосованію.

Пятнадцатилѣтній Иванъ, сынъ Милославской, одинъ изъ двухъ младшихъ братьевъ Федора, былъ хворымъ, почти слѣпымъ полуидіотомъ. Въ донесеніи, посланномъ министрамъ Людовика XIV, сказано, что „молодой принцъ страдаетъ болѣзью вѣкъ, не позволяющей ему раскрывать глаза, безъ посторонней помощи“. Высшіе сановники единодушно отдали предпочтеніе пятилѣтнему сыну Нарышкиной. Они заявили, что несогласны исполнять обязанности сидѣлокъ. Они надѣялись, конечно, что продолжительное междоцарствіе, которое наступитъ благодаря возрасту второго брата, не дастъ власти уйти изъ ихъ рукъ. Ихъ планъ увлекъ бояръ, случайно, пахнудившихся у смертнаго одра Федора и патріарха Іохима, причащавшаго его. Въ Москвѣ, какъ и въ Польшѣ смерть главы государства отдавала временно власть въ руки главы церкви. Въ 1598 году патріархъ Іовъ укрѣпилъ побѣду Бориса. Законность отсутствовала тогда, также какъ и теперь. Рѣчь Патріарха, обращенная къ случайно собравшимся

въ Кремль офицерамъ и придворнымъ; быстрое, недолгое голосованіе; восторженные крики...

...*На Красномъ крыльцѣ*, передъ возбужденной толпой. привлеченной сюда событіями, волнуемыми дворецъ, появляются самозванные избиратели. Имя брошено въ эту толпу и все кончено.

— Въ Россіи есть царь... Имя его Петръ.

Ни слова объ Иванѣ, ни слова о поруганныхъ въ лицѣ его законахъ престолонаслѣдія. Это была неожиданная побѣда Нарышкиныхъ,—побѣда безъ битвы. Они обязаны этимъ неожиданности кризиса и быстротѣ развязки. Ихъ торжество продолжалось около мѣсяца. Побѣжденная партія снова начала борьбу. Поле битвы измѣнило свой видъ, благодаря неожиданному появленію новыхъ политическихъ дѣятелей: царевны Софьи и стрѣльцовъ *).

*) Сумароковъ. Первый стрѣлецкій бунтъ. Рига. 1772

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Царевна Софья.

I. Кремлевскій теремъ. Москва и Византія. Софья и Пульхерія. У постели умирающаго царя. Властолюбіе и любовь. Василій Голицынъ. II. Стрѣльцы. Величіе и паденіе. Солдаты и купцы. Предвѣстники и причины бунта. Народное движеніе. Софья и Голицынъ хотятъ воспользоваться волненіями для достиженія власти. Осажденный Кремль. Трехдневная рѣзня. Власть, подобранная въ крови. Паденіе Петра. Возведеніе на престолъ Ивана. Тронъ съ двумя сѣдалищами. Регентша. III. Регентъ. Идилія и супружеская драма. Мечты о будущемъ. Препятствіе. IV. Дѣтство Петра. Ссылка. На волѣ. Занятія и игры. Астролябія. Англійская шляпка. Солдаты и морякъ. Преображенскій лагерь и Переяславское озеро. Товарищи. Провозвѣстники реформъ. Армія, флотъ, зарождающееся общество. V. Юность. Женитьба. Евдокія Лопухина. Раннее вдовство. Возвращеніе къ прежнимъ развлеченіямъ. Захваченный теченіемъ. Дѣло увлекаетъ работника. Орудіе партіи. Аристократическая оппозиція, и Петръ во главѣ ея. Между двухъ культуръ. Европа римская и Европа протестанская. Выборъ. Приготовленіе къ борьбѣ. Кризисъ.

I.

Въ 1682 году въ живыхъ оставалось пять дочерей Алексѣя. Имя одной изъ нихъ—Софьи сохранилось въ исторіи. Она была дочерью Милославской. Ей шель двадцать шестой годъ. Нѣкоторые русскіе (во главѣ съ Сумарковымъ) и даже иностранные писатели восхищались ея красотой (Штраденбергъ, Перри, Strahlenberg, Perry). Правда, они ни разу не видали царевны. Свидѣтельство Ла Невиля (La Neuville), пользовавшагося этой привилегіей болѣе достовѣрно *).

*) Relation curieuse et nouvelle de la Moskavie. La Haye 1698 г. стр. 151.

Правда, оно нѣсколько портитъ исторію романа, связаннаго съ дѣтствомъ Петра. La Neuville говоритъ, что Софья обладала „Безформенной, чудовищной полноты фигурой, широкой, котлообразной головой, растительностью на лицѣ и страдала волчанкой“.

Малороссійскій историкъ Костомаровъ пробуетъ объяснить причину этого разногласія,—безобразная, по мнѣнію иностранцевъ Софья, могла казаться привлекательной москвичамъ своего времени. Полнота, до сихъ поръ, не считается недостаткомъ на востокѣ. Однако, упорное молчаніе наперсника Софьи монаха Медвѣдева, и настойчивое восхваленіе нравственныхъ качествъ царевны достаточно краснорѣчивы. Въ одномъ только сходятся всѣ, не исключая Ла-Невилля: Насколько талія царевны была широка, коротка и толста, настолько умъ ея былъ пронизателенъ, тонокъ и остръ. Она восприняла всѣ положенія Макиавелли, несмотря на то, что никогда не читала его произведеній.

До 1682 года, Софья вела, повидимому, обычную жизнь русскихъ дѣвушекъ того времени.

Кремлевскій теремъ ничѣмъ не отличался отъ всѣхъ остальныхъ. Одиночество, исполненіе сложныхъ религіозныхъ обрядовъ, частые посты. Посѣщали его лишь патріархъ и ближайшіе родственники. Медика приглашали только въ случаѣ тяжелаго заболѣванія. Передъ его приходомъ плотно закрывались ставни; ему разрѣшалось считать пульсъ больной черезъ покрывало. Во время выходовъ царевенъ и царицы въ церковь, непроницаемыя завѣси, красной парчи, скрывали ихъ отъ любопытныхъ взоровъ поданныхъ. Въ 1674 году молодые вельможи Бутурлинъ и Дашковъ, бродя въ одномъ изъ внутреннихъ дворовъ дворца, неожиданно, встрѣтили экипажъ царицы, отправлявшейся на богомолье въ монастырь. Этотъ случай чуть не стоилъ имъ головы. Они подверглись строжайшему допросу въ застѣнкѣ. Царевны не принимали участія въ празднествахъ, изрѣдка прерывавшихъ убійственно-однообразную жизнь остального двора, посвященную ежедневному исполненію строгихъ правилъ этикета. Онѣ появлялись лишь во время похоронъ и слѣдовали за гробомъ скрытыя непроницаемыми покрывалами. Народъ зналъ только ихъ имена, упоминаемыя

во время церковной службы. Онъ совсѣмъ не знали его. Онъ ничего не знали о жизни, кипящей за предѣлами тѣснаго круга, который обвела вокругъ нихъ судьба. Ихъ положеніе не позволяло имъ выйти замужъ за подданнаго; религія за-прещала стать женами иностранныхъ принцевъ. Онъ должны были отказаться отъ любви, брака и материнства. Таковъ былъ законъ.

Но всякій законъ можно обойти. Иначе Софья не могла бы сыграть роли, въ которой мы видимъ ее. Петръ былъ объявленъ царемъ 27-го апрѣля; 23-го числа слѣдующаго мѣсяца Стрѣлецкій бунтъ разрушилъ единство его власти и сдѣлалъ его соправителемъ Ивана. Всѣ свидѣтельства указываютъ на Софью, какъ на вдохновительницу и главную дѣятельницу этого переворота.

Кремлевскій теремъ находился подъ вліяніемъ византійскихъ идей, представлявшихъ историческую смѣсь аскетизма съ интригами, наполнявшими жизнь Имперіи.

У постели борющагося со смертью брата, Софья и ея сестры уподобились Пульхеріи, дочери Аркадіуса, вырвавшей власть у малолѣтняго Теодоза и правившей послѣ его смерти съ помощью Марсіена, начальника имперской гвардіи. Стремленіе расправить крылья въ желѣзной клѣткѣ, возмущеніе души и тѣла, мечты о свободѣ, о власти, о любви, существовали здѣсь, какъ и тамъ. Здѣсь, какъ и тамъ, эти неясныя волненія породили дворцовую революцію.

Кромѣ патріарха и своихъ ближайшихъ родственниковъ, энергичныхъ, но недалекихъ Милославскихъ, Софья видѣла въ Кремлѣ и другихъ мужчинъ.

Прикованному къ постели Федору необходимы были женскія заботы. Одинъ изъ его приближенныхъ проникъ, нарушивъ правила, въ теремъ, чтобы найти тамъ сидѣлку для больного. Его выборъ палъ на Софью.

Это былъ Василій Голицынъ.

Этотъ человѣкъ заслуживаетъ вниманія. Онъ составилъ эпоху въ исторіи Россіи и Петра. Работа, подготовившая умственную и моральную эволюцію, была сдѣлана имъ. Ея характеръ былъ опредѣленнѣе, чѣмъ работы Матвѣева. Значеніе ея преувеличиваютъ, но, несомнѣнно, что эта она предше-

ствовала появленію великаго реформатора и сдѣлала возможной его работу. Голицынъ олицетворяетъ избранное общество, о которомъ говорилось раньше, изъ среды котораго вышли Ординъ-Нащокинъ, Морозовъ, Патріархъ Никонъ,—люди уже во время предыдущихъ царствованій, возвѣщавшіе близость новыхъ временъ.

Въ продолженіи многихъ лѣтъ управляя страной, онъ принималъ участіе въ уничтоженіи мѣстничества,—поистинѣ азіатскаго обычая, запрещавашаго потомкамъ сидѣть за столомъ дальше отъ царя, „ниже“, чѣмъ сидѣли ихъ предки. Этотъ обычай, противный здравому смыслу и являлся неистощимымъ источникомъ ссоръ между боярами, ссоръ, отражающихся на дѣйствіяхъ правительства.

Голицынъ думалъ о созданіи правильной арміи. Невилль говоритъ, что его проекты реформъ были значительно шире, чѣмъ проекты, предложенные Петромъ: въ нихъ входило освобожденіе крестьянъ и падѣленіе ихъ землю, цивилизація Сибири и проведеніе тамъ почтовыхъ дорогъ. Отецъ Авриль, въ періодъ всемогущества регента, возвращавшійся въ Китай и посѣтившій Москву, отдалъ должное его свободомыслию. Бояре сходились съ нимъ въ ненависти къ католицизму *).

Голицынъ бѣгло говорилъ по латыни, хорошо писалъ. Онъ посѣщалъ Нѣмецкую слободу, и ея обитатели пользовались его довѣріемъ. Онъ приглашалъ къ столу шотландца Гордона и лѣчился у нѣмецкаго медика Влументроста. Грекъ Спафари, часто у него бывавшій и получившій, благодаря его содѣйствію видное мѣсто въ посольскомъ приказѣ, представлялъ собой совершенно новый типъ—космополита-пройдохи, дипломатическаго маклера, извѣздившаго Европу и побывавшаго въ Китаѣ. Онъ составлялъ проекты развитія судоходства на большихъ сибирскихъ рѣкахъ и переписывался съ амстердамскимъ бургомистромъ Витзеномъ.

Домъ, въ которомъ жилъ Голицынъ и внутри, и снаружи имѣлъ вполне европейскій видъ: высокія, прекрасно отдѣланныя комнаты, убранныя гобеленами, картины на стѣнахъ,

*) Voyage en divers paus de l'Europe. Парижъ, 1692. Стр. 314. Соловьевъ т. 14, стр. 97; Авриль, стр. 296.

огромныя зеркала. Онъ владѣлъ библіотекой, состоявшей, главнымъ образомъ, изъ латинскихъ, польскихъ и нѣмецкихъ книгъ. Позднѣе въ ней появилась рукопись серба Крыжанича, недгессы реформъ, вдохновлявшія, вѣроятно, Петра. Голицынъ построилъ въ Москвѣ три тысячи домовъ и соорудилъ первый каменный мостъ, по плану польскаго монаха. Онъ былъ страстнымъ другомъ Франціи и подарилъ своему сыну портретъ Людовика XIV-го. По мнѣнію Ла-Невилля, его паденіе, послѣдовавшее послѣ воцаренія Петра, было большой потерей для цивилизаціи. Правда, связь его съ тѣмъ, что онъ хотѣлъ уничтожить, была еще очень сильна. Онъ не былъ свободенъ отъ суевѣрій. Онъ приказалъ пытать крестьянина, заподозрѣннаго въ наущеніи порчи *). Его обвиняли въ томъ, что добившись при помощи притворнаго зелья благосклонности Софьи, онъ приказалъ сжечь человѣка, приготовившаго его **). Но вѣдь и Петръ не былъ свободенъ отъ нѣкоторыхъ слабостей.

Будущій соперникъ былъ его предтечей.

Родившемуся въ 1643 году Василю Васильевичу Голицыну было 38 лѣтъ. Болѣзнь Федора сблизила его съ Софьей. Онъ былъ женатъ и имѣлъ взрослыхъ дѣтей. вмѣстѣ съ нимъ у постели умирающаго появился Сильверстъ Медвѣдевъ, очень образованный для своего времени малороссъ-священникъ, монахъ-библіографъ и придворный поэтъ съ громадною эрудиціей и Хованскій, любимецъ Стрѣльцовъ. Образовалась группа политическихъ единомышленниковъ, члены которой уже раньше были знакомы со взглядами другъ друга. Медвѣдевъ былъ душой этой группы. Ближе всѣхъ къ Софьѣ стоялъ Голицынъ;— она любила его. Царевнѣ было двадцать пять лѣтъ, но ей можно было дать сорокъ, какъ утверждаетъ Ла-Невилль. Она обладала пылкимъ и страстнымъ темпераментомъ, но не жила еще. Теперь ея умъ и сердце проснулись. Съ безумной смѣлостью бросилась она въ водоворотъ жизни и отдалась подхватившей ее кипучей волнѣ. Она любила и искала власти. Она втянула въ борьбу человѣка, безъ любви котораго успѣхъ не далъ бы ей удовольшенія. Она толкнула его на путь, ведущій къ

* Желябужскій. Мемуары изд. Языкова, стр. 21.

**.) Устряловъ. Исторія Петра Перваго т. 2, стр. 48 и 344.

власти, которую хотѣла раздѣлить съ нимъ. Голицынъ казался робкимъ, недовѣрчивымъ, перѣшительнымъ, легко впадалъ въ замѣпательство и отчаяніе. Возможно, что онъ отступилъ бы, если бы не было Медвѣдева и Хованскаго. Медвѣдевъ воспламенялъ группу, заражалъ ея членовъ своей страстностью и жаждой борьбы; Хованскій предоставилъ ей необходимую, для ея замысловъ вооруженную силу—волнующійся стрѣлецкій полкъ.

II.

Стрѣльцы—созданіе Ивана Грознаго и его товарища по оружію, Адашева, имѣли позади короткое прошлое. Слава ихъ начинала меркнуть. Но они пользовались все же большими преимуществами.

Стрѣльцы были свободными людьми. Ремесло солдата переходило отъ отца къ сыну. Въ періодъ всеобщаго порабощенія, они образовали привелегированную военную касту, оцѣнивавшую свое значеніе гораздо выше, чѣмъ это было въ дѣйствительности. Государство кормило ихъ, одѣвало и платило имъ, даже въ мирное время, тогда какъ остальные, обязанные нести военную службу люди не получали ни копѣйки жалованья и жили на своихъ харчахъ даже во время войны.

Во главѣ стрѣлецкаго полка стоялъ именитый бояринъ.

Въ мирное время стрѣльцы несли полицейскую службу на улицахъ, составляли почетную стражу и исполняли обязанности пожарныхъ. Во время выѣздовъ царя они сопровождали его въ качествѣ стремянныхъ. Во время войны они составляли авангардъ и ядро войска.

Двадцать московскихъ полковъ по 800—1000 человекъ въ каждомъ носили различную форму. Были кафтаны красные, голубые, зеленые, съ широкими красными поясами. Сапоги

*) Устряловъ, т. 1, стр. 17 и сл. Бергъ, Царствованіе царя Федора. Спб. 1829, т. 2, стр. 36 и слѣд. Hermann Guschichte Russlando Gotha, 1846—1860. т. 4, стр. 1 и сл.

дѣлались изъ желтой кожи, бархатныя шапки оторачивались мѣхомъ. Число провинціальныхъ полковъ не было извѣстно точно.

Военное ремесло оставляло стрѣльцамъ много свободного времени и они занимались торговлей и промышленностью. Они не платили ни податей, ни налоговъ и потому быстро богатѣли. Зажиточные московскіе мѣщане часто просили о занесеніи ихъ въ списки полка. Имъ отказывали, такъ какъ полкъ представлялъ собой строго-замкнутую корпорацію.

Побѣдой надъ татарами Борисъ Годуновъ обязанъ стрѣльцамъ. Съ ихъ помощью царю Михаилу удалось захватить Марію Мнишекъ и Заруцкаго,—последняго ея приверженца. При Алексѣѣ они отняли Смоленскъ у поляковъ: при Ѳедорѣ защищали Чигиринъ отъ турокъ. Во время продолжительнаго внутренняго и внѣшняго кризиса, они, неизмѣнно, поддерживали законную власть. Съ ихъ помощью былъ разбит мятежный волжскій козакъ Разинъ. Но смутное время отразилось и на нихъ, и бросило въ ихъ ряды сѣмена неповиновенія. Праздная жизнь развратила стрѣльцовъ. Они, естественные защитники порядка, поддерживали сношенія съ недовольными всѣхъ видовъ и поднимали возстанія. Бунты были такъ часты, что съ ними почти примирились. Народъ возмущался развращенностью и жадностью чиновниковъ и происходившими въ ихъ средѣ злоупотребленіями. Со вступленіемъ на престолъ Петра разложеніе корпораціи пошло быстрѣе. Стрѣльцы, у которыхъ не было никакихъ причинъ для недовольства, которымъ жилось несравненно легче, чѣмъ остальному народу, были зачинщиками бунта. Разразившаяся гроза превратила посредственныхъ солдатъ и крикуновъ въ жестокихъ бандитовъ.

Тревожные признаки появились въ концѣ царствованія Ѳедора; въ полку, начальникомъ котораго былъ Семень Грибоѣдовъ, вспыхнулъ бунтъ;—полковника обвиняли въ лихоимствѣ. Онъ кралъ жалованье солдатъ и заставлялъ ихъ работать по воскресеньямъ:—они строили ему загородный домъ.

Власть, находившаяся въ рукахъ умирающаго и его малолѣтнихъ наслѣдниковъ, не сумѣла пресѣчь зло въ корнѣ. Зараза распространилась. Шестнадцать полковъ были охвачены бунтомъ въ тотъ моментъ, когда Нарышкины вернулись

къ власти. Растерявшись, они поспѣшили вернуть изъ ссылки Матвѣева, человѣка опытнаго, обладавшаго государственнымъ умомъ. Ожидая спасителя, они выдали возставшимъ ихъ начальниковъ. Полковники были поставлены на правезъ такъ, какъ это дѣлалось съ несостоятельными должниками. Ихъ били кнутомъ, въ присутствіи собравшихся полковъ; пытка продолжалась нѣсколько часовъ. Пытаемые остались въ живыхъ, но дисциплина умерла. Проснувшійся дикій звѣрь требовалъ жертвы, на которой онъ могъ бы испробовать силу своихъ когтей.

Софья и ея совѣтники указали ему на Нарышкиныхъ.

Возстаніе подготовлялось быстро и до цинизма откровенно. Дядя царевны, Иванъ Милославскій, котораго Петръ считалъ главнымъ инціаторомъ безчестнаго дѣла, и котораго до могли преслѣдовать жестокой стыдъ, агитировалъ, распространялъ ложные слухи, разжигалъ злобу народа. Пущень былъ слухъ, что царь Ѳеодоръ отравленъ Нарышкиными, что они преслѣдуютъ лишеннаго трона царевича—старшаго брата Петра. Говорили, что одинъ изъ нихъ расчитываетъ узурпировать власть. Нарышкиныхъ всюду преслѣдовали агенты Милославскихъ; среди нихъ попадались переодѣтыя женщины „стрѣльчихи“ (жены стрѣльцовъ).

Наперсница Софьи—Феодора Родиница,—бѣгала цѣлыми днями по улицамъ, инсинуировала, сѣяла злобу, раздавала деньги и обѣщанія.

Ждали возвращенія Матвѣева. Стрѣльцы сумѣли усыпить недовѣріе своего прежняго начальника; 11 мая 1682 г. двадцать полковъ поднесли ему хлѣбъ-соль. Это былъ „медъ на остріѣ ножа“, какъ выразился приговоренный къ смерти сынъ несчастнаго старика. Четыре дня спустя, утромъ, на зарѣ раздался набатъ; двадцать полковъ осадили Кремль. Стрѣльцы сняли свои форменные кафтаны; ихъ красныя рубахи и засученные до локтей рукава давали представленіе о работѣ, которую они должны были совершить въ это утро. Прежде чѣмъ опьянѣть отъ крови, они уже были пьяны отъ водки. Передъ тѣмъ какъ итти въ Кремль, они пили, кричали, размахивали аллебардами. Солдаты превратились въ карателей-палачей. Они вообразили, что Иванъ и Петръ убиты и хотѣли

отомстить ихъ смерть. Царь и царевичъ вышли на Красное крыльцо:—они были живы и невредимы.

Но обезумѣвшіе люди не слушали и не узнавали никого. Напрасно пытались ихъ успокоить.

„Смерть убійцамъ“,—кричали они.

Начальникъ стрѣлецкаго приказа, старикъ Долгорукій, вышелъ на крыльцо, призывая къ порядку бунтовщиковъ. Нѣсколько смѣльчаковъ схватили его и сбросили съ крыльца на поднятыя алебарды.

„Любо, любо“,—вопила толпа.

Рѣзня началась.

Она продолжалась три дня. Совѣтники и родные Натальи, Матвѣевъ и Нарышкины, раздѣлили судьбу Долгорукаго; напрасно пытались они спрятаться за оградой дворца, въ сосѣднихъ домахъ, въ церкви. Нѣкоторые изъ нихъ передъ смертью подверглись пыткамъ,—ихъ тащили по площади за волосы, били кнутомъ, жгли раскаленнымъ желѣзомъ.

Ударъ алебарды приканчивалъ ихъ мученья. Наталья употребила всѣ усилія, чтобы спасти своего любимаго брата Ивана. Онъ сдался добровольно, убѣжденный словами старика князя Одоевскаго. Цѣной его головы родные спасли свою жизнь. Стрѣльцы пощадили ихъ. Иванъ вышелъ изъ Кремлевской церкви, держа въ рукахъ образъ, казавшійся ему лучшей защитой. Икону вырвали у него изъ рукъ и онъ потонулъ въ морѣ ярости и крови, подступившемъ къ стѣнамъ древняго дворца.

Потокъ бушевалъ по всему городу; въ его водоворотѣ гибли частные дома и правительственныя зданія. Обезумѣвшіе, въ поискахъ участниковъ воображаемаго преступленія, люди убивали и грабили. Вожаки направили толпу въ государственный архивъ: рѣзнѣ нужно было предать характеръ народнаго движенія. Говорятъ, что мятежники искали документы, устанавливавшія крѣпостное право, чтобы уничтожить ихъ.

А Софья?.. Историки пытаются снять съ нея отвѣтственность за все, что произошло *). Они спорятъ противъ очевид-

*) Аристовъ. Московскій мятежъ во время регентства Софьи. Варшава, 1871.

ности. Ни разу еще не оправдывалось такъ блестяще положеніе: „Is fecit cui prodest“.

Въ эти страшные дни было много побѣжденныхъ. Побѣдительница была одна—Софья. Она держала въ рукахъ все движеніе; въ ея власти было остановить его. Театральный статистъ темнаго происхожденія Циклеръ могъ нѣсколькими словами убѣдить и заставить опомниться самыхъ озвѣрѣвшихъ изъ толпы. Послѣ кризиса Циклеръ сдѣлался однимъ изъ самыхъ близкихъ къ Софьѣ людей; важнѣйшія должности заняли ея родные и вчерашніе друзья. Она бросила имъ эту кость. Царевна отняла у Петра, все еще считавшагося царемъ, власть и, въ ожиданіи лучшихъ временъ, сдѣлалась регентшей.

Стрѣльцы получили по десяти рублей на брата;—царевна платила служившимъ ей людямъ. Имущество жертвъ, которое они рассчитывали присвоить, было назначено къ продажѣ, но привиллегія покупать его осталась за стрѣльцами. Они были еще нужны и ихъ ласкали. 23 мая стрѣльцы снова появились у Кремлевскихъ стѣнъ и потребовали, чтобы Петръ раздѣлилъ власть съ Иваномъ. Патріархъ и нѣкоторые бояре вспомнили о Фараонѣ и Юсифѣ, о Аркадіусѣ и Гоноріусѣ, о Василии и Константинѣ; они забыли только о томъ, какія воспоминанія оставило совмѣстное правленіе Михаила и Филарета. Произшли новыя волненія, новое подобіе избирательнаго собора. Тронъ съ двумя сѣдалищами былъ утвержденъ. Первымъ царемъ былъ объявленъ полудіотъ Иванъ.

Софья сбросила маску. Она устроила въ честь мятежниковъ празднество. Они держали чарки въ рукахъ еще красныхъ отъ крови.

Въ знакъ своей признательности они объявили царевну регентшей.

III.

Софья достигла вершины. Путь преступленій привелъ ее къ власти. Она наслаждалась прелестью могущества вмѣстѣ съ избранникомъ своего сердца. Ей повиновалось все.

Она хотѣла сдѣлать его властителемъ. Въ продолженіи семи

лѣтъ регентства истиннымъ повелителемъ и главой Россіи былъ Василій Голицынъ.

Его политическая честность и добродѣтели царевны имѣютъ достаточно защитниковъ. Документъ, оставленный Софьей, даетъ намъ возможность правильно освѣтить вопросъ.

Прошло пять лѣтъ. Софья правила въ Кремлѣ. Голицынъ вель въ Крыму неудачную войну. Кромѣ царевны никто не надѣялся на побѣду.

Онъ долженъ былъ скоро вернуться въ Москву и увидѣться съ нею, и она писала ему:

„Свѣтъ мой батюшка, надежда моя, здравствуй на многія лѣта. Зѣло мнѣ сей день радостенъ, что Господь Богъ прославилъ имя свое святое также и матери своей пресвятыя Богородицы надъ вами свѣте мой чего отъ вѣка не слыхано ни отцы наша повѣдаша намъ такова милосердія Божія не хуже Израилтескихъ людей васъ Богъ извелъ изъ земли Египецкія тогда чрезъ Моисея угодника своего, такъ нонѣ чрезъ тебя душа моя слава Богу нашему помиловавшему насъ чрезъ тебе. Батюшка мой, платить за такіе твои труды несчетные радость моя свѣтъ очей моихъ мнѣ вѣры не имѣтца сердце мое что тебя свѣтъ мой видѣть. Великъ бы мнѣ день той былъ когда ты душа моя ко мнѣ будешь если бы мнѣ возможно было я бы единымъ днемъ тебя поставила предъ собой. Письма твои вручены Богу и къ намъ всѣ дошли въ цѣлости изъ подъ Перекопу изъ Каирки чрезъ Сеунтшиковъ и съ Московки всѣ приходили въ примѣтныя времена изъ подъ Перекопу пришли отписки въ пятокъ іа числа. Я брела пѣша изъ Воздвиженскова только подхожу къ монастырю Сергія чудотворца къ самымъ святымъ воротамъ, а отъ васъ отписки о бояхъ: я не помню какъ взшла чла идучи не вѣдаю чѣмъ его свѣта благодарить за такую милость его и мать его пресвятую Богородицу и преподобнаго Сергія чудотворца милостиваго.

„Сеунщикъ къ намъ еще Змеовъ не бывалъ что ты батюшка мой пишешь о посылки въ монастыри все то исполнила по всѣмъ монастырямъ бродила сама пѣша а со отпускомъ пошлю къ вамъ вскорѣ Василя Нарбекова а золотыя не поспѣли не покручиньтеса за тѣмъ васъ держать жаль тот-

часъ поспѣють тотчасъ пришло а деньги собираю стрѣльцамъ готовы тотчасъ беру тотчасъ пришло скажи имъ будутъ присланы а радѣнья твои душа моя дѣломъ оказуетца.

„Почты отъ насъ свѣтъ мой посланы три четвертой Шошинъ порады батюшка мой чтобъ его окупить или на размѣну отдать что пишешь батюшка мой чтобъ я помолилася: Богъ свѣтъ мой вѣдаетъ какъ желаю тебя душа моя видѣтъ и надѣюся на милосердіе Божіе велитъ мнѣ тебя видѣтъ надежда моя какъ самъ пишешь о ратныхъ людяхъ такъ и учини а Борису не побыть ли въ Бѣлгородѣ; также Овраму сверхъ того какъ ты радость моя изволишь, ая батюшка мой здорова аще дастъ Богъ увижу тебя свѣтъ мой о всемъ своемъ житьѣ скажу а вы свѣтъ мой не стойте подите помалу и такъ вы утрудилися. Чѣмъ вамъ платить за такую нужную службу наипаче всѣхъ твои свѣта моего труды еслибъ ты такъ не трудился ни тобъ такъ не сдѣлалъ.

Софья *).

Если это письмо и не совсѣмъ въ стилѣ писемъ героинь м-ль Скюдери, то во всякомъ случаѣ оно не менѣе убѣдительно. Софья, если вѣрить Ла-Невиллю, не задумалась бы наградить своего героя постольку, поскольку она считала его достойнымъ награды. Ей мѣшало препятствіе, стоявшее на пути ея стремленій. Этимъ препятствіемъ была супруга Голицына. Къ несчастью, герой отказался принять мѣры, необходимыя для ея удаленія. Онъ сдѣлалъ это, такъ какъ былъ „честнымъ человѣкомъ“, и былъ обязанъ ей своимъ состояніемъ, и имѣлъ отъ нея дѣтей, которыхъ любилъ больше, чѣмъ дѣтей царевны“. „Но“,—продолжаетъ хроникеръ,—„хитра, какъ всѣ женщины, Софья уговорила его (Голицына) убѣдить жену принять иноческій санъ. Тогда онъ могъ бы жениться снова, такъ какъ религія московитовъ, извиняя мужу силу его темперамента и принимая во вниманіе невозможность для него вести безбрачную жизнь,—разрѣшала это. Когда добрая жен-

*) Письмо это опубликовано Устряловымъ т. I, стр. 383.

Прим. переводчика: Письмо списано съ русскаго текста. Остается орфографія подлинника.

щина согласилась, Софья не сомнѣвалась больше въ успѣхъ своихъ замысловъ“ *).

Она не приняла въ расчетъ еще одного препятствія, которое, неожиданно, появилось на пути осуществленія ея величайшихъ желаній.

IV.

Сынъ Натальи Нарышкиной игралъ пассивную роль во время этихъ ужасныхъ волненій, колебавшихъ на его юной головѣ тяжелую корону Ивана Грознаго. Легенды говорятъ, правда, что онъ поражалъ всѣхъ своей недѣтской храбростью, что убійцы не выдерживали силы его огненнаго взгляда. Говорятъ, что съ дѣтства проявляемая имъ твердость духа, заставляла забывать о подвигахъ Пика-де-Мирандоль.

Мы слышали, что въ три года онъ командовалъ полкомъ и подавалъ рапорты своему отцу; въ одиннадцать—углублялся подъ руководствомъ шотландца Menzies, въ изученіе тонкостей военнаго искусства, и относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ высказывалъ свой собственный, совершенно новый взглядъ. Я очень уважаю легенды, но иногда считаю необходимымъ спорить съ ними. Все, что они рассказываютъ о Петрѣ, невѣрно. Физическое и моральное развитіе будущаго великаго человѣка шло замедленнымъ ходомъ. Будущій гигантъ съ трудомъ сталъ на ноги. Въ три года онъ питался еще молокомъ кормилицы, въ одиннадцать не умѣлъ ни читать, ни писать.

Исторія о ребенкѣ—командирѣ и о Петровскомъ полкѣ, на которой съ любовью останавливаются историки и о которой упоминается въ довольно интересныхъ работахъ, — вымыселъ **). Болѣе того, и позднѣе Петръ ни разу не доказалъ истинной храбрости; онъ былъ слишкомъ нервень, слишкомъ впечатлителенъ. Его первыя выступленія на міровой сценѣ не представляютъ ничего героическаго; а между тѣмъ, всемъ

*) Депеша французскаго агента ла-Ви, отъ 1-го ноября 1781 г. (Министер. иностр. дѣлъ Франціи).

***) Забѣлинь, Дѣтство Петра Великаго. Москва.

міру суждено было услышать о его подвигахъ. Мужество такъ же какъ и знанія, пришли къ нему гораздо позднѣе; усилія воли и испытанія закалили его. Жестокія испытанія и ужасы, обрушившіеся на него въ дѣтствѣ, оставили неизгладимый слѣдъ на его характерѣ. Малѣйшее волненіе потрясло его морально и физически; онъ инстинктивно отступалъ передъ опасностью; онъ легко приходилъ въ ужасъ и терялъ самообладаніе.

Усиліемъ воли Петру удалось обуздать свой нравъ; но измѣнить его онъ не могъ. Онъ остался робкимъ на всю жизнь, робкимъ и потому жестокимъ. Непроизвольная жестокость Петра не походила на сознательную, расчетливую жестокость Наполеона. Порой ни воля, ни разумъ не могли справиться съ ней. Перенесенныя нервныя потрясенія искалѣчили его: болѣзненная судорога кривила его надменное, суровое лицо и придавала ему ужасное выраженіе. Говорили, что это было послѣдствіемъ покушенія на его жизнь. Безразличныя причины, — важенъ существующій фактъ. Стрѣльцы отравили кровь бѣднаго ребенка, заставивъ его маленькія ножки скользить въ крови его родныхъ.

Онъ боялся такъ же, какъ всякій ребенокъ боялся бы на его мѣстѣ. Спрятавшись подъ материнской юбкой, онъ безъ сожалѣнія покинулъ мрачный, полный ужасныхъ видѣній дворецъ. Побѣда Софьи заставила его и его родныхъ отправиться въ ссылку; они стояли почти внѣ закона и, къ счастью, внѣ общихъ правилъ. Для десятилѣтняго повелителя ссылка казалась мѣстомъ, гдѣ можно свободно бѣгать, дышать свѣжимъ воздухомъ, набираться здоровья и ума. Ссылка, это — свобода.

Она была ему полезна.

Въ дни большихъ церемоній, Петръ появлялся въ Кремлѣ, и онъ сидѣлъ на одномъ изъ сѣдалищъ трона, который можно видѣть теперь въ музеѣ.

Исполнивъ эту повинность, онъ возвращался въ Преображенское и, не стѣсняемый правилами этикета, проводилъ тамъ остатокъ времени. Его мать предоставила ему полную свободу. Шотландскія замашки Натальи Нарышкиной шокировали Кремль. Она осмѣлилась однажды приподнять занавѣсъ, за-

крывавшую окно ея кареты. Со временемъ Петръ сорвалъ эту занавѣсь. Наслѣдственность со стороны матери заставляла мальчика стремиться къ центру, въ которомъ сосредоточивалась европейская культура. Вліяніе греко-польско-латинской школы не коснулись его. Представители этой школы принадлежали къ партіи Софьи; главой ея былъ Медвѣдевъ. Наставникомъ Петра былъ Зотовъ; ему пришлось бѣжать; замѣститель не былъ найденъ. Предоставленный самому себѣ, ребенокъ нашель учителей по своему вкусу; его инстинктивно тянуло къ иностранцамъ. Онъ узналъ отъ нихъ много интересныхъ вещей, почти не имѣющихъ, правда, отношенія къ военному искусству.

Петръ обладалъ слишкомъ практическимъ, слишкомъ мѣщанскимъ, сказалъ бы я, умомъ и потому не могъ быть хорошимъ солдатомъ. Рассказываютъ, что онъ проводилъ долгіе часы въ О р у ж е й н о й п а л а т ѣ;—но, вѣдь, въ семнадцатомъ вѣкѣ московскій арсеналь напоминалъ восточный базаръ скорѣе, чѣмъ оружейный складъ; Петръ искалъ тамъ часы; ему хотѣлось разсмотрѣть устройство ихъ механизма; его интересовали земледѣльческія орудія; онъ спрашивалъ о способахъ ихъ употребленія. Историки часто преувеличиваютъ значеніе этой дѣтской любознательности *). Всякій, не глупый, конечно, и одаренный ребенокъ, выбитый изъ колеи обычныхъ занятій и предоставленный самому себѣ, стремится удовлетворить требованія своего пробуждающагося ума; его интересуется все, что онъ видитъ вокругъ себя.

Одинъ изъ дипломатовъ, въ письмѣ, адресованномъ въ Лейпцигъ, назвалъ Петра самоучкой **). Отсюда вовсе не слѣдуетъ, что Петръ былъ выдающимся ученикомъ. Въ шестнадцать лѣтъ онъ зналъ только два первыхъ правила ариѳметики; его почеркъ плохъ, тетради пестрятъ орфографическими ошибками. Правда, учитель его, голландецъ, Францъ Тиммерманъ, самъ не безъ труда справлялся съ умноженіемъ четырехзначныхъ чиселъ. Во время уроковъ, ариѳметическія

*) Аристовъ. Воспитаніе Петра Перваго. Русскій архивъ, 1775, т. 2, стр. 480. Погодинъ. Первые годы Петра Великаго. Москва, 1875, стр. 17 и сл.

**) В. Баронъ Урбихъ, 16 н. 1707.

задачи чередовались съ теоремами описательной геометріи *).

Методы систематическаго школьнаго преподаванія, къ которымъ мы привыкли, возстають противъ подобнаго безпорядочнаго развитія способностей ребенка. Умственное развитіе—произвольно. Уклоненіе съ пути постепеннаго правильнаго развитія свойственно натурамъ менѣе уравновѣшеннымъ, менѣе способнымъ подчиняться правилу.

Случайно Петра заинтересовали предметы, мало увлекательные для очень юныхъ умовъ. Въ 1696 году онъ услышалъ объ удивительномъ инструментѣ, привезенномъ княземъ Яковымъ Долгорукимъ изъ-за границы. Говорили, что съ его помощью можно, не сходя съ мѣста, измѣрять какія угодно разстоянія. Въ Оружейной палатѣ не было ничего подобнаго. Петръ умолялъ принести ему астролябію. Долгорукій вернулся съ пустыми руками: инструментъ исчезъ; вѣроятно, его украли. Къ счастью, князь скоро снова отправился въ удивительныя, полныя чудесъ страны.

Софья и Голицыны послали его просить у Людовика XIV помощь противъ турокъ.

Приемъ, оказанный посланнику христіаннѣйшимъ королемъ, не былъ неожиданностью. Астролябія была куплена. Петръ смутился, получивъ ее; онъ не зналъ, какъ обращаться съ нею; кто-то сказалъ ему о Тиммерманѣ; плотникъ, строившій дома въ Нѣмецкой слободѣ, сдѣлался преподавателемъ математики въ Преображенскомъ.

У Петра не было ни времени, ни желанія, ни возможности уйти съ такимъ учителемъ далеко въ этой отрасли знанія. Обычная, присущая дѣтямъ, любознательность заставляла его интересоваться астролябіей. Формы, въ которыхъ выразился этотъ обычный дѣтскій зудъ, указываютъ, какъ на особенности характера и нѣкоторую серьезность, такъ и на обстановку, подъ вліяніемъ которой находился юный умъ. Въ средѣ, гдѣ вращался ребенокъ, вещи наиболѣе интересныя, сильнѣй дру-

*) Устряловъ, т. 2, стр. 493. Кабинетъ Петра Перваго. Имперскіе архивы, с. 1, книга 38.

гихъ притягивавшія его, ищущій новыхъ впечатлѣній умъ, были въ то же время, самыми поучительными и самыми интересными вещами. Ихъ создавалъ новый чудесный міръ, съ которыми соприкасалась эта среда.

Легендарные рассказы о томъ, что будущій реформаторъ уже въ десять или въ шестнадцать лѣтъ понималъ, какія преимущества получить Россія, если повелитель ея на практикѣ изучитъ четырнадцать ремесль, не соответствующую истинѣ; это священное число выдуманно; четырнадцати ремесль Петръ никогда не зналъ; онъ изучалъ, правда, нѣкоторыя изъ нихъ; былъ токаремъ, былъ зубодеромъ. Обладая разностороннимъ умомъ и чрезвычайной воспримчивостью, онъ разбрасывался и оставался поверхностнымъ, хотя и старался избѣжать этого. Позднѣе, слѣдуя совѣту своихъ вельможъ и подавляя силою разсудка свои природныя склонности, онъ увидѣлъ, что недостаточно говорить лѣнивому, невѣжественному, неумѣлому народу: дѣлайте то-то и то-то, двигайтесь, учитесь. Необходимъ былъ примѣръ.

Благодаря своему характеру и вкусамъ, отчасти инстинктивно, отчасти подъ давленіемъ окружающей атмосферы, онъ продолжалъ собирать обрывки случайныхъ знаній. Какъ всѣмъ дѣтямъ, ему хотѣлось все знать.

Окружающія условія помогли ему найти вѣрную дорогу; идя по ней, онъ сдѣлался и работникомъ, и хозяиномъ, и папашель неистощимый источникъ пользы и радости для себя и для своей страны. Всѣмъ извѣстна, конечно, распространенная и пріукрашенная исторія о старой англійской шляпкѣ, найденной въ селѣ Измайловѣ, на складѣ ненужныхъ вещей, принадлежавшихъ дядѣ юнаго героя, Никитѣ Ивановичу Романову. Петръ чувствовалъ, если вѣрить хитросплетенной легендѣ, такое отвращеніе къ водѣ, что дрожалъ и блѣднѣлъ при видѣ ручья. Можетъ быть, это лишь символическое изображеніе трудности, которую пришлось преодолѣть властителю огромнѣйшаго въ мірѣ контингента, чтобы вступить въ сношенія съ далекой и чуждой безбрежной стихіей. Петръ далъ Россіи флотъ раньше, чѣмъ далъ ей море. Это даетъ представленіе о поспѣшности, парадоксальности и ненормальности его работы. Старая, полусгнившая шляпка привлекла вниманіе ре-

бенка, заставила его преодолѣть отвращеніе къ водѣ и сдѣлало призваніе моряка—его призваніемъ.

Никто не объясняетъ достаточно удовлетворительно, какимъ образомъ попалъ этотъ яликъ въ подмосковную деревню, въ центръ закрытаго материка.

Позднѣе, рѣшивъ строить корабельную верфь въ сотнѣ верстъ отъ Москвы, Петръ пошелъ по уже проложенному, пути; онъ создалъ нелѣпость:—флотъ безъ моря; но это не была его идея. Мы увидимъ, что за всю свою жизнь онъ ничего не выдумалъ самъ; цѣлый рядъ его предпріятій докажутъ это.

При царѣ Алексѣѣ уже была выстроена, съ помощью иностранныхъ плотниковъ, на берегахъ Оки, въ Дѣдиновѣ, яхта Орель; Страйсъ (Struys) подробно рассказываетъ о ней въ своихъ Путешествіяхъ *).

Неясная еще мысль носилась въ воздухѣ; чувствовалась близость ея осуществленія. Измайловская лодка, такъ же какъ и астроялія, показалась сначала Петру таинственной и непонятной. Крестьяне видѣли когда-то, какъ это судно ходило противъ вѣтра. Новое чудо! Лодка была сейчасъ же спущена въ сосѣдній прудъ. Но какъ управлять ею? Тиммерманъ не зналъ этого. Къ счастью, часть работавшихъ въ Дѣдиновѣ голландцевъ жила еще въ слободѣ. Петръ приобрѣлъ двухъ новыхъ учителей: Карштенбрандта и Корта. По ихъ совѣту онъ переправилъ лодку на Переяславское озеро; огромное водное пространство открылось передъ нимъ. Онъ съ восторгомъ отдался новому увлеченію.

Въ общемъ онъ бездѣльничалъ. Онъ приобрѣлъ, правда, нѣсколько полезныхъ свѣдѣній; за то усвоенныя имъ склонности и привычки были ужасны. Онъ приобрѣлъ здоровье и силу, стальные мускулы и на рѣдкость крѣпкій организмъ, на которомъ все же не могъ не отразиться первоначальный надломъ нервной системы.

Это не помѣшало его уму стать сильнымъ, смѣлымъ и гибкимъ.

Онъ нашелъ себѣ друзей среди многочисленной челяди,

окружавшей его, среди маленьких конюховъ, сопровождавшихъ его въ постоянныхъ скитаніяхъ; они вмѣстѣ повѣсничали на улицахъ, вмѣстѣ скакали на неосѣдланныхъ лошадахъ.

Петра часто изображаютъ играющимъ съ ними въ солдаты; конечно, онъ всегда командуетъ. Онъ идетъ во главѣ полка. Изъ дѣтской игры вырастаетъ грандіозное созданіе— русская армія. Двойная исходная точка: игра въ матросы на Переяславскомъ озерѣ и игра въ солдатики въ Преображенскомъ,—привела къ двойному результату: завоеванію Балтики и Полтавской битвѣ.

Чтобы совершить этотъ переходъ недостаточно было стать изъ ребенка мужчиной, недостаточно было быть исключительной, какъ намъ говорить, личностью.

Индивидуальный геній не былъ въ состояніи совершить это. Ему необходима была помощь огромныхъ общественныхъ силъ; они были давно готовы и, въ бездѣйствіи, ждали благоприятнаго часа и человѣка, способнаго оцѣнить ихъ. Часъ пробилъ; человѣкъ пришелъ. Онъ заставилъ ихъ дѣйствовать и служилъ имъ такъ же, какъ они служили ему; его создала ихъ скрытая энергія; они породили его и, благодаря имъ, онъ сталъ великимъ.

Петръ создалъ не только армію и флотъ; беспорядочныя связи и предпріятія пылаго юноши положили начало новому обществу. Старинная московская знать склонилась передъ его дерзкими товарищами,—выходцами изъ кухни и конюшенъ. Петръ превращалъ ихъ въ герцоговъ, князей и маршаловъ. Онъ снова шелъ по протоптанному пути, подражая предкамъ до татарской эпохи, начальникамъ дружинъ, которые работали и пили съ „другами“, и отказывались перейти въ магметанство, потому что „пить, это—радость русскихъ“.

Петръ позднѣе былъ хорошимъ товарищемъ и веселымъ собутыльникомъ; общество людей, вышедшихъ изъ народныхъ низовъ, наложило на него неприятный, съ извѣстной точки зрѣнія, отпечатокъ. Его работа и передѣланная имъ, по своему, національная жизнь, также приобрѣли его.

Народные нравы, предшествовавшей его царствованію эпохи, находятъ страстныхъ защитниковъ. Восхваленіе лич-

ности великаго реформатора, какъ человѣка, слишкомъ рискованно. На улицѣ, среди общества дореформенной страны, Петръ приобрѣлъ отвратительныя привычки и гнусные пороки; онъ пропитался запахомъ кабака и сталъ циникомъ; онъ былъ неправъ, не желая измѣнять свои вкусы и, требуя, чтобы его народъ также усвоилъ ихъ.

V.

Царица Наталья слишкомъ поздно, казалось, поняла какую опасность представляютъ для ея сына его знакомства. Ея личныя знакомства, немного лучше выбранныя, совершенно поглощали ее. Появленіе потѣшныхъ полковъ относится къ 1682 году, и это обстоятельство не позволяетъ придать серьезное значеніе ихъ первому выступленію: въ 1682 году Петру было 10 лѣтъ. Но въ 1687 году военныя игры молодого царя уже привлекли всеобщее вниманіе. Въ крѣпости, сооруженной въ Преображенскомъ, на берегу Яузы, имѣлась пушка! Черезъ годъ Петръ нашелъ англійскую шляпку и, уѣхавъ въ Переяславль, ускользнулъ совершенно изъ-подъ паблюденія матери. Разсказываютъ, что онъ не разъ рисковалъ жизнью, такъ какъ во время его упражненій нерѣдко случались несчастія. Чтобы положить этому конецъ, Наталья рѣшила пустить въ ходъ наивѣрнѣйшій способъ. „Женится—переменится“,—говоритъ русская пословица. Она нашла невѣсту своему сыну. Петръ не протестовалъ. Въ противоположность своему будущему сопернику Карлу XII, онъ не презиралъ прекраснаго пола и не былъ къ нему равнодушенъ. 27 января 1689 года, онъ повелъ къ алтарю Евдокію Лопухину, дочь именитаго боярина. Онъ, однако, не оправдалъ пословицы. Черезъ три мѣсяца онъ бросилъ жену и уѣхалъ на Переяславское озеро; Евдокія была обречена на вѣчное вдовство. Навигация не только нравилась царю, она сдѣлалась его страстью. Неясная наслѣдственность, духъ далекихъ Варяговъ просыпался въ его душѣ; онъ никогда не видѣлъ моря и мечталъ о немъ; онъ хотѣлъ, во что-бы то ни стало, достигнуть его. Петръ и на этотъ разъ не отступилъ отъ тра-

дидій. Всѣ войны его предшественниковъ преслѣдовали всегда одну цѣль: достигнуть моря или на сѣверо-западѣ, оттѣснить Поляковъ и Шведовъ, или на юго-востокѣ, отодвинувъ Турокъ.

Петръ не забывалъ, однако, своихъ конюховъ; онъ обдумывалъ уже различныя военныя комбинаціи, въ которыхъ должны были принять участіе и морскія и сухопутныя силы. Эти силы росли вмѣстѣ съ юношей, который обладалъ уже ростомъ гиганта. Игрушка стала почти арміей. Въ сентябрѣ 1688 года, молодой царь потребовалъ для своихъ военныхъ игръ всѣ барабаны и всѣ трубы Стрѣлецкаго полка; въ ноябрѣ, къ великому неудовольствію князя Василя Голицына онъ увезъ двѣ трети наличности другого полка и взялъ изъ склада Конюшеннаго Приказа лошадей, необходимыхъ для перевозки потѣшной артиллеріи. Въ Преображенскомъ было устроено нѣчто въ родѣ рекрутскаго присутствія; теперь въ потѣшныя полки поступали не только колюхи и поварята. Среди рекрутовъ, записавшихся въ 1688 году были представители именитѣйшихъ московскихъ семей: Бутурлинъ и Голицынъ.

Присутствіе этихъ аристократовъ около царя, кажется нелѣпымъ; но исторія изобилуетъ подобными неожиданными. Не нашедшій еще вѣрной дороги, безсознательный дѣятель великаго политическаго и соціального возрожденія, сдѣлался орудіемъ партіи, преслѣдующей совершенно иную цѣль. Діаметрально противоположныя стремленія руководили временно его работой. Люди, окружавшіе будущаго Преобразователя, побудили его вступить въ борьбу изъ-за своихъ узурпированныхъ правъ; изъ среды этихъ же людей составился, впоследствии, кадръ самыхъ рѣшительныхъ противниковъ реформы.

Способы, которыми пользовались Милославскіе и Софья, чтобы захватить и укрѣпить власть,—т.-е. уничтоженіе мѣстничества и призывъ къ народному бунту,—сблизили ихъ съ низшими классами.

Естественно, что лишенная своихъ прерогативъ и оскорбленная нарушеніемъ вѣковыхъ традицій, знать сгруппировалась сначала около Матвѣева и Натальи, потомъ около

Петра. По мнѣнію тѣхъ, кто пришелъ помочь Петру выковать клинокъ и отточить лезвіе оружія, которымъ онъ игралъ, оружіе это должно было отомстить за оскорбленныхъ консерваторовъ, человѣку, болѣе другихъ воспринявшему европейскія идеи. „Долой Василя Голицына!“ было ихъ лозунгомъ.

Преображенское сдѣлалось центромъ, притягивающимъ недовольныхъ всѣхъ видовъ, среди которыхъ первое мѣсто занимали реакціонеры. Они сдѣлали своимъ вождемъ Петра, оскорбленнаго, лишеннаго правъ и униженнаго временнымъ режимомъ, конца, котораго они съ нетерпѣніемъ ждали. Они надѣялись, что онъ отмститъ за ихъ оскорбленія. Петръ мало думалъ объ этомъ. Онъ забавлялся, съ увлеченіемъ катаясь на лодкѣ по Переяславскому озеру.

Подъ прикрытіемъ его имени и съ его помощью готовилась борьба между молчаливымъ Кремлемъ и шумнымъ лагеремъ, въ которомъ онъ провелъ свою бурную юность; въ этой борьбѣ, отъ исхода которой зависѣла судьба Россіи, онъ на первый планъ выдвигалъ свои мальчишескія фантазіи. Года прошли прежде чѣмъ онъ открылъ вѣрный путь; онъ не заботился о томъ, чтобы найти его и покорно повиновался своимъ руководителямъ—противникамъ.

Въ назначенный ими день онъ вступитъ въ борьбу, вернетъ свою власть и оставитъ имъ существенныя выгоды своей побѣды. Онъ войдетъ въ исторію задомъ, повернувшись спиной къ своей славѣ.

Кризисъ разразился въ іюль 1689 года.

Г Л А В А Т Р Е Т Ь Я.

Троице-Сергіевская Лавра.

I. Правленіе регентства. Его распри. Причины слабости. Ошибки и недовольство. Въ пустотѣ. Внѣшнія дѣла. Крымскія кампаніи. Пораженія. Возвращеніе Голицына. Общественное негодованіе. Партія Петра пользуется имъ. Кремль. Преображенскій лагерь. Софья идетъ навстрѣчу бурѣ. Конфликтъ. II. Ночь 7-го августа. Покушеніе или военная хитрость? Бѣгство Петра. Троицкая лавра. Архимандритъ Викентій. Борисъ Голицынъ. Организація борьбы. III. Переговоры. Чья армія? Мужество Софьи. Слабость Василя Голицына. Измѣна. Регентъ сдается. Онъ является къ Троицѣ. Ссылка. Допросы и пытки. Софья сдается. Монастырь. Новый режимъ. Товарищи Петра у власти. Реакція. Будущее.

I.

Въ 1689 году Петру исполнилось 18 лѣтъ. Регентство Софьи, оправдываемое, если не прямо мотивируемое, молодостью Петра, могло, болѣе или менѣе законно продолжиться еще на нѣсколько лѣтъ: въ Россіи не было закона, который подобно закону Карла Пятаго во Франціи, ускорялъ бы наступленіе политическаго совершеннолѣтія властителя.

Нетерпѣливое стремленіе къ власти нарушило правильный ходъ событій.

Но искателемъ власти не былъ Петръ: онъ былъ еще такъ мало властолюбивъ, что исходъ событія нисколько не измѣнилъ его прежнихъ занятій.

Правленіе Софьи и ея соправителя, освѣтившее эпоху женодержавія, въ продолжавшуюся почти цѣлое столѣтіе, отъ Екатерины I до Екатерины II, кажется мнѣ не заслуживающимъ ни страстныхъ похвалъ, ни страстной критики. Мнѣ ка-

жется, что Вольтеръ, дѣлающій изъ царицы, подобно Невиллю, вторую Лукрецію Борджіа, такъ же неправъ, какъ и Карамзинъ, называющій ее, подобно Гоксу (Goxe), и Левеку (Lévêgue) *) „одной изъ величайшихъ женщинъ, появившихся на міровой сценѣ“ **). Мюллеръ въ своей критикѣ взглядовъ Вольтера ***) , Болтинъ, (одинъ изъ старыхъ русскихъ историковъ) въ „Примѣчаніяхъ“ къ исторіи Леклерка (Leclere) *†), Эминъ **†) и одинъ изъ новѣйшихъ русскихъ историковъ, Аристовъ пытались, правда не совсѣмъ удачно, помирить эти діаметрально-противоположныя, одинаково страстныя, мнѣнія. Въ общемъ, по моему, это правленіе было проникнуто византійскимъ духомъ. Тамъ были и придворныя интриги, и борьба партій, и стрѣлечіе бунты, и церковная распря, вызванная споромъ о томъ, какъ нужно складывать пальцы, для крестнаго знаменія, сколько разъ произносить „Аллилуіа“, четвероличіа-ли Троица и не сидитъ ли Спаситель на отдѣльномъ престолѣ. Въ то же время начатое въ царствованіе Алексѣя экономическое возрожденіе и возрожденіе умственное продолжалось.

Голицынь строилъ въ Москвѣ дома, Софья писала пьесы для театра и ставила ихъ въ Кремлѣ; говорятъ, что она играла и сама. Внѣшняя и внутренняя политика регентства велась съ энергіей и ловкостью. Оно яростно боролось съ зачищниками религіозной распри, которые, вдохновившись примѣромъ вчерашнихъ мятежниковъ-стрѣльцовъ, явились ко дворцу, требуя, чтобы патріархъ вышелъ къ нимъ и велъ съ ними диспутъ. Никита—глава раскольниковъ былъ казненъ. Оно мужественно защищало порядокъ и не боялось преслѣдовать даже своихъ недавнихъ союзниковъ-стрѣльцовъ, считавшихъ своимъ правомъ нарушать его. Оно обратилось къ націи, призывая ее возстать противъ мятежной милиціи; когда ему стали угрожать въ Кремлѣ, оно поставило тронъ

*) Карамзинъ. Собраніе сочиненій, т. VII, стр. 293; Левекъ Исторія Россіи. Парижъ, 1799 г., т. IV, стр. 209—234.

***) Этюды, 1755—1764.

**) Петербургъ, 1788.

*†) Біографія русскихъ повелителей, Спб., 1767—1769.

**†) Московскіе мятежи во время царствованія Софьи. Варшава, 1871.

подъ покровительство алтаря: въ октябрѣ 1682 года, Софья и Голицынь искали убѣжища въ Троицко-Сергіевской лаврѣ. Троица—традиціонное убѣжище русскихъ правителей въ часы опасности, находится почти въ 70 верстахъ отъ Москвы. Въ то время она была похожа на всѣ большія русскія обители: маленькій укрѣпленный городокъ, съ десятками церквей, лавченокъ и мастерскихъ, былъ населенъ тысячами монаховъ, послушниковъ, служекъ. Когда то въ лаврѣ нашелъ убѣжище Борисъ Годуновъ и до сихъ поръ тамъ съ гордостью показываютъ слѣды польскихъ пулъ, безсильныхъ противъ стѣнъ святой обители. Туда позднѣе пришелъ и Петръ просить помощи и покровительства.

Призывъ временнаго правительства былъ услышанъ. Хованскій, начальникъ враждебныхъ теперь стрѣльцовъ, былъ заманенъ въ западную, въ Воздвиженскомъ селѣ, находившемся на поль-пути между Москвой и Троицей, и убитъ. Та же участь постигла и его сына. Лишенные начальника мятежники сложили оружіе.

Во внѣшней политикѣ Голицынь выказалъ себя хорошимъ дипломатомъ, и вѣрнымъ, и счастливымъ представителемъ традиціонной политики территоріальныхъ завоеваній, раздвигавшихъ на югъ и на востокъ границы государства. Ловко воспользовавшись стѣсненнымъ, благодаря продолжительной войнѣ съ Турціей и несмотря на побѣды Собѣскаго, положеніемъ поляковъ, онъ отнялъ у нихъ Кіевъ; въ 1685 году новый митрополитъ древней столицы принялъ санъ Московскаго патріарха: это былъ рѣшительный шагъ, по пути, который привелъ къ возвращенію Малороссіи и раздѣлу Рѣчи Посполитой.

Причины, помѣшавшія дальнѣйшему развитію этихъ успѣховъ лежали въ самомъ происхожденіи власти, захваченной регентшей. Преслѣдуя мятежниковъ и сторонниковъ анархіи, Софья и Голицынь возстали противъ силы, создавшей ихъ могущество. Это была ошибка, вызвавшая злобу у ихъ бывшихъ союзниковъ и приведшая ихъ къ гибели. Борьба была проиграна. Черезъ годъ они не знали уже какъ выпутаться изъ бѣды. Недовольные и обиженные болре подняли голову. На Лубянской площади состоялась сходка. Раз-

брасывался анонимный листокъ, призывавшій народъ идти толпой въ церковь Казанской Божьей Матери: тамъ за образомъ спрятана грамота, въ которой сказано, что нужно дѣлать дальше. Дѣйствительно, найденный тамъ памфлетъ-комедія, противъ Софьи, авторомъ котораго называли Щегловитаго, ея новаго совѣтника, призывалъ народъ избивать поддерживающихъ царевну бояръ. Щегловитый былъ типичнымъ представителемъ старой византійской Москвы, — жестокимъ, угрюмымъ интриганомъ. Царевна припугнула его, а „добрый народъ“ радостно одобрилъ ее, предлагалъ уничтожить ея враговъ *).

Во внѣшней политикѣ счастье измѣнило. Регентъ, обѣщавшій Польшѣ взамѣнъ Кіева, помощь московскихъ войскъ противъ турокъ, сдѣлалъ два похода въ Крымъ. Это былъ традиціонный путь. Крымскіе татары являлись преградой между Москвой и Константинополемъ, на уничтоженіе которой, Россіи пришлось потратить еще цѣлое столѣтіе.

Голицынъ не обладалъ качествами великаго полководца: въ каждую кампанію онъ хоронилъ въ степяхъ армію, огромныя средства и остатки своей славы. Передъ вторымъ походомъ, онъ нашелъ передъ дверью своего дворца гробъ съ грозной надписью: „Старайся быть счастливымъ“ (**). Когда въ іюнѣ 1689 года, онъ вернулся въ Москву, грозный ропотъ, свистки и угрозы встрѣтили его. Его публично обвиняли въ томъ, что онъ подкупленъ; въ его палаткѣ видѣли боченки съ французскими луидорами! Новые сторонники, въ огромномъ количествѣ, шли въ Преображенскій лагерь! Софья видѣла какъ рѣдѣютъ ряды ея друзей. Она мужественно встрѣтила грозу. Ея властолюбіе и любовь достигли своего апогея. Воспользовавшись заключеніемъ мира съ Польшей, она объявила себя Самодержицей, равноправной съ братьями. Этотъ титулъ употреблялся во всѣхъ официальныхъ документахъ; при торжественныхъ приемахъ она сидѣла на тронѣ, рядомъ съ братьями, вѣрнѣй рядомъ со старшимъ изъ нихъ: Петръ не показывался больше въ Кремлѣ. На портретѣ, заказанномъ ею въ Голландіи, она изображена въ шапкѣ Мономаха. Въ

*) Устряловъ, т. II, стр. 39.

**) Avril; Voyage en diuers Etats d'Europe et d'Asie, стр. 315.

то же время, если вѣрить нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, сдѣлавъ Щегловитаго соперникомъ отсутствующаго Голицына *), она попрежнему стастно стремилась достигъ высшую цѣль, осуществитъ свои молодыя грезы: бракъ съ регентомъ. Она хотѣла раздѣлить тронъ съ нимъ. Чтобы исполнить этотъ замыселъ, она создала сложный планъ, въ исполненіи котораго долженъ былъ участвовать самъ Папа; планъ состоялъ въ слѣдующемъ: Ивана женить; женѣ его дадутъ любовника; ребенка его назовутъ сыномъ Ивана, чтобы избавиться отъ Петра, который потеряетъ такимъ образомъ права на престолъ; на разсмотрѣніе папы будетъ предложенъ проектъ соединенія церквей, и ему предложить объявить о незаконномъ происхожденіи дѣтей Ивана. Тронъ такимъ образомъ будетъ свободенъ и Софья съ Голицынымъ останется лишь занять его. Въ ожиданіи этого, она пошла на рискъ. Въ то время какъ Щегловитый, вернувшійся, послѣ возвращенія регента, къ роли полицейскаго и унтер-офицера, преслѣдовалъ рѣдко, рѣшавшихся снять маску, сторонниковъ Петра и допрашивалъ ихъ среди лѣсовъ, окружавшихъ Москву, Софья бросила вызовъ общественному мнѣнію, объявивъ о раздачѣ наградъ товарищамъ Голицына, которыхъ она упорно называла побѣдителями. Петръ, наученный окружающими, отказался дать санкцію. Она пренебрегла этимъ: это былъ уже открытый конфликтъ. Царь отказался принять, награжденныхъ орденами и пенсіями, генераловъ и офицеровъ, явившихся въ Преображенское благодарить его: это былъ уже разрывъ.

II.

Наступила историческая ночь съ 7 на 8 августа. Свѣтлая лѣтняя ночь, событія которой къ несчастью затемнѣны противорѣчіями историковъ и легендарныхъ рассказовъ. Ясно рисуется слѣдующая картина: Петръ былъ неожиданно разбуженъ,

*) Архивы кн. Куракина, Спб., 1890—1895, т. I, стр. 55.

явившимися бѣглецами изъ Кремля, пришедшими предупредить его, что царевна собрала вооруженный отрядъ, чтобы захватить его въ Преображенскомъ и убить. Дѣйствительность этого покушенія совершенно не доказана и совершенно неправдоподобна. Документы, собранные, лучше другихъ освѣдомленнымъ, русскимъ историкомъ Устряловымъ, доказываютъ, что Софья въ этотъ моментъ не смѣла и думать о нападеніи на Преображенскій лагерь. Она знала, что онъ хорошо защищенъ, содержится въ боевой готовности, и не удивится никакой неожиданности. Она скорѣе боялась или дѣлала видъ, что боится выступленія со стороны потѣшныхъ полковъ, возбужденные, пылкіе солдаты которыхъ страстно стремились отличиться въ какомъ-нибудь дерзкомъ дѣлѣ. Она привыкла представляться испуганной, и своимъ видомъ вызывать у стрѣльцовъ и у жителей Москвы желаніе защищать ее. Она была настолько подготовлена къ рѣшительному выступленію, что до самаго утра не знала даже о предостереженіи, сдѣланномъ ночью ея брату и его послѣдствіяхъ.

Уже давно Кремль и Преображенское отгородились другъ отъ друга, наблюдали другъ за другомъ, подозрѣвали другъ друга и приписывали другъ другу воображаемыя покушенія.

За мѣсяцъ до этого Софья навѣстила Петра въ его лагерь, по случаю освященія водъ Яузы, въ сопровожденіи 300 стрѣльцовъ; черезъ нѣсколько дней, когда Петръ пріѣхалъ въ Кремль поздравить съ праздникомъ свою тетку Анну, Щегловитый поставилъ около Краснаго Крыльца 50 вѣрныхъ людей, „на всякій случай“.

Между тѣмъ, вооруженный отрядъ все-таки собрался въ эту вѣщую ночь въ Кремль. Съ какой цѣлью? Софья увѣряла потомъ, что онъ долженъ былъ сопровождать ее на богомолье. Среди сотенъ этихъ преданныхъ дѣлу царицы солдатъ лишь пятеро грозили Петру и его матери. Двое другихъ, имена которыхъ знаетъ потомство, Мельновъ и Ладогинъ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, бѣжали въ Преображенское и благополучно добравшись туда, подняли тревогу. Нѣкоторые историки считаютъ ихъ усердіе неискреннимъ и видятъ въ нихъ лишь исполнителей приказаній, данныхъ партіей кото-

рая толкала Петра въ борьбу *). Это мнѣніе не лишено основаній.

Петръ бѣжалъ. Не пытаясь даже провѣрить полученное извѣстіе и не убѣдившись насколько реальна была грозившая опасность, онъ босикомъ вскочилъ съ постели, въ одной рубашкѣ бросился въ конюшню, вскочилъ на лошадь и скрылся въ сосѣднемъ лѣсу. Нѣсколько конюховъ догнали его и привезли ему платье. Нѣсколько офицеровъ и солдатъ послѣдовали за нимъ. Увидѣвъ около себя достаточную охрану, онъ, не теряя ни минуты времени, не предупреждая мать, жену и остальныхъ друзей, пришипорилъ лошадь и понесся во весь духъ по дорогѣ въ Троицу. Онъ пріѣхалъ туда въ 6 ч. утра, разбитый душой и тѣломъ, почти въ обморокъ; ему предложили постель; онъ былъ не въ состояніи отдохнуть; испуганный, взволнованный, захлебываясь отъ слезъ, испускающая жалобные стоны, онъ снова и снова спрашивалъ архимандрита Викентія, можно ли ему рассчитывать на помощь. Этотъ монахъ давно уже былъ его преданнымъ сторонникомъ и даже ссужалъ его деньгами въ критическія минуты, когда расчетливая, скупая Софья отказывала въ нихъ **). Почтительныя и строгія слова архимандрита въ концѣ концовъ успокоили молодого царя. Борисъ Голицынъ, двоюродный братъ регента, Бутурлинъ и другіе начальники Преображенскаго лагеря, догнавшіе бѣжавшихъ въ Троицу еще лучше сдѣлали это. Все, что случится и все, что уже случилось ясно показываетъ какъ велико было вліяніе людей, окружавшихъ Петра и хотѣвшихъ начать борьбу и какъ неспособенъ былъ самъ Петръ быть ея инициаторомъ и руководителемъ. Онъ положился на своихъ друзей, а самъ мечталъ о Переяславскомъ озерѣ, о лодкахъ, которыя онъ выстроить по своему вкусу и спустить туда. Онъ оставилъ пока своихъ друзей хозевами созданнаго ими положенія.

Къ вечеру монастырь былъ полонъ народомъ. Пріѣхали царица Наталья и Евдокія. Потѣшныя, Стрѣльцы Сухаревскаго полка, давно уже подкупленные царемъ, приходили одни за

*) Погодинъ. Первые годы Петра, стр. 183—228.

**) Архивъ Куракина, т. 1, стр. 83.

другими. Чтобы найти такъ скоро дорогу нужно было знать объ ней заранѣе. Всѣ мелочи были заранѣе подготовлены Борисомъ Голицыномъ. Все было исполнено по заранѣе составленному плану и даже неожиданное бѣгство царя не было, можетъ быть, совершенно неожиданнымъ; можетъ быть, оно было даже подготовлено и должно было послужить сигналомъ къ началу выступлений противъ враждебной партіи. Выступлений же этихъ, несомнѣнно, ждали; объ этомъ бесполезно говорить.

Люди бились и должны биться, чтобы узнать, кто побѣдитъ и кто будетъ господиномъ?

III.

Начались переговоры. Петръ потребовалъ у Софьи объясненій по поводу ночного собранія вооруженныхъ людей въ Кремль. Софья отвѣчала уклончиво. Обѣ стороны старались выиграть время; важный факторъ,—русскія и иностранныя войска,—большинство стрѣльцовъ и полки Лефорга и Гордона оставались еще спокойны. Вопросъ о томъ, какая партія завербууетъ ихъ себѣ, оставался открытымъ. 16-го августа Петръ первый попробовалъ сдѣлать это: царская грамота призывала на послѣ завтра по десяти человекъ съ полка. Софья дала сильный отпоръ: разставленная ею стража задержала посланныхъ царя; въ то же время появилась подписанная регентшей грамота, запрещающая солдатамъ и офицерамъ покидать ихъ кварталы. Ослушникамъ грозила смерть. Мѣра показалась сначала дѣйствительной: войска не откликнулись на призывъ; прошелъ слухъ, что грамота царя подложная. Между тѣмъ медленно, незамѣтно, кварталы начали пустѣть, а притокъ солдатъ и офицеровъ въ Троицу увеличиваться. Въ средѣ ближайшихъ къ царевнѣ людей настроеніе падало. Василій Голицынъ первый подалъ примѣръ. Говорятъ, что сначала онъ намѣревался отправиться въ Польшу и вернувшись оттуда съ польскимъ войскомъ, казаками и татарами, измѣнить ходъ событій. Софья возстала противъ этого плана, который долженъ былъ разлучить ее съ ея любовникомъ.

Тогда онъ оставилъ ее на волю судьбы и уѣхалъ въ свою деревню Медвѣдково, находившуюся въ 30 верстахъ отъ Москвы. Онъ не хотѣлъ ни во что вмѣшиваться. Иностран-нымъ офицерамъ, явившимся къ нему за приказаніями, онъ отвѣтилъ крайне уклончиво.

Это было началомъ пораженія. Но регентша не хотѣла еще считать игру проигранной. Она знала, что готовить ей братъ. Уже возставшіе раскольники, осаждавшіе Кремль, кричали ей: „Пора тебѣ въ монастырь!“ Она предпочитала смерть—клубуку. Ея посланцы отправились въ Троицу вести переговоры о мирѣ; она послала туда патріарха. Высокій парламентаръ находилъ моментъ удобнымъ для мирныхъ переговоровъ; онъ явился къ царю во время торжественнаго приѣма бѣглыхъ солдатъ и офицеровъ, число которыхъ съ каждымъ днемъ увеличивалось.

Софья рѣшила все поставить на карту и отправилась въ Троицу сама. На поль-дорогѣ, въ селѣ Воздвиженскомъ, гдѣ семь лѣтъ тому назадъ попался въ западню Хованскій, Бутурлинъ остановилъ ее. Ей было запрещено ѣхать дальше. Солдаты, сопровождавшіе боярина, зарядили мушкеты. Софья отступила, но не сложила еще оружія. Она расточала ласки стрѣльцамъ, большинство которыхъ, помня прошлую связь, боясь репрессій и надѣясь на новыя награды, оставались ей вѣрны. Они поклялись умереть за нее. Но они попрежнему были непостоянны и недисциплинированы, и 6-го сентября они появились у Кремля, требуя, чтобы царевна выдала Петру Щегловитаго, свою правую руку и временнаго любовника. Они хотѣли сдѣлать его козломъ отпущенія, искупительной жертвой, которая смягчила бы гнѣвъ Петра. Царевна уступила послѣ упорнаго сопротивленія и ясно увидѣла, что ей не на что, и не на кого больше надѣяться.

Щегловитый сталъ ужаснымъ орудіемъ въ рукахъ Петра. На допросѣ, подъ ударами кнута, онъ далъ всѣ нужныя для составленія обвинительнаго акта противъ Софьи и ея соумышленниковъ показанія, которыхъ добывались сторонники царя. Слухи, о данныхъ имъ, показаніяхъ заставили Василя Голицына оставить свое убѣжище и явиться въ Троицу съ повинной головой. Петръ отказался его видѣть. Однако, бла-

годаря заступничеству Бориса, онъ поступилъ съ нимъ не слишкомъ сурово. Имущество ех-регента было конфисковано, а его самого сослали сначала въ Каргополь (по дорогѣ въ Архангельскъ), потомъ въ болѣе западную деревушку Яренекъ, гдѣ онъ долженъ былъ жить, получая рубль въ день; ему приходилось содержать на эти деньги семью, состоявшую изъ пяти человѣкъ. Тамъ онъ прожилъ до 1715 года. Дальше милосердіе царя не пошло. Щегловитый и его дѣйствительные или воображаемые товарищи были приговорены къ смерти. Медвѣдевъ, заключенный сначала въ монастырь и подвергнутый ужаснымъ пыткамъ, раздѣлилъ ихъ участь. Всѣ были равны передъ плахой. Софья была пострижена. Нѣкоторыя мѣры предосторожности, принятыя въ монастырѣ, увеличивали суровое наказаніе. Сначала Петръ соблюдалъ по отношенію къ брату всѣ узаконенныя формы. Въ тщательномъ составленномъ письмѣ, онъ рассказываетъ ему о преступленіяхъ сестры и оправдывается въ томъ, что желая вернуть свои, захваченныя ей права онъ посягнулъ на права старшаго брата. Онъ уважаетъ принадлежащія брату права первенства; онъ любитъ и уважаетъ его какъ отца. Тѣмъ не менѣе, онъ не спрашивалъ у Ивана совѣта относительно того, какъ поступить дальше съ царевной. Своему гонцу, бывшему товарищу дѣтскихъ игръ, Ивану Троекурову, онъ поручилъ принудить царевну выбрать монастырь, въ который она желала бы поступить. Послѣ недолгаго размышленія Софья сдалась и выбрала, недавно выстроенный близъ Москвы, Новодѣвичій монастырь.

Новый режимъ былъ утверждёнъ. Но это былъ режимъ временный.

Иванъ не принималъ участія въ дѣлахъ, не протестовалъ противъ всего происшедшаго и появлялся на сценѣ лишь во время пышныхъ придворныхъ церемоній. Петръ скрылся какъ только миновалъ кризисъ, за спинами тѣхъ, кто помогъ ему выйти побѣдителемъ изъ борьбы и вернулся къ прежнимъ занятіямъ. Власть перешла въ руки дѣйствительныхъ побѣдителей. Борисъ Голицынъ, москвичъ стараго закала, живая противоположность своему двоюродному брату Василю, завладѣлъ ей сначала почти единолично; по-

томъ, помощь, оказанная имъ преступному родственнику скомпрометировала его и разбудила злобу Нарышкиныхъ и другихъ родственниковъ царицы-матери.

Чась будущаго великаго человѣка еще не пробилъ. Серьезная борьба, въ которую онъ былъ вовлечень, не сдѣлала его взрослымъ, не заставила забыть о потѣшныхъ полкахъ и сраженіяхъ. Но эта борьба, кромѣ непосредственныхъ результатовъ, имѣла огромное вліяніе на судьбу Петра, на развитіе его характера. Молодой царь поручилъ дѣла своимъ прежнимъ товарищамъ и нашелъ себѣ новыхъ; они скоро заняли въ его сердцѣ мѣсто старыхъ друзей. Если имъ не было суждено создать вмѣстѣ съ нимъ великое царствованіе, то во всякомъ случаѣ они указали ему вѣрный путь и направили его первые шаги.

КНИГА ВТОРАЯ.
ВЪ ШКОЛѢ КУЛЬТУРНАГО МІРА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ дѣйствиі. Военная школа. Созданіе флота.
Взятіе Азова.

I. Новые друзья Петра.—Патрикъ Гордонъ. Францъ Лефорть. Характеръ ихъ вліянія. Домъ Лефорта въ Слободѣ. Московское казино. Слободскія красавицы. Царь развлекается. Правленіе бояръ. Реакціонный духъ. Развлеченія въ Преображенскомъ. Военныя игры, забавы. Король Пресбургскій и лже-король Польскій. Перелславльское озеро. Флотъ въ прѣсныхъ водахъ. На пути въ Архангельскъ. Море. Смерть царицы Натальи. Недолгий трауръ. Петръ возвращается къ прежнимъ развлечениямъ. II. Шаткое положеніе Россіи. Царь скучаетъ. Поиски развлеченій. Проектъ заграничнаго путешествія. Петръ хочетъ сначала добыть военную славу. Новая Турецкая кампанія. Первый Азовскій походъ. Полная неудача. Геній Петра обнаруживается. Настойчивость. III. Величіе Петра и величіе Россіи. Плодъ монгольскаго завоеванія. Удвоенное усиліе. Второй походъ. „Осада Трои“. Успѣхъ. Петръ можетъ показаться Европѣ. Путешествіе рѣшено.

I.

На иностранцевъ, появившихся теперь среди близкихъ Петру лицъ, взводятъ много различныхъ обвиненій. При этомъ обыкновенно путаютъ событія и даты; такъ, напр., появленіе Патрика Гордона среди наперсниковъ и учителей молодого царя относятъ задолго до паденія Софьи, а Лефорта называютъ организаторомъ и главнымъ дѣятелемъ переворота 1689 года. Въ дѣйствительности же оба они познакомились съ Петромъ лишь во время его пребыванія въ Троицѣ; сблизились же они съ нимъ и сыграли важную роль въ его жизни

гораздо позднѣе. Гордонъ былъ въ родствѣ съ Василиемъ Голицынымъ.

Патрикъ Гордонъ родился въ Шотландіи въ 1635 году, въ католической и роялистской семьѣ мелкихъ землевладѣльцевъ. Въ продолженіи 30 лѣтъ прозябалъ онъ въ Россіи, занималъ мелкія должности и стремился выйти въ люди. Прежде чѣмъ пріѣхать въ Россію, онъ служилъ императору, служилъ полякамъ противъ шведовъ и шведамъ противъ поляковъ. „He was dearly a genuine Dugald Dolgetty“, говорятъ англійскіе біографы *). Его знанія ограничивались воспоминаніями о школѣ, которую онъ посѣщалъ на родинѣ, въ деревушкѣ близъ Абердина (Aberdeen), въ Германіи и Польшѣ онъ командовалъ драгунскимъ полкомъ. Въ Россіи онъ оказывалъ услуги въ качествѣ дипломата Алексѣю (1665 г.) и Софьѣ (1685). Онъ два раза ѣздилъ въ Англію съ порученіями, касающимися привилегій англійскихъ купцовъ, но заработалъ лишь чарку водки, которую поднесъ ему четырнадцатилѣтній тогда Петръ. Онъ скрылъ обиду, началъ ходатайствовать объ отставкѣ и, получивъ отказъ, перешелъ въ ряды недовольныхъ. Онъ принималъ участіе въ несчастныхъ крымскихъ кампаніяхъ и заслужилъ чинъ генерала. Дѣятельный, обладающій природнымъ умомъ, и хорошей родней, онъ стремился къ достиженію болѣе высокаго положенія. Онъ лично зналъ королей англійскихъ: Якова и Карла, былъ двоюроднымъ братомъ герцога Гордона—губернатора Эдимбурга (1686) и призванный главой роялистской и шотландской колоніи въ Слободѣ. Онъ говорилъ по-русски, былъ не прочь выпить и пріобрѣлъ извѣстную популярность среди москвичей. Его живой умъ, внѣшность культурнаго человѣка и энергичный видъ не могли не обратить на него вниманіе Петра. Петръ всегда любилъ людей, обладающихъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Патрикъ Гордонъ сильно страдалъ отъ болѣзни желудка, которая въ концѣ концовъ свела его въ могилу; но въ 1697 году, на шестьдесятъ второмъ году жизни онъ кончаетъ свой дневникъ **) такой фразой: Въ эти

*) Leslie Stephen и Sidney Lee, Dictionary of national biography.

**) Опубликовано въ пѣмецкомъ переводѣ. Подлинникъ находится въ Архивѣ военнаго министерства.

дни я въ первый разъ почувствовалъ какъ слабѣть мое здоровье и силы“.

Францъ Лефортъ пріѣхалъ въ Москву въ 1675 году, вмѣстѣ съ пятнадцатю иностранцами-офицерами, пришедшими также какъ и онъ искать счастья. Онъ былъ швейцарецъ родомъ и принадлежалъ къ семьѣ Lifforti, которая покинула во время реформациіи городъ Кони и переселилась въ Женеву. Его отецъ былъ дрогистомъ. Около 1649 г. женщины этого класса получили отъ реформаціоннаго правительства право носить „платья изъ двойной цвѣтной тафты“. Въ 18 лѣтъ, съ шестюдесятью флоринами и рекомендательнымъ письмомъ отъ князя Карла Гурлянда къ его брату Казиміру, въ карманѣ, Францъ отправился въ Голландію. Карлъ жилъ въ Женевѣ; Казиміръ служилъ въ Голландіи. Онъ сдѣлалъ молодого человѣка своимъ секретаремъ, отдалъ ему вмѣсто жалованья свое старье (на 300 экю) и деньги, которыя выигрывалъ въ карты; это составляло около 50 экю въ день *). Заработокъ былъ хорошъ, но ненадеженъ. Черезъ два года Лефортъ отправился въ Архангельскъ. Высадившись на русский берегъ, онъ почти сейчасъ же хотѣлъ бѣжать оттуда; но не такъ-то легко было покинуть землю царей. За иностранцами строго слѣдили—боялись шпионовъ. Лефортъ два года прожилъ въ Москвѣ, рискуя умереть съ голоду и затеряться въ свитѣ наиболѣе уважаемыхъ членовъ дипломатическаго корпуса; онъ скитался въ переднихъ датскаго и въ кухняхъ англійскаго посланниковъ и не могъ нигдѣ пристроиться. Но, мало-по-малу онъ нашелъ среди жителей слободы друзей, покровителей и даже одну хорошенькую покровительницу, богатую вдову иностраннаго полковника. Въ 1678 году, онъ, окончательно, рѣшилъ основаться въ Россіи и прежде всего женился. Этотъ предварительный шагъ былъ необходимъ: чтобы внушить къ себѣ довѣріе, нужно было сдѣлаться главой семьи и хозяиномъ дома. Онъ женился на дочери Метцкаго мѣщанина, Елизаветѣ Сухай (Sauhay), католичкѣ, съ хорошимъ приданнымъ и большими связями. Братья ея матери, урожденной Бокковень, голландцы по рожденію, занимали

*) Vulliemин, Revue Suisse, т. XXIX, стр. 330.

важныя должности въ арміи; Патрикъ Гордонъ былъ зятемъ одного изъ нихъ. Лефорту предложили также сдѣлать военную карьеру, къ которой онъ не чувствовалъ ни влеченія, ни склонности *). Ясно, что не въ школахъ этихъ иностранцевъ получилъ Петръ и его армія знанія, которыя были имъ нужны, чтобы дойти до Полтавы.

Я уже говорилъ, что вліяніе, оказанное обоими на огромное дѣло прогресса, преобразованій и цивилизаціи, съ которыми связалъ свое имя сынъ Натальи Нарышкиной, было очень косвеннымъ.

Въ часъ, когда Петръ сдѣлалъ первый шагъ въ этомъ направленіи, оба они сошли въ могилу. Раньше же Петръ былъ занятъ другимъ и уроки, которые онъ бралъ у стараго шотландца и молодого женева, не имѣли ничего общаго ни съ наукой Вобана, ни съ наукой Кольбера.

Итакъ, Лефортъ владѣлъ на берегахъ Яузы просторнымъ, устроеннымъ во французскомъ вкусѣ, домомъ, въ которомъ, уже нѣсколько лѣтъ охотно сходились жители слободы. Даже во время его отсутствія туда приходили курить и пить. Законъ Алексѣя запрещалъ употребленіе табаку, но этотъ законъ, какъ и многіе другіе, не исполнялся въ слободѣ. Женевецъ былъ несравненнымъ устройтелемъ всякихъ развлеченій. Неутомимый, веселый, обладающій живымъ воображеніемъ, онъ всюду вносилъ непринужденность; онъ былъ удивительно симпатиченъ. Банкеты, которые онъ устраивалъ своимъ друзьямъ, продолжались, обыкновенно, трое сутокъ. Гордонъ каждый разъ заболѣвалъ послѣ нихъ, а Лефортъ чувствовалъ себя отлично. Во время перваго путешествія Петра за границу, онъ удивилъ даже нѣмцевъ и голландцевъ способностью пить. Въ 1699 году, сильно напившись, онъ рѣшилъ устроить пирушку на свѣжемъ воздухѣ. Былъ февраль мѣсяць. Эта безумная выходка стоила ему жизни; онъ

*) Корбъ. *Diarium itineris in Moscovienn.* Вѣна, 1700, стр. 214. Устряловъ, т. II, стр. 13; А. Гордонъ, *History of Peter the Great*, т. I, стр. 136; т. II, стр. 154; Соловьевъ, *Русская Исторія*, т. XIV, стр. 142. Біографія Посселята, переведенная на французскій языкъ Вьюлеминомъ (Генералъ и адмиралъ Францъ Лефортъ, Франкфуртъ 1866 г.), богата интересными свѣдѣніями, но не критикуетъ ихъ.

весело простился съ пасторомъ, принесшимъ ему послѣднее угѣшеніе, потребовалъ вина и музыкантовъ, и подъ звуки оркестра тихо испустилъ духъ *). Это былъ удивительно законченный типъ кутилы, человѣкъ съ широкимъ размахомъ, типъ, теперь вымирающій, но прежде очень распространенный въ Россіи. Почти такого же роста, какъ Петръ, отлично сложенный, онъ былъ галантнымъ кавалеромъ, прекраснымъ стрѣлкомъ и неутомимымъ охотникомъ; онъ былъ очень красивъ и имѣлъ хорошія манеры. Онъ получилъ слишкомъ скудное образованіе, но зато былъ полиглотомъ. Онъ говорилъ: по-итальянски, по-голландски, по-нѣмецки, по-англійски, по-славянски. Лейбницъ, старавшійся заслужить его благосклонность, во время его пребыванія въ Германіи, говоритъ, что онъ пѣтъ, какъ герой и добавляетъ, что его считаютъ очень умнымъ человѣкомъ **).

Не только веселые собутыльники собирались въ домъ Дефорта, тамъ бывали и дамы: шотландки съ тонкимъ профилемъ, нѣмки съ мечтательными глазами и дородныя голландки посѣщали его. Онѣ не были похожи на затворницъ московскихъ теремовъ, скрывавшихся за желѣзными рѣшетками или подъ тафтяными фатами. Иностранки ходили съ открытыми лицами, держались непринужденно, смѣялись, болтали, танцовали въ объятіяхъ кавалеровъ, пѣли родныя пѣсни. Простыя, обрисовывавшія фигуру платья шли къ нимъ. Нравы ихъ не были слишкомъ строги. Все это привлекало и плѣняло будущаго преобразователя.

Впродолженіи семи лѣтъ правленія регентства, исторія цивилизаціи въ Россіи имѣла, несмотря на общія стремленія Софьи и Голицына, немного свѣтлыхъ дней... Правительство, переживавшее безпокойные, тревожные дни, боровшееся съ перваго до послѣдняго дня за право существованія, могло заботиться лишь о томъ, чтобы удержаться у власти. Во время переворота 1689 года и семи послѣдующихъ лѣтъ, положеніе еще ухудшилось. Появилось антипрогрессивное, вѣрнѣй, откровенно реакціонное теченіе. Оно не захватило

*) Корбъ, стр. 119; Устряловъ, т. III, стр. 262—263.

**) Guerrier Leibniz in seinen Besichungen zu Russland, стр. 12.

Петра, но Петръ не боролся съ нимъ. Онъ не былъ виновать ни въ составленіи указа, изгонявшаго іезуитовъ, ни въ приговорѣ, въ силу котораго мистикъ Кюллеманъ былъ сожженъ живымъ на Красной площади. И то, и другое было дѣломъ рукъ патріарха Іоакима, который до самой смерти (мартъ 1690 г.) сумѣлъ сохранить свое значеніе. Въ своемъ завѣщаніи, онъ совѣтуетъ царю изгнать изъ войскъ начальниковъ—еретиковъ и разрушить протестантскія церкви въ слободѣ *).

Петръ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія исполнить этотъ совѣтъ. Замѣстителемъ Іоакима онъ думалъ назначить свободомыслящаго митрополита московскаго Маркела. Но царь еще не былъ повелителемъ. Маркель не былъ назначенъ, какъ говорили потомъ, по тремъ причинамъ: 1) онъ говорилъ на варварскихъ языкахъ (латинскій и французскій), 2) его борода была недостаточно длинна и 3), онъ сажалъ службу на козлы своей кареты вмѣсто того, чтобы приказывать ему скакать верхомъ на запряженной въ карету лошади. Царь не былъ повелителемъ. Въ іюлѣ 1690 года Гордонъ писалъ одному изъ своихъ лондонскихъ друзей: „Я нахожусь еще при этомъ дворѣ и это доставляетъ мнѣ много расходовъ и безпокойства. Мнѣ обѣщали большія награды, но до сихъ поръ я ничего еще не получилъ. Когда молодой царь возьметъ бразды правленія въ свои руки, тогда я, конечно, получу должное“. Молодой царь, однако, не слѣшилъ взять эти бразды. Его никогда не видали тамъ, гдѣ онъ долженъ былъ быть для пользы управленія. Гдѣ же онъ бывалъ? Въ 1690 году, онъ большую часть времени проводилъ въ Слободѣ, въ домѣ Лефорта. Онъ обѣдалъ тамъ 2—3 раза въ недѣлю... Часто, проведя цѣлый день у своего друга, онъ засиживался у него до утра. Онъ ввелъ въ домъ Лефорта своихъ друзей, помѣщеніе стало мало, и нѣсколько времени спустя, кирпичный дворецъ замѣнилъ прежній деревянный домъ любимца. Въ немъ была бальная зала на 500 человѣкъ, отдѣланная кожей столовая, спальня, убранная желтой камкой, съ „трехаршинной высоты“ кроватью, подъ

*) Устряловъ, т. II, стр. 467.

огненно краснымъ пологомъ, и даже картинная галлерей *). Но одинъ Лефортъ пользовался этой роскошью; самъ Петръ мало обращалъ на нее вниманія; такой системы Петръ придерживался въ продолженіи всей своей жизни. Позднѣе, живя почти въ каморкѣ, онъ построилъ Меншикову роскошный дворецъ и возложилъ на него обязанность устраивать въ этомъ дворцѣ всѣ придворные приемы и празднества. Дворецъ Лефорта служилъ дополненіемъ къ убогому жилищу царя въ Преображенскомъ и былъ чѣмъ-то въ родѣ казино. Сады, расположенныя на окраинахъ слободы, примыкали къ деревнѣ, въ которой выросъ и Петръ и его счастье. Въ слободѣ у Лефорта танцовали,—въ Преображенскомъ пускали фейерверкъ—новая страсть царя. Позднѣе, стараясь оправдать чрезмѣрное увлеченіе этимъ спортомъ, съ которымъ познакомилъ его знавшій кой-что изъ пиротехники Гордонъ, царь говорилъ, что необходимо было приучить русскихъ къ запаху пороха и грохоту выстрѣловъ. Послѣ Полтавы эта необходимость исчезла, а Петръ продолжалъ съ прежней страстью пускать ракеты и сочинять иносказательныя пьесы. Это доставляло ему истинное, огромное удовольствіе и было его любимымъ развлеченіемъ. Петръ не былъ охотникомъ. Въ 1690 году любимое мѣсто (въ Сокольникахъ) сборища его предшественниковъ, отправлявшихся на охоту, разрушилось. Петръ любилъ шумныя развлеченія, также какъ ихъ любилъ въ послѣдствіи его внукъ, несчастный супругъ Екатерины II. Царь былъ страстенъ во всемъ. Спортъ, которому онъ отдавалъ большую половину своего времени, былъ далеко не безопасенъ для него и для окружающихъ. 26-го февраля 1690 года Гордонъ упоминаетъ въ своемъ дневникѣ о смерти дворянина, убитого пятифунтовой ракетой. Подобный же случай повторился 27-го января слѣдующаго года.

Фейерверки чередовались съ маневрами потѣшныхъ, которыми также командовалъ Гордонъ. Маневры эти представляли также довольно серьезную опасность. Во время штурма, 2-го іюня 1690 года, Петру обожгло лицо гранатой, а нѣсколько офицеровъ получили тяжелыя раны. Черезъ нѣко-

*) Вюльемпль, стр. 590.

торое время Гордонъ былъ тоже раненъ въ ногу. Въ октябрѣ 1691 года Петръ съ обнаженной шпагой въ рукѣ лично велъ атаку; офицеры и солдаты, возбужденные этимъ зрѣлищемъ, сражались не на шутку. Иванъ Долгорукій былъ убитъ въ стычкѣ.

Жестокость и грубость этихъ военныхъ игръ соотвѣтствуютъ нравамъ того времени. Въ этомъ отношеніи Карлъ XII, подготовлявшійся къ поприщу страстнаго воителя, превзошелъ своего будущаго противника.

Между тѣмъ, одна совершенно особенная и характерная черта замѣчается и въ потѣшпой войнѣ и въ другихъ забавахъ царя; всюду примѣшивается комическая, насмѣшливая нотка, которой суждено было впоследствии сильно развиться въ душѣ молодого монарха.

Крѣпость на берегахъ Яузы сдѣлалась маленькимъ укрѣпленнымъ городкомъ. Тамъ былъ постоянный гарнизонъ, флотилія, судъ, административныя бюро, и митрополитъ—старый учитель царя, Зотовъ, котораго онъ сдѣлалъ впоследствии Папой или Всешутѣйшимъ патріархомъ. Тамъ былъ и король. Эту роль исполнялъ Ромодановскій, получившій титулъ короля Пресбургскаго (такъ стало называться Преображенское) и, обязанный вести войну противъ короля польскаго, котораго изображалъ Бутурлигъ.

Въ 1694 году польскому королю было поручено защищать крѣпость противъ осаждавшихъ ее войскъ Гордона.

При первой атакѣ, не дожидаясь заранѣе учтенныхъ результатовъ, пользуясь методами, указанными военной наукой, циркумвалиціонными линіями и подкопами, Гордонъ принудилъ гарнизонъ и офицеровъ побросать оружіе и обратиться въ бѣгство. Петръ былъ взбѣшенъ. Бѣглецамъ было приказано вернуться въ крѣпость и защищать ее до послѣдней крайности. Ужасная картечь ранила и убила многихъ. Въ концѣ концовъ польскій король былъ взятъ въ плѣнъ и приведенъ со связанными руками въ лагерь побѣдителя *). Не надо забывать, что въ это время не было войны съ Польшей;

*) Желябужскій. Воспоминанія, стр. 39.

Россия заключила съ ней миръ и даже союзъ; короля этой дружественной націи, признаннаго всей Европой, звали Янъ Собѣскій! Надъ нимъ смѣялись! Въ 1692 году, въ кавалерійскихъ маневрахъ принимаетъ участіе эскадронъ карликовъ.

Въ 1694 году отрядъ, составленный изъ церковныхъ пѣвчихъ, сражается подъ командой придворнаго „дурака“ Тургенева съ отрядомъ военныхъ писарей.

Петръ забавлялся; продолжительный праздникъ, оргія шума и движенія, къ которой иногда присоединялись поучительныя занятія, и которыя чередовались съ ребяческими выходками и отвратительнымъ развратомъ,—вотъ что наполняло жизнь будущаго героя въ продолженіи шести лѣтъ. Онъ то учился бросать бомбы и лазить на мачты, то пѣлъ на клиросѣ, своимъ глубокимъ, низкимъ голосомъ. По окончаніи службы, онъ отправлялся къ Лефорту и до утра пьянствовалъ съ веселой компаніей. Шведскій посланникъ фонъ-Кохенъ рассказываетъ о пирушкѣ, устроенной по случаю окончанія постройки яхты, а другой ипострапецъ упоминаетъ о запискѣ, въ которой царь приглашалъ его къ себѣ и предупреждалъ, что они проведутъ ночь въ пьянствѣ *). Въ спискахъ вещей, привезенныхъ царемъ изъ Москвы, значатся мортиры, инженерные инструменты, артиллерійскіе припасы и клѣтки съ попугаями. Въ Пресбургской крѣпости инженерные офицеры, пиротехники имѣли „дураковъ“, которые для развлеченія, воплѣ безнаказанно могли убивать солдатъ **).

Потѣпныя войска давно уже переставали, вѣрнѣе, должны были перестать быть игрушкой. Въ 1690 году гвардейскій Преображенскій полкъ окончательно сталъ на поги подъ начальствомъ полковника-курляндца, Георгія фонъ-Менгденъ; вскорѣ за нимъ послѣдовалъ Семеновскій полкъ; треть наличнаго состава обоихъ полковъ состояла изъ французовъ-протестантовъ ***). Но вскорѣ, Азовская кампанія показала царю, чего

*) Устряловъ, т. II, стр. 360.

***) Русскій архивъ, 1875, т. III стр. 221.

***) Подробности созданія этихъ полковъ, которымъ суждено было сыграть такую важную роль въ Россіи, паходятся въ Петербургскомъ журналѣ, апрѣль 1778 г.

стоять эти, такіе воинственные съ виду, полки, и къ чему ведетъ несерьезное отношеніе къ серьезнымъ вещамъ.

Петръ испортилъ себѣ не мало крови, упорно работая на Переяславскомъ (Плещеевомъ) озерѣ, надъ постройкой флотиліи. Мѣстность здѣсь была красива. Дорога въ Москву пріятно разнообразилась, встрѣчающимися долинами и покрытыми лѣсомъ холмами. Прозрачная Викса (Viksa), вытекающая изъ восточной части озера, проходила черезъ сосѣднее озеро Сомино и впадала въ Волгу. На западѣ видѣлись золоченые купола церквей Переяславля-Залѣскаго, сгрудившихся около Преображенскаго собора. Петръ построилъ здѣсь маленькій деревянный домикъ, съ окнами изъ слюды; позолоченный двуглавый орелъ красовался на крышѣ этого убогаго жилища, въ которомъ однако весело проводили время; верфь была въ нѣсколькихъ шагахъ, но трудно предположить, что Петръ работалъ на ней во время своихъ частыхъ зимнихъ приѣздовъ на берега „маленькаго моря“. Въ февралѣ 1692 года его съ трудомъ удалось убѣдить вернуться въ Москву, чтобы дать аудіенцію посланнику шаха персидскаго *). Это мѣсто, конечно, заслужило любовь царя потому, что находилось вѣдъ материнскаго наблюденія и потому, что онъ могъ жить тамъ по своему вкусу. Многочисленные, приглашенные изъ Москвы друзья раздѣляли его досуги. Ихъ экипажи, безпрерывно двигавшіеся по Московской дорогѣ, привозили бочки вина, пива, меда и водки. Дамы также посѣщали этотъ уголокъ. Весной навигація, работы и упражненія возобновлялись; правда, они велись не очень серьезно. До Азовской кампаніи Петръ не зналъ, въ какомъ морѣ и противъ какихъ враговъ будетъ дѣйствовать его военный флотъ; онъ рѣшилъ, только, что сдѣлаетъ Лефорта, никогда не бывшаго морякомъ, адмираломъ этого флота, а позолоченное судно, на которомъ подниметъ свой флагъ, назоветъ „Элефантомъ“. Экипажъ этого судна будетъ состоять изъ превосходѣйшихъ матросовъ и не мѣше превосходнаго капитана,—самого Петра **). Въ

*) Гордонъ. Дневникъ 16-го февраля, 1692 г.

***) Поссельтъ „Der General und Admiral Franz Lefort“, Франкфуртъ, 1866, т. II, стр. 313—315.

послѣдній разъ молодой царь съѣздилъ въ Переяславль, въ маѣ 1693 года. Ему суждено было увидѣть свое озеро и свою верфь, лишь черезъ 30 лѣтъ, въ 1722 году. Прѣсноводная флотилія, доставившая ему столько огорченій и радостей, но, правда, не принесшая никакой пользы, была совершенно разрушена. Дерево и оспастка сгнили. Петръ разсердился,— вѣдь это были реликвіи. Онъ строго приказалъ хранить ихъ. Приказаніе не было исполнено. Въ 1803 году отъ флотиліи осталась лишь одна лодка, сохранившаяся въ полуразрушенномъ уже сараѣ. Отъ дома, въ которомъ жилъ Петръ, не осталось и слѣда. Все исчезло, все! Даже березы, подъ которыми отдыхалъ послѣ работы ученикъ-плотникъ *). Въ 1693 году Петръ разстался съ Плещеевымъ озеромъ такъ же, какъ когда-то разстался съ Преображенскими прудами. Онъ съ трудомъ добился согласія матери, не желавшей отпускать его, и уѣхалъ въ Архангельскъ. Онъ увидѣлъ, наконецъ, настоящее море! Онъ обѣщалъ матери не плавать по морю, стоя на берегу, лишь смотрѣть на морскія суда.

Но быстро забылъ о своемъ обѣщаніи.

Онъ едва не утонулъ, идя на скверной яхтѣ навстрѣчу купленному въ Амстердамѣ кораблю. Это военное судно, вмѣсто пушекъ везло красивую мебель, французскія вина, собакъ-болонокъ и обезьянъ. Вступивъ на палубу, Петръ преобразился: „Ты будешь командиромъ, а я простымъ солдатомъ“, писалъ онъ Лефорту.

Бургомистру Витзену, покупавшему корабль, онъ послалъ письмо такого содержанія:

„Min Neg.

Ничто иное нынѣ мнѣ писать, только, что давно желали, нынѣ въ 21 д. совершилось: Янъ Фъламъ въ целости приехалъ, на каторомъ каробле 44 пушкы і 40 матросоеъ. Пожалуй, поклонись вьсемъ нашимъ. Пространнее писать буду въ настоящей почтѣ; а нынѣ, обвеселяся, неудобно простьрано писать пачеже і нельзя, понеже при такихъ случаяхъ вьсегда

*) Устряловъ, т. II, стр. 146.

Бахусъ почитается, которой своими листьями засланяетъ очи
хотяшимъ пространо писати.

Schiper Fon schi
p santus profet
ites *).

Онъ имѣлъ претензію сказать: этоть—капитанъ „Св. Про-
рока“.

Петру въ это время минулъ 21 годъ, но онъ относился
какъ веселый, лѣнивый школьникъ и къ ороеграфіи, и къ
флоту. Онъ игралъ въ матросы, такъ же, какъ и игралъ въ
солдаты, и изображалъ культурнаго человѣка. Въ домѣ Ле-
форта онъ одѣвался какъ французъ; по улицамъ Архангельска
расхаживалъ въ костюмѣ голландскаго моряка.

На своемъ флагѣ онъ измѣнилъ лишь порядокъ цвѣтовъ:
краснаго, бѣлаго и голубого; въ кабакахъ онъ сидѣлъ за од-
нимъ столомъ съ соотечественниками и чокался съ ними.

Въ январѣ 1694 года мы снова видимъ его въ Москвѣ у
постели умирающей матери. Онъ отчаянно рыдалъ въ минуту
печальной развязки; черезъ три дня онъ уже веселился у Ле-
форта.

Доказываетъ ли это безсердечіе и отсутствіе пѣжности?
Не совѣмъ. Онъ хорошо относился къ Ивалу и до самой
смерти несчастнаго царя (1696 г.) былъ для него любящимъ
братомъ. Позднѣе, Екатерина нашла въ немъ ни только
страстнаго любовника, но и друга, а еще позднѣе, не безу-
пречнаго, конечно, но надежнаго, твердаго въ испытаніяхъ,
очень привязаннаго, нѣжнаго и вполнѣ искреннаго мужа.

Онъ былъ молодъ еще и не хотѣлъ подчиняться никакому
нравственному принужденію. Онъ быстро утѣшился въ своей
потерѣ; она дала ему свободу и онъ забылъ о своей матери
такъ же, какъ забылъ о существованіи своей жены.

1 мая онъ снова уѣхалъ въ Архангельскъ и вернулся къ
жизни матроса. Онъ служилъ во флотѣ такъ, какъ когда-то
служилъ въ арміи.

Ромодановскій получилъ чинъ адмирала, Бутурлинъ—вице-

*) Письма Петра, т. I, стр. 23.

адмирала, Гордонъ—контръ-адмирала. Двое первыхъ не видѣли раньше моря и не бывали даже на палубѣ судна.

Петръ остался простымъ капитаномъ такъ же, какъ раньше въ сухопутномъ войскѣ онъ оставался бомбардиромъ.

Въ этой виѣшней скромности и стремленіи ступеваться, которое впослѣдствіи было возведено въ систему, упорно хотѣть видѣть глубокой смыслъ. Я думаю, что время и обстоятельства, и формы, въ которыхъ выражалось это явленіе, не позволяютъ видѣть въ немъ ничего, кромѣ фантастическихъ выходовъ и что происхожденіе его объясняется лишь особенными чертами характера.

Мнѣ кажется, что здѣсь выдаетъ себя скромность подданнаго, замаскированная, преображенная, скрашенная виѣшними противорѣчіями сильной своевольной натуры и блескомъ сказочной жизни. Въ томъ, что составляло въ это время жизнь будущаго великаго человѣка, нѣтъ ничего ни глубокаго, ни серьезнаго. Но эти забавы, уроки, посѣщеніе иностранцевъ, слободское казино, преображенный лагерь и архангельскіе кабаки, Лефортъ, Гордонъ и голландскіе матросы, совершенно выбросили его, въ концѣ концовъ, изъ колеи, по которой катилась жизнь его предковъ. Прошлое осталось позади, а Петръ очутился на дорогѣ, цѣль которой нельзя еще было угадать, но которая, несомнѣнно, сулила полное неожиданностей будущее.

II.

Что дѣлала Россія въ то время, какъ ея господинъ бросался изъ стороны въ сторону, удовлетворяя свои прихоти и капризы? Россія постольку, поскольку она, вообще, способна была понять смыслъ происходившаго и думать, начинала находить, что переворотъ 1689 года принесъ ей мало пользы. Она смотрѣла безъ отвращенія и ужаса на связь царя съ „нѣмцами“, на его приверженность къ слободѣ. Алексѣй пріучилъ уже къ этому свой народъ. Но умѣренная склонность покойнаго царя къ западу приносила болѣе блистательные

результаты: промышленныя завоеванія, законодательныя реформы, дѣйствительный, плодотворный прогрессъ. Игры и фейерверки Петра убили и ранили многихъ людей; больше они ничего не принесли. Кромѣ того, въ то время какъ молодой царь въ своихъ развлеченияхъ шелъ впередъ, къ Европѣ, бояре, правящіе страной, всѣми силами старались вернуться назадъ. Правила они плохо. Голицыну не везло въ войнахъ съ татарами. Онъ былъ разбитъ ими въ степяхъ Перекопа, далеко за границами страны; они готовы были вторгнуться въ земли Святой Руси; тревожныя новости, извѣстія о пораженіяхъ, просьба о подкрѣпленіяхъ приходили со всѣхъ сторонъ. Мазепа угрожалъ въ Украинѣ. Патріархъ Константинопольскій Досифей повторялъ зловѣщіе слухи: французскій посланникъ встрѣтился въ Адрианополѣ съ Крымскимъ ханомъ и великимъ визиремъ; онъ далъ десять тысячъ дукатовъ первому и 70 тысячъ второму, и получилъ обѣщаніе, что охрана святыхъ мѣстъ будетъ уступлена французамъ. Договоръ этотъ началъ входить въ силу: католическіе священники отняли у православныхъ монаховъ Гробъ Господень, половину Голгофы, Вилеємскую церковь и Священную пещеру. Они уничтожили иконы; султанъ и его подданные съ презрѣніемъ относятся къ русскимъ; даже имя русскаго произносится съ презрѣніемъ.

Султанъ пригласилъ на свою коронацію всѣхъ государей, кромѣ двухъ русскихъ царей.

Изъ Вѣны, гдѣ русскій посланникъ подкупилъ переводчика департамента иностранныхъ дѣлъ, Адама Стилле (Stille), узнали, что министры императора, посланникъ польскій и посланникъ султана ведутъ за спиной Россіи постоянныя переговоры. Съ Россіей не считались, и она рисковала не получить никакой помощи противъ турокъ и татаръ.

Признаки недовольства и безпокойства все чаще появлялись въ обществѣ; въ это время Петръ рѣшилъ оставить свои забавы; Архангельская гавань и недоступныя впродолженіи 7 мѣсяцевъ воды Бѣлаго моря перестали привлекать его. Раньше онъ мечталъ найти, переплывъ Сѣверный океанъ, проходъ, который открылъ бы ему путь въ Китай; было ясно, что онъ не въ состояніи осуществить подобное предпріятіе. На Балтійскомъ морѣ нечего было

дѣлать: шведы, казалось, прочно овладѣли имъ. Лефортъ предложилъ другой проектъ и съ тѣхъ поръ значеніе жеванскаго авантюриста, въ похожей на опасный водоворотъ, жизни юнаго героя, значительно увеличилось. Впродолженіи многихъ лѣтъ Лефортъ не имѣлъ соперниковъ. Онъ былъ первымъ въ ряду, продолженнымъ Остерманомъ, Бирономъ, Минихомъ, первымъ изъ иностранцевъ-выскочекъ, въ руки которыхъ почти на сто лѣтъ была отдана Россія. Двѣнадцать человѣкъ охраняли его домъ, знатнѣйшіе вельможи холопствовали передъ нимъ. Петръ при всякомъ удобномъ случаѣ подчеркивалъ свое къ нему отношеніе:—это не было больше отношеніе монарха къ подданному. Царь собственноручно, при свидѣтеляхъ, далъ нѣсколько тяжеловѣсныхъ пощечинъ, своему двоюродному брату Абраму Ѳедоровичу Лопухину, за то, что въ дракѣ онъ испортилъ парикъ фаворита *). Онъ писалъ ему нѣжныя, почти страстныя письма. Лефортъ отвѣчалъ въ мало почтительномъ, безцеремонно-фамиллярномъ тонѣ **). Въ 1695 году Лефортъ рѣшилъ, что пріятно было бы сдѣлать свидѣтелями своей удивительной судьбы соотечественниковъ,—швейцарскихъ и голландскихъ друзей.

У Петра уже раньше явилась мысль послать за границу нѣкоторыхъ изъ своихъ молодыхъ товарищей. Почему бы ему не поѣхать туда самому, чтобы вблизи увидать и изучить чудеса, о которыхъ Тиммерманъ и Карштенбрандъ дали ему лишь искаженное и блѣдное представленіе? Сколько интереснаго увидать онъ тамъ. Поучительныя зрѣлища и невѣдомыя удовольствія разсѣютъ зародившуюся скуку! Но возникъ вопросъ: какое впечатлѣніе произведетъ на Европу „господинъ всея Руси“. Онъ ничего не сдѣлалъ еще для того, что прославить свое неизвѣстное, униженное предками и недавними пораженіями, имя. Эти размышленія заставили Петра оглянуться на самого себя, на занятія и развлеченія, потѣшавшія до тѣхъ поръ, его способности и понять все ихъ ничтожество. Свѣтлая мысль родилась въ

*) Пилаевъ. Старая Москва, Спб., 1891, стр. 491.

**) Письма Петра, т. I, стр. 754. Устряловъ т. IV ч. I, стр. 553—64.

его головѣ: прежде чѣмъ показаться людямъ запада, которыхъ онъ цѣнилъ такъ высоко, онъ долженъ дорости до нихъ и положить въ свой багажъ что-нибудь, кромѣ подвиговъ школьника. Какъ сдѣлать это? Воображеніе царя работало въ одномъ направленіи съ умами бояръ, на плечи которыхъ онъ возложилъ заботы о дѣлахъ. Они также чувствовали необходимость сдѣлать что-нибудь, чтобы выйти изъ тяжелаго положенія, въ которое поставило ихъ небрежное отношеніе къ внутреннимъ и внѣшнимъ дѣламъ и неумѣлая политика, направленіе которой безпрестанно мѣнялось. Таковы были разнообразныя побужденія, вызвавшія первый походъ на Азовъ.

Мнѣ кажется, что интуитивный геній будущаго побѣдителя шведовъ, которому приписываютъ честь выработки плана этой кампаніи, не принималъ участія въ его созданіи. Этотъ традиціонный, классическій планъ, по которому Россія всегда дѣйствовала противъ своихъ грозныхъ южныхъ враговъ, былъ составленъ давнымъ давно. Великій полководецъ Баторій указалъ его Ивану въ 1579 году *).

Азовъ, находившійся въ 15 километрахъ отъ устья Дона, называвшійся Танаисомъ до Р. Х. и Тапой въ Средніе вѣка, генуэзская торговая факторія, побѣжденная въ 1475 году турками и превращенная въ крѣпость, служилъ предметомъ вѣковой борьбы двухъ народовъ: онъ закрывалъ выходъ изъ устья рѣки съ одной стороны и входъ въ Черное море—съ другой. Не сюда должна была направить свои главныя силы московская армія. Собравъ большинство наличныхъ силъ и старую армію, участвовавшую въ несчастныхъ походахъ Голицына противъ турокъ, бояре снова повели ее по старому пути и начали кампанію также неудачно. Азовскій походъ былъ побочнымъ выраженіемъ, обособленнымъ ударомъ давней себѣ волю инициативы царя. Въ огромномъ лагерѣ, приближавшемся съ другой стороны къ Крыму, были довольны, что избавились отъ его присутствія и не мѣшали ему. Онъ не тратилъ силъ на приготовленія. Онъ думалъ и даже высказалъ это въ одномъ изъ писемъ, писанныхъ въ

*) Pierling, *Papes et Tsars*, Парижъ, 1890, стр. 204.

началъ кампаніи, что она будетъ продолженіемъ маневровъ, устраивавшихся въ Пресбургской крѣпости *). Онъ рассчитывалъ сразу, неожиданно овладѣть городомъ. Однако, онъ не рѣшился довѣрить свои, потѣшныя“ полки начальникамъ, которыхъ онъ создалъ недавно для потѣшныхъ сраженій на берегахъ Лузы; эти сраженія убѣдили его, вѣроятно въ томъ, что онъ владѣеть серьезной военной силой, способной выдержать большую войну; но онъ сознавалъ въ тоже время, что новое предпріятіе не похоже на прежнія и требуетъ большей осторожности; поэтому онъ отпустилъ и короля Пресбургскаго, и короля Польскаго.

Петръ твердо держался, давно забытой Западомъ, традиціи, требующей раздѣленія высшей военной власти. Въ его войскахъ были представлены всѣ новые роды оружія: гвардейцы, Лефортовскій полкъ, нѣсколько отрядовъ милиціонеровъ, милиція городская и дворцовая, стрѣльцы и царедворцы (Tsaredvortsy), всего тридцать одна тысяча человекъ.

Во главѣ ихъ стояло три генерала: Головинъ, Гордонъ и Лефортъ **). Организованная такимъ образомъ экспедиція сильно напоминала увеселительную прогулку. Генералы, пѣз которыхъ, по крайней мѣрѣ, одинъ (Лефортъ) не имѣлъ никакого представленія о войнѣ, начали ссориться сейчасъ же по полученіи власти. Молодой царь смѣялся надъ ними, гаерничалъ, отдавался своей любимой забавѣ—маскараду, вмѣшивался во все, отдавая приказанія направо и налево, а продолжая въ тоже время прятаться подъ псевдонимомъ капитана Петра Алексѣева,—чтобы имѣть возможность парадировать во главѣ отряда бомбардировъ. Онъ лишилъ Ромодановскаго всѣхъ привилегій, но сохранилъ за нимъ титулъ и писалъ ему въ самый разгаръ войны:

Min Her Kenich ***). Письмо вашего пресвѣтлѣ(й)шества, государя моего милостиваго, въ стольномъ градѣ Пресшбургѣ мая въ 14 день писанное мнѣ въ 18 день отдано, за которую вашу государскую милость должны до послѣдней капли крови

*) Письма Петра I, т. I, стр. 28 (отъ 16 апрѣля 1698 г.).

**) Петровъ, Военная сила Россіи, Москва 1892, т. II, стр. 4.

***) Письма Петра I, т. I, стр. 29 (19 мая 1695 г.).

своей пролить, для чего и нынѣ посланы; и чаемъ за вашей многие и теплыя къ Богу молитвы, вашимъ посланіемъ, а нашими трудами и кровью, оное совершить. А о здѣшнемъ возвѣщаю, что холопы ваши, генералы Авто(но)мъ Михайловичъ и Францъ Яковлевичъ, со всеми войски, даль Богъ, здорово, и намѣрены завтreshнего дня итить въ путь, а мѣшками для того что иные суды въ три дни на силу пришли и ис тѣхъ многіе небреженіемъ глупыхъ Кормщиковъ, которыхъ была болпая половина въ караванѣ; также и суды, которые дѣлали гости, гораздо худы, иные насилу и пришли. А казну здѣсь перегрузили въ пауски; а изъ служивыхъ людей по се число умерло небольшое число а ис того числа иные болные съ Москвы поѣхали. За симъ отдаюсь въ покровъ щедротъ вашихъ.

Всегдашній рабъ пресвѣтлѣйшаго
вашего величества бомбадиръ
Piter.

Въ результатѣ, все произошло такъ, какъ должно было произойти. Петръ былъ вынужденъ, какъ когда-то Софья и Голицынъ, подымать настроеніе общества, выдумывая побѣды. Въ Москвѣ служили благодарственные молебны послѣ взятія двухъ незначительныхъ крѣпостей. Въ то же время всѣ знали, что оба штурма самой крѣпости были неудачны и стоили многихъ жертвъ.

Рѣшительное испытаніе было сдѣлано новой арміи и ея молодому творцу. Семь лѣтъ юношескихъ затѣй, на цѣнность которыхъ рѣшаются указывать нѣкоторые историки, привели къ самымъ плачевнымъ, самымъ постыднымъ результатамъ. Такъ началась исторія Петра Великаго.

III.

Петръ не только Великій человекъ. Онъ является удивительно полнымъ и разностороннимъ олицетвореніемъ своего народа. Я охотно повѣрилъ бы, что никогда еще человѣчскій коллективъ со всѣми своими качествами и недостатками, съ неровностями своего нравственнаго уровня,

со всѣми особенностями своего характера, не отождествлялся такъ полно съ отдѣльной личностью, достойной перейти въ исторію. Все, что неожиданно открылъ въ глубинахъ своего ума и души, все что онъ внезапно сдѣлалъ и благодаря чему сталъ великимъ, все что Россія будетъ воспроизводить изо-дня въ день, изъ-года въ годъ, впродолженіи двухъ вѣковъ, выростая, создавая свое величіе также, какъ онъ создалъ свое. Разбитая турками, разбитая шведами, побѣжденная Европой также, какъ раньше Азіей, испытавъ десятокъ поражений, заключивъ десятокъ мирныхъ договоровъ, предложенныхъ побѣдителями, Россія снова начнетъ расширять на счетъ враговъ свои границы, отнимать турецкія, польскія и шведскія земли и, въ концѣ-концовъ, будетъ диктовать, благодаря своей настойчивости, законы европейскому континенту.

Упорно работать, упрямо преслѣдовать недоступную, съ виду, цѣль; выбирать рискованные пути и цѣвѣрныя способы; удваивать и утраивать усиліе, работать надсаживаясь, какъ работаетъ дровосѣкъ; умножать удары и рѣшительно, терпѣливо, стойчески ждать; весь секретъ здѣсь, въ душѣ русскаго,—похожей на твердый металл, закаленный вѣками рабства и вѣками искупительной работы. Величіе Россіи и величіе Петра—дѣло монгольскихъ завоевателей и терпѣливыхъ Московскихъ князей, закалившихся подъ тяжелымъ молотомъ побѣдителей.

Послѣ первой неудачной кампаніи московскіе фронтеры получили полное право повторять пророческія слова патріарха Іохима, и его проклятія противъ иностранцевъ—солдатъ и еретиковъ-генераловъ. Петръ, наоборотъ, снова обратился къ наукѣ и къ иностранной промышленности и снова звалъ въ Россію австрійскихъ и прусскихъ инженеровъ, голландскихъ и англійскихъ матросовъ и плотниковъ. Флотилія на Переяславскомъ озерѣ была брошена. Онъ началъ строить новую, въ Воронежѣ, въ низовьяхъ Дона и столкнулся съ огромными, непреодолимыми, какъ думали, затрудненіями. Выписанные изъ-за границы и сильно запоздавшіе рабочіе бѣжали, узнавъ какую работу они должны дѣлать. Русскіе рабочіе работали кой-какъ, отказывались исполнять прика-

занія и тоже массами бѣжали, не выдерживая плохого содержания. Корабельные лѣса горѣли на протяжении сотенъ квадратныхъ верстъ. Служащіе высшаго ранга, офицеры, инженеры, медики усиленно подражали поведенію примѣръ, котораго давалъ хозяинъ. Происходили постоянныя оргіи, ссоры, кровавыя стычки. Генераль и адмираль Лефорть, вынужденный дать отчетъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, касающихся управленія въ его вѣдомствѣ, началъ свой рапортъ, приблизительно, такъ: „Сегодня князь Борисъ Алексѣевичъ (Голицынъ) будетъ обѣдать у меня и мы вышлемъ за Ваше здоровье. Боюсь, что въ Воронежѣ вы не найдете хорошаго пива. Я Вамъ привезу его и мускатнаго вина“ *).

Работы начались осенью 1696 года. 3 мая слѣдующаго года 23 галеры и 4 брандера были спущены въ воды Дона, на пути къ морю. Петръ на галерѣ *Principium*, выстроеной, главнымъ образомъ, его руками, шелъ впереди, исполняя обязанность лоцмана. За нимъ, на другихъ судахъ, слѣдовали адмираль Лефорть, вице-адмираль венеціанецъ Лима (*Lima*) и коптръ-адмираль французъ Балтазаръ да-Лозьеръ (*L'Osiere*).

Русскій флотъ былъ созданъ. Я долженъ признаться, что флотъ этотъ не былъ еще блестящимъ; сухопутная армія совместно съ которой онъ долженъ былъ сдѣлать новый походъ на Азовъ, также не приобрѣла славу, подъ начальствомъ новаго генералиссимуса, боярина Шейна. Потѣшныя полки слишкомъ привыкли къ потѣшнымъ сраженіямъ, а стрѣльцы умѣли только осаждать дворцы; пушечный выстрѣлъ обращалъ ихъ въ бѣгство. Увидѣвъ ихъ въ дѣлѣ, у стѣнъ непреступной крѣпости, Петръ рѣшилъ ихъ судьбу и въ ближайшемъ будущемъ привелъ свое рѣшеніе въ исполненіе. Видъ и поступки всѣхъ этихъ людей, до появленія запоздавшихъ солдатъ, обѣщанныхъ императоромъ, вызывали воспоминанія объ осадѣ Трои. Генералы потеряли голову; самый способный изъ нихъ—Гордонъ, тщетно пытался пробить брешь въ стѣнѣ. Всѣ войсковыя части, офицеры и солдаты собрались на военный совѣтъ. У

*) Соловьевъ, т. XIX, стр. 224. Устряловъ, т. IV, стр. 585.

нихъ спрашивали, что дѣлать дальше. Какой-то стрѣлецъ подалъ мысль воздвигнуть противъ вражескихъ стѣнъ, превосходящія ихъ высотой земляныя укрѣпленія и оттуда обстрѣливать ихъ. Владиміръ Великій, кажется, пользовался этимъ приѣмомъ при осадѣ Корсуни *). Военная хитрость Владимира была встрѣчена съ энтузіазмомъ, но съ помощью ея удалось лишь испугать немного турокъ и вызвать улыбку нѣмецкихъ инженеровъ, явившихся, наконецъ, на мѣсто назначенія. Петръ былъ очарователемъ въ своемъ увлеченіи, веселости, юношеской дерзости. Своей сестрѣ Натальѣ, которая волновалась, думая объ опасностяхъ, его окружавшихъ, онъ шуточно писалъ: „Я не бѣгу за пулями; онѣ за мной бѣгутъ; хочешь, прикажи имъ не трогать меня“.

Но Петръ, научившійся уже принимать твердыя рѣшенія, легко растривался, приходилъ въ уныніе, правда, недолго продолжавшееся и терялъ голову. 20 мая, послѣ рекогносцировки турецкаго флота, которому онъ долженъ былъ преградить выходъ изъ Дона и не дать подвести провіантъ въ крѣпость, Петръ, вдругъ, испугавшись его грознаго вида, отступилъ со своими галерами. На другой день, въ 10 часовъ утра, онъ пришелъ къ Гордону мрачный и унылый; онъ ожидалъ самыхъ ужасныхъ бѣдъ.

Въ три часа дня онъ снова пришелъ, сіяя отъ радости: казаки на своихъ „чайкахъ“, легкихъ кожаныхъ челнахъ, летающихъ какъ настоящія чайки по водѣ, безъ всякаго приказанія, по собственному побужденію, напали наканунѣ вечеромъ на турецкія суда и принудили ихъ отступить съ большими потерями *). Этотъ случай далъ Гордону возможность показать себя и свою артиллерію; правда, бомбы, выпущенныя его орудіями, никогда не достигали цѣли, несмотря на тщательный прицѣлъ, но зато онъ тратилъ огромное количество пороха на побѣдные залпы. Прибытіе новаго отряда, взятіе редута или непріятельской паники, все являлось предлогомъ для канонады.

И это все все-таки ничему не помѣшало. Усиліе на этотъ разъ было настолько велико, желаніе побѣдить настолько

*) Петровъ, т. II, стр. 6.

**) Гордонъ. Дневникъ, 10-го мая 1696.

сильно, что крѣпость, въ концѣ концовъ, все таки была взята. 16-го іюля батарея, управляемая артиллеристами императора, открыла убійственный огонь; 17-го — смѣлый натискъ запорожцевъ, дѣйствующихъ одинаково дерзко и на водѣ и на сушѣ, помогъ Петру овладѣть частью крѣпостныхъ укрѣпленій, а 18-го — царь писалъ Ромодановскому приблизительно такъ: „Ваше Величество узнаетъ съ радостью, что благодаря Вашимъ молитвамъ и милости Божіей, люди, защищавшіе Азовъ, вчера сдались“.

Молодой побѣдитель царь могъ теперь показаться своимъ западнымъ сосѣдямъ. Суровый опытъ убѣдилъ его, что онъ долженъ учиться у нихъ всему. Его кругозоръ расширился, умъ его приобрѣлъ ясность. Кромѣ того, онъ задумалъ грандіозный планъ и предвидѣлъ роль, которую должно сыграть, при осуществленіи его, участіе иностранцевъ.

Онъ предполагалъ соединить Донъ и Волгу сътью каналовъ, и не хотѣлъ дѣйствовать съ закрытыми глазами въ этомъ предпріятіи. Для этого мало выписать инженеровъ изъ Венеціи, Голландіи, Даніи и Швеціи и послать за границу пятьдесятъ офицеровъ: 28 въ Италію, 22 въ Голландію и Англію *). Нужно самому поѣхать вмѣстѣ съ ними, самому поступить въ школу и работать серьезно, настойчиво, въ потѣ лица своего. Въ этой жаднѣ знанія, въ этомъ стремленіи къ труду было еще что-то ребяческое; еще болѣе ребяческимъ казались впоследствии уроки, будущаго ученика саардамскихъ плотниковъ; но цѣль была намѣчена, толчекъ данъ. Путешествіе по Европѣ освятило начало вполне сознательной жизни одной изъ самыхъ удивительныхъ историческихъ личностей.

*) Соловьевъ, т. XIX, стр. 238.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ пути. Германія. Голландія. Англія. Возвращеніе.

I. Прецеденты. Инкогнито царя. Маскарадъ. Великое посольство. Петръ Михайловъ. Впечатлѣніе въ Москвѣ и въ Европѣ. Запоздавшій отъѣздъ. Заговоръ. Кровавыя призраки. Топоръ дровосѣка и сѣкира Ивана Грознаго. Въ Швеціи. Рига. Холодный приемъ. Будущій casus belli. Въ Германіи. Кенигсбергъ. Дипломъ канонира. Встрѣча съ Софіей—Шарлотой Прусской. Свѣтскіе дебюты Петра. Лейбницъ. II. Въ Голландіи. Заандамъ. Легенда и исторія. Кримпенбургскій домъ. Прекрасная голландка. Амстердамъ. Начало серьезныхъ зачатій. Царь плотникъ. Чуждачества и слабости. Русскій Бахусъ. III. Въ Англіи. Петръ въ Кенсингтонскомъ дворцѣ. Неблагопріятное впечатлѣніе. Бернетъ. Еще легенда. Въ Лондонѣ и въ Девтфордѣ. Работа и развлеченія. Актриса Гроссъ. Всестороннія знанія. IV. На пути въ Вѣну. Неудавшіяся вѣзды. Австрійская спѣсь. Урокъ дипломатіи. Царь и императоръ. Неудобства инкогнито. Дипломатическое пораженіе. Неудавшееся путешествіе въ Венецію. Тревожныя новости изъ Россіи. „Сѣмя Милославскихъ“. Поспѣшное возвращеніе. Свиданіе съ Августомъ II въ Равѣ. Конецъ путешествія.

I.

Заглянувъ въ исторію Россіи одиннадцатаго вѣка, мы встрѣтимъ тамъ примѣръ подобнаго путешествія. Въ 1075 году великій князь Кіевскій, Изяславъ, посѣтилъ въ Майнцѣ императора Генриха IV. Петръ безсознательно, вѣроятно, возстановилъ еще одну традицію. При Ивалѣ Грозномъ даже желаніе ѣхать за границу считалось величайшей измѣной. Въ царствованіе Михаила, князь Хворостинъ подвергся суровому преслѣдованію за то, что въ компаніи друзей говорилъ о поѣздкѣ въ Польшу и Римъ, которую онъ собирался предпринять. Немного поздиѣ, при Алексѣѣ, когда слыъ его наиболѣе уважаемаго совѣтника, Ординъ-Нащокина, тайно пере-

шелъ границу, возникъ вопросъ о томъ, чтобы убить его тамъ *).

Петръ не рѣшился бравировать общественнымъ мнѣніемъ и придать своему путешествію официальный характеръ. Было что-то таинственное въ этой таинственности, что-то наивно дикое въ предосторожностяхъ, которыя онъ принималъ, чтобы сохранить свое инкогнито. Благодаря живости характера, онъ самъ постоянно выдавалъ свою тайну.

Составилось посольство, которому поручено было посѣтить императора, англійскаго и датскаго королей, папу, правительство Соединенныхъ Голландскихъ Провинцій, курфюрста Бранденбургскаго и Венеціанскую республику, словомъ, всё европейскія государства, кромѣ Франціи и Испаніи, и ходатайствовать о „возобновленіи прежнихъ дружескихъ узъ, дабы ослабить враговъ христіанства“. Во главѣ посольства стоялъ Лефортъ; товарищами его были Головинъ и Возницынъ. Въ ихъ свитѣ, среди пятидесяти пяти дворянъ, находился унтеръ-офицеръ Преображенскаго полка Петръ Михайловъ:—это и былъ царь. На письмахъ, адресованныхъ монарху, во время путешествія значилось: передать Петру Михайлову. Это только ребячество конечю. На печати, которую употреблялъ минимый унтеръ-офицеръ, изображенъ молодой плотникъ, среди инструментовъ, необходимыхъ для кораблестроенія и имѣется надпись: „Я въ рангѣ ученика и нуждаюсь въ учителяхъ“ *). Это уже трогательно.

Въ Москвѣ иначе представляли дѣйствительную цѣль этого путешествія и, думали, что царь будетъ дѣлать за границей то же, что дѣлалъ до сихъ поръ въ слободѣ, т. е.—веселиться **). Предвидѣлъ ли самъ Петръ, какіе широкіе горизонты откроетъ передъ нимъ это путешествіе? Врядъ ли. Проѣзжая черезъ Ливонію, онъ поговаривалъ уже о томъ, что русскимъ нужно обстричь бороды и укоротить платье ***). Его слова не достигали цѣли.

*) Соловьевъ, т. IX, стр. 461; т. XI, стр. 93.

**) Устряловъ, т. III, стр. 18.

***) Устряловъ, т. III, стр. 640.

****) Бломбергъ. „An account of Livonia“, Лондонъ, стр. 332.

Платье Лефорта дѣлало его похожимъ на татарина, и молодой князь Имеретинскій щеголялъ въ великолѣпномъ персидскомъ костюмѣ. Въ началѣ это цушествіе не имѣло ни въ глазахъ русскихъ, ни въ глазахъ европейцевъ того значенія, которое придали ему позднѣйшія событія. Я съ грустью долженъ разрушить, ласкаемую національнымъ самолюбіемъ легенду:—на него обращали мало вниманія. Русскіе привыкли къ постояннымъ скитаніямъ своего монарха; вниманіе Европы было направлено въ другую сторону. Моментъ, выбранный Петромъ для знакомства съ западными сосѣдями, былъ торжественнымъ моментомъ въ жизни Европы. Собирался конгрессъ мира въ Рисвикѣ (Ryswik) Вниманіе политическаго, торговаго и ученаго мира Европы было поглощено имъ. Я приведу только одно доказательство: у букинистовъ, на Орсейской набережной можно найти восемь томовъ, заключающихъ переписку Людовика XIV съ министрами, уполномоченными защитить его интересы на великомъ дипломатическомъ собраніи. Я готовъ поручиться, что имя Петра упоминается тамъ не болѣе одного раза. Оставивъ научныя занятія и работу, царь пріѣхалъ изъ Амстердама въ Гаслу; его ждалъ тамъ строго-оффиціаль-ный приѣмъ; уполномоченные говорили съ нимъ исключительно о дѣлѣ. Они жили въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ рядомъ съ царемъ, и казалось, не подозрѣвали о его существованіи; онъ работалъ въ Амстердамѣ, ихъ резиденція находилась въ Дельфтѣ. Знали ли они его имя? Они не упоминаютъ его даже касаясь интересующихъ ихъ дѣлъ Польши. Конечно, они не подозрѣвали, какую роль сыграетъ со временемъ будущій союзникъ Августа II-го.

Появленіе московскаго царя за границами его мало-извѣстнаго, въ общемъ, государства, возбудило нѣкоторый интересъ лишь въ узкихъ кругахъ. Въ слѣдующемъ году оно послужило темой для публичнаго диспута, устроеннаго ученымъ собраніемъ въ Торнѣ *).

Съ нѣкотораго времени ученые начали интересоваться Московіей. Мильтонъ написалъ книгу о великомъ сѣверномъ

*) *Conjecturoe aliquot politicoe de susceptis magni Moscovioe Ducis...itineribus, Thomni 1698* (Спб. библиотека).

государствѣ: возникла цѣлая литература, посвященная этому предмету. Въ Германіи, Лейбницъ высказалъ мнѣніе, что только Московиты способны спасти Европу отъ оттоманскаго ига.

Петръ Михайловъ тоже старался войти въ сношенія съ научнымъ міромъ Запада.

Послѣ кризиса, поставившаго Людовика XIV лицомъ къ лицу съ ужаснѣйшей изъ коалицій и передъ близкой войной за испанское наслѣдство, наступилъ моментъ проясненія. Благодаря истощенію Франціи Европа получила минуту отдыха. Моментъ для научно-увеселительной поѣздки по старому европейскому континенту былъ выбранъ удачно.

Раскрытіе заговора на жизнь царя задержало назначенный на февраль 1697 года отъѣздъ. Во главѣ заговорщиковъ стоялъ нашъ старый знакомый, бывшій сторонникъ Софьи, Тзилькеръ; пренебрежительное отношеніе Петра толкнуло его въ ряды недовольныхъ; не трудно угадать, кто были его товарищи: — опять и снова стрѣльцы. Они постоянно стояли на пути Петра и угрожали ему. Инцидентъ былъ быстро ликвидированъ; нѣсколько головъ легло на плаху. 19-го марта Петръ, наконецъ, уѣхалъ.

Но тѣнь омрачила радость путешествія; старая злоба проснулась въ душѣ молодого монарха; стрѣльцы снова воскресили незабываемые кровавые призраки, окружавшіе его колыбель.

Стрѣльцы хотятъ войны... Хорошо. При первомъ удобномъ случаѣ, царь сведетъ съ ними счеты. Онъ будетъ держаться на сторожѣ, противъ меча подыметъ мечъ, постоянному заговору противопоставить постоянный розыскъ, а занесенному во мракъ кинжалу—эшафотъ на Красной площади. Его вѣрные друзья и сотрудники начнутъ розыскъ безъ него; вернувшись опъ самъ докончить ихъ работу. Издалека онъ разжигалъ усердіе Ромодановскаго. Необыкновенныя, невиданныя зрѣлища, ждавшія его въ Германіи, Англіи, Голландіи не могли прогнать неясное видѣніе, призракъ смертельной опасности, преслѣдовавшей его съ колыбели. Мрачный, жестокой, неумолимый духъ предковъ оживалъ и росъ въ юношѣ. Кровавая тѣнь ужасной рѣзни омра-

чила в послѣдствіи его культурную работу; вмѣстѣ съ топоромъ онъ взялъ въ руки и сѣкиру и былъ одновременно и дровосѣкомъ и палачомъ.

Посольство подвигалось медленно:—всего ѣхало 250 чело­вѣкъ. Свита одного Лефорта состояла изъ 11 дворянъ, 7 пажей, 15 камердинеровъ, 2 ювелировъ, 6 музыкантовъ, и 4 карликовъ. Въ Ригѣ посольство было встрѣчено учтиво, но холодно. Губернаторъ Дальбергъ сказался больнымъ и не явился. Петръ сдѣлалъ изъ этого в послѣдствіи *casus belli* и указывалъ на это, какъ на личное оскорбленіе. Среди по­заимствованій, сдѣланныхъ имъ у западной цивилизаціи, не было добросердечія. Официально Петръ не могъ играть ни­какой роли; въ Ригѣ, какъ и вездѣ посламъ было приказано умалчивать о присутствіи молодого монарха. Всѣ должны были думать, что онъ занятъ постройкой флота въ Воронежѣ. Можетъ быть Дальбергъ хитрилъ немного, дѣлая видъ, что вѣрить этому утвержденію, а москвичи, слѣдуя своей наслѣдственной, боюсь я, склонности, слишкомъ ужъ без­церемонно предъявляли права на гостепріимство. Развѣ Петръ не пытался собственноручно снять планъ крѣпости? Ему преградили доступъ туда. Мнѣ кажется, что въ этомъ не были не правы: вѣдь его отецъ открылъ тамъ осаду. Если вина и была, то она была взаимна.

Дурное расположеніе духа путешественниковъ исчезло въ Митавѣ (Mittau). Царствующій герцогъ Фридрихъ-Кази­миръ былъ стариннымъ знакомымъ Лефорта. Онъ оказалъ посольству сердечный и пышный приѣмъ. Петръ забылъ о своемъ инкогнито, и поразилъ гостей неожиданностью своихъ рассказовъ и насмѣшками надъ правами, предразсудками и варварскими законами своей родины. Западъ начиналъ овладѣвать имъ. Но онъ оставался попрежнему страннымъ и экстравагантнымъ.

Въ Либавѣ онъ впервые увидалъ море, Балтійское море— море Варяговъ. Дурная погода помѣшала ему продолжать путь; онъ проводилъ время въ кабачкахъ, пилъ и балагу­рилъ съ портовыми матросами и на этотъ разъ добился, чтобы его считали простымъ капитаномъ, посланнымъ съ порученіемъ вооружить царскій катеръ. Предоставивъ сво-

ему посольству ѣхать сухимъ путемъ, онъ опередилъ его, и, другой дорогой, на торговомъ суднѣ пріѣхалъ въ Кенигсбергъ. Онъ отказался отъ привѣтствій принца Голштейнъ-Бэккаго, посланнаго курфюрстомъ Бранденбургскимъ, чтобы встрѣтить его, велѣлъ капитану судна заявить, что у него на палубѣ нѣтъ ни одного знатнаго пассажира, дождался темноты и, только въ 10 часовъ вечера рѣшился, отправиться въ приготовленное для него помѣщеніе. Его встрѣтилъ тамъ церемоніймейстеръ Жанъ де-Бессеръ, придворный съ головы до ногъ; и къ тому же ученый и поэтъ. Петръ бросился на него, сорвалъ съ него парикъ и бросилъ въ уголь.

— „Кто это?“—спросилъ онъ у своихъ. Ему объяснили, какъ могли, полномочія Бессера.

— „Хорошо. Пусть приведетъ мнѣ дѣвку“.

Я согласенъ, что этотъ анекдотъ, переданный, впрочемъ, серьезнымъ и мало пристрастнымъ историкомъ, кажется мнѣ подозрительнымъ *). Но множество подобныхъ случаевъ не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, каково было общее, производимое Петромъ, впечатлѣніе. Будущій преобразователь былъ пока только дикаремъ—это ясно. На другой день онъ посѣтилъ курфюрста, бесѣдовалъ съ нимъ на скверномъ нѣмецкомъ языкѣ, пилъ много венгерскаго и отказался принять отвѣтный визитъ: онъ опять сталъ Петромъ Михайловымъ. Одумавшись, онъ рѣшилъ оказать курфюрсту великолѣпный, по его мнѣнію, пріемъ и сжечь въ его честь фейерверкъ собственнаго приготовленія. Въ послѣднюю минуту курфюрстъ прислалъ извиненіе и отказъ. Къ чорту тѣхъ, кто принесъ эту скверную новость! Петръ сидѣлъ за столомъ вмѣстѣ съ Лефортомъ и однимъ изъ его карликовъ; Лефортъ курилъ трубку; царь былъ пьянъ, и время отъ времени, въ порывѣ нѣжности бросался цѣловать своего любимца. Онъ пригласилъ пришедшихъ, графа Крейцена и прелата Шлакена сѣсть рядомъ съ нимъ и вдругъ, неожиданно, стукнувъ кулакомъ по столу, закричалъ: „Курфюрстъ хо-

*) Боргманъ. Peter der Grosse als Mensch und Regent. Рига, 1823, т. I, стр. 256.

рошъ, но совѣтники его дьяволы! „gehe, gehe!“ Онъ поднялся, схватилъ одного изъ бранденбургцевъ за горло и толкнулъ его къ двери: „gehe, gehe!“

Когда царь разгуливалъ, какъ простой туристъ, по улицамъ Кенигсберга, публика бросалась вразсыпную, стараясь избѣжать встрѣчи съ нимъ. Неожиданныя перемены его настроенія и вспыльчивость были мало пріятны. Встрѣтивъ однажды придворную даму, онъ остановилъ ее рѣзкимъ жестомъ, крикнувъ громовымъ голосомъ: „Halt!“ Онъ взялъ часы, которые замѣтилъ у нея на корсажѣ, посмотрѣлъ на нихъ и ушелъ *).

Курфюрстъ былъ очень любезенъ и устраивалъ роскошные приемы своему гостю; присутствіе необычайнаго посольства льстило его самолюбію; онъ любилъ пышныя придворныя церемоніи. Кромѣ того, онъ имѣлъ ввиду заключеніе оборонительнаго союза противъ Швеціи. Полтораста тысячъ экю, истраченные на приемъ, были брошены даромъ. Разсѣянный, занятый другимъ, Петръ ускользалъ изъ рукъ курфюрста. Вниманіе его, или вѣрнѣй, его совѣтниковъ было всецѣло поглощено польскими дѣлами. Смерть Собѣскаго поставила лицомъ къ лицу двухъ претендентовъ: курфюрста Саксонскаго и принца де-Конти. Петръ былъ всецѣло на сторонѣ Августа и противъ его соперника, т.-е. противъ союзницы Турціи — Франціи. Въ письмѣ, посланномъ изъ Кенигсберга польскимъ вельможамъ, онъ говоритъ вполне опредѣленно о намѣреніи принять участіе въ борьбѣ и обѣщаетъ двинуть армию, во главѣ съ Ромодановскимъ къ границамъ Ливоніи.

Онъ уже рѣшается угрожать. Ожидая событій, посольство задержалось въ Кенигсбергѣ; Петръ воспользовался этимъ, чтобы удовлетворить свое любопытство и нетерпѣливую жажду знанія. Иногда у него являлись странныя желанія; онъ непремѣнно хотѣлъ, напр., присутствовать при колесованіи; онъ думалъ разнообразить уголовный процессъ своей родины введеніемъ этой пытки. Передъ нимъ извинились: вре-

Поссельтъ, т. II, стр. 407, 600, 601. Тейнеръ „Monuments historiques“, Римъ, 1859. Геррманъ „Geschichte Russlands“, т. IV, стр. 67.

менно не было присужденныхъ къ этой казни. Петръ удивлялся: сколькими способами можно убить человѣка?! Почему бы не взять кого-нибудь изъ его свиты *). Въ то же время онъ работалъ подъ руководствомъ артиллериста Стернфельда и въ нѣсколько недѣль получилъ дипломъ канонира. Объ этомъ напрасно говорятъ серьезно. Черезъ три года два монарха, одинаково влюбленные въ оригинальность, Петръ и Польскій король, встрѣтились въ Ливоніи, въ замкѣ Бирзѣ и развлекались стрѣльбой въ цѣль изъ пушки; Августъ попалъ два раза, Петръ ни одного *). Европа съ удивленіемъ и страхомъ знакоилась со странностями молодого царя. Онъ былъ, обыкновенно, веселъ, рѣзвъ, ловокъ; его энергія поражала; онъ обладалъ живостью и даже добродушіемъ; но иногда характеръ его рѣзко измѣнялся: приступы мрачнаго настроенія чередовались съ припадками бѣшенства. Онъ былъ гениаленъ и страненъ, и его волненіе беспокоило окружающихъ. Однажды, онъ ужиналъ съ курфюрстомъ въ низкой, выстланной мраморомъ залѣ; слуга уронилъ тарелку. Петръ въ гнѣвѣ вскочилъ и съ искаженнымъ лицомъ сталъ наносить удары шпагой. Къ счастью никто не былъ раненъ. Опомнившись и успокоившись, онъ настоятельно потребовалъ, чтобы виновный былъ наказанъ. Пришлось выпороть у него на глазахъ какого-то бѣднягу, присужденнаго къ этому наказанію за другое преступленіе *).

Въ первыхъ числахъ іюля, когда побѣда Августа была окончательно, повидимому, рѣшена, посольство двинулось въ дальнѣйшій путь, ближайшею цѣлью котораго была сначала Вѣна; предполагалось вести тамъ переговоры о заключеніи дружественнаго договора. Но посланный царя, Немифовъ, настаивалъ на измѣненіи маршрута; по его словамъ, оборонительный и наступательный союзъ былъ уже заключенъ. Лефортъ также настаивалъ на томъ, чтобы прямо отправиться въ Голландію. Напрасно предполагаютъ, что причиной этого было рвеніе кальвиниста: Лефортъ былъ достаточно равно-

*) Пѳльницъ (Баронъ Карлъ-Луи) Мемуары. Берлинъ, 1791-т. I, стр. 179.

**) Устряловъ т. IV, стр. 90.

***) Пѳльницъ—Мемуары.

душень въ вопросахъ, касающихся религіи. Случайности играли гораздо большую роль въ измѣненіяхъ маршрута путешественниковъ, чѣмъ это обыкновенно предполагаютъ. Странно, что по дорогѣ въ Голландію, Петръ не останавливался въ Берлинѣ. Онъ быстро проѣхалъ черезъ этотъ городъ. Будущая столица Фридриха не возбуждала его любопытства. Ему посчастливилось, однако, найти за предѣлами Пруссіи все наиболѣе привлекательное, что она могла предложить ему, и одновременно познакомиться съ наиболѣе очаровательными проявленіями культуры и просвѣщенности Германіи. Курфюрстина Бранденбургская, будущая королева прусская Софья-Шарлотта, не сопровождала своего супруга въ Кенигсбергъ. Она воспользовалась его отсутствіемъ, чтобы навѣстить свою мать, курфюрстину Софью Ганноверскую. Приѣздъ фантастичнаго монарха таинственной Московіи возбуждалъ ея любопытство.

Мать и дочь считались очень образованными для своего времени женщинами; Софья-Шарлотта, просватанная раньше за принца французскаго дома, вирожденіе 2-хъ лѣтъ жила при Версальскомъ дворцѣ и въ душѣ оставалась французенкой; ей минуло 29 лѣтъ, и она была самой хорошенькой и самой умной женщиной въ своей родной странѣ.

Цѣлѣтъ образованнаго общества составлялъ ея интимный кружокъ. Тамъ бывалъ Лейбницъ. Онъ разбудилъ въ ней интересъ къ событію, волнующему Кенигсбергъ, и открылъ передъ ея живымъ умомъ новые горизонты; онъ показалъ ей цѣлую программу занятій по этнографіи, археологіи, языковѣдѣнію; онъ выработалъ грандіозный планъ научныхъ предпріятій, которыя можно было бы осуществить съ помощью Московскаго монарха и въ которыхъ роль, величайшаго нѣмецкаго ученаго, была имъ самимъ намѣчена. Лейбницъ изучилъ уже исторію и языкъ Россіи.

Прежнее мнѣніе, что Польша является естественной преградой, отдѣляющей христіанскій міръ отъ варваровъ, турокъ, москвитовъ и т. д., было забыто.

Если Петръ и дикарь, то во всякомъ случаѣ онъ дикарь съ великимъ будущимъ; и Лейбницъ забавлялъ, ставя его на одну доску: то съ повелителемъ Китая—Камъ-Ки-Амалогдо-

Канъ, то съ королемъ Абиссиніи—Язюкъ-Адъямъ-Нугбадь—его современниками, которые, казалось, тоже мечтали о великихъ подвигахъ *).

Софья-Шарлотта получала обстоятельныя донесенія о времяпрепровожденіи царя въ Кенигсбергѣ. Они дали ей вполне достаточное представленіе о степени его культурности и воспитанности, но нисколько не уменьшили желанія его видѣть. Она вела по этому поводу дѣятельную переписку съ министромъ Фуксомъ; въ маѣ 1697 года она писала: „Мнѣ хотѣлось бы, чтобы его убѣдили пріѣхать сюда, не для того, чтобы самому увидать насъ, но чтобы намъ показать себя. Мы пощадили бы того, кого выдаютъ за рѣдкаго звѣря, и использовали бы его при этомъ“.

Черезъ мѣсяць она пишетъ:

„Хотя я врагъ нечистоплотности, но мое любопытство превосходитъ все остальное“.

Петръ, заинтересованный въ свою очередь и увлеченный воспоминаніями о любезныхъ слободскихъ нѣмкахъ, охотно далъ свое согласіе. Встрѣча произошла въ Коппенбрюгге, въ великомъ герцогствѣ Zelle—резиденціи герцога Брауншвейгскаго. Молодой монархъ смутился, увидѣвъ многочисленное общество; обѣ курфюрстины забыли предупредить Петра, что о его посѣщеніи извѣщены всѣ родственники. Онъ хотѣлъ скрыться, и поспѣшно уѣхать изъ деревни. Пришлось въ продолженіе часа вести переговоры и убѣждать его вернуться. Наконецъ онъ явился въ замокъ. Онъ отвѣтилъ жестаами на привѣтствія обѣихъ принцессъ и, закрывъ лицо руками, повторялъ: „Ich kann nicht sprechen!“ (Я не могу говорить!).

Конечно, это было дико, но въ этомъ сказала простая застѣнчивость; я настаиваю на этомъ, и продолженіе свиданія подтверждаетъ мое мнѣніе.

Молодой царь быстро оправился отъ смущенія. За ужиномъ онъ снова сдѣлалъ нѣсколько неловкостей и даже непристойностей; онъ изумился, увидавъ вилку, употребленіе которой

*) Варягагенъ фонъ-Энзэ—Leben der jnouvigin von Pressen Sophie—Charlotte. Берлицъ, 1837.

было ему неизвѣстно, и неаккуратно ѣлъ. Онъ заставилъ всѣхъ просидѣть въ продолженіе 4-хъ часовъ за столомъ и вставать каждый разъ, какъ пили за его здоровье. Несмотря на все это, онъ не произвелъ дурного впечатлѣнія. Онъ обладалъ природнымъ умомъ, быстро отвѣчалъ на задаваемые вопросы и, начавъ, безъ смущенія поддерживалъ самые продолжительные разговоры. Его спросили,—любитъ ли онъ охоту; онъ показалъ на свои загрубѣвшія, мозолистыя руки и отвѣтилъ, что ему нѣтъ времени охотиться. Послѣ ужина онъ согласился танцевать, попросивъ предварительно сдѣлать это двухъ принцессъ. Онъ хотѣлъ надѣть перчатки, но ихъ не оказалось. Господа его свиты приняли твердость китоваго уса, въ корсетахъ своихъ дамъ за ихъ естественную твердость и, вслухъ замѣчали, что „у нѣмокъ чертовски твердыя кости“.

Царь велѣлъ привести одного изъ своихъ „дураковъ“, замѣтивъ, что его глушья выходки никому не доставляютъ удовольствія, схватилъ какую-то метлу и выгналъ его. Не смотря на все это, въ конечномъ счетѣ, онъ все же больше очаровалъ, чѣмъ поразилъ. Это былъ обаятельный дикарь. Болѣе того: „Это,—пишетъ курфюрстина-мать,—совершенно исключительный человѣкъ. Его невозможно описать, невозможно даже дать о немъ представленіе“. Четыре часа, проведенные за столомъ, не показались длинными ни матери, ни дочери; обѣ не испытали, ни на минуту, скуки. Описывая Фуксу свои впечатлѣнія, Софья Шарлотта кончаетъ письмо неоконченной фразой: „Этого достаточно, чтобы наскучить Вамъ; но я не знаю, что дѣлать; я люблю говорить о царѣ, и еслибъ я считалась съ этимъ, я сказала бы Вамъ, что... „Остаюсь искренно уважающая Васъ и готовая къ услугамъ“ (*).

Лейбницъ, къ несчастью, не присутствовалъ на праздникѣ. Онъ рассчитывалъ, что посольство пройдетъ черезъ Menden, и наскоро составлялъ планъ реформъ и работъ, собираясь представить его царю. Ему удалось увидѣть только племянника Лефорта, который вѣжливо отдѣлался отъ него; Петръ былъ

*) Ерманъ, *Memoir pour servir à l'histoire de Sophie—Charlotte*. Берлинъ, 1861. Подробности свиданья взяты изъ переписки съ Фуксомъ.

недоступенъ. Ученые, не занимавшіеся постройкой кораблей и приготовленіемъ фейерверковъ, еще не интересовали его. Онъ спѣшилъ увидѣть родину Карштенбрандта и Корта. По дорогѣ въ Амстердамъ, въ пограничной голландской деревушкѣ Шенкеншентъ, какая-то женщина спросила путешественниковъ, — христіане-ли они? Циркулировалъ слухъ, что москвиты ѣдутъ креститься въ Кіевъ. (Clèves).

II.

Саардамъ, или Заандамъ, и домикъ царя сдѣлались цѣлью паломничества въ хорошенькій городокъ лишь въ концѣ 18-го вѣка. Посвящая пять страницъ своихъ мемуаровъ 1726 года, описанію этого уголка, баронъ Полльницъ не упоминаетъ о посѣтителѣ, благодаря которому онъ приобрѣлъ впоследствии извѣстность. Говоря о пребываніи Петра въ Голландіи, знаменитый Важенеръ (Wagenaer) не упоминаетъ о Заандамѣ*). Мы встрѣчаемся здѣсь съ любопытнымъ примѣромъ творчества народной фантазіи. Для историка ясно, что большинство освѣщенныхъ временемъ подробностей, касающихся пребыванія Петра въ городкѣ близъ Амстердама, совершенно неправдоподобно. Достоверно неизвѣстно даже, жилъ ли онъ въ домикъ, такъ благоговѣнно охраняемомъ теперь. По мнѣнію Шельтема, которое сходится съ мнѣніемъ Номена (Дневникъ котораго еще не изданъ), домъ этотъ принадлежалъ кузнецу Герриту Кисту; журналъ же мѣстной лютеранской общины называютъ его владѣльцемъ Вой Тизена (Voij Thijsen). Дома рабочихъ, находившіеся на берегу маленькаго канала, очень походили другъ на друга своими черепичатыми крышами, и ихъ очень нетрудно было перепутать.

Вольтеръ и его соревнователи прослѣдили шагъ за шагомъ жизнь героя-мученика, въ области его легендарныхъ сумасбродствъ. Они говорятъ, что онъ приготовлялъ себѣ постель въ убогой лачугѣ, стряпалъ обѣдъ, строилъ собственноручно

*) Wagenaer. Исторія Амстердама. Амстердамъ, 1750, стр. 727. Ст. также. Vaderlandsche Histoire, 1757, т. XVI.

модель парохода, потомъ модель вѣтряной мельницы, обѣ въ 4 фута ширины. Онъ придѣлалъ къ лодкѣ, на которой катался, мачту, и долгіе часы проводилъ на верфи съ топоромъ и стругомъ въ рукахъ; не удовлетворяясь этими многочисленными занятіями, онъ посѣщалъ пыльные заводы, давилъни, прядильныя фабрики, слесарныя мастерскія; зайдя на бумажную фабрику, онъ взялъ приборъ для выниманія листовъ, и отлично сдѣлалъ эту нѣжную работу. Сколько времени онъ потратилъ на все это? Почти два года,—говоритъ Вольтеръ *); а онъ пробылъ въ Заандамѣ лишь восемь дней! Почему онъ пріѣхалъ туда? Благодаря случайности, отчасти благодаря своей невѣжественной наивности.

Заандамъ былъ въ это время довольно значительнымъ центромъ кораблестроительныхъ работъ; тамъ насчитывалось до 50 верфей; но и по значенію и по качеству работы онъ не выдерживали сравненій съ амстердамскими верфями. Оставивъ въ Коппенбрюгге большинство своихъ товарищей, Петръ съ десяткомъ желающихъ, не задерживаясь въ столицѣ, отправился въ маленькую сосѣднюю деревушку. Почему? Потому что, случайно, лучшіе изъ плотниковъ, съ которыми онъ имѣлъ дѣло въ Преображенскомъ, Переяславлѣ и Воронежѣ, были родомъ изъ Саардама. Петръ рѣшилъ, что нужно итти туда, чтобы посмотрѣть хорошія суда и научиться ихъ строить. Онъ зашелъ въ гостиницу и сейчасъ же велѣлъ, слѣдуя своей маніи, принести костюмы мѣстныхъ судовщиковъ для себя и для товарищей. Онъ надѣлъ красный камзолъ съ большими пуговицами, короткую куртку и широкіе штаны и разгуливалъ въ этомъ одѣяніи по улицамъ, заходя въ дома рабочихъ, къ великому удивленію ихъ хозяевъ. Эти дома сильно напоминали тѣ, въ которыхъ онъ жилъ на родинѣ. Одинъ изъ нихъ, особенно, понравился ему, и онъ поселился въ немъ.

Царь купилъ боеръ—маленькое парусное судно, приладилъ къ нему сломанную мачту, и проводилъ время, плавая на этомъ суднѣ по заливу. Черезъ недѣлю ему это надоѣло. Въ

*) Вольтеръ немного противорѣчитъ самому себѣ. Собраніе сочиненій, изд. 1853 г., т. IV, стр. 576 и 663.

водахъ канала и на верфяхъ онъ видѣлъ только плохой вмѣстимости торговья суда. Его присутствіе, между тѣмъ, волновало умы мирнаго населенія мѣстечка и смущало мѣстныя власти. Переодѣванье, конечно, никого не обманывало. Родственникъ одного изъ рабочихъ, работавшій въ Россіи, давно уже прислалъ описаніе наружности царя. „Онъ высокаго роста, голова трясется, правая рука въ постоянномъ движеніи. На лицѣ бородавка“. Дѣти, съ которыми онъ дрался, бросали въ него камнями; онъ сердился и, забывая о своемъ инкогнито, объявлялъ во всеуслышаніе о своемъ званіи. Ему передали, что лучше было бы ему уѣхать; посольство въ это время находилось въ Амстердамѣ, и онъ рѣшилъ присоединиться къ нему.

Царь пробылъ въ Саардамѣ 8 дней; онъ катался тамъ на лодкѣ и далъ 50 дукатовъ служанкѣ, за которой ухаживалъ *). Его эксцентричныя выходки и переодѣванія поразили жителей и создали въ уголкѣ чужой страны цѣлый выдодкъ картинныхъ анекдотовъ и легенду.

Иосифъ II, Густавъ III и русскій великій князь Павелъ, около конца 18 вѣка, Наполеонъ и Марія-Луиза, въ началѣ 19-го, посѣтили это, истинное или нѣтъ, жилище, которое сдѣлалось въ послѣдствіи цѣлью паломничества.

Наполеонъ не былъ внимательнымъ посѣтителемъ, а Марія-Луиза размѣялась, увидавъ убогое жилище **).

Въ 1814 году императоръ Александръ I велѣлъ прибить къ дому мраморную доску; поэтъ Жуковскій, сопровождавшій будущаго императора Александра II, написалъ карандашемъ на стѣнѣ его восторженные стихи, въ которыхъ привѣтствовалъ колыбель Россіи подъ бѣдной кровлей рабочаго, а около портрета великаго человѣка туристы могутъ читать слѣдующее двухстишіе:

*) Меерманнъ. Discours sur le I-er voyage de Purre le ejroud. Парижъ, 1812 г. Нарговъ. Анекдоты. Спб. 1891 г. Неизданный журналъ Наомене въ библіотекѣ, въ 4 трактѣ. Наомень суконый торговецъ въ Заандѣ.

**) Шельтема, Anecdotes his torigues sur Pir le Grand, Лозаннъ 1842, стр. 404.

Nichtó is
den grooten man
te Klein.

Деревянный домъ на каменномъ фундаментѣ расположенъ въ западной, довольно отдаленной части города, на Кримнѣ. Герритъ Кистъ или Бой Тизенъ раздѣлялъ это жилище въ 1697 году съ какой то вдовой, которая и согласилась уступить Петру свое помѣщеніе за семь флориновъ. Петръ забывалъ платить ихъ;—на этотъ счетъ у него была слабая память.

Въ этой комнатѣ былъ каминъ, въ формѣ корзины съ деревянной обкладкой и наличниками на манеръ шкафа, съ дверцами, заплетенными латунной проволокой. Въ ней находилась также лѣстница, ведущая на чердакъ.

Императрица Елизавета купила всю мебель и увезла ее въ Россію. О домѣ, въ которомъ ютилось нѣсколько поколѣній рабочихъ, долго не вспоминали; возможно, что въ послѣдствіи его все-таки узнали. Вѣчно вродѣ навѣса, сооруженнаго голландскимъ королемъ, сохраняеть теперь то, что осталось: лѣвое крыло, съ двумя комнатами на чердакѣ наполовину разрушилось подъ тяжестью завалившейся крыши; правое крыло и каминъ исчезли. Голландское правительство передало недавно эти реликвіи русскому и послѣднее приняло для сохраненія ихъ новыя мѣры, пугающія любителей живописи, но, вѣроятно, неизбежныя; я видѣлъ что тамъ помѣщенъ калориферъ.

Во дворцѣ Монплезиръ, въ Петергофѣ, хранится картина фламандской школы, на которой изображенъ человѣкъ въ красномъ камзолѣ, крѣпко обнимающій полногрудую дѣвушку.

Долгое время думали, что авторъ этой картины вдохновлялся воспоминаніями, оставленными въ Саардамѣ великимъ человѣкомъ. Теперь она находится въ Эрмитажѣ и доказано, что она не была писана съ натуры, такъ какъ авторъ ея, I. I. Гореманъ (Horemans) родился въ 1715 году. Нартовъ, сдѣлавшійся въ послѣдствіи однимъ изъ самыхъ близкихъ къ Петру лицъ, упоминаеть объ этой дѣвушкѣ и замѣчаетъ, что она отдалась царю лишь послѣ того, какъ поняла, заглянувъ въ его кошелекъ, что имѣеть дѣло не съ простымъ судовщикомъ.

Въ отрывкѣ письма къ Лейбницу отъ 27 ноября 1697 года я прочелъ слѣдующія строки: „Царь встрѣтилъ Саардамскую

крестьянку, которая ему понравилась и въ часы досуга будетъ подобно Геркулесу, наслаждаться любовью на своей баркѣ“ *).

Въ Амстердамѣ Петра ждалъ другъ, почти сотрудникъ— бургомистръ города, Николай Витзенъ. Во время царствованія Алексѣя онъ посѣтилъ Россію и былъ авторомъ извѣстной книги о Южной и Западной Тартаріи. Онъ дѣятельно переписывался съ Лефортомъ и царь пользовался его посредничествомъ, заказывая суда и дѣлая другія покупки въ Голландіи; онъ не могъ не оказать подобающаго приѣма путешественнику. Онъ открылъ царю доступъ на большія верфи Восточно-Индійской компаніи.

Серьезная работа началась здѣсь для Петра.

Но онъ оставался по-прежнему чудакомъ, не оставлялъ своихъ малій, переодѣваній, странныхъ выходокъ. Онъ прятался подъ именемъ „дядюшки Петра“ или „плотника Петра изъ Саардама“, и притворялся глухимъ, когда его называли иначе. Его посольство отправилось въ Гаагу, чтобы получить тамъ торжественную аудіенцію; царь отказался присутствовать при ней, но объявилъ, что будетъ сидѣть въ сосѣдней комнатѣ. Когда туда пришли, онъ хотѣлъ уйти, но прежде чѣмъ пройти черезъ залу, въ которой происходила аудіенція, попросилъ всѣхъ присутствующихъ повернуться лицами къ стѣнѣ **). Онъ пріѣхалъ въ городъ въ 11 часовъ вечера и, отказавшись отъ лучшей комнаты, приготовленной для него въ гостиницѣ, полѣзъ наверхъ, желая пайти себѣ спальню подъ самой крышей. Раздумавъ, онъ рѣшилъ переночевать въ другомъ мѣстѣ. Гостиница „Vieux Dollen“ удостоилась чести пріютить его. Одинъ изъ слугъ уже спалъ тамъ на медвѣжьей шкурѣ. Ударомъ ноги царь разбудилъ его:

„Я хочу лечь на твое мѣсто“ ***).

По дорогѣ изъ Амстердама въ Гаагу, онъ двадцать разъ останавливалъ карету, измѣрялъ широту моста на сваяхъ, зашелъ на мельницу, перейдя по колѣно въ водѣ вспаханный лугъ, вошелъ въ какой то домъ, выгнавъ предварительно хозяевъ. Онъ далъ волю своему ненасытному любопытству и своей фантазіи. Онъ едва не искалѣчился, пробуя остановить работу

*) Геррѣе. Переписка Лейбница, СПб. 1873, стр. 31.

**) Шельтема, стр. 140—142.

***) Шельтема, стр. 140—142.

дѣсопилки, онъ уцѣпился за главное колесо на шелкопрядильной фабрикѣ и едва не былъ поднятъ на воздухъ однимъ изъ второстепенныхъ колесъ. Онъ изучалъ архитектуру съ Симономъ Шинвоотомъ (Schynvoet) изъ Лейдена; механику въ Ванъ-деръ-Хейденомъ; фортификацію съ Гохорномъ (Gochorn), котораго убѣждалъ поступить къ себѣ на службу; печатное дѣло съ братьями Тессингъ; анатомію съ Рюишемъ (Ruysch); естественную исторію съ Левенхокомъ (Leuwenhoek). Онъ повелъ членовъ своей свиты въ анатомическій театръ знаменитаго Борнхааве (Boernhaave) и замѣтивъ отвращеніе, которое внушали имъ находившіеся тамъ препараты, заставилъ одного изъ нихъ зубами оторвать кусокъ анатомируемаго трупа. Онъ учился обращаться съ компасомъ, работать пилой, стругомъ и щипцами зубодера, который практиковалъ на площади, подъ открытымъ небомъ. Онъ выстроилъ фрегатъ, стлалъ самъ себѣ постель, устроилъ русскую баню и готовилъ обѣдъ *). Онъ учился рисовать и гравировать по мѣди, посѣщалъ мастерскую Жанны Кортенъ Блокъ, позировалъ ей для портрета, расписывался въ ея альбомѣ и выгравировалъ на мѣдной доскѣ картину, изображающую побѣду христіанства надъ магометанской религіей **).

Во всемъ этомъ чувствуется какая-то лихорадочность, вмѣсто разумнаго прилежанія. Большую роль играютъ также капризы и сумасбродство. Въ результатѣ Петръ получилъ очень сбивчивыя понятія объ наукѣ и искусствѣ:

„Когда похочешь дѣлать корабль,—читаемъ мы въ его учебной тетрадѣ,—или иное что, перво надобно длину оверштевена взявъ сдѣлать по концамъ прямые углы“ ***).

Наполеонъ, несмотря на универсальность своего генія, подобнаго котораго не знаетъ новый міръ, никогда, однако, не претепдовалъ быть медикомъ и дѣлать азотную кислоту. Онъ специализировался. Петръ подчинялся инстинкту, который не

*) Меерманнъ, стр. 60.

***) Шельтема, *La Russie et la Pays-bas*. Амстердамъ, 1817, т. I, стр. 221. Мюллеръ *Essai et'une bibliographie néerlandaise—russe*, стр. 164—165. Пекарскій „Наука и литература въ Россіи“. Спб., 1862, т. I, стр. 9. Гравюра нах. въ въ Амстердамскомъ музеѣ.

***) Устряловъ, т. III, стр. 93.

обманывалъ его. Онъ прекрасно подготовлялся къ ожидавшей его настоящей работѣ, которая заключалась ни въ сооруженіи кораблей, заводовъ и дворцовъ,—это было предоставлено иностранцамъ-специалистамъ,—а въ перенесеніи на русскую почву всей европейской цивилизаціи.

Онъ продолжалъ дѣлать то, что дѣлалъ въ оружейной палатѣ, т. е. разглядывать и ощупывать чужеземныя сокровища.

Вѣдь оружейная палата представляла неполный, правда, музей, гдѣ были собраны всевозможныя научныя и промышленныя и художественныя брикъ-а-бра, которые онъ предполагалъ заимствовать у западнаго міра.

Теперь его любознательность увеличилась и умъ его соответственно выросъ. Изъ беззаботнаго ребенка и разсѣяннаго юноши онъ все больше становился царемъ. Въ Переяславлѣ и въ Архангельскѣ ему случалось забывать о Москвѣ и о государствѣ. Теперь этого не было. Вдалекѣ отъ столицы и границъ своей родины, онъ хотѣлъ знать всѣ малѣйшія подробности, касающіяся управленія, о которомъ онъ такъ недавно совершенно забывалъ. Онъ хотѣлъ знать день за днемъ все, что тамъ дѣлалось. А дѣлалось тамъ много. Недолгая вспышка энергичной дѣятельности царя принесла уже плоды. Около Азова сооружались Петровскій и Алексѣевскій форты; въ Таганрогѣ—Троицкій фортъ и фортъ св. Павла. Тамъ чистили портъ. На Днѣпрѣ нападенія турокъ на Казикермановскій и Таванскій форты были блестяще отбиты. Кораблестроеніе дѣлало быстрые успѣхи. Король шведскій прислалъ для вооруженія кораблей триста пушекъ. Онъ не думалъ, что они могутъ обратиться противъ него или геройски игнорировать эту возможность. Августъ строилъ укрѣпленія въ Польшѣ. Петръ былъ освѣдомленъ обо всемъ этомъ. Онъ велъ дѣятельную переписку съ людьми, которымъ онъ поручилъ на время своего отсутствія управленіе дѣлами государства.

Ромодановскій сообщалъ ему повости относительно стрѣльцовъ, Виніусъ спрашивалъ о голландскихъ оружейныхъ мастерахъ. Петръ не только ихъ послалъ ему; онъ занимался собираніемъ многочисленныхъ и разнообразныхъ работниковъ, которые должны были помочь ему въ преобразовательной работѣ, планъ которой яснѣй вырисовывался въ его головѣ:

начальникъ искусснаго экипажа, норвежець Корнелій Крюисъ (Cruys), котораго царь сдѣлалъ адмираломъ, нѣсколько морскихъ капитановъ, 23 командора, 35 лейтенантовъ, 42 лоцмана, 50 медиковъ, 345 матросовъ, четыре повара. Эти люди должны были приспособить все снаряды и принадлежности, которые онъ собралъ и отправилъ въ Россію. 260 ящиковъ, съ клеймомъ „П. М.“ (Петръ Михайловъ), наполненные ружьями, пистолетами, пушками, паруснымъ полотномъ, компасами, пилами, китовымъ усомъ, якорями, были посланы въ Москву. Другая посылка состояла изъ десяти глыбъ мрамора, которые должны были вдохновить артистовъ. Они говорили о будущей школѣ изящныхъ искусствъ. Въ одномъ изъ ящиковъ находилось чучело крокодила, положившее начало музею *). Изрѣдка эта удивительная дѣятельность приостанавливалась и переписка царя съ его уполномоченными прерывалась. Отвѣты царя сильно запаздывали. Потомъ онъ смущенно, почти униженно, извинялся: это виноваты Хмѣльницкій **), русскій Бахусъ. Ученикъ Лефорта не избавился еще, и никогда не избавится, отъ этого старикашки, постоянно присутствовавшего на пирушкахъ въ слободѣ.

Но въ общемъ, въ теченіе своего четырехмѣсячнаго пребыванія въ Голландіи, Петръ сумѣлъ сдѣлать огромную работу.

Восемь дней его пребыванія въ Заандамѣ взволновали населеніе. Въ Амстердамѣ о его присутствіи забыли, какъ только изгладилось первое впечатлѣніе. Уже позднѣе величіе, доставшейся ему роли и частыя посѣщенія Европы, обратили вниманіе общества на его первые, почти неизвѣстные выступленія. Застигнутая врасплохъ легенда, не найдя его слѣдовъ въ суетѣ большого приморскаго города, постаралась найти исходную точку для своихъ соображеній въ какомъ-нибудь болѣе скромномъ мѣстѣ, и остановилась на Заандамѣ. Непосредственное впечатлѣніе, произведенное въ этихъ мѣстахъ появленіемъ Петра Михайлова и его шумныхъ товарищей, точно воспроизводимая двумя выписками изъ современныхъ хроникъ.

Журналъ Заандамской лютеранской общины:

*) Устряловъ, т. III, стр. 104—110.

**) Хмѣльницкій былъ въ XVII вѣкѣ атаманомъ казаковъ и велъ удачную борьбу съ польскимъ владычествомъ.

„Онъ прїѣхалъ инкогнито, съ немногочисленной свитой и жилъ 8 дней въ Кримпенбургѣ у кузнеца Вой Тизенъ (Vois Thejzen), а потомъ уѣхалъ въ Амстердамъ, куда прибыло его великое посольство. Онъ ростомъ въ 7 футовъ, носилъ костюмъ заандамскаго крестьянина и работалъ на верфяхъ адмиралтейства. Онъ любитель корабельныхъ сооруженій“.

Дневникъ Ноомена: „Итакъ государство и нашъ маленький городокъ Заандамъ избавились и освободились отъ этихъ знаменитыхъ, многочисленныхъ, странныхъ, необычайныхъ и очень убыточныхъ гостей“.

Изъ „постановленія“ правительства Соединенныхъ Провинцій, мы узнаемъ, что содержаніе посольства стоило сто тысячъ флориновъ.

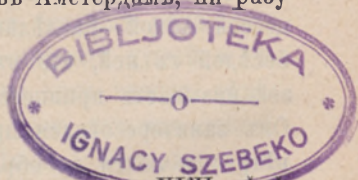
Ни въ этомъ, ни въ другихъ документахъ, относящихся ко времени пребыванія посланниковъ въ Амстердамъ, ни разу не упоминается имя Петра *).

III.

Амстердамскіе корабельщики пользовались въ XVIII вѣкѣ вполне заслуженной репутаціей, но они были больше практиками, чѣмъ учеными. Измѣненія способовъ работы, которые передавались съ одной верфи на другую, были лишены какой бы то ни было теоретической связи; употреблявшіеся традиціонные методы не имѣли никакой научной обосновки.

Освоившись съ ремонтомъ, Петръ замѣтилъ это и остался недоволенъ. Эта система лишала его возможности вникнуть въ работу и овладѣть ея принципомъ. Англичанинъ, котораго онъ встрѣтилъ въ домѣ суконнаго торговца, Юганна Тессинга, расхвалилъ ему верфи своей родины: по его словамъ, теорія стояла тамъ на одномъ уровнѣ съ практикой. Въ январѣ 1698 года молодой царь переплылъ Ла-Маншь. Онъ встрѣчался съ Вильгельмомъ III, въ Утрехтѣ и Гаагѣ, и заручился любезнымъ приѣмомъ. Яхта королевскаго флота, эскортируе-

*) Гаагскій архивъ. Кромѣ указанныхъ источниковъ см. относительно пребыванія Петра въ Голландіи: Языковъ, Петръ Великій въ Заандамѣ и Амстердамѣ, Берлинь, 1872.

мая тремя липейными кораблями, явилась за нимъ въ Амстердамъ. Вицъ-адмиралъ Мичель (Mithel) и маркизь Кэрмартенъ (Caermathen) оригиналь и любитель брэнди, почти такой же „героическій“, какъ Лефорть, были прикомандированы къ его особѣ. Не выяснено, какой домъ занималъ царь въ Лондонѣ. Одни говорятъ, что это былъ домъ № 15, на Букингамъ-Стриттѣ, на которомъ имѣется воспоминательная надпись: другія утверждаютъ, что домъ этотъ находится на Норфолькъ-Стриттѣ. Король, войдя въ выбранную царемъ комнату, въ которой онъ спалъ вмѣстѣ съ тремя или съ четырьмя слугами, едва не лишился чувствъ: воздухъ былъ ужасенъ. Пришлось, несмотря на холодъ, открыть окна. Петръ отдалъ Вильгельму визитъ въ Кэпсингтонскомъ дворцѣ; его общительность сдѣлала замѣтные успѣхи; онъ долго разговаривалъ по-голландски съ королемою, рассыпался въ любезностяхъ передъ принцессой Аппой—наслѣдницею престола и былъ такъ доволенъ бесѣдой съ ней, что въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей называетъ принцессу „истинной дочерью нашей церкви“. Онъ заинтересовался приборомъ, указывающимъ направление вѣтра; и почти не обратилъ вниманія на чудеса искусства, собранныя во дворцѣ; въ концѣ концовъ, его труды пропали даромъ. Произведенное здѣсь впечатлѣніе было неблагоприятно. Въ этомъ культурномъ, утонченно-изысканномъ обществѣ добиться успѣха было труднѣй, чѣмъ въ Конненбрюггѣ. Немного позднѣе, Бюрнетъ почти извиняется въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ передъ читателями за то, что останавливаетъ ихъ вниманіе на столь печальномъ персонажѣ *). Трудно представить себѣ, что этотъ человекъ способенъ управлять великимъ государствомъ; изъ него можетъ выйти хорошій плотникъ,—это такъ; его видятъ постоянно за этой работой.— Великій историкъ увѣренно показываетъ пальцемъ на слабости чудеснаго генія и не подозрѣваетъ о степени его силы, которую я попытаюсь освѣтить немного позднѣе. Кромѣ того, онъ не записываетъ свѣжихъ впечатлѣній, а время измѣняетъ ихъ и создаетъ оптический обманъ,—слѣдствія котораго мы уже видѣли въ Голландіи. Петръ пробылъ въ Англіи

*) Т. II, стр. 221 и сл.

столько же приблизительно времени, и занимался, попрежнему, множеством различных вещей. Побуждаемый своим практическим умомъ, онъ съ интересомъ и съ присущей ему кропотливостью осмотрѣлъ общественныя учрежденія, которыя могли дать что нибудь полезное для его будущей работы: монетный дворъ, обсерваторію, Королевское общество Наукъ. Онъ не упалъ, правда, въ обморокъ передъ полотнами Консингтонскаго дворца, но зато поручилъ писать свой портретъ ученику Рембранда — Кнеллеру и Фердинанду Болю. (Bol). Одинъ изъ лучшихъ его портретовъ хранится въ Хамптонъ-Кауртъ (Hampton-Court). Кромѣ того, онъ развлекался, давая волю своимъ 25 годамъ и знакомясь практически съ мѣстными нравами.

Актриса Гроссъ, замѣнившая служанку изъ саардамской гостиницы, жаловалась впоследствии на скупость царя. Когда, кто-то позволилъ себѣ упрекнуть его, онъ рѣзко возразилъ: „За пятьсотъ гиней люди мнѣ служатъ душой и тѣломъ; эта дѣвка мнѣ плохо служила, ты самъ знаешь чѣмъ, и стоитъ дешевле“ *). Онъ вернулъ свои пятьсотъ гиней, выигравъ пари у герцога Лейдскаго (Leeds): гренадеръ изъ его свиты одолѣлъ знаменитаго англійскаго боксера.

Истративъ на подобныя занятія три мѣсяца, онъ отправился на шесть недѣль въ Дептфордъ, пригородное мѣстечко, соединенное теперь со столицей, чтобы продолжать, неоконченныя въ Амстердамѣ, работы на верфяхъ. Царю нравилось играть роль ученика-рабочаго, ходить по улицамъ съ топоромъ на плечѣ, пить пиво и курить коротенькую голландскую трубку въ кабачкѣ, сохранявшемъ до 1808 года, названіе: „Царской Таверны“ и портретъ монарха. Онъ далъ новый матерьялъ, которымъ воспользовалась легенда и который ввелъ въ заблужденіе, обыкновенно, проницательнаго и обладающаго надежной памятью Бюрнета.

Относительно того, какой домъ занималъ Петръ въ Дептфордѣ не существуетъ никакихъ сомнѣній. Мѣсто его жительства удостовѣрено судебнымъ порядкомъ.

Вступивъ во владѣніе своимъ жилищемъ, временно пре-

*) Нартовъ, стр. 9. Выраженія болѣе грубы.

доставленномъ московскому царю, хозяину его, адмираль Джавъ Ивилинъ (Evelyn), пашель его совершенно разгромленнымъ; казалось, что прошелъ тамъ самъ Батый со своей ордой. Двери и окна были сломаны или сожжены, обои запачканы и изорваны, цѣнныя картины совершенно испорчены, рамы изломаны въ куски. Ивилинъ (Evelyn) потребовалъ отъ казны возмѣщенія потерь *). Наполовину разрушенный теперь и занимаемый счетоводными копторами домъ—Says-Court не помнитъ о посѣтившемъ его знаменитомъ гостѣ; но улица, на которой онъ находится, называется съ тѣхъ поръ Царской (Csárs-street).

Петръ серьезно работалъ въ Дерптфордѣ, подъ руководствомъ знаменитаго Антуана Дина (Dean), отецъ котораго уѣхалъ во Францію преподавать архитектуру и лишился благодаря этому популярности. Въ письмѣ отъ 4 марта 1698 года, царь говорить, не безъ грусти и сожалѣнія, касаясь безчинствъ, учиненныхъ въ Москвѣ, въ пьяномъ видѣ, однимъ изъ его временныхъ замѣстителей: „А мы здѣсь не рѣшаемся дѣлать этого, такъ какъ непрерывно заняты наукой“. Но въ Дертфордѣ, какъ и въ Голландіи, научныя занятія и страсть къ морю не поглощали его всецѣло; онъ продолжалъ вербовать себѣ будущихъ сотрудниковъ: рабочихъ для разработки уральскихъ рудниковъ, инженеровъ для прорытія канала, который долженъ быть соединить черезъ Волгу и Донъ, Черное и Каспійское море. Онъ велъ переговоры съ маркизомъ Кэрмартеномъ, относительно продажи монополіи на табакъ группѣ англійскихъ капиталистовъ: царь назначилъ довольно умѣренную цѣну—48 тысячъ рублей; деньги были ему необходимы, чтобы уравновѣсить колеблющійся бюджетъ своего посольства.

Бюрнетъ забылъ обо всемъ этомъ. Легенда вспоминаетъ о символическомъ подаркѣ—неотшлифованномъ алмазѣ, возвращенномъ въ кусокъ грязной бумаги, предложеннымъ Петромъ при отъѣздѣ, своему царственному хозяину. Разсказчики анекдотовъ увѣряють, что въ Кенигсбергѣ, за столомъ, онъ

*) Шубинскій, Историческіе эскизы. Спб., 1893, стр. 30.

бросилъ огромный рубинъ за корсажъ курфюрстины, которой, кстати сказать, даже не было въ это время въ городѣ.

IV.

Заѣхавъ на возвратномъ пути, въ концѣ апрѣля, въ Голландію, Петръ отправился въ Вѣну. Просьба о помощи противъ турокъ, съ которой его послы обратились къ правительству Соединенныхъ Провинцій, не получила благоприятнаго отвѣта. Наоборотъ, Соединенныя Провинціи предложили англійскому королю посредничество между Портой и Австріей, чтобы заставить ее выступить противъ Франціи съ новой войной, туча которой росла на горизонтѣ.

Здоровье Карла II Испанскаго быстро ухудшалось. Необходимо было отвратить ударъ. Къ несчастью, черезчуръ многочисленное, посольство московскаго царя передвигалось слишкомъ медленно. Оно употребило три недѣли на дорогу до столицы Святой Имперіи. По оффиціальнымъ нѣмецкимъ источникамъ его сопровождали: 1 гофмейстеръ, 1 берейторъ, 1 мажордомъ, 4 камергера, 4 карлика, 6 пажей, 6 трубачей, 1 кравчій, 1 поварь, 1 писарь, 12 лакеевъ, 6 конюховъ и фореиторовъ, 24 камердинера, 32 ливрейныхъ лакея, 22 упряжныхъ лошади, 32 кареты, 4 фургона для багажа (по 6 лошадей) и 12 верховыхъ лошадей.*). Петръ не хотѣлъ явиться въ столицу Леопольда раньше одиннадцати часовъ вечера и, чтобы не быть замѣченнымъ, рѣшилъ сѣсть въ четвертую карету; въ послѣднюю минуту его планъ былъ разрушенъ и посольство оказалось въ довольно неприятномъ положеніи: въ продолженіи цѣлаго дня его безконечный обозъ простоялъ у вѣзда въ городъ; проходившія войска загораживали дорогу и лишали посольство возможности войти въ столицу. Петръ не выдержалъ и вскочивъ съ однимъ слугою въ почтовую телѣжку, поѣхалъ впередъ. Этотъ инцидентъ сильно раздосадовалъ и смутилъ его. Все, что онъ видѣлъ въ императорской столицѣ, еще усиливало неприятное впе-

*) Веберъ, Archiv für Sächsische Geschichte. Лейпцигъ, 1873, т. XI, стр. 338.

чтлѣніе: австрійская спѣсь, неуклонное исполненіе этикета, суровое и непрístupное величіе, видимо, пугало его. Имперскіе министры искали предлогъ, чтобы отсрочить, просимую послами аудіенцію; чтобы сразу покончить съ этимъ, Петръ попросилъ личнаго свиданія съ императоромъ. „Въ качествѣ чего?“ сухо спросили его. Петръ Михайловъ получилъ здѣсь первый урокъ дипломатіи и началъ понимать неудобство инкогнито. Онъ три раза повторялъ свою просьбу. Наконецъ, ему прислали вице-канцлера Богеміи, графа Церинпи (Cserpini). „Чего вы хотите?“ „Видѣть императора и говорить съ нимъ о неотложныхъ дѣлахъ!“ „О какихъ дѣлахъ? Для этого присланы сюда Ваши посланники!“ Бѣдный переодѣтый царь сдался и общалъ, что не будетъ говорить ни о какихъ дѣлахъ. Мѣстомъ свиданія ему указали замокъ фаворитки; царь долженъ былъ войти туда по внутренней витой лѣсенкѣ, сообщавшейся съ паркомъ. Онъ согласился на все. Онъ такъ растерялся, увидѣвъ Леопольда, что хотѣлъ поцѣловать его руку; онъ чувствовалъ себя передъ нимъ ничтожнымъ и маленькимъ; онъ нервнымъ жестомъ снялъ, надѣлъ и снова снялъ шляпу, не рѣшаясь, несмотря на повторенную просьбу императора, остаться съ покрытой головой. Приемъ продолжался $\frac{1}{4}$ часа. Они говорили о пустякахъ; Лефортъ исполнялъ роль переводчика, такъ какъ Петръ не рѣшился говорить на своемъ отвратительномъ нѣмецкомъ языкѣ. Только выйдя изъ залы царь пришелъ въ себя; чрезмѣрная, свойственная его характеру, веселость быстро овладѣла имъ; увидавъ лодку на маленькомъ пруду въ паркѣ, онъ вскочилъ въ нее и началъ сильно гребти. Онъ былъ похожъ на школьника, избавившагося отъ труднаго экзамена *).

Свиданіе, однако, не имѣло никакихъ послѣдствій. Императоръ уважалъ инкогнито Петра Михайлова. На банкетѣ, устроенномъ, послѣ полученной, наконецъ, аудіенціи, молодой царь, слѣдуя прежней манерѣ, хотѣлъ, во что бы то ни стало, стоять за кресломъ Лефорта. Съ нимъ не спорили. Его предложеніе мало соотвѣтствовало манѣреніямъ этого двора. Здѣсь

*) Вѣнскій архивъ. Устряловъ, т. III, стр. 126—127. Тейперъ, стр. 372.

хотѣли мира съ Турціей и Петръ испортилъ себѣ много крови, добиваясь успѣха; онъ слѣдилъ за собой болѣе чѣмъ обыкновенно, посѣтилъ, почти уклонявшуюся отъ свиданія, императрицу и принцессу, и изо всѣхъ силъ старался быть любезнымъ. Онъ рискнулъ заигрывать съ государственной церковью, подавая надежды католикамъ, также, впрочемъ, какъ и протестантамъ. Въ Петровъ день онъ и его посольство, въ полномъ составѣ, присутствовали на торжественной службѣ въ церкви іезуитовъ; царь слушалъ проповѣдь, произнесенную по-славянски отцомъ Вольфомъ, въ которой говорилось, что „во второй разъ ключи будутъ отданы другому Петру, чтобы открыть дверь“. Царь приготовилъ и собственноручно зажегъ фейерверкъ во время праздника, устроеннаго въ этотъ день его послами, для высшаго вѣнскаго общества. Праздникъ этотъ кончился, по свидѣтельству Петра такъ же, какъ кончились, обыкновенно, пирушки въ слободѣ *)).

„На день святыхъ апостолъ была у насъ гостей мужеска і женска пола болше 1000 ч., і были до света, і безпрестанно употребляли тарара тарара коругомъ іс которыхъ іныя і свадьбы сыграли въ саду“.

Императоръ въ свою очередь пригласилъ членовъ посольства на балъ-маскарадъ. Петръ былъ въ костюмѣ фрисландскаго крестьянина, императоръ и императрица въ костюмахъ трактирщика и трактирщицы, которые были въ большой модѣ, какъ позднѣе костюмы пастушекъ. Праздникъ не имѣлъ никакого оффиціального значенія. За ужиномъ Петръ сидѣлъ между фрейлиной де-Тюринъ—фрисландской и маршалшей Штарембергъ—шведской крестьянкой. Черезъ нѣсколько дней посольство уѣхало. Дипломатическая цѣль поѣздки не была достигнута, и Петръ не нашелъ въ Вѣнѣ научныхъ знаній, которыя вознаградили бы его за это разочарованіе. Онъ хотѣлъ поѣхать въ Венецію, чтобы познакомиться съ новымъ для него родомъ судовъ—весельными галерами, которыя должны были сыграть такую важную роль въ будущемъ русскаго флота. Увы! Тревожныя вѣсти изъ Россіи остановили, почти законченныя уже приговлєнія къ путешествію.

*) Письма Петра, т. I, стр. 263.

„Семья Мирославскихъ снова дала ростки“, сказалъ Петръ на своемъ картинномъ языкѣ. Стрѣльцы снова взбунтовались. Царь, быстро рѣшившись, отправился вмѣсто юга на востокъ. Черезъ нѣсколько дней онъ былъ уже въ Краковѣ. „Ты меня увидишь скорѣй, чѣмъ думаешь“,—писалъ онъ Ромодановскому, обвиняя его въ малодушіи и трусости. Въ древней польской столицѣ царя ждали успокоительныя новости: генералиссимусъ Шейнъ подавилъ мятежъ. Москва въ безопасности. Царь остановился въ Равѣ и три дня провелъ съ Августомъ II.

Исторію этого свиданія, результатомъ котораго была сѣверная война, я расскажу въ слѣдующей части этой книги. Научное путешествіе Петра закончилось въ Вѣнѣ; прежде чѣмъ говорить о непосредственныхъ или отдаленныхъ его слѣдствіяхъ, т.-е. о созданіи близъ границъ старой Европы, новаго соціального, политическаго и экономическаго могущества и объ экономическомъ, политическомъ и соціальномъ преобразованіи стараго европейскаго континента, я постараюсь освѣтить орудіе этой революціи. Работа началась и я попытаюсь дать представление о работникѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЛИЧНОСТЬ.

КНИГА ПЕРВАЯ. ТѢЛО и ДУХЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Физическій и нравственный обликъ.

I. Портреты кистью и перомъ. Кнеллеръ и де Мооръ. Сенъ-Симонъ. Сила и чернота. Судороги. Страстности костюма. Статуя въ Зимнемъ дворцѣ. Рубище героя. Заштопанные чулки и заплатанные башмаки. Дубина. II. Темпераментъ. „Радость дѣйствія“. Аудіенція въ 4 часа утра. Ежедневно— четырнадцать часовъ работы. Вездѣсущность и всезнаніе. Государственный человѣкъ и барабанщикъ, дирижеръ танцевъ, пожарный, дворецкій, медикъ. Царь и его арапченокъ. Человѣкъ и раса. Русская дѣль. Петръ все же сынъ своей страны. Соотвѣтствіе физическихъ и духовныхъ явленій. Длинные зимы и торопливые весны. Періоды инертности и возвращеніе къ лихорадочной дѣятельности. Герой народной легенды. III. Храбръ ли Петръ? Нарва и Полтава. Идея долга. Противорѣчія. Энергія и душевная слабость. Иамбичность и непостоянство въ мелочахъ, послѣдовательность и настойчивость въ главномъ. Петръ—импульсивенъ. Национальныя черты. Мозгъ и сердце. Безчувственность. Веселость и общительность. Мальчишество. Почему его не любили. Припадки гнѣва и вспыльчивость. Удары шпаги и удары палки. IV. Чрезмѣрное пьянство. Сцена рѣзни въ монастырѣ. Царь выпивши. Обычное пьянство. Послѣдствія. V. Грубость нравовъ. Пиррушки и оргіи. Пьянство женщинъ. „Первосортная пьяница“. Богословскіе споры за столомъ. Роль стакановъ съ подкой. Кабацкіе и казарменные вкусы. Жестокъ ли онъ? Судья и палачъ. Государственныя соображенія. Идеализмъ и чувственность. Рабство закона.

I.

Портретъ, написанный въ 1698 году, въ Лондонѣ Готфридомъ Кнеллеромъ, изображаетъ красиваго молодого человѣка;

прелестное, смѣлое лицо съ правильными, тонкими чертами, съ выраженіемъ, полнымъ благородства и гордости, освѣщено взглядомъ добрыхъ и умныхъ красивыхъ глазъ; немного толстыя губы складываются въ улыбку. Бородавка на правой щекѣ, выдаетъ художника-реалиста. Но сходство этого портрета съ оригиналомъ оспаривается. Не говоря уже объ ужасной фигурѣ, позорящей галерею Зимняго дворца въ Петербургѣ, и Леруе и Каравакъ, гораздо меньше льстятъ ему, также какъ и Даннгауеръ (Dannhayer), хотя написанный имъ портретъ настолько понравился царю, что былъ посланъ въ 1717 году изъ Гааги въ Парижъ для репродукціи *).

Портреты, писанные Натье и Риго (Nattier и Rigaud), нравились ему меньше. Они не сумѣли воспроизвести выраженіе жестокой силы, которое уловилъ, несмотря на скрывавшую ее толстую маску, Мооръ. Правда, отъ Кнеллера до Моора прошло 20 лѣтъ, и какой жизни! Они не могли не оставить слѣдовъ на лицѣ Петра. Но въ дневникѣ Ноомена, который видѣлъ его раньше, чѣмъ Кнеллеръ, стершійся силуэтъ рисуется снова ясными, вѣрными смѣлыми штрихами.

„Онъ высокаго роста и сильнаго сложенія, проворенъ и живъ; движенія его быстры и ловки. У него круглое лицо, съ немножко суровымъ выраженіемъ, темныя брови и темныя, короткіе, вьющіеся волосы. Онъ ходитъ большими шагами, трясетъ руками, и держитъ въ рукѣ топоръ“.

Герой исчезаетъ. Я читаю относящіяся къ тому же времени строки, писанныя рукой кардинала Коллоница, примата Венгрии, который видѣлъ царя въ Вѣнѣ въ 1698 году и является очень благорасположеннымъ свидѣтелемъ: „Въ его лицѣ, во всемъ его обликѣ, въ его манерѣ держаться, нѣтъ ничего, что выдѣляло бы его и говорило бы о томъ, что онъ принцъ“ **). Извѣстенъ также портретъ, писанный Сень-Симономъ. Я склоненъ принять средній выводъ, такъ какъ, въ сущности, всѣ, собранные мною, документы сходятся въ главныхъ своихъ чертахъ. Вотъ двѣ замѣтки, относящіяся ко вре-

*) Ровинскій, Сборникъ графированныхъ портретовъ, стр. 1572.

***) Тейнеръ, стр. 372. Соч. Допесеніе Ридини, венеціанскаго посланника въ Вѣнѣ; *Fontes rerum Austriacarum*. Вѣна, 1867, 2 ч. т. XXVII, стр. 429.

мени пребыванія царя въ Парижѣ въ 1717 году: „Его лицо было довольно красиво и казалось добрымъ. Глядя на него, никто бы не повѣрилъ бы, что онъ ни разъ рубилъ головы, провинившимся, подданнымъ. Онъ былъ хорошо сложенъ, но имѣлъ дурную привычку горбиться на ходу, хуже чѣмъ голландскіе матросы, которымъ онъ вообще подражалъ. У него были большіе глаза, красивый ротъ и носъ, пріятное, иногда немножко блѣдное лицо и довольно короткіе, свѣтло-шатеновые волосы. Онъ дѣлалъ много гримасъ. Привычныя для него жесты: наклоня голову, смотрѣть черезъ плечо на свою шпагу, и поднимая, отставляя назадъ ногу. Иногда онъ начиналъ вертѣть головой.

Окружающіе говорили, что эти судорожныя движенія вызывались, обыкновенно, упорной мыслью о чемъ-нибудь *).

Читаемъ дальше:

„Царь высокаго роста и немного горбится. Голова его, обыкновенно, опущена. Онъ брѣнетъ. Въ его лицѣ есть что-то жестокое; онъ обладаетъ живымъ умомъ и быстрымъ соображеніемъ; въ манерахъ его есть что-то величественное, но мало выдержки“ *).

Въ разногласіяхъ относительно цвѣта волосъ царя вноваты парикмахеры. Петръ вмѣстѣ съ европейскимъ костюмомъ принялъ и волосяное приложеніе къ нему. Зато всѣ свидѣтельства единогласно указываютъ на его гримасы, нервныя подергиванья, постоянное дрожаніе головы, сторбленную спину, на которую министры императора обратили вниманіе еще въ 1698 г., когда Петру было только 24 года, и на жестокое выраженіе глазъ. Еще во время дуумвирата, новгородскій архіепископъ Яновскій, допущенный поцѣловать руку у обоихъ царей, смѣло подойдя къ старшему изъ монарховъ, вдругъ встрѣтился со взглядомъ второго: онъ почувствовалъ, что ноги его подгибаются; съ тѣхъ поръ ему постоянно казалось, что онъ получить смерть отъ руки, которой едва коснулись его похолодѣвшія губы.

„Извѣстно“,—говоритъ Стэлинъ (Staellin), что этотъ мо-

*) Деша М. де-Либой (Liboy) отъ 23 апрѣля 1717 г.

нархъ съ юныхъ лѣтъ до могилы былъ подверженъ частымъ и короткимъ припадкамъ мозговыхъ судорогъ; эти конвульси повергали его на нѣкоторое время въ состояніе такой ярости, что онъ не въ силахъ былъ выносить присутствіе самыхъ лучшихъ своихъ друзей. Предвѣстниками припадковъ являлась сильная судорога шейныхъ мышцъ и сокращеніе мускуловъ лица“ *).

Всѣмъ этимъ объясняется постоянное употребленіе нелѣпнѣйшихъ лѣкарствъ, какъ напримѣръ, порошокъ, приготовленный изъ желудка и крыльевъ сороки **). Благодаря этому же, создалась привычка спать, положивъ руки на плечи офицера-ординарца ***), въ которой старались найти источникъ для позорныхъ предположеній, касающихся интимной жизни монарха. Къ несчастью, объясненіе это было неудовлетворительно. Въ 1718 году, сидя за столомъ въ обществѣ королевы прусской, Софьи-Шарлотты, Петръ, вдругъ, началъ размахивать рукой, въ которой держалъ ножъ. Софья-Шарлотта испугалась и хотѣла встать. Онъ схватилъ ее за руку съ такой силой, что она вскрикнула. Царь пожалъ плечами и довольно громко сказалъ:

„У Катерины не такія нѣжныя кости!“ *†).

Съ подобной болѣзненной первностью мы встрѣчаемся у Ивана Грознаго. Происхожденіе ея, вѣроятно, тоже: дѣтство полное ужасныхъ потрясеній.

Старая Русь, олицетворенная стрѣльцами и осужденная на гибель, оставила своему преобразователю это пезавидное наслѣдство. Но къ счастью вмѣстѣ съ отравой онъ получилъ и противоядіе—грандіозную работу, которая очистила его кровь и укрѣпила нервы. Судьба Ивана сложилась менѣе счастливо.

Въ концѣ концовъ, все-таки Петръ былъ высокимъ (2,045 метра) **†), темноволосымъ, плотнымъ красавцемъ, (такимъ

*) Анекдоты (пер. Ришу). Старбургъ, 1787, стр. 80.

**) Шереръ, Анекдоты. Парижъ, 1792, т. II, стр. 82.

***) Нартовъ, ук. трудъ, стр. 29.

*†) Мемуары маркграфа Байретскаго, т. I, стр. 43.

**†) 2 ар. 14 вершковъ, Голиковъ, Исторія Петра I.

темноволосымъ, какъ будто онъ родился въ Африкѣ, увѣряетъ современникъ *); нѣкоторый недостатокъ выправки и тягостный недугъ, нѣсколько, портитъ общее впечатлѣніе. Онъ одѣвался кое-какъ, часто самымъ нелѣпымъ образомъ, смѣшивалъ штатское платье съ военнымъ, и былъ совершенно лишенъ чувства приличія. Въ 1716 году, въ Копенгагенѣ, онъ явился передъ датчанами въ зеленой фуражкѣ и черномъ солдатскомъ галстукѣ, заколотомъ огромной серебряной булавкой съ фальшивыми камнями, въ родѣ тѣхъ, которые носили его офицеры. Коричневый сюртукъ съ роговыми пуговицами, шерстяной жилетъ, коричневые, слишкомъ узкіе, штаны, толстые, заштопанные, шерстяные чулки и очень грязные башмаки дополняли его костюмъ **). Онъ носилъ слишкомъ короткій парикъ, (чтобы его можно было класть въ карманъ) и длинные густые волосы выбивались изъ подъ него. Во время персидской войны, въ 1722 г., царь нашелъ это неудобнымъ и обстригся; будучи, однако, очень экономнымъ, онъ не захотѣлъ выбросить ихъ, а велѣлъ сдѣлать изъ нихъ новый парикъ, который мы видимъ теперь на восковой фигурѣ въ Зимнемъ дворцѣ. Кромѣ парика въ этой фигурѣ нѣтъ ничего, мало-мальски соответствующаго дѣйствительности. Восковое лицо и стеклянные глаза были сдѣланы по маскѣ, снятой послѣ смерти; благодаря давленію гипса на разлагающееся лицо, получились несоответствующія дѣйствительности впадины и выпуклости. У Петра были полныя, круглыя щеки. Свѣтло-голубой костюмъ, обшитый серебромъ, и вышитый серебромъ поясъ онъ надѣвалъ только одинъ разъ въ жизни, такъ же, какъ и темно-красные чулки—во время коронаціи Екатерины. Она собственноручно работала надъ нимъ и царь согласился, ради торжественнаго случая, надѣть его. Его будничное, привычное для него платье, хранится въ двухъ шкафахъ, стоящихъ близъ трона, на которомъ сидитъ манекень: мы видимъ тамъ грубое, потертое, суконное платье, шляпу, пробитую полтавской пулей, сѣрые заштопанные чулки. Въ углу—знаменитая дубинка,—доволь-

*) Лувискъ. Мемуары. Парижъ 1818. т. II, стр. 239.

***) Луидбладъ Жизнь Карла XII, нѣм., пер. Іенсенъ-Туха (Lonsen-Tuch). Гамбургъ, 1837 г., т. I, стр. 86.

но толстая, тростниковая палка съ набалдашникомъ изъ словеной кости; немного позднѣе мы лучше познакомимся съ ея назначеніемъ.

Близкіе люди часто видѣли царя въ одной рубашкѣ. Во время жары онъ раздѣвался даже за столомъ. Онъ не терпѣлъ никакихъ стѣсненій.

II.

„The souls joy lies in doing“: величайшій поэтъ сѣвера разгадалъ героя великой эпопеи, образъ котораго я пытаюсь вызвать и нѣсколькими словами опредѣлить его характеръ, темпераментъ и гений. „In Thatendrange war sein wahres Drang“,—сказалъ также Поссельтъ. Да! въ этомъ была его сила, его величіе, его успѣхъ! Эта жизненная энергія сдѣлала его морально и физически самымъ неутомимымъ, самымъ неутомимымъ человѣкомъ, изъ всѣхъ существовавшихъ на землѣ; онъ ярче другихъ испыталъ „радость дѣйствія“. Вполнѣ понятно, что легенда называла его подкидышемъ—сыномъ иностранца;—онъ не имѣлъ ничего общаго со средой, въ которой выросъ; Петръ былъ свободенъ отъ предрасудковъ, москвичи—полны ими; они религіозны до фанатизма,—онъ свободный мыслитель; они косились на всѣ новшества,—онъ стремился ввести ихъ; они были фаталистами,—онъ человѣкомъ дѣла; они обожали форму и обрядность,—онъ почти цинично издѣвался надъ ними; безпечные, лѣнливые, неподвижные, они спали непробуднымъ сномъ,—онъ, въ постоянной лихорадочной работѣ и постоянномъ движеніи, яростно старался заставить ихъ выйти изъ состоянія оцѣпенѣнія и инертности ударомъ палки или топора. Интересно было бы прослѣдить, въ чемъ заключались его труды, хотя бы впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Если вы взглянете на переписку царя съ Екатериной, опубликованную въ 1861 году министерствомъ Иностранныхъ дѣлъ и заключающую 123 письма, у васъ закружится голова: онъ писаны изъ Лемберга въ Галиціи, изъ Маріенвердера въ Пруссіи, изъ Царицына на Волгѣ и изъ Вологды, изъ

Берлина, изъ Парижа, изъ Копенгагена. Онъ то осматривалъ финляндскіе лѣса, то изслѣдовалъ рудныя жилы на Уралѣ; въ Помераніи онъ принялъ участіе въ осадѣ; въ Украинѣ занялся разведеніемъ овецъ; онъ явился къ блестящему двору нѣмецкаго принца въ качествѣ своего собственнаго посланника, а потомъ неожиданно, въ видѣ простаго туриста, очутился въ Богемскихъ лѣсахъ. 6 іюля 1715 года онъ вышелъ со своимъ флотомъ въ море; 9-го, снова былъ въ столицѣ, послалъ черногорцамъ утѣшительное письмо, по поводу безчинствъ, учиненныхъ турками, подписалъ договоръ съ прусскимъ министромъ и далъ Меншикову инструкціи относительно сохраненія строевого лѣса въ окрестностяхъ города. 12-го онъ въ Ревелѣ; 20-го, нагнавъ свой флотъ въ Кронштадтѣ, онъ снова пустился съ нимъ въ море *). И такъ изъ года въ годъ, до самаго конца своей жизни. Онъ постоянно спѣшилъ; онъ не шелъ, онъ бѣжалъ. Когда онъ отдыхалъ? Это очень трудно представить. Онъ долго засиживался вечеромъ, за стаканомъ вина, спорилъ, рассказывалъ, испытывая терпѣніе своихъ гостей рѣзкими смѣнами веселости и дурного настроенія, остротами, плохими шутками и гнѣвными выпысками; въ 4 часа утра онъ уже давалъ аудіенцію. Въ 1721 году, послѣ заключенія мира со Швеціей, онъ позвалъ къ себѣ въ этотъ часъ Остермана и Бутурлина, которые должны были отправиться въ Стокгольмъ въ качествѣ пословъ. Онъ принялъ ихъ въ короткой ночной рубашкѣ и грубомъ ночномъ колпакѣ, обшитомъ внутри полотномъ (онъ сильно потѣлъ); чулки спускались до самыхъ туфель.

Отдавъ приказаніе ординарцу, царь довольно долго, ожидая своихъ уполномоченныхъ, прогуливался по комнатамъ въ этомъ костюмѣ; онъ засыпалъ явившихся посланниковъ вопросами, желая убѣдиться, насколько хорошо они знаютъ свое дѣло. Отпустивъ ихъ, онъ быстро одѣлся, выпилъ стаканъ водки и побѣжалъ на верфи *).

Развлеченія, пирушки, иллюминаціи, маскарады давали ему вмѣсто отдыха, новую работу.

Онъ собственноручно пускалъ фейерверки, устраивалъ

*) Шереръ, т. III, стр. 267.

шествiя, самъ билъ въ огромный барабанъ, дирижировалъ танцами. Въ 1722 году, онъ исполнялъ обязанности дворецкаго, на свадьбѣ графа Головкина съ дочерью Ромодановскаго; въ комнатахъ было жарко; царь велѣлъ принести слесарныя инструменты и въ полъ-часа открылъ окно; онъ важно расхаживалъ, съ палкой (знакъ его должности) въ рукахъ, раскланивался передъ новобрачной, распоряжался прислугой и не присѣлъ впродолженiи всего обѣда. Поѣлъ онъ послѣ *).

У царя былъ пажъ-негретенокъ, страдавшiй солитеромъ, онъ собственноручно вытащилъ его **).

Въ свободныя минуты его любимымъ развлеченiемъ все-таки была работа; онъ гравировалъ на мѣди, точилъ слоновую кость. Въ маѣ 1711 года, французскiй посланникъ Балюзъ (Baluze) добился въ Яворовѣ (въ Польшѣ) свиданiя съ царемъ; онъ нашелъ его въ саду, въ обществѣ элегантной и любезной польки Снявской; царь ухаживалъ за ней съ пилой и стругомъ въ рукѣ, работая надъ сооруженiемъ лодки ***).

Только сваливающая съ ногъ, серьезная болѣзнь могла заставить его, если не прекратить, то хоть уменьшить эту чрезвычайную трату силъ. Онъ ужасно огорчался въ такихъ случаяхъ, приходилъ въ отчаянiе, просилъ прощенiя у своихъ сотрудниковъ: „Пусть они не думаютъ, что онъ лѣнтяйничаетъ, онъ правда не въ состоянiи работать, онъ совершенно лишился силъ!!!“. Онъ жаловался и сердился на это вынужденное бездѣйствiе. Во время ужаснаго приступа цынготной лихорадки, въ 1708 году, онъ лично руководилъ подавленiемъ бунта донскихъ казаковъ, доставкой провiанта для войскъ, постройками, производившимися въ столицѣ и тысячей менѣе серьезныхъ дѣлъ *†).

*) Бернгольцъ, Journal, Büschings—Magasin, т. XX, стр. 462. Хмировъ—Графиня Головкина. Спб., 1867.

**) Анекдотъ этотъ со всѣми подробностями рассказанъ у Пушкина. Соч—iя 1878 г., т. V, стр. 278.

***) Депеша Балюза королю 12 мая 1711 г. Мин. Ин. дѣлъ. Францiя.

*†) Голиковъ, т. III, стр. 301.

Ни одна мелочь не ускользала от его внимания. Въ Архангельскѣ, на Двинѣ, онъ явился на барку, везущую на продажу грузъ грубой глиняной посуды, выдѣлывавшейся гдѣ-то по-сосѣдству. Онъ такъ суетился и волновался, что въ концѣ концовъ, стремительно бросившись въ трюмъ, вдребзги перебилъ весь хрупкій товаръ *).

Въ январѣ 1722 года царь цѣлую ночь провелъ въ саняхъ, переѣзжая изъ одного дома въ другой, и „слава Христа“ по народному обычаю, и опорожняая стаканы съ водкой и пивомъ, утромъ узнавъ, что въ отдаленномъ кварталѣ города произошелъ пожаръ, онъ бросился туда, въ продолженіи двухъ часовъ исполняя обязанности пожарнаго; потомъ его снова увидѣли въ саняхъ; онъ мчался такъ быстро, словно хотѣлъ уморить лошадей. Не нужно забывать, что въ это же время онъ занимался серьезными измѣненіями высшихъ правительственныхъ учреждений, готовился уничтожить „Ревизіонный совѣтъ“, полномочія котораго перешли впоследствии къ Сенату **) и распоряжался похоронами какого-то майора.

Въ 1721 году, начавъ работать надъ составленіемъ морского регламента, онъ предварительно составилъ нѣчто вроде расписанія занятій, которому точно слѣдовалъ. Изъ его дневника видно, что письменныя занятія занимали 4 дня въ недѣлю, по 14 часовъ каждый день: съ пяти часовъ утра, до 12 дня и съ 4 часовъ дня до 11 вечера; этотъ режимъ продолжался съ января до декабря 1721 года ***). Рукопись регламента, писанная его рукой и изпещренная помарками, хранится въ московскомъ архивѣ. Писанные его рукою черновики, служатъ доказательствомъ того, что существенная часть многочисленныхъ дипломатическихъ документовъ, касающихся Сѣверной войны, и подписанныхъ Головинымъ, была составлена самимъ Петромъ.

Тоже пужно сказать про большинство мемуаровъ и важныхъ депешъ, подписанныхъ его постоянными политическими сотрудниками: Головинымъ, Шереметевымъ и генераломъ

*) Стелинъ (Stachlin). Анекдоты, стр. 110.

**) Бернгольцъ, Журналъ Büschings—Magasin, т. XX, стр. 360. Письма и записки Петра, т. I, стр. 360.

***) Голиковъ, т. IX, стр. 27.

Вейдомъ (Veyde). Онъ былъ руководителемъ и вдохновителемъ всей законодательной и административной работы, совершенной въ этомъ царствованіи: созданіе флота и арміи, развитіе торговли и промышленности, сооружеііе фабрикъ и заводовъ, устройство суда, преслѣдованіе злоупотребленій въ средѣ чиновничества, учрежденіе государственнаго казначейства. Онъ составлялъ свои проекты урывками, по нѣсколько разъ переправляя и переписывая ихъ; это не мѣшало ему, однако, заниматься еще не только составленіемъ меню своего обѣда, но и хозяйствомъ родственниковъ. Онъ лично провѣрялъ качество и количество водки, отправляемой его свояченицѣ, царицѣ Прасковѣ *).

И несмотря на это, вѣрнѣй, именно, потому онъ былъ сыномъ своей страны и своего племени, и я охотно расскажу почему.

Національная жизнь, подъ родными ему широтами, находится подъ вліяніемъ совершенно своеобразныхъ физическихъ условій. Короткія, рѣзкія весны слѣдуютъ на его родинѣ за долгими суровыми зимами. Проснувшаяся земля мгновенно покрывается зеленью, буйно бродятъ соки. Душа человѣка, живущаго въ этой странѣ, просыпается тоже. Праздность, на которую онъ осужденъ въ продолженіи зимнихъ мѣсяцевъ, дѣлаетъ его лѣнивымъ, но не расслабляетъ, какъ жителей жаркихъ, восточныхъ странъ. Напротивъ: постоянная, неизбѣжная борьба съ суровой и неблагоприятной природой закаляетъ его духъ и тѣло. Онъ долженъ торопиться съ работой, пока грѣетъ солнце, и въ нѣсколько недѣль онъ дѣлаетъ работу нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Его нравственный и физическій обликъ, и его склонность являются результатомъ этихъ естественныхъ условій. Всѣ характерныя, національныя черты съ исключительной, правда, силой были выражены у Петра; удивительно только то, что онъ сумѣлъ переработать эту элементарную дикую силу, которой часто надѣлены герои русскихъ былинъ—богатыри; они изнемогаютъ подъ тяжестью своей мощи и не знаютъ, что дѣлать съ избыткомъ ея.

*) Семевскій, Царица Прасковья. Спб., 1883, стр. 57. Прим.

Позднѣе, раскольники, стремясь облегчить ея тяжесть пойдуть босикомъ въ холодныя, январскія ночи и будутъ кататься въ рубашкахъ по снѣгу *).

III.

Стояла ли храбрость Петра на одной высотѣ съ его энергіей и доходящей до авантюризма предприимчивостью? Онъ не искалъ опасности, какъ его шведскій противникъ, потому что не находилъ въ этомъ удовольствія. Въ юные годы онъ казался почти трусомъ. Вспомните его бѣгство въ ночь на 8-е августа 1689 года и его мало героическое появленіе въ Троицко-Сергіевской лаврѣ. То же повторилось въ 1700 году у стѣнъ Нарвы. Никакія объясненія, никакія искусственныя оправданія не могутъ заставить забыть его возмутительный поступокъ: узнавъ о неожиданномъ приближеніи шведскаго короля, онъ бросилъ свою армію, оставилъ власть въ рукахъ ненадежнаго, недавно назначеннаго начальника, далъ ему инструкціи, которыя, по мнѣнію компетентныхъ судей, ясно доказывали, какъ полную растерянность, такъ и полное невѣжество и—бѣжалъ.

„Это не солдатъ, рѣзко сказалъ генераль Галлардъ, (Hollard) видѣвшій, какъ онъ въ полномъ отчаяніи, почти обезумѣвъ, плакалъ въ палаткѣ новаго командующаго князя Круа (Croy) и для бодрости духа опорожнялъ стаканъ съ водкой; онъ до того растерялся, что забылъ проставить число на оставленной инструкціи и приложить къ ней печать **). Въ своемъ дневникѣ Петръ говоритъ, что онъ не зналъ о быстромъ приближеніи Карла XII и эта явная ложь только полтверждаетъ другія свидѣтельства.

Между тѣмъ, при Полтавѣ, онъ храбро исполнялъ свой долгъ и появлялся въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ. Онъ

*) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XIII, стр. 116 и сл.

***) Документы, опубликованные Германномъ въ его „Исторіи Россіи“, т. IV, стр. 116. Вокеродтъ, (Журналъ, опубликованный Германномъ, Россія при Петрѣ, 1872, стр. 42). Кельхъ (Lieflandische Geschichte, 1875, т. II, стр. 156).

приготовился къ этому заранѣ, какъ къ ужасному, трудному испытанію и дѣйствовалъ безъ увлеченія, но и безъ слабости, спокойно и, почти грустно. Онъ не былъ паладиномъ: духъ рыцарства чуждъ ему и въ этомъ онъ тоже русскій. Вначалѣ года, лежа больной въ постели, онъ просилъ Меншикова предупредить его, когда будетъ увѣренность въ рѣшительной встрѣчѣ:—„потому-то“ эта игра не должна уйти отъ него. Рѣшившись дѣйствовать, онъ тѣсно связываетъ личныя опасности, ожидающія его, съ опасностями общими и хладнокровно усчитавъ ихъ—мужественно идетъ имъ навстрѣчу. Въ 1713 году вице-адмиралъ Крюйсъ (Cruys) убѣждалъ его не принимать личнаго участія въ опасной крейсировкѣ и указывалъ на примѣръ шведскаго адмирала, взлетѣвшаго на воздухъ со своимъ судномъ. Петръ написалъ на поляхъ его рапорта: „Окольнічій Засѣкинъ подавился свинымъ ухомъ. Я никому не совѣтую и не приказываю гнаться за опасностью. Но брать деньги и не служить—стыдно“. Идея долга руководила имъ и заставляла его идти по крутой дорогѣ мужскихъ добродѣтелей и геройскихъ жертвъ; чтобы достигъ вершины еще нужно было время; и этотъ безстрашный, рѣшительный и настойчивый впоследствии человекъ, былъ способенъ впадать въ отчаяніе и совершенно терять присутствіе духа въ критическія минуты. Неожиданныя неудачи вызывали подобныя же короткіе припадки внезапной слабости у другого неврастеника—Наполеона; когда она проходила и онъ овладѣвалъ собой, къ нему возвращались его способности и удесятенныя силы. У Петра это явленіе было ярче выражено. Узнавъ о пораженіи арміи подъ стѣнами Нарвы, онъ перешелъ крестьяниномъ, чтобы спастись отъ слѣдовавшаго, какъ ему казалось, за нимъ по пятамъ врага. Царь плакалъ ручьями и впалъ въ состояніе полного безсилія; никто не рѣшался говорить съ нимъ о предметахъ, касающихся войны; онъ готовъ былъ принять самыя унизительныя условія мира *).

* Вокеродтъ, рисующій эту сцену, можетъ быть, нѣсколько преувеличиваетъ. Но множество подобныхъ случаевъ кажутся мнѣ доказанными.

Черезъ два года онъ предпринялъ осаду плохо-укрѣпленнаго Нотенбурга; вся армія была собрана у его стѣнъ; приступъ, который Петръ велъ лично, не далъ сначала желательныхъ результатовъ; царь сейчасъ же велѣлъ отступать.

— „Скажи государю,—отвѣтилъ его посланному полковникъ Семеновскаго полка, Михайлъ Голицынъ, — что теперь я принадлежу не Петру, а Богу“ *).

По другимъ свидѣтельствамъ, приказъ царя не дошелъ до мѣста назначенія. Такъ или иначе, но, не говоря, можетъ быть,—созданныхъ легендой геройскихъ словъ, Михайлъ Голицынъ продолжалъ атаку и взялъ крѣпость.

Даже послѣ Полтавы Петръ не измѣнился въ этомъ отношеніи. Прутская авантюра, о которой я буду говорить позднѣе,—доказываетъ это. Разнородныя борющіяся начала чувствовались въ этой странной, почти парадоксальной смѣси мощи и слабости. Ему суждено было совершить великій жизненный путь и работу единство и послѣдствія которой являются одними изъ самыхъ замѣчательныхъ въ исторіи. Но въ мелочахъ, онъ былъ измѣнчивъ и непостояненъ; его мысли и рѣшенія мѣнялись вмѣстѣ съ настроеніемъ, часто, совершенно неожиданно. Онъ служилъ, главнымъ образомъ, побудительной силой. Въ 1717 году, во время путешествія во Францію окружающіе единогласно жаловались на непостоянство его намѣреній; никогда не было извѣстно, что онъ будетъ дѣлать завтра, куда и когда онъ думаетъ ѣхать. Продолжительность остановокъ также никогда не была извѣстна точно. Эта характерная черта славянской расы—продуктъ различныхъ, противоположныхъ вліяній азіатской и европейской культуры. Раса дала Петру нѣкоторую стойкость, оказавшуюся въ его продолжительныхъ предпріятіяхъ. Частый отдыхъ ослаблялъ напряженіе пружины и не давалъ ей портиться.

Впрочемъ, эта смѣсь мягкости и суровости, можетъ быть, также была индивидуальной чертой; она встрѣчается у нѣкоторыхъ изъ историческихъ соревнователей великаго Преобра-

*) Устряловъ, т. IV, стр. 197—202.

зователя, предназначеннаго Провидѣніемъ эксплуатировать запасъ ихъ силъ. Эта черта помогала Петру въ важнѣйшихъ дѣлахъ. Онъ съ необычайной легкостью мѣнялъ фронтъ, отворачивался отъ Турціи, чтобы выступить противъ Швеціи, забывалъ объ Азовскомъ морѣ для Балтики и все всѣмъ общалъ; зато онъ никогда не разбрасывалъ своихъ силъ и увѣренно дѣйствовалъ во всемъ. Отсюда же—легкость, съ которой онъ признавалъ неправильность своихъ рѣшеній и допущенныя ошибки. Въ 1722 году, отмѣняя указъ, по которому въ законодательное учрежденіе—Сенатъ, вводились представители коллегій (административныхъ учрежденій) онъ безъ всякаго смущенія называетъ эту мѣру опрометчивой. Въ другихъ случаяхъ, напротивъ, онъ упорно настаивалъ на своемъ и не поддаваясь никакому влиянію, не считаясь ни съ чьими мнѣніями, упрямо шелъ наперекоръ всѣмъ, противъ вѣтра и бури. Никто не умѣлъ такъ желать и такъ подчинялъ всѣхъ своей волѣ, какъ онъ. Надпись — „*Tactò ruto quaesumque jubeo*“, которую почитатель Овидія вырѣзалъ на одной изъ медалей, вычеканенныхъ въ память великихъ событій его царствованія, могло бы лучше другихъ служить его девизомъ. Нужно замѣтить, что причиной его ошибокъ и слабостей являлся, исключительно, мозгъ; сердце молчало. Петръ былъ совершенно лишенъ сентиментальности. Его удивительная привязанность къ Меншикову и другимъ фаворитамъ являлась слѣдствіемъ, можетъ быть, плохо обдуманнаго, расчета. Онъ высоко цѣнилъ умственные способности нѣкоторыхъ изъ своихъ сотрудниковъ и ставилъ очень низко нравственный уровень всѣхъ. Въ его глазахъ Меншиковъ былъ негодяемъ, но негодяемъ идеальнымъ. Съ другими, даже близкими друзьями, геніальность которыхъ была недостаточна, чтобы оправдать ихъ поступки, царь былъ строгъ и даже суровъ. Онъ спокойно, напр., объявилъ одному изъ нихъ, Андрею Виніусу, что лишаетъ его должностей, такъ какъ находить, что онъ зарабатываетъ, а казна теряетъ слишкомъ много. Это вовсе не была немилость, прибавилъ царь *).

*) Письма Петра, т. I, стр. 444. Письмо 16 апрѣля 1701 г.

Я не могу найти другого примѣра, такого полного безсердечія. Во время процесса своего сына Алексѣя, перипетіи котораго должны были бы волновать царя, онъ находилъ досугъ и силы не только заниматься другими дѣлами, требующими полного присутствія духа, но и предаваться обычнымъ развлеченіямъ. Многочисленные указы, касающіеся охраны лѣсовъ, управленія монетнымъ дворомъ, организаціи различныхъ промышленныхъ учреждений, таможенъ, раскола, агрономіи, помѣчены тѣми же датами, какъ и самыя тяжелые моменты ужасной судебной драмы. Въ то же время ни одинъ изъ годовыхъ праздниковъ не прошелъ безъ шумныхъ развлеченій: пирушки, маскарады, фейерверки смѣнялись одни другими.

Царь обладалъ неистощимыми запасами веселости и общительности. Онъ до зрѣлаго возраста оставался въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ребенкомъ и сохранялъ юношескую наивность и живость, потребность излить иногда свои чувства и простоту. Узнавши какую-нибудь пріятную новость, онъ не могъ не подѣлиться своей радостью съ тѣми, кого она должна была, по его мнѣнію, интересовать. Онъ сразу написалъ, напр., 50 писемъ, узнавъ о такой незначительной побѣдѣ, какъ взятіе Штеттина въ 1713 году *).

Въ 1711 году, въ Дрезденѣ, онъ вскочилъ на деревянную лошадь крича: „скорѣй“, смѣялся до слезъ, замѣтивъ, что нѣкоторыхъ изъ его товарищей смущаетъ быстрота вращенія; онъ любилъ подобныя забавы **). Въ 1721 году, во время народныхъ празднествъ, по случаю заключенія Ништадскаго мира, онъ толкался въ толпѣ, повѣсничалъ, какъ школьникъ на кавикулахъ, прыгалъ на столахъ и пѣлъ во все горло. Онъ остался забіякой, гаменомъ и любителемъ грубыхъ шутокъ до конца своей жизни. Въ 1723 году, онъ велѣлъ ночью бить въ набатъ. Обезумѣвшіе отъ ужаса, Петербуржцы, вскочивъ съ постелей, прибѣжали на площадь, гдѣ предполагалось несчастье; солдаты, жегшіе, по приказанію царя, смоляныя бочки, смѣясь ихъ встрѣтили и поздра-

*) Голиковъ, т. V, стр. 543.

***) Archiv für sächliche Geschichte, т. XI, стр. 345.

вили съ первымъ апрѣлемъ; Петръ былъ внѣ себя отъ радости *).

Однажды сидя за столомъ съ герцогомъ Голштинскимъ, царь началъ расхваливать цѣлебныя качества Олонецкихъ водъ; онъ уже нѣсколько лѣтъ употреблялъ эти воды. Министръ герцога—Бассевитцъ выразилъ желаніе также попробовать ихъ. Ударъ кулакомъ по жирной, круглой спинѣ перебилъ дипломата: „Ну, развѣ можно лить воду въ бочку“. Бассевитцъ настаивалъ, однако: „Венусъ заставила его предпочитать воду вину!“—сказалъ Петръ и разразился хохотомъ *).

Почему, обладая такимъ характеромъ, онъ вмѣсто любви внушалъ страхъ? Почему его смерть была освобожденіемъ для окружающихъ его и концомъ террора, и мучительныхъ принужденій?

Это зависѣло прежде всего отъ его привычекъ, выработавшихся благодаря средѣ окружавшей его съ дѣтства и занятіямъ, которыми онъ съ увлеченіемъ отдавался. Со строгостью русскаго барина онъ соединялъ грубость голландскаго матроса. Онъ горячился и бывалъ особенно жестокъ въ минуты малодушія; это являлось слѣдствіемъ главнаго недостатка его нравственнаго склада — отсутствія самообладанія. Сила его воли часто уступала неистовству его темперамента; она господствовала надо всѣмъ, что было внѣ его самого; но часто случалось, что его инстинкты и мятежныя страсти побѣждали ее. Покорность окружающихъ помогала развиваться его природнымъ наклонностямъ. „Его характеръ никогда не былъ особенно хорошъ, но съ каждымъ днемъ онъ становится все невыносимѣе“,—пишетъ въ маѣ 1721 года *саксонскій министръ Лефортъ въ своемъ дневникѣ*. „Счастливы тотъ, кому не приходится бывать около него“ *). Этотъ прогрессъ едва можно было выносить. Въ сентябрѣ 1698 года, во время банкета въ честь посланника импера-

*) Вергольцъ. Journal, Büschings—Magasin, т. XXI, стр. 238.

**) Ibid, т. XX, стр. 387.

***) Сборникъ Императорскаго историческаго общества, т. III, стр. 333. Этому Лефорта не надо смѣшивать съ любимцемъ царя, о которомъ идетъ рѣчь дальше.

тора, Guarient, царь разсердился на генералиссимуса Шеина за повышенія, данныя въ арміи, которыя были, по его мнѣнію, несправедливы; ударивъ обнаженной шпагой по столу онъ крикнулъ: „Я тебя съ твоимъ полкомъ въ куски искрошу и шкуру съ тебя спущу!“ Ромодановскій и Зотовъ попросили вступиться; царь бросился на нихъ: у одного оказались на-половину отрѣзанными пальцы на рукѣ, другой былъ раненъ въ голову. Только Лефортъ, а по другимъ свидѣтельствамъ, Меншиковъ сумѣлъ успокоить царя*). Незадолго до этого, во время обѣда у полковника Шамбера царь повалилъ на полъ и топталъ ногами Лефорта, а Меншикова, осмѣлившася на какомъ-то праздникѣ, острить на его счетъ—ударилъ по лицу такъ сильно, что у него пошла носомъ кровь **).

Въ 1703 году царь остался недоволенъ публично обращенными къ нему словами голландскаго резидента и засвидѣтельствовалъ свое неудовольствіе ударами кулака и шпаги***).—Это происшествіе не имѣло никакихъ послѣдствій. Дипломатическій корпусъ давно уже покорился печальной необходимости мириться съ нравомъ царя. Въ домѣ бароновъ Раабе, въ Эстоніи хранится палка, которой царь, не нашедшій на сосѣдней почтѣ подставныхъ лошадей, разсердившись, ударилъ по спинѣ кастеляна. Невинность послѣдняго была доказана и онъ получилъ въ вознагражденіе палку*†). Случалось и хуже. Иванъ Саввичъ Брыкинъ, предокъ знаменитаго археолога Спегирева, рассказываетъ, что царь, въ его присутствіи, *убилъ* ударомъ палки слугу, который не сразу снялъ передъ нимъ шапку**†).

Даже съ перомъ въ рукѣ царь выходилъ иногда изъ себя и забывалъ всякую мѣру; въ письмѣ, которое ни въ какомъ случаѣ не могло остаться конфиденціальнымъ, онъ называетъ

*) Устряловъ, т. III, стр. 625, т. IV, стр. 211.

**) Корбъ, стр. 84, 86.

***) Деша Валюза отъ 28 ноября, 1703 г. Мин. Ин. дѣлъ во Франціи.

*†) Русскій Архивъ, т. II, стр. 245 и 390.

**†) Павовъ, Татищевъ и его время. Москва, 1861, стр. 531.

несчастнаго соперника Августа II, короля Лещинскаго, измѣнникомъ и „воровскимъ сыномъ“ *).

IV.

Чрезмѣрное, постоянное пьянство являлось причиной большинства дикихъ выходокъ царя. „Не проходитъ ни одного дня безъ пьянства“, увѣряетъ баронъ Помѣнитцъ, рассказывая о пребываніи царя въ Берлинѣ, въ 1713 году **). Утромъ, 11 іюля 1705 года, царь посѣтилъ монастырь (Pères Basiliens) въ Полоцкѣ и обратилъ вниманіе на статую знаменитаго великомученика, блаженнаго Іоасафата. Святой былъ изображенъ съ воззившимся въ черепѣ топоромъ.

Царь потребовалъ объясненій.

„Чей это образъ?“

„Блаженнаго Іоасафата“.

„А что значить топоръ въ головѣ его?“

„Знакъ орудія, которымъ убиенъ“.

„А кто установилъ называть его святымъ?“

„Крайній архіерей Римскій“.

„Такъ ты униать?“

„Униать“.

Этихъ словъ было достаточно, чтобы заставить царя броситься на монаха. Онъ ударилъ шпагой отца Козиновскаго и убилъ его. Сопровождавшіе царя офицеры бросались на другихъ монаховъ; трое были убиты, двое—тяжело ранены, скончались черезъ нѣсколько дней. Монастырь былъ разграбленъ. Разгромленная церковь служила кладовой для царскихъ войскъ. Описаніе этого событія, посланное изъ Полоцка въ Римъ и прочитанное въ униатскихъ церквахъ, полно ужасными, отвратительными подробностями. Тамъ говорится, что царь позвалъ свою англійскую собаку, и велѣлъ ей задушить первую жертву; что онъ приказалъ отрѣзать груди у женщинъ, присутствовавшихъ при его разговорѣ съ униатомъ, и казавшихся взволнованными. Эти рассказы, конечно, преуве-

*) Письмо къ Мазепѣ, 24 окт. 1705 г. Письма Петра, стр. 474.

**) Матцари, т. II, стр. 66.

личены, но достовѣрность вышеописанныхъ происшествій вполне доказана. Въ журналѣ шведской войны, секретарь царя Макаровъ упоминаетъ о нихъ слѣдующимъ образомъ: „30 іюня (по н. с.) были въ Полоцкой каменной уніатской церкви: пять уніатовъ побито за то, что нашихъ генераловъ называли еретиками“. Петръ вычеркнулъ собственноручно эти строки и этимъ только удостовѣрилъ свидѣтельство. Всѣ свѣдѣнія, относящіяся къ этому инциденту, единогласно сходятся въ одномъ пунктѣ: Петръ былъ совершенно пьянъ. Онъ поѣхалъ въ монастырь послѣ ночной оргіи *).

Иногда, въ трезвые минуты царь раскаявался въ совершенномъ имъ злѣ и стремился исправить его. Онъ раскаявался такъ же легко, какъ и приходилъ въ ярость. Въ маѣ 1703 г. изъ подъ его пера выходятъ слѣдующія многозначительныя строки, обращенныя къ Федору Апраксину: „Какъ покинулъ васъ—не помню, ибо былъ слишкомъ наполненъ дарами Бахуса“.

„Прошу васъ всѣхъ также простить меня, если кого-нибудь обидѣлъ... и забыть все, что было“.

Царь часто пилъ сверхъ мѣры и требовалъ чтобы всѣ, удостоенные чести сидѣть за его столомъ, дѣлали то же. Члены дипломатическаго корпуса, постоянно, жаловались на это: пьянство отнимало у нихъ жизнь. Женщины подчинялись общему правилу, и чтобы убѣдить ихъ не отступать передъ стаканомъ съ водкой, царь пользовался аргументами, не допускавшими возраженій. Дочь вице-канцлера Шафирова, крепенная еврейка, попробовала отказываться отъ чарки съ водкой; царь крикнулъ: „Я тебя выучу слушаться, жидовское отродье!“ Двѣ увѣсистыя пощечины послѣдовали за этимъ восклицаніемъ **).

Царь пилъ всегда больше всѣхъ. Впродолженіе долгихъ лѣтъ излишества разрушали его здоровье; но онъ былъ настолько крѣпокъ, что чувствовалъ себя лишь удовлетвореннымъ морально и физически, въ то время какъ у окружающихъ

*) См. Тейнеръ „Monuments“, стр. 412; Генинъ, Жизнь Иосафата, Парижъ, 1874, т. II, стр. 430. Устряловъ, т. IV, стр. 373. (Разговоръ съ уніатомъ взятъ оттуда, съ подлинника).

**) Веберъ, переписка, опубликованная Германномъ, 1880 г., стр. 73.

подгибались ноги и мутились умы. Легенда говорит, что этот вѣчный разгуль помогаль великому челоуѣку управлять страной, давая ему возможность узнавать затаеннѣйшія мысли своихъ гостей. Эта система, если повѣрить въ ея реальность, очень опасна. Въ такой игрѣ монархъ всякой другой страны, рисковаль бы потерять авторитетъ и престижъ. Въ Россіи даже политическое торжество не вознаграждало моральнаго ущерба:—паденія общества!

Национальные нравы до сихъ поръ сохраняютъ слѣды его уничтоженія. „За тебя, Франція“,—сказаль одинъ изъ гостей, обращаясь къ Людовику XV, во время неоффициальнаго праздника.

„Господа, вотъ король“,—возразиль монархъ, напоминая о своемъ достоинствѣ. Петра постоянно „тыкали“ въ безпрестанно возобновлявшихся тостахъ. Если онъ замѣчалъ, что кто-нибудь изъ его гостей позволяль себѣ излишнюю вольность, онъ наказываль виноватаго, заставляя его залпомъ выпить огромную чарку водки. Непочтительныя выходки сразу прекращались, и наказанный, буквально, свалился подъ столъ *).

Трудно повѣрить, что все это диктовалось глубокой мыслью и умомъ. Я не вижу ничего, что доказывало бы это. Наоборотъ, въ концѣ царствованія, все учащавшіяся, продолжительныя и необузданныя оргіи, такъ нравившіяся царю, приносили значительный ущербъ дѣламъ.

„Царь уже 6 дней не выходитъ изъ своей комнаты“,—пишетъ саксонскій министръ Лефортъ, 22 августа 1724 года,—„онъ заболѣль послѣ пирушки, на царской мызѣ **), по случаю закладки церкви. Было выпито 3,000 бутылокъ вина, и это задержало поѣздку въ Кронштадтъ“ ***).

Въ 1725 году переговоры о заключеніи перваго франкорусскаго союза были внезапно прерваны; французскій посланникъ Кампредонъ волновался, требоваль объясненій у канцлера Остермана, и вырваль у него, въ концѣ концовъ, выразительное признаніе: „Съ царемъ невозможно говорить сейчасъ

*) Шереръ, т. V, стр. 28.

**) Царское село.

***) Сборникъ, т. III, стр. 382.

о дѣлахъ, потому что онъ весь погруженъ въ свои забавы. Въ сопровожденіи 200 человѣкъ, музыкантовъ и всевозможныхъ пѣвцовъ, онъ ѣздитъ изъ одного богатаго дома въ другой, и забавляется, угощаясь на счетъ хозяевъ“ *).

Даже въ предшествующій, наиболѣе дѣятельный и героическій періодъ своей жизни, Петръ поддавался изрѣдка неподдаемому искушенію. Въ декабрѣ 1707 года, когда Карлъ XII готовился къ рѣшительной войнѣ, которая должна была привести его въ „сердце Россіи“, Петръ развлекался въ Москвѣ, и защита страны была парализована. Меншиковъ посылалъ къ нему курьера за курьеромъ, требуя, чтобы онъ соединился съ арміей. Царь оставлялъ его пакеты пераспечатанными **). Правда, онъ быстро бралъ себя въ руки, и умѣлъ паверстывать потерянное время. Очевидно, что не ради собственной безопасности, и онъ забывалъ въ теченіе многихъ недѣль о войнѣ со своимъ страшнымъ противникомъ.

V.

Грубые вкусы соотвѣтствовали, естественно, кабацкимъ нравамъ. Петръ, имѣвшій успѣхъ въ обществѣ женщинъ, больше всего цѣнилъ грубый развратъ, и находилъ особенное удовольствіе въ томъ, чтобы подруги его были, совершенно, пьяны. Сама Екатерина была, по свидѣтельству Басевитца, „первоклассной пьяницей“ и этому была обязана большей частью своего успѣха. Въ дни торжественныхъ банкетовъ полы раздѣлялись; Петръ обладалъ привиллегіей входить въ дамскій залъ, гдѣ предсѣдательствовала царица, дѣлавшая все возможное, чтобы развлечь своего „хозяина“ забавнымъ зрѣлищемъ.

Но во время болѣе интимныхъ праздниковъ столъ былъ общій и ужинъ кончался, обыкновенно, необузданной оргіей.

*) Денеша отъ 9-го января 1725 г. Мин. ин. дѣлъ во Франціи. Въ подобномъ же смыслѣ письмо голландскаго резидента де-Ви (Віе) къ секретарю Соединенной Провинціи Фагелю отъ 3-го декабря 1717 г. Гаагскій архивъ.

**) Есиповъ, біографія Меншикова, Русскій архивъ, 1875 г.

Духовенство принимало участіе въ пирушкахъ, и должно было подчиняться общимъ правиламъ. Петръ любилъ сидѣть за ужиномъ рядомъ съ церковнослужителями, и перемѣшивать богословскіе споры съ обильными возліяніями Бахусу. Ошибки въ догматахъ царь наказывалъ установленнымъ штрафомъ,—огромнымъ стаканомъ водки. Послѣ этого споръ, обыкновенно, переходилъ въ драку, къ великому удовольствію царя. Его любимыхъ гостей, морскихъ капитановъ и голландскихъ купцовъ, не было еще среди тѣхъ, съ кѣмъ онъ за просто выпивалъ.

Въ Дрезденѣ въ 1711 году онъ съ удовольствіемъ проводилъ время въ комнатѣ лакеевъ гостиницы „Golbener Ring“, и завтракалъ съ ними на дворѣ *).

Въ царѣ не было ничего деликатнаго, ничего утонченнаго. Въ Амстердамѣ, во время своего перваго путешествія, онъ пришелъ въ восторгъ отъ знаменитаго гаера Тестье-Роенъ (Testje-Roen), пошлыя шутки котораго очень нравились низшимъ классамъ населенія. Царь хотѣлъ увезти его въ Россію **).

Петръ былъ мужикомъ. Онъ до самой смерти сохранялъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, свою врожденную дикость. Говорятъ, что онъ былъ жестокимъ дикаремъ. Это утвержденіе кажется хорошо обоснованнымъ, но въ дѣйствительности оно невѣрно. Онъ часто присутствовалъ на допросахъ въ застѣнкахъ, гдѣ дыба и кнутъ дѣлали свое дѣло и на площадяхъ во время казней. Онъ присутствовалъ при самыхъ возмутительныхъ пыткахъ и, говорятъ, что онъ не всегда оставался простымъ свидѣтелемъ. Я вернусь къ этому, когда буду говорить объ ужасномъ концѣ стрѣльцовъ. Но мнѣ кажется лишнимъ, споръ поднятый по этому поводу.

Онъ исполнялъ обязанности палача...

Почему бы и нѣтъ? Онъ исполнялъ также обязанности матроса и ремесло столяра... Разница была ему совершенно непонятна. Онъ соединялъ нѣсколько должностей; это нисколько не нарушало общественнаго строя его родины; его

*) Archiv für Sächsische Geschichte, т. XI, стр. 345.

**) Шельтемъ, Анекдоты, стр. 157.

петербургскій палачъ значился также въ спискахъ придворныхъ шотовъ! *) Петръ рубилъ головы! Очень возможно. Онъ находилъ въ этомъ удовольствіе? Весьма вѣроятно, никто не испытывалъ такъ сильно, какъ онъ „радость дѣйствія“, независимо отъ того, каково это дѣйствіе. Вотъ и все. Я совершенно не вѣрю анекдоту, рассказанному Вольтеру Великимъ Фридрихомъ о томъ, что во время обѣда, царь, въ присутствіи прусскаго посланника барона Принтзена, обезглавилъ 20 стрѣльцовъ, выпилъ столько же стакановъ водки, и предложилъ пруссаку послѣдовать его примѣру **).

Около каждой черты характера царя, около каждой главы этой книги создалась тысяча рассказовъ. Одни изъ нихъ приходится отбрасывать à priori, благодаря ихъ очевидной нелѣпости; среди другихъ приходится выбирать.

Я уже указывалъ въ чемъ заключается мой методъ: согласованіе данныхъ противорѣчащихъ въ мелочахъ, и дающихъ въ главномъ одинаковыя, точныя указанія. Эти данныя не позволяютъ мнѣ считать Петра дѣйствительнымъ хищникомъ, находящимъ жестокое удовольствіе въ причиняемыхъ имъ страданіяхъ и вкусъ въ крови. Въ немъ нѣтъ даже и признаковъ садизма, и кровожадныя вспышки не были для него обычнымъ явленіемъ. Онъ суровъ, грубъ и жестокъ.

Страданія такъ же, какъ здоровье и болѣзнь, представлялись въ его глазахъ лишь интересными явленіями и интересовали его только какъ таковыя. Я представляю себѣ, какъ онъ провожалъ стрѣльцовъ на плаху, осыпая ихъ бранью и упреками, глумясь надъ ихъ муками и смертью **). Но если онъ былъ недоступенъ жалости, когда считалъ себя правымъ, то онъ былъ также совершенно чуждъ щепетильности, когда ему казалось, что дѣло не касается государственныхъ интересовъ.

Знаменитая аксіома уголовного права—„лучше оправдать 10 виновныхъ, чѣмъ казнить одного невиннаго“,—честь созданія которой приписываютъ, обыкновенно, Екатеринѣ II, въ дѣйствительности не принадлежитъ къ историческому на-

*) Семевскій. Слово и Дѣло, стр. 262.

**) Семевскій. Ук. трудъ, стр. 260.

слѣдству Великой монархини. Она написана рукой Петра въ военномъ (!) регламентѣ *).

Современники не могли объяснить многія изъ его поступковъ, иначе, какъ тѣмъ, что ему доставляло удовольствіе дѣлать непріятности, или просто причинять боль окружающимъ.

Указываютъ, напр., случай съ любимцемъ царя, адмираломъ Головинымъ, который терпѣть не могъ уксуса, и потому отказался есть салатъ. Петръ влилъ ему въ ротъ насильно, едва не задушивъ его, цѣлую бутылку уксуса **). Я вѣрю этому анекдоту, такъ какъ слышалъ множество похожихъ на него. Царь заставлялъ иѣжныхъ молодыхъ дѣвушекъ пить водку порціями гренадеровъ, а дряхлыхъ стариковъ плясать на улицахъ въ костюмахъ скомороховъ; дѣйствительно, все это повторялось, изо дня въ день, въ продолженіе всего царствованія, но все это объясняется совершенно иначе.

Петръ хотѣлъ, чтобы развлеченія, обѣды и костюмы, которые нравились ему, также нравились всѣмъ окружающимъ его; всѣ должны были соглашаться съ тѣмъ, съ чѣмъ соглашался онъ; всѣ должны были находить удобнымъ то, что находилъ удобнымъ онъ; такъ онъ понималъ свою роль Преобразователя и свою самодержавную власть.

Употребленіе уксуса было обязательно, и то, что произошло изъ-за этой приправы съ Головинымъ, не разъ повторялось и съ другими. Царь при всякомъ удобномъ случаѣ пичкалъ сыромъ, прованскимъ масломъ, устрицами всѣхъ тѣхъ, кому эти гастрономическія новшества внушали отвращеніе ***). Выстроивъ свою столицу на болотѣ, царь назвалъ ее „Парадизомъ“, и требовалъ, чтобы всѣ восхищались ею такъ же, какъ онъ самъ.

Конечно, онъ не былъ очень иѣженъ. Въ январѣ 1694 года, когда мать его была смертельно больна, онъ, горя нетерпѣніемъ покинуть Москву, объявилъ о своемъ отъѣздѣ.

*) Розенхеймъ, Военное законодательство въ Россіи. Спб., 1878, стр. 155.

***) Корбъ, стр. 88.

***) Вакеродтъ. стр. 19.

Она умерла въ часъ назначенный для выѣзда, и онъ приказалъ поскорѣй похоронить ее.

Я не могу также забыть окровавленный призракъ Алексѣя и скорбную тѣнь Евдокин.

Необходимо, однако, принять во вниманіе обстоятельства, связанныя съ нравственнымъ развитіемъ этой личности, и другія черты его нравственной фізіономіи.

Необходимо помнить также о несчастіяхъ, неотдѣлимыхъ отъ революціоннаго періода, о противорѣчій мятежныхъ инстинктовъ этого человѣка и о настойчивости его въ государственныхъ дѣлахъ. Царь обожалъ своего второго сына, и письма Екатерины дышатъ нѣжностью къ нему; они свидѣтельствуютъ также о заботливости, съ которой царь относился къ здоровью своихъ дочерей—Анны и Елизаветы; онъ называлъ ихъ, шутя, „воровками“, потому что онѣ крали у него время, и „своими дѣтьми“. Онъ заходилъ къ нимъ ежедневно и слѣдилъ за ихъ занятіями.

Петръ не боялся войти въ темницу узника, вчера еще любимца, и объявить, что, къ великому своему сожалѣнію, онъ долженъ приказать отрубить ему завтра голову. Такъ было въ 1724 году съ Монсомъ. Но когда друзья казались ему достойными его дружбы, онъ бывалъ не только нѣженъ съ ними, но ласковъ и льстивъ до излишества. Въ августѣ 1723 года, на пирушкѣ въ память созданія русскаго флота, на которой присутствовалъ и „дѣдушка“ флота—старая англійская шлюпка, найденная въ 1688 году, Петръ—правда, пьяный—цѣловалъ герцога Голштинскаго въ шею, въ лобъ, въ голову (снявъ предварительно парикъ), „и наконецъ“,—доносить Бергхольцъ,—„въ зубы и въ губы“ *).

Всѣ эти черты не позволяютъ видѣть въ Петрѣ лишь видоизмѣненіе азіатскаго деспота. И какъ монархъ, и какъ человѣкъ онъ стоитъ выше; во всякомъ случаѣ, онъ другой; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ стоялъ внѣ общепринятой гуманности, но отнюдь не обладалъ жестокими инстинктами. Въ цѣломъ рядѣ, подписанныхъ имъ, указовъ чувствуется, если не сердце, то, во всякомъ случаѣ, воспримчивый умъ и нѣкоторое

*) Büschings-Magasin, т. XXI, стр. 301.

благодушіе. Въ одномъ изъ нихъ онъ называетъ себя „покровителемъ вдовъ и сиротъ, и беззащитныхъ“ **).

Моральный центръ тяжести нужно искать въ мозгу этого великаго бессознательнаго идеалиста и въ то же время великаго сластолюбца, который умѣлъ, однако, подчинить свои чувствованія общему закону, первымъ рабомъ котораго онъ себя называлъ. Онъ хотѣлъ, такимъ образомъ, приобрести право неумолимо подчинять ему волю, умы и страсти другихъ.

*) Сводъ законовъ стр. 337, 462, 777, 839, 3270, 3290, 3298.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Интеллектуальные гербы. Нравственный обликъ.

I. Даровитость. Мощь и гибкость. Сравненіе съ Наполеономъ I. Славянская восприимчивость. Сношенія съ квакерами. Лоу (Law). Любознательность и жажда знанія. Ночь въ музеѣ. Безсвязность и элементарность приобретенныхъ знаній и навыковъ. Дипломатія Петра. Полководецъ ли онъ? Недостатокъ чувства мѣры. Смѣсь серьезности и ребячества. Петръ—хирургъ и дантистъ. Научныя и художественныя учрежденія. Негръ и аббатъ Биньонъ (Bignon). II. Ясность и точность его ума. Эпистолярный стиль. Характерная восточная черта. Проектъ возстановленія колосса Родосскаго. Противорѣчивыя черты. Великодушіе и мелочность. Честность и плутовство. Скромность и хвастовство. Ихъ согласованіе. Исторія и традиція. Рыцарскій духъ на Западѣ, и византійскій духъ въ Россіи. Жанна д'Аркъ и княгиня Ольга. Баярдъ и св. Александръ Невскій. Мораль Петра. Отсутствие щепетильности и преарвнія къ приличіямъ. Причины и слѣдствія. III. Могущество и узость взглядовъ. Умственная близорукость. Дефекты психологій. Неспособность къ воспріятію абстрактныхъ идей. Почему онъ все же идеалистъ? IV. Любовь къ переодѣваніямъ. Шутки. Извращенность ума или политической разсчетъ? Придворныя шуты. Манеры царя. Царь забавляется. Опасная сторона этихъ развлеченій. Жизнь и маскарадъ. Шуть—хранитель печатей. Засѣданіе маскированныхъ сенаторовъ. V. Лже-Патріархъ. Цѣль его. Папа или Патріархъ? Хотѣлъ ли Петръ высмѣять духовенство? Происхожденіе и развитіе учрежденія. Лже-папа и его конклавъ. Странныя церемоніи и шествія. Ряса отца Калльо (Caillaud). Женитьба Князя-папы. Княгиня-игуменья. Сплетень и объясненіе явленія. Мѣстные причины и иностранныя вліянія. Византійскій аскетизмъ и черныя мессы на Западѣ. Нравственное угнетеніе и реакція. Своеобразность, деспотическія причуды и стремленіе къ уравнию. Петръ и Иванъ Грозный. Людовкъ XI и Фальстафъ.

I.

Его мозгъ феноменаленъ. Сущность и грандіозность его работы вызываетъ сравненіе съ Наполеономъ I. Та же продолжительность усилія безъ видимаго утомленія, та же упругая,

гибкая мощь; та же способность заниматься одновременно множеством самых разнообразных, самых неравных по значенію дѣлъ, безъ замѣтной разсѣянности мысли, безъ ослабленія ея дѣятельности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Въ 1698 году въ Штакерау (близъ Вѣны) Петръ Михайловъ, вмѣшавшись въ сердившій его конфликтъ, происшедшій между посланниками и императорскими чиновниками, спорившими о подробностяхъ торжественнаго вѣзда посольства въ столицу, въ то же время думалъ о постройкѣ русской церкви въ Пекинѣ, и писалъ объ этомъ Виніусу.

Въ письмѣ къ Апраксину, помѣченномъ сентябремъ 1706 года, я нахожу приказанія, касающіяся военныхъ дѣйствій, наставленія относительно перевода нѣкоторыхъ латинскихъ книгъ, совѣты, касающіеся воспитанія пары щенковъ, и подробное описаніе всего, чему ихъ нужно выучить.

15 ноября 1720 года царь пишетъ Ягужинскому, посланному съ порученіемъ въ Вѣну о возвращеніи Шлезвига герцогу Голштинскому, о портретѣ „дѣвки со свинымъ рыломъ“, привезенномъ изъ своего путешествія Петромъ Алексѣевичемъ Толстымъ, спрашиваетъ, гдѣ эта дѣвка и пельзя ли ее увидѣть; говоритъ, что ему охотѣлось бы приобрѣсти двѣ или три дюжины бутылокъ хорошаго токайскаго вина, спрашиваетъ о цѣнѣ и о расходахъ по пересылкѣ *).

Его умъ—очагъ, открытый для всѣхъ понятій; онъ обладаетъ чисто славянской, до крайности доведенной, способностью, которую Герценъ назвалъ воспримчивостью. Такъ, напр., до пріѣзда въ Лондонъ Петръ никогда, вѣроятно, не слышалъ о квакерахъ.

Знаменитый Вильямъ Пеннъ, преслѣдуемый въ это время, какъ заговорщикъ и измѣнникъ, жилъ случайно въ домѣ, гдѣ помѣстился царь. Царь сейчасъ же вошелъ въ почти дружескія сношенія и съ Пенномъ и съ его единовѣрующими, Томасомъ Стори (Story), Сильбертомъ Молисономъ (Molyson), читалъ ихъ брошюры и благоговѣнно слушалъ ихъ проповѣди.

Черезъ 19 лѣтъ, пріѣхавъ въ Фридрихштадтъ (въ Гол-

*) Письма Петра, т. I, стр. 253; Голиковъ, т. II, стр. 296; т. VII, стр. 120.

штиніи) съ войскомъ, которое должно было помочь датчанамъ противъ шведовъ, царь, прежде всего, спросилъ, есть ли въ городѣ квакеры? Ему указали мѣсто ихъ собраний, и онъ отправился туда *).

Онъ мало слыхалъ о системѣ Лоу (Law) и вообще о финансовыхъ системахъ. Но, познакомившись съ этимъ чело-вѣкомъ, съ его системой, онъ живо заинтересовался и тѣмъ и другимъ; онъ переписывался съ авантюристомъ-банкиромъ и слѣдилъ за его судьбой любопытнымъ, сначала восхищен-нымъ, потомъ списходительнымъ взглядомъ; онъ продолжалъ сочувствовать ему даже въ часы невзгодъ **).

Его живость и безпокойная любознательность были на-столько велики, что Наполеонъ казался, по сравненію съ нимъ, терпѣливымъ чело-вѣкомъ. Приѣхавъ вечеромъ, послѣ утомительнаго, проведеннаго въ дорогѣ дня, въ Дрезденъ, онъ отказался отъ ужина, и потребовалъ, чтобы его провели въ мѣстный музей-кунсткамеру; онъ явился туда въ 1 ч. дня и провелъ тамъ цѣлую ночь, осматривая достопримѣчательности при свѣтѣ факеловъ ***).

Его любознательность была универсальна и неутомима. Когда въ 1715 году умерла, въ возрастѣ 51 года, вдова Тео-дора, царица Марѳа Апраксина, царь захотѣлъ удостовѣриться въ справедливости распространеннаго въ обществѣ мнѣнія о причинахъ болѣзненнаго состоянія покойнаго царя и стро-гости нравовъ покойницы; онъ лично сдѣлалъ вскрытіе трупа и, кажется, вывелъ удовлетворительныя заключенія, относи-тельно добродѣтели своей свояченицы *†).

Постоянно пополняемый запасъ его знаній былъ все-таки очень элементаренъ; онъ пополнялся непосредственно. Петръ говорилъ только по-русски; по-голландски онъ могъ разговаривать только съ моряками, о специальныхъ предме-тахъ. Когда въ 1721 году царю пришлось вести конфиденці-альный разговоръ съ французскимъ посланникомъ Капре-дономъ, долго жившимъ въ Голландіи и свободно владѣвшимъ

*) Кларксонъ, Life of William Penn, 1813, стр. 253.

***) Русскій Архивъ, 1874, стр. 1578.

***) Archiv für Sächsishe Geschichte, т. XI, стр. 14.

*†) Долгоруковъ, Мемуары, т. I, стр. 14.

языкомъ страны, онъ былъ принужденъ пригласить переводчика и сдѣлалъ, на этотъ разъ, очень неудачный выборъ *). Царь былъ не въ курсѣ методовъ, примѣняемыхъ западной дипломатіей; въ маѣ 1719 года французскій резидентъ въ Петербургѣ Ла-Ви (La Vie) замѣтилъ, что онъ велъ Аландскіе переговоры, не требуя „предварительныхъ статей“; это позволило шведамъ обмануть его подобіемъ очень компрометирующихъ переговоровъ и повело къ разрыву съ союзниками.

Въ иностранной политикѣ царь примѣнялъ методы своего собственнаго и національнаго изобрѣтенія и, смѣшивая лукавство славянина съ азіатской хитростью, сбивалъ съ толку своихъ европейскихъ партнеровъ фамиллярностью, грубостью, неожиданными ласками; онъ поцѣлуемъ въ лобъ обрывалъ ихъ на полъ-словъ, обращался къ нимъ съ рѣчами, которыхъ они совершенно не понимали, и отпускалъ ихъ безъ всякихъ объясненій **).

Нѣкоторые военные историки считали и считаютъ Петра великимъ полководцемъ. Ему приписываютъ новыя, удачныя идеи о роли резервовъ и кавалеріи, введеніе принципа взаимной поддержки отдѣльныхъ войсковыхъ частей, простоту формаций, и употребленіе импровизированныхъ укрѣпленій. Говорятъ, что Полтавская битва представляетъ единственный примѣръ—восхитившій Мориса Саксонскаго—употребленія редутовъ въ качествѣ наступательной силы. Эти редуты были его созданіемъ.

Царь самъ велъ большую часть осадъ, очень многочисленныхъ во время шведской войны, и его личное участіе служило всегда залогомъ успѣха ***).

Я не имѣлъ права вступать въ споръ по этому поводу и готовъ былъ согласиться со свидѣтельствомъ Мориса Саксонскаго. Но другое, противорѣчащее ему свидѣтельство—Журналь Сѣверной войны—остановило меня. Петръ, лично руко-

*) Денеша Кампредана отъ 1 декабря, 1721 г. Мпн. Ин. дѣлъ во Франціи.

**) Ла-Ви—правительству Соед. провинцій, 3 мая 1712 г. Гаагскій Архивъ.

***) Петровъ, ук. трудъ т. II, стр., 84 и сл.

водившій составленіемъ его, не выказываетъ себя ни стратегомъ, ни историкомъ. Описанія битвъ или совершенно новыразительны (напр., битва при Нарвѣ), или явно неточны. Я не понялъ бы изъ нихъ, что великій человекъ руководилъ редутами, которые такъ помогли въ Полтавской битвѣ; но все знаютъ, что онъ шелъ во главѣ полка, оставивъ, какъ всегда, командованіе въ рукахъ своихъ генераловъ.

Онъ примѣнялъ усвоенные имъ методы военной инженерной науки, организуя защиту своихъ новыхъ приобрѣтеній по Балтійскому побережью; но Петропавловскую крѣпость въ Петербургѣ едва ли можно считать шедевромъ, а все другія работы этого рода, предпринятыя подъ его руководствомъ, не были, по свидѣтельству его поклонниковъ, закончены.

Осады, успѣхъ которыхъ ему приписываютъ, неизмѣнно переходили въ приступъ, который давалъ возможность оцѣнить блестящія качества новой русской арміи, ея храбрость и дисциплину. Эти качества кажутся мнѣ единственнымъ бесспорнымъ фактомъ, благодаря которому увеличивалась слава ихъ Творца. Онъ создалъ почти все крѣпости, и я покажу впоследствии, какъ онъ утвердилъ могущество и престижъ своей родины; онъ былъ несравненнымъ организаторомъ, и я готовъ согласиться съ нѣкоторыми изъ его апологетовъ, говорящими, что онъ опередилъ свое время въ области примѣненія нѣкоторыхъ принциповъ, давно уже теоретически принятыхъ и одобренныхъ на Западѣ, но отклоненныхъ, благодаря рутинѣ въ области практики. Отсутствіе чувства мѣры и несерьезное отношеніе къ серьезнымъ вещамъ,—недостатокъ, отъ котораго Петръ не могъ избавиться впродолженіи всей своей жизни,—мѣшали ему основательно освоиться съ какой-нибудь одной отраслью знанія. Примѣромъ могутъ служить его претензіи въ области хирургіи и зуболѣченія. Послѣ возвращенія изъ Голландіи онъ постоянно носилъ съ собой хирургическіе инструменты и не упускалъ случая воспользоваться ими. Церковнослужители при петербургскихъ госпиталяхъ были обязаны извѣщать царя каждый разъ, какъ имѣлся интересный оперативный больной; онъ присутствовалъ почти на всехъ операціяхъ и часто самъ бралъ въ руки хирургическій ножъ.

Однажды онъ выпустилъ 20 фунт. воды у страдавшей водяной женщины. Несчастливая отговаривалась, какъ могла, если не отъ операци, то хоть, по крайней мѣрѣ, отъ оператора. Черезъ нѣсколько дней она умерла; царь присутствовалъ на ея похоронахъ. Въ петербургскомъ музеѣ хранится мѣшокъ, полный зубовъ, вырванныхъ царственнымъ ученикомъ странствующаго амстердамскаго зубодера. Однимъ изъ вѣрнѣйшихъ способовъ добиться благосклонности царя считалась просьба объ удаленіи коренного зуба. Ему не разъ приходилось вырывать совершенно здоровыя бабки. Камердинеръ Полубояриновъ нажаловался на свою жену, которая, ссылаясь на зубную боль, отказывалась исполнять свои супружескія обязанности. Царь призвалъ бунтовщицу, собственноручно вырвалъ, не обращая вниманія на ея слезы и крики, одинъ изъ ея зубовъ и предупредилъ, что вырветъ всѣ остальные въ случаѣ повторенія преступленія. Но не надо забывать, все же, что Москва обязана Петру первому военнымъ госпиталемъ (1706) и присоединенной къ нему хирургической школой, анатомическимъ кабинетомъ и ботаническимъ садомъ, въ которомъ царь лично посадилъ нѣсколько древесныхъ породъ.

Въ томъ же году въ Петербургѣ, Казани, Глуховѣ, Ригѣ и Ревелѣ были сооружены аптеки *).

Онъ создавалъ научныя и художественныя учрежденія не потому, что чувствовалъ склонность къ наукѣ и искусству. Онъ не понималъ ни живописи, ни архитектуры, и его низенькій, вроспій въ землю домикъ въ Преображенскомъ, до крыши котораго онъ доставалъ рукой, совершенно удовлетворялъ его. Лучшаго царь не хотѣлъ строить и въ Петербургѣ. Онъ приказалъ строить дворцы своимъ сотрудникамъ, но работа шла вяло. Царь понялъ, что необходимо еще разъ показать примѣръ, и построилъ Зимній и Лѣтній дворцы. Онъ хотѣлъ самъ быть своимъ архитекторомъ, и потому новыя постройки оказались довольно неуклюжимъ подражаніемъ западнымъ моделямъ. Корпусы зданій совершенно не

*) Шубинскій, Историческіе эскизы, стр. 11 и сл.

соотвѣтствовали ихъ крыльямъ. Царь велѣлъ устроить въ комнатахъ двойные потолки, и воображалъ, что попрежнему живетъ въ своей деревянной лачугѣ. Начало было, тѣмъ не менѣе, положено, и со временемъ французскій архитекторъ Леблонъ, приглашенный за большое жалованье (40 тысячъ ливровъ въ годъ), исправилъ допущенныя ошибки и придалъ подобающій видъ новой столицѣ. Петръ пополнялъ музей, основанный имъ послѣ перваго путешествія въ Голландію. Приѣхавъ снова (въ 1717 г.) въ Амстердамъ, онъ разыгрывалъ роль просвѣщеннаго любителя. Онъ приобрѣталъ картины Рубенса, Ребрандта, Стена (Steen), Ванъ-деръ Верфа (Werff), Лигельбаха, Бершема, Мьера, Вувермана, Брогхеля, Остада, Ванъ-Гюйсена.

Онъ составилъ наборъ маринъ въ Лѣтнемъ дворцѣ и цѣлую картинную галерею въ Петергофѣ. Эти первыя въ Россіи коллекціи были поручены рисовальщику и граверу Пиккарду и швейцарцу Целлю, ех-антикварію. Все это, Петръ дѣлалъ безъ малѣйшаго личнаго интереса.

Между тѣмъ, взглянувъ на переписку царя съ аббатомъ Биньономъ, королевскимъ бібліотекаремъ и членомъ Академіи наукъ, почетнымъ членомъ которой сдѣлался, послѣ поѣздки въ Парижъ (1717 г.) и Петръ, можно подумать, что интересъ этотъ былъ очень великъ. Въ 1720 году царь послалъ ему со своимъ бібліотекаремъ, нѣмцемъ Шумахеромъ, (царь устроилъ себѣ и бібліотеку) манускриптъ—пергаментъ съ золотыми буквами,—найденный въ Сибири, въ Семипалатинскѣ, въ склепѣ разрушившейся церкви. Нужно было разобрать текстъ и опредѣлить языкъ, на которомъ онъ написанъ. Петръ, казалось, былъ въ восторгѣ, когда аббатъ, посовѣтовавшись съ королевскимъ переводчикомъ Фурманомъ, сообщилъ ему, что таинственный языкъ—есть языкъ Tangouts—древняго калмыцкаго племени.

Послѣ смерти Петра, двое русскихъ, посланныхъ въ Пекинъ для изученія китайскаго языка и прожившихъ тамъ 16 лѣтъ, предприняли провѣрку этого научнаго изслѣдованія и сдѣлали открытіе, компрометирующее парижскихъ ориенталистовъ: манускриптъ былъ маньчжурскій, и текстъ его

былъ совершенно непохожъ на текстъ, который указалъ Фурманъ *).

Но Петръ умеръ съ убѣжденіемъ, что освѣтилъ важную область національной палеографіи и этнографіи и, сознательно исполняя обязанности монарха.

Въ средѣ достопримѣчательностей, собранныхъ въ музеѣ, было, по словамъ современниковъ, нѣсколько живыхъ человѣческихъ экземпляровъ: человѣкъ, страдающій ужаснымъ, отвратительнымъ недугомъ, дѣти уродцы и т. д. Великій человѣкъ думалъ, что служить, устраивая подобныя выставки, дѣлу науки **).

II.

Его свѣтлый, ясный и точный умъ безъ сомнѣній и колебаній шелъ къ цѣли, какъ орудіе, направленное твердой рукой. Его переписка чрезвычайно характерна. У него не было времени писать длинныя письма, какъ писала ихъ его наслѣдница—Екатерина II. Онъ не признавалъ ни только лишнихъ словъ и риторики, но и каллиграфіи, и орфографіи. Почеркъ его почти также неразборчивъ, какъ почеркъ Наполеона. Большинство словъ въ его письмахъ недописано. Такъ, напримѣръ, онъ начиналъ записку къ Меншикову: „Mei hez brude in kamamara“; это значитъ: Mein Herzbruder und Kamarad“, т.-е. мой сердечный другъ и товарищ!“ Онъ подписывался чаще всего Перь. Но зато онъ говорилъ быстро и хорошо, все что хотѣлъ сказать, безъ труда находилъ вѣрныя выраженія и нужныя слова, ясно выражавшія его мысль. Онъ любилъ шутливую манеру въ письмахъ и возможно, что Екатерина II, просто, подражала ему въ этомъ отношеніи. Онъ адресовалъ, напр., письмо къ Меншикову на имя любимаго дога фаворита. Но шутки, распущенность мысли и страстныя обращенія часто уступали мѣсто язвительнымъ, рѣзкимъ замѣчаніямъ. Вице-адми-

*) Голиковъ, т. VIII, стр. 84.

**) Büschings—Magasin, т. XIX, стр. 115.

раль Крюйсъ, жалуясь съ рапортомъ на своихъ офицеровъ, добавляетъ:

— „Его Величество знаетъ своимъ искусствомъ, какъ необходимо, чтобы всѣ отъ большаго до меньшаго повиновались главному командиру!“

Царь отвѣтилъ:

— „О неискусныхъ офицерахъ виною г. вице-адмиралъ, ибо едва не всѣхъ онъ самъ панималъ и въ томъ пенять не на кого. Ради же распорядку флота остается господинъ адмиралъ, съ которымъ господинъ вице-адмиралъ все распорядить можетъ.“

Что же принадлежить о моемъ искусствѣ (что здѣсь помянуто), и сей кумплиментъ есть ни на крѣпкихъ ногахъ.“

И дальше:

— „И, такимъ образомъ прошу вице-адмирала или изъ искусныхъ по своему разсужденію выписать или ежели достоинъ впредь отъ сей издѣвки престать“ *).

Востокъ чувствуется въ естественно-изобразительныхъ оборотахъ его рѣчи, въ пластичности его стиля. По поводу своего союза съ Даніей и разочарованій, которыя союзъ этотъ ему принесъ, въ одномъ изъ его писемъ къ Екатеринѣ, встрѣчается такое разсужденіе.

— „Два медвѣдя плохо уживаются въ одной берлогѣ“; и другой разъ: „Напшъ союзъ, какъ пара молодыхъ лошадей, запряженныхъ въ одну телѣгу“ **).

Касаясь броженія умовъ въ Польшѣ, онъ говоритъ: „здѣсь все бродитъ, какъ молодая брага“.

Онъ сравниваетъ опрометчиваго человѣка съ „медвѣдемъ, которій говоритъ, чтобъ зарѣзали кобылу“.

Петръ—законодатель продолжаетъ употреблять этотъ образный языкъ. Создавая постъ генераль-прокурора въ Сенатѣ, онъ говоритъ, что хочетъ помѣшать играть съ законами, краплевыми картами.

Прокуроръ будетъ его „окомъ“. Не владѣя научной исторической точкой зрѣнія и плохо описывая событія, Петръ

*) Устряловъ, т. IV, стр. 272. Списано съ русскаго текста.

**) 1712 и 1716 гг. Письмо къ Екатеринѣ I. Прим. перевод. Иад. 1861 г., стр. 29 и 49.

тѣмъ не менѣе, хорошо понимаетъ ихъ смыслъ и значеніе. Онъ правильно объясняетъ ихъ даже въ письмахъ къ Екатеринѣ. Онъ отдаетъ себѣ ясный и точный отчетъ въ томъ, что онъ дѣлаетъ и въ томъ, что ждетъ его.

Я нахожу въ немъ еще одну чисто восточную черту: все большое, даже огромное плѣняетъ его воображеніе. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ мечталъ о сооруженіи между Кронштадтомъ и Пронслотомъ второго Колосса Родосскаго:—огромная башня должна была осѣдлать проливъ, оставляя внизу проходъ для большихъ кораблей; наверху ея предполагалось устроить крѣпость и маякъ. Закладка была начата въ 1724 году *). Часто восхищаются его акцентричными выходками и грубостью, которые сбивали съ толку даже знатоковъ. По моему, есть что-то Шекспировское въ нѣкоторыхъ его поступкахъ. Въ 1697 году, когда раскрытіе заговора Циклера задержало отъѣздъ царя въ Европу, онъ, замѣтя преступную связь настоящаго съ прошлымъ, велѣлъ вырыть изъ могилы изъѣденный червями трупъ Ивана Милославскаго. Останки въ саняхъ, запряженныхъ двѣнадцатью свиньями, были отвезены въ Преображенское и поставлены въ открытомъ гробу подъ эшафотомъ, на которомъ медленною смертью умиралъ Циклеръ и его товарищъ Соковнинъ. Ихъ приговорили къ казни черезъ четвертованіе. Съ каждымъ ударомъ ножа кровь несчастныхъ мстительнымъ потокомъ лилась на то, что осталось отъ ненавистнаго, вырваннаго изъ могильной тишины, врага **). Въ 1723 году Преображенское было свидѣтелемъ менѣе отвратительнаго, но не менѣе страннаго зрѣлища. Петръ велѣлъ сжечь свой деревянный домикъ, который, потомъ былъ снова, выстроенъ по его приказанію на прежнемъ мѣстѣ. Этотъ пожаръ имѣлъ символическое значеніе. Петръ сообщил по секрету герцогу Голштинскому, что въ этомъ домѣ онъ задумалъ планъ ужасной, кончившейся теперь войны со шведами; радуясь заключенію мира, Петръ хотѣлъ уничтожить все, что напоминало ему о тяжеломъ

*) Голиковъ. т. X, стр. 425.

***) Желябужскій, Воспоминанія, стр. 112. Гордонъ, Дневникъ 4 марта 1697, Устряловъ, т. III.

прошломъ. Чтобы придать больше торжественности этой мирной манифестаціи, онъ рѣшилъ увеличить блескъ пожара блескомъ фейерверка! Онъ зажегъ одновременно римскія свѣчи и полусгнившія бревна своей лачуги; крыша пылала вмѣстѣ съ пучкомъ разноцвѣтныхъ ракетъ; царь билъ въ барабанъ въ продолженіи всего ауто-дафе*).

Временами онъ становился на одинъ уровень съ великими историческими избранниками, людьми широкаго размаха и высокаго полета. Въ 1712 году, Стефанъ Яворскій малороссійскій монахъ, вызванный имъ изъ Кіева въ Москву, чтобы принять архіерейскій санъ, въ публичной проповѣди обвинялъ царя, грома мужей, покидающихъ женъ и людей, не соблюдающихъ постовъ. Это было преступленіе, оскорбленіе Величества, и царю сейчасъ же донесли объ этомъ. Петръ написалъ на поляхъ доноса: „Сначала наединѣ, потомъ при свидѣтеляхъ“ **).

Яворскій заговорилъ объ удаленіи въ монастырь; царь воспротивился этому и выписалъ отъ Константинопольскаго патріарха разрѣшеніе, которое мирило его съ правилами православнаго поста.

Одинъ фанатикъ, покушаясь на жизнь царя, два раза выстрѣлилъ въ него, когда тотъ спалъ. Оружіе оба раза дало осѣчку.

Преступникъ въ ужасѣ разбудилъ царя и рассказалъ обо всемъ происшедшемъ;—очевидно Богъ прислалъ его, чтобы показать монарху свое благоволеніе.

„Убей меня“, добавилъ онъ. „Посланниковъ не убиваютъ“, спокойно сказалъ Петръ и отпустилъ убійцу ***).

Вѣроятно этотъ анекдотъ не совсѣмъ достовѣренъ; трудно повѣрить, чтобы Петръ могъ оставить дѣло, которое вело за собой слѣдствіе, розыскъ соучастниковъ, допросы въ застѣнкѣ. Онъ могъ оставить безъ послѣдствій лишь выходку Яворскаго, такъ какъ было очевидно, что тотъ дѣйствовалъ одинъ. Во всякомъ случаѣ, это можетъ быть выдуманное съ пачала до конца, можетъ быть только прикрашенное про-

*) Берггольцъ Büschings—М. т. XXI, стр. 202.

**) Соловьевъ, т. XVI, стр. 324.

***) Ibid.

исшествіе даетъ вѣрное представленіе о позѣ, которую любилъ принимать монархъ.

Въ самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ онъ пытался выказать высокій умъ и философскіе взгляды.

Пріѣхавъ послѣ несчастной прутской кампаніи въ Варшаву, онъ отвѣтилъ поздравлявшимъ его со счастливымъ возвращеніемъ: „Счастье мое въ томъ, что я вмѣсто ста ударовъ палкой, получилъ всего пятьдесятъ“. Потомъ онъ прибавилъ почти про себя—„Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ... Не такъ, не такъ“...

Неплюевъ, одинъ изъ его любимыхъ учениковъ, опоздалъ на утреннее свиданіе, назначенное ему царемъ, въ мастерской корабельныхъ сооружений. Неплюевъ извинился передъ уже явившемся туда царемъ: онъ засидѣлся ночью съ пріятелями. „Ну, ладно. Ты прощень, потому что не врешь. А потомъ... кто бабѣ не внукъ“ *), сказалъ Петръ, намекая послѣдними словами на самого себя.

Были ли подобныя мысли, слова и поступки присущи ему? Дѣйствительно ли согласовались они съ врожденными чертами его характера? Не были они позой, которую онъ измѣнялъ въ минуту слабости и снова принималъ, повинуюсь капризу. Это сомнѣніе допустимо, потому что царь часто противорѣчилъ самъ себѣ. Въѣзжая, въ 1723 году въ Дербентъ, онъ сказалъ: „Александръ выстроилъ этотъ городъ, а Петръ беретъ его“.

На одной изъ московскихъ триумфальныхъ арокъ, онъ, задолго до Полтавы, написалъ, вернувшись послѣ персидской войны, слѣдующее изрѣченіе, поясняющее его легкую побѣду:

Struxerat fortis, sed fortior
Hanc cepit urbem.

Въ этотъ день онъ забылъ о своей скромности. Во время взятія Нарвы (въ 1704), онъ забылъ также и о своемъ великодушіи, ударилъ по лицу коменданта Горна, виноватаго единственно тѣмъ, что слишкомъ хорошо защищался и велѣлъ бросить въ воду трупъ его жены, убитой во время при-

*) Голиковъ, т. X, стр. 176.

стуня *). При взятіи Выборга (въ 1710 году), онъ согласился оказать военныя почести осажденнымъ; поздѣе, при калитуляціи царь задержалъ гарнизонъ. Тоже повторилось въ Дерптѣ и въ Ригѣ **). И вмѣстѣ съ тѣмъ, человекъ этотъ поцѣловалъ, послѣ битвы при Тваермунде, капитана фрегата Эренскольдъ и сказалъ, что гордится побѣдой надъ такимъ противникомъ. Въ 1721 году, онъ честно исполнялъ условія шведскаго мира, но способы, которыми онъ пользовался, приготовляясь къ нападенію, могутъ служить примѣромъ хитрости. Въ маѣ 1700 года, вернувшись изъ Воронежа въ Москву, онъ дружески упрекнулъ шведскаго резидента Книперкрона въ томъ, что его дочь, живущая въ Воронежѣ, на дачѣ, волнуется по поводу близости конфликта между двумя странами. Онъ рассказывалъ о томъ, какъ старался успокоить ее. „Глупенькая“, сказалъ онъ ей, „неужели-жъ ты думаешь, что я соглашусь начать несправедливую войну и разорвать вѣчный миръ, мною подтвержденный?“ Царь цѣловалъ Книперкрона и при свидѣтеляхъ давалъ ему самыя успокоительныя обѣщанія: „Если бы король Польскій и овладѣлъ Ригею, она ему не достанется, я вырву ее изъ его рукъ и верну Швеціи“.

Въ это время онъ уже завязалъ сношенія съ Августомъ, составляя планъ общаго нападенія на Швецію и дѣлялся будущей добычей. 8 августа, получивъ отъ своего константинопольскаго посланника Украинцева извѣстіе о заключеніи мира съ Портой, котораго онъ ждалъ, чтобы сбросить маску, онъ двинулъ свои войска къ Нарвѣ; въ тотъ же часъ, его другой посланникъ Хилковъ, получившій аудіенцію у Карла XII, продолжалъ увѣрять короля въ мирныхъ намѣреніяхъ своего государя ***).

Практическія стремленія дѣлали его умъ узкимъ и мелочнымъ. Онъ едва не лишился хорошаго мнѣнія о себѣ Лейб-

*) Лундбладъ, т. I, стр. 17. Адлфельдъ, Воеп. исторія Карла XII, Парижъ, 1741, т. II, стр. 224.

**) Полевой, Исторія Петра I, Спб. 1843, т. III, стр. 79, 89. Письма Петра, т. III, стр. 99 и 111.

***) Устряловъ, т. III, стр. 369; т. IV: 2-я г. стр. 159—161. Фриксель, исторія Карла XII, переводъ Енсена, 1861 г., т. I, стр. 78.

ница, отказавшись устроить по его плану магнетическія обсерваторіи во всѣхъ концахъ своего государства *).

Это не мѣшало ему однако думать объ открытіи пролива, который получилъ впоследствии имя Берингова, потому что онъ предвидѣлъ, что проливъ этотъ будетъ служить торговой дорогой и, слѣдовательно, принесетъ очевидныя выгоды. Царь былъ бережливъ до скупости. Онъ внимательно слѣдилъ за тѣмъ, насколько уменьшается ежедневно кусокъ подававшася ему сыра, предпочиталъ устраивать для своихъ гостей товарищескіе обѣды и собирая по дукату съ человѣка, возмѣщалъ скудное жалованье своего повара Вельтена **). Онъ охотно соглашался крестить, потому что вообще любилъ вмѣшиваться въ чужую жизнь, но монета, которой онъ, цѣлуя, дарилъ, по обычаю страны, родильницу никогда не превышала дуката; солдатки получали не больше рубля.

Лопману Антону Тимофееву, спасшему ему жизнь въ 1694 году, во время бури на Бѣломъ морѣ, онъ пожаловалъ 30 рублей ***); это было вызвано порывомъ великодушія съ его стороны.

Вездѣ и всегда онъ удивительно откровененъ съ самимъ собой и естествененъ въ своихъ противорѣчіяхъ. Его нравственный складъ, также, какъ и его воспитаніе, сильно отличаются отъ тѣхъ, къ которымъ мы привыкли. Не будемъ забывать о странѣ, въ которой онъ родился, о расѣ, къ которой онъ принадлежалъ, о традиціяхъ, на которыхъ онъ воспитывался. Рюрикъ, Олегъ, святой Владиміръ Мономахъ,—всѣ эти герои русской легенды и русской исторіи, бесспорно, крупныя фигуры, но не пужно, все же, считать ихъ похожими на легендарныхъ героевъ стараго европейскаго міра. Они различны и своими именами, и своимъ нравственнымъ обликомъ. Въ русскихъ герояхъ нѣтъ ничего ни отъ Баярда, ни отъ Франциска I. Ихъ патріархальныя нравы способны скорѣй вызвать воспоминаніе о библейскихъ царяхъ. Современные русскіе не должны видѣть въ этомъ утвержденіи ни не-

*) Ваэръ, Peters Verdienste un die Srwectering der geographischen Kentuissie, Спб., 1868, стр. 56.

***) Шереръ, т. III, стр. 254.

***) Устряловъ, т. II, стр. 367.

заслуженной обиды, ни стремленія обвинить ихъ въ отсутствіи рыцарскаго духа; невозможно отрицать ни разносторонняго образованія, ни прекраснаго воспитанія многихъ изъ нихъ.

Но нельзя также отрицать, что до Петра большинство русскихъ не умѣло читать, что ни одинъ рыцарь не ломалъ копій въ Россіи и что Россія пережила средніе вѣка, ничего не зная о рыцарствѣ, какъ позднѣе ничего не знали ни о Ренессансѣ, ни о греческомъ и римскомъ искусствѣ. Можно было бы впоследствии наверстать потерянное время, но блестящая, благородная школа, создавшая „честное слово“, какъ синонимъ вѣрности данному обществу, осталась чужда русскому народу. Россія находилась подъ вліяніемъ Византійской имперіи, у которой заимствовала науку, искусства, нравы, религію и политику съ традиціями коварства и обмана.

Нѣтъ ничего героическаго и идеальнаго въ типѣ легендарной русской женщины; это не Жанна д'Аркъ—вдохновенная дѣвственница, порывомъ своей вѣры увлекшая къ побѣдѣ народъ; это не польская Ванда, кроткая мученица, предпочитающая смерть позорному союзу съ иностраннымъ принцемъ; это—вѣтреница Ольга, которая охотится, воюетъ, торгуетъ, побѣждаетъ враговъ благодаря своему коварству и ловко выпроваживаетъ греческаго императора, силой желающаго жениться на ней. Петръ происходилъ отъ этого корня; отъ него же происходилъ и Александръ Невскій „Улицъ святыхъ“, какъ называетъ его Кюстинъ **); онъ не такъ храбръ, какъ уменъ, онъ можетъ служить примѣромъ благозумія, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названъ великодушнымъ и добросердечнымъ; и я вспоминаю о предкахъ Петра, когда читаю слова, писанные въ 1725 году, французскимъ посланникомъ Кампредономъ, относительно одного изъ сотрудниковъ царя: „Въ немъ мало прямоты и благодаря

*) Пирлингъ, Россія и Папская власть, стр. 189; Pierling (Russie et Saint-Siege). Часть интересной книги П. Пирлинга „Ренессансъ въ Москвѣ“, совершенно подтверждаетъ это мнѣніе.

**) „Россія“, т. I, стр. 265.

этому качеству онъ приобрѣлъ довѣріе покойнаго императора“ *).

Тѣ же видимыя противорѣчія мы встрѣчаемъ у Петра въ области повседневной морали и религіи. Вѣрилъ ли онъ? Въ этомъ можно сомнѣваться. Онъ то безцеремонно третировалъ обряды, то ревностно исполнялъ ихъ. Онъ выгналъ монаховъ, пришедшихъ къ смертному одру его сестры Маріи, чтобы исполнить, освященные традиціей, обычаи; они принесли умирающей различныя кушанья и паптки и жалобно спрашивали ее, не отъ недостатка ли пищи она умираетъ? Къ черту глупые обряды!

Можетъ быть онъ дѣйствительно вѣрилъ, и былъ только врагомъ суевѣрій!

Онъ имѣлъ обыкновеніе записывать свои сны**) и въ депешѣ отъ 25 марта 1712 года англійскій посланникъ Уитвортъ (Whitworth) говоритъ о битвѣ съ тигромъ, во сн; этотъ сонъ укрѣпилъ царя въ его воинственныхъ на-мѣреніяхъ *).

Въ то же время понятія о приличіяхъ, нравственности и безнравственности и учтивости были для Петра мертвой буквой. Въ 1723 году, Ягужинскій, одинъ изъ окружавшихъ его выскочекъ, захотѣлъ бросить свою ни въ чемъ неповинную жену, отъ которой у него были взрослые дѣти и жениться на дочери канцлера Головкина. М-ме Ягужинская съ одной стороны и канцлеръ, съ другой, возстали противъ этого проекта; царю, однако, онъ понравился, какъ правилось все, что унижало старинную знать и онъ безъ колебанія вмѣшался въ это дѣло. Жена была отправлена въ монастырь, отецъ—выпужденъ дать согласіе. Петръ объявилъ прежній бракъ расторгнутымъ и взялъ на себя расходы по второму. Такихъ взглядовъ онъ придерживался относительно семьи; можно судить по этому объ его остальныхъ взглядахъ ***). Въ 1718 году, онъ осматривалъ рѣдкостныя медали и старинныя ста-

*) 3 мая 1725 г. Сборникъ, т. LVIII, стр. 226.

**) Семевскій, Слово и дѣло, стр. 273 и сл.

***) Денеша Кампредона отъ 22-го марта 1723 года Мин. Ин. дѣлъ во Франціи. Долгоруковъ, Мемуары, т. I, стр. 17.

туи. Его вниманіе привлекла статуя, изображавшая божественно-красивую женщину въ неприличной позѣ—одна изъ тѣхъ, которыми романскіе народы любятъ украшать спальни новобрачныхъ. Царь позвалъ императрицу и предложилъ ей поцѣловать статую; она попробовала отказаться; „Kob ab!“ (Голову долой), крикнулъ онъ грубо, намекая на то, что ждетъ ее въ случаѣ неповиновенія. Онъ попросилъ своего парственнаго хозяина уступить ему это рѣдкостное произведение, нѣсколько другихъ рѣдкостей и поставецъ изъ янтаря, стоившій, по словамъ маркграфа Байретскаго, огромныхъ денегъ. Въ Копенгагенѣ, увидѣвъ въ естественно-научномъ музеѣ мумію, онъ высказалъ желаніе приобрѣсти ее. Королевскій инспекторъ доложилъ объ этомъ своему господину и получилъ отказъ: мумія была необычайной величины и удивительной красоты; подобной ей не было въ Германіи. Петръ вернулся въ музей, подошелъ къ муміи, оторвалъ у нея носъ и, совершенно изуродовавъ ее, ушелъ со словами: „Можете беречь ее теперь!“ *).

Въ 1711 году, въ Дрезденѣ, уѣзжая изъ гостиницы „Золотога Осла“, онъ собственноручно снялъ и хотѣлъ уложить, несмотря на протесты слугъ, цѣпныя драпировки, присланныя саксонскимъ дворомъ для украшенія его покоевъ. Въ 1716 году, въ Данцигѣ, царь почувствовалъ во время церковной службы сквознякъ, протянулъ руку, снялъ парикъ съ головы стоявшаго съ нимъ рядомъ бургомистра и ни слова ни говоря надѣлъ его **).

Я совершенно не вѣрю, что баронъ Принтценъ былъ припужденъ карабкаться на мачту, чтобы передать важныя депеши царю, занятому установкой снастей и не желавшему прерывать эту работу. Этотъ анекдотъ, рассказанный Вольтеру ***), великимъ Фридрихомъ можетъ служить уликой для обвиненія во лжи одного изъ рассказчиковъ, я не знаю только котораго. Приѣздъ Принтцена въ Россію, относится къ 1700 году; Петербургъ, гдѣ ему былъ оказанъ этотъ приемъ, еще

*) Шереръ, т. II, стр. 15.

**) Полевой, т. IV, стр. 4. Анекдотъ этотъ рассказывается иначе; см. Шереръ, т. II, стр. 77.

***) Вольтеръ, т. X, стр. 71.

не существовалъ тогда; корабельныя сооруженія были освящены тамъ лишь въ 1704 году; въ это время Приптцена уже смѣнилъ Кейзерлингъ. Болѣе того, посланникъ Бранденбургскаго курфюрста и будущаго перваго короля Пруссіи, выѣхалъ изъ Берлина 12 октября и, слѣдовательно, прибылъ на мѣсто назначенія въ срединѣ зимы, когда работающіе на свѣжемъ воздухѣ установщики снастей поневолѣ должны устраивать себѣ каникулы. Разсказъ Кампредона объ аудіенціи, исходатайствованной у царя для переговоровъ о шведскомъ мирѣ, заслуживаетъ по моему большаго довѣрія; Кампредонъ говоритъ, что царь принялъ его, вернувшись въ матроскомъ плащѣ изъ адмиралтейства *).

Отсутствіе щепетильности, пренебреженіе къ общепринятымъ правиламъ и презрительное отношеніе къ приличіямъ, совмѣщались въ этомъ человѣкѣ съ глубокимъ чувствомъ долга и уваженіемъ къ закону и дисциплинѣ. Почему и какъ? Въ этомъ было что-то, кромѣ бессознательнаго отрицанія необходимыхъ основъ соціальнаго зданія. Его многочисленныя безразсудства вызывались не всегда простымъ капризомъ; побужденія, вызывавшія ихъ, были болѣе законны.

Петръ хотѣлъ преобразовать жизнь народа, мораль и религія котораго состояли наполовину изъ предрасудковъ и суевѣрій. Онъ справедливо считалъ ихъ принципиальной преградой на пути прогресса и при всякомъ удобномъ случаѣ боролся съ ними.

Въ 1699 году, ведя по Дону флотилію, состоявшую изъ галеръ, онъ замѣтилъ голландскаго моряка, лакомившагося фрикассе изъ рѣчныхъ черепахъ. Русскіе вскрикнули отъ негодованія, когда царь сказалъ имъ объ этомъ; подобная пища внушала имъ отвращеніе. Онъ тотчасъ же велѣлъ своему повару зажарить нѣсколько черепахъ и подать ихъ подъ видомъ цыплятъ. Обѣдавшимъ съ нимъ Шеину и Салтыкову сдѣлалось дурно, когда поваръ, по приказанію царя показалъ имъ „крылья пернатыхъ“, которыхъ они съѣли.

Петръ считалъ себя призваннымъ снятъ съ національнаго сознанія шлакъ, оставленный на немъ вѣками дикаго невѣ-

*) Деша 14 марта, 1721 г., Мян. Ип. дѣлъ во Франціи.

жества. Но онъ внесъ въ предпринятую работу слишкомъ много горячности, личной рѣзкости и, главное, страсти. Онъ билъ вкривъ и вкось. Исправляя, онъ портилъ. И великій воспитатель былъ въ то же время однимъ изъ самыхъ крупныхъ развратителей человѣческаго рода. Современная Россія обязана ему не только всѣмъ своимъ величіемъ, но и большинствомъ своихъ недостатковъ.

III.

Несмотря на несомнѣнную, удивительную геніальность, онъ не обладалъ цѣльностью взгляда, способнаго сразу охватить огромныя пространства и совокупность событій. Можно сказать скорѣе, что благодаря его страсти къ деталямъ, его умственный взоръ былъ устремленъ на тысячи отдѣльныхъ точекъ. Если мы находимъ у него общія идеи, то они всегда кажутся неясными и несвязными; его замысламъ и расчетамъ часто недостаетъ точности и вѣрности; онъ плохо видитъ въ даль; это—извѣстная умственная близорукость. Созданіе Петербурга является краснорѣчивымъ доказательствомъ ея. Городъ начали строить безъ плана и въ результатъ получились кварталы безъ улицъ, переулки-тупики и порты безъ воды. Дѣйствовать безъ размысленій, не терять времени на обсужденіе проектовъ, если они кажутся увлекательными, не думать о средствахъ, если ихъ можно достать—вотъ принципы, которыхъ придерживался этотъ сверкающій умъ. Удивительное, почти волшебное, по словамъ его панигиристовъ, умѣнье оцѣнивать сотрудниковъ, является однимъ изъ самыхъ спорныхъ его качествъ. Упрощенные способы, которыми онъ при этомъ пользовался и которые приводятъ въ восхищеніе даже такого серьезнаго историка, какъ Соловьевъ, еще разъ доказываютъ его поверхностность: онъ схватывалъ за волосы лицъ, изъ среды которыхъ долженъ былъ выбрать себѣ новыхъ помощниковъ, поднималъ ихъ головы и взглядывалъ имъ въ глаза.

Онъ не былъ психологомъ.

Въ домѣ школьнаго учителя, онъ встрѣтилъ служанку, ко-

торая понравилась ему; онъ сдѣлалъ ее сначала своей любовницей, потомъ императрицей, а учителя вообразилъ въ роли основателя національнаго обученія.

Такова исторія Глюка и Екатерины. Она скиталась раньше въ лагеряхъ, раздѣляя ложе съ солдатами и офицерами своего будущаго супруга. Онъ—скромный пасторъ въ Ливонской деревушкѣ, внушалъ идеи Лютера маленькимъ, порученнымъ ему москвитамъ. Узнавши объ этомъ, Петръ закрылъ школу и отказалъ учителю, а національное обученіе застряло на полъ-пути.

Однажды, присутствуя при спускѣ новаго корабля—это зрѣлище всегда вдохновляло его мысль—Петръ пустился въ историко-философскія разсужденія; вспомнивъ путь, по которому проникла въ Европу просвѣтительница—культура, вспомнивъ ея колыбель—Грецію и ея разцвѣтъ въ Италіи, онъ высказалъ въ концѣ концовъ убѣжденіе, что очередь Россіи пришла; „будемъ надѣяться,—сказалъ онъ,—что черезъ нѣсколько лѣтъ мы посрамимъ сосѣднія страны, а свою возвысимъ“. Въ этой фразѣ выдаетъ себя его взглядъ на цивилизацію. Это взглядъ фабриканта, конкурирующаго съ сосѣднимъ заводомъ. Онъ былъ слишкомъ мало культуренъ, чтобы сумѣть анализировать и понять, какіе элементы создали превосходство его соперниковъ—иностранцевъ, которымъ онъ завидовалъ и которыхъ стремился опередить. Онъ видѣлъ только виѣшнюю сторону этого превосходства и потому слишкомъ низко оцѣнивалъ его. Его воспріимчивый, крупный умъ становился тупымъ и ограченнымъ, когда дѣло касалось абстрактныхъ понятій. Онъ былъ неспособенъ установить связь между событіями, найти исходную точку ихъ, по слѣдствіямъ опредѣлить причины, ихъ вызвавшія. Онъ быстро схватилъ практическія преимущества цивилизаціи, но даже не подозрѣвалъ о необходимости предварительной, просвѣтительной работы.

Онъ хотѣлъ начать постройку съ крыши и сразу работать надъ закладкой фундамента и надъ возведеніемъ здаціи. Быть хорошимъ плотникомъ и сноснымъ морскимъ инженеромъ было недостаточно, чтобы разбудить моральныя силы своего народа.

Чтобы закончить, я долженъ сказать, что онъ былъ скорѣе очень способнымъ, чѣмъ гениальнымъ человѣкомъ.

Онъ работалъ, какъ ремесленникъ, а не какъ артистъ, и вель дѣла государства, какъ чиновникъ, а не какъ государственный человѣкъ.

Онъ обладалъ удивительной способностью заставлятъ людей выходить изъ состоянiя инертности и эксплуатировать запасъ ихъ жизненной энергiи. Онъ ассимилировался съ окружающей средой, какъ ассимилируется съ ней русскiй, которiй, покинувъ берега Дона, идетъ въ Европу, не имѣя ни малѣйшаго представленiя ни о фабрикахъ, ни о машинахъ; нѣсколько недѣль, проведенныхъ въ промышленномъ западномъ центрѣ, знакомятъ его со всѣми усовершенствованiями современнаго производства и заставляють примѣнить ихъ у себя на родинѣ; по у него нѣтъ собственныхъ взглядовъ и онъ заимствуетъ ихъ у другихъ.

Петръ не пытается даже по своему сложить заимствованныя извiи составныя части, изъ которыхъ онъ хотѣлъ выстроить политическое и социальное зданiе. Самое стремленiе подражать иностранцамъ существовало давнымъ давно. Уже въ царствованiи Ивана Грознаго, Россiя старалась подражать Европѣ. Тоненькая струйка, оставшаяся отъ нахлынувшей польской волны и просочившаяся въ безводную почву страны, могла бы замѣнить англiйскiй, голландскiй, нѣмецкiй, французскiй, итальянскiй потоки. Механическая работа всегда поверхностна и часто неосмысленна, потому что преслѣдуетъ внѣшнiя цѣли и не заботится о возможности существованiя цѣлей внутреннiхъ. Петръ началъ работу, не понимая ни внутренней природы, ни цѣнности добытаго матеріала и потому цѣль ея ускользнула отъ сознанiя народа, которiй долженъ былъ совершить ее; разнообразная, несвязная работа плохо удавалась и была по большей части или бесполезна или вредна. Голландскiй флотъ, нѣмецкая армiя, шведскiй образъ правленiя, нравы Версаля и Амстердамскiя лагуны фигурировали въ этой серiи заимствованiй; не понимая идейной стороны производимой работы, Петръ требовалъ постояннаго. Однажды ему сказали, что капаль, которiй онъ велѣлъ прорыть на Васильевскомъ островѣ — единственномъ кускѣ твердой земли въ его новой столицѣ — не будетъ исполнять своего назначенiя: движенiе по немъ невозможно, вслѣдствiе его узости. Царь, прежде всего, пошелъ къ голландскому резиденту,

взялъ у него планъ Амстердама и, съ компасомъ въ рукѣ, началъ сравнивать размѣры!

Я назвалъ Петра идеалистомъ и не беру назадъ своихъ словъ. Онъ былъ идеалистомъ, когда забывалъ о будничной работѣ, и о будничныхъ стремленіяхъ; онъ былъ имъ, когда подчинялъ свою мысль и приносилъ въ жертву свою личность, стремясь къ достиженію не матеріальной, не осязаемой дѣли: величію своей родины.

Знаменитое завѣщаніе, такъ насмѣшившее искусныхъ политиковъ,—простая мистификація, которой онъ былъ чуждъ.

На далекомъ горизонтѣ, притягивавшемъ его взоръ, именно, благодаря своей отдаленности, онъ видѣлъ, что то неясное, измѣнчивое, что то колеблющееся между движущимся лагеремъ, наполненнымъ грохотомъ оружія и плодотворно-дѣятельнымъ, промышленнымъ, умственнымъ и даже художественнымъ центромъ. Петръ грезилъ съ широко раскрытыми глазами.

Мощностью своего усилія и силой своей вѣры онъ матеріализировалъ и почти осуществилъ свою мечту.. Болѣе того: онъ ударами палки и ударами топора заставилъ своихъ подданныхъ повѣрить въ эту мечту—вѣдь онъ былъ деспотъ. Животныхъ онъ передѣлалъ въ мечтателей. Послѣ его смерти создалась не только легенда, пѣлая религія, которая въ противоположность другимъ религіямъ одухотворяется, а не матеріализируется въ живномъ сознаніи, ее воспріявшимъ. Теперешняя святая Русь, практичная и грубая, какъ онъ и проникнутая дешевымъ мистцизмомъ, Русь, которую считаютъ предназначенной возсоздать старую Европу—его созданье.

Да! этотъ дровосѣкъ съ мозолистыми руками былъ поэтомъ дѣйствія, идеалистомъ и мечтателемъ, какъ имъ былъ позднѣе солдатъ-математикъ—Наполеонъ.

IV.

Характерной и странной чертой этой личности, которая при всестороннемъ разсмотрѣніи кажется почти безобразной, благодаря силѣ контрастовъ, является склонной къ какому-то чудо-

вицному шутовству. Колпакъ арлекина постоянно, покрываетъ надменную голову царя, гримаса клоуна кривитъ его суровыя черты, и всегда, въ продолженіи вѣсн своей жизни, полной великихъ событій и дѣлъ, онъ смѣшивалъ серьезность съ гаерствомъ и драму съ фарсомъ. Это началось съ маскарадовъ, устраивавшихся уже на зарѣ царствованія. Въ 1695 году царь пожаловалъ титулъ короля Пресбургскаго князю Федору Ромодановскому, посившему титулъ генералпссимуса. Съ тѣхъ поръ, даже въ серьезныхъ дѣловыхъ письмахъ царь называлъ его Min Her Kenich и подписывался, „Вашего Величества всепокорнѣйшій рабъ „Knech Piter Комондоръ“, или „Ir Daheleich Knech“; вторая подпись была понятна только ему одному. Онъ, постоянно, говорилъ о своей готовности до послѣдней капли крови служить этому выдуманному повелителю. Въ это же время старый учитель царя, Зотовъ, получилъ санъ архіепископа Пресбургскаго и патріарха Лузскихъ береговъ и Кукуя *). Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ назывался Палой; въ письмахъ Петръ называлъ его „Всесвятѣйшимъ Отцомъ“ или „Вашимъ Святѣйшествомъ“ и требовалъ, чтобы отвѣты были составлены въ соотвѣтствующемъ тонѣ, будь то дѣловыя письма или оффиціальныя рапорты.

Ромодановскій адресовалъ свои письма: „Бомбардиру Петру Алексѣевичу“ и заканчивалъ ихъ фразой, выражающей благоволеніе монарха къ подданному.

Въ маѣ 1703 года, послѣ взятія Ніеншанца, Петръ, исполнявшій должность секретаря при фельдмаршалѣ, собственноручно составилъ рапортъ „королю“, т. е. Ромодановскому, въ которомъ сообщалось, что фельдмаршалъ пожаловалъ Петра и Меньшикова орденомъ Св. Андрея, безъ соизволенія „Его Величества“. Въ 1719 году Ромодановскій умеръ, его титулъ и привилегіи перешли къ его сыну Ивану.

Петръ, поздравляя капитана Сепявина съ одержанной на морѣ побѣдой, прибавляетъ, что извѣстіе о ней, навѣрно, порадуеть „Его Величество“ **).

3 февраля 1705 года царь пишетъ Меньшикову и, назы-

*) Такъ назывался одинъ изъ кварталовъ нѣмецкой слободы.

**) Голиковъ, т. VII, стр. 264.

вая его „сердцем своим“, сообщает объ освященіи форта, построенномъ на, недавно подаренной Меншикову, землѣ, названной Ораніенбургомъ *).

Обрядъ совершалъ кіевскій митрополитъ; этимъ лже-митрополитомъ былъ одинъ изъ наиболѣе развратныхъ товарищей истиннаго монарха,—Мусинъ-Пушкинъ. Къ письму былъ приложенъ планъ крѣпости.

Въ бастіонѣ № 1 пили водку; въ № 2—лимонадъ, № 3—рейнское вино, въ № 4—пиво, въ № 5—медъ. Всѣ присутствовавшіе „на крестинахъ“ (почти 20 чел.), среди которыхъ были прусскій и польскій посланники, Кейзерлингъ и Конингзекъ, англійскій купецъ Стайлсъ и много родовитыхъ москвичей подписались подъ этимъ письмомъ, прибавляя къ своимъ именамъ шуточные прозвища. Меншиковъ отвѣтилъ очень серьезнымъ письмомъ,—шведы безпокоили его,—но все же благодарилъ своего друга за честь, которую тотъ ему оказалъ, напившись у него (!).

Въ 1709 году Москва узнала о Полтавской побѣдѣ; на Царицыномъ лугу былъ сооруженъ огромный деревянный дворецъ.

Ромодановскій сѣлъ на тронъ, находившійся въ аудіенцъ-залѣ и, окруженный высшими придворными чинами и, потребовалъ у начальниковъ побѣдоносной арміи рапорты о перипетіяхъ и исходѣ сраженій. Первымъ подошелъ Шереметевъ: „Милостію Божію и къ счастью Вашего Цесарскаго Величества, я уничтожилъ шведскую армію“. „Милостію Божію и къ счастью Вашего Цесарскаго Величества“, повторилъ за нимъ Меншиковъ, я захватилъ въ Переволочнѣ генерала Лобенхаупта съ его полкомъ“. „Милостію Божію и къ счастью Вашего Цесарскаго Величества“, доложилъ, подошедшій послѣднимъ Петръ, „я побѣдоносно сражался съ моимъ полкомъ, подъ Полтавой!“ Всѣ трое подали лже-Цесарю бюллетени и съ поклономъ отошли; привели удивленныхъ шведскихъ плѣнниковъ; церемонія закончилась банкетомъ.

Страшный замѣститель монарха занялъ мѣсто на возвы-

*) Теперешній Рененбургъ въ Рязанской губ.

шенія, подъ балдахиномъ и удостоилъ полковника Петра Алексѣева приглашеніемъ къ своему столу *).

Много разъ пытались оправдать эти, недопустимыя при извѣстныхъ обстоятельствахъ, шутки, оскорбляющія торжественность минуты. Говорили, что Петръ хотѣлъ такимъ образомъ, лично показывая примѣръ, заставить своихъ подданныхъ усвоить принципъ полного подчиненія; говорили также, что этимъ полнымъ смѣшеніемъ ранговъ и чиновъ, онъ хотѣлъ уничтожить даже воспоминаніе о мѣстничествѣ. Возможно, что онъ думалъ объ этомъ. Онъ глубоко всматривается въ основы, на которыхъ зиждется дисциплина: служи, чтобы тебѣ служили, повинуйся, чтобы тебѣ повиновались—вотъ принципъ, который онъ хорошо усвоилъ. „Я служу... Съ тѣхъ поръ какъ я на службѣ“, постоянно повторялъ онъ. Не менѣе очевидно и его желаніе заложить въ души своихъ подданныхъ стремленіе къ идеалу, которому онъ посвятилъ свою жизнь, которому все должно было быть принесено въ жертву и въ сравненіи съ которымъ все было ничтожно, все—даже самъ царь. Возможно, что подобная задняя мысль была у царя, когда онъ устраивалъ *mis-en-scen*'ы, о которыхъ я говорилъ. Но способы, которыми Петръ пользовался, являлись плодомъ его фантазіи, его страсти къ мистификаціямъ, маскарадамъ, и фарсу и, наконецъ, распущенности, воображенія которыхъ не могли обуздать ни чувство приличія, ни чувство собственного достоинства. Не надо впрочемъ забывать, что маскарады были въ большой модѣ на Западѣ, и давно уже приобрѣли право гражданства въ Россіи; Иванъ Грозный безумно любилъ ихъ. Петръ, въ этомъ отношеніи, только слѣдовалъ за общей модой но, благодаря своей страсти къ преувеличеніямъ, утрировалъ ее. Только благодаря покорности народа, приученнаго ко всѣмъ формамъ деспотизма, эти испытанія не разрушили въ народномъ сознаніи самую идею самодержавія; неожиданныя, ничѣмъ неоправдываемыя, выходы монарха, унижавшія его человѣческое достоинство, унижали также и эту идею. Въ 1698 г., вернувшись изъ заграничнаго путешествія, царь принималъ участіе въ процессіи, въ которой

*) Поликовъ, т. XI, стр. 567 и сл.

лже-патріархъ Зотовъ, въ митрѣ съ неприличнымъ изображеніемъ Бахуса, шелъ впереди отряда обнаженныхъ, безстыдныхъ, „вакханокъ“, увѣнчанныхъ вмѣсто виноградныхъ листьевъ, пачками зажженного табаку *). Я вижу въ этомъ намекъ на монополію, пріобрѣтенную маркизомъ Кэрмартемомъ и, слѣдовательно, политическій смыслъ; правда, намекъ этотъ выраженъ въ не совсѣмъ приличной формѣ. Въ томъ же году, на другой день послѣ казни стрѣльцовъ, скончавшихся въ ужасныхъ мученіяхъ, Петръ, не лишившійся еще хорошаго расположенія духа, оставилъ обѣдать посланника Бранденбургскаго, получившаго въ этотъ день прощальную аудіенцію. Послѣ обѣда лже-патріархъ благословилъ присутствовавшихъ двумя сложенными крестъ на крестъ трубками и началъ танцы. Царь пріоткрылъ занавѣску, за которой сидѣлъ царевичъ Алексѣй и царевна Наталья, чтобы дать имъ возможность посмотрѣть на интересное зрѣлище **).

Черезъ двадцать лѣтъ забавы царя не измѣнились. Въ 1724 году, на масленицѣ, толпа, состоявшая изъ офицеровъ, дворянъ, мѣщанъ и священниковъ (напр., духовникъ царя Надежинскій), расхаживала по улицамъ во главѣ съ монархомъ, одѣтымъ въ костюмъ матроса, кривлявшимся и дѣлавшимъ гримасы. Эти люди, выборные изъ среды самыхъ отчаянныхъ пьяницъ и развратниковъ, образовали нѣчто въ родѣ правильного братства, называвшагося „безпечнымъ соборомъ“; они собирались въ опредѣленные дни и предавались оргіямъ, продолжавшимся иногда 24 часа подрядъ.

Въ этихъ собраніяхъ бывали и дамы, высшіе чиновники, министры, генералы и престарѣлые солидные люди часто принимали участіе въ, устраиваемыхъ соборомъ, развлеченіяхъ. Однажды царь приказалъ знатному, восьмидесятилѣтнему старику, Матвѣю Головину участвовать въ шествіи, въ костюмѣ чорта. Головинъ отказался. По приказанію Петра его раздѣли до нага и, надѣвъ на него колпакъ съ кардонными рогами, продержали его въ продолженіи часа на льду Невы. Старикъ схватилъ горячку и умеръ ***).

*) Корбъ, стр. 1115.

**) Корбъ, стр. 118.

***) Долгоруковъ, Мемуары, т. I, стр. 136.

Впродолженіи всего царствованія, самыя разнообразныя событія служили предлогомъ для подобныхъ развлеченій. Ихъ одинаково вызывало: и заключеніе Ништадскаго мира, и женитьба любимаго карлика.

Когда этотъ карликъ умеръ, Петръ устроилъ, около его гроба, такой же маскарадъ, какъ и у его брачнаго ложа. Въ 1724 году всѣ петербургскіе карлики присутствовали на погребеніи своего собрата и, всѣ въ траурѣ,—проводили маленькій катафалкъ, запряженный шестью маленькими испанскими лошадками. Въ томъ же году, во время маскарада, продолжавшагося 8 дней, царь запретилъ сенаторамъ снимать маски даже во время застѣданій *).

При дворѣ Петра имѣлось довольно значительное число „дураковъ“. Въ спискѣ, цитируемомъ Штраленбергомъ **), мы встрѣчаемъ имена, знаменитыя въ другихъ отношеніяхъ: Зотовъ, Тургеневъ, Шанской, Лалинъ, Шаховской, Таракановъ, Кирсантьевичъ и Ушаковъ—самый цѣнный изъ всѣхъ. Флюгель, въ своей исторіи придворныхъ шутовъ, объясняетъ это слѣдующимъ образомъ: „дураки раздѣлялись на 4 категоріи: въ первую входили люди, обладавшіе какимъ-нибудь физическимъ недостаткомъ, изъ котораго царь дѣлалъ себѣ забаву; ко второй—принадлежали люди, наказанные такимъ образомъ, за то, что, въ занимаемыхъ ими прежде должностяхъ, они не проявили достаточно мудрости; къ этой категоріи принадлежалъ и Ушаковъ, бывший капитанъ гвардейскаго полка; онъ былъ посланъ изъ Смоленска въ Кіевъ со срочными депешами; приѣхавъ ночью къ городу и найдя ворота запертыми, онъ, разсердившись что ихъ не отворили сразу, повернулъ лошадь и, сдѣлавъ снова 1,000 километровъ, явился въ Смоленскъ жаловаться на свою неудачу ***).

3-я категорія состояла изъ „дураковъ“ — симулянтовъ, лицъ, участвовавшихъ въ какомъ-нибудь заговорѣ, надѣявшихся избѣжать смерти, притворяясь слабоумными. Петръ иногда былъ не совсѣмъ искрененъ, дѣлая видъ, что вѣрить

*) Бергхольцъ, Büschings—М. т. XXII, стр. 436.

***) Das Nordund Oestliche Theil von Europa und Asie, Стокгольмъ, 1730, стр. 235.

***) Geschichte dei Hofnaneu. Liegnifs, 1789, стр. 409.

этому притворству, но онъ считалъ наказаніе, выбранное несчастными, вполне достаточнымъ.

4-я категорія образовалась слѣдующимъ образомъ: Петръ требовалъ у посланныхъ имъ за границу молодыхъ людей отчета въ ихъ занятіяхъ; невыдержавшіе этого испытанія, надѣвали дурацкій колпакъ, чтобы избѣжать болѣе суровой кары.

Въ эпоху великаго царствованія, придворные „дураки“ играли значительную политическую роль; они служили дополненіемъ къ полиціи царя. За столомъ они безнаказанно рассказывали о преступленіяхъ царскихъ министровъ, о воровствѣ и лихоимствѣ; иногда Петръ дѣлалъ ихъ орудіемъ мести;—они напаивали, во время пирушки, виновнаго, и найдя поводъ для драки, нещадно колотили его *). Въ спискѣ Штраленберга нѣтъ двухъ самыхъ замѣчательныхъ, въ этомъ жалкомъ легіонѣ, именъ: русскаго Балакирева и португальца Акосты, родственника, конечно, знаменитаго обращеннаго Уріэля. Петръ назначилъ его распорядителемъ всѣхъ шуточныхъ празднествъ и начальникомъ надъ всѣми участвующими въ нихъ. Въ 1713 году онъ сдѣлалъ его графомъ и, вдобавокъ, самоѣдскимъ ханомъ. Это дало поводъ къ цѣлому ряду веселыхъ церемоній, въ которыхъ принимали участіе нѣсколько самоѣдскихъ семей, нарочно, для этого привезенныхъ изъ пѣдръ Сибири въ Москву. Поваръ императрицы, въ самоѣдскомъ костюмѣ, увѣнчанный парой огромныхъ оленьихъ роговъ, опоясанный желтой лентой, на которой висѣла медаль съ выгравированнымъ Актеономъ, присутствовалъ на праздникѣ; царь сдѣлалъ его соперникомъ Балакирева и Ушакова; жена бѣдняги отличалась слишкомъ легкимъ поведеніемъ и Петръ никогда не забывалъ, встрѣчаясь съ нимъ, при свидѣтеляхъ, приставить два пальца къ его лбу *).

Эти развлеченія, кажущіяся особенно грубыми въ наше время, все же заслуживаютъ нѣкотораго снисхожденія. Они являлись естественнымъ и, пожалуй, необходимымъ противовѣсомъ постоянной напряженной работы, которая безъ нихъ,

*) Архивъ кн. Куракина, т. I, стр. 73.

**) Шереръ, т. III, стр. 56; Берггольцъ. В.—М., т. XIX, стр. 87.

превысила бы силы даже такой исключительно-могучей натуры, какой былъ Петръ. Великій человекъ инстинктивно искалъ отдыха для надорванныхъ нервовъ и, страстный во всемъ, не могъ избѣжать самыхъ ужасныхъ излишествъ. Въ оправданіе его можно сказать, что онъ искупалъ цинизмъ и безчеловѣчность этихъ забавъ, внося въ нихъ веселую непринужденность и массу добродушія. Черезъ полъ-вѣка, Христіанъ VII Датскій отдалъ подъ судъ графа Брандта, осмѣливагося въ раздраженіи, выйдя изъ себя изъ-за семейныхъ неприяностей, поднять руку на своего государя.

Брандтъ былъ приговоренъ къ смерти.

Петръ не поморщившись, получилъ ударъ кулакомъ по лицу отъ повара Екатерины, выведеннаго изъ себя насмѣшками царя *).

Многіе находятъ, что онъ могъ бы не выбирать себѣ товарищей па кухнѣ. Онъ не былъ аристократомъ; грубость, склонность къ юмору и дѣтская веселость его характера сближала его съ плебсомъ всѣхъ странъ; стремленія его ума, наоборотъ, отличались отъ стремленій народнаго ума и были ему чужды. Его первые друзья—конюхи, познакомили его съ складомъ народной души и съ народными нравами и имъ, отчасти, онъ былъ обязанъ своимъ знаніемъ массъ и умѣньемъ управлять ими. Я уже рассказывалъ, какъ онъ „славилъ Христа“ на Рождествѣ; онъ съ увлеченіемъ исполнялъ этотъ традиціонный, сохранившійся въ низшихъ классахъ обычай. Распѣвая славословіе, царь ходилъ изъ одного дома въ другой, собирая пожертвованія.

Однажды богатѣйшій московскій купецъ Филатьевъ выказалъ при этомъ недостаточную щедрость. Петръ собралъ около его дома весь кварталъ и потребовалъ выкупъ по рублю на каждаго манифестанта **). Здѣсь проявила себя его склонность волновать толпу, взывая къ самымъ низменнымъ ея инстинктамъ.

Другая опасность этихъ развлеченій заключалась въ томъ, что Петръ смѣшивалъ въ нихъ шутовство и серьезность. маскаралъ и дѣловую жизнь. „Потѣшные“ графы и патриархи,

*) Бергхольцъ, Büschings—М. т. XIX, стр. 87.

***) Корбъ, стр. 101.

шуты и арлекины, кромѣ масленичныхъ обязанностей, несли обязанности, требовавшія отъ нихъ большей серьезности. Зотовъ, напр., былъ хранителемъ Государственной печати. Иванъ Головинъ, ничего не знавшій въ морскомъ дѣлѣ, несмотря на то, что ѣздилъ съ Петромъ въ Голландію, былъ назначенъ главой адмиралтейства. Для царя и его друзей это служило пріятнымъ предлогомъ для шутокъ; но флотъ, называвшійся, во время тостовъ за здоровье Головина, „семействомъ Ивана Михайловича“ находился не въ особенно хорошемъ состояніи.

Нѣтъ ни оправданія, ни извиненія этимъ заблужденіямъ. Очевидно, что въ нихъ сказывалась слабая сторона этого высокаго ума, далеко уклонившагося отъ общихъ дорогъ. Лишенный противовѣса, создаваемого, обыкновенно, воспитаніемъ, традиціями и соціальной средой даже въ самыхъ независимыхъ патурахъ, онъ не могъ сохранить равновѣсія въ пространствѣ, въ которомъ дѣйствовалъ и въ которомъ намѣчалъ свой путь.

V.

Имѣло ли цѣлью официальное учрежденіе лже-патріархата подготовить уничтоженіе патріархата истиннаго? Я охотно готовъ признать это. Эта окольная форма была очень опасна! Развѣ не рисковалъ Петръ оставить въ ея колеѣ не только достоинство всего духовенства, но и самую религіозную идею? Говорятъ, что онъ устроилъ пародію не патріархата, а папства. Я сомнѣваюсь въ этомъ. Зотова называли и князь-папой и патріархомъ. Какой же титулъ, какой чинъ и какую должность хотѣлъ Петръ высмѣять и унижить, называя Ромодановскаго Цезаремъ? Я думаю скорѣй, что всѣ подобныя развлеченія вызывались склонностью къ фантазіямъ и эксцентричностямъ, развивавшейся благодаря нѣкоторымъ недостаткамъ его нравственного склада и пробѣламъ первоначальнаго образованія, и дѣлавшей его иногда похожимъ на восточнаго деспота. Я не хочу спорить, что исходной точкой этой умственной распущенности являлись болѣе

серьезныя стремленія; но они быстро исчезали, увлеченныя и затопленныя мутной мятежной волной.

Мое мнѣніе не является мнѣніемъ новаго апологиста, достаточно, убѣжденнаго, чтобы удивляться, что никто до него не замѣчалъ дѣйствительной глубины соображеній и намѣреній великаго монарха. Какъ можно не видѣть, что дѣло шло о томъ, чтобы скрыть отъ враговъ свои силы, приготовленныя для борьбы съ ними и работу своей мысли, направленную къ ихъ уничтоженію! Пьяный, или притворяющийся пьянымъ, днемъ, князь-папа и его конклавъ напряженно работали ночью. Переписка лже-святителя съ „дьякономъ“, полная грубыхъ шутокъ и сквернословія, была можетъ быть, просто зашифрована. Можетъ быть, въ письмѣ отъ 23 февраля 1697 года, подъ „масленицей“ и ея товарищами „Ивашкой“ (пьянство) и „Еремкой“ (развратъ), которымъ Петру не совѣтуютъ довѣрять, подразумѣвалась коварная, раболѣпная Польша и ея союзники—казацкій гетманъ и татарскій ханъ?!*).

Мнѣ кажется, что эта выдумка даже неостроумна. Трудно повѣрить, что Петръ и его сотрудники, такъ старались убѣдить шведовъ и поляковъ въ бѣдности своихъ средствъ; бѣдность эта была слишкомъ очевидна и въ ихъ интересахъ скорѣе было скрыть ее.

И отказываюсь постигнуть, какъ могъ проводить ночи въ работѣ Зотовъ. Въ депешѣ французскаго посланника Кампредона, датированной 14-мъ мартомъ 1721 года, я прочелъ слѣдующія строки: „Патріархъ, о которомъ я говорилъ выше, и котораго называютъ здѣсь князь-папой—профессиональный пьяница, котораго царь наградилъ этимъ титуломъ, желая высмѣять духовенство“. Эта записка правдива, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что касается моральнаго тожества этого лица, хотя здѣсь дѣло идетъ уже о пріемникѣ Зотова. Въ концѣ-концовъ вопросъ остался открытымъ. Дѣйствительно ли хотѣлъ Петръ высмѣять духовенство и унижить патріархатъ, представлявшій власть враждебную его власти? Возможно. До Петра, въ Москвѣ соблюдался обычай, требовавшій, чтобы

*) Этюдъ Ив. Писовича, въ „Русской Старинѣ“ 1874, стр. 735.

въ Вербное воскресенье царь участвовалъ въ церковной процессіи и вель за узду осла, на которомъ сидѣлъ патріархъ. Превосходство духовной власти, освященное значительностью роли, которую игралъ патріархъ Филаретъ при первомъ изъ Романовыхъ, укрѣплялось изъ года въ годъ. Петръ замѣнилъ торжественную процессію шествіемъ, во главѣ котораго ѣхалъ на быкъ князь-паша, сопровождаемый множествомъ каретъ, запряженныхъ свиньями, медвѣдями и козлами *). Здѣсь ясно обнаруживается политическое стремленіе. Но ясно также, что стремленіе это быстро исчезаетъ и спускается до степени чудовищной, кощунственной пародіи, въ которой даже глаза такого наблюдательнаго свидѣтеля, какъ Вокеродтъ не видятъ ничего, кромѣ развращенности духа и тѣла *).

Между тѣмъ, это явленіе требуетъ иного объясненія. Оно было такъ всеобъемлюще, такъ глубоко и такъ продолжительно, что невозможно считать его плодомъ вдохновенія отдѣльнаго индивидуума, хотя бы и развращеннаго, и склоннаго къ фантазіямъ. Я нахожу, что склонность къ ироніи и сатиры, и стремленіе къ карикатурному и комическому изображенію важнѣйшихъ жизненныхъ актовъ, являются характерной чертой настроеній, господствовавшихъ въ предшествовавшую, воцаренію Петра, эпоху.

Возможно, что такимъ образомъ выражался протестъ противъ аскетическаго теченія, приводившаго, какъ я говорилъ, къ полному отрицанію всѣхъ проявленій общественной жизни ***). Что касается до особенности формъ, въ которыхъ вылился этотъ протестъ, то не стоитъ ли онъ въ связи съ эксцессами, которымъ въ другое время,—за сто, по крайпей мѣрѣ, лѣтъ до Петра, предавались, подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій народное воображеніе и страсти, въ другихъ странахъ. Вспомнимъ оргіи, ночные шабаши и черныя мессы, такъ распространенныя во Франціи въ началѣ XVII вѣка *†), блѣднымъ отблескомъ которыхъ являются мистификаціи со-

*) Бергхольцъ, Büschings—М. т. XIX, стр. 1218

**) Вокеродтъ, стр. 19.

***) Забѣлинъ. Жизнь царицъ, стр. 426.

*†) Мишле (Michelet). Исторія Франціи, изд. Фламмаріона, т. XI, стр. 54.

временныхъ оккультистовъ. Аналогичныя причины вызвали аналогичныя слѣдствія. И здѣсь, и тамъ мы видимъ возмущеніе духа и тѣла, обуздываемыхъ и раздавливаемыхъ повседневностью жизни, стремящихся освободиться, хоть на время и вырваться изъ-подъ гнета религіи, закона и общества. И здѣсь, и тамъ стремленіе улетѣть за предѣлы реального. Странно, что Петръ предѣдательствовалъ на этихъ сатурналіяхъ. У него, подчинившагося общему закону и первымъ согласившагося запереться въ желѣзномъ кругу, созданномъ его указами, были тѣ же потребности, что и у другихъ. Происхожденіе кощунственной *mis-en-scène*'ы, въ которой участвовалъ папа или патріархъ Зотовъ и его пріемники, относятся къ первымъ годамъ царствованія; позднѣе, Петръ создалъ для нея болѣе усовершенствованныя декорации. Создавъ папу, онъ создалъ и конклавъ. Это былъ, такъ называемый, Всешутѣйшій и Всепьянѣйшій соборъ, являвшійся почти оффиціальнымъ учрежденіемъ. Царь съ каждымъ годомъ совершенствовалъ его организацію и работалъ надъ составленіемъ уставовъ и регламентовъ для него, почти накаливъ Полтавской битвы *). Членами собора онъ сдѣлалъ безпутнѣйшихъ изъ своихъ собутыльниковъ и нѣсколькихъ серьезныхъ, строгихъ нравовъ, людей; онъ рассчитывалъ, что унижая этихъ людей, онъ сумѣетъ крѣпче держать ихъ въ рукахъ. Избранные должны были, прежде всего, идти въ „Ватиканумъ“—домъ князь-папы, выразить ему свое почтеніе и благодарить его. Во время этой церемоніи на нихъ надѣвали красное платье, которое отнынѣ они должны были носить. Четыре заики служили имъ переводчиками; получивъ кардинальскіе костюмы, они отправлялись въ залу, называемую консисторской, по стѣнамъ которой стояли ряды бочекъ; въ глубинѣ ея, среди массы эмблематическихъ предметовъ, боченковъ, стакановъ и бутылокъ, возвышался тронъ князь-папы. Кардиналы, одинъ за другимъ, проходили мимо него, и получая по стакану водки, выслушивали, приблизительно, такое наставленіе:

*) Этюдъ Носовича. Семевскій, „Слово и дѣло“, стр. 281.

„Reverendissime, открой ротъ, проглоти то, что тебѣ дадутъ и ты расскажешь интересныя вещи“.

Всѣ разсаживались на бочкахъ и засѣданіе, открывшееся среди шутокъ и обильныхъ возліяній, продолжалось иногда много часовъ.

Конклавъ пребывалъ въ сосѣднемъ домѣ, куда отправлялись цѣлой процессіей: князь-папа, окруженный лже-монахами, якобинцами и французженками, сидѣлъ верхомъ на бочкѣ, которую везли четыре быка. Моделью для костюмовъ монаховъ послужила ряса отца Cailleau, жившаго въ Москвѣ францисканца. Петру очень хотѣлось, чтобы монахъ этотъ принялъ участіе въ шествіи, и онъ отказался отъ этой мысли, только, благодаря рѣшительному протесту французскаго министра. Самъ онъ въ костюмѣ матроса руководилъ обыкновенно шествіемъ. Просторная галлерей съ узкими диванами ждала членовъ конклава; въ проходахъ за диванами находились наполовину спиленныя бочки, часть которыхъ была наполнена провизіей,—часть служила для отправленія естественныхъ надобностей.

Лже-кардиналамъ было запрещено покидать свои ложа до окончанія засѣданія конклава. Конклависты, прикомандированные къ каждому изъ нихъ, должны были поить ихъ, побуждать къ сквернословію и, какъ говорятъ, вызывать на откровенность. Царь прислушивался ко всему, что говорилось и дѣлалъ отмѣтки въ своей записной книжкѣ. Засѣданіе конклава продолжалось три дня и три ночи. Если члены его не были заняты избраніемъ новаго папы, то время проходило въ спорахъ, напр., на тему о качествѣ вина, которое находилъ сквернымъ одинъ изъ кардиналовъ.

Въ 1714 году, чтобы разнообразить нѣсколько программу развлеченій, Петръ рѣшилъ женить князя-папу, восьмидесятилѣтняго старика, сыновья котораго съ отличіемъ служили въ арміи. Одинъ изъ нихъ тщетно умолялъ царя пощадить отца и не дать стыду упасть на его сѣдую голову. Невѣстой была знатная дама, Анна Пашкова, приближавшаяся къ шестидесятилѣтнему возрасту. Огромныя приготовленія предстояли этой удивительной свадьбѣ. Не нужно забывать, что свирѣлствовавшая въ это время сѣверная война исто-

щала средства страны и ежедневно уносила десятки человеческих жизней. За четыре мѣсяца до этой свадьбы всѣмъ вельможамъ и придворнымъ дамамъ былъ разсланъ приказъ готовиться къ предстоящей церемоніи и послать канцлеру Головкину подробное описаніе костюмовъ, въ которыхъ они предполагаютъ явиться въ маскарадъ; царь не хотѣлъ, чтобы было болѣе трехъ похожихъ другъ на друга костюмовъ. Онъ лично, два раза (12 декабря 1714 года и 15 января 1715 г.) осматрѣлъ и костюмы и участниковъ маскарада.

Въ назначенный день, по сигналу, данному пушкой Петербургской крѣпости, мужчины собрались у канцлера, дамы— въ домѣ князь-игуменьи Ржевской, „ловкой, угодливой и постоянно пьяной сплетницы“,—какъ называетъ ее одинъ изъ современниковъ. Послѣ ея смерти, мѣсто ея заняла Анастасія Голицына, дочь князя Прозоровскаго; она была болѣе шимъ другомъ Петра, онъ обходился съ ней, какъ съ сестрой и даже однажды въ Преображенскомъ приказалъ выпороть ее, во дворѣ дома, гдѣ помѣщалась государственная полиція. Впослѣдствіи, она была заподозрѣна въ заговорѣ съ Алексѣемъ, за которымъ ей было поручено слѣдить, и ей удалось вернуть милость царя, лишь сдѣлавшись пріемницей Ржевской.

Шествіе, составившееся передъ царскимъ дворцомъ, перешло по льду черезъ Неву, и подошло къ церкви Петра и Павла, гдѣ девяностолѣтній священникъ, привезенный, кажется, изъ Москвы, ждалъ въ алтарѣ новобрачныхъ. Во главѣ процессіи шелъ лже-цезарь—Ромодановскій, въ костюмѣ царя Давида, неся лиру, покрытую медвѣжьей шкурой. Четыре медвѣдя были запряжены въ его сани, а пятый стоялъ вмѣсто лакея, на запяткахъ. Животныя, осыпаемые непрерывными ударами, испускали ужасные крики. За нимъ, на высокихъ саняхъ, слѣдовали молодые, окруженные купидонами; передъ ними, на козлахъ, находился олень, носитель огромныхъ роговъ, а сзади—козель. Лже-Патріархъ надѣлъ папское одѣяніе. На праздникѣ присутствовала вся бывшая въ столицѣ знать. Министры, члены дипломатическаго корпуса, князь Меншиковъ, адмиралъ-графъ Апраксинъ, генераль Брюсъ,

графъ Вицхумъ, посланникъ Августа II—въ костюмахъ гамбургскихъ бургомистровъ, играли на рылахъ *). Канцлеръ, князя Яковъ и Григорій Долгорукіе, князя Петръ и Дмитрій Голицыны—въ китайскихъ костюмахъ дудѣли въ дудки; императорскій резидентъ Плейеръ, ганноверскій министръ Веберъ, голландскій резидентъ де-Би (de Bie) въ костюмахъ нѣмецкихъ пасторовъ, играли на волынкахъ; они были скопфужены, и протестовали, но Петръ не обращалъ на это вниманія.

Нѣсколько вельможъ, Михаилъ Глѣбовъ, и Петръ и Никита Хитровы, напр., явились, съ разрѣшенія царя, безъ инструментовъ; „ихъ старость лишила ихъ возможности дѣйствовать руками“. Царевичъ, въ костюмѣ охотника, трубилъ въ рогъ. Екатерина и восемь дамъ изъ ея свиты были одѣты финками; старая царица Марфа—полькой; принцесса Остъ-Фрисландская—въ древне-германскій костюмъ. Всѣ онѣ играли на дудкахъ. Петръ, одѣтый, какъ всегда, матросомъ, билъ въ барабанъ. Свистульки венецианцевъ издавали пронзительные звуки; дикари, размахивающіе копьями, поляки, пиликающіе на скрипкахъ, калмыки, брэнчащіе на балалайкахъ, норвежскіе крестьяне, лютеранскіе пасторы, монахи, католическіе епископы, увѣнчанные оленьими рогами, раскольники, рыбаки, китоловы, армяне, японцы, тунгузы, лапландцы окружали царя пестрой, шумной толпой. Звонъ инструментовъ, крики медвѣдей, колокольный звонъ—(звонили во всѣхъ церквахъ),—возгласы зрителей смѣшивались въ адской какофоніи.

„Патріархъ (!) женится! Да здравствуетъ Патріархъ съ Патріаршею“.

Банкетъ, окончившійся оргіей, послѣдовалъ за церемоніей; восьмидесятилѣтніе старики, забывъ про свои больныя ноги, исполняли обязанности кравчихъ. Праздникъ продолжался и на слѣдующій день, и затянулся до февраля мѣсяца **).

*) Старинный инструментъ.

**) Голицовъ, т. VI, стр. 279—290. Письмо де-Би къ секретарю Соед. Пров. Спб., 1 февраля, 1715 г. Гаагскій Архивъ. Долгорукій, Мемуары, т. I, стр. 141.

Я забылъ только одну подробность. Въ день этой свадьбы, между маскарадомъ и банкетомъ, Петръ далъ аудіенцію графу Виптхуму и послѣ серьезнаго разговора передалъ ему письмо для его повелителя, касающееся дѣлъ Польши, и датированное тѣмъ же числомъ; потомъ царь принялъ Басе-вщица и говорилъ съ нимъ о дѣлахъ герцога Голштинскаго *). Эта черта—изумительна, но обстоятельства, благодаря которымъ она обнаружилась, остаются все же возмутительными.

Зотовъ умеръ въ 1717 г. Для избранія его преемника Петръ составилъ новый регламентъ,—цѣлую книгу, въ которой онъ изощрялся въ самыхъ грубыхъ и непристойныхъ выдумкахъ; онъ особенно настаиваетъ на необходимости провѣрять полъ кандидата по обычаю, утвердившемуся въ Римѣ, со времени знаменитой папессы Жанны. Не нужно забывать, что, какъ разъ, въ это время царь ожидалъ возвращенія своего сына Алексѣя, и готовился начать ужасный процессъ, омрачившій послѣдніе годы его жизни. Это трудно было подозрѣвать. Кандидатомъ на папскій престолъ называли Петра Ивановича Бутурлина. До сихъ поръ онъ носилъ титулъ архіепископа Пресбургскаго, въ этой епархіи пьяницъ, обжоръ и шутовъ. Онъ принадлежалъ къ одной изъ самыхъ извѣстныхъ русскихъ семей. Петръ оставилъ себѣ, на этотъ разъ, роль протодьякона въ собраніи конклава, члены котораго получали избирательные бюллетени изъ рукъ князь-игуменни, цѣлуя ее въ груди. Я воздержусь отъ повторенія невозможныхъ, неприличныхъ подробностей **).

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, несчастный Алексѣй умиралъ подъ ударами кнута въ застѣнкѣ, а его отецъ пировалъ съ новымъ князь-папой, котораго Вакеродтъ называетъ „паксвилемъ на Патріарха“, и былъ свидѣтелемъ многихъ безобразныхъ сценъ, самаго безпутнаго разгула:

„Хвастаясь своей силой, Патріархъ въ, концѣ концовъ, слишкомъ переполнилъ свой желудокъ и извергъ съ высоты своего трона потоки жидкости на парики и платъ, сидѣвшихъ

*) Голиковъ.

**) Семеvскій, „Слово и дѣло“, стр. 281 и сл. Шереръ, т. II, стр. 163

у подножія его стола. Это происшествіе очень развеселило общество“ *).

Въ 1720 году Петру вздумалось женить Бутурлина на вдовѣ Зотова, что послужило поводомъ для новыхъ шутокъ и непечатныхъ непристойностей. Брачная постель была поставлена внутри пирамиды, воздвигнутой въ 1714 г., въ память побѣды надъ шведами, противъ сенатскаго дворца.

Петръ глумился и надъ побѣдой, и надъ кровью, пролитой за родину, и надъ своей собственной славой! Мертвецки-пьяныхъ новобрачныхъ, заставили выпить еще водки изъ стакановъ, самая форма которыхъ оскорбляла стыдливость, и положили въ приготовленную постель; черезъ отверстія, продѣланныя въ пирамидѣ, толпа любовалась зрѣлищемъ, которое, говорятъ, любилъ устраивать себѣ Людовикъ XV на свадьбахъ своихъ дѣтей.

На другой день новый князь-папа раздавалъ благословенія, имитируя русскихъ священниковъ, всѣмъ, пришедшимъ, навѣстить его, въ его жилище **).

Онъ былъ папой недолго.

Въ депешѣ Кампредона отъ 10 сентября 1723 г. я читаю: „Церемонія введенія въ должность новаго Патріарха произойдетъ въ Москвѣ. Мѣсто собранія конклава—крестьянскій домикъ на сосѣднемъ съ Преображенскимъ маленькомъ островѣ. Лже-кардиналы соберутся тамъ въ назначенный день; ихъ будутъ въ продолженіи 24 часовъ поить водкой и виномъ, не позволяя спать; приготовившись такимъ образомъ, они выберутъ Патріарха ***).

Не можетъ быть двухъ отношеній къ этимъ гнусностямъ и заблужденіямъ. Можно только различно объяснять ихъ. Я уже говорилъ о томъ, какъ объясняю ихъ я. Петръ является представителемъ новаго, развивающагося общества,

*) Донесеніе, приписываемое Германномъ прусскому посланнику Мардефельду, 7 мая 1718 г. Peter der Grosse und Tsarevitch Alexei. Лейпцигъ, 1880, стр. 211.

**) Дешеша ла-Ви (la-Vie), французскаго резидента. Спб. 4 октября 1720 г. Мин. Ин. дѣлъ во Франціи. Бергхольцъ Büschings-M. т. XIX, стр. 127.

***) Мин. Ин. дѣлъ во Франціи.

въ которомъ его личная инициатива и историческая наслѣдственность заложили различные и враждебные ферменты другъ другу и, слѣдовательно, ничего святого. Со временъ Ивана Грознаго всѣ русскіе мало-мальски замѣчательные люди были эксцентриками или самодурами, по мѣткому русскому выраженію. Это объясняется отсутствіемъ общественныхъ основъ въ національной культурѣ. Петръ также былъ самодуромъ. Первобытныя силы и инстинкты дѣйствовали въ немъ. Онъ былъ первобытенъ, какъ густой, дѣвственный лѣсъ, полный силъ и разнообразный до безконечности; это была совершенно своеобразная личность, которую нельзя отнести ни къ одному изъ выработанныхъ типовъ человѣческаго рода.

Временами онъ обнаруживалъ какое-то странное, капризное, трагическое и смѣшное сходство, то съ Людовикомъ XI, то съ Фальстафомъ. Я уже говорилъ, что онъ былъ близокъ низшимъ классамъ, откуда набиралъ себѣ друзей и сотрудниковъ; изъ этой толпы маленькихъ людей создавался вокругъ него избранный кружокъ. Онъ велъ свое хозяйство, какъ лавочникъ, билъ свою жену, какъ крестьянинъ, и искалъ развлеченій тамъ, гдѣ ихъ ищеть, обыкновенно, толпа. Въ его умѣ постоянно сталкивались противорѣчивыя идеи, приводящія, однако, къ общему выводу: необходимости переворота и всеобщаго уравненія; къ его волѣ присоединялось сознаніе такой полной власти надъ людьми и вещами, какой не обладалъ никогда и никто; въ его душѣ, наконецъ, жила страстная потребность уйти за предѣлы реального, ставшаго, подъ конецъ, невыносимымъ даже для такого человѣка, какъ онъ.

Мнѣ кажется, что его нравственная фizioномія теперь осеѣщена, съ одной стороны, вполне достаточно.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Идеи, принципы, приемы управления.

I. Обилие идей. Мнемоническіе приемы. Внутреннія идеи. Увлеченіе Западомъ. Недостатокъ извѣстныхъ, основныхъ знаній. Правосудіе, религія, мораль. Умственная неустойчивость. Утилитарный умъ. II. Пониманіе роли монарха. Противорѣчія. Самоотреченіе, ради блага общественнаго. Введеніе социальнаго принципа со всѣми его послѣдствіями. „Первый слуга Государства“. Петръ передаетъ государству богатства, скопленные его предшественниками. Вотчина Романовыхъ. „Жалованье Петра Михайлова“. Приходо-расходная книга. 366 рублей въ годъ. Обратная сторона медали. Фантазія и деспотизмъ. Слуга поднимаетъ руку на господина. III. Причины противорѣчій. Революціонный характеръ реформы. Азіатскіе элементы. Терроръ, усиленный, благодаря ихъ вліянію. Историческая круговая порука. Произволь и инквизиція. Любитель пытокъ. Универсальный сыскъ. „Языки“. Секретная канцелярія и трибуналы Конвента. Продолжительность этого режима и кротость, подчинявшейся ему страны. Національные нравы. IV. Вѣчная угроза. Упрощенный судъ. Дубина. Подъ топоромъ палача. Побѣги. Мѣры принятія противъ нихъ. Клеймо. Объявленіе стоящимъ внѣ закона. Недостаточность подобныхъ мѣръ. „Спасайся кто можетъ“. „Близко царю, смерть близко“. Уклоненіе родовитыхъ семей. Выскочки, увеличиваютъ гнетъ системы. Фаворитизмъ. Традиціи предковъ. Ихъ роль въ преобразовательной работѣ и вліяніе на ея размахъ.

I.

Говоря объ умственныхъ способностяхъ великаго человека, я долженъ былъ показать ихъ въ дѣйствіи, потому что въ немъ—все дѣйствіе; мнѣ остается теперь показать ихъ въ дѣйствительной жизни и въ методахъ управленія.

Петру приходило въ голову, ежедневно, множество мыслей. Мнемоническіе приемы, которыми ему приходилось пользоваться, благодаря слабости памяти, свидѣтельствуютъ объ ихъ обилии.

Царь всегда носилъ съ собой записную книжку и, посто-

яшно, вынимая ее из кармана, быстро дѣлалъ въ ней замѣтки. Книжка быстро заполнилась, и ее замѣнялъ первый попавшійся клочекъ бумаги, или чистое мѣстечко, замѣченное на собственноручно написанномъ, иногда, важномъ документѣ. Такъ, напр., на поляхъ рапорта, касающагося проекта учрежденія Петербургской Академіи, его рукой написаны слѣдующія, приблизительно, строки. „Румянцеву въ Украину нужно послать приказъ вымѣнять быковъ на овецъ и барановъ, и послать кого-нибудь за границу, чтобы научился, какъ за этими животными ходить, какъ ихъ стричь и какъ шерсть готовить“ *).

Эти идеи, если разсмотрѣть ихъ внимательно, появляются, благодаря внушенію извнѣ; внутренняя работа уже очень мало измѣняетъ ихъ.

Петръ всегда думалъ о деталяхъ, потому что онъ прежде всего замѣчалъ детали. Его умъ можно сравнить съ зеркаломъ—раздробленнымъ на множество, причудливо расположенныхъ граней; часто, самыя близкіе изъ окружающихъ Петра предметовъ ускользали изъ его вниманія. Петръ, напр., не замѣчалъ существованія такого мыслителя, какъ Посошковъ, несмотря на то, что жилъ, такъ сказать, рядомъ съ нимъ. Бѣдному философу нужно было быть нѣмцемъ или голландцемъ, чтобы обратить на себя вниманіе царя. Онъ напрасно посылалъ монарху нѣкоторые изъ своихъ произведеній, напр., трактатъ „О бѣдности и богатствѣ“, эту удивительную политическую энциклопедію. Онъ пытался привлечь вниманіе царя своими трудами въ практической области. Устроилъ первую въ Россіи селитренную фабрику, на открытіе которой князь Борисъ Голицынъ далъ ему только 14 рублей. Когда, послѣ смерти Петра, рѣшились прочесть его труды,—то его посадили въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ. Произведенія его были изданы только полвѣка спустя, въ 1799 году. Петръ не сумѣлъ использовать его знанія и способности. Во время своего пребыванія въ Гаагѣ, онъ обратился за помощію къ секретарю Соединенныхъ Провинцій: ему ну-

*) Staehlin, стр. 170.

женъ былъ умѣлый человѣкъ, чтобы организовать въ Россіи государственную канцелярію и руководить ею*).

Немного позднѣе, въ Лондонѣ, онъ совѣтовался объ этомъ же съ протестантскимъ пасторомъ; „Apolespromena“ француза Лее (Lee) **) сохранили слѣды этой бесѣды и нѣкоторые читатели рядомъ съ глубокомысленными разсужденіями о планѣ *Ноева ковчега*,—открыли принципъ административныхъ коллегій, сдѣланныхъ гвоздемъ управленія великаго человѣка. Въ фокусѣ зеркала, о которомъ я говорилъ, неизмѣнно находился Западъ. Въ неизданныхъ еще мемуарахъ Остермана я встрѣчаю шутку, которую авторъ приписываетъ великому человѣку:

„Европа намъ нужна лишь на нѣсколько десятковъ лѣтъ; потомъ мы повернемся къ ней спиной“***). Я не проверялъ эту цитату; но если она и вѣрна, то все-таки это не гарантируетъ подлинности словъ Петра. Въ ней чувствуется новѣйшій славянофилъ.

Дѣйствиіе у этого вѣчно движущагося человѣка, часто предшествовало мысли или, въ крайнемъ случаѣ, слѣдовало за ней непосредственно. Въ 1715 году, голландскій корабль былъ сожженъ царскими матросами, принявшими его за шведское судно. Царь объявилъ, что Швеція должна платить убытки, такъ какъ несчастье случилось близъ Гельсингфорса, а Гельсингфорсъ принадлежитъ Швеціи. Онъ считалъ себя совершенно правымъ. Чтобы получить необходимую сумму, онъ принудилъ своего полтавскаго плѣнника, канцлера Пипера (Piper) подписать 30-тысячный вексель (30 тыс. экю) на Стокгольмъ. Шведское правительство отказалось платить, и Петръ посадилъ больного, шестидесятилѣтняго старика-канцлера въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ въ слѣдующемъ году *†). Я уже говорилъ о непослѣдовательности его поступковъ и о смѣшеніи въ его умѣ религіозныхъ понятій. Постановленіе, требующее, чтобы священники доносили объ открытыхъ имъ на исповѣди государственныхъ

*) Шельтема, *La Russie et les Pays-Bas*, т. I, стр. 175—183.

**) Лондонъ, 1752.

***) Русскій архивъ, 1874 г., стр. 1579.

*†) Бергхольцъ, *Büschings-M.* т. XIX, стр. 670.

преступленіяхъ, которое Екатерина II, вполѣдствіи, скрывала отъ Вольтера, было составлено Петромъ также, какъ и постановленіе о карательныхъ мѣрахъ противъ ослушниковъ. Въ то же время онъ пѣлъ на клиросѣ и послѣ каждой побѣды приказывалъ служить молебны, продолжавшіеся не менѣе пяти часовъ. Послѣ Полтавской битвы было отслужено семь молебновъ, чтобы возблагодарить Бога въ полной мѣрѣ. Въ церквахъ, обыкновенно, посѣщаемыхъ царемъ, были поставлены кружки для сбора штрафовъ, которые царь налагалъ на болтающихъ, спящихъ и, вообще, лицъ неприлично ведущихъ себя, во время церковной службы.

Въ Александро - Невской лаврѣ сохранился желѣзный ошейникъ, употреблявшійся суровымъ монархомъ, для наказанія рецидивистовъ: они должны были слушать обѣдню привязанные за этотъ ошейникъ къ колоннѣ храма *).

Иногда его слова и поступки заставляли заподозрить въ немъ склонность къ протестантизму. Онъ окружалъ себя кальвинистами и лютеранами, велъ съ ними догматическіе споры, въ которыхъ православіе бывало, совершенно, разбито и внимательно слушалъ ихъ проповѣди.

Постановленіе 1706 года разрѣшало всѣмъ протестантамъ свободное исповѣданіе ихъ религіи. Но Тейнеръ опубликовалъ рядъ документовъ, свидѣтельствующихъ о надеждахъ, которыя царь подавалъ, и до и послѣ этого постановленія, въ Римѣ, относительно возможности соединенія двухъ церквей; и иногда монарху приходило въ голову собирать вокругъ себя даже іезуитовъ.

Правда, онъ началъ съ того, что выгналъ ихъ въ 1689 году. Въ 1698 году, въ Вѣнѣ онъ высказалъ мало лестное мнѣніе о нихъ. Онъ сказалъ: „Императоръ не можетъ не знать, что эти люди богаче, чѣмъ онъ; а между тѣмъ, во время послѣдней войны съ турками, они не дали ему ни одного человѣка и ни одной копейки денегъ“. Это не помѣшало, однако, св. отцамъ устроить школу не только въ Москвѣ, но и въ Петербургѣ, и въ Архангельскѣ.

Они сохраняли свое положеніе до 1719 года. Потомъ,

*) Шереръ, т. III, стр. 238.

неожиданно былъ отданъ новый приказъ объ ихъ изгнаніи. Произошла ссора съ вѣнскимъ дворомъ, покровительствующимъ этимъ сыновьямъ Лойолы.

Императоръ былъ далеко и царь сорвалъ злобу на покровительствуемыхъ имъ монахахъ. Его религіозные принципы мало отличались отъ принциповъ политическихъ *).

А еврей? Онъ вполне опредѣленно относился къ нимъ:— онъ не выносилъ ихъ. Онъ былъ противъ ихъ присутствія въ государствѣ. А между тѣмъ Мейеръ, происхождение котораго было достовѣрно извѣстно, и его двоюродный братъ, Люпсъ, участвовали въ какихъ-то финансовыхъ операціяхъ, имѣющихъ отношеніе къ поставкамъ въ армію. Этотъ откущикъ пользовался многими преимуществами и всеобщимъ уваженіемъ, и сидѣлъ рядомъ съ царемъ, во время засѣданій Сената **).

Царь былъ утилитаристомъ до мозга костей и потому его взгляды и поведеніе кажутся циничными съ моральной точки зрѣнія. Его законы карали смертью дѣтубійца, но законодатель удивлялся, что Карлъ V каралъ смертью прелюбодѣевъ: „Развѣ у него слишкомъ много подданныхъ?“ Однажды царь, пріѣхавшій въ Вышній-Волочекъ (Новгородской губ), чтобы осмотрѣть сооружавшіеся тамъ каналы, замѣтилъ въ толпѣ хорошенькую дѣвушку; ея красота и смущенный видъ привлекли вниманіе царя; онъ подозвалъ ее; она вышла, стыдливо закрывая лицо руками; онъ сказалъ, что ей пора замужъ; остальные дѣвушки разразились смѣхомъ. Царю объяснили, что бѣдняжка согрѣшила съ нѣмецкимъ офицеромъ и имѣетъ отъ него ребенка; царь не нашелъ въ этомъ большой бѣды; строго выбранивъ насмѣшницъ, онъ приказалъ принести ребенка и сказалъ, что надѣется сдѣлать изъ него хорошаго солдата; потомъ поцѣловалъ мать, далъ ей пригоршню серебра и сказалъ, что еще разъ увидитъ ее ***).

Онъ далъ президенту торговой коллегіи Толстому де-

*) Голиковъ, т. VII, стр. 237, 431; Веберъ, Послѣдніе анекдоты, стр. 348.

***) Стелинъ (Stachlin), стр. 333.

***) Ibid.

сять тысяч дукатовъ и приказъ объ изгнаніи, чтобы помочь ему избавиться отъ итальянской куртизанки; но не желая, чтобы деньги пропали даромъ, онъ велъ секретные переговоры съ красавицей и заставилъ ее служить его цѣлямъ въ Римѣ и Вѣнѣ.

II.

Онъ понималъ свою роль, свои обязанности и свои права. Но бессознательно, не отдавая себѣ отчета, онъ смѣшивалъ два взаимно противорѣчащіе принципа: беря за исходную точку полное самоотреченіе отдѣльнаго индивидуума, ради интересовъ общественныхъ, онъ приходилъ къ полному поглощенію общественности своимъ колоссальнымъ „я“. Въ этомъ отношеніи онъ далеко опередилъ Людовика XIV—сказавшаго: „Государство—это я“.

Петръ хотѣлъ слить воедино со своей жизнью прошлую, настоящую и будущую жизнь націи. Онъ твердо вѣрилъ, что умственное и экономическое возрожденіе, свидѣтелемъ котораго онъ былъ и которое было вызвано независимыми отъ его дѣятельности причинами,—было его личнымъ дѣломъ, его созданиемъ, и безъ него не имѣло бы ни смысла, ни возможности существованія; конечно, онъ думалъ, что его работа будетъ продолжена послѣ его смерти; для этого онъ и работалъ; но въ глубинѣ души онъ не могъ представить ее безъ своего участія. Этимъ объясняется его индифферентизмъ къ вопросамъ о престолонаслѣдіи.

Его взгляды на свои права и обязанности были новостью въ Россіи. До него семья считалась основой политической жизни страны. Царь Алексѣй, его отецъ, былъ главой семьи и племени. Общество не существовало. Не существовало ни малѣйшаго представленія о правахъ и о взаимныхъ обязанностяхъ. Востокъ чувствовался и въ образѣ жизни и въ понятіяхъ. Петръ привезъ съ Запада социальный принципъ, цѣнность котораго онъ, по обыкновенію, слишкомъ преувеличилъ. Онъ объявилъ себя первымъ слугою государства и довелъ эту идею до совершенно нелѣпыхъ вы-

водовъ. Въ 1709 г. онъ писалъ фельдмаршалу Шереметеву, прося его походатайствовать передъ „Государемъ“, т.-е. Ромодановскимъ, о возведеніи его, Петра, въ чинъ контръ-адмирала; Петръ униженно просилъ исполнить эту просьбу и прилагалъ къ письму свой послужной списокъ. Въ 1714 году онъ безропотно получилъ отказъ изъ адмиралтейской коллегіи, въ которую онъ обращался съ просьбой о повышеніи въ чинѣ. Въ 1723 г. онъ, находясь съ флотомъ въ Ревелѣ, взялъ медицинское свидѣтельство, чтобы получить отъ адмирала разрѣшеніе ночевать на берегу *). Онъ выстроилъ домъ въ деревнѣ „Катериненталь“, близъ Ревеля и былъ очень удивленъ, когда, поѣхавъ туда въ первый разъ, увидѣлъ, что въ паркѣ никого нѣтъ. Неужели кто-нибудь могъ подумать, что онъ заставилъ работать столько людей, и истратилъ столько денегъ на себя одного?!.. На другой день глашатай объявилъ ревельцамъ, что паркъ предоставляется въ ихъ полное распоряженіе **).

Сейчасъ же, послѣ своего воцаренія, онъ раздѣлилъ на двѣ части значительное состояніе, прибрѣтенное его отцомъ и дѣдомъ. Благодаря царскимъ торговымъ привилегіямъ и монополіямъ, Алексѣй, въ концѣ своего царствованія, владѣлъ почти 10,734 десятинами пахатной земли и 50,000 домовъ, дававшими 200,000 рублей дохода. Петръ отказался оставить себѣ эти богатства; онъ передалъ ихъ государству, сохранивъ себѣ лишь скромное наслѣдство Романовыхъ—800 душъ въ Новгородской губерніи ***). Доходы съ этого имѣнія увеличивались жалованьемъ, которое онъ получалъ за успешную службу въ арміи и флотѣ. Расписки въ полученіи денегъ, всего на 366 рублей, сохранены; таково же было жалованье, получаемое имъ ежегодно въ качествѣ плотника. Сохранилась также его прихода-расходная книга, полная интересныхъ подробностей.

Въ 1705 г. онъ заработалъ 366 рублей на воронежской

*) Сборникъ, т. XXV, стр. 152; Голиковъ, т. V, стр. 257. Бергхольцъ, Büschings-M. т. XXI, стр. 281.

**) Шереръ, т. III, стр. 65.

***) Карповичъ.

верфи и получилъ 40 рублей капитанскаго жалованья. Въ 1706—всего 156 рублей, полученныхъ въ Кіевѣ. Въ 1707 г. получилъ въ Вильно 460 рублей полковничьяго жалованья.— Истратилъ: въ 1707 г. пожертвовалъ въ монастырь въ Вильно 150 рублей; за матеріи заплатилъ тамъ же 39 рублей; Анисъѣ Кирилловнѣ на платьѣ 26 рублей; князю Григорію Шаховскому на платьѣ 41 рубль; адъютанту Бартеньеву, на очень пужную поѣздку, 50 рублей...

Приѣхавъ на чугунный заводъ (въ Рязанской губ.), онъ смѣшался съ толпой рабочихъ и, проработавъ съ молотомъ въ рукахъ нѣсколько часовъ, получилъ 18 алтынъ *) за столько же пудовъ чугуна, на которыхъ онъ упражнялъ силу своихъ рукъ.

Получивъ деньги, онъ весело объявилъ, что по возвращеніи въ Москву пойдетъ въ Ряды и истратитъ свой заработокъ на покупку сапогъ, такъ какъ старыя никуда не годны **).

Подобныя поступки и трогаютъ и внушаютъ уваженіе. Но у нихъ есть своя дурная сторона. Они были слишкомъ сумасбродны, и великій человѣкъ хорошо сознавалъ это. Въ 1713 году онъ писалъ изъ Гельсингфорса Екатеринѣ:

... „При семъ объявляю, что въ 6 (день) сего мѣсяца г. адмиралъ объявилъ мнѣ милость государя нашего—чинъ генерала полного, чемъ васъ, яко госпожу генеральшу, поздравляю. Какъ чинъ шаутъбейнанта, такъ і сей мнѣ сказанъ зело странно, ібо на степи пожалованъ въ елагманы, и на морѣ въ генералы. І чаю съ помощью божию, быть къ вамъ негораздо замѣшкаеъ.

Петръ.

Изъ Эльзенеурса въ 12 д. августа 1713 г.“.

Разсказанная Нартовымъ исторія, о встрѣчѣ царя съ Ромодановскимъ, на дорогѣ въ Преображенское иллюстрируетъ такъ нравившуюся царю неопредѣленность его роли и положенія.

*) Алтынъ=3 коп.

***) Нартовъ, стр. 55.

Вхавшій въ скромной одноколкѣ Петръ забылъ снять шляпу, привѣтствуя лже-монарха и называя его „Mein gnadiger Kaiser“. Ромодановскій, въ великолѣпномъ экипажѣ, впереди котораго верховой съ крикомъ — „сторонись, шапки долой!“—разгонялъ народъ ударами бича, какъ ураганъ промчался мимо, бросивъ яростный взглядъ въ сторону царя. Черезъ часъ онъ потребовалъ Петра Михайлова и, не вставая и не предлагая ему сѣсть, рѣзко спросилъ:— „давно ли онъ рѣшается не снимать шляпы, кланяясь?“— „Я не узналъ Вашего Величества въ татарскомъ платьѣ“,— отвѣтилъ Петръ;— „Его Величество“ не настаивалъ *).

Ему вспомнилось, вѣроятно, письмо, полученное отъ Петра Михайлова, послѣ жалобы Яковъ Брюса и начинавшееся словами: „Звѣрь, доколь тебѣ людей жечь! И сюда раненые отъ васъ пріѣхали. Перестань знаться съ Ивашкой (Хмѣльницкимъ). Быть отъ него рождъ драной, зѣло утрудились на прощаль“ **).

Но важнѣе всего вотъ что: несмотря на всю эту ложную приниженность и дѣйствительное самоотреченіе, несмотря на желаніе служить своему народу, отдать ему всего себя и посвятить ему всю свою жизнь, Петръ обходился съ нимъ не только какъ очень требовательный,—это можно было бы еще оправдать,—но и какъ самый неограниченный изъ деспотовъ. Очевидно, онъ служилъ и приносилъ жертвы высшему, безконечно требовательному божеству, признаваемому, вмѣстѣ съ нимъ, всѣми.

Долженъ ли онъ былъ принимать въ счетъ природныя недостатки—слабости, отсутствіе способностей каждаго отдѣльнаго индивидуума? Онъ не дѣлалъ этого. Всякій, кто не занималъ указаннаго ему мѣста и отказывался отъ должности, на которую былъ назначенъ, считался измѣнникомъ и отступникомъ и объявлялся внѣ закона. Часть его имущества, если таковое имѣлось, переходило въ казну, ибо считали, что человѣкъ, не приносящій никакой пользы,

*) Письма изд. 1861 г., стр. 34.

**) Переписка, 22 декабря 1697 г., т. I, стр. 226. Устряловъ т. III, стр. 95. (Петръ нах. въ это время въ Голландіи). Списано съ русскаго текста, прим. пер.

не долженъ ничего имѣть; другую часть—получали родственники; было достаточно со стороны послѣднихъ подать заявление въ Сенатъ, чтобы совершилась передача. Объявленному внѣ закона запрещалось жениться, такъ какъ государство не хотѣло получать въ лицѣ его дѣтей, которые, конечно, были бы похожи на него, — новыхъ, подобныхъ ему, злодѣевъ *). Въ 1704 году въ Москвѣ, Петръ лично устроилъ смотръ всѣмъ, имѣвшимся въ наличности, боярамъ, столыникамъ, дворянамъ и прочимъ чинамъ. Около каждого имени онъ отмѣчалъ занимаемую носителемъ его должность. Если чиновникъ не удовлетворялъ требованіямъ своей должности или небрежно относился къ исполненію своихъ обязанностей—его ждала если не смерть физическая, то, во всякомъ случаѣ, смерть гражданская **).

Былъ ли свободенъ тотъ, кто исполнялъ назначенную ему работу? Ничуть. Принципъ, въ силу котораго его требовали на службу, требовалъ его всего, цѣликомъ, его душу и тѣло, всѣ его мысли, всѣ его занятія, даже его развлечения. И здѣсь-то обнаруживался со всѣми его послѣдствіями конфликтъ между идеей и представляющимъ ее человѣкомъ. — Существуетъ одна цѣль, и одна дорога ведетъ къ ней. Царь идетъ впереди, и всѣ должны идти за нимъ. Нужно дѣлать то, что дѣлаетъ онъ, думать такъ, какъ думаетъ онъ, веселиться такъ, какъ онъ веселится. Не нужно переходить черезъ Неву по мосту, потому что онъ переѣзжаетъ ее на лодкѣ. Нужно обрѣзать бороды, потому что его борода очень рѣдка. Нужно пить, когда пьетъ онъ, одѣваться кардиналомъ, если это доставляетъ ему удовольствіе, глумиться надъ Господомъ Богомъ и его святыми, а на другой день впродолженіи семи часовъ стоять въ церкви. Въ случаѣ ослушанія, слабости, или просто недостаточной сообразительности, если силы измѣнили, или отвращеніе брало верхъ надъ желаніемъ повиноваться, или разумъ отказывался понять приказанія—виновнаго ждали палки, кнутъ или топоръ. Самозванный „слуга“ поднималъ руку на госпо-

*) Указъ отъ 6 декабря, 1722 г. Голиковъ, т. IX, стр. 83.

**) Голиковъ, т. II, стр. 513.

дина, билъ его или убивалъ. Въ 1704 году князь Алексѣй Барятинскій былъ публично „бить кнутомъ“ за то, что не доставилъ на осмотръ нѣсколькихъ рекрутовъ. Въ томъ же году, къ тому же наказанію былъ приговоренъ Григорій Камининъ, отказавшійся участвовать въ „славенъ“ *).

III.

Эти очевидныя противорѣчія объясняются революціоннымъ характеромъ проводимой Петромъ реформы; вслѣдствіе этого, въ его правленіи участвовали условія существованія и работы, которыя во всѣхъ странахъ и во всѣ эпохи были неотдѣлимы отъ опредѣленнаго политическаго и социальнаго строя.

Съ другой стороны, на это управленіе вліяли: исторія, традиціи, нравы. На одной изъ триумфальныхъ арокъ, воздвигнутыхъ въ Москвѣ, по случаю заключенія мира со Швеціей, рядомъ съ изображеніемъ царя находилось изображеніе Ивана Грознаго. Это было сдѣлано по внушенію герцога Голштинскаго. Дядя одобрилъ племянника и воспользовался случаемъ, чтобы возстановить историческую солидарность, которую, въ концѣ концовъ, подтверждали его жизнь и дѣятельность **).

Принципы были совершенно различны, практика на каждомъ шагу противорѣчила теоріи. Въ теоріи—иногда даже подчеркнутое свободомысліе; на практикѣ почти всегда деспотизмъ, произволь, розыскъ, терроръ. Это правленіе было такъ же террористично, какъ правленіе Робеспьера, какъ правленіе Кромвелля. Чисто азіатская жестокость проявлялась во время розысковъ. Политическій единомышленникъ Софьи, Василій Голицынъ, жившій въ ужасной далекой ссылкѣ, подвергся новому преслѣдованію. Какой-то чернецъ слыпалъ, какъ ех-регентъ говорилъ о близкой смерти царя; допрошенный нѣсколько разъ, онъ подтвердилъ свой доносъ; между тѣмъ, слѣдствіе выяснило, что монахъ этотъ никогда не видѣлъ

*) Желябужскій, Мемуары, стр. 214 и 225.

***) Стелинъ (Stachlin), стр. 217.

изгнанника, и даже никогда не ѣздилъ въ Яренскъ, гдѣ тотъ жилъ; онъ все выдумалъ „отъ безумія“, какъ назывался особый родъ перваго заболѣванія, очень распространеннаго, во время царствованій Ивана Грознаго и Петра, причиною котораго являлось особое мозговое потрясеніе, вызываемое постоянными посѣщеніями застѣнковъ государственной полиціи. Традиція одобряла систему. Народная пословица: „Кнутъ хоть не ангель, а научить говорить правду“ освящала и оправдывала ее. Петръ былъ убѣжденъ въ правильности, высказанной въ пословицѣ, мысли. Онъ былъ страстнымъ любителемъ этого ужаснаго искусства, испещрялъ рукописными замѣтками поля допросныхъ листовъ, часто лично принималъ участіе въ допросахъ, ловилъ каждое слово, слѣдилъ за малѣйшимъ движеніемъ. Онъ вызвалъ во дворецъ ювелира, подозрѣваемаго въ кражѣ драгоценностей, и два раза допрашивалъ его, каждый разъ пытая его на дыбѣ впродолженія часа; въ тотъ же день, вечеромъ, онъ весело рассказывалъ герцогу Голштинскому о перипетіяхъ допроса **). Онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи армію доносчиковъ и шпіоновъ, и лично помогалъ ихъ усердію, подслушивая у дверей, прислушиваясь къ словамъ гостей, во время пирушекъ, когда обязательныя возліянія горячили головы и развязывали языки.

За чиновниками и военными начальниками, ускользавшими, благодаря отдаленности мѣста ихъ службы, изъ-подъ личнаго наблюденія царя, слѣдили агенты, съ которыми царь сносился непосредственно и которымъ даны были очень широкія полномочія.

При фельдмаршалѣ Шереметевѣ, которому поручено было подавить бунтъ въ Астрахани, роль такого агента исполнялъ простой сержантъ Щепотьевъ; за барономъ Шлейницемъ, парижскимъ министромъ, слѣдилъ писецъ его канцеляріи Юринъ **).

Способъ этотъ былъ, очевидно, не новъ. Почти черезъ столѣтіе Беллегардъ, Дюбуа и Дельма явились въ лагерь Дюмурье въ роли агентовъ конвента.

Революція слѣдуетъ одна за другой и похожи одна на

*) Семевскій, Императрица Екатерина I. Спб., 1884, стр. 154.

***) Голиковъ, т. VIII, стр. 406.

другую. Для современника, автора мемуаровъ, исторія одного года великаго царствованія превращается почти въ голое перечисленіе казней *).

За арестомъ одного обвиняемаго, слѣдовали аресты десятковъ и сотенъ другихъ. Арестованнаго прежде всего пытали, требуя, чтобы онъ назвалъ соучастниковъ преступленія. Онъ называлъ первыя, приходившія ему въ голову, имена. Потомъ ему на голову надѣвали мѣшокъ изъ толстой холстины и водили въ такомъ видѣ по улицамъ; онъ указывалъ палачу на перваго, попавшагося навстрѣчу, прохожаго. Отъ ужаснаго крика „языкъ!“ болѣе ужаснаго, чѣмъ крикъ „горимъ!“, мгновенно, пустили самые людныя кварталы.

„Языками“ народъ прозвалъ этихъ невольныхъ, правда, но, необыкновенно, покорныхъ помощниковъ въ охотѣ за людьми. При появленіи „языка“ происходило всеобщее бѣгство **).

Доносы процвѣтали.

Рядъ указовъ способствовалъ этому, одобряя доносчиковъ, обѣщая имъ награды и грозя ужаснымъ наказаніемъ тѣмъ, кто, имѣя свѣдѣнія, интересующія царя и государство, не сообщить ихъ ***).

Обычное вознагражденіе за доносъ 10 рублей, но при извѣстныхъ обстоятельствахъ такса сильно увеличивалась.

Въ 1722 году на одной изъ московскихъ площадей, у фонаря было положено 10 мѣшковъ, по сто рублей въ каждомъ; на фонарѣ висѣло объявленіе, сообщавшее, что деньги эти получить указавшій автора памфлета противъ царя, который былъ найденъ въ одной изъ кремлевскихъ церквей; кромѣ денегъ, доносчику были обѣщаны земля и должность.

Всякій, пришедшій въ государственную полицію и произнесшій формулу: „Слово и дѣло“ (эти слова указывали на то, что у него есть какія-нибудь подозрѣнія и свѣдѣнія, касающіяся подсуднаго государственной полиціи дѣла), могъ вызвать

*) Желябужскій, стр. 26.

***) Замѣтка издателя.

***) 1 ноября 1705 г.; 2 марта 1711 г.; 25 августа и 25 ноября 1715 г.; 25 января, 26 сентября и 24 декабря 1716.; 16 и 19 апрѣля 1717 г.; 19 января 1718 г.; 16 апрѣля 1719 г.; 9 февраля и 22 іюля 1720 г.; 19 февраля 1721 г.; 11 января 1722 г.

слѣдствіе. Немного требовалось, чтобы доказать обвиненіе; достаточно было какого-нибудь неосторожно сказаннаго слова; иногда даже это не было необходимо. Какой-то крестьянинъ былъ пытанъ и приговоренъ къ вѣчнымъ каторжнымъ работамъ за то, что въ мяномъ видѣ какъ-то особенно поклонился царю. Другой—долженъ былъ раздѣлить его участь за то, что не зналъ о принятіи царемъ императорскаго титула. Какой-то священникъ говорилъ о болѣзни царя и, казалось, допускалъ возможность его смерти:—священника сослали въ Сибирь. Какая-то женщина нашла у себя въ погребѣ, на бочкѣ съ пивомъ, анонимныя письма, написанныя на незнакомомъ языкѣ; на допросѣ она не могла объяснить ихъ значенія:—она умирала подъ ударами кнута. Другая женщина прервала церковную службу дикимъ крикомъ; она была слѣпа и, вѣроятно, подвержена эпилептическимъ припадкамъ; ее заподозрили въ умышленномъ безчинствѣ и „поставили на допросъ“. Пьяный школьникъ говорилъ непристойныя слова:—ему дали 30 ударовъ кнутомъ и вырвали ноздри; потомъ его приговорили къ вѣчнымъ каторжнымъ работамъ. Я цитирую официальные документы,—протоколы секретной канцеляріи*), и, если бы не кнутъ, я смѣшалъ бы ихъ съ протоколами трибуналовъ, председателями которыхъ были Кутонъ и Сень-Жюсть.

Идеи милосердія, конечно, не были совершенно чужды Петру. Въ этомъ онъ стоитъ выше общаго типа революціонеровъ и это подтверждаетъ данный мною очеркъ его характера. Въ 1708 году царь совѣтовалъ Долгорукому дать снисхожденіе нѣкоторымъ участникамъ Булавинскаго бунта. Долгорукій удивился,—царь настаивалъ: въ иныхъ случаяхъ строгость необходима, въ другихъ она совершенно не нужна. Но удивленіе Долгорукаго доказываетъ, насколько чаще применялись мѣры строгости, во время этого режима. Такой режимъ продолжался до самой смерти Петра. Какъ можно было такъ долго выносить его? Его выносили потому, что онъ, соотвѣтствовалъ нравамъ страны. Всѣ поддерживали

*) Семевскій, Слово и дѣло, стр. 54.

его. Чувство осужденія самаго акта доноса и чувство негодования противъ доносчика не проснулось еще.

Полтора вѣка спустя душа нации оставалась почти такою же нетронутой. Одинъ изъ популярнѣйшихъ національныхъ поэтовъ въ популярнѣйшемъ, можетъ быть, изъ своихъ произведеній, рассказываетъ о казакѣ, скачущемъ по степи съ доносомъ къ царю

На устахъ Великаго Преобразователя постоянно была угроза—это характерно для всей его работы. Неплюевъ, посланный въ Константинополь, въ качествѣ резидента, назвалъ царя, при прощаньи, „отцомъ“; царь перебилъ его: „Коли хорошо послужишь, буду тебѣ отцомъ, а коли нѣтъ—то судьей немилосерднымъ!“ (**).

Отдавая приказанія генералу Рѣпинину, о недопущеніи ввоза въ Ригу лѣса изъ Польши, царь прибавилъ: „Если хоть одно полѣно пройдетъ, клянусь Богомъ, быть тебѣ безъ головы“ (***) Эти угрозы не были лишь громкими словами. Когда, въ 1696 году, царь писалъ своему другу Виніусу о какомъ-то неаккуратномъ корреспондентѣ: „Скажи ему, что все, что онъ не напишетъ на бумагѣ, я напишу у него на спинѣ“,—всѣ знали, что царь не употребляетъ метафоръ (*†). Онъ часто приглашалъ къ себѣ въ кабинетъ чиновника (маленькаго или занимающаго высокую должность), которымъ былъ недоволенъ, и ударомъ дубинны свидѣтельствовалъ свое недовольство. Эта расправа считалась признакомъ благоволенія, такъ какъ и преступленіе виновнаго и его наказаніе оставались тайной. Свидѣтелемъ экзекуціи бывалъ обыкновенно кто-нибудь изъ близкихъ слугъ, напр. Нартовъ, а потерпѣвшіе, выйдя изъ кабинета, держали себя такъ, что

*) Пушкинъ, Полтава, пѣснь 1-я, изд. 1887 г., т. III, стр. 118.

**) Голиковъ, т. VIII, стр. 132.

***) 19 мая 1705 г. Письма, т. III, стр. 346.

*†) 15 мая 1696 г. Письма, т. I, стр. 90.

трудно было догадаться о происшедшем тамъ. Часто царь приглашалъ ихъ, въ тотъ же день, къ обѣду. Иногда, однако, дубинка работала и при публикѣ, въ канцеляріяхъ коллегій и даже на улицѣ. Иногда царь возлагалъ исполненіе этого виѣсудебнаго наказанія на третье лицо; это служило доказательствомъ большого уваженія и дружбы. Капитанъ Сипявинъ первый захватилъ два шведскихъ корабля и заслужилъ этимъ временную милость царя. Петръ призвалъ его какъ-то и сказалъ ему приблизительно слѣдующее: „Завтра обѣдай у такого-то, найди поводъ для драки и дай ему, въ моемъ присутствіи, 50 хорошихъ ударовъ палкой“. Такимъ образомъ, одинъ человѣкъ былъ наказанъ, а другой награжденъ, такъ какъ царь считалъ, очевидно, очень почетнымъ участіемъ въ подобныхъ расправахъ *).

Однажды, во время персидской войны, другой любимецъ царя, Волинскій, подошелъ вечеромъ къ императорской палаткѣ. Неожиданно, безъ всякихъ предварительныхъ объясненій, онъ былъ осыпанъ градомъ ударовъ. Вдругъ Петръ остановился; темпота и случайное сходство обманули его:—онъ ошибся! Онъ сказалъ спокойно: „Не бѣда, другой разъ заслужишь то, что сегодня получилъ. Не забудь только напомнить мнѣ, что получено впередъ!“

Дѣйствительно случай для сведенія счетовъ представился довольно скоро **).

Конечно, вспыльчивость и горячность царя играли извѣстную роль въ этихъ упрощенныхъ расправахъ, но онѣ составляли въ то же время часть системы и являлись плодомъ обдуманнаго желанія.

Зайдя, неожиданно, въ каюту какого-то капитана, Петръ замѣтилъ въ его рукахъ книгу; офицеръ тщетно старался скрыть ее отъ взоровъ царя. Царь взглянулъ на открытую страницу и прочелъ слѣдующій афоризмъ: „Русскій похожъ на треску:—если его не бить часто, изъ него не выйдетъ толку“.

Царь улыбнулся и сказалъ, уходя: „Полезное чтеніе! ты получишь повышеніе по службѣ“).

*) Мемуары, опубл. княземъ Голицынымъ. Парижъ, 1862, стр. 133.

**) Шереръ, т. III, стр. 32.

Царь употреблялъ дубнику, какъ я уже сказалъ, только наказывая друзей, которыхъ онъ любилъ и которыхъ хотѣлъ пощадить. Остальныхъ карало иначе вооруженное правосудіе. Характерной чертой уголовного законодательства того времени является однообразіе наказаній. Законодатель не принимаетъ во вниманіе степень виновности, онъ думаетъ только о пользѣ, которую принесетъ, по его мнѣнію, пресѣченіе преступленія. Эта польза есть польза государственная, и она не признаетъ, такъ сказать, постепенности наказаній. Указы и регламенты гражданскаго права были также суровы, какъ регламенты военные.

Смерть солдату, который испускаетъ „дикіе крики“, идя на приступъ, и останавливается, чтобы поднять раненаго, если даже раненый этотъ—его родной отецъ...

Смерть и канцелярскому писцу, не покончившему дѣло, въ продолженіи предписаннаго закономъ времени... *).

Смерть, смерть, почти всегда...

Къ концу царствованія взаимный страхъ среди окружающихъ царя и всеобщее взаимное недоувѣріе сдѣлали жизнь невыносимой. Онъ слѣдилъ за всѣми, и всѣ слѣдили за нимъ, и другъ за другомъ подозрительно и недоувѣрчиво. Онъ скрывалъ всѣ свои самыя пустяшныя намѣренія, и всѣ подражали ему въ этомъ. Непроницаемой таинственностью окружали все, что дѣлалось, всѣ дипломатическіе и всякіе другіе переговоры. Разговаривали только шопотомъ. Въ письмахъ употребляли исключительно неясныя выраженія.

Въ февралѣ 1723 года, въ гостяхъ у князя Долгорукова, Остерманъ отозвалъ незамѣтно Кампредона и, съ тысячами предосторожностей, подвелъ его къ окну: ему нужно было поговорить съ нимъ секретно отъ царя. Кампредонъ приготовился внимательно слушать, но слова, внезапно, застыли на устахъ канцлера; онъ заговорилъ о пустякахъ. Третій былъ слишкомъ близко:—самъ царь подходилъ къ нимъ. Онъ ласково пригласилъ Кампредона сѣсть рядомъ съ собой, сказалъ ему нѣсколько любезностей, но при первой попыткѣ посланника заговорить о дѣлѣ, перебилъ его и громкимъ воскли-

*) Письма и замѣтки Петра, т. III, стр. 77. Филиповъ, Петръ Великій и уголовный законъ, стр. 283 и сл.

цаніемъ заглушилъ его слова; уходя онъ сказалъ тихо: „Я прикажу, чтобы съ Вами переговорили“. Дѣло шло о бракѣ великой княжны Елизаветы съ герцогомъ Шартрскимъ, и первое свиданіе, которое въ концѣ-концовъ далъ Остерманъ Кампредону, произошло въ 6 часовъ утра *); въ это время было легче избавиться отъ нескромныхъ ушей.

За два года до этого, во время переговоровъ объ обезпеченіи наслѣдства, начатыхъ въ декабрѣ 1721 года, свиданія царя съ Кампредономъ происходили безъ вѣдома Остермана, въ домѣ Ягужинскаго. Петръ прежде всего хотѣлъ выяснитъ очень важный для него, но не имѣющій никакого отношенія къ этому дѣлу, вопросъ. Во время своего пребыванія въ Парижѣ, онъ лично началъ вести другіе переговоры; его тайна была выдана. Какимъ образомъ и кѣмъ? Кампредонъ былъ принужденъ послать курьера къ регенту, чтобы какъ можно скорѣй выяснитъ этотъ вопросъ. По своему обыкновенію, регентъ сообщалъ о депешѣ своего агента англійскому королю, который не смущаясь написалъ на поляхъ депеши: „Все это меня убѣждаетъ, что старающіеся погубить другъ друга министры царя нашли способъ внушить ему подозрѣніе и что онъ горитъ желаніемъ найти предлогъ, и поскорѣй посадить кого-нибудь изъ нихъ на колъ. Я думаю, что только это его интересуетъ“. И немного дальше: „Это убѣждаетъ меня, что царь хочетъ посадить на колъ котораго-нибудь изъ нихъ“ **).

Странно то, что жестокость карательныхъ мѣръ, принятыхъ неумолимымъ судьей, желавшимъ внушить своимъ подданнымъ идею долга, не могла пресѣчь многочисленныхъ побѣговъ, число которыхъ все увеличивалось. Военный регламентъ предлагалъ клеймитъ рекрутъ такъ, какъ клеймили ка-торжниковъ. Создалась легенда, рассказывающая, что, отступившій отъ истинной вѣры, царь кладетъ на своихъ слугъ печать Антихриста.

Клеймо, дѣйствительно, имѣло видъ креста, его накалывали на лѣвой рукѣ и посыпали порохомъ, который затѣмъ зажи-

*) Депеша Кампредона отъ 12 февраля 1723. Мин. Ин. дѣлъ во Франціи.

***) Депеша Кампредона, 21 декабря 1721 г.

гали. Нужно обратить вниманіе на одно изъ писемъ Петра, въ которомъ онъ, одновременно, намекаетъ на эту варварскую мѣру и дѣлаетъ распоряженія, которыя указываютъ на очень заботливое отношеніе къ бѣднымъ клейменымъ *).

Эти противорѣчія выдають практической геній преобразователя. Онъ—практикъ, и пускаетъ въ ходъ самые простыя и удобныя способы, чтобы съ большей пользой употребить находящіяся въ его рукахъ человѣческія силы и извлечь продуктъ лучшаго качества; вѣчно стремящійся къ крайностямъ, умъ побуждалъ Петра злоупотреблять этими способами.

Бѣгство со статской службы наказывалось, какъ я уже говорилъ, безчестьемъ и объявленіемъ внѣ закона. „Если,—говоритъ указъ 1722 года,—кто обокрадетъ одного изъ этихъ бѣглецовъ, ранить его или убьетъ, то отвѣтственности за этотъ поступокъ не подлежитъ“. Списки именъ этихъ out laws (стоящихъ внѣ закона) вывѣшивались для всеобщаго свѣдѣнія на висѣлицахъ. Половина имущества бѣглеца обѣщалась тому, кто отдастъ его въ руки полиціи, другая половина отходила въ казну; задержанный дѣлался крѣпостнымъ задержавшаго его... **) И побѣги все-таки не прекращались.

„Передъ царемъ—передъ смертью“, говоритъ народная пословица. Отъ царя предпочитаютъ прятаться. Присутствіе въ свитѣ царя многочисленныхъ выскочекъ, людей низкаго происхожденія, какъ Меньшиковъ, Лукинъ, Троекуровъ, Владимировъ, Склаевъ, Поспѣловъ, объясняются не только личными вкусами царя, но и всеобщимъ бѣгствомъ знатныхъ семей ***). Эти выскочки увеличивали тяжесть системы, часть которой они составляли.

Личное управленіе Петра было очень жестоко, невыносимо и безпокойно; но, когда оно становилось простой фyxціей, никто не выигрывалъ отъ этого. Царь не могъ, несмотря на свои удивительныя способности и энергію, лично слѣдить за всѣмъ и все держать въ рукахъ. Когда армія, путешествіе по Европѣ или поѣздки по огромнымъ русскимъ губерніямъ за-

*) Русскій Архивъ, 1873 г., стр. 2067 и 2296.

**) Голиковъ, т. IX, стр. 48.

***) Штраленбергъ, стр. 238 и сл.

держивали его, власть переходила въ руки „Меньшиковыхъ“. Они пользовались ей по-своему, употребляли ее большей частью во зло и время отъ времени должны были давать отчетъ, который нерѣдко исправляла рука палача. Живя какъ и всѣ, отъ утра до вечера, въ постоянномъ мучительномъ страхѣ, они широко пользовались короткими часами свободы и увеличивали и безъ того огромное давленіе тисковъ машины, которая рано или поздно должна была раздавить ихъ.

Фаворитизмъ, стоявшій Россіи столько золота, слезъ и крови, не былъ созданіемъ Петра. Это еще одно наслѣдіе прошлаго, отъ котораго онъ не могъ отказаться, еще одна традиція, которую онъ осыятилъ и упрочилъ.

Наслѣдникъ и продолжатель оставленныхъ предками традицій, онъ сохранилъ ихъ даже въ области экономической жизни, совершенно, казалось бы, перевернутой имъ. Онъ отказался отъ монополіи и торговыхъ привилегій короны, которыя дѣлали его предшественниковъ первыми купцами страны. Въ сентябрѣ 1711 года, приказывая прислать изъ Любека въ Петербургъ нѣкоторую сумму денегъ, онъ предлагалъ пополнить грузъ находившагося тамъ бомбардирскаго судна транспортомъ товаровъ, который расчитывалъ перепродать за хорошую цѣну въ Петербургъ *).

Это совсѣмъ въ духѣ старыхъ хозяевъ Кремля, этихъ скупщиковъ самыхъ разнообразныхъ товаровъ, не брезговавшихъ маленькими барышами.

Во время маскарада, входившаго въ программу празднествъ, устроенныхъ въ 1722 году въ Москвѣ, на долю бородатаго Нептуна выпала очень странная роль: вѣрноподданные царя должны были привязывать золотые дукаты къ волоскамъ его символической бороды, обрѣзанной, въ концѣ маскарада, ножицами брадобрѣя,—роль котораго исполнилъ Петръ. Гвардейскій капитанъ и писецъ сопровождали бога морей, вели счетъ дукатамъ и записывали имена жертвователей **).

Духомъ прошлаго вѣяло даже отъ его *mis-en-scènes*, искусствомъ, устраивать которыя, онъ владѣлъ въ совершенствѣ.

*) Голиковъ, т. V, стр. 536.

**) Бергхольцъ, Büschings-M. т. XX, стр. 358.

„Послѣ одержанной, легчайшей побѣды,—пишетъ голландскій резидентъ Ванъ-деръ-Хюльстъ въ 1700 г., „здѣсь подняли такой шумъ, точно перевернули весь міръ“.

Пушечные залпы, фейерверки, повышенія, раздача награды слѣдовали одни за другими, во время самаго несчастнаго періода шведской войны. Говорятъ, что Петръ преслѣдовалъ похвальную цѣль, что необходимо было измѣнить настроеніе общества, не дать ему растеряться, ободриться, можетъ быть, и самому. Но все же въ этомъ способѣ, употреблявшемся Софьей, чувствуется Востокъ. Приглашенный въ 1705 году къ царскому столу, англійскій посланникъ Витвортъ (Whitworth) встрѣтился у царя съ изувѣченнымъ русскимъ солдатомъ, увѣрявшимъ, что шведы изувѣчили такимъ образомъ его и его 44-хъ товарищей. Ссылаясь на его рассказъ, царь долго говорилъ о варварствѣ противниковъ, забывая о варварствѣ народа, главой котораго онъ былъ. Никогда въ Россіи не обращались такъ со шведскими плѣнниками! 45 изувѣченныхъ солдатъ будутъ отправлены въ полкъ, чтобы предупредить товарищей, что готовить имъ безчестный врагъ! Ударъ не достигъ цѣли. Витвортъ ни слова не понялъ изъ рассказовъ солдата и остался при убѣжденіи, что надъ нимъ смѣялись *).

Но отъ всей этой сценки вѣетъ чисто византійскимъ духомъ.

И эта интимная, крѣпкая связь съ душой и тѣломъ своего народа, съ его прошлымъ и настоящимъ, позволила Петру прочно и глубоко войти въ его жизнь. Его деспотизмъ болѣе логичный, свободный частью отъ вліянія воздуха страны, былъ немного болѣе ограниченъ. И, именно, эти противорѣчія Преобразователя способствовали до нѣкоторой степени жизненности его реформы.

*) Денеша отъ 2 мая 1705 г. Сборникъ, т. XXXIX, стр. 79.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Интимная жизнь.

I. Домикъ въ Петербургѣ. Обѣдъ лоцмана. Катя. Дворецъ и деревенскіе дома. Лица въ Стрѣльнѣ. Петергофъ. Царское село. Ревель. II. День великаго чловѣка. Утро. Утренняя работа. За столомъ. Семейныя обѣды и обѣды званые. Кухня Екатерины. Что Петръ ѣлъ и что оупъ пилъ. Роскошь двора и домашняя простота. Карета Меньшикова и одноколка царя. Какъ оупъ одѣвался. Грубость и нечистоплотность. Тараканы. III. Развлеченія. Не охотникъ и не игрокъ. Любимое развлеченіе на водѣ. Зимняя навигація. Петербургъ на морѣ. Животныя. Лизетъ и Финетъ. Политическая роль собаки. IV. Въ обществѣ. Встрѣча съ маркграфиней Байрейтской. Въ нѣмецкой слободѣ. Товарищи забавъ. Вечеръ. Подушка царя. Денщики. Свадьба фаворита. Дѣвица Матвѣева.

I.

Въ ноябрѣ 1703 года первый торговый корабль, голландскій галіотъ, съ грузомъ соли и вина, пришелъ изъ Фрисланда и вошелъ въ устье Невы. Въ честь капитана былъ устроенъ банкетъ, въ домѣ петербургскаго губернатора; его самого и его людей осыпали подарками *). Но прежде всего обратилъ вниманіе на гостепріимство лоцмана, который провель его судно въ портъ. Оупъ обѣдалъ съ этимъ лоцманомъ и его женой въ скромной хижинѣ, омываемой рѣкой; его угощали національными русскими блюдами, а на десертъ подали лакомства, заимствованныя на его родинѣ. Не желая остаться въ долгу передъ гостепріимными хозяевами, капитанъ досталъ изъ своей сумки жирный сыръ и кусокъ полотна и подаль ихъ хозяйкѣ дома, прося позволенія поцѣловать ее.

— Не спорь, Катя!—сказаль лоцманъ. „Ты вѣдь и не ду-

*) Устряловъ, т. IV, 1-я ч., стр. 252.

мала въ молодости, что тебѣ придется носить рубашки изъ такого полотна“.

Въ эту минуту голландецъ отпрянулъ, отъ внезапно открывшейся сзади него двери: на порогѣ стоялъ человекъ, въ великолѣпномъ, сверкающемъ золотыми украшеніями платьѣ; онъ склонился до земли, отвѣчая на ласковыя слова, съ которыми обратился къ нему супругъ Кати.

Я боюсь, что разсказъ этотъ выдуманъ. Во всякомъ случаѣ онъ долженъ относиться къ болѣе позднему времени: въ 1703 году, Екатерина не заняла еще мѣста у очага своего будущаго мужа. Но, тѣмъ не менѣе, разсказъ этотъ вполне правдоподобенъ; онъ хорошо рисуетъ интимную жизнь Петра. Проводить въ портъ голландскіе или еще какіе-нибудь корабли, приглашать къ обѣду и мистифицировать капитановъ простою обстановкой и манеръ—все это соотвѣтствовало привычкамъ царя. А домикъ, бывший свидѣтелемъ описанной сценки, и сейчасъ можно видѣть въ Петербургѣ. Его выстроили голландскіе рабочіе и моделью для него служили дома, видѣнные путешественникомъ-Петромъ въ 1697 году, въ Заандамѣ. Крыша, покрывающая низкій, изъ обтесанныхъ бревенъ срубъ, сдѣлана изъ драги, которая замѣняетъ красивую, красную голландскую черепицу.

Домикъ одноэтажный и состоитъ изъ двухъ небольшихъ комнатъ, раздѣленныхъ корридормъ, и кухни. Всего въ домѣ 7 оконъ. Снаружи онъ расписанъ въ голландскомъ вкусѣ краснымъ и зеленымъ. На крышѣ—украшенія: мортира и зажженные бомбы, сдѣланные изъ дерева. Внутри, двери покрыты бѣлымъ полотномъ, а дверныя и оконныя рамы расписаны букетами цвѣтовъ. Правая комната служила кабинетомъ и пріемной; лѣвая—столовой и спальней *).

Въ лѣвой комнатѣ сооружена теперь часовня и вѣрующіе приходятъ туда молиться и зажигать свѣчи передъ образомъ Спасителя, вѣнзу котораго Елизавета написала первыя слова „Отче нашъ“.

Я не видѣлъ этой часовни пустой. Въ правой комнатѣ собраны реликвіи,—деревянная мебель, почищенная великимъ

*) Булгаковскій, „Домъ Петра“; Спб., 1891. Рубанъ „Топографическое описаніе Петербурга“. Спб., 1779.

человѣкомъ и, увы, подкрашенная въ 1850 году: шкафъ, два комода, столъ, скамья, на которой царь сидѣлъ обыкновенно передъ дверью, отдыхалъ и смотрѣлъ на развѣвajícíся на Петропавловской крѣпости флагъ, и домашняя утварь, инструменты, которыми онъ работалъ. Этотъ небольшой (18 метровъ \times 6), скромный домикъ былъ дорогъ своему хозяину. Онъ очень сожалѣлъ, когда ему пришлось оставить его и переселиться въ такой же почти скромный дворецъ. Царь любилъ строить города, но не любилъ жить въ нихъ. Въ 1708 году онъ искалъ въ мало привлекательныхъ окрестностяхъ своей любимой столицы, мѣсто, гдѣ можно было бы жить по-деревенски. Выборъ его остановился на берегахъ Стрѣльны, маленькой быстроходной рѣчки. Тамъ, въ одинъ сезонъ, лично помогая рабочимъ, онъ выстроилъ болѣе удобный домъ, состоявшій изъ 2-хъ залъ и восьми комнатъ; съ нимъ была уже въ это время Екатерина и дѣти. Отъ этого дома теперь ничего не осталось; чо, находившаяся близъ него липа, въ вѣтвяхъ которой устроена была бесѣдка, — цѣла. Петръ влѣзалъ въ нее по лѣстницѣ, курилъ тамъ трубку, пилъ чай изъ голландскихъ чашекъ и слушалъ пѣніе, привезеннаго изъ Голландіи, самовара; эта, націонализированная впоследствии, утварь, извѣстная въ Европѣ подъ своимъ картиннымъ именемъ, была заимствована у нея такъ же, какъ и все остальное. Употреблявшійся въ Европѣ спиртъ замѣнили въ Россіи болѣе дешевымъ топливомъ—угольями. Рядомъ съ липой высятся „Петровскіе питомцы“, могучіе дубы, посаженные монархомъ. Онъ выростилъ также изъ зеренъ, собранныхъ имъ въ горахъ Герца, сосны, осѣнявшія подъѣздъ дворца, выстроеннаго въ этомъ сельскомъ уголкѣ.

Когда Екатерина сдѣлалась императрицей, пришлось, сообразуясь съ ея новымъ положеніемъ, поселить въ Стрѣльнѣ ея дворецъ. Дачная жизнь стала шумной и многолюдной, и Петръ разлюбилъ ее. Онъ подарилъ этотъ уголокъ великой княжнѣ Аннѣ (1722) и уѣхалъ въ Петергофъ *).

Увы!.. Дворецъ императрицы послѣдовалъ за нимъ. Въ Пе-

*) Пыляевъ, „Забытое прошлое окрестностей Петербурга“, Спб. 1889, стр. 216.

тергофъ выстроили роскошный дворецъ и устроили французскій паркъ съ фонтанами, напоминающими Версаль. Петръ отказался жить тамъ. Онъ выстроилъ недалеко отъ дворца голландскій домикъ, который до сихъ поръ носитъ его имя. Домикъ этотъ, уже менѣе скромный и убранъ съ фламандской роскошью: бѣлыя стѣны очень узкой спальни выложены отполированными изразцовыми плитами; потолокъ расписанъ цвѣтами, на каминѣ—великолѣпный Дельфтскій фарфоръ. Не вставая съ постели Петръ могъ видѣть Кропслоотъ и пересчитать суда своего флота. Нѣсколько шаговъ отдѣляли постель отъ двери, и почти отъ двери шлюпка везла Петра къ устьямъ Невы.

Благодаря кочевымъ привычкамъ царя, число деревенскихъ домовъ съ каждымъ годомъ увеличивалось. Одинъ изъ нихъ, деревянный, какъ и всѣ остальные, былъ выстроенъ въ Царскомъ селѣ. Легенда пытается произвести названіе этой, столь знаменитой впоследствии, мѣстности отъ имени m-me Саари, къ которой Петръ заходилъ изрѣдка пить молоко. Болѣе вѣроятнымъ кажется происхожденіе этого названія, отъ финскаго названія мѣстечка, „Saarimoys“, что значитъ „высокая деревня“. Въ Ревелѣ также существовалъ деревянный домикъ, замѣненный, въ концѣ царствованія, тяжелымъ, безвкуснымъ дворцомъ. Петръ при всякомъ удобномъ случаѣ покидалъ этотъ дворецъ.

Сохранившійся домикъ состоятъ изъ спальни, столовой, бани и кухни. Въ спальнѣ находится довольно узкая двухспальная кровать, съ возвышеніемъ въ ногахъ. На немъ располагались обыкновенно деньщики, охранявшіе сонъ господъ.

II.

Петръ не любилъ, какъ извѣстно, много спать. Обыкновенно онъ вставалъ въ 5 ч., если же были какія-нибудь спѣшныя дѣла, какой-нибудь тайный совѣтъ, если нужно было спѣшно отправить курьера или дать инструкціи уѣзжавшему послу, царь подымался на часъ или на два раньше этого времени. Вставъ съ постели, Петръ въ продолженіи получаса рассказывалъ

по комнатамъ въ нижнемъ бѣльѣ, въ туфляхъ на босу ногу и бумажномъ колпакѣ, обшитомъ зелеными лентами. Несомѣнно, онъ обдумывалъ въ это время предстоящую днемъ работу. Потомъ входилъ секретарь Макаровъ и читалъ вслухъ царю рапорты, ежедневно подаваемые начальниками, всевозможныхъ вѣдомствъ. Быстро и плотно позавтракавъ, царь уходилъ изъ дому, если была хорошая погода, пѣшкомъ, или уѣзжалъ въ своей одноколкѣ. Онъ отправлялся на верфи, осматривалъ строящіяся суда и, въ концѣ-концовъ, неизмѣнно шелъ въ Адмиралтейство. Тамъ онъ выпивалъ стаканъ водки, закусывалъ кренделемъ, а затѣмъ работалъ до часа, т.-е. до обѣда. Въ маленькомъ дворцѣ, окруженномъ теперь Лѣтнимъ садомъ, кухня прилегаетъ къ столовой и сообщается съ ней дверкой, черезъ которую проносили кушанья. Петръ не выносилъ присутствія многочисленной прислуги за обѣдомъ, это чисто голландская черта. Когда онъ обѣдалъ вдводемъ съ женой, за столомъ прислуживалъ молоденькій казачокъ и довѣренная горничная императрицы. Когда къ обѣду были приглашены гости, блюда подавалъ самъ поваръ Вельтентъ, съ помощью одного или двухъ деньщиковъ. Когда приносили десертъ и передъ каждымъ изъ гостей ставили бутылку, Петръ приказывалъ слугамъ удалиться.

Обѣды, устроенныя въ домѣ царя, были всегда очень просты. Въ торжественныхъ случаяхъ обѣдали у Меншикова; французскіе повара готовили роскошный обѣдъ, въ который входило до 200 блюдъ; столъ убирался дорогой фарфоровой и золотой посудой.

Въ Большомъ Лѣтнемъ дворцѣ было двѣ столовыхъ и двѣ смежныхъ съ ними кухни. Въ 1714 году Петръ заботливо занялся устройствомъ этихъ кухонь; онѣ были довольно просторны и выложены, по стѣнамъ, пазцами. Петръ хотѣлъ, чтобы „хозяйка“ могла лично смотрѣть за кухней и, при случаѣ, сама готовить кушанье. Екатерина, не будучи искусной кухаркой (она занималась, главнымъ образомъ, стиркой въ домѣ своихъ прежнихъ хозяевъ)—владѣла тѣмъ не менѣе кулинарными талантами *).

*) Стелинъ (Stæhlin), стр. 109. Нартовъ, стр. 53. Голиковъ, т. V, стр. 570, примѣчаніе.

Петръ любилъ поѣсть. Въ октябрѣ 1712 года, въ Берлинѣ, онъ обѣдалъ у королевскаго принца, пообѣдавъ предварительно у канцлера Головкина, и оба раза ѣлъ съ большимъ аппетитомъ. Рассказывая о второмъ изъ этихъ обѣдовъ, посланникъ польскаго короля Мантофель хвалить царя, говоря: „онъ не рычалъ, не п..... и не ковырялъ въ зубахъ или, по крайней мѣрѣ, я не видѣлъ и не слышалъ этого“.

Прежде чѣмъ подать руку королевѣ, царь надѣлъ „довольно-грязныя перчатки“ *).

Царь всегда носилъ съ собой столовый приборъ: деревянную ложку, отдѣланную слоновой костью, и стальные ножикъ и вилку съ зелеными костяными черенками.

Онъ любилъ простыя, народныя кушанья: щи, кашу, черный хлѣбъ, и не выносилъ сладкихъ блюдъ и рыбы. Во время великаго поста онъ употреблялъ мучную пищу и овощи. Впродолженіи трехъ послѣднихъ лѣтъ своей жизни, онъ, по совѣту врача, прекращалъ время отъ времени употребленіе спиртныхъ напитковъ или, по крайней мѣрѣ, старался не злоупотреблять ими. Благодаря этому у иностранцевъ-путешественниковъ, посѣтившихъ царя въ этотъ періодъ, составилось представленіе о его трезвости. О ней говорить, напр., Лангъ, сопровождавшій царя во время персидской кампаніи.

Въ періодъ, вынужденнаго, воздержанія царь пилъ кислыя щи, ароматизированныя англійской мятой и изрѣдка, только не удержавшись, выпивалъ нѣсколько стакаповъ водки. Періоды эти были очень непродолжительны. Онъ возвращался къ прежнему образу жизни и пилъ, стараясь только не смѣшивать спиртные напитки и употреблять, почти исключительно, медокъ и кагоръ. Въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни, онъ употреблялъ, по совѣту шотландца, медика Эрескинса, лѣчившаго его отъ поноса, только виноградное вино **).

Въ каретномъ сараѣ императора, я вижу лишь двѣ четырехмѣстныя кареты императрицы и извѣстную пизенькую одноколку, выкрашенную въ красный цвѣтъ. Зимой ее замѣняли маленькія санки. Царь садился въ карету только, когда прихо-

*) Письмо графу Фламмингу. Сборникъ, т. XX, стр. 59.

**) Стелинъ (Staeclin), стр. 272 и сл.

дилось встрѣчать какого-нибудь знатнаго гостя и въ такихъ случаяхъ пользоваться каретой Меншикова.

Фаворитъ владѣлъ великолѣпными экипажами. Шесть лошадей въ малиновой, бархатной, украшенной серебромъ сбруѣ, запрягались въ его раззолоченную карету. На дверцахъ ея красовалась княжеская корона; скороходы и лакеи, въ богатыхъ ливреяхъ шли впереди; роскошно одѣтые казачки и музыканты—сзади; шесть камеръ-юнкеровъ и отрядъ драгунъ дополняли кортежъ *).

Петру была чужда эта роскошь. Обычно онъ ходилъ въ костюмъ, похожемъ на костюмъ крестьянина: лѣтомъ,—кафтанъ изъ толстаго сукна, фабрики Сердюкова, которой царь покровительствовалъ, тафтяная жилетка, шерстяные, большей частью, заштопанные чулки, грубые ботинки на толстой подошвѣ, съ очень высокими каблуками и стальными или мѣдными пряжками; на головѣ—фетровая треугольная шляпа или бархатный картузь. Зимой картузь замѣняла баранья шапка, ботинки—мягкіе сапоги изъ оленьей шкуры, шерстью вверхъ; кафтанъ подбивался мѣхомъ—спереди клался соболь, на спицѣ и въ рукава—бѣличій мѣхъ.

Въ деревнѣ царь носилъ мундиръ, полковника Преображенскаго полка: платье изъ толстаго, зеленого голландскаго сукна на подкладкѣ изъ одноцвѣтной тафты, отороченное узкимъ золотымъ галуномъ; камзолъ изъ очень толстой оленьей шкуры; шапку безъ галуна, шпагу въ простомъ черномъ чехлѣ и черный кожаный воротникъ. Петръ очень любилъ тонкое, бѣлое голландское бѣлье; поддаваясь этой слабости, онъ измѣнялъ своей обычной простотѣ, внушенной отчасти, бережливостью.

Когда Екатерина развернула предъ Петромъ великолѣпный коронаціонный костюмъ, о которомъ я уже говорилъ, онъ сердитымъ жестомъ схватилъ вышитую серебромъ ткань и, встряхнувъ, уронилъ нѣсколько блестокъ.

— Смотри, Катенька, — сказалъ онъ, — если здѣсь подмести, то, какъ разъ, соберешь на жалованье одному изъ моихъ гренадеровъ.

Голландкѣ не удалось внушить ему своихъ вкусовъ и

*) Пыляевъ, стр. 379.

своихъ попятій объ опрятности и домашнемъ порядкѣ. Въ 1713 году, въ Берлинѣ, королева приказала вынести всю мебель изъ отведеннаго царю дома „Monbijou“, и эта предосторожность отнюдь не была лишней. Самый домъ пришлось почти перестраивать, такъ какъ въ немъ, по словамъ маркграфини Байретской, „не осталось камня на кампѣ“. Только одна черта плохо вязалась съ этими отвратительными привычками, развившимися подъ влияніемъ сосѣдняго Востока: Царь питалъ отвращеніе къ насѣкомымъ, которыми тогда, какъ къ несчастью и теперь, были полны московскіе дома. Онъ почти лишался чувствъ при видѣ таракана. Какой-то офицеръ, у котораго онъ обѣдалъ, желая угодить своему гостю, раздавилъ одного изъ нихъ на стѣнѣ. Петръ вскочилъ изъ-за стола, осыпалъ несчастнаго ударами палки и сейчасъ же ушелъ.

III.

Развлеченія царя соотвѣтствовали его вкусамъ. Они были мало изысканны. Онъ не любилъ охоты и расходился въ этомъ со своими предками—страстными сокольниками, которые съ увлеченіемъ били медвѣдей и волковъ. Это подобіе войны оскорбляло его практическій умъ. Онъ не любилъ и войны, и предпринималъ ее только тогда, когда имѣлъ въ виду полученіе выгодъ.

Однажды, въ началѣ царствованія, его уговорили принять участіе въ охотѣ съ борзыми, онъ согласился подъ условіемъ, что всѣ псары и доѣзжачіе будутъ отпущены. Онъ сыгралъ злую шутку со своими друзьями и далъ имъ почувствовать, насколько условно это развлеченіе. Оставшіяся безъ присмотра собаки взбунтовались, онѣ рвались со сворь и бросались подъ ноги лошадей; черезъ нѣсколько минутъ половина всадниковъ лежала на землѣ и охота кончилась при всеобщей суматохѣ. Петръ предложилъ возобновить ее на слѣдующій день, но попадавшіеся въ ловушку охотники, отказались

Многіе изъ нихъ слегли въ постели *).

*) Голиковъ, т. I, стр. 28.

Царь терпѣть не могъ карточной игры и называлъ ее забавой воровъ. На морѣ и на сушѣ было запрещено, подъ страхомъ строгаго наказанія, проигрывать больше рубля въ вечеръ. Иногда, однако, царь, изъ уваженія къ своимъ гостямъ—голландскимъ матросамъ, составлялъ партію, голландскій *gravias*.

Онъ охотно и хорошо игралъ въ шахматы. Онъ курилъ и нюхалъ табакъ, и въ 1697 году, въ Конненбрюгге обмѣнялся табакерками съ курфюрстиной Бранденбургской. Его страстью была вода. Онъ катался на лодкѣ, когда Нева почти на три четверти одѣвалась льдомъ и оставалось не болѣе сотни квадратныхъ футовъ незамерзшей воды. Часто, зимой, онъ приказывалъ сдѣлать во льду узкій каналъ и предавался своему любимому спорту *).

Въ 1706 г. онъ хлопалъ въ ладоши, какъ дитя, когда прѣхавъ въ столицу, увидалъ, что улицы ея затоплены водой и что вода, на два фута залила его комнату **). *Онъ чувствовалъ себя вполне хорошо* только на палубѣ корабля. Только тяжелая болѣзнь могла заставить его спать на сушѣ, если портъ былъ рядомъ. Онъ говорилъ, что море необходимо для его здоровья, и въ 1722 году въ Ригѣ, во время приступа жестокой лихорадки, принудившей его сначала переселиться на сушу, онъ велѣлъ перенести свою постель на палубу фрегата и только этому приписывалъ свое выздоровленіе. Въ послѣдніе годы, онъ отправлялся послѣ обѣда отдыхать въ трюмъ какой-нибудь барки.

Всѣ жители Петербурга обладали, благодаря заботамъ царя, возможностью пользоваться рѣкой. Чиновникамъ перваго ранга онъ предоставилъ двѣнадцативесельную яхту и двѣ двухпарныя плюпки. Низшіе чиновники пользовались, соотвѣтственно своему чину, меньшими лодками.

Петръ собственноручно составилъ регламентъ о пользованіи этими лодками. Въ назначенные, заранѣе, дни въ четырехъ концахъ города выкидывался царскій флагъ и флотилія, въ полномъ составѣ, собиралась близъ Петропавской крѣ-

*) Пыляевъ, стр. 379.

**) Русскій Архивъ, 1875, т. II, стр. 47.

пости; отсутствующіе подвергались строгому штрафу. По пушечному выстрѣлу флотилія отправлялась на прогулку, во главѣ съ адмираломъ Апраксинымъ, шлюпка, котораго была расцвѣчена красно-бѣлыми флагами; Петръ въ бѣломъ матросскомъ костюмѣ стоялъ у руля своей шлюпки, обыкновенно съ нимъ была и Екатерина. На нѣсколько разукрашенныхъ лодкахъ помѣщались музыканты. Гуляющіе отправлялись въ Стрѣльну, въ Петергофъ или въ Ораніенбаумъ, гдѣ ихъ ждалъ банкетъ.

Петръ, какъ и Екатерина Великая, очень любилъ животныхъ. Въ 1708 году бѣдный деревенскій священникъ Козловскій былъ обвиненъ въ оскорбленіи Величества и пытанъ въ Преображенскомъ приказѣ: свидѣтели слышали его рассказъ о томъ, какъ въ Москвѣ царь цѣловалъ собаку *). Бѣдный попъ дѣйствительно видѣлъ это. Онъ имѣлъ несчастье встрѣтить, проходя по улицѣ, царскую карету, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда сидѣвшая тамъ собачка Финеть, терлась мордочкой объ усы царя, не встрѣчая никакого сопротивленія со стороны послѣдняго. Финеть, которую нѣкоторые изъ современниковъ называютъ Лизеть, путая очевидно ея имя, съ именемъ любимой кобылы царя, имѣла соперника въ образѣ датскаго дога, чучело котораго благоговѣнно сохраняется въ Зимнемъ дворцѣ. Малорослая, со стальными мускулами, кобыла,—подарокъ шаха персидскаго,—раздѣлила съ нимъ эту честь. Она служила Петру во время Полтавской битвы. Было запрещено подавать царю прошеніе объ отмиѣнѣ наказанія. Друзья одного чиновника, приговореннаго къ казни кнутомъ за преступленіе по должности, привязали къ ошейнику красиваго животного искусно-составленную бумагу, въ которой взывали къ милосердію царя. Успѣхъ увѣнчалъ ихъ хитрость. Но Петръ быстро отбилъ охоту пользоваться этимъ приѣмомъ, у вздумавшихъ подражать имъ **).

*) Пыляевъ, стр. 210.

**) Шереръ, т. III, стр. 294.

IV.

Великій человекъ развлекался въ довольно дурномъ обществѣ; за нимъ плохо присматривали въ дѣтствѣ. Въ смѣшномъ разсказѣ маркграфини Байретской, самой злоязычной, правда, сплетницы XVIII в., о ея встрѣчѣ съ царемъ въ 1718 году въ Берлинѣ, должна быть доля правды. Петръ видѣлъ маркграфиню за пять лѣтъ до этой встрѣчи. Узнавъ ее, онъ бросился къ ней, схватилъ ее въ объятья и осыпалъ ея лицо бѣшенными поцѣлуями. Отбиваясь, она ударила его по лицу, но онъ не выпустилъ ея изъ рукъ; ея жалобъ не слушали и ей пришлось сдаться; она отмстила, высмѣявъ и грубаго монарха и его подругу. „Она явилась въ сопровожденіи 400 женщинъ. Это были большей частью горничныя, кухарки и прачки. Каждая несла на рукахъ богато-одѣтаго ребенка. Когда ихъ спросили, кому принадлежатъ эти дѣти, онѣ отвѣчали, низко, по-русски, кланаясь: я обязана царю честью имѣть этого ребенка“.

Возвышающіяся надъ социальнымъ уровнемъ древней Московіи привычки, заимствованныя царемъ въ нѣмецкой слободѣ, не могли поставить его на одинъ уровень съ изысканнымъ обществомъ Запада. Петръ не забывалъ прежнихъ друзей. Въ 1723 году въ Москвѣ онъ дѣлилъ свои вечера между старой подругой, женой почтмейстера Фаденбрехта, докторомъ Бидло, аптекаремъ Грегори, купцами Талценомъ, Конау и Мейеромъ, и m-elle Аммонъ, у которой танцовали до пяти часовъ утра *). Это общество можно еще было считать избраннымъ.

24-го марта 1706 года, на Пасхѣ, царь написалъ письмо Меньшикову и заставилъ подписаться подъ нимъ всѣхъ гостей, собравшихся у него въ этотъ торжественный вечеръ. Въ этомъ интимномъ кружкѣ находился простой солдатъ, два

*) Бергхольцъ, Büschings-M., т. XXI, стр. 183.

деньщика, и крестьянинъ, который поставилъ по-неграмотности, вмѣсто подписи, крестъ и попросилъ приписать, что онъ „получилъ разрѣшеніе пьянствовать три дня“ *).

Петръ никогда не спалъ одинъ. Обыкновенно его ложе раздѣляла Екатерина. Онъ рѣдко впускалъ туда любовницу. Онъ ложился въ постель, чтобы спать. Онъ былъ чувственнымъ, но почти не сластолюбивымъ человѣкомъ и былъ также торопливъ въ любви, какъ и въ дѣлахъ. Я объяснилъ выше, почему онъ такъ не любилъ спать одинъ; въ отсутствіе жены онъ клалъ на ея мѣсто одного изъ деньщиковъ, которому приказывалъ лежать какъ можно тише; Петръ просыпался обыкновенно въ дурномъ расположеніи духа. Въ деревнѣ, во время послѣбѣденнаго отдыха, онъ заставлялъ деньщика ложиться на полъ и пользовался его животомъ вмѣсто подушки. Если у бѣдняги бурчало въ животѣ, царь вскакивалъ и немилосердно билъ его **).

Это не мѣшало ему быть очень снисходительнымъ со своей прислугой. Нартовъ рассказываетъ объ избрѣтенныхъ царемъ шкафахъ, въ которые онъ запиралъ на ночь своихъ деньщиковъ, упорно уходившихъ изъ дворца, несмотря на неоднократно-повторенные приказанія и угрозы, проводившихъ ночи въ „непотребныхъ мѣстахъ“. Царь хранилъ ключи подъ подушкой и въ полночь, въ сопровожденіи Нартова, обходилъ этотъ оригинальный дортуаръ. Однажды всѣ клѣтки оказались пустыми. Петръ былъ взбѣшенъ: „Крылья что ли у этихъ мерзавцевъ! Вотъ я ихъ уже попотчую дубиной“. Но когда, на другой день, виновные явились къ нему, онъ ограничился общаніемъ запереть ихъ, въ случаѣ повторенія преступленія, въ лучше охраняемую и менѣе удобную тюрьму ***).

Домашняя прислуга царя состояла изъ шести деньщиковъ, въ число которыхъ входили: Татищевъ, Орловъ, Бутурлинъ и Суворовъ, двухъ курьеровъ, камердинера Полубояринова, секретаря Макарова и двухъ подъ-секретарей:

*) Голиковъ, т. III, стр. 94.

**) Шереръ, т. II, стр. 81.

***) Мемуары, стр. 36.

Черкаскаго и Памятина. Нартовъ помогаль царю въ токарномъ ремеслѣ (царь точилъ дерево и слоновую кость), которому царь отдавалъ ежедневно нѣсколько часовъ. Всѣ эти люди, въ противоположность тѣмъ, которымъ приходилось вести съ Петромъ дѣла, не боялись и не ненавидѣли его. Близкіе слуги одинаково обожали Петра Великаго и великую Екатерину.

Иначе шло дѣло съ сотрудниками и фаворитами, которые, кромѣ Меншикова, недолго, обыкновенно, сохраняли милость царя. Періоды снисходительности и чрезмѣрной привязанности обычно кончались рѣзкой переменною настроенія; счастье быстро уходило отъ нихъ. Пока они были въ милости, ихъ баловали; Петръ заботился объ ихъ здоровьѣ и благополучіи; онъ лично устраивалъ ихъ браки. Вошедшій въ милость, послѣ возвращенія Алексѣя, Александръ Румянцевъ, одинъ изъ приставовъ, помогавшихъ захватить его, собирався жениться. Какой-то бояринъ предлагалъ ему въ жены свою дочь, давая ей хорошее приданое; Румянцевъ—сынъ костромскаго дворянина, былъ бѣденъ.

— Ты видѣлъ дѣвку,—спросилъ Петръ.

— Нѣтъ, но она говорятъ неглупа.

— Это дѣло, но я хочу посмотрѣть ее.

Онъ пошелъ вечеромъ на ассамблею, посмотрѣть на дѣвушку, пожалъ плечами и проговоривъ довольно громко: „Ничему не бывать“,—ушелъ изъ залы. Увидавъ на другой день Румянцева, онъ повторилъ: „Ничему не бывать! Я тебѣ другую найду. Приходи сегодня въ 5 часовъ“. Царь посадилъ явившагося, въ назначенное время, Румянцева въ свою одноколку и, къ великому изумленію, повезъ его въ домъ графа Матвѣева, одного изъ знатнѣйшихъ русскихъ вельможъ. Петръ поцѣловалъ графа и сказалъ, не теряя, напрасно, времени:

— „У тебя въ домѣ невѣста, а вотъ и женихъ“.

М-ше Матвѣева, безъ всякихъ предварительныхъ разговоровъ, стала м-ше Румянцевой. Она была уже, если вѣрить нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, любовницей царя и при этомъ довольно легкомысленной любовницей. Петръ заставъ ее,

незадолго до того, на мѣстѣ преступленія, нашелъ такимъ образомъ, способъ охранить ея непостоянную добродѣтель, предварительно наказавъ красавицу „шани проріа *). Но слѣдующія главы этой книги подробнѣй знакомятъ читателя съ этимъ темнымъ уголкомъ интимной жизни царя.

*) Пыляевъ, Старая Москва, стр. 52.

КНИГА ВТОРАЯ.
О К Р У Ж А Ю Щ И Е.

Г Л А В А П Е Р В А Я.

Сотрудники, друзья и фавориты.

I. Знать и простонародный элементъ. Школа дѣятелей. Фавориты. Ромодановскій. Князь Кесарь. Преображенскій приказъ. Красная площадь въ Москвѣ. Медвѣдь въ должности дворецкаго. Честность, энергія и жестокость. Восточная гибкость. Шереметевъ. Капитанъ и хорошій солдатъ. Мешниковъ. Мальчикъ пирожникъ. Любимецъ царя. Равнодушіе Петра къ разговорамъ по этому поводу. Алексашка становится княземъ. Изобиліе титуловъ и должностей. Всемогушество. Злоупотребленіе властью. Военачальникъ. Администраторъ. Достоинства и недостатки. Оправдательное слово воровству. Снисходительность Петра истощается. Полу-опала. II. Второстепенные сотрудники. Головинъ. Адмиралъ, не бывшій морякомъ, и министр иностранныхъ дѣлъ, не бывшій дипломатомъ. Русскіе и иностранные моряки. Апраксинъ и Крюкъ (Сгуе). Политиканы и полицейскіе. Головкинъ. Толстой. Русскій дипломатъ-вельможа новаго типа. Борисъ Куракинъ. Выдающіеся дѣятели. Неплюевъ и Татищевъ. Духовникъ Царя Надсжинскій. Состязаніе съ секретаремъ аббата Дюбуа. III. Второстепенные дѣятели. Ягужинскій. Шафировъ. Польскіе евреи. Веселовскіе. Продуктъ новаго строя: приблѣдники. Курбатовъ. Соловьевъ. Первый русскій экономистъ: Посошковъ. Карьера Демидовыхъ. Ломоносовъ. IV. Сотрудники иностранцы. Они часто исполняютъ всю работу, но остаются въ тѣни. Шереметевъ и Огильви. Винніусъ. Яковъ Брюсъ. Остерманъ. Португальскій еврей Девьеръ. Побитый полицмейстеръ. Однообразный финалъ всѣхъ блестящихъ карьеръ. Заключительное паденіе. Французы. Де Вильбоа. Драма въ постели Императрицы. Англичане: Перри, Фергюсонъ. Арапъ, предокъ Пушкина, Абрамъ Ганцибалъ. V. Общій итогъ. Статисты и полезности. Личность Великаго Реформатора въ соперничества. Петръ и Лейбницъ. Посмертная роль великаго Нѣмца.

I.

„Нашъ царь почти одинъ, развѣ самъ-десять, стремится въ вышину; милліоны же людей тянутъ книзу“. Посошковъ,

копечно, нѣсколько заблуждается, изображая такъ, своимъ образнымъ языкомъ, одиночество Петра и трудности, встрѣчаемыя имъ на пути реформъ. Самое восшествіе на престолъ Великаго Реформатора было, какъ я уже говорилъ, побѣдой опредѣленной партіи; его первыя революціонныя попытки были также внушены ему окружающими. Кромѣ того, ему, конечно, не удалось бы осуществить въ теченіи двадцати лѣтъ работу нѣсколькихъ вѣковъ, безъ помощи значительнаго числа умныхъ и энергичныхъ сотрудниковъ. Почва, попираемая его властной ногой и орошаемая потомъ чела его, была богата, вопреки словамъ Посошкова, годными для дѣла даровитыми людьми, грубыми, конечно, но доблестными. За труженниками начала царствованія, Лефортомъ и Нарышкиными, появляются другіе, какъ иностранцы, такъ и русскіе. Они не были, конечно, ни великими полководцами, ни глубокими политиками, но были, какъ самъ Петръ, людьми дѣла; также, какъ и онъ, они получили очень недостаточное и поверхностное образованіе, но зато были способны проявить въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ и предпримчивость, и находчивость, и способность къ замѣчательному напряженію силъ. Скоро для Петра сдѣлалось затруднительнымъ находить помощниковъ въ рядахъ старинной знати: встревоженные смѣлостью его мѣропріятій, подавленные суровостью его приемовъ и задыхающиеся отъ головокружительной быстроты его образа дѣйствій, представители знати не поспѣвали за нимъ и уклонялись. Тогда Петръ спускался ниже, до самыхъ низшихъ слоевъ населенія, и тамъ, взамѣнъ какого-нибудь Матвѣева или Трубецкого, находилъ Демидова или Ягужинскаго. Такимъ образомъ вокругъ него образовался кадръ, особенно выдающихся государственныхъ людей, послужившихъ прототипомъ „дѣятелей“ болѣе близкой намъ эпохи. Они были поочередно то солдатами, то дипломатами или экономистами, нѣсколько диллетантами во всемъ, такъ какъ не имѣли опредѣленной специальности; безъ предразсудковъ и безъ колебаній, безъ страха, если не безъ упрека, шли они безъ оглядки впередъ; всегда были готовы къ рѣшительнымъ поступкамъ; были удивительно пригодны для всякой работы

и готовы принять на себя всякую отвѣтственность. Они были таковы, какими ихъ хотѣлъ видѣть Петръ, и какими они должны были быть для совмѣстной работы съ нимъ. И онъ былъ правъ, не требуя отъ нихъ образцовой добродѣтели. Въ 1722 году Кампредонъ сообщаетъ кардиналу Дюбуа:

„Имѣю честь довести до свѣдѣнія вашего высокопреосвященства, что если вы не присоедините къ полномочіямъ средствъ для раздачи денегъ русскимъ министрамъ, то не слѣдуетъ надѣяться на успѣхъ, какую бы выгоду не находилъ самъ царь въ союзѣ съ Франціей; ибо, если его министры не найдутъ въ этомъ своей личной выгоды, то ихъ интриги и тайная враждебность разрушатъ переговоры самыя полезныя и блестящія ихъ повелителя. Каждый день я убѣждаюсь въ этой истинѣ путемъ личнаго опыта *).

Эти министры:— Брюсъ и Остерманъ. И „личный опытъ“, о которомъ говоритъ по поводу ихъ французскій посоль, не помѣшалъ имъ годомъ раньше, въ Ништадтѣ, превзойти самого Петра въ защитѣ его интересовъ и добиться такихъ условій мира, на какія онъ не смѣлъ разсчитывать.

Изъ всѣхъ современниковъ великаго царствованія, несравненно выше стоятъ трое: Ромодановскій, Шереметевъ, и Меншиковъ. Первые два пользовались привилегіей, которой не имѣла даже Екатерина: во всякое время входить къ Государю безъ доклада. Отпуская ихъ, Петръ провожалъ ихъ до дверей своего кабинета.

Ни одинъ изъ княжескихъ родовъ, происшедшихъ отъ Рюрика, не достигъ въ началѣ XVIII вѣка такого могущественнаго и вліятельнаго положенія, какъ родъ Ромодановскихъ, несмотря на то, что еще въ предыдущемъ вѣкѣ этотъ родъ занималъ второстепенное мѣсто, позади Черкасскихъ, Трубецкихъ, Голицыныхъ Рѣпниныхъ, Урусовыхъ, Шереметевыхъ, Салтыковыхъ, и наряду съ Куракиными, Долгорукими, Волконскими и Лобановыми **). Родъ Ромодановскихъ былъ боковою вѣтвью рода князей Стародубскихъ, одной изъ младшихъ линій многочисленныхъ потомковъ норманскаго

*) 24 іюля 1722 г. Aff. etr.

**) Котошихинъ, Записки. Спб. 1884, стр. 25 и сл.

родоначальника, и позаимствовалъ свое имя въ XV вѣкѣ отъ селенія Ромоданово, во Владимірской губерніи. Онъ выдвинулся впередъ, благодаря не особенно почтенной должности, сдѣлавшейся какъ бы наслѣдственной. Со времени учрежденія царемъ Алексѣемъ въ селѣ Преображенскомъ Приказа съ подземными темницами и застѣнками, вѣдавшаго дѣла полиціи, управленіе имъ было поручено князю Юрію Ивановичу Ромодановскому. Послѣ его смерти, ту же должность занялъ его сынъ, и въ свою очередь передалъ ее своему наслѣднику.

Этотъ сынъ Юрія Ивановича и былъ, уже извѣстный намъ, князь-кесарь.

Мысль наградить его такимъ титуломъ въ благодарность за побѣду, одержанную имъ, во время потѣшнаго сраженія, надъ Бутурлинымъ, изображавшимъ польскаго короля, пришла Петру, кажется, въ 1694 году. Разумѣется, это была только шутка, но вѣдь, извѣстно, какъ смѣшное и серьезное переплеталось въ воображеніи великаго человѣка. Гораздо труднѣе понять, какъ могъ такой человѣкъ, какъ князь Федоръ Юрьевичъ всю жизнь подчиняться этой комедіи. Въ немъ не было юмора, ни покорности, ни чего-либо шутовскаго. Быть можетъ, съ наивностью дикаря онъ просто не обращалъ вниманія на позорность и оскорбительность своего насмѣшливаго титула. Въ видѣ послѣдней уступки осужденному имъ старому строю, Петръ позволилъ Ромодановскому сохранить усы и польскій или татарскій костюмъ. И, такимъ образомъ, сдѣлавъ изъ него какъ бы своеобразный покаянный памятникъ, посвященный воспоминаніямъ прошлаго. Но съ другой стороны, Петръ въ лицѣ князя-кесаря осмѣивалъ и выставлялъ на позоръ и ненавистное прошлое, и всѣ связанныя съ нимъ оскорбительныя мысли и воспоминанія: древній Московскій Кремль и полузаятскую роскошь царей, бывшихъ данниковъ великаго хана, тяжеловѣсная пышность которыхъ подавляла его въ юные годы; слабую Вѣну и величіе Римскихъ Кесарей, тяжесть котораго онъ также испыталъ въ незабываемый часъ одного изъ своихъ выступленій на міровой сценѣ. Все это онъ стремился выставить на посмѣшище и уничтожить навѣки.

Лицо, избранное для этой двусмысленной роли, имѣло свои достоинства. Поставленный по вѣншности, по крайней мѣрѣ, на недосыгаемую высоту, князь Ромодановскій становился, дѣйствительно, выше всякихъ подозрѣній. Онъ безукоризненъ: прямодушный, безупречно-честный и неумолимый, съ каменнымъ сердцемъ и желѣзной рукой. Среди всѣхъ интригъ, подлостей и страстей, борющихся вокругъ Государя, онъ остается честнымъ, гордымъ и чистымъ. И когда въ Москвѣ загудѣлъ мятежь, онъ сразу остановилъ его своеобразнымъ способомъ: велѣлъ схватить въ толпѣ и повѣсить за ребра на желѣзныхъ крюкахъ, на Красной площади, такъ кстати получившей свое названіе, двѣсти чело-вѣкъ мятежниковъ. Даже въ собственномъ домѣ онъ устроилъ казематы и держалъ орудія пытокъ. А когда Петръ, находившійся въ то время въ Голландіи, вернувшись, упрекнулъ его за превышеніе власти, совершенное въ пьяномъ видѣ, Ромодановскій рѣзко отвѣтилъ: „У кого есть досуги и кто проводить ихъ въ чужихъ земляхъ, тотъ можетъ навѣщать „Ивашку“; у насъ же есть дѣла по-важнѣе, чѣмъ нали-ваться виномъ; *мы каждый денькупаемъ въ крови*“ *).

Нѣкоторая податливость не совсѣмъ, впрочемъ, была чужда характеру князя-кесаря: недаромъ онъ былъ уроженцемъ Востока. Правда, иногда, ему случалось тайкомъ противорѣчить Государю, а иногда даже открыто порицать его; и въ 1713 году, въ письмѣ къ адмиралу Апраксину, упрямый деспотъ, повидимому, самъ не знаетъ, какъ ему выпутаться изъ столкновенія „съ этимъ проклятымъ чело-вѣкомъ, который всегда дѣлаетъ по-своему“. Ромодановскій, повидимому, очень серьезно относился къ своему положенію и обижался на шутки по этому поводу. Шереметевъ, объ-являя ему о Полтавской побѣдѣ, называетъ его „Государь“ и „Ваше Величество“. Во дворъ его дворца можно было входить только пѣшкомъ и съ обнаженной головой; самъ Петръ оставлялъ свою одноколку у воротъ. Подходя къ нему, кланялись въ землю. Онъ былъ окруженъ роскошью, подобно какому-нибудь азіатскому владыкѣ, и обладалъ соответствен-

*) Замѣтки и письма Петра, т. I, стр. 226 и 671.

ными причудами. Во время охоты его свита состояла из пятисотъ человекъ, а являющіеся къ нему посѣтители, кто бы они ни были, должны были при входѣ выпить огромный стаканъ, приправленной перцемъ, водки, который подавалъ, ворча, ручной медвѣдь. Если кто-нибудь пробовалъ отказаться, медвѣдь оставлялъ подносъ и начиналъ душить гостя *). И тотъ же самый Ромодановскій никогда не забывалъ, что выскочка Меншиковъ очень любить рыбу, и посылалъ ему лучшіе экземпляры изъ своего садка такъ же, какъ посылалъ боченки вина и меда деньщику Поспѣлову, большому пьяницѣ и любимцу царя **).

Шереметевъ, на свой ладъ, такъ же былъ представителемъ прошлаго. При Нарвѣ, какъ и всѣ, онъ потерялъ голову; при Полтавѣ онъ, такъ же, какъ и всѣ, мужественно исполнялъ свой долгъ; въ своемъ завѣщаніи, составленномъ въ 1718 году, онъ поручаетъ свою грѣшную душу царю ***), и этотъ фактъ обрисовываетъ его цѣликомъ. Онъ простъ, откровененъ и несвѣдущъ.

— Какой чинъ имѣли вы до прибытія сюда?—спросилъ онъ однажды офицера, пріѣхавшаго изъ Германіи.

— Capitane d'armes.

— Arme не значить ли это по-нѣмецки „бѣдный“? На родинѣ вы были бѣднымъ капитаномъ... Ну, у насъ вы будете капитаномъ, по вдобавокъ богатымъ *†).

Шереметевъ былъ великолѣпнымъ солдатомъ, онъ всегда первымъ шелъ въ огонь, сохранялъ спокойствіе и ясность духа подъ пулями и былъ обожаемъ своими людьми. Если на улицѣ онъ встрѣчалъ кого-либо изъ офицеровъ, служившихъ раньше подъ его начальствомъ, то всегда выходилъ изъ своей золочепой, какъ и у Меншикова, кареты, чтобы позвать руку старому товарищу. Онъ былъ великодушень, щедръ, гостеприименъ, что пазывается, душа на распашку; содержалъ цѣлую армію нищихъ и за столъ его ежедневно садилось пятьдесятъ человекъ. Онъ былъ типичнымъ представителемъ

*) Хмыровъ, Графиня Головкина и ея время, стр. 76 и слѣд.

***) Долгоруковъ. Записки, т. I, стр. 55.

****) Русскій Архивъ, 1875, т. I, стр. 86.

*†) Bruce Mémoires Londres, 1782, стр. 113.

старого московскаго боярства, во всѣхъ его симпатичныхъ чертахъ.

Совсѣмъ иной типъ представлялъ собою Александръ Даниловичъ Меншиковъ. Съ него начинается въ Россіи рядъ великихъ выскочекъ, созданныхъ капризомъ государей. Согласно преданію, онъ былъ въ юности простымъ пирожникомъ. Княжеская же грамота производитъ его отъ стариннаго литовскаго рода. Въ сущности, обѣ эти версіи легко согласуются между собой. Сынъ мелкопомѣстнаго смоленскаго дворянина могъ продавать пироги на московскихъ улицахъ; вѣдь, продавалъ же ихъ въ Версали, во времена Стерна, рыцарь св. Людовика *). Во всякомъ случаѣ, отецъ Меншикова не пошелъ въ Преображенскомъ полку дальше капральскаго чина, а самъ онъ, около 1698 года, былъ только сержантомъ. Возможно, что, въ это время, онъ совмѣщалъ должность сержанта съ разноской пироговъ. Даже въ новыхъ полкахъ, устроенныхъ Петромъ, по традиціи, завѣщанной стрѣльцами, долго сохранялся очень курьезный промышленный элементъ. Уже въ это время, юный Меншиковъ былъ, повидимому, въ большой милости у царя, называвшаго его ласкательнымъ именемъ „Алексахка“ и публично проявлявшаго по отношенію къ нему, почти страстную нѣжность **). Вспомнимъ о роли, которую, по рассказамъ, впрочемъ, спорнымъ, ему пришлось сыграть въ жестокой сценѣ у генерала Шеина, когда надо было образумить Петра ***). По другимъ рассказамъ, Меншиковъ заслужилъ царскую милость, благодаря важному и спасительному вмѣшательству въ судьбу Государя. Однажды, когда Петръ отправлялся на обѣдъ къ одному изъ бояръ, съ нимъ заговорилъ пирожникъ. Петру понравилось его лицо, онъ взялъ его съ собой и, во время обѣда, велѣлъ ему стоять за своимъ стуломъ. Вдругъ, въ ту минуту, какъ царь протянулъ руку за какимъ-то блюдомъ пирожникъ остановилъ его и произнесъ шопотомъ нѣсколько словъ. Оказалось, что, нѣсколько часовъ тому назадъ, ему

*) Sentimental Journey. Chapitre du pâtissier.

***) См. Соловьевъ, т. XIX, стр. 267.

****) См. выше. стр. 128.

удалось пробраться въ кухню боярина и тамъ онъ увидѣлъ приготовленія къ попыткѣ отравить царя. Немедленно кушанье было отдано собакамъ, покушеніе было, дѣйствительно, доказано, бояринъ и его сообщники арестованы,—и это послужило началомъ блестящей карьеры „Алексашки“ *).

Меншиковъ родился въ 1673 году, на годъ раньше Петра. Высокій, хорошо сложенный, съ пріятнымъ лицомъ, онъ отличался отъ своего господина, и отъ большинства своихъ современниковъ, большой чистоплотностью и даже щегольствомъ. Это обстоятельство, до нѣкоторой степени, побудило Петра предоставить ему впоследствии вѣдшее представительство. Воспитанія, впрочемъ, Меншиковъ не получилъ никакого, никогда не умѣлъ ни читать, ни писать, и выучился только подписывать свое имя **). Если вѣрить Екатеринѣ II, которая имѣла возможность быть хорошо освѣдомленной, у него даже не было „яснаго представленія о чемъ бы то ни было ***). Но, по примѣру Петра, хотя и сильно отставая отъ него, онъ приобрѣталъ поверхностныя свѣдѣнія обо всемъ, вплоть до великосвѣтскихъ манеръ. Онъ былъ, какъ бы тѣню гениальнаго монарха. Онъ сопровождалъ его подъ Азовъ и жилъ съ нимъ въ одной палаткѣ; слѣдовалъ за нимъ за границу и учился вмѣстѣ съ нимъ; принималъ участіе въ усмирении стрѣльцовъ и хвастался, говоря, что собственноручно отрубилъ головы двадцати мятежникамъ; послѣ того какъ Петръ самъ обрѣзалъ ему бороду, онъ оказалъ ту же услугу московскимъ думнымъ боярамъ и привелъ ихъ въ такомъ видѣ къ царю, изображая символически свое будущее содѣйствіе дѣлу великаго царствованія. Съ 1700 года онъ какъ будто исполняетъ въ домѣ государя обязанности мажордома и занимаетъ въ его сердцѣ совершенно особенное мѣсто. Въ письмахъ

*) Брюсъ, Записки. стр. 76.

***) Приведенныя Устряловымъ, т. IV, стр. 210, въ доказательство противнаго подписи, къ которымъ фаворитъ прибавилъ примѣчанія на поляхъ, вродѣ „взялъ“ или „принялъ и списался“, не доказательны. Свидѣтельство Екатерины, гораздо убѣдительнѣе. См. также Есищевъ, Біографія, Русскій Архивъ 1875 года, т. II, стр. 569; Куракинъ, Архивъ, т. I, стр. 76.

***) Письмо къ Гримму отъ 20 января 1776. (Сборникъ).

Петръ называетъ его: *min Herzenskind* (дитя моего сердца), *min bester Frint* (мой лучший другъ) и даже *min Bruder* (мой братъ),—эпитеты, которыхъ онъ никогда не прилагалъ ни къ кому другому. Отвѣты фаворита носятъ такой же неприличный характеръ и,—знаменательная подробность,—онъ никогда не прибавляетъ къ своей подписи выраженной почтенія, тогда какъ даже Шереметевъ подписывается: „наипослѣднѣйшій рабъ твой“ *).

Современное Петру, общественное мнѣніе видѣло въ этой связи не одну простую дружбу, и Петръ почему-то проявлялъ странное равнодушіе къ такого рода обвиненіямъ. Въ 1702 году нѣкій капитанъ Преображенскаго полка, позволившій себѣ зайти слишкомъ далеко въ разговорахъ на эту щекотливую тему, былъ только сосланъ въ отдаленный гарнизонъ. И такіе факты повторялись неоднократно **).

У фаворита было, однако, двѣ любовницы, сестры Дарья и Варвара Арсеневы, фрейлины царицы Наталіи, любимой сестры государя. Онъ писалъ имъ сообща, и онѣ находили умѣстнымъ не проявлять ревности. Въ концѣ концовъ, Меншиковъ женился на старшей, по отношенію къ которой у Петра, кажется, были какія-то загадочныя личныя обязательства. Ведя Дарью къ алтарю, Меншиковъ подчинялся чему-то, вродѣ настойчиваго требованія со стороны своего Августѣйшаго друга, внушеннаго послѣднему таинственными побужденіями, неясной тревогой совѣсти. Смутно, въ полумракѣ, отражается здѣсь уголокъ интимной жизни героя, съ сомнительной изпанкой, со странными фамиллярными отношеніями съ людьми неравнаго положенія, которыя привлекають и отталкивають изслѣдователя.

Въ 1703 году оба друга сдѣлались кавалерами ордена Св. Андрея Первозваннаго, „хотя и недостойными“, какъ утверждаетъ Петръ въ письмѣ къ Апраксину ***). И затѣмъ для „Алексашки“ начинается феерія временничества. Въ 1706 году онъ становится княземъ Священной Имперіи; въ слѣдующемъ году, послѣ побѣды, надъ шведскимъ генераломъ Мар-

*) Записки и письма Петра, т. III, стр. 780—782.

**) Русскій Архивъ, 1875, т. II, стр. 236.

***) Русскій Архивъ, 1875, т. II.

дефельдтомъ (при Калишѣ 18 октября 1706 года), онъ дѣлается „владѣтельнымъ русскимъ княземъ“, съ титуломъ герцога Ижоры и получаетъ всю Ингрію, какъ наслѣдственный удѣлъ; онъ становится также графомъ Дубровны, Горокъ и Почепа, наслѣдственнымъ властителемъ Ораніенбаума и Батурина, генералиссимусомъ, членомъ Верховнаго Совѣта, маршаломъ Имперіи, Президентомъ Военной Коллегіи, адмираломъ „краснаго флага“ (?), главнымъ правителемъ Петербурга, подполковникомъ Преображенскаго полка, подполковникомъ трехъ гвардейскихъ полковъ, капитаномъ бомбардирской роты, кавалеромъ орденовъ Св. Андрея Первозваннаго, Св. Александра Невскаго, Слона, Бѣлаго Орла, Чернаго Орла...

Этого ему мало. Въ 1711 году онъ ведетъ переговоры со вдовствующей герцогиней Курляндской о покупкѣ ея титула и герцогства; это почти удается ему въ слѣдующемъ году и онъ заставляеть должностныхъ лицъ страны принести ему присягу*). Принужденный отложить на время окончательное вступленіе во владѣніе, такъ какъ это оскорбляло Польшу, онъ все же не отказывается отъ своего плана, польскимъ же магнатамъ мстить, заставляя уступать ему по дешевой цѣнѣ обширныя владѣнія. Такимъ образомъ къ своему величію онъ присоединяетъ несмѣтныя богатства. Въ Украйнѣ онъ заключаетъ сдѣлку съ Мазепою относительно Почепа и завладѣваетъ имуществомъ, принадлежащимъ казакамъ. Столбъ съ его гербомъ, поставленный въ какой-нибудь деревнѣ, равносильнъ утвержденію во владѣніи; въ случаѣ надобности къ столбу онъ прибавляетъ висѣлицу. Онъ прибѣгаетъ также къ спекуляціямъ, которыя не могутъ не приносить выгоды, принимая во вниманіе его почти неограниченную власть. вмѣстѣ съ Толстымъ и евреемъ Шафировымъ онъ создаетъ фабрики и надѣляетъ ихъ привилегіями по своему усмотрѣнію**).

Власть Меншикова ограничивалась только во время періодическихъ припадковъ раскаянія государя, сопровождавшихся репрессіями за совершенныя злоупотребленія; за этимъ исключеніемъ, власть фаворита была даже полнѣе власти Петра, въ

*) Деша де-Би, 26 апрѣля 1712 г. Архивъ Гааги.

**) Карновичъ. Богатства частныхъ лицъ въ Россіи, стр. 120 и слѣд.

томъ отношеніи, что онъ самъ не находилъ нужнымъ ограничивать себя какими-либо соображеніями высшаго порядка. Если вѣрить имперскому резиденту Плейеру, Меншиковъ до-ходилъ до того, что отмѣнялъ приказанія царя, въ его присутствіи обижалъ царевича, дралъ его за волосы и бросалъ на землю; царевны должны были кланяться ему въ землю *).

Каковъ же былъ этотъ человѣкъ и что сдѣлалъ онъ, чтобы достичь такого положенія?

Какъ военнопачальникъ онъ не обладалъ ни знаніями, ни даже храбростью. „Безъ опытности, безъ знаній, безъ мужества“, говоритъ о немъ Витвортъ **). Но онъ былъ всегда энергиченъ, при неудачѣ умѣлъ проявлять выносливость, и воодушевлялся при успѣхѣ. „Дѣятеленъ, предприимчивъ“, говоритъ о немъ Кампредонъ, и прибавляетъ: „нескромненъ, склоненъ ко лжи и за деньги готовъ на все“ ***). Причудливое сочетаніе серьезности и ребячливости, замѣтное въ характерѣ и поступкахъ Петра, почти также ярко проявляется у его alter ego. Такъ въ августѣ 1708 года при переходѣ черезъ Березину, наканунѣ встрѣчи со шведами, которой онъ старался избѣжать, мы видимъ его занятымъ новой ливреей для лакеевъ-нѣмцевъ, которую онъ посылаетъ женѣ. Казалось, онъ придавалъ этому вздору громадное значеніе. А пока онъ отмѣривалъ позументы и рисовалъ куртки, Карлъ XII передвинулъ войска такъ, что битва сдѣлалась неизбѣжной. Исходъ ея не былъ такъ губителенъ для русскихъ войскъ, какъ можно было бы ожидать. Они выдержали столкновеніе съ твердостью, предвѣщавшею будущія побѣды. Фаворитъ во время овладѣлъ собой.

Къ такому же типу принадлежалъ впоследствии Потемкинъ.

Подъ Полтавой Меншиковъ потерялъ цѣлыя сутки, прежде чѣмъ пустился въ погоню за шведами. Начнись погоня немедленно послѣ пораженія, Карлъ, съ остатками своей побѣжденной арміи неминуемо попалъ бы въ руки русскихъ. Но когда они настигли, наконецъ, Левенгаупта, около Днѣпра,

*) Устряловъ, т. IX, 2 часть, стр. 613, 623, 656.

**) Денеша 17 сентября 1708 г. Сборникъ, т. L, стр. 64.

***) 3 мая 1725 г. Aff. étr. de France.

король успѣлъ уже переправиться на другой берегъ, и фаворитъ, съ которымъ былъ только отрядъ кавалеріи, оказался въ довольно скверномъ положеніи. Только его счастливая звѣзда и его дерзость помогли ему выпутаться: онъ сдѣлалъ видъ, что за нимъ слѣдуетъ вся побѣдоносная русская армія; испуганный непріятель попался на эту удочку и Левенгауптъ сдался.

Административныя способности Меншикова служить, главнымъ образомъ, для его личнаго обогащенія. Большую часть времени онъ нагло и безнаказанно грабитъ. Правда, въ 1714 году чрезмѣрность хищеній вызвала слѣдствіе, затянувшееся на неопредѣленное время. Но Меншиковъ изворотливъ: онъ предъявилъ старые счета, дѣлавшіе его кредиторомъ казны на сумму гораздо большую, чѣмъ та, которую съ него взыскивали. А когда черезъ четыре года новый доносъ засталъ его врасплохъ, онъ явился къ царю и сказалъ ему, приблизительно, слѣдующее:

„Слѣдователи и доносчики сами не знаютъ, что говорятъ и что дѣлаютъ. Они заботятся о мелочахъ. Если они хотятъ подвести подъ названіе „воровства“ тѣ присвоенія, которыя я могъ сдѣлать въ мою личную пользу изъ имѣвшихся въ моемъ распоряженіи суммъ, то ихъ счетъ далеко невѣренъ. Да, я похитилъ сто тысячъ рублей, о которыхъ говоритъ Негановскій; я похитилъ и еще многое... Я самъ не сумѣю сказать сколько именно. Послѣ Полтавской битвы я напелъ въ шведскомъ лагерѣ значительныя суммы и взялъ изъ нихъ себѣ двадцать съ лишнимъ тысячъ ефимковъ; твой управляющій Курбатовъ, честнѣйшій человекъ, разновременно вручалъ мнѣ другія суммы, взятыя изъ твоей казны чекашпой монетой и слитками; въ Любекѣ я велѣлъ выдать себѣ пять тысячъ дукатовъ; въ Гамбургѣ вдвое больше; въ Мекленбургѣ и шведскихъ владѣніяхъ Германіи двѣнадцать тысячъ талеровъ; въ Данцигѣ—двадцать тысячъ. Всего не упомяну. Я по-своему пользовался властью, которую ты мнѣ далъ. Я дѣлалъ то же, что дѣлаютъ другіе вокругъ тебя, но только въ большемъ размѣрѣ. Если я былъ неправъ, пужно было предупредить меня раньше“...

Петръ былъ обезоруженъ. Онъ чувствовалъ себя какъ бы

сообщникомъ. И простилъ еще разъ. Но доносы все учащались. Въ 1706 году былъ ассигнованъ кредитъ въ 21,000 руб. на кавалерійскій ремонтъ; деньги исчезли и похититель ихъ былъ все тотъ же. Дѣло подлежало военному суду. Судъ приговорилъ фаворита къ устраненію отъ должности съ лишеніемъ чиновъ. Петръ помиловалъ его. Слѣдствіе продолжалось и разросталось все больше и больше, благодаря злоупотребленіямъ царскаго любимца, открытымъ въ Польшѣ, Помераніи, Петербургской губерніи, всюду, гдѣ онъ имѣлъ вліяніе; не было ни одного вѣдомства, ни одной губерніи, которымъ удалось бы ускользнуть отъ него. Наконецъ, царю это надоѣло. Ненасытная жадность его друга грозила создать дипломатическія осложненія. Голландскій резидентъ обвинялъ Ревельскаго губернатора Зотова въ вымогательствахъ у голландскихъ купцовъ, доходами отъ которыхъ онъ дѣлился съ Меншиковымъ. Любовь государя къ фавориту ослабѣвала съ каждымъ годомъ; прежняя близость постепенно исчезала изъ ихъ отношеній. Петръ дошелъ до того, что, однажды, въ порывѣ гнѣва пригрозилъ неисправимому вору вернуть его въ его первоначальное положеніе. Въ этотъ же вечеръ Меншиковъ явился къ царю, одѣтый пирожникомъ, съ корзиной на головѣ, крича: „Вотъ пироги жареные, горячіе“. Царь разсмѣялся. У злодѣя въ запасѣ была не одна только эта уловка. Онъ имѣлъ надежную, неизмѣнно вѣрную, поддержку въ Екатеринѣ. Когда-то она была его любовницей и помнила это. Онъ эксплуатировалъ также страстную привязанность царя къ сыну отъ второй жены, маленькому Петру Петровичу, во время отлучекъ Государя, часто заботливо извѣщалъ его о „безцѣнномъ сокровищѣ“, рассказывая, какъ онъ играетъ въ солдатики, повторяя его словечки, восхищаясь его проказами. Но самое главное, Меншиковъ продолжалъ быть нужнымъ членомъ, на котораго Петръ, за исключеніемъ честности, всегда могъ рассчитывать, когда ему нужны были настойчивость, рѣшительный, предприимчивый умъ и никогда не измѣнявшая себѣ находчивость. Апраксинъ, посланный съ отрядомъ въ Финляндію, рисковалъ умереть тамъ съ голода. Петра не было. Сенатъ, призванный вмѣшаться въ это дѣло, ни на что не рѣшался. Тогда Меншиковъ отдалъ приказъ взломать

двери магазиновъ, забралъ всѣ запасы, какіе нашель, и отправилъ ихъ въ Або. Закричали о насильственномъ захватѣ; сенаторы, заинтересованные въ хлѣбной торговлѣ, хотѣли было арестовать фаворита. Но онъ твердо выдержалъ бурю и, по возвращеніи царя, ему, на этотъ разъ, ничего не стоило оправдаться. Его рѣшительный поступокъ спасъ войска въ Финляндіи.

Въ пользу Меншикова говорила, наконецъ, гнусность самихъ его обвинителей. Одинъ изъ нихъ, Курбатовъ, былъ самъ въ 1721 году уличенъ въ мошенничествѣ и приговоренъ къ уплатѣ пени.

Такъ Меншиковъ держится до конца и, хотя положеніе становится все болѣе и болѣе опаснымъ, ему удается изворачиваться. Въ 1723 году Екатерина въ двадцатый разъ уже взялась защищать своего протеже, но Петръ рѣзко прервалъ ее: „Меншиковъ такимъ ужъ уродился; во грѣхѣхъ родила его мать и умретъ онъ мошенникомъ; если онъ не исправится, ему снесутъ голову“. Фавориту не помогаетъ больше даже его остроуміе, столько разъ дѣлавшее прежде царя снисходительнымъ, развеселивъ его. Войдя однажды во дворецъ шеголявшаго роскошью временщика, Петръ увидѣлъ голыя стѣны, пустыя залы. Что значить это опустошеніе?

— „Я долженъ былъ продать и обивку со стѣнъ и мебель, чтобы уплатить наложенные на меня штрафы“.

— „Ну, такъ купи все снова, а не то я тебя оштрафую вдвое“.

Очарованіе разрушено. Меншикова лишаютъ званія президента Военной Коллегіи, отбираютъ у него 15.000 душъ, присвоенныхъ имъ въ прежнихъ владѣніяхъ Мазепы *). Смерть Петра застаётъ его наполовину въ опалѣ. Онъ выходитъ изъ немилости при восшествіи на престолъ Екатерины и пріобрѣтаетъ положеніе, и власть еще болѣе значительныя. Ему почти удается сдѣлать свою дочь русской Государыней, но, наканунѣ этого послѣдняго торжества, счастье ему измѣнилось и жизнь ему пришлось окончить въ ссылкѣ, получая

*) См. для его біографіи Есиповъ; Соловьевъ, т. XVI, стр. 231, и слѣд.; Голикова. т. VI, стр. 407 и слѣд.; Нартовъ, стр. 47 и сл. Поссе, т. I, стр. 545 и слѣд.

всего нѣсколько копеекъ въ день на содержаніе. Изученіе этой второй половины его жизни не входитъ въ планъ моего настоящаго труда. Быть можетъ, мнѣ еще придется вернуться къ ней въ другомъ мѣстѣ.

Чтобы тамъ не думали и не утверждали, этотъ сотрудникъ Петра не былъ великимъ умомъ; но это была сила, которую нельзя обойти молчаніемъ или не признавать. Въ рукахъ Петра, управляемая самою могучею волей, какую знаетъ современная исторія до Наполеона, и направленная на обработку дикой степи, какую представляла изъ себя Россія того времени, эта сила имѣла большую цѣнность; она походила на бурную рѣку, опрокидывающую всѣ препятствія, побѣждающую сопротивленія, и несущую въ своихъ мутныхъ волнахъ, вмѣстѣ съ грязью, живыя плодородныя сѣмена.

Высокомѣрный, грубый, корыстолюбивый и жестокій Меншиковъ никого не любилъ и не былъ любимъ. Когда въ 1706 году случился пожаръ въ его московскомъ домѣ, весь городъ радовался этому *). Петра это не огорчало. Въ глубинѣ души онъ всегда предпочиталъ тѣхъ изъ своихъ слугъ, которымъ не на кого и не на что было рассчитывать, кромѣ него.

II.

Теперь я перехожу ко второстепеннымъ сотрудникамъ Петра. Нѣкоторые изъ нихъ принадлежали къ старинной знати, но не они являются самыми интересными. Федоръ Алексѣевичъ Головинъ, назначенный, послѣ смерти Лефорта, управлять Адмиралтействомъ и Польскимъ Приказомъ (какъ называлось тогда министерство иностранныхъ дѣлъ), не былъ ни морякомъ, ни дипломатомъ. Онъ женился своего брата Алексѣя на сестрѣ Меншикова, сдѣлалъ своимъ любимцемъ Ягужинскаго, способности котораго были оцѣнены Петромъ; умѣлъ величественно носить компасъ, отличительный

*) Русскій Архивъ, 1875, 2 ч., стр. 49. (Есиповъ).

знакъ его должности. Вотъ и всё его достоинства. Замѣнив-
шій его въ 1706 году на посту адмирала Апраксинъ, хотя
былъ уже серьезнѣе, но въ значительной степени былъ обя-
занъ своимъ возвышеніемъ и своими успѣхами присутствію
въ Адмиралтействѣ норвежца Крюиса. Это заставляло его
завидовать подчиненному-сопернику, и въ 1713 году онъ, съ
постыдной поспѣшностью, воспользовался случаемъ отъ него
избавиться. По случаю гибели корабля, происшедшей благо-
даря невѣрно переданному сигналу, военный совѣтъ, подъ
предсѣдательствомъ адмирала, приговорилъ иностранца къ
смертной казни. Не очень-то рыцарскій поступокъ со сто-
роны главы рода, котораго притязанія на аристократизмъ,
кстати сказать, оспариваются нѣкоторыми генеалогами. Петръ
замѣнилъ Крюису смертную казнь пожизненной ссылкой, но
скоро Крюиса вернули изъ ссылки, такъ какъ безъ него въ
Адмиралтействѣ все пошло шиворотъ на выворотъ.

Управленіе Посольскимъ Приказомъ, послѣ Головина,
перешло съ титуломъ канцлера, къ другому ничтожеству —
Гаврилѣ Ивановичу Головкину. Петръ охотно отдѣлялъ званіе
отъ должности, — система, получившая еще болѣе широкое
примѣненіе при Екатеринѣ II, — такъ какъ это давало ему воз-
можность легче выдвигать людей низкаго происхожденія, къ
которымъ онъ всегда чувствовалъ склонность. Сведя роль
лица, облеченнаго званіемъ министра, къ одному только пред-
ставительству, для дѣйствительной работы въ области внѣшней
политики онъ находилъ себѣ Остермановъ и Ягужинскихъ.
Родственникъ Государя, черезъ Нарышкиныхъ, Гаврила Ива-
новичъ былъ товарищемъ его дѣтства, а позднѣе однимъ изъ
товарищей его развлеченій и обычныхъ кутежей. Ему очень
помогала способность поддѣлываться подъ тонъ своего госпо-
дина, которому онъ писалъ въ официальномъ письмѣ: „Ваше
Величество изволили упомянуть, что ломота моя происходитъ
отъ неумѣреннаго поклоненія Венусъ; долгомъ своимъ почи-
таю довести, по этому поводу, до Вашего Величества правду,
что болѣзнь моя происходитъ скорѣй отъ чрезмѣрнаго пьян-
ства“. Въ смыслѣ честности Головкинъ стоялъ на общемъ
уровнѣ: говорили, что онъ получалъ деньги отъ Мазепы, а въ
декабрѣ 1714 года Петръ въ присутствіи всего Сената упре-

каль его за мошенничество, въ которомъ онъ былъ уличенъ, вмѣстѣ съ Меншиковымъ, при поставкахъ въ армию *).

Старинная знать могла предложить Петру кое-что лучше, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ ума. Принадлежащій къ ней, Толстой оправдываетъ слова царя: „Когда идешь къ нему по дѣлу, держи камень за пазухой, чтобы выбить ему зубы, пока не поздно“. И другую фразу, которую Петръ сказалъ, похлопавъ по лбу хитраго политика: „Ахъ, голова, голова, кабы ты не такъ умна была, давно бы я тебя отрубилъ вельлѣ“. Толстой былъ дипломатомъ въ Вѣнѣ и Константинополѣ, руководилъ слѣдствіемъ надъ несчастнымъ Царевичемъ Алексѣемъ, и за разныя, подчасъ постыдныя, но всегда показывающія замѣчательную находчивость, услуги получилъ голубую ленту, мѣсто въ Сенатѣ и обширныя помѣстья. Враги одолѣли его только послѣ смерти Петра: восьмидесяти четырехъ лѣтъ, вовлеченный въ борьбу съ Меншиковымъ, онъ, какъ и другіе, познакомился съ горестями ссылки и съ негостепривѣтными берегами Бѣлаго моря **).

Въ лицѣ Бориса Ивановича Куракина, Европа, на порогѣ восемнадцатаго вѣка, впервые познакомилась съ обаятельнымъ типомъ русскаго дипломата-вельможи. Онъ былъ хитеръ, какъ житель Востока, мягокъ, какъ истый славянинъ, влюбленъ въ литературу, какъ интимный другъ салона Рамбуле, и увлекался щегольствомъ, какъ завсегдатай Версаля. Породнившись, благодаря браку, съ сестрой первой жены Петра, Ксеніей Лопухиной, съ царской фамиліей, онъ сумѣлъ во время извлечь пользу изъ этого родства и заставить забыть о немъ потомъ. Онъ былъ сначала представителемъ Россіи въ Лондонѣ при королевѣ Аннѣ, потомъ въ Ганноверѣ при будущемъ королѣ Англии, и, наконецъ, въ Парижѣ, во времена регентства и въ первые годы царствованія Людовика XV.

Въ началѣ своей карьеры онъ былъ очень юнъ и годами, и опытомъ (ему не было еще пятидесяти лѣтъ, когда онъ умеръ въ 1727 г.) и иногда не умѣлъ быть настоящимъ дипломатомъ;

*) De Vie aux Etats généraux, 21 décembre 1714. Archives de la Naue.

**) Нилъ Поповъ. Очеркъ о Толстомъ. Древняя и новая Россія 1875.

но всегда сохранялъ свое достоинство вельможи, поддерживалъ престижъ своей страны и прикрывалъ свою неумѣлость, никогда не измѣнявшими ему, гордостью и изяществомъ.

Я долженъ быть кратокъ въ перечисленіи сотрудниковъ Петра. Самой интересной личностью среди нихъ является Василій Никитичъ Татищевъ, сдѣлавшійся родоначальникомъ людей подвижныхъ, какъ и онъ. Родъ его, черезъ князей Смоленскихъ, восходитъ до Рюрика. Онъ былъ „дѣятель“ въ истинномъ значеніи этого слова, лучший ученикъ, какъ Петра, такъ и школы, основанной въ Москвѣ однимъ французомъ. Выйдя изъ школы, онъ вмѣстѣ съ Неплюевымъ попалъ въ число молодыхъ людей, отправленныхъ Петромъ за границу для окончанія образованія. Нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ и Неплюевъ, были уже женаты. Черезъ Ревель, Копенгагенъ и Гамбургъ они добрались до Амстердама и нашли тамъ цѣлую колонію русскихъ учащихся. Двадцать семь человекъ изъ нихъ были тогда отправлены въ Венецію, гдѣ должны были поступить на службу во флотъ республики. Такимъ образомъ Неплюевъ участвовалъ въ экспедиціи на островъ Корфу. На всемъ побережьи Средиземнаго моря, и даже Атлантическаго океана, можно было бы въ то время встрѣтить этихъ новичковъ-учащихся изъ Россіи. Для надзора и распоряженія ихъ работами и путешествіями были назначены особыя лица: Беклемишевъ на Югѣ Европы, князь Иванъ Львовъ въ Голландіи и Зотовъ во Франціи. По возвращеніи Петръ принималъ ихъ въ своемъ кабинетѣ и со свѣчей въ рукахъ, такъ какъ была зима и солнце не показывалось еще въ этотъ часъ, провѣрялъ по картѣ ихъ географическія познанія. Если испытаніе было неудачно, онъ жестоко ругалъ ихъ и указывалъ на свои мозолистыя руки, говоря, что онъ добровольно сдѣлалъ ихъ такими, чтобы подать примѣръ всѣмъ прочимъ *).

Неплюевъ служилъ своему отечеству поочередно. то въ качествѣ дипломата въ Турціи, то какъ правитель Малороссіи, то какъ управляющій рудниками на Уралѣ. Татищевъ совмѣщалъ въ себѣ самыя разнообразныя дарованія, умѣнье при-

*) Неплюевъ, Воспоминаніе, стр. 103; Пекарскій, Наука и литература въ Россіи, стр. 141—142.

мѣнять свои способности ко всякому дѣлу, неутомимую работоспособность. Примѣрный ученикъ, онъ всю свою жизнь проводитъ такъ, какъ-будто рассказываетъ хорошо выученный урокъ. По примѣру государя, онъ вѣчно въ движеніи и интересуется рѣшительно всѣмъ: войной, финансами, управленіемъ, наукой, промышленностью. Подобно Петру, онъ работаетъ съ увлеченіемъ и проникнуть сознаниемъ отвѣтственности; такъ же, какъ и Петръ онъ работаетъ непрерывно и побуждаетъ къ тому же другихъ, искореняетъ прошлое и создаетъ будущее; подобно Петру, онъ обладаетъ поверхностными свѣдѣніями рѣшительно обо всемъ и точенъ до мелочности; и такъ же, какъ Петръ, будучи еще тѣсно связанъ съ Востокомъ, онъ смѣло обращаетъ свой умственный взоръ къ Западу. Въ 1704 году онъ присутствуетъ при взятіи Нарвы, а въ 1711 г., сопровождая Петра на роковомъ пути, приведшимъ его къ берегамъ Прута, онъ занимается археологическими изысканіями и раскопками, чтобы найти могилу Игоря, легендарнаго сына Рюрика. Отправившись затѣмъ снова за границу, онъ проводитъ нѣсколько лѣтъ въ Берлинѣ, Бреславлѣ и Дрезденѣ, прилежно занимаясь и составляя себѣ бібліотеку. Нѣсколько позднѣе, мы видимъ его въ должности дипломата на конгрессѣ на Аландскихъ островахъ. Затѣмъ, онъ дѣлается чертежникомъ, занятымъ обширнымъ проектомъ, цѣль котораго—составленіе общаго географическаго атласа Россіи. А черезъ нѣкоторое время, отправляясь въ походъ противъ Персіи, Петръ получаетъ для чтенія въ дорогѣ „Муромскую хроніку“, подписанную именемъ Татищева: Татищевъ сдѣлался историкомъ. Этого мало. Его присутствіе понадобилось на Уралѣ, гдѣ розыски мѣдной руды затянулись, безъ какихъ-либо опредѣленныхъ результатовъ. Онъ ѣдетъ туда, открываетъ невозможную распущенность мѣстной администраціи, доносить о притѣсненіяхъ, которыя должны терпѣть туземныя племена отъ представителей главной власти, основываетъ городъ Екатеринбургъ, которому предстоитъ въ будущемъ сыграть такую важную роль въ исторіи металлургической промышленности, устраиваетъ народныя школы и еще находитъ время изучать французскій языкъ при помощи грамматики, добытой имъ во время пребыванія въ Аландѣ...

Когда умеръ Петръ, Татищевъ былъ еще молодъ и продолжалъ подвизаться на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ. Послѣ его смерти остался серьезный научный трудъ, изданный Мюллеромъ: три тома Исторіи Россіи, дополненные позднѣе, благодаря находкѣ Погодина, еще двумя, и энциклопедическій словарь, доведенный до буквы Л. Историки XVIII вѣка, во главѣ со Шлецеромъ, сильно нападали на этотъ трудъ, но впоследствии онъ былъ реабилитированъ.

Впрочемъ, Татищевъ не избѣжалъ общей участи: въ 1722 году онъ былъ избитъ своимъ господиномъ, вслѣдствіе жалобы, поданной на него Никитой Демидовымъ за растрату общественныхъ денегъ, и умеръ въ ссылкѣ такъ, какъ и многіе другіе, хотя и болѣе мужественно. На семидесятомъ году, почувствовавъ приближеніе смерти, онъ сѣлъ верхомъ отправился въ приходскую церковь, отстоялъ обѣдню, пошелъ на кладбище, указалъ мѣсто для своей могилы и пригласилъ на завтра священника. Онъ скончался въ указанный имъ часъ, въ то время, какъ его соборовали *).

Нужно приписать особенной удачѣ и счастью Петра то, что ему удалось имѣть, среди своихъ приближенныхъ, чело-вѣка столь доблестнаго и съ такимъ нравственнымъ закаломъ, одновременно съ Зотовымъ или Надежинскимъ. Надежинскій былъ духовникъ Петра, которому онъ цѣловалъ руку, выходя отъ обѣдни, и давалъ щелчки въ носъ, нѣсколько мгновений спустя **). Въ Парижѣ Петръ устроилъ состязаніе между нимъ и извѣстнымъ пьяницей, секретаремъ Дюбуа. Черезъ часъ аббатъ лежалъ подъ столомъ, а Петръ бросился на шею побѣдителю, поздравляя его „со спасеніемъ чести Россіи“. Этотъ Надежинскій оставилъ послѣ себя громадное состояніе; но, къ счастью, другіе, а не онъ, помогали Петру устроить благосостояніе Россіи.

*) Ниль Поповъ, Татищевъ и его время; Бестужевъ-Рюмиль, Древняя и новая Россія, 1875,

***) Пельницъ, Воспоминанія, 1791, т. II, стр. 66.

III.

Татищевъ (Ягужинскій? прим. перев.) занималъ совершенно особенное мѣсто въ рядахъ дѣятелей великаго царствованія, какъ по своему характеру, такъ и происхожденію. Сынъ учителя школы органистовъ при лютеранской общинѣ въ Москвѣ, Ягужинскій началъ свою карьеру съ должности чистильщика сапогъ. Онъ совмѣщалъ эту должность съ другими занятіями, назвать которыя, какъ говорить Веберъ, за-прещаетъ ему чувство благопристойности *). Одному изъ его хозяевъ, графу Головину, пришла мысль помѣстить его къ Петру въ противовѣсъ Меншикову. Ягужинскій имѣлъ преимущество передъ фаворитомъ, хотя онъ былъ такой же воръ, но не скрывалъ своихъ хищеній и былъ болѣе умѣренъ. Когда при немъ государь заговорилъ однажды о необходимости переловить всѣхъ растратчиковъ, Ягужинскій отвѣтилъ ему знаменитой фразой:

— „Развѣ Ваше Величество хочетъ остаться безъ поданныхъ?“

Онъ былъ по своему вѣренъ и не измѣнялъ дѣлу, порученному его покровителемъ; онъ смѣло боролся съ Меншиковымъ и не побоялся даже вступить въ открытую борьбу съ самой Екатериной, покровительствовавшей фавориту. Его смѣлость превышаетъ его, довольно умѣренныя, таланты и только благодаря ей онъ получаетъ мѣсто главнаго прокурора. На этомъ посту онъ дѣйствительно проявляетъ много эвергій и настолько же строго относится къ слабостямъ ближнихъ, насколько снисходительности къ своимъ собственнымъ. Оскорбленный въ своемъ величій, фаворитъ нашель-таки способъ отомстить ему. Однажды, во время отсутствія государя, Ягужинскій въ пьяномъ видѣ (ибо онъ предавался всѣмъ видамъ разврата) очутился въ запертомъ гробу, гдѣ рвалъ ногтями погребальныя покровы и призывалъ тѣнь великой мстительницы-смерти.

Петръ Павловичъ Шафировъ былъ, какъ и Ягужинскій, польско-литовскаго происхожденія, но родословная его болѣе

*) Н. Herrmann, Peter d. Grosse und der Tsarevitch Alexei, 1880, p. 178.

сложна. Его дѣда, жившаго въ Оршѣ, Смоленской губерніи, звали Шафирь, уменьшенно же Шая, или Шаяшка, имя и теперь еще очень распространенное среди его единовѣрцев. Онъ былъ факторъ (должность и понынѣ составляющая неизбѣжное дополненіе домашняго обихода большей части помѣщиковъ) и носилъ грязный, длинный лапсердакъ, обнаруживавшій съ перваго взгляда его профессію и національность. Петръ Павловичъ уже не носилъ лапсердака, но унаслѣдовалъ отъ отца другія типичныя черты. Царь взялъ его изъ лавочки одного купца въ Москвѣ и прикомандировалъ къ Головкину, въ качествѣ секретаря. Польскіе евреи, какъ и всякіе евреи, легко овладѣваютъ нѣсколькими языками. Послѣ Полтавской побѣды, когда Головкинъ дѣлается канцлеромъ, его помощникъ также повышается въ чинъ и изъ приказчика-суконщика, какимъ онъ былъ раньше, дѣлается вице-канцлеромъ. Въ сущности, спешеніями съ иностранными государствами завѣдывалъ онъ. И дѣлалъ это блестяще. Въ опасномъ дѣлѣ, при Прутѣ его талантъ посредника сотворилъ прямо чудо и почти спасъ царя и государство. И вотъ Шафировъ достигъ вершины. Разумѣется, онъ разбогатѣлъ; сдѣлался, какъ и слѣдовало ожидать, барономъ и выдалъ пятерыхъ дочерей за первыхъ вельможъ страны: за Долгорукаго, Головина, Гагарина, Хованскаго и Салтыкова. Внезапно налетѣла буря и все рухнуло. Меншиковъ, которому онъ подставлялъ попку въ его грабежахъ, канцлеръ Головкинъ, замѣтитъ котораго онъ, слишкомъ явно, стремился, и, такой же, выскочка, какъ и онъ, Остерманъ, старавшійся вытѣснить его самого, воспользовались долгимъ отсутствіемъ Петра, чтобы приготовить гибель Шафирова. 15-го февраля 1723 года мы видимъ его кладущимъ голову на плаху, въ то время, какъ „помощники палача тянуть его за ноги, чтобы онъ хлопнулся о землю своимъ толстымъ брюхомъ“ *). Онъ избѣжалъ смерти. Секретарь Петра во время привезъ помилованіе, замѣняющее казнь пожизненной ссылкой. Когда онъ пришелъ въ Сенатъ для утвержденія приговора, — „дрожащій еще и со смертью въ глазахъ“, — какъ рассказываетъ очевидецъ, — его коллеги,

*) Büschings M. т. XXI, р. 195; Соловьевъ, т. XVIII, стр. 141.

члены Собранія, сами же приговорившіе его къ смерти, поздравляли его и жали ему руки... Конечно, онъ устроился такъ, что его не сослали въ Сибирь, а назначили мѣстомъ ссылки Новгородъ. Тамъ онъ терпѣливо ожидалъ смерти Петра, затѣмъ тотчасъ же получилъ свободу, вернулся къ дѣламъ, въ качествѣ президента Торговой Коллегіи и вернулъ конфискованное у него состояніе, при помощи новыхъ темныхъ дѣлишекъ.

Одна изъ сестеръ его отца вышла замужъ за крещенаго еврея, который перемѣнилъ фамилію, сдѣлался родоначальникомъ семьи дѣятелей, занимающихъ очень видное положеніе въ исторіи дипломатіи, въ царствованіе Петра. Это семейство Веселовскихъ.

Своеобразную группу дѣятелей создало вокругъ Реформатора учрежденіе должности „прибыльщиковъ“, спеціальныхъ агентовъ фиска, которые должны были находить новые источники государственнаго дохода. Наиболѣе выдающимся представителемъ этого учрежденія былъ Курбатовъ. Онъ былъ совершенно новымъ типомъ не только для Россіи, но и для Европы, и вполне походилъ на финансиста новаго времени, падкаго на барыши, но въ то же время заботящагося о точномъ урегулированіи нуждъ казны. Самъ Петръ не всегда могъ возвыситься до этого защитника отвлеченныхъ экономическихъ формулъ и, въ одинъ прекрасный день, отдалъ его въ жертву злобѣ свирѣпаго инквизитора Ромодановскаго, кровожадную жестокость котораго проклиналъ Курбатовъ. Онъ не былъ, конечно, человѣкомъ вполне безупречнымъ, и будучи сосланъ въ Архангельскъ съ пониженіемъ чина, подтверждалъ иногда справедливость постигшей его немилости. Тѣмъ не менѣе, онъ кажется жертвой борьбы двухъ міровъ, двухъ разныхъ представленій о государствѣ и двухъ различныхъ пониманій общественной жизни, борьбы, въ которой даже самъ Великій Монархъ не всегда умѣлъ стать на сторону праваго.

Эта борьба проявилась еще болѣе ярко и драматично въ исторіи несчастнаго Осипа Алексѣевича Соловьева. Онъ былъ сыномъ архангельскаго купца, и Петръ сдѣлалъ его, сначала, начальникомъ таможни, потомъ русскимъ торго-

вымъ агентомъ и банкиромъ въ Голландіи. Въ 1717 году Соловьевъ, обороты котораго къ этому времени значительно расширились, былъ вовлеченъ въ опалу своимъ братомъ, занимавшимъ незначительное мѣсто въ домѣ Меншикова. Онъ подвергся преслѣдованію, былъ выданъ Тайной Канцеляріи, и затѣмъ признанъ невиновнымъ. Но въ застѣнкѣ ему переломали руки и ноги, а капиталъ его, около милліона рублей, исчезъ.

Соловьевъ былъ простой мужикъ. Другой, такой же мужикъ, Посошковъ, съ грустной шутливостью рисуетъ общее положеніе людей своего класса въ ихъ отношеніяхъ съ сильными міра сего. Вотъ какъ онъ рассказываетъ о своихъ недоразумѣніяхъ съ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ, у котораго онъ въ 1719 году просилъ разрѣшенія на постройку винокурни. Русскій Монтескье былъ уже въ это время, до нѣкоторой степени, персоной, имѣлъ состояніе и хорошія связи, и вмѣстѣ съ Курбатовымъ участвовалъ въ разныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ. Онъ и не воображалъ, какой отвѣтъ послѣдуетъ на его ходатайство. Безъ всякаго объясненія его схватили за шиворотъ и бросили въ тюрьму. Онъ удивляется, жалуется и, наконецъ, черезъ недѣлю напоминаетъ о себѣ разсѣянному боярину: „За что я сижу въ тюрьмѣ?“—„Какого чорта сидитъ этотъ человѣкъ въ тюрьмѣ?“—спрашиваетъ Голицынъ. И такъ какъ никто не могъ ему отвѣтить, онъ подписываетъ приказъ объ освобожденіи.

Въ примѣненіи такихъ упрощенныхъ пріемовъ, въ высокомѣрномъ презрѣніи къ личнымъ правамъ человѣка, духъ старой Россіи сходенъ съ преобразовательными стремленіями новыхъ вѣяній. И самъ Посошковъ солидаренъ съ нимъ. Горячій сторонникъ реформъ, вводимыхъ Петромъ, онъ является также сторонникомъ крутыхъ мѣръ, пускаемыхъ въ ходъ Преобразователемъ, чтобы обезпечить успѣхъ. Онъ охотно превзошелъ бы суровой непреклонностью самого Петра. Теоретикъ той школы, практическими дѣятелями которой были прибыльщики, во главѣ съ Курбатовымъ, онъ хотѣлъ бы примѣнить для служенія общимъ идеямъ непреклонность, стремительность и способность доходить до крайностей, свой-

ственныхъ всѣмъ фанатикамъ. Посошковъ подвергся обычной для подобныхъ ему людей участи. Онъ полагалъ, что невоздѣланная, покрытая терніями почва его родины требуетъ примѣненія огня и желѣза,—и та ужасная очистительная машина, которую онъ помогаль приводить въ движеніе, мимоходомъ раздавила его самого. Но какъ могло случиться, что Посошковъ не сумѣлъ, хотя бы временно, сблизиться съ Петромъ? Вѣдь всю жизнь онъ идетъ съ нимъ, такъ сказать, бокъ-о-бокъ, въ одинокой, упорной работѣ мысли, явно вдохновленной одной цѣлью. Это совершенно особенный случай: у Посошкова цѣлый складъ идей, а Петръ всегда стремился запасаться этимъ товаромъ, гдѣ угодно, только не у своихъ. Иначе, при господствовавшемъ въ царствованіи Петра стремленіи къ равенству, великій человекъ не побрезговаль бы сдѣлать „мужика“ своимъ сотрудникомъ, своимъ товарищемъ. Доказательствомъ этого служить судьба современниковъ Посошкова—Демидовыхъ.

Всѣмъ извѣстно легендарное начало ихъ карьеры, анекдотъ о пистолетѣ, посвящемъ клеймо знаменитаго тогда Кухенрейтера и отданномъ въ починку тульскому мастеру. Вотъ разговоръ царя съ молодымъ оружейникомъ:

Царь. Ахъ, если бы у насъ умѣли дѣлать такое оружіе...
Оружейникъ. Эка невидаль...

Царь (съ бранью давая ему пощечину). Кончи сначала работу, негодяй, да тогда и хвастайся!..

Оружейникъ. Ты разгляди-ка, сначала, батюшка. Пистолеть-то, что тебѣ такъ понравился, вѣдь моей работы. Вотъ онъ и другой.

Этого оружейника звали Антуфьевъ. Его отецъ, Демидъ Григорьевичъ, государственный крестьянинъ, былъ кузнецомъ въ деревнѣ Паршино, Алексинскаго уѣзда, Тульской губерніи, и поселился въ Тулѣ около 1650 года. Сыну Никитѣ въ 1694 году было около сорока лѣтъ. Къ этому году относятся первую встрѣчу его съ государемъ, считающуюся началомъ баснословнаго обогащенія Демидовыхъ и современнаго развитія металлургической промышленности въ Россіи *).

*) Русскій Архивъ, 1878, т. II, стр. 120; Карновичъ, Богатства частныхъ лицъ въ Россіи, стр. 163 и слѣд.

Никита былъ женатъ. Извинившись передъ нимъ за пощечину, Петръ, какъ рассказываютъ, назвался обѣдать къ его женѣ. Обѣдъ прошелъ очень весело, а въ уплату расходовъ Никитѣ были пожалованы земли близъ Тулы, для разработки желѣзной руды. Это было только начало. Со временемъ предприимчивому уму и дѣятельности Никиты и его сына Акинѣя были предоставлены уральскіе рудники. Въ 1707 году Никита былъ произведенъ въ личные дворяне, подъ фамиліей Демидова, а въ 1720 г. получилъ права потомственного дворянства. Несмотря на это, онъ продолжалъ одѣваться по-крестьянски, а Петръ, обращаясь къ нему съ величайшимъ уваженіемъ, продолжалъ въ то же время называть его фамилярнымъ деревенскимъ прозвищемъ „Демидычъ“. Онъ сумѣлъ заставить оцѣнить себя не только какъ несравненный промышленникъ и дѣлецъ, основавшій двадцать заводовъ: въ Чуралинскѣ, Верхнетагильскѣ и Нижнетагильскѣ; его природная веселость и жизнерадостность, сатирическое и ядовитое направленіе ума дѣлали его похожимъ на Лефорта. Онъ умеръ въ 1725 году, въ Тулѣ, шестидесяти восьми лѣтъ отъ роду, оставивъ громадное состояніе и, что было чудомъ по тому времени, незапятнанную репутацію честнаго человѣка. Русская промышленность можетъ гордиться этимъ своимъ предкомъ больше, чѣмъ русское мореходство тѣмъ, котораго угодно было Петру навязать ему въ лицѣ Головина.

Еще одно крестьянское имя напрашивается на мое перо, одно изъ величайшихъ именъ новой русской исторіи, оспариваемое у литературы наукою и напоминающее въ то же время о трудахъ и завоеваніяхъ въ области промышленности. Пушкинъ сказалъ о Ломоносовѣ, что, будучи одновременно историкомъ, знаткомъ риторики, механикомъ, химикомъ, минералогомъ, артистомъ и поэтомъ, онъ представлялъ собою первый русскій университетъ. Но этимъ еще недостаточно сказано. Ломоносовъ родился въ 1711 году и не былъ современникомъ великаго царствованія въ періодъ своей дѣятельности. Тѣмъ не менѣе, онъ всецѣло принадлежитъ къ нему; онъ прямой потомокъ этого царствованія, его сладкій плодъ; онъ пѣликомъ воплощаетъ въ себѣ его духъ со

всѣми его цивилизующими свойствами, съ его пробѣлами и противорѣчїями. Ломоносовъ никогда не забывалъ о своемъ происхожденїи, а, наоборотъ, гордился имъ. Это не мѣшало ему восхвалять въ дѣлѣ Реформатора даже законъ о крѣпостныхъ, увеличившїй тяжесть рабства, и не помѣшало ему, крестьянину, требовать двѣсти душъ крестьянъ, для пожизненной работы на основанномъ имъ заводѣ. Выходецъ изъ народа, онъ вспоминалъ народныя пѣсни, преданїя и обряды какъ что-то отдаленное, отжившее и имѣющее чисто историческїй интересъ. Одна изъ самыхъ глубокихъ и выразительныхъ формъ народнаго творчества, былины, остатки которыхъ еще и теперь сохранились въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ губерніяхъ, осталась совершенно незамѣченной поэтому. Онъ любилъ и понималъ только западную классическую поэзію, со свойственными ей, скоро вышедшими изъ употребленїя, формами: любилъ оду, панегирикъ, героическія поэмы, трагедїи, дидактическія посланїя. На свою дѣятельность писателя или ученаго онъ почти готовъ былъ смотрѣть какъ на царскую службу, какъ на работу чиновника. Въ этой чертѣ очень ярко сказывается та, своего рода, принудительность и канцелярщина, къ которымъ привела въ области личной энергїи и личнаго самосознанїя система, введенная Петромъ.

Тѣмъ не менѣе, Ломоносовъ былъ значительной величиной въ дѣлѣ общаго и ускореннаго преобразованїя, изъ котораго вышла новая Россїя. Онъ прибавилъ могучее и рѣшительное усилїе къ тому колоссальному напряженїю силъ, которое сковало вновь звенья цѣпи, разбитой въ XIII вѣкѣ, и приобщило Россїю къ умственному послѣдїю цивилизованныхъ народовъ *).

IV.

Сотрудники Петра иностранцы занимаютъ въ большинствѣ случаевъ, по крайней мѣрѣ по внѣшности, положенїе

*) Вилларскїй, Матерьялы для біографїи Ломоносова, Петербургъ, 1865; Ламанскїй, М. В. Ломоносовъ, Біографическїй этюдъ Петербургъ, 1864.

подчиненныхъ. Петръ былъ неспособенъ сдѣлать ошибку, подобную ошибокѣ, совершенной впоследствии императрицей Анной, отдавшей свою страну цѣликомъ во власть Биропа, Въ царствованіе Петра, шотландецъ Огильви могъ сколько угодно создавать планы сраженій,—выигрывалъ же эти сраженія Шереметевъ.

Кромѣ того, всѣ—шотландцы, нѣмцы или голландцы — поразительно скоро руссифицировались и сливались съ окружающей средой. Эта подвижная и въ высшей степени проницаемая среда быстро поглощала всѣ врожденные характерныя черты, принесенныя иностранцами. Родившійся въ Россіи, сынъ голландскаго эмигранта, Андрей Винніусъ отличается отъ окружающихъ его русскихъ только большей степенью образованности. Онъ исповѣдуетъ религію страны; говоритъ на ея языкъ; усваиваетъ ея духовныя привычки. Онъ лучше чѣмъ Меншиковъ умѣетъ отливать пушки и дѣлать порохъ; но что касается искусства набить свой карманъ—они, приблизительно, стоятъ другъ друга. Къ тому же типу принадлежатъ и всѣ прочіе въ этой безпорядочной толпѣ иноземныхъ авантюристовъ, которымъ Петръ открылъ доступъ въ Россію. У всѣхъ нихъ были свои особенныя недостатки. И, отъ соприкосновенія съ ними, зародыши разложенія и упадка, заложенные въ національное сознаніе татарскимъ владычествомъ, могли только развиваться.

Шотландецъ Яковъ Брюсъ, считавшійся при дворѣ химикомъ и гениальнымъ астрономомъ, а въ народѣ колдуномъ, нисколько не походилъ на Ньютона или на Лавуазье, но во многомъ смахивалъ на простаго мошенника. У него постоянно выходили столкновенія съ правосудіемъ изъ-за превышенія власти, присвоенія земель и мошенничества при поставкахъ по его вѣдомству,—онъ былъ главнымъ пачальникомъ артиллеріи. Дѣло всегда кончалось тѣмъ, что царь его прощаль. Знанія этого разбойника носили характеръ самообученія и диллетантизма, что придавало имъ неотразимое очарованіе въ глазахъ Петра и, дѣйствительно, имѣло цѣнность, принимая во вниманіе мѣстныя условія. Сложилась цѣлая легенда по поводу свѣта, горящаго въ долги зимнія ночи въ окнахъ его лабораторіи на Сухаревой башнѣ.

Астрономическія изслѣдованія, которыми онъ тамъ занимался, смахиваютъ скорѣе на астрологию, а его знаменитый календарь, изданный въ 1711 году, похожъ на бабьи сказки. Но въ то же время Брюсъ руководилъ, устроеннымъ имъ же, училищемъ мореплаванія, артиллерійскимъ училищемъ и школой военныхъ инженеровъ; онъ предсѣдательствовалъ въ Мануфактуръ-Коллегіи и въ Минной Коллегіи; онъ былъ душой учебной переписки, которую Петръ старался поддерживать съ Лейбницемъ, а при заключеніи Ништадтскаго договора онъ проявилъ себя очень способнымъ дипломатомъ, чѣмъ заслужилъ графскій титулъ и чинъ маршала.

Таковы были почти всѣ сотрудники-иностранцы: годные на всѣ руки, они кое-какъ умѣли дѣлать много полезнаго и отличались, главнымъ образомъ, энергіей и лукавствомъ.

Сотоварищемъ Брюса, при написаніи Ништадтскаго договора, былъ вестфалець Остерманъ, которому двухгодичное пребываніе въ іенскомъ университетѣ создало репутацію ученаго. Въ 1725 году Кампредонъ подводитъ слѣдующій итогъ его способностямъ: „Знаетъ нѣмецкій, итальянскій и французскій, что дѣлаетъ его человѣкомъ необходимымъ; послѣ того ему, главнымъ образомъ, помогаютъ ябедничество, изворотливость и притворство“. Больше ему ничего и не требовалось, чтобы сдѣлаться преемникомъ Шафирова и получить должность вице-канцлера въ странѣ, гдѣ канцлеромъ былъ Головкинъ. Кампредонъ лишь забылъ записать въ активъ этому корыстолюбцу его удивительную работоспособность. Ублажая подозрительность, подмѣченную имъ у государя, Остерманъ собственноручно зашифровывалъ и расшифровывалъ его депеши, проводя за этой работой цѣлые дни и ночи, не снимая легендарнаго краснаго бархатнаго халата. Онъ не разстался съ нимъ даже 18 января 1744 года, идя на плаху, какъ и его предшественникъ. Получивъ, такъ же, какъ и тотъ, помилованіе, Остерманъ умеръ въ ссылкѣ.

Рядомъ съ польскимъ евреемъ Шафировымъ мы видимъ чудаковатую фигуру португальскаго еврея Девьера. Петръ вывезъ его изъ Голландіи, гдѣ въ 1697 году встрѣтилъ его юнгою на купеческомъ кораблѣ. Въ 1705 году онъ былъ гвардейскимъ офицеромъ; въ 1709—бригаднымъ генераломъ. Въ

1711 году, задумавъ выгодно жениться, онъ остановилъ свой выборъ на старой и некрасивой сестрѣ Меншикова. Меншиковъ счелъ его предложеніе за тяжкое для себя оскорбленіе и отвѣтилъ на него приказаніемъ своимъ людямъ выдрать нахала. Черезъ три дня маленькій еврейчикъ велъ къ алтарю избранную имъ невѣсту. Какимъ-то образомъ ему удалось выскочить изъ бѣды живымъ, хотя и съ сильно попорченной кожей, и, весь въ крови, онъ побѣжалъ жаловаться царю, который и рассудилъ его съ Меншиковымъ. Его хитрость, проворство, веселый нравъ и безпримѣрное раболѣнство не спасли его, однако, отъ новыхъ бѣдствій. Такова ужъ была его участь. Въ 1718 году онъ первый занялъ вновь учрежденную въ Петербургѣ должность полицеймейстера, и, въ качествѣ такового, сопровождалъ Петра при осмотрахъ улицъ столицы. Однажды, во время такого осмотра, экипажъ царя внезапно долженъ былъ остановиться, такъ какъ мостъ оказался сломаннымъ. (Петръ приказалъ устроить мосты для переѣзда черезъ многочисленные каналы, прорѣзавшіе городъ). Пришлось выйти изъ экипажа и посылать за матерьялами для починки поврежденія. Петръ самъ принялся за дѣло. Окончивъ работу, онъ молча положилъ инструменты, взявъ свою дубинку и съ ея помощью расправился съ полицеймейстеромъ. Затѣмъ сѣлъ въ экипажъ, пригласилъ Девьера сѣсть рядомъ съ собой, сказавъ: „Садись, братъ“, и, какъ ни въ чемъ не бывало, возобновилъ прерванный приключеніемъ разговоръ. Впослѣдствіи еще и другіе удары ожидали покрытую рубцами спину Девьера: въ 1727 году, послѣ смерти Петра, Меншиковъ кровавыми писменами расписался на ней въ ненависти къ нежеланному зятю. Внизу указа о ссылкѣ опальнаго полицеймейстера онъ приписалъ: „Вить кнутомъ“ *).

Любопытно отмѣтить однообразіе развитія всѣхъ этихъ блестящихъ карьеръ: всѣ онѣ неизбѣжно ведутъ къ паденію, въ которомъ надъ мелкой злобностью и личными счетами какъ-будто утверждается законъ какого-то высшаго историческаго возмездія. Похожіе другъ на друга, не имѣющіе ничего завѣт-

*) Шубинскій, Историческіе очерки, стр. 77; Лунаковъ, Монографія, въ журналѣ Московской политехнической выставки, 1872, стр. 99.

наго и никакихъ руководящихъ принциповъ, кромѣ честолюбія и собственной выгоды, откуда бы они ни явились и по какому бы пути ни пошли, эти люди приходятъ къ одной и той же пропасти.

Они появляются со всѣхъ сторонъ. Въ этой стаѣ авантюристовъ, ольденбуржець Минихъ, начавшій свою карьеру въ качествѣ строптеля Ладожскаго канала, идетъ бокъ-о-бокъ съ ниже-бретонскимъ дворяниномъ Франсуа-Гильемотомъ де-Вильбоа, который во Франціи былъ контрабандистомъ. Воспоминанія этого господина, полныя нелѣпостей и завѣдомой лжи *), представляютъ источникъ весьма сомнительной цѣнности какъ для изученія исторіи Петра, такъ и его собственной.

Де-Вильбоа, если вѣрить его словамъ, спасъ отъ крушенія корабль, который Царь велъ изъ Голландіи въ Англію, и этимъ побудилъ московскаго владыку, „который любилъ необыкновенныхъ людей“, пригласить его къ себѣ на службу, гдѣ его тотчасъ же произвели изъ низшихъ офицеровъ во флигель-адъютанты и капитаны корабля. Я не рѣшусь рассказывать съ такими же подробностями, какъ онъ самъ, о заключеніи, приведшемъ его два года спустя на каторгу; какъ онъ былъ посланъ въ сильную стужу изъ Стрѣльны въ Кронштадтъ съ письмомъ Петра къ его супругѣ, и дорогой, чтобы согрѣться, напился до такой степени, что, когда вошелъ въ спальню императрицы, у него помутилось въ головѣ отъ рѣзкой перемены температуры; какъ, увидѣвъ въ постели полу-магую, показавшуюся ему очень красивой, женщину, онъ потерялъ способность владѣть собой и управлять своими поступками; не рѣшусь рассказывать также о томъ, какія послѣдствія имѣло его болѣзненное разстройство, несмотря на крики государыни и на присутствіе въ сосѣдней комнатѣ ея статсъ-дамъ. Екатерина пострадала при этомъ не только отъ тяжести самаго оскорбленія, но также и отъ физиологическихъ особенностей этого эксъ-контрабандиста, дѣлающихъ его до нѣкоторой степени похожимъ на одного изъ современныхъ намъ государей. Что касается Петра, то, несмотря на необходимость

*) Были опубликованы съ пропусками въ *Révue rétrospective*, 3-е série, t. XVIII, p. 351. Рукопись находится въ Национальной библиотекѣ, въ Парижѣ.

вмѣпательства хярурга для исправленія причипенныхъ поврежденій, онъ отнесся къ дѣлу довольно философски: „Эта скотина дѣйствовала въ безсознательномъ состояніи, а потому невиновна. Но для острастки заковалъ его въ цѣпи на два года“.

Во всемъ разсказѣ единственный исторически вѣрный пунктъ—это цѣпи. Впрочемъ, Вильбоа носилъ ихъ не болѣе шести мѣсяцевъ. Въ концѣ этого срока онъ былъ помплованъ, а потомъ при содѣйствіи царя женился даже на дочери стараго маріенбургскаго пастора Глюка и такимъ образомъ укрѣпилъ свою интимную связь съ двумя монархами. При Елизаветѣ онъ былъ контръ-адмираломъ и комендантомъ Кронштадта.

На ряду съ этимъ флибустьеромъ, въ арміи царя мы видимъ двухъ другихъ французовъ, хорошаго рода, Андрея и Адриана де-Бриньи. Они были храбры, но не имѣли дара вести интриги, необходимаго, чтобы выдвинуться, и прозябали на низшихъ должностяхъ. Въ этой цестрой толпѣ иностранцевъ, которой Петръ старался воспользоваться для прививки своему народу западной культуры, меньше всего было, требовательныхъ, мало покладистыхъ и лишенныхъ податливости, англичанъ. Всего въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ работаетъ въ Россіи знаменитый Перри, приглашенный въ качествѣ инженера и очень скоро упавшій духомъ; рука объ руку съ нимъ идетъ его „товарищъ по несчастью“, Фаргварсонъ. Этому послѣдняго призвали завѣдывать школой математики, и онъ такъ ни копейки и не получилъ за свою службу *). За исключеніемъ англичанъ, въ толпѣ иностранцевъ можно было найти любую національность, вплоть до негра.

На долю уроженца Африки, попавшаго ко двору Петра, выпала удивительно бурная жизнь. Родился онъ около 1696 года, семи лѣтъ былъ увезенъ съ родины и привезенъ въ Константинополь, гдѣ въ 1705 году его купилъ графъ Толстой, посланникъ русскаго царя. На всю жизнь сохранилось въ душѣ мальчика грустное воспоминаніе о томъ, какъ его нѣжно любимая сестренка Лагаль бросилась въ море и долго-долго

*) Perry, Etat présent de la Russie (édition française), Amsterdam.

плыла за уносящимъ его кораблемъ. На берегахъ Босфора его прозвали Ибрагимомъ; въ 1707 году, во время пребыванія царя въ Вильнѣ, Ибрагима окрестили, при чемъ крестнымъ отцомъ былъ Петръ, а крестной матерью королева польская; съ этого времени онъ сталъ называться Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ. Сначала онъ сдѣлался казачкомъ у государя, въ этой должности близко познакомился съ дубинкой, но зато, благодаря своей миловидности и смысленности, скоро пріобрѣлъ любовь своего господина. Это былъ негртенокъ-чудо. Въ 1716 году его для пополненія образованія посылаютъ въ Парижъ. Благодаря хорошей подготовкѣ, онъ тотчасъ же поступилъ на службу во французскую армію, гдѣ обратилъ на себя вниманіе. Во время кампаніи 1720 года противъ испанцевъ, въ которой онъ былъ раненъ въ голову, онъ достигъ чина лейтенанта. Вернувшись въ Парижъ, онъ становится, своего рода, извѣстностью; всѣ салоны для него открыты, и, по видимому, онъ одерживаетъ въ нихъ побѣды. Но серьезныя наклонности отвлекаютъ его отъ легкомысленной свѣтской жизни; онъ поступаетъ въ инженерное училище, и выходитъ изъ него въ 1726 году съ чиномъ капитана, только для того, чтобы вернуться въ Россію. Здѣсь онъ занимаетъ должность лейтенанта въ бомбардирской ротѣ, шефомъ которой былъ Петръ, и женится. Его красавица-жена, дочь греческаго купца, родила ему бѣлокурую дочь. Тогда онъ принудилъ жену постричься въ монахини, дочери же, маленькой Поликсенѣ, далъ тщательное воспитаніе, выдалъ ее замужъ, но никогда не хотѣлъ ее видѣть. Онъ былъ очень ревнивъ, очень пылокъ, очень справедливъ, очень честенъ и очень скупъ. Послѣ смерти Петра, Меншиковъ свелъ съ нимъ личные счеты, какъ и со всѣми другими, и отправилъ его въ ссылку, откуда Абрамъ Петровичъ возвратился только въ царствованіе Елизаветы. По возвращеніи онъ былъ произведенъ въ генералъ-аншефы и умеръ въ 1781 году, девяноста лѣтъ отъ роду *).

*) Helbig. Russische Günstlinge, Tübingen, 1809, p. 135; Балтышъ-Каменскій, Біографическ. словарь. Д. И. Языковъ, Энциклопедическій словарь, 1838, т. XIV, стр. 289; Лопгиновъ, Русскій Архивъ, 1864, стр. 180, 181; Олатовичъ, Первая жена А. Ганнибала. Рус-

Его имя и его история впоследствии приобрѣли новую славу въ русской литературѣ: онъ былъ съ материнской стороны прадѣдомъ Пушкина.

Въ сущности, всѣ эти приближенные Петра, какъ иностранцы, такъ и русскіе, были только полезностями и статистами. Изъ ихъ среды не выдѣлилось ни одного дѣйствительно великаго имени, ни одной великой личности. Быть можетъ, это произошло оттого, что личность и роль главнаго актера занимали на сценѣ слишкомъ много мѣста. Такой взглядъ подтверждается отношеніями государя съ единственнымъ, подходившимъ къ его масштабу, челоѡкомъ, съ которымъ ему приходилось сталкиваться въ современномъ ему европейскомъ обществѣ. Мнѣ уже приходилось упоминать о первыхъ попыткахъ Лейбница сблизиться съ государемъ и о надеждахъ, возникшихъ при этомъ въ воображеніи восторженнаго ученаго. Сближеніе это не принесло счастья ни одному, ни другому, но какъ будто уменьшило величіе обоихъ.

Что-то вродѣ настоящаго помѣшательства овладѣло Лейбницемъ съ того дня, какъ, проѣзжая черезъ Германію, Петръ открылъ Европѣ свое инкогнито. Лейбницъ начинаетъ бредить Россіей и ея царемъ, волнуется и составляетъ безчисленные проекты, одинъ безразсуднѣй другого, всѣ направленные къ одной цѣли: заставить государя его узнать и оцѣнить. Этому волпешію находится естественное объясненіе: великій ученый, какъ извѣстно, считалъ себя славяниномъ по происхожденію и претендовалъ на старинное происхожденіе своего имени, отъ польской фамиліи графовъ Любенецкихъ. Въ одной автобіографической замѣткѣ онъ написалъ слѣдующія строки: „Leibnitiorum, sive Lubencziorum, nomen slavonicum, familia in Polonia“. (Лейбницы, раньше Любенцы, славянское имя, родъ въ Польшѣ). Поссорившись съ городомъ Лейпцигомъ, онъ опубликовалъ такое заявленіе по его адресу: „Пусть Германія умѣритъ свою гордость; родившись, я принесъ съ собой не только нѣмецкій гений, это гений славянской расы, пробудившійся во мнѣ на родинѣ схоластики“. Къ

ская старина, 1877, т. XVIII, стр. 69; Пушкинъ, Генеалогія Пушкиныхъ и Галицбаловъ, Сбор. сочиненій, т. V, стр. 148 (изд. 1887 г.).

этой же отдаленной кровной связи взывалъ онъ, по его словамъ, когда въ 1711 году приставалъ къ Петру въ Торгау: „Мы исходимъ отъ одной точки отправления, государь, говорилъ онъ.—Оба славяне, принадлежащіе къ расѣ, судьбы которой никто не можетъ предвидѣть, мы оба созидатели будущихъ вѣковъ...“ *). Разговоръ, къ сожалѣнію, оборвался, а продолженіе начавшихся такимъ образомъ отношеній затерялось въ областяхъ, гораздо менѣе возвышенныхъ. Въ 1697 году, обдумывая планъ научной кампаніи на сѣверъ, Лейбница пребывалъ еще на должной высотѣ; онъ спускается съ нея какъ разъ въ 1711 году, когда главнымъ образомъ старается добиться своего назначенія—представителемъ Царя при Ганноверскомъ дворѣ. Дипломатія—слабость Лейбница, все увеличивающаяся къ старости. Онъ хлопочетъ и интригуетъ, изводитъ русскаго посла въ Вѣнѣ, барона Убриха, надѣдаетъ герцогу Антону Ульриху Вольфенбютельскому, внука котораго только что была просватана за царевича Алексѣя. Единственнымъ результатомъ всѣхъ этихъ стараній было обѣщаніе чина и пенсін. Не добившись успѣха, онъ возобновляетъ хлопоты въ 1712 году въ Карлсбадѣ, предлагая одновременно свои услуги для устройства соглашения между Австріей и Россіей, магнетическій глобусъ, сдѣланный для царя, и инструментъ для снятія проэкцій крѣпостей. На этотъ разъ онъ получаетъ чинъ тайнаго совѣтника и пятьсотъ дукатовъ, и успокаивается до 1714 года, когда его снова заставляеть взволноваться открывшаяся ваканція на должность дипломата въ Вѣнѣ. Въ 1716 году онъ сопровождаетъ московскаго царя на водахъ въ Пирмонтъ, со связкой полу-научныхъ, полу-политическихъ мемуаровъ въ одной рукѣ и съ аппаратомъ для больной руки Царя въ другой (Петръ лѣчился отъ мѣстнаго паралича); онъ напоминаетъ о своей пенсін, которую ему не платили, но „слухъ о которой распространился по всей Европѣ“; расточаетъ выраженіе почитанія и предан-

*) Письмо графа Яна Любенецкаго, опубликованное недавно, въ польскомъ журналѣ „Kraj“ (1896, № 32), подтверждаетъ данными семейныхъ документовъ дѣйствительность такого происхожденія Лейбница. Этого не думали оспаривать сами издатели произведеній великаго ученаго—Клоппъ, Гурауэръ и Пертцъ.

ности; въ одно и то же время онъ и нестерпимо неспособенъ, и невыразимо жалокъ. Но Петръ все время почти остается равнодушнымъ къ блеску этого разносторонняго ума, ненаходящаго точки соприкосновенія съ его умомъ *). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Лейбницъ умеръ.

Принято приписывать Лейбницу значительное участіе въ учрежденіи коллегіальнаго управленія въ Россіи. Документъ, послужившій въ дѣйствительности основаніемъ такой организаціи, долгое время считался вышедшимъ изъ-подъ его пера. Это совершенно не доказано. Оригиналъ этого документа, сохранившійся въ московскомъ архивѣ, написанъ не рукой Лейбница. Другія его подлинныя рукописи не даютъ никакихъ указаній. Еще три документа изъ того же дѣла, также приписываемые Лейбницу, не принадлежатъ его перу. Въ равной степени, что бы тамъ ни говорили, онъ не имѣлъ отношенія къ основанію Академіи Наукъ въ Петербургѣ. Для устройства и завѣдыванія этимъ учрежденіемъ Петръ намѣтилъ другого нѣмца, Христіана Вольфа, но натолкнулся на отказъ съ его стороны. Этотъ ученый нашелъ климатъ Петербурга слишкомъ холоднымъ, а жалованье директора академіи слишкомъ ничтожнымъ. Кромѣ того, онъ высказался за замѣну Академіи университетомъ. „Въ Берлинѣ также есть Академія Наукъ“, говорилъ онъ; „ей не хватаетъ только ученыхъ“ **). Уклонившись отъ завѣдыванія Академіей самъ, Вольфъ порекомендовалъ царю нѣкоторыхъ своихъ друзей: Бернулли, Бюльфингера, Мартини. Если подборъ ученыхъ и не былъ выдающимся, то трудолюбія у нихъ было много, и ихъ присутствіе пошло на пользу колыбели наукъ въ Россіи. Въ основаніе плана, принятаго Петромъ для устройства Академіи, былъ положенъ докладъ Фика, неизвѣстной личности, бывшей раньше секретаремъ одного нѣмецкаго князя. Проекты Лейбница заходили слишкомъ далеко, превышали умственный кругозоръ Петра и, вѣроятно, выходили за предѣлы

*) См. предисловіе къ Военному сборнику, Петербургъ, 1873, стр. 23. Foucher de Gabriel, Pierre le Grand et Leibnitz. (Отчеты Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, 1874, июнь).

**) Письма Христіана Вольфа, Петербургъ, 1860; Пекарскій, Исторія науки и литературы въ Россіи, т. I, стр. 33.

осуществимаго, принимая во вниманіе время и среду. И, дѣйствительно, Петръ не принялъ ни одного изъ широкихъ, слишкомъ широкихъ плановъ великаго ученаго. До 1716 года онъ былъ такъ поглощенъ своей борьбой со шведами, что не могъ даже отнестись внимательно къ этимъ планамъ и удовлетворялся подобіемъ духовной близости и ученой переписки, поддерживаемой при помощи Брюса. А можетъ быть онъ былъ раздраженъ и предубѣжденъ противъ Лейбница, такъ какъ замѣтилъ двуличность и недостатокъ достоинства въ его поведеніи. Такъ придворный и проситель заслонили въ его глазахъ гениальнаго человѣка.

Но такой великій сѣятель, какъ Лейбницъ, не могъ пройти безслѣдно по бороздѣ, проведенной Великимъ Преобразователемъ. Пусть кажется, что зерна, брошенныя пригоршней его чудесной руки, были унесены вѣтромъ и затерялись въ пространствѣ. Они найдутся въ свое время. Въ трудахъ по изученію славянскихъ языковъ, исполненныхъ гораздо позднѣе подъ покровительствомъ русскаго правительства, мы замѣчаемъ его благотворное вліяніе. И самъ Александръ Гумбольдтъ въ своихъ изслѣдованіяхъ земного магнетизма, производившихся имъ во всей Россіи, вплоть до центральной Азіи, называетъ себя послѣдователемъ этого знаменитаго ученаго. Вліяніе людей такого широкаго размаха, какъ Лейбницъ и Петръ Великій, не ограничивается предѣлами ихъ жизни.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Женщины.

I. Любовница Короля и любовница Царя. Донжуалство Петра. Государь, мало заботищійся о приличіяхъ. Предпріимчивый дядюшка. Окружающіи женщины. Княгиня Голицына. Грубость и цинизмъ. Другая сторона отношеній съ женщинами. II. Первые шаги. Женитьба. Евдокія Лопухина. Медовый мѣсяць. Разногласіе. неподходящая пара. Разрывъ. Монастырь. Ромашъ затворницы. Майоръ Глѣбовъ. Любовная переписка. Слѣдствіе. Процессъ. Казнь любовника. Наказаніе любовницы. Екатерина ревнуетъ. Въ темницѣ. Реваншъ, полученный Евдокіей. III. Первая фаворитка. Анна Монсъ. Мотовство Петра. Обмануть! Утѣшенія. Гинекей Меншикова. Сестры фаворита. Дѣвицы Арсеньевы. Екатерина Василевская. IV. Фрейлины. Госпожа Чернышева. Авдотья Бой-баба. Марія Матвѣева. Теремъ и гаремъ. Марія Гамильтоновъ. Любовникъ и палачъ. Лекція по анатоміи у подножія эшафота. Последняя соперница Екатерины: Марія Кантемиръ. Торжество супруги и Государыни. Подруга. Польшка. Госпожа Сенявская. V. Роль женщины въ жизни Петра и его роль въ судьбѣ русской женщины. Русскій духъ въ XVII вѣкѣ. Презрѣніе къ женщинамъ. Причины и слѣдствія. Национальный геній и иноплемянъ вліянія. Востокъ и Византія. Аскетическое теченіе. Семейная жизнь. Бракъ. Домострой. Варварскіе нравы. Угнетеніе женщины упираетъ мужчину. Освободительное теченіе. Преобразование Петра. Ихъ слабыя стороны. Значеніе дѣла Петра. Искушитель.

I.

Король.—Ахъ, братъ мой, я узналъ, что у васъ также есть любовница.

Царь.—Да, только мои б... стоятъ мнѣ гроши, а вы на свою тратите милліоны эю, которые можно было бы употребить лучше.

Этотъ разговоръ происходилъ въ 1716 году, въ Копенгагенѣ, куда Петръ пріѣхалъ навѣстить своего союзника, короля Даніи; онъ изложенъ въ одномъ важномъ дипломати-

ческомъ документѣ *) и на первый взглядъ, кажется, дающимъ вѣрное представленіе о мѣстѣ, занимаемомъ, „вѣчно женственнымъ“, въ жизни Великаго Реформатора. Онъ слишкомъ занятъ, а также черезчуръ грубъ, чтобы быть любовникомъ, достойнымъ этого названія, или хотя бы только приличнымъ супругомъ. Ласки, которыми петербургскія красавицы награждаютъ его солдатъ, онъ оцѣниваетъ „по копейкѣ за три раза“, а Екатеринѣ, будущей императрицѣ, послѣ перваго свиданія, даетъ дукать **). Нельзя сказать про него, чтобы онъ совсѣмъ былъ неспособенъ испытывать въ обществѣ прекраснаго пола болѣе тонкое наслажденіе. Вспомнимъ, что въ Россіи появленіе женщинъ въ обществѣ было однимъ изъ его нововведеній. Присутствіе дамъ на собраніяхъ въ Слободѣ было для него первой и самой сильной приманкой. Когда въ 1693 году, на званомъ вечерѣ у Лефорта двѣ изъ приглашенныхъ красавицъ вздумали украдкой скрыться, Петръ велѣлъ привести ихъ обратно насильно, при помощи солдатъ ***). Въ 1701 году, когда заботы о нарождающемся флотѣ задержали Петра въ Воронежѣ, многія дамы пріѣхали туда на праздникъ Пасхи и были приняты въ высшей степени любезно, настолько любезно, что изъ-за нездоровья нѣкоторыхъ изъ нихъ Петръ галантно согласился отложить свое возвращеніе въ Москву *†). Если бы весь интересъ этой главы заключался только въ воспоминаніяхъ о подобныхъ любезностяхъ, я не колеблясь вычеркнулъ бы ее совсѣмъ, изъ уваженія къ женщинѣ и исторіи. Но есть нѣчто другое. Въ человѣкѣ съ такой сложной душевной организаціи, какъ Петръ, на каждомъ шагѣ можно натолкнуться на неожиданность. Съ внѣшней стороны его отношеніе къ женщинамъ рисуется его, несмотря на любезность, грубымъ и циничнымъ развратникомъ. Въ любовныхъ исторіяхъ онъ не заботился ни о достоинствѣ женщины, ни о своемъ соб-

*) Денеша Лосса къ Майтейфелю, Копенгагенъ, 14 августа 1716 года: Сборникъ, т. XX, стр. 62.

***) Дюкло, Воспоминанія (изд. 1830 г.), стр. 615.

***) Корбъ, стр. 77.

*†) Устряловъ, т. IV, 2 часть, стр. 555, 562.

ственно, и онъ слишкомъ неблаговоспитанъ, чтобы заботиться о соблюденіи приличій. Примѣромъ можетъ служить разсказъ барона Пельница о пребываніи Петра въ Магдебургѣ, въ 1717 г.: „Такъ какъ король (пруссій) приказалъ, чтобы Петру оказывали всевозможныя почести, то различныя государственныя коллегіи явились въ полномъ составѣ привѣтствовать его, поручивъ произнесеніе рѣчей своимъ президентамъ. Братъ канцлера, г. де-Кокцей, явившись привѣтствовать царя, засталъ его опирающимся на двухъ русскихъ дамъ, по грудямъ которыхъ онъ водилъ руками. И это продолжалось все время, пока произносились привѣтственныя рѣчи *).

Другимъ примѣромъ можетъ служить разсказъ о его встрѣчѣ въ Берлинѣ съ его племянницей, герцогиней Мекленбургской: „Царь побѣждалъ навстрѣчу принцессѣ, нѣжно ее обнялъ и проводилъ въ спальню. Тамъ, положивъ ее на диванъ и не запирая дверей, и не обращая вниманія на оставшихся въ передней и на самого герцога Мекленбургскаго, поступилъ такъ, какъ-будто ничто не препятствовало его страсти **).

Пельницъ, утверждающій, что получилъ эти свѣдѣнія отъ двухъ очевидцевъ и отъ самого короля, прибавляетъ не менѣе характерныя подробности объ обычномъ отношеніи великаго человѣка къ женскому персоналу при его дворѣ: „Княгиня Голицына была придворной „дурой“, или шутихой... Ее мучилъ, кто хотѣлъ. Такъ какъ она часто присутствовала за столомъ царя, то онъ бросалъ ей въ голову остатки со своей тарелки. Онъ приказывалъ ей встать, чтобы давать ей щелчки“. Впрочемъ, если вѣрить другимъ свидѣтельствомъ, княгиня, до нѣкоторой степени, заслужила столь позорное обращеніе своими постыдными пороками. Въ одномъ изъ донесеній прусскій посланникъ Мардефельдъ дѣлаетъ по этому поводу любопытное сопоставленіе съ французскими герцогинями и ихъ пажами, служащими имъ для развлеченія. У княгини Голицыной не было пажа; я не

*) Воспоминанія 1791 г., т. II, стр. 65.

**) Тамъ же.

рискну повторить, со словъ Мардефельда, чѣмъ она его замѣняла *).

По словамъ Нартова, свидѣтельства котораго въ общемъ довольно достовѣрны во всемъ, что касается интимной жизни царя, Петръ былъ большимъ любителемъ женскаго пола, но не больше, чѣмъ на полчаса. Совершать насилія надъ женщинами не было въ обычаѣ Петра, да и то сказать: оставившая, обыкновенно, свой выборъ на простыхъ служанкахъ, онъ рѣдко встрѣчалъ сопротивление. Какъ примѣръ, Нартовъ приводитъ, между прочимъ, исторію съ прачкой. А Брюсъ, въ болѣе драматической формѣ, рассказываетъ о дочери иностраннаго купца въ Москвѣ, принужденной бѣжать изъ родительскаго дома и прятаться въ лѣсу, чтобы избавиться отъ предприимчивости влюбленнаго государя **). Въ одномъ изъ документовъ, опубликованныхъ княземъ Голицынымъ, рассказывается о происшедшей въ Голландіи стычкѣ царя съ садовникомъ, вооружившимся граблями, чтобы отогнать его отъ работницы, которой онъ мѣшалъ работать. Этимъ любовнымъ похождениямъ приписываютъ даже начало болѣзни, ускорившей, вслѣдствіе недостаточно внимательнаго лѣченія, его смерть ***). Въ этомъ была повинна также и госпожа Чернышева, и ея вина ясно устанавливается депешей Кампредона, въ которой говорится о болѣзни, полученной въ 1725 году самой Екатериной, послѣ того, какъ она раздѣлила ложе съ мужемъ. Но всѣ эти подробности, за которыя я прошу извиненія, всѣ эти отталкивающія черты,—это еще не самое худшее. Гораздо отвратительнѣе отношенія съ Меншиковымъ и ему подобнымъ, ибо фаворитъ не былъ единственнымъ въ своемъ родѣ. Бергхольцъ довольно недвусмысленно говоритъ объ одномъ экскелейтенантѣ, красивомъ мальчикѣ, котораго царь держалъ при себѣ „zu seinem Plaisir“ (для своего удовольствія) *†). Въ 1722 году Петръ поручилъ саксонскому художнику Данненгауеру нарисовать одного изъ своихъ денщиковъ совер-

*) Hermann, Peter d. Grosse und d. Tsarevitch Alexei, стр. 209.

***) Воспоминанія, стр. 93.

****) Голицынъ, Воспоминанія, стр. 127.

*†) Büschings M., t. XIX p. 95.

шенно голымъ *). Вильбоа распространяется о „неистовыхъ припадкахъ похотливости“ царя, во время которыхъ „полъ становился для него безразличнымъ“. Датскій посланникъ Жуель въ депешѣ отъ 6 марта 1710 года спрашиваетъ своего государя, не согласится ли онъ дать дворянство одному изъ своихъ подданныхъ, состоящему при Меншиковѣ, такъ какъ, будучи красивъ, онъ могъ бы оказывать услуги при очень высокопоставленномъ лицѣ **). Такимъ образомъ эта особенность Петра не подлежитъ сомнѣнію. „Въ тѣлѣ Его Величества сидитъ, должно быть, цѣлый легионъ бѣсовъ сладострастія“, выразился, говоря о государѣ, одинъ изъ докторовъ, лѣчившихъ его во время его послѣдней болѣзни ***).

Но есть и что иное,—и натуру столь разностороннюю и полную противорѣчій нельзя судить только по внѣшности. Нужно идти дальше. Надо всесторонне изучить данную личность и заглянуть въ сокровеннѣйшіе изгибы ея души. Для этого, переставъ заниматься отдѣльными, слишкомъ скабрешными, уклопеніями, надо прослѣдить изучаемую личность даже въ ея мало привлекательныхъ любовныхъ приключеніяхъ, хотя бы отъ этого наше восхищеніе ею по временамъ и омрачалось чувствомъ отвращенія. Возможно, что, именно, въ этой области какимъ-нибудь неожиданнымъ оборотомъ своего грубаго и грязнаго волокитства Петру удастся завоевать нѣчто еще большее, чѣмъ наше восхищеніе.

II.

Первые шаги Петра въ области любви были очень банальны: слишкомъ ранній бракъ, нѣсколько лѣтъ сносной семейной жизни,—а затѣмъ постепенное охлажденіе семейнаго гнѣздышка. По окончаніи медоваго мѣсяца супруги видятся рѣдко, такъ какъ царь постоянно путешествуетъ. Но они ведутъ довольно нѣжную переписку, въ которой даже нѣтъ не-

*) Buschings M., t. XX стр. 556.

***) Archives de Copenhague.

***) Вильбоа, Воспоминанья.

достатка въ ласкательныхъ именахъ, столь милыхъ влюбленнымъ. „Лапушка“—вотъ любимое ласкательное имя, съ которымъ обращается къ Петру его жена. Не онъ послѣдній услышитъ это имя изъ ея усть. У нихъ родится двое дѣтей: Александръ, умершій въ младенческомъ возрастѣ, и, рожденный подъ несчастной звѣздой, Алексѣй. Отношенія начинаютъ портиться послѣ смерти царицы Натальи въ 1694 году. Прошло уже пять лѣтъ, какъ Петръ былъ женатъ и, вѣроятно, за это время у него бывали мнѣшныя незаконныя связи въ Слободѣ, или еще гдѣ-нибудь. Но все-таки, онъ сдерживался до нѣкоторой степени, такъ какъ былъ почтительнымъ сыномъ, а Наталья была очень бдительной матерью. Послѣ ея смерти, Петръ попадаетъ подъ вліяніе Лефорта, и тотчасъ же двѣ женскія фигуры выдѣляются изъ толпы красавицъ, окружавшей юнаго царя на собраніяхъ въ Слободѣ, и восходятъ, какъ звѣзды, на горизонтъ новаго царствованія. Эти двѣ были мѣщанки: дочь золотыхъ дѣлъ мастера Боттихера и дочь торговца виномъ Монсъ. Нарушенію гармоніи между супругами способствовали также политическія разногласія. Евдокія происходила изъ семьи закоренѣлыхъ консерваторовъ. Ея родственники Лопухины, бывшіе на сторонѣ оппозиціи, начинавшему уже вырисовываться новому порядку, попадали въ опалу, лишались должностей, подвергались всякаго рода гоненіямъ. Родной братъ царицы былъ, по приказанію царя, публично битъ батогами, другой ея родственникъ подвергся пыткамъ. Приводятъ ужасныя подробности перенесенныхъ имъ мученій: увѣряютъ, что Петръ велѣлъ въ своемъ присутствіи облить его спиртомъ и поджечь. Достоверно то, что умеръ онъ въ тюрьмѣ *). Отправляясь въ первое заграничное путешествіе, царь сослалъ отца Евдокіи и его двухъ братьевъ воеводами въ отдаленныя мѣста. Въ дорогѣ Петръ пересталъ писать жепѣ и въ Лондонѣ, внезапно, далъ своимъ довѣреннымъ, Л. К. Нарышкину и Т. Н. Стрѣшневу, порученіе, обляснявшее его молчаніе,—они должны были убѣдить Евдокію постричься въ монахини **). Въ то время это было обычнымъ

*) Желябужскій, Записки, стр. 40; Соловьевъ, т. XIV, стр. 6. Приложенія.

**) Устряловъ, т. III, стр. 189.

исходомъ неудачныхъ браковъ, и, казалось, Петръ окончательно остановился именно на немъ. Знакомство его съ западомъ рѣшило судьбу несчастной покинутой жены. Она принадлежала къ другому міру, приговоренному къ уничтоженію.

А между тѣмъ Евдокія не была совсѣмъ ужь непривлекательна. Конечно, она была некрасива, хотя объ этомъ довольно трудно судить. По дошедшимъ до насъ портретамъ Екатерины, несомнѣнно польстившимъ ей, мы склонны считать уродомъ даже будущую соперницу Евдокии; на Петра же она, повидимому производила совсѣмъ обратное впечатлѣніе. Евдокія была не глупа. Когда послѣ смерти своего ужаснаго мужа, она вновь появилась при дворѣ, то произвела впечатлѣніе любезной старушки, прекрасно освѣдомленной обо всемъ, что ее могло интересовать и даже не чуждой государственныхъ дѣлъ *). Ея письма къ Глѣбову, выдержки изъ которыхъ приведены ниже, обнаруживаютъ ея душу, нѣжную, страстную, умѣющую любить. Въ умственномъ отношеніи она походила на большинство женщинъ своего времени, выросшихъ въ теремахъ, и была въ достаточной степени невѣжественна, простовата и суетна. Вотъ въ этомъ то и заключался подводный камень, о который разбилась ея жизнь. Несомнѣнно она не могла быть подходящей подругой для Петра, подругой, способной его понять, подражать ему, раздѣлить его жизнь.

Возвратившись изъ путешествія въ Москву 26 августа 1698 года, Петръ навѣститъ нѣкоторыхъ друзей, между прочимъ Гордона, потомъ сдѣлалъ визитъ семейству Монсъ. Съ женой онъ не видѣлся. Только черезъ нѣсколько дней онъ согласился встрѣтиться съ ней на нейтральной почвѣ, въ домѣ завѣдующаго почтой Винніуса, и то для того только, чтобы подтвердить свое рѣшеніе, сообщенное имъ Нарышкину и Стрѣшневу. Какъ и можно было ожидать Евдокія отвѣтила рѣшительнымъ отказомъ. Чѣмъ заслужила она такое рѣшеніе? Въ чемъ ее обвиняютъ? Дѣйствительно ее, повидимому, нельзя было даже подозревать въ какомъ бы то ни было участіи въ политическихъ интригахъ, въ которыхъ въ то время были

*) Письма Леди Рондо (Письма одной англійской дамы), 1776 г.

изоблечены Софья и другія сестры царя. Она не принимала ни малѣйшаго, хотя бы моральнаго, участія въ разразившемся стрѣлецкомъ бунтѣ, который Петръ собирался утопить въ морѣ крови. Но рѣшеніе Петра было неизмѣнно. Такъ какъ у него не было предлога заточить Евдокію въ монастырь, то онъ обошелся и безъ него. Онъ съ гнѣвомъ отвергъ заступничество патріарха за законную жену и, послѣ трехъ-недѣльных переговоровъ, разрубилъ узелъ: бѣдную Евдокію посадили въ закрытую карету, запряженную парой лошадей (хроника настаиваетъ на этой подробности, какъ на усугубляющей жестокость и несправедливость по отношенію къ Евдокіи, ибо въ то время самый маленькій помѣщикъ, чтобы выѣхать изъ дому, поднималъ на ноги всѣ конюшни) и отвезли въ Суздаль, гдѣ за ней надолго закрылись двери Покровскаго дѣвичьяго монастыря.

Съ Евдокіей, хотя она была невинна, обращались хуже, чѣмъ съ преступницами. Запирая въ монастырь своихъ сестеръ, сношенія которыхъ съ мятежниками, если и не были доказаны, то во всякомъ случаѣ были извѣстны, Петръ выдавалъ имъ содержаніе и позволилъ сохранить нѣкоторое подобіе домашней жизни. Женѣ же онъ не оставилъ ничего. Она перестала быть его женой, она уже больше не царица, ее лишаютъ даже имени. Отнынѣ она инокиня Елена. При ней остается одна только служанка, а чтобы не умереть съ голода, она принуждена взывать къ милосердію своихъ родныхъ. Она пишетъ брату Абраму, что хоть ей и немного надо, но все-таки ѣсть-пить нужно; „хоть сама не пью, такъ было бы чѣмъ людей жаловать“. Любопытная черта, ярко обрисовывающая одну изъ самыхъ привлекательныхъ сторонъ прежней патріархальной жизни Россіи. Самому во всемъ терпѣть недостатокъ,—это еще поль-бѣды... Но не имѣть возможности оказать, исполнить обязанности гостепріимства—это уже верхъ несчастья. Дальше она пишетъ: „Здѣсь вѣдь ничего нѣтъ: все гнилое. Хоть я вамъ и прискушна, да что-жъ дѣлать. Покамѣсть жива, пожалуйста пойте, да кормите, да одѣвайте нищую“ *).

*) Устряловъ, т. III, стр. 187 и слѣд. Срав. Корбъ, стр. 74.

Въ это время Евдокія было двадцать шесть лѣтъ. И въ продолженіи двадцати лѣтъ, еще гробница жизни и страсти— келья скрывала ея тоску и вспышки возмущенья. Она вышла изъ кельи съ увядшей молодостью и разбитымъ сердцемъ только для того, чтобы испытать еще худшую долю. Двадцать лѣтъ спустя, въ 1718 году, инквизиторскій духъ Петра былъ вдохновленъ процессомъ царевича Алексѣя. Петру казалось естественнымъ, что однимъ изъ вліяній, толкнувшихъ его сына на путь мятежа, было вліяніе Евдокіи. Онъ приказалъ произвести слѣдствіе въ монастырѣ. Государева полиція не нашла того, что искала, но эта неудача была вознаграждена другимъ открытіемъ: невинная въ смыслѣ политическомъ, Евдокія была заподозрена, а затѣмъ признана виновной въ преступной любовной связи съ майоромъ Глѣбовымъ. Да, она не выдержала... Въ нищетѣ, униженная, несчастная, она жаждала утѣшенія. Майоръ Глѣбовъ, посланный въ Суздаль для рекрутскаго набора, принялъ участіе въ бѣдственномъ положеніи бывшей царицы. Она замерзала въ своей кельѣ. Онъ послалъ ей мѣха и въ отвѣтъ получилъ письмо, полное трогательной благодарности, послужившее началомъ опасной близости. Глѣбовъ явился лично, чтобы выслушать изъявленія благодарности Евдокіи, потомъ пришелъ еще,—и они полюбили другъ друга. Со стороны Евдокіи это было экзальтированное, пламенное чувство, поглотившее все ея существо; съ его стороны—чувствовалось болѣе сдержанности и какая-то подозрительная задняя мысль. По всей вѣроятности, Глѣбовъ былъ очень честолюбивъ; быть можетъ онъ рассчитывалъ на возможную перемѣну судьбы въ будущемъ, мечталъ перемѣнить карьеру и пуститься въ политику. Ему приходилось бороться также съ денежными затрудненіями. Наконецъ, онъ былъ женатъ и жена стѣсняла его. Бѣдная, влюбленная Евдокія хотѣла бы заставить его выйти въ отставку, чтобы онъ былъ всегда съ ней и принадлежалъ только ей; она изощрялась на всѣ лады, чтобы какъ-нибудь удовлетворить его нужды и помочь затрудненіямъ, о которыхъ она догадывалась; она всегда готова была отдать въ его пользу тѣ скудные средства, какія ей удавалось вырвать у скупости или у бѣдности своихъ родныхъ. Кто бы отказался помочь ему?—Вотъ

деньги; надо ему еще? Еще больше? „Гдѣ твоя душа, батька мой, тамъ и моя; гдѣ твои ножки, тамъ моя головка; навѣки вся я въ твоей волѣ“.

Но „батька“, удерживаемый служебными или супружескими обязанностями, а, можетъ быть, просто уже пресыщенный, приходитъ все рѣже и рѣже. Тогда начинаютъ горестныя стenanія, отчаянные призывы... Какъ? Развѣ она уже забыта. Такъ скоро? Значитъ она ему не угодила? Она мало старалась, мало слезами омывала его лицо, и руки, и ноги, и все его бѣлое тѣло? У Евдокіи своеобразный, чрезвычайно лирической языкъ. Чувства, выражаемая ею, странны, порою непоследовательны, но всегда искренни. Ея страннообразный стиль напоминаетъ одновременно сверкающую золотомъ восточную манеру письма и сельскій колоритъ русской жизни:

„Свѣтъ мой батюшка, душа радость моя! Неужто припелъ уже постылый часъ разлуки? Лучше бы мнѣ душу изъ тѣла вынули. Ахъ, свѣтикъ мой, да какъ же мнѣ на бѣломъ свѣтѣ оставаться безъ тебя? Какъ я жива буду? Давно ужъ мое сердце окаяннное чуяло эту бѣду, давно ужъ оно отъ тоски изныло. И вотъ настала часъ, истомилась я совсѣмъ, и Богъ одинъ вѣдаетъ, какъ ты милъ мнѣ. Почто я такъ люблю тебя, желанный мой, что и жизнь мнѣ не въ жизнь безъ тебя? За что ты, душа моя, прогнѣвался на меня, знать прогнѣвался, что и письма не шлешь? По крайности, носи, сердце мое, перстень, что я тебѣ подарила, и люби меня хоть самую малость. Я и себѣ приказала сдѣлать такой же. Да что? Ты самъ пожелалъ отойти отъ меня. Ахъ, ужъ давно вижу я, что любовь твоя не прежняя. Почему же, батька мой? Почему ты не приходишь ко мнѣ? Али что приключилось тебѣ? Али чего наговорили тебѣ на меня? Ахъ, другъ мой, свѣтикъ мой, моя любонька, пожалѣй меня. Помилосердствуй, государь мой, и приходи ко мнѣ завтра. Свѣтъ мой желанный, лапушка моя, отвѣчай же мнѣ. Не дай помереть съ горя! Послала я тебѣ шейный платочекъ, носи его, душа моя: ты ничего не носишь, что отъ меня. Али я тебѣ неудобна?.. Позабыть любовь твою? Не въ силахъ я того сдѣлать. Не жилища я на свѣтѣ безъ тебя“.

„Батка“ остается нечувствительнымъ. И Евдокія изливается все въ болѣе и болѣе плачевныхъ жалобахъ, похожихъ на однообразный стонъ раненаго животнаго:

„Кто мнѣ, бѣдной, ту бѣду учинилъ? Кто мое сокровище укралъ? Кто свѣтъ отъ очей моихъ отнялъ? На кого ты меня промѣнялъ? На кого ты меня покидаешь? Какъ же жалости у тебя ко мнѣ нѣту? Возможно-ль, что ты не долженъ возвратиться ко мнѣ? Кто меня, горемычную, съ тобой разлучилъ? Что я твоей женѣ сдѣлала? Какую напасть причинила? Чѣмъ я васъ обидѣла? Почто, душа дорогая, не сказалъ мнѣ, чѣмъ я твоей женѣ негодна, и почто слушалъ ее? Почто покинулъ меня? Ужъ вѣрно я твоей женѣ не разлучница. А ты ее слушаешь! Ахъ, свѣтъ мой, какъ же мнѣ быть безъ тебя? Какъ же мнѣ на этомъ свѣтѣ безъ тебя оставаться? За что ты меня въ такую тоску вгоняешь? Аль сама того не зная, я чѣмъ провинилась? Что же ты не сказалъ мнѣ вину мою? Ты прибилъ бы меня въ наказаніе, покаралъ бы, ужъ не знаю чѣмъ, за мою вину невѣдомую. Ради Господа, не покидай меня. Приходи! Умираю по тебѣ!“

Еще черезъ нѣсколько дней она пишетъ:

„Зачѣмъ я не умерла? Лучше бы ты меня своими руками въ землю закопалъ, прости, прости, душа моя... не дай помереть. Сама я себя порѣшу! Пришли мнѣ, мое сердечко, пришли мнѣ свой любимый камзолъ. Зачѣмъ ты меня покидаешь? Пришли мнѣ кусокъ хлѣба, отъ котораго ты зубами своими кусалъ. Совсѣмъ ты про меня забылъ! Чѣмъ тебя я такъ избидѣть могла, что ты меня такъ бросаешь сироту несчастную!..“

Девять изъ этихъ писемъ фигурируютъ въ слѣдственномъ дѣлопроизводствѣ. Написаны они не самой Евдокіей. Экспедиціонная диктовала ихъ монахинѣ Капитолинѣ, а та еще отъ себя дѣлала приписки, стараясь разжалобить измѣнника страданьями „матушки“. Но происхожденіе каждаго листочка неосторожный Глѣбовъ удостовѣрилъ собственноручно, написавъ: „Письмо царицы Евдокіи“. Два одинаковыхъ перстня также были найдены у виновныхъ. Показанія монахини и монастырской прислуги были совершенно опредѣленны и уличали виновныхъ: Глѣбовъ приходилъ къ Евдокіи безперечъ и

днемъ, и ночью; они цѣловались при всѣхъ, а потомъ, удаливъ свидѣтелей, долго оставались вдвоемъ. Наконецъ, Евдокія во всемъ повинилась.

А Глѣбовъ?—Легенда приписываетъ ему геройское поведеніе: подвергнутой самымъ ужаснымъ пыткамъ, онъ смѣло принималъ на себя всевозможныя преступленія, доходилъ даже до признанія въ вымышленныхъ злодѣяніяхъ, но до самаго конца отказывался замѣшать въ дѣло честь своей соучастницы *). Увы! протоколы судебного слѣдствія, сохранившіеся въ московскомъ архивѣ, говорятъ, какъ разъ обратное **); Глѣбовъ сознался именно только въ этой любовной связи, начавшейся восемь лѣтъ тому назадъ, и молчалъ относительно всѣхъ другихъ пунктовъ обвиненія. Евдокіи было тогда тридцать восемь лѣтъ.

Спѣшу оговориться: признаніе и свидѣтельскія показанія въ данномъ случаѣ ровно ничего не доказываютъ. Посланный Петромъ въ Суздаль слѣдственный судья Скорняковъ-Писаревъ выпоролъ тамъ пятьдесятъ монахинь, нѣкоторыя изъ нихъ такъ и умерли подъ кнутомъ. Онѣ показывали все, что ему вздумалось имъ приказать. Допросъ Евдокіи и Глѣбова также происходилъ въ застѣнкѣ. пытки, которымъ подвергся при томъ несчастный офицеръ, были такъ ужасны, что его казнь была назначена на 16/27 марта, ибо врачи заявили, что не смогутъ продлить его жизнь больше, чѣмъ на сутки ***). Между другими пытками рассказывали о темницѣ, съ утыканнымъ твердыми деревянными гвоздями поломъ, по которому несчастный долженъ былъ ходить босикомъ. Для казни Глѣбова, Петръ избралъ колъ. Такъ какъ было тридцать градусовъ мороза, то, чтобы продлить муки злополучнаго Глѣбова, на него надѣли шубу, мѣховые сапоги и теплую

*) Алленвилль, Анекдоты, 1745, стр. 31. Дипломатическія ноты иностранныхъ представителей въ Москвѣ, бывшія просто отраженіемъ мнѣній Двора, составлены въ томъ же смыслѣ: Германнъ, Петръ Великій и царевичъ Алексѣй, стр. 125 и 207; депеша де Би Фогелю отъ 28 марта 1718 (Архивъ Гааги); Mémoires et documents aux aff. étr. de France, t. I, p. 129 et suiv.; Relations manuscrites de la Bibliothèque de Gotha.

**) Отчасти опубликованы Устряловымъ, т. VI, стр. 469 и слѣд.

***) Приведенная депеша де-Би.

шапку. Посаженный на колъ въ три часа пополудни, онъ скончался только на другой день въ 7½ часовъ вечера *). Разсказъ о томъ, что Петръ послѣ нѣсколькихъ часовъ пытки подошелъ къ приговоренному и снова пытался его допрашивать, въ отвѣтъ на что, тотъ только плюнулъ царю въ лицо, не заслуживаетъ никакаго довѣрія **).

Евдокія осталась жива. Но теперь для ея заточенія выбрали болѣе уединенный монастырь на берегу Ладожского озера и усилили надзоръ за ней. Есть указаніе на то, что передъ заключеніемъ она была наказана кнудомъ по приговору собора епископовъ, архимандритовъ и другихъ священнослужителей, приведенному въ исполненіе въ присутствіи всего собора, двумя монахами ***).

Какому чувству могъ повиноваться Петръ, начиная этотъ процессъ, а главное, придавая ему такой свирѣпый характеръ? Нельзя представить себѣ, чтобы онъ могъ ревновать свою отверженную супругу, забытую и состарѣвшуюся подл монашескимъ покрываломъ. Извѣстно также, какъ списходительно относился онъ къ поступкамъ подобнаго рода, да и вообще ко всѣмъ преступленіямъ, не имѣвшимъ отношенія къ политикѣ. А политическій элементъ совершенно отсутствовалъ въ этомъ дѣлѣ. Переписка Евдокіи съ ея возлюбленнымъ могла только подтвердить ихъ полнѣйшую невинность въ этомъ смыслѣ: въ ней идетъ рѣчь только о любви. Если бы даже Евдокія и уступила искушенію снова надѣть свѣтское платье, и позволила бы окружающимъ увлечь себя мечтой о болѣе или менѣе близкомъ возвращеніи былого величія, все равно мечты остались бы только мечтами *†). Не была ли Евдокія во

*) Ausfurliche Beschreibung der in der Hauptstadt Moscou... vollzogenen Execution, Riga, 1718. См. еще о романѣ Евдокіи и Глѣбова: Семейскій, Евдокія Лопухипа, Русскій Вѣстникъ, 1859, т. XXI, стр. 219, 265; Тоже 1860, т. XXX, стр. 559—599; 1859, т. XXIII, стр. 299—300. (Очеркъ Снѣгирева).

***) Долгоруковъ, т. I, стр. 32; Леди Рондо, стр. 32.

***) Affaires etrangeres de France, Memoires et documents, t. I, p. 129.

*†) Хотя де Би и говоритъ о заговорѣ и шифрованной перепискѣ, секретъ которой Глѣбовъ яко бы отказался открыть, но онъ только повторяетъ слухи.

всемъ этомъ дѣлѣ жертвой иной ревности и ненависти? Заглянемъ на семь лѣтъ впередъ: Петръ умеръ. Это событіе, которое должно бы было принести счастье заключенной, служить какъ бы сигналомъ для новаго ухудшенія ея участи. Ее берутъ изъ монастыря, перевозятъ въ Шлиссельбургскую крѣпость и сажаютъ въ подземелье, наполненное крысами. Она больна, но ей оставляютъ для услугъ только старую карлицу, которая сама нуждается въ присмотрѣ и уходѣ. Въ крѣпости держатъ Евдокію два года. Кто же сдѣлалъ это?—Царствующая нынѣ Екатерина Первая. Въ этомъ имени, быть можетъ, и заключается отвѣтъ на поставленный мною выше вопросъ. Черезъ два года новая перемѣна: внезапно, точно во снѣ, распахиваются двери темницы, на порогѣ появляются люди въ парадныхъ одеждахъ и, склоняясь до земли, приглашаютъ узницу слѣдовать за ними. Ее ведутъ въ роскошно убранные покои, приготовленные, какъ ей говорятъ, для нея въ домѣ коменданта крѣпости. вмѣсто только что покинутого ею жалкаго ложа изъ сырой соломы, къ ея услугамъ постель съ бѣлымъ изъ тончайшаго голландскаго полотна; къ ея услугамъ также и роскошныя ткани, украшающія стѣны, и золотая посуда, и десять тысячъ рублей, найденныя ею въ шкатулкѣ, и толпа придворныхъ въ ея передней, и экипажи, ожидающіе ея приказаній. Что же случилось?—Екатерина Первая скончалась и на престолъ возшелъ подъ именемъ Петра II, сынъ царевича Алексѣя, родной внукъ Евдокіи. Несчастная бабушка, волосы которой побѣлѣли въ заточеніи, отправляется въ Москву, чтобы присутствовать при коронованіи новаго государя; она, повидимому, занимаетъ первое мѣсто среди другихъ лицъ царской фамиліи; она окружена пышностью и почетомъ. Слишкомъ поздно... Жизнь Евдокіи разбита, и она по собственному желанію возвращается въ монастырь. Евдокія скончалась въ 1731 году, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, служившемъ пріютомъ великимъ несчастливицамъ, тамъ же, гдѣ скончалась Софія, послѣ крушенія своихъ честолюбивыхъ надеждъ. Существуетъ преданіе, что въ послѣднее время своей жизни Евдокія побывала также въ фамильной резиденціи Лопухиныхъ, Серебряномъ; но и тамъ подземный ходъ соединялъ ея помѣщеніе съ сосѣднимъ

Егорьевскимъ монастыремъ *). Могила ея находится въ одномъ изъ московскихъ монастырей, а память о несчастной царицѣ и донынѣ живеть еще въ народныхъ легендахъ и пѣсняхъ **). Въ награду за всѣ свои страданья и невзгоды она приобрѣла только скорбную любовь смиренныхъ душъ, близко знакомыхъ съ несчастіемъ.

III.

Послѣ перваго заключенія Евдокии въ монастырь, насталь часъ первой оффиціальной фаворитки Петра. Это мѣсто занимаетъ Анна Монсъ, или Монстъ, или Мунстъ, *domicella Monsiana*, какъ называетъ ее Корбъ. До переѣзда въ Москву, ея отецъ занимался винной торговлей въ Минденѣ, а по другимъ источникамъ, былъ ювелиромъ. Отсюда явствуеть, что это семейство было вестфальскаго происхожденія, хотя впоследствии Монсы и старались вывести свой родъ изъ Фландріи, украшая свою фамилію разными добавленіями, напр.: Монсъ или Мёнсъ де-Лакруа ***). Сначала дѣвица Монсъ была любовницей Лефорта и быстро повысилась въ чинѣ, промѣнявъ слугу на господина. Она занимаетъ мѣсто рядомъ съ государемъ даже въ публичныхъ торжествахъ, и оба афишируютъ свои отношенія. Получивъ приглашеніе крестить у датскаго посланника, Петръ требуетъ, чтобы крестной матерью была Монсъ *†). Онъ приказалъ выстроить для фаворитки изящный п а л а ц ц о м ъ Слободѣ, и въ мрачныхъ архивахъ Преображенскаго Приказа зарегистрировано, слишкомъ громко выраженное, удивленіе нѣмецкаго портного Фланка передъ роскошью спальни, бывшей лучшимъ укра-

*) Русскій Архивъ, 1873, стр. 652.

***) Записки Академіи Наукъ въ Петербургѣ, 1864, т. V, кн. II, стр. 206 (М. Подсосовъ).

***) Мордовцевъ, Русскія женщины, Петерб. 1874, стр. 3.; Кабинетъ Петра, картонъ LXXXVI. Сохраняемая въ этомъ картонѣ документы Минденскаго муниципалитета даютъ различную орфографію имени Монсъ.

*†) Корбъ, стр. 84.

шеніемъ дома и посѣщавшейся, какъ было извѣстно, государемъ *). Въ 1703 году Петръ подарилъ Монсъ, правда не безъ нѣкотораго сожалѣнія и не безъ угрызеній совѣсти, довольно большое помѣстье Дубино, въ Козельскомъ уѣздѣ. Монсъ была невыносимая попрошайка. Она постоянно подстрекала, не очень-то щедрога, по собственному почину, монарха записочками, составленными ея секретаремъ и къ которымъ она только дѣлала приписки на плохомъ нѣмецкомъ языкѣ. Она до того доходила въ своемъ попрошайничествѣ, что прибѣгала подчасъ къ самой неожиданной протекціи: „Изъ любви къ вашему сыну Алексѣю Петровичу, подарите мнѣ это имѣнье“ **). Алексѣй, какъ мы помнимъ, былъ сыномъ Евдокии. Иногда она присоединяла къ просьбамъ скромные подарки, на примѣръ, четыре лимона и столько же апельсиновъ, посланные ею Петру во время осады Азова. Петръ серьезно предполагалъ жениться на фавориткѣ, хотя въ то же время поддерживалъ двусмысленныя отношенія съ одной изъ ея подругъ, Еленой Фадеврехтъ, отъ которой онъ также получалъ письма, адресованныя: „Свѣтику моему, солнышку дорогому, моему черноглазому и черпобровому возлюбленному“. Романъ Петра съ Анной Монсъ, очень пошлый, тянулся до 1703 года и окончился не менѣе пошло. Въ карманѣ саксонскаго посланника Кенигсекъ, незадолго до того поступившаго на царскую службу и случайно утонувшаго въ началѣ похода, нашли нѣсколько записочекъ, стиль и почеркъ которыхъ хорошо были знакомы Петру. Царь имѣлъ наивность разсердиться, и отпиривилъ *domicell'u Mon-sian'u* въ тюрьму.

Настойчивостью и плутовствомъ ей удалось освободиться. Получивъ свободу, она сдѣлалась любовницею прусскаго посланника Кейзерлинга, который, въ концѣ концовъ, на ней женился. Монсъ чувствовала таки слабость къ дипломатіи, по у нея не было достаточно выдержки, чтобы сумѣть устроить свою судьбу. Она снова попала въ тюрьму, и изъ всѣхъ подарковъ государя ей удалось сохранить только жалкія крохи, въ томъ числѣ портретъ Петра, который она упорно

*) № 1243, 1258.

**) См. выдержки изъ этой переписки у Мордовцева, стр. 10—11.

старалась удержать у себя, какъ думаютъ, изъ-за украшавшихъ его брилліантовъ. Петръ долго сердился: слѣдствіе, начатое по поводу этого пошлаго дѣла, еще продолжалось въ 1707 году, и Ромодановскій держалъ подъ замкомъ тридцать заключенныхъ, ни ему, ни имъ самимъ невѣдомо, какимъ образомъ запутанныхъ въ это дѣло. Черезъ годъ Кейзерлингъ, уже женатый, хотѣлъ воспользоваться хорошимъ настроеніемъ царя и обратился къ нему съ ходатайствомъ за брата бывшей фаворитки, просившаго мѣста. Но онъ попалъ некстати. Петръ рѣзко прервалъ его и объяснилъ со свойственной ему откровенностью: „Я воспитывалъ Монсъ для себя и хотѣлъ жениться на ней. Вы ее соблазнили, ну, и оставьте ее у себя. Но никогда не говорите со мной ни о ней, ни о ея близкихъ“. Пруссакъ продолжалъ настаивать. Тогда въ разговоръ вмѣшался и Меншиковъ: „Ваша Монсъ... я обладаю ею такъ же, какъ и вы, всѣ другіе. Отстаньте съ нею“. Не лишнимъ будетъ добавить, что разговоръ происходилъ во время праздника, устроеннаго однимъ польскимъ магнатомъ въ окрестностяхъ Люблина, и притомъ послѣ ужина. Опъ окончился очень непріятно для Кейзерлинга: Петръ и Меншиковъ избили пруссака и спустили его съ лѣстницы. Онъ жаловался, но обвинили его же, и дѣло кончилось извиненіями—со стороны Кейзерлинга *).

Госпожа Кейзерлингъ, овдовѣвшая въ 1711 году, пережила мужа всего нѣсколькими годами, но успѣла за это время покорить сердце еще одного шведскаго офицера, по фамиліи Миллеръ **).

Петръ оказался любовникомъ злопамятнымъ, но не безутишнымъ. Меншиковъ, занявшій теперь около царя мѣсто Ле-

*) Сборникъ, т. XXXIX, стр. 410 (депешы Витворта); Семевскій, Императрица Екатерина, Петербургъ, 1884, стр. 33 и слѣд. (депешы Кейзерлинга); Есиповъ, Біографія Меншикова. Русскій Архивъ, 1875; Костомаровъ, Русская исторія въ біографіяхъ, Петербургъ, 1881, т. II, стр. 618; Устряловъ, т. IV, стр. 145 и слѣд. Соловьевъ, т. XVI, стр. 67; Леди Рондо, стр. 11.—Костомаровъ ближе всѣхъ къ истинѣ, хотя и ошибается относительно года смерти Кенигсека. (См. письмо Петра къ Апраксину 17 апр. 1703; Замѣтки и письма, т. II, стр. 152.).

***) Семевскій, *ibid*, стр. 60.

форта, так же искусно, какъ и женевецъ, старался доставить ему утѣшеніе. Какъ и у Лефорта, у него былъ свой собственный женскій персоналъ. Прежде всего двѣ сестры, Марія и Анна, сдѣлавшіяся, благодаря его стараньямъ, приближенными любимой сестры царя Натальи; затѣмъ двѣ дѣвицы Арсеньевы, Дарья и Варвара, также находившіяся при дворѣ царевны, очень походившемъ на гаремъ. Эту компанію дополняла дѣвица Толстая, а какъ разъ съ 1703 года въ ней появилась еще новая, шестая участница, которой суждено было занять совсѣмъ особенное мѣсто въ жизни государя и придать совершенно неожиданный оборотъ довольно пошлой до тѣхъ поръ исторіи его юношескихъ любовныхъ приключеній. Настоящее имя этой дѣвицы не установлено такъ же, какъ и ея происхожденіе. Первые достовѣрные документы, въ которыхъ упоминается ея имя, называютъ ее то Катериной Трубачевой, то Катериной Василевской, то Катериной Михайловой. Она была любовницей Меншикова въ то самое время, когда онъ ухаживалъ за Дарьей Арсеньевой, а Петръ за другой сестрой, Варварой, изъ которой фаворитъ мечталъ сдѣлать русскую царицу, чтобы самому такимъ образомъ сдѣлаться зятемъ царя. Съ этой цѣлью онъ заботился объ образованіи новой фаворитки. „Ради Бога, — пишетъ онъ Дарьѣ, — заставь сестру непрерывно учиться по-русски и по нѣмецки; ей нельзя терять времени“. Вильбоа описываетъ эту Варвару какъ очень умнаго и такого же злого уroda. Онъ рассказываетъ о началѣ романа ея съ Петромъ слѣдующимъ образомъ: обѣдая съ ней и ея подругами, Петръ сказалъ ей: „не думаю, чтобы кто-нибудь когда-либо рѣшился ухаживать за тобой, бѣдная Варенька, настолько ты дурна собой. Но такъ какъ я люблю только необыкновенныя похожденія, то и не могу допустить, чтобы ты умерла не узнавъ мужчины“. И, поваливъ ее тотчасъ же на диванъ и не стѣсняясь присутствіемъ зрителей, онъ къ словамъ присоединилъ и дѣйствія. Нравы всего этого общества позволяютъ считать такой разговоръ правдоподобнымъ. Миѣ уже приходилось указывать на двусмысленность отношеній, установившихся между любовницами и любовницами; это было какое-то странное смѣшеніе и общность чувствъ и интимныхъ связей. Петръ и Меншиковъ

какъ-будто постоянно смѣняютъ другъ друга или одновременно пользуются правами, отнюдь не подлежащими такому раздѣлу. Когда они уѣзжаютъ, эта общность владѣнія продолжаетъ сказываться въ коллективныхъ посланіяхъ, въ которыхъ нѣжныя воспоминанія и ласковыя прозвища въ беспорядкѣ перелетаютъ отъ одной компаніи къ другой, вмѣстѣ съ подарками, часто сопровождающимися письмами. Дамы посылали галстуки, сорочки и халаты своей работы. Дарья Арсеньева прибавляла къ своей подписи: „Дура“, Анна Меншикова: „Захудалая“. Что касается Екатерины, то въ 1705 году она писала: „съ двумя другими“. Эта подпись объясняется слѣдующимъ мѣстомъ изъ общаго письма: „Петръ и Павелъ вамъ кланяются и просятъ вашего благословенія“. Петръ и Павелъ были дѣти, рожденныя уже Екатериной отъ царя.

Въ 1706 году Петръ собралъ всю компанію въ Нарвѣ, гдѣ всѣ вмѣстѣ провели Пасху, послѣ чего вмѣстѣ же отправились въ Петербургъ. Изъ Петербурга царь писалъ Меншикову, что онъ находится „въ раю“ со всѣми этими дамами. Меншиковъ, задержавшійся съ войсками на югѣ, также хотѣлъ бы получить свою долю „рая“. Когда Петръ покинетъ Петербургъ, ему-де въ дорогѣ нечего будетъ дѣлать съ дѣвичьей и тогда не худо было бы переслать ее другу. Но Петръ порѣшилъ иначе: онъ возилъ за собой свое женское войско изъ Петербурга въ Смоленскъ и изъ Смоленска въ Кіевъ. Только въ августѣ назначилъ онъ свиданіе фавориту въ Кіевѣ и приготовилъ ему сюрпризъ: Меншиковъ общалъ-де жениться на Дарьѣ Арсеньевой и долженъ выполнить свое обязательство. Петръ же, съ своей стороны, рѣшилъ исполнить, со временемъ обязательство, принятое имъ на себя по отношенію къ матери „двухъ другихъ“. Начинать долженъ былъ фаворитъ, и компанія не разъѣхалась изъ Кіева раньше, чѣмъ все было кончено. Послѣ бракосочетанія произошелъ раздѣлъ общаго имущества: Петръ поѣхалъ обратно въ Петербургъ въ сопровожденіи Катерины Василевской и Анисьи Толстой, а Меншиковъ съ женой, сестрой Анной и свояченицей Варварой остался въ Кіевѣ *).

*) Есиповъ, стр. 244 и слѣд.; Запѣтки и письма Петра, т. III, стр. 283, 322, 540, 770, 816, 1058; Соловьевъ, т. XVI, стр. 68.

IV.

Екатерина Василевская имѣетъ право на особую главу въ этой книгѣ и меня можно было бы упрекнуть, если бы я не выдѣлалъ ее изъ числа случайныхъ любовницъ, которыхъ такъ много было въ жизни великаго человѣка. Его избранницѣ пришлось бороться съ соперницами даже послѣ брака съ Петромъ и восшествія на престоль, ибо и тогда нѣкоторыя изъ нихъ угрожали ея положенію супруги и Государыни. Въ 1706 году въ Гамбургѣ Петръ пообѣщаль дочери одного лютеранскаго пастора развестись съ Екатериной, такъ какъ пасторъ соглашался отдать свою дочь только законному супругу. Шафировъ получилъ уже приказаніе приготовить всѣ нужные документы. Но, къ несчастью для себя, слишкомъ довѣрчивая невѣста согласилась вкусить отъ радостей Гименея раньше, чѣмъ былъ зажженъ его факель. Послѣ этого ее выпроводили. уплативъ ей тысячу дукатовъ *). Героиня другого, менѣе милолетнаго, увлеченія была, какъ полагаютъ, очень близка къ рѣшительной побѣдѣ и къ высокому положенію. Евдокія Ржевская была дочерью одного изъ первыхъ приверженцевъ Петра, котораго по древности и знатности соперничалъ съ родомъ Татищевыхъ. Пятнадцатилѣтней дѣвочкой она была брошена на ложе царя, а въ шестнадцать лѣтъ Петръ выдалъ ее замужъ за искавшаго повышенія по службѣ офицера Чернышева и не порывалъ связи съ ней. У Евдокинъ родилось отъ царя четыре дочери и три сына; по крайней мѣрѣ, его называли отцомъ этихъ дѣтей. Но, принимая во вниманіе черезчуръ легкомысленный нравъ Евдокинъ, отцовскія права Петра были болѣе чѣмъ сомнительны. Это очень уменьшало ея шансы, какъ фаворитки. Если вѣрить скандальной хроникѣ, ей удалось добиться только знаменитаго приказанія: „Пойди и выпори Авдотью“. Такое приказаніе было дано ея мужу ея любовникомъ, заболѣвшимъ и считавшимъ Евдокию виновницей своей болѣзни.

*) Донесеніе графа Рабютена Императору, Büschings M., т. XI, стр. 490.

Петръ обыкновенно называлъ Чернышеву: „Авдотья бой-баба“. Мать ея была знаменитая „князь-игуменья“ *).

Приключеніе съ Евдокіей Ржевской не представляло бы никакого интереса, если бы оно было единственнымъ въ своемъ родѣ. Но, къ несчастью, ея легендарный образъ очень типиченъ, въ чемъ и заключается печальный интересъ этой страницы исторіи; Евдокія олицетворяла собой цѣлую эпоху и цѣлое общество. Ея исторія очень похожа на исторію Маріи Матвѣевой, дочери одного изъ самыхъ важныхъ вельможъ того времени. Я уже рассказывалъ, какъ Марія сдѣлалась женой Румянцева. Такая же красавица, какъ и Евдокія Ржевская, любезная, умная, во всѣхъ отношеніяхъ очаровательная, Марія, подобно Ржевской, сдѣлалась фрейлиной Императрицы. Теперь это считается очень почетной должностью, но въ то время это было почти вѣрнымъ обреченіемъ на позоръ. На смѣну придворнымъ дамамъ Натальи, явились придворныя дамы Екатерины. Теремъ исчезъ изъ императорскаго дворца, но гаремъ остался, какъ наслѣдіе прошлаго вліянія Востока. Слишкомъ снисходительные мужья шли рука объ руку съ услужливыми отцами. Въ моментъ смерти Петра, Марія Румянцева была беременна его сыномъ, будущимъ героемъ другого великаго царствованія, побѣдоноснымъ генераломъ Екатерины II, въ которомъ каждый легко могъ узнать кровь великаго царя.

Незаконнорожденное потомство Петра по многочисленности равняется потомству Людовика XIV, хотя, быть можетъ, преуданіе и преувеличиваетъ немного. Напримѣръ, незаконность происхожденія сыновей г-жи Строгановой, не говоря о другихъ, ничѣмъ исторически не удостовѣрена. Извѣстно только, что ихъ мать, урожденная Новосильцева, была участницей оргій, отличалась веселымъ нравомъ и пила горькую.

Теперь мы переходимъ къ заурядной исторіи еще одной фрейлины—Маріи Гамильтонъ. Само собой разумѣется, что сантиментальный романъ, созданный изъ этой исторіи воображеніемъ нѣкоторыхъ писателей, такъ и остается фантастическимъ романомъ. Гамильтонъ была, повидимому, довольно

*.) Долгоруковъ, Воспоминанія, т. I, стр. 175.

пошлымъ созданиемъ и Петръ не измѣнилъ себѣ, проявивъ свою любовь къ ней на свой ладъ. Какъ извѣстно, одна изъ вѣтвей большого шотландскаго рода, соперничавшаго съ Дугласами, переселилась въ Россію въ эпоху, предшествовавшую большому эмигрантскому движенію въ XVII в., и приближающуюся ко времени Іоанна Грознаго. Родъ этотъ вступилъ въ родство со многими русскими фамиліями и казался совсѣмъ обрусѣлымъ задолго до вступленія на престолъ царя-реформатора. Марія Гамильтонъ была внучка пріемнаго отца Натальи Нарышкиной, Артамопа Матвѣева. Она была недурна собой и, будучи принята ко Двору, раздѣлила участь многихъ ей подобныхъ. Она вызвала только мимолетную вспышку страсти Петра. Овладевъ ею мимоходомъ, Петръ тотчасъ же ее бросилъ, и она утѣшалась съ царскими деньщиками. Марія Гамильтонъ нѣсколько разъ была беременна, но всякими способами избавлялась отъ дѣтей. Чтобы привязать къ себѣ одного изъ своихъ случайныхъ любовниковъ, молодого Орлова, довольно ничтожнаго человѣка, грубо съ ней обращавшагося и обиравшаго ее, она украдала у императрицы деньги и драгоценности. Всѣ ея большія и маленькія преступленія открылись совершенно случайно. Изъ кабинета царя пропалъ довольно важный документъ. Подозрѣніе пало на Орлова, такъ какъ онъ зналъ объ этомъ документѣ, а ночь провелъ внѣ дома. Позванный къ Государю для допроса, онъ перепугался и воображилъ, что попалъ въ бѣду изъ-за связи съ Гамильтонъ. Съ крикомъ: „виновать!“, онъ упалъ на колѣни и покаялся во всемъ, рассказавъ и о кражахъ, которыми онъ воспользовался, и объ извѣстныхъ ему дѣтоубійствахъ. Началось слѣдствіе и процессъ. Несчастная Марія обвинялась, главнымъ образомъ, въ произнесеніи злонамѣренныхъ рѣчей противъ государыни, слишкомъ хорошій цвѣтъ лица которой вызывалъ ея насмѣшки. Дѣйствительно, тяжкое преступленіе... Чтобы тамъ не говорили, на этотъ разъ Екатерина проявила довольно много добродушія. Она сама ходатайствовала за преступницу и даже заставила вступить за нее царицу Прасковью, пользовавшуюся большимъ вліяніемъ. Заступничество царицы Прасковьи имѣло тѣмъ большее значеніе, что всѣмъ было

извѣстно, какъ мало, обыкновенно, она была склонна къ милосердію. По понятіямъ старой Руси для такихъ преступленій, какъ дѣтубійство, находилось много смягчающихъ вину обстоятельствъ, а царица Прасковья во многихъ отношеніяхъ была настоящей русской, стараго закала. Но государь оказался неумолимъ: „Онъ не хочетъ быть ни Сауломъ, ни Ахавомъ, нарушая Божескій законъ изъ-за порыва доброты“. Дѣйствительно ли онъ такъ уважалъ Божескіе законы? Конечно, ему не было до нихъ ровно никакого дѣла. Но онъ вбилъ себѣ въ голову, что у него отняли нѣсколькихъ солдатъ, а это было въ его глазахъ непростительнымъ преступленіемъ. Марію Гамильтонъ нѣсколько разъ пытали въ присутствіи царя, но до самаго конца она отказывалась назвать имя своего сообщника. Этотъ же послѣдній думалъ только о томъ, какъ бы оправдаться, и во всемъ обвинялъ ее. Нельзя сказать, чтобы этотъ предокъ будущихъ фаворитовъ Екатерины II вель себя, какъ герой. 14 марта 1714 года Марія Гамильтонъ пошла на плаху, какъ рассказываетъ Штелинь, „въ бѣломъ платьѣ, украшенномъ черными лентами“. Петръ, очень любившій театральные эффе́кты, не могъ не откликнуться на это послѣднее ухищреніе предсмертнаго кокетства. Онъ имѣлъ мужество присутствовать при казни и, такъ какъ онъ никогда не могъ оставаться пассивнымъ зрителемъ, принялъ въ ней непосредственное участіе. Онъ поцѣловалъ осужденную, увѣщевалъ ее молиться, поддерживалъ въ своихъ объятыхъ, когда она потеряла сознаніе,—потомъ удалился. Это былъ сигналъ. Когда Марія подняла голову, царя уже смѣнилъ палачъ. Шереръ прибавляетъ потрясающія подробности: Когда топоръ сдѣлалъ свое дѣло, царь возвратился, поднялъ упавшую въ грязь окровавленную голову и спокойно началъ читать лекцію по анатоміи, называя присутствовавшимъ всѣ затронутые топоромъ органы, и настаивая на разсѣченіи позвоночника. Окончивъ, онъ прикоснулся губами къ поблѣднѣвшимъ устамъ, которыя нѣкогда покрывалъ совсѣмъ иными поцѣлуями, бросилъ голову Маріи, перекрестился и удалился *).

*) Семевскій, Слово и дѣло, стр. 185; Коробановъ, Очерки въ Русской старинѣ, 1871. т. III, стр. 465; Голиковъ, т. VI, стр. 68;

Я сильно сомнѣваюсь, чтобы Меншиковъ, какъ это утверждали нѣкоторые, нашель умѣстнымъ принять участіе въ преданіи суду и въ осужденіи несчастной Гамильтонъ, чтобы оградить интересы своей покровительницы Екатерины. Эта соперница ничуть не была для нея опасна. Нѣсколько времени спустя у Екатерины нашлись основанія для болѣе серьезной тревоги. Въ депешѣ Кампредона отъ 8 іюня 1722 года мы читаемъ: „Царица опасается, что если княжна родить сына, то царь, по ходатайству Валахскаго государя, разведется съ женой и женится на своей любовницѣ *).

Дѣло идетъ о Маріи Кантемирь.

Государь Дмитрій Кантемирь, бывшій союзникомъ Петра во время несчастнаго похода 1711 года, потерялъ свои владѣнія при заключеніи Прутскаго договора. Найдя пріютъ въ Петербургѣ, онъ томился тамъ въ ожиданіи обѣщаннаго ему возмѣщенія убытковъ. Довольно долго казалось, что дочь вознаградитъ его за потерянное. Когда Петръ въ 1722 году отправлялся въ походъ на Персію, его любовная интрига съ Маріей Кантемирь тянулась уже нѣсколько лѣтъ и казалась близкой къ развязкѣ, роковой для Екатерины. Обѣ женщины сопровождали царя во время похода. Но Марія принуждена была остановиться въ Астрахани, такъ какъ была беременна. Это еще больше укрѣпило увѣренность ея приверженцевъ въ ея побѣдѣ. Послѣ смерти маленькаго Петра Петровича у Екатерины не было больше сына, котораго Петръ могъ бы сдѣлать своимъ наслѣдникомъ. Предполагалось, что если по возвращеніи царя изъ похода Кантемирь подаритъ ему сына, то Петръ не колеблясь отдѣлается отъ второй жены такъ же, какъ освободился отъ первой. Если вѣрить Шереру **), друзья Екатерины нашли способъ избавиться отъ опасности: вернувшись, Петръ засталъ свою любовницу тяжело больной

Татищевъ, Разборъ Судебника Царя, Ивана Васильевича; Германпъ, Петръ Великій и Царевичъ Алексѣй, стр. 297; Мордовцевъ, Русскія женщины, стр. 57; Шереръ, т. II, стр. 272. Разсказъ Любомирскаго (Царь, Эрцгерцогини и пр.), произведеніе вымышленное.

*) Affaires etraugères de France.

**) Т. III, стр. 259.

послѣ преждевременныхъ родовъ; опасались даже за ея жизнь. Екатерина торжествовала, а романъ, едва не погубившій ее, казался отнынѣ обреченнымъ на такой же пошлый конецъ, какъ и всѣ прежніе. Незадолго до смерти Государя одинъ угодливый субъектъ, подобный Чернышеву и Румянцеву, предлагалъ „для виду“ жениться на княжнѣ, все еще любимой Петромъ, хотя и лишившейся честолюбивыхъ надеждъ *).

Судьба благополучно выводитъ Екатерину изъ всѣхъ испытаний. Торжественное коронованіе сдѣлало ея положеніе совершенно недосыгаемымъ. Честь любовницы была реабилитирована бракомъ, а положеніе супруги, бдительно охраняющей семейный очагъ, и государыни, раздѣляющей всѣ почести, воздаваемые высокому сану, вознесли ее окончательно и дали ей совершенно особое мѣсто среди безпорядочной женской толпы, гдѣ служанки изъ гостиницы шли рука объ руку съ дочерьми шотландскихъ лордовъ и съ молдаво-валахскими княжнами. И вдругъ среди всей этой толпы мы видимъ совершенно неожиданный образъ, образъ цѣломудренной и уважаемой подруги. Да, даже такой нѣжный цвѣтокъ расцвѣлъ въ окружающемъ Петра болотѣ... Появившаяся въ этой роли знатная польская дама, славянка по происхожденію, но получившая западное воспитаніе, была очаровательна въ полномъ смыслѣ этого слова. Мы уже видѣли Петра въ садахъ Аворова, въ обществѣ г-жи Сенявской. Много часовъ провели они вмѣстѣ при постройкѣ барки, въ прогулкахъ по водѣ, въ разговорахъ. Это была настоящая идиллія. Елизавета Сенявская, урожденная княжна Любомирская, была женой короннаго гетмана Сенявскаго, рѣшительнаго сторонника Августа противъ Лещинскаго. Она прошла черезъ мятежную жизнь грубаго завоевателя, избѣжавъ злословія. Петръ наслаждался въ ея обществѣ не столько ея довольно посредственной красотой, сколько ея рѣдкимъ умомъ. Ему нравилось ея общество. Онъ выслушивалъ ея совѣты, порой ставившіе его въ затруднительное положеніе, такъ какъ она поддерживала Лещинскаго противъ протѣже царя и своего собственнаго мужа. Когда

*) *Affaires étrangères de France, Mémoires et documents, t. I, p. 119 et suiv.*

царь сообщил ей о своемъ намѣреніи отпустить всѣхъ приглашенныхъ имъ на службу иностранныхъ офицеровъ, она дала ему наглядный урокъ, отославъ нѣмца, управлявшаго оркестромъ польскихъ музыкантовъ; даже мало чувствительное ухо цари не могло вынести начавшейся тотчасъ же разногласицы. Когда онъ заговорилъ при ней о своемъ проектѣ превратить въ пустыню русскія и польскія области, лежащія на пути Карла XII въ Москву, она перебила его, рассказомъ о дворянинѣ, который съ цѣлью наказанья свою жену задумалъ сдѣлаться евнухомъ *). Она была прелестна, и Петръ поддавался ея очарованію, обвороженный, усмиренный, облагороженный ея присутствіемъ, какъ будто преобразившійся отъ соприкосновенія съ этой чистой и утонченной натурой, одновременно и нѣжной, и сильной.

V.

Женщины играли въ жизни Петра большую и важную роль. Но не менѣе важную, хотя и въ другомъ смыслѣ, роль сыгралъ, съ точки зрѣнія историка, самъ Петръ въ судьбѣ русской женщины вообще. Для справедливой оцѣнки великаго человѣка необходимо выяснить эту роль, хотя бы въ общихъ чертахъ.

Однажды, царь Алексѣй принималъ на торжественной аудіенціи во дворцѣ, въ Коломенскомъ, близъ Москвы, посла одной иностранной державы. Вниманіе дипломата привлекла полу-открытая дверь, за которой слышался тихій шопотъ и шорохъ шелковой ткани. При церемоніи присутствовали невидимыя зрительницы, обитательницы таинственнаго терема, которыя подъ вліяніемъ любопытства на-половину нарушили тяготѣвшій надъ ними запретъ. Внезапно дверь распахнулась, какъ будто отъ сильнаго толчка, и на порогѣ появилась красивая брюнетка, въ сопровожденіи маленькаго мальчика, прячущагося за ея платье. Появилась—и тотчасъ же исчезла, смущенная и краснѣющая, вызвавъ всеобщее замѣпательство придворныхъ. Прекрасная брюнетка была царица На-

*) Штэлинь, стр. 119 и слѣд.

талья, а маленькій трех-лѣтній мальчикъ, настолько стремительный, что не могъ вынести вида полуоткрытой двери, былъ Царь, призванный современемъ сокрушить самыя стѣны терема. Впослѣдствіи въ этой живописной сценкѣ находили пророческое указаніе *).

Отношеніе къ женщинѣ въ Россіи XVII вѣка было полно недовѣрія и почти ненависти. Объ этомъ свидѣлствуютъ народныя пословицы: „У бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ“... „Бабій умишко, что безъ крыши домишко“... „Не вѣрь коню въ полѣ, а жещѣ въ домѣ“... и т. п.

Современные русскіе историки склонны видѣть въ такомъ отношеніи къ женщинѣ слѣды чужеземнаго вліянія, противорѣчащаго духу націи, стремящемуся скорѣе провозгласить равенство половъ. И, дѣйствительно, дѣйствующее русское законодательство такъ же, какъ и обычаи страны, находится въ прямомъ противорѣчьи съ законами и обычаями Востока, увѣковѣчившими нѣкотораго рода зависимость женщины. Идеи, распространенныя въ Россіи до воцаренія Петра, такъ же какъ и соотвѣтствующіе обычаи и учрежденія (въ томъ числѣ и теремъ), были занесены изъ Византіи. Они явились результатомъ религіознаго, монашескаго аскетизма, оставившаго глубокой слѣдъ на умственномъ и нравственномъ развитіи страны. Русскій теремъ не былъ гаремомъ. Заоченіе женщины въ эту тюрьму произошло не подъ вліяніемъ чувства ревности, но изъ боязни грѣха и безпорядка, подъ вліяніемъ религіозныхъ представленій о жизни, возводящихъ монастырь въ идеаль, наиболѣе угодный Богу. Если теремъ и не былъ взятъ изъ Византіи, какъ форма, то идея его, во всякомъ случаѣ, позаимствована оттуда **). Таково основное положеніе.

Каково бы ни было происхожденіе терема, онъ остается тюрьмою, и притомъ тюрьмою строго охраняемой. Женщины, а особенно дѣвушки, жили въ немъ настоящими плѣнницами. Онѣ прозябали, лишеныя свѣта и воздуха, въ комнатахъ, похожихъ на кельи или темницы, съ маленькими завѣшенными плотными занавѣсками, окнами, съ висячими замками

*) Устряловъ, т. I, стр. 10 и 261.

***) Забѣлинь, Домашняя жизнь Русскихъ царицъ, стр. 83 и сл. Костомаровъ, Исторія Россіи, т. II, стр. 475.

на дверяхъ. Отдѣльнаго выхода изъ помѣщенія женщинъ не было: чтобы выйти, надо было проходить комнату отца или мужа, прятаявшихъ ключи въ карманъ или подъ подушку. Только во время большихъ пировъ, когда гости сидѣли за столомъ и имъ подавали уже каравай, хозяйка дома появлялась на нѣсколько минутъ на порогѣ терема. Мужчины вставали, и подходили поцѣловать ее. Но очень скоро она уходила обратно на свою половину. Что касается молодыхъ дѣвушекъ, то ни одинъ мужской взглядъ не долженъ былъ видѣть ихъ до замужества; исключенія не дѣлалось даже для жениховъ. Женились, не видя на комъ женятся, и не будучи видимы сами. Помолвка походила на игру въ жмурки, при чемъ глаза были завязаны у всѣхъ участвующихъ. Дѣятельную роль при помолвкѣ играла „смотрѣльщица“, выбиравшаяся обыкновенно изъ числа родственницъ жениха. Она осматривала невѣсту и затѣмъ дѣлала докладъ жениху. Понятно, что она дѣйствовала только въ интересахъ жениха. Что касается невѣсты, то желаніе узнать какъ ея суженый, считалось съ ея стороны совершенно неумѣстнымъ и излишнимъ любопытствомъ. Сообщая ей, что ее выдаютъ замужъ, отецъ въ послѣдній разъ грозилъ ей плеткой, символомъ власти, передаваемой имъ отнынѣ мужу. И это все, что она узнавала о немъ прежде, чѣмъ шла къ вѣнцу. Былъ обычай, по которому глава семьи въ эти минуты пускалъ въ дѣло плетку въ послѣдній разъ, а женихъ въ первый. Невѣста отправлялась въ церковь молча, закутанная густымъ покрываломъ. Ни одного жеста, ни одного слова, кромѣ необходимыхъ отвѣтовъ священнику... При этомъ женихъ въ первый разъ слышалъ звукъ ея голоса. Во время пра, слѣдовавшаго за вѣнчаньемъ, молодые сидѣли раздѣленные еще занавѣсомъ. Только послѣ первой перемѣны должна была начаться для новобрачной супружеская жизнь. Подружки отводили ее въ брачную комнату, раздѣвали и клали въ постель. Затѣмъ всѣ ожидали, пока новобрачный хорошенько напьется. Когда онъ казался уже въ достаточной степени пьянымъ, свадебные дружки провожали его къ молодой женѣ, неся факелы, которые ставили вокругъ кровати въ бочки, наполненные овсомъ, ячме-

немъ и пшеницей. Самая же кровать стояла на снопахъ ржи. Это была самая торжественная минута. Новобрачная должна была, наконецъ, открыть лицо. Чтобы привѣтствовать своего господина, она вставала съ постели, надѣвала длинную одежду на куньемъ мѣху, дѣлала съ низкими поклонами нѣсколько шаговъ—и сбрасывала покрывало...

Случалось иной разъ, что вмѣсто ожидаемой пышной красавицы, новобрачный видѣлъ передъ собой больную, горбатую или урода. Предположивъ даже, что смотрѣльница честно исполнила возложенную на нее обязанность, она сама не была гарантирована отъ обмана. Вѣдь ей всегда могли показать вмѣсто невесты другую дѣвушку, что нерѣдко и случалось. Обманутому супругу оставалось одно только средство отдѣлаться отъ неподходящей подруги—немедленно принудить ее итти въ монастырь. Но, будучи пьянь, онъ могъ и не разсмотрѣть какъ слѣдуетъ свою жену, для того-то его на всякій случай и напайвали. Только протрезвившись, замѣчалъ онъ свое несчастье, но тогда уже бракъ былъ завершень физическимъ обладаніемъ и считался признаннымъ съ его стороны.

Можно себѣ представить, что получалось изъ подобныхъ браковъ. Скандальная и судебная хроники того времени изобилуютъ свѣдѣніями по этому поводу: Тамъ можно найти рассказы о мужьяхъ, покидающихъ семейный очагъ и ищущихъ пріюта въ тиши монастырской кельи; о женахъ, доведенныхъ до изступленія дурнымъ обращеніемъ и хватающихся за топоръ или ядъ, чтобы избавиться отъ невыносимаго ига... Какъ ни было ужасно наказаніе, налагаемое за послѣднее преступленіе, оно, повидимому, не сокращало числа преступленій. По крайней мѣрѣ объ этомъ можно судить по тому, какъ часто изображается казнь мужеубійць на гравюрахъ той эпохи. Казнь состояла въ томъ, что преступницу на-половину зарывали въ землю, и иногда казнимья по десять дней ожидали окончанія пытки, терзаемья голодомъ и жаждой, и заживо на-половину изѣденныя червями *).

*) См. иллюстраціи къ книгѣ Кора, см. также донесеніе Вебера у Германна, „Петръ Великій“, стр. 98, (13 авг. 1717).

Если не было ни обмана, ни разочарованія, если супругъ оставался доволенъ, то на слѣдующій день онъ отсылалъ родителей новобрачной ея свадебную сорочку. Ее показывали всѣмъ роднымъ и знакомымъ. Въ простонародѣ изъ этого устраивали даже публичное зрѣлище: сваха разстилала сорочку на полу и съ веселыми пѣснями плясала на ней. Если, случайно сорочка оказывалась не въ надлежащемъ видѣ, то молодежь мазала дегтемъ ворота у дома молодыхъ, потомъ выводила новобрачную чету и съ непристойными шутками и оскорбленіями возила ихъ въ телѣгѣ по всей деревнѣ *).

Всѣ эти обычаи были частью общественнаго устройства, уставъ котораго былъ написанъ или, по крайней мѣрѣ, редактированъ духовникомъ Іоанна Грознаго, протопопомъ Сильвестромъ; все это близко касается „Домостроя“, такъ называется книга Сильвестра **), или происходитъ отъ него. Всѣ эти обычаи и нравы, будь они татарскаго, византійскаго или туземнаго происхожденія, имѣютъ одинъ общій отличительный признакъ—варварство. Знатныя дамы, чтобы развлечься въ своемъ заточеніи, рядились въ „пухъ и прахъ“, изощрялись въ прическахъ, бѣлились и румянились чуть не до бѣлковъ глазъ и пьянствовали. Въ 1630 году, русскіе послы, прибывшіе въ Копенгагенъ для переговоровъ о бракѣ царевны Ирины, дочери царя Михаила Ѳеодоровича, съ принцемъ датскимъ, какъ одно изъ главныхъ достоинствъ царевны выставляли то, что она не пьетъ водки. Простолюдины же, не имѣя возможности заниматься нарядами, только пьянствовали. И подумать только, что эти жены были также матерями!.. Вотъ эти-то ужасные нравы и рѣшилъ уничтожить Петръ. И если бы ему удалось осуществить свое рѣшеніе, то этого одного было достаточно для прославленія его имени.

*) Olearius, Voyage, Amsterdam, 1727, p. 236—244. Корбъ, стр. 210 и сл.; Котошихинъ, Воспоминанія, стр. 160 и сл.; Jerebtsof, Hist. de la civilis, et Russie, Paris, 1858, t. I, p. 410. Brückner, Die Frauen-Frage in Russland, Revue russe, t. XV, p. 106 et suiv.

**) По М. Некрасову (О происхожденіи домостроя, Москва, 1872) только пѣкаторыя части книги могутъ быть приписаны Сильвестру. Рукопись была издана только въ 1849 г. Голохвастовымъ.

Правда, еще до Петра старые устои дали трещину, которая все увеличивалась. Нѣсколько романтичный второй бракъ царя Алексѣя указываетъ уже на новыя вѣянiя въ области мысли и чувства. Царица Наталья, самостоятельно побѣдившая своего мужа красотой и граціей, не походила на прежнихъ царицъ, застывшихъ въ своемъ величii и изнывавшихъ среди пышной скуки. Она, до нѣкоторой степени, принимала участіе въ жизни мужа, вѣвъ домашняго очага. Иногда она сопровождала Алексѣя на охоту, присутствовала на представленiяхъ, устраиваемыхъ, приглашенными Матвѣевымъ, иностранными актерами въ, пораженныхъ удивленіемъ, стѣнахъ древняго Кремля. Иногда она даже выѣзжала вмѣстѣ съ царемъ въ открытой коляскѣ—и это уже было почти государственнымъ переворотомъ... Во время царствованiя слабаго и болѣзненнаго премника Алексѣя, новое теченіе еще больше усиливается. Царевны, сестры Ѳедора, не упустили случая воспользоваться слабостью его управленiя и происшедшимъ отъ этого смятеніемъ. Наконецъ, Софья захватила власть въ свои руки и торжественно начала серію женщинъ-правительницъ въ странѣ рабства женщинъ.

Петръ сдѣлалъ, или, по крайней мѣрѣ, старался сдѣлать, больше и лучше, чѣмъ было сдѣлано до него. Указами о бракахъ онъ обрушился на злоупотребленіе властью и на невыносимые недостатки семейнаго уклада въ низшихъ слояхъ населенiя. До тѣхъ поръ, при совершенiи браковъ, вѣнчаніе происходило обыкновенно черезъ нѣсколько дней, а иногда и черезъ нѣсколько часовъ, послѣ помолвки. Петръ раздѣлилъ эти два акта промежуткомъ, по крайней мѣрѣ, въ шесть недѣль, съ цѣлью дать время будущимъ супругамъ познакомиться другъ съ другомъ. Средство это не могло имѣть, конечно, немедленнаго и рѣшительнаго дѣйствiя. Въ появившемся нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ романѣ Мельникова „Въ лѣсахъ“ описывается съ какимъ безнадежнымъ упорствомъ сохраняются въ извѣстной средѣ пережитки старыхъ традицій. Но, въ общемъ, все-таки былъ сдѣланъ громадный шагъ впередъ. Въ законодательствѣ до-петровскаго времени за мужчипой, отцомъ или мужемъ, оффиціально признавалось право суда, по крайней мѣрѣ, низшаго надъ жен-

щиной, женой или дочерью. Чтобы спастись отъ послѣдствій такого права, одна знатная дама, княгиня Салтыкова, урожденная Долгорукая, принуждена была послѣ долгихъ мученій, избитая, озябшая и голодная, укрыться въ домѣ своего отца. Слѣдствіе констатировало, что она явилась къ отцу полуживая и вся покрытая рубцами. Тѣмъ не менѣе, когда ея мужъ, ея палачъ, потребовалъ ее обратно; единственное чего ей удалось добиться путемъ долгаго процесса—это разрѣшеніе провести остатокъ своей жизни въ монастырѣ*). Можно себѣ представить, что же творилось въ низшихъ классахъ населенія!. Въ этомъ пунктѣ старый строй казался несокрушимымъ. Властная традиція деспотизма такъ глубоко укоренилась въ нравы страны, что самъ Петръ не осмѣливался прямо напасть на нее. Онъ даже, какъ-будто поддерживаеъ ея нѣкоторыми изъ своихъ распоряженій (законъ, изданный въ мартѣ—октябрѣ 1716 года). Но новый духъ, внесенный имъ въ русскую жизнь, настолько противорѣчитъ старымъ традиціямъ, что несправедливый законъ становится устарѣлымъ, самъ собою постепенно упраздняется и затѣмъ исчезаетъ изъ писаннаго законодательства. Сводъ законовъ уже не ссылается на него, а не такъ давно Сенату представленъ случай объявить его упраздненнымъ навѣки**).

Въ высшихъ слояхъ общества Петръ, такъ сказать, взялъ женщину за руку, ввелъ ее въ кругъ свѣтской и общественной жизни и указалъ тамъ ея мѣсто. Ему хотѣлось, чтобы женщина присутствовала на собраніяхъ, выставляя свои прелести, болтала, танцевала, занималась музыкой. Съ декабря 1704 года, Москвѣ пришлось привыкать къ небывалому и чудовищному зрѣлищу: Молодые дѣвушки участвовали въ торжественной процессіи, устроенной по случаю народнаго праздника. Онѣ бросали цвѣты и пѣли кантаты***).

Реформаторъ задумалъ даже сдѣлать для дочерей бояръ то же, что онъ сдѣлалъ для ихъ сыновей: послать ихъ для пополненія образованія за границу. Но здѣсь онъ встрѣтилъ дружное и стойкое сопротивленіе со стороны родителей,

*) Мордовцевъ, стр. 133.

***) 1869. Дѣло Соколовскаго.

***) Голиковъ, т. II, стр. 512.

что принужденъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Тогда онъ постарался убѣдить ихъ, по крайней мѣрѣ, въ пользѣ образованія и для примѣра пригласилъ къ своимъ дочерямъ, Аннѣ и Елизаветѣ, наставницу французенку; присутствовалъ самъ на ихъ урокахъ; заботился о томъ, чтобы царевны приняли европейскій видъ, для чего приказывалъ копировать ихъ платья и прически съ парижскихъ моделей. Когда его невѣстка, Прасковья, начинала осуждать всѣ эти нововведенія, онъ называлъ ея домъ „убѣжищемъ дураковъ и нищихъ духомъ“, и въ концѣ-концовъ увлекалъ ее за собою. Вдова царя Иоанна была въ исторіи русской женщины какимъ-то переходнымъ типомъ, прямымъ продуктомъ преобразованій. Она взяла къ своимъ дочерямъ учителей французовъ, сама занималась подъ руководствомъ нѣмца-наставника. И въ то же время продолжала носить русскій костюмъ и вмѣстѣ съ нимъ сохранила нѣкоторые дикіе инстинкты. Она колотила своихъ фрейлинъ, а однажды, желая добиться отъ слуги признанія въ какомъ-то проступкѣ, облила ему голову крѣпкой водкой, которую всегда возила съ собою и подожгла; потомъ же начала бить несчастнаго тростью по ужаснымъ обожженнымъ язвамъ *).

Слишкомъ длиненъ былъ путь Петра въ области женской эмансипаціи для того, чтобы онъ могъ достигнуть поставленной имъ себѣ цѣли. Къ тому же, благодаря своей природной грубости и развращенности, онъ отнюдь не былъ подходящимъ руководителемъ на этомъ пути. Онъ забывался, терялъ изъ виду намѣченную цѣль, и тогда ему случалось дѣлать ошибки, гибельныя для дѣла. Создавъ салоны и открывъ доступъ въ нихъ затворницамъ терема, онъ зачастую развѣртывалъ тамъ передъ нимъ нравы казармы. Знакомство съ общественной жизнью подъ такимъ руководствомъ надолго оставило слѣды въ нравственномъ обликѣ русской женщины **).

Но тотъ же самый упрекъ можно сдѣлать и всей дѣятельности великаго человѣка, и это, конечно, умаляетъ ея зна-

*) Семевскій, Царица Прасковья, стр. 151.

**) См. очеркъ М. Н... Русская женщина при Петрѣ Великомъ, Новости. 1872, № 152.

ченіе и славу. Несмотря на это, не только русскія женщины, но и всѣ остальные, возстающія болѣе или менѣе основательно противъ несправедливости и жестокости своей доли, должны считать Петра однимъ изъ своихъ истинныхъ спасителей, также какъ всемірная цивилизація считаетъ его однимъ изъ самыхъ доблестныхъ своихъ тружениковъ. Этотъ циникъ и развратникъ видѣлъ въ женщинѣ вѣчто большее, чѣмъ простое орудіе наслажденія. Его представленія о роли женщины въ семьѣ и обществѣ достаточно возвышенны для того, чтобы приблизить его къ современнымъ идеаламъ. И этого одного уже довольно для искупленія многихъ его ошибокъ, если бы даже не было среди окружающихъ его женщинъ той, которой я посвящаю слѣдующую главу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Екатерина.

I. Прибытіе въ Россію. Ваятіе Маріенбурга. Происхожденіе. Семейство пастора Глюкъ. Въ лагерѣ Шереметева. Въ домѣ Меншикова. Гинекей. Екатерина Трубачева. Мать „Петрушки“. Бракъ. Бывшая служанка превращается въ Царицу. II. Мнѣнія современниковъ. Баронъ Пельницъ. Маркграфиня Байретская. Кампредонъ. Портреты галереи Романовыхъ. Ни красоты, ни благородства. Энергичный характеръ и уравновѣшенный умъ. Офицерская жена. Вліяніе на Петра. Очаровательница и укротительница. Ихъ переписка. Супружеская близость. Политическая роль Государыни. Ея благодѣянія и ошибки. Торговля вліяніемъ. Облака на домашнемъ горизонтѣ. III. Екатеринѣ удается ихъ разсѣять. Судьба ее превозноситъ. Смерть Алексѣя. Мать наслѣдника престола. На сцену появляются родные Екатерины. Почталонъ на рижскомъ трактѣ. Публичныя жепщины назъ Ревеля. Башмачникъ. Всѣ родственники дѣлаются графами и князьями. На вершинѣ. Коронованіе. Престононаслѣдіе. На краю пропасти. Преступная связь. Камеръ-юнкеръ Монсъ. Казнь, испытанія и угрозы. Сомнительное примиреніе. Смерть Петра и окончательная побѣда Екатерины. Екатерина плохо ею пользуется. Инстинкты служанки проявляются. Шестнадцатимѣсячное царствованіе. Опереточная королева.

I.

Въ самомъ началѣ шведской войны, въ іюлѣ 1702 года, генераль Шереметевъ, посланный занять Ливонію и укрѣпиться въ ней, осадилъ Маріенбургъ. Черезъ нѣсколько недѣль отчаянной обороны, видя, что городъ неминуемо долженъ сдаться, комендантъ рѣшилъ взорваться вмѣстѣ съ крѣпостью. Онъ пригласилъ къ себѣ кое-кого изъ жителей и, сообщивъ имъ о принятомъ имъ рѣшеніи, предложилъ тѣмъ, кто не желаетъ раздѣлить участь его и его солдатъ, какъ можно скорѣй выбраться изъ города. Среди предупрежденныхъ находился мѣстный лютеранскій пасторъ. Онъ вы-

ѣхать изъ города съ женой, дѣтьми и служанкой, захвативъ изъ всего имущества только славянскую библію, которая, какъ онъ надѣялся, могла послужить ему охраннымъ листомъ у осаждающихъ. Остановленный на аванпостахъ, пасторъ развернулъ библію, проявилъ большой лингвистическій талантъ, рассказавъ нѣкоторые эпизоды изъ нея, и предложилъ себя въ переводчики. Все шло прекрасно. Пастора съ семьей рѣшено было отправить въ Москву. Но какъ поступить со служанкой? Шереметевъ взглянулъ на нее и улынулся.

Она была пышная блондинка и показалась ему хорошенькой. Генераль рѣшилъ оставить дѣвушку въ лагерѣ для развлеченія солдатъ. Въ то время Петръ еще не додумался запретить женщинамъ пребываніе въ лагерѣ, какъ это случилось позднѣе. На завтра былъ назначенъ приступъ, а сегодня, въ ожиданіи, можно было поразвлечься. И вотъ, вновь прибывшая гостя сидитъ за столомъ со своими новыми товарищами. Она весела, отнюдь не недоступна, и ее принимаютъ съ распростертыми объятіями. Музыканты начинаютъ играть на гобоѣ. Собираются начать танцы. Вдругъ ужасный взрывъ прерываетъ ригурнель, валитъ съ ногъ танцоровъ; служанка падаетъ безъ чувствъ на руки драгуна. Комендантъ сдержалъ свое слово... И такимъ-то образомъ, подъ звуки громopodobнаго взрыва, въ объятіяхъ солдата, совершилось вступленіе Екатерины Первой въ исторію Россіи.

Ибо эта служанка была она *).

Въ то время она не носила еще имени Екатерины, и совершенно не выяснено, какъ ее звали, откуда она явилась и какимъ образомъ очутилась въ Маріенбургѣ. Въ исторіи также, какъ въ преданіяхъ, у нея нѣсколько фамилій, и мѣсто ея родины не установлено. По поводу исторіи Екатерины, какъ болѣе или менѣе достовѣрные документы, такъ и мало-мальски заслуживающія довѣрія преданія сходятся лишь въ одномъ: ея судьба была самою удивительною судьбою,

*) Воспоминанія о царствованіи Екатерины, Веберъ, 1728, стр. 605—613; Устряловъ, т. IV, стр. 128 и сл.; Гротъ, Исслѣдованіе о происхожденіи Императрицы Екатерины, въ Запискахъ Петербургской Академіи Наукъ, 1877, т. XVIII.

выпадавшею когда-либо на долю женщины. Это ужь не „Романъ Императрицы“—это сказка изъ „Тысячи и одной ночи“. Я попытаюсь разсказать изъ этой псторіи не то, что достовѣрно извѣстно,—такъ какъ въ ней нѣтъ почти ничего достовѣрно извѣстнаго,—но то, что, по крайней мѣрѣ, правдоподобно.

Екатерина родилась въ Ливоніи, но неизвѣстно, въ шведской или въ польской ея части. Совершенно не выяснено, было ли мѣстомъ ея рожденія мѣстечко Вышки Озеро, въ окрестностяхъ Риги, или мѣстечко Рингенъ, въ округѣ Дерпта, нынѣшняго Юрьева *). 11-го октября 1718 года, въ годовщину взятія шведскаго города Нотебурга, Петръ пишетъ женѣ: „Катеринушка, поздравляю... поздравляю со счастливымъ днемъ, когда Россія вступила на ваши земли“. Сама Екатерина, повидимому, считала себя уроженкой Польши. Найденные позднѣе братья и сестры Екатерины носили фамилію Скаврощенко, или Сквородскіе, по созвучію, вфронтно, передѣланную въ „Скавронскіе“ *). Они были простыми крестьянами, можетъ быть переселенцами, бѣжавшими отъ слишкомъ тяжелаго гнета крѣпостнаго права въ поискахъ лучшей доли. Екатеринѣ было 17 лѣтъ, и она была сирота. Мать ея, какъ полагаютъ, принадлежала ливонскому дворянину Альвендалю и была его любовницей. Плодомъ этой мнмолетной связи и была Екатерина. Послѣ смерти законныхъ отца и матери, брошенная своимъ отцомъ по крови, она еще ребенкомъ попала къ пастору Глюку. Она учила катехизисъ, но не знала азбуки. Гораздо позднѣе уже выучилась она подписывать свое имя. Она росла въ пріютившей ее семьѣ и съ годами сумѣла сдѣлаться полезной, помогая по хозяйству и приглядывая за дѣтьми. Когда у Глюка бывали посторонніе ученики на квартирѣ, она прислуживала также и имъ.

*) Изслѣдованіе, помѣщенное въ 1857 году въ *Westermann's illustrierte Monatschrift*, имѣетъ цѣлью доказать, что Екатерина родилась въ Ригѣ въ семьѣ Баденбикъ, изъ которой происходитъ авторъ, М. Иверсенъ.

**) Арсеневъ, Царствованіе Екатерины, т. I, стр. 74—75; Андреевъ, Представители верховной власти въ Россіи послѣ Петра Петербургъ, 1870, стр. 5

Двое изъ нихъ разсказывали впоследствии, что она всегда давала имъ слишкомъ маленькіе бутерброды. Она всегда отличалась склонностью къ экономіи въ хозяйствѣ, но, по словамъ нѣкоторыхъ очевидцевъ, была очень щедра въ другомъ отношеніи. Говорятъ, что она дарила своей благосклонностью всѣхъ пансіонеровъ пастора, и даже родила, будто бы, въ этотъ періодъ своей жизни дочь, умершую черезъ нѣсколько недѣль послѣ рожденія. Незадолго до осады, хозяинъ Екатерины рѣшилъ для исправленія ея легкомысленныхъ наклонностей выдать ее замужъ за шведскаго драбанта, по имени Крузе. Неизвѣстно навѣрно, успѣлъ ли онъ выполнить свое намѣреніе. Послѣ взятія города мужъ, или женихъ Екатерины попалъ въ плѣнъ къ русскимъ, былъ сосланъ куда-то далеко и пропалъ безъ вѣсти. Другая, болѣе заслуживающая довѣрія версія гласитъ, что ему удалось избѣжать плѣна, благодаря распредѣленію войскъ, отправившему его полкъ въ сторону Рнги; сдѣлавшись императрицей, Екатерина нашла его и назначила ему пенсію *).

Послѣ взятія Мариенбурга, Екатерина служила развлеченіемъ для русскихъ войскъ, участвовавшихъ въ походѣ на Ливонію. Сначала она была любовницей одного младшаго офицера, который ее билъ; затѣмъ перешла къ самому главнокомандующему, которому очень скоро надоѣла. Остается совершенно невыясненнымъ, какимъ образомъ она попала въ домъ Меншикова; показанія свидѣтелей на этотъ счетъ расходятся. Нѣкоторые утверждаютъ, что сначала фаворитъ просто взялъ ее на службу въ качествѣ прачки. Въ одномъ изъ писемъ къ Петру, когда онъ былъ уже ея мужемъ, Екатерина какъ-будто намекаетъ на такое занятіе въ своемъ прошломъ: „Хоть у васъ есть, конечно, другія прачки, но старая васъ не забываетъ“. На это Петръ очень любезно отвѣчаетъ: „Вы ошибаетесь; конечно, вы думаете о Шафировѣ, который смѣшиваетъ любовь съ заботами о своемъ грязномъ бѣльѣ; но я не таковъ, да къ тому же и старъ становлюсь“. Несомнѣнно то, что сначала Екатерина занимала въ домѣ своего новаго покровителя довольно низкое

*) Арсеньевъ. Русскій архивъ, 1875, т. II, стр. 240.

положеніе. Въ мартѣ 1706 года, приказывая сестрѣ Аниѣ и двумъ дѣвицамъ Арсеньевымъ прїѣхать къ нему въ Витебскъ на праздникъ Пасхи, Меншиковъ предвидитъ, что онѣ могутъ ослушаться его, побоявшись плохихъ дорогъ; въ такомъ случаѣ онъ проситъ прислать ему хоть Катерину Трубачеву и двухъ другихъ дѣвокъ *).

Между тѣмъ, въ это время произошло уже немаловажное событіе въ жизни женщины, которою такъ безцеремонно распоряжались: Петръ уже обратилъ на нее вниманіе и не остался равнодушнымъ къ ея прелестямъ. О первой встрѣчѣ Петра съ Екатериной рассказываютъ различно. Одна изъ версій такова: посѣтивъ Меншикова послѣ взятія Нарвы, Петръ былъ пораженъ опрятностью его жилища и чистотой надѣтаго на немъ бѣлья. Какимъ образомъ ухитрялся онъ содержать въ такомъ порядкѣ домъ и носить свѣжее бѣлье? вмѣсто отвѣта Меншиковъ открылъ дверь въ сосѣднюю комнату, и царь увидѣлъ красивую дѣвушку, въ фартукѣ, съ губкой въ рукахъ, которая перепрыгивала со стула на стулъ и съ окна на окно, старательно промывая стекла **). Картинка, конечно, была бы очень пикантна, но бѣда только въ томъ, что Нарва была взята въ августѣ 1704 года, а въ это время Екатерина ужъ одинъ-то разъ навѣрное была беременна отъ Петра. Въ мартѣ слѣдующаго года у нея уже былъ сынъ отъ него, маленькій „Петрушка“, о которомъ Петръ говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: еще черезъ восемь мѣсяцевъ у нея ихъ было уже двое ***).

*) Устряловъ отказывается согласиться, что въ этомъ письмѣ рѣчь идетъ о будущей Императрицѣ, ссылаясь на свидѣтельство Гордона, по словамъ котораго до перехода въ православіе экс-служанка носила имя Екатерины Васильевны, а послѣ перехода—Екатерины Алексѣевны; но самъ Петръ такъ же, какъ и другіе современники, въ документахъ, подлинность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію, называютъ ее различными и очень разнообразными именами. Поэтому аргументы Устрялова не имѣютъ никакого значенія. (Устряловъ, т. IV, 2 ч., ср. Замѣтки и письма Петра, т. III, стр. 816).

**) *Mémoires et documents*, т. I, стр. 163 и сл. *Arch. étrang. de France*.

***) См. выше письмо, гдѣ она подписывается „Катерина и другіхъ двое“, въ октябрѣ 1705 г., см. также „Замѣтки и письма“, т. III, стр. 283

Очевидно, великій человекъ любилъ этихъ дѣтей, такъ какъ находилъ время думать о нихъ даже посреди ужасныхъ заботъ, поглощавшихъ его въ то время. Но къ матери ихъ онъ пока еще относится довольно равнодушно. О переходѣ Екатерины изъ дома фаворита въ домъ царя рассказываютъ также по-разному и очень драматизируютъ это событіе. Поселившись въ новомъ жилищѣ послѣ того, какъ между двумя друзьями состоялось на этотъ счетъ соглашеніе и формальная передача правъ владѣнія, Екатерина нашла у себя великолѣпныя драгоцѣнности. Разразившись слезами, она тотчасъ же спросила у своего новаго покровителя:

— Откуда взялись эти уборы? Если они отъ того, другого, то я не хочу изъ нихъ ничего, кромѣ этого маленькаго колечка. Если же они отъ васъ, то какъ могли вы подумать, что нуждается въ подаркахъ, чтобы мнѣ поправиться?

Можно сказать съ увѣренностью, что все произошло гораздо проще. Врядъ ли можно предположить съ ея стороны такое безкорыстіе, а съ его—такую щедрость. Кромѣ того, по смыслу всего предыдущаго, сцена эта происходила въ то время, когда прекрасная лифляндка была связана со своимъ августѣйшимъ любовникомъ уже двумя дѣтьми. Да и въ слѣдующіе затѣмъ годы не видно какого-либо замѣтнаго измѣненія въ скромномъ и двусмысленномъ положеніи, занимаемомъ ею среди другихъ товарокъ по гинееку, гдѣ развлекались то вмѣстѣ, то поочередно Петръ и Меншиковъ. Она бывала поочередно то съ царемъ, то съ фаворитомъ. Въ Петербургѣ она жила вмѣстѣ со всѣми остальными дамами въ домѣ Меншикова. Все время Екатерина оставалась любовницей незамѣтной и услужливой, и не рѣшалась протестовать, когда Петръ заводилъ себѣ другихъ возлюбленныхъ. Она даже не прочь была заняться сводничествомъ, стараясь извинять недостатки своихъ соперницъ и даже ихъ измѣны, и вознаграждая за непостоянство ихъ пастроеній своей неистощимой веселостью. Постепенно и незамѣтно она все больше и больше овладѣвала сердцемъ государя, а главное его привычками, и въ концѣ-концовъ сдѣлалась ему необходимою. Въ 1706 году, былъ одинъ моментъ, когда Петръ какъ-будто бы боялся, что она ускользнетъ отъ него, подобно

Монсъ. И тогда-то онъ обратилъ вниманіе на неудобства, могущія произойти отъ той фамиллярной близости, съ какою онъ и Меншиковъ смѣшивали свои развлечения и права. Онъ сталъ проявлять смутную тревогу, которую легко можно объяснить безсознательнымъ пробужденіемъ ревности. Раньше онъ долгое время подшучивалъ надъ обѣщаніемъ фаворита жениться на Дарьѣ Арсеньевой и считалъ это обѣщаніе недѣйствительнымъ. Теперь же онъ началъ считать его имѣющимъ законную силу и священнымъ, и писалъ своему другу: „Ради Бога, ради спасенія моей души, помни свою клятву и будь ей вѣренъ“ *).

Меншиковъ покорился и женился. Петръ поступилъ такъ же, но значительно позднѣе. Съ этого же времени Екатерину считаютъ связанной съ нимъ узами тайнаго брака. Начиная съ 1709 года, она больше не разстается съ государемъ. Въ Польшѣ и въ Германіи, куда она сопровождаетъ царя, ее принимаютъ почти какъ государыню. Два слѣдующихъ ребенка, двѣ дочери, еще крѣпче связали ее съ любовникомъ. Но оффиціально она все-таки остается только фавориткой. Въ январѣ 1708 года, покидая Москву, чтобы присоеди- ниться къ арміи и принять участіе въ походѣ, Петръ оставилъ слѣдующую записку: „Если волею Божьею со мной что случится, выдать три тысячи рублей, находящіеся въ домѣ Меншикова, Катеринѣ Васильевнѣ и ея дочери“ **).

Оба они недалеко еще ушли отъ дуката, полученнаго ею въ первую ночь.

Какъ и когда окончательно пришелъ Петръ къ повидимому неосуществимому, безумному и необыкновенному рѣшенію, сдѣлать изъ этой дѣвки болѣе или менѣе законную жену и императрицу? Предполагаютъ, что это случилось послѣ Прутскаго похода. Екатерина побѣдила его послѣднія колебанія своей постоянной преданностью мужествомъ, присутствіемъ духа въ затруднительныя минуты. Онъ былъ покоренъ окончательно, и въ то же время ему представился случай сдѣлать извинительнымъ въ глазахъ

*) Русскій Архивъ, 1875 г., т. II, стр. 245.

**) Ibid., стр. 58.

своего народа выборъ такой жены и такой государыни. Русская армія и ея полководецъ были спасены отъ непоправимаго пораженія, отъ несмываемаго позора, благодаря вмѣшательству бывшей служанки. Ведя ее къ алтарю и украшая ея голову императорской короной, Петръ какъ бы уплачивалъ общественный долгъ. Онъ громко высказалъ это въ одномъ изъ своихъ манифестовъ, обращенномъ къ подданнымъ и къ Европѣ.

Увы! Вотъ еще одна остроумная гипотеза, находящаяся въ противорѣчій съ фактами и хронологическими датами. Прежде всего подлежитъ сомнѣнію самая роль освободительницы, разыгранная Екатериной на берегахъ молдавской рѣки, гдѣ русская армія была окружена татарами и турками. Затѣмъ, надо сказать, что это событіе происходило въ іюнѣ 1711 года, а въ это время Екатерина уже въ теченіе шести мѣсяцевъ была признанною женою Петра. Царевичъ Алексѣй, находившійся тогда въ Германіи, получилъ извѣщеніе о бракѣ отца еще въ первыхъ числахъ мая и тогда же написалъ матеихѣ поздравительное письмо *).

Великій реформаторъ не былъ человѣкомъ, ищущимъ какихъ-либо оправданій для своихъ рѣшеній и поступковъ. Десять лѣтъ спустя онъ, дѣйствительно, нашелъ умѣстнымъ, во время коронаванія бывшей служанки, вызвать отдаленное воспоминаніе объ опасности, избѣгнутой въ 1711 году, благодаря ея помощи. Можно предположить, что онъ имѣлъ въ виду подчеркнуть этимъ смыслъ и значеніе необычайной церемоніи, дѣлавшей Екатерину, за отсутствіемъ наследника престола, преемницей Петра, и обезпечить послѣ своей смерти осуществленіе намѣреній, въ которыхъ при жизни онъ никому не обязанъ былъ давать отчетъ. Къ этому же моменту относится изданіе манифеста, на который я намекалъ выше, и въ которомъ Петръ какъ будто считается съ тѣми, кто его переживетъ.

Я долженъ добавить, что нѣкоторые отрицаютъ даже самый фактъ бракосочетанія съ Екатериной **). Но насчетъ этого

*) Устряловъ, т. VI, стр. 312; Juel, En Rejse til Rusland, Copenhagen, 1893, стр. 422.

**) Долгоруковъ, Воспоминанія, т. I, стр. 38.

у насъ имѣется достовѣрное свидѣтельство въ видѣ депеши англійскаго посланника Витворга, писавшаго изъ Москвы 20 февраля (2 марта) 1712 года:

„Вчера царь публично отпраздновалъ бракосочетаніе со своей супругой Екатериной Алексѣевной. Во время послѣдней зимы, за два часа до отъѣзда изъ Москвы, онъ призвалъ вдовствующую императрицу, свою сестру царевну Наталью и двухъ другихъ сводныхъ сестеръ, и объявилъ имъ, что эта дама—его супруга, и что онѣ должны почитать ее, какъ таковую. Если бы въ походѣ съ нимъ произошло какое-либо несчастье, онѣ должны были предоставить ей положеніе, привилегіи и доходы, предоставляемые всѣмъ вдовствующимъ государынямъ такъ, какъ будто бы она была его законной супругой, хотя онъ и не имѣлъ времени совершить обрядъ, согласно обычаямъ страны, что будетъ имъ сдѣлано въ возможно непродолжительномъ будущемъ. Теперь же приготовленія продолжались четыре или пять дней, послѣ чего одинъ изъ начальниковъ Адмиралтейства, Кикинъ, и генераль-прокуроръ Ягужинскій, оба пользующіеся большою милостью царя, 18 числа текущаго мѣсяца получили приказаніе пригласить гостей на *бывшую* свадьбу Его Величества (именно это слово было имъ приказано употреблять). Царь женился въ чинѣ контръ-адмирала, и поэтому, кромѣ министровъ и представителей знати, главныя роли въ церемоніи были предоставлены флотскимъ офицерамъ. Вице-адмиралъ Крюксъ и одинъ изъ контръ-адмираловъ были воспріемниками, а вдовствующая императрица и жена вице-адмирала воспріемницами. Родныя дочери императрицы Екатерины, одна пяти, другая трехъ лѣтъ, исполняли обязанности фрейлинъ... Бракосочетаніе было совершено приватно въ семь часовъ утра въ маленькой часовнѣ, принадлежащей князю Меншикову. Присутствовали только тѣ, кого къ тому вынуждали обязанности *).

Однако, днемъ, говорить Витвортъ, былъ большой приемъ во дворцѣ, званый обѣдъ, балъ и потѣшные огни. Голландскій резидентъ де-Би (de Bie) рассказываетъ въ свою очередь о празднествѣ, устроенномъ по этому случаю княземъ Менши-

*) Record-Office, à Londres.

ковымъ *). Такимъ образомъ церемоніи былъ приданъ блестящій характеръ.

Побужденія, которымъ повиновался Петръ, а равно и постепенное развитіе мыслей и чувствъ, приведшихъ его къ такой необыкновенной развязкѣ романа съ Екатериной, кажутся миѣ достаточно ясными, если сопоставить англійскій документъ съ документами, приведенными мною выше. Петръ явно заботился объ обезпеченіи будущности своей подруги и дѣтей, и, по мѣрѣ того, какъ разрасталась его любовь къ дѣтямъ, нѣжность и уваженіе къ женѣ, эта забота занимала его все больше и больше. Передъ походомъ 1708 года, также, какъ передъ походомъ 1711 года, онъ просто старался примириться съ своей совѣстью, не заботясь о томъ, что изъ этого выйдетъ дальше. Первый разъ ему кажется совершенно достаточнымъ подарокъ въ три тысячи рублей; второй разъ онъ уже находитъ, что долженъ предоставить Екатериинѣ всѣ права и преимущества законной супруги. Прошелъ еще годъ. За это время Петръ, вѣроятно, подвергся воздѣйствію не только со стороны самой Екатерины, но и со стороны нѣкоторыхъ другихъ лицъ, посвященныхъ въ эту интимную драму и которыхъ Екатерина сумѣла привлечь на свою сторону. И вотъ ему уже кажется, что онъ связанъ словомъ, и онъ исполняетъ свое слово, не придавая, впрочемъ, этому событію большой торжественности.

Существуетъ взглядъ, что такъ какъ бракъ Петра съ Евдокіей не былъ расторгнутъ духовной властью, и Евдокія была еще жива, то второй бракъ Петра нельзя признать дѣйствительнымъ. Лично я съ этимъ совершенно согласенъ, но тѣмъ не менѣе Екатерина считалась всѣми законной супругой Петра. Посмотримъ, что говорили и думали о новой императрицѣ ея современники.

II.

Баронъ Пельницъ, видѣвшій Екатерину въ 1717 году, даетъ слѣдующій ея портретъ:

„Царица въ цвѣтѣхъ лѣтъ, и ничто въ ней не свидѣтельствуетъ

*) Деша 5 марта 1712 г. Архивы Гааги.

о томъ, что она могла когда-либо быть красивой. Она велика и сильна, очень смугла, и была бы еще смуглѣй, если бы употребляемая ею въ изобиліи румяна и бѣлила не смягчали цвѣта ея лица. Въ ея манерахъ нѣтъ ничего отталкивающаго, и ихъ можно было бы даже назвать хорошими, если принять во вниманіе происхожденіе этой государыни. Несомнѣнно, что если бы при ней находилась какая-нибудь разсудительная особа, она могла бы еще усовершенствоваться, такъ какъ въ ней замѣтно большое желаніе держаться какъ слѣдуетъ. Но, вѣроятно, на всемъ свѣтѣ нѣтъ ничего смѣшнѣе дамъ ея свиты. Говорятъ, что царь, во всемъ поступающій по-своему, нарочно выбралъ такихъ, съ цѣлю оскорбить придворныхъ дамъ, болѣе достойныхъ такого назначенія.. Можно бы сказать, что если государыня и не обладаетъ всѣми очарованіями своего пола, то обладаетъ вполнѣ его кротостью... Во время пребыванія въ Берлинѣ она проявила величайшую почтительность къ королевѣ и доказала, что высокое положеніе не заставило ее забыть разницу между этой государыней и ею“.

Маркграфиня Байретская, воспоминанія которой относятся къ слѣдующему году, проявила, какъ и слѣдовало ожидать, гораздо меньше снисходительности:

„Царица маленькая, коренастая, очень смуглая, непреставительная и неизящная женщина. Достаточно взглянуть на нее, чтобы догадаться о ея низкомъ происхожденіи. Судя по ея безвкусному костюму, ее можно было бы принять за нѣмецкую комедіантку. Ея платье имѣетъ видъ купленнаго у старьевщика; оно старомодно и покрыто серебромъ и грязью. Весь передъ вышитъ драгоценными камнями. Рисунокъ странный: двуглавый орелъ, перья котораго украшены мельчайшими брилліантами и подняты (sic!). На ней дюжина орденовъ и столько же образковъ и медальоновъ съ мощами, прикрѣпленныхъ вдоль всей отдѣлки ея платья; благодаря этому, когда она идетъ, то кажется, что приближается мулъ“.

Но маркграфиня Байретская была извѣстная ехидна. Кампредонъ, отнюдь не бывшій образцомъ снисходительности, тѣмъ не менѣе признаетъ наличность у царицы проникательности и политическаго ума. Если она не спасла армію во время Прутскаго похода, то сдѣлала это во время похода на

Персію. Приключеніе это, въ томъ видѣ, какъ его рассказываетъ Кампредонъ, рисуется Петра не въ очень выгодномъ свѣтѣ. Во время очень сильной жары, царь отдалъ войскамъ приказъ выступать, а самъ заснулъ. Проснувшись, онъ увидѣлъ, что ни одинъ человѣкъ не тронулся съ мѣста. На его вопросъ, кто изъ генераловъ осмѣлился отдавать контръ-приказанія, вышла государыня и отвѣтила: „Это я, такъ какъ ваши солдаты погибли бы отъ жары и жажды“ *).

Портреты Екатерины, сохранившіеся въ галлерей Романовыхъ, въ Зимнемъ дворцѣ, совершенно не даютъ представленія о томъ, какія чары способствовали ея успѣху. Они не обнаруживаютъ ни красоты, ни, тѣмъ болѣе, благородства. Толстое лицо, круглое и вульгарное, непріятно вздернутый носъ, толстая шея, — внѣшность служанки изъ нѣмецкой гостиницы. Видъ ея башмаковъ, свято сохраняемыхъ въ Петергофѣ, подаль графинѣ Шаузель-Гуфье мысль, что царица жила на широкую ногу **). Разгадку успѣха Екатерины нужно искать не въ ея красотѣ. Дѣло въ томъ, что эта неуклюжая и мало соблазнительная по внѣшности женщина, физической силой и выносливостью почти равнялась Петру, а характеръ имѣла гораздо болѣе уравновѣшенный. Съ 1704 по 1723 годъ она родила одиннадцать человѣкъ дѣтей, умершихъ большей частью въ младенческомъ возрастѣ, и всѣ эти многочисленныя беременности проходили почти незамѣтно и не мѣшали ей сопровождать мужа во всѣхъ путешествіяхъ. Она была самой подходящей женой для офицера, настоящая „походная офицерская жена“, способная совершать походы, спать на голой землѣ, жить въ палаткѣ и дѣлать верхомъ двойные и тройные переходы. Во время похода на Персію она обрѣла себѣ голову и носила гренадерскую шапку. Она устраивала смотры, передъ сраженіями объѣзжала солдатскіе ряды, раздавала чарки водки и разсыпала одобрительныя слова. Пуля, свалившая одного изъ лицъ ея свиты, ее ничуть не взволновала ***). Когда послѣ смерти Петра соединенныя эскадры Англіи и

*) 6 января 1723 г.

**) Воспоминанія, 1862, стр. 340.

***) Пыляевъ. Забытое прошлое, стр. 441. Mémoires et documents des Aff. étr. de France, t. II, p. 119.

Дани угрожали нападеніемъ Ревелю, она собиралась сама сѣсть на корабль, чтобы отразить непріятеля.

Екатерина не лишена была кокетства. Она красила въ черный цвѣтъ бѣлокурые отъ природы волосы, для того, чтобы лучше отгѣпить прекрасный цвѣтъ лица; запрещала придворнымъ дамамъ подражать ея туалетамъ; превосходно танцевала и неподражаемо выдѣлывала самые сложные пируэты, особенно, если ея кавалеромъ былъ самъ царь. Съ другими же танцорами она довольствовалась обыкновенно тѣмъ, что указывала на. Въ ея характерѣ была смѣсь пѣжной женственности съ почти мужской силой. Она умѣла быть любезной съ окружающими и обладала способностью укрощать дикія вспышки гнѣва у Петра. Низость происхожденія ее нисколько не смущала, и она охотно разговаривала и предавалась воспоминаніямъ о прошломъ съ тѣми, кто зналъ ее до ея возвышенія: съ нѣмецкимъ учителемъ, жившимъ у Глюка одновременно съ ней *), съ Витвортомъ, котораго однажды она пригласила танцевать, спрашивая, помнитъ ли онъ бывшую „Катеринушку“, и который хвастался, что былъ съ ней очень близокъ **).

По словамъ современниковъ, сильное вліяніе, которое Екатерина имѣла на мужа, объяснялось отчасти ея умѣньемъ успокаивать его въ моменты сильнаго нервнаго раздраженія, сопровождавшагося невыносимыми головными болями. То обезсиленный, то разъяренный, Петръ въ такія минуты казался близкимъ къ сумасшествію, и всѣ его избѣгали. Екатерина же подходила къ нему безъ страха, разговаривала съ нимъ свойственнымъ ей ласковымъ и вмѣстѣ рѣшительнымъ тономъ, и уже самый звукъ ея голоса дѣйствовалъ на него успокоительно. Потомъ она брала его голову и тихонько ласкала, перебирая пальцами волоса. Успокоившись, онъ скоро засыпалъ на ея груди. Тогда она просиживала неподвижно по два и по три часа, ожидая благотѣльнаго дѣйствія сна. Проснувшись, онъ чувствовалъ себя бодрымъ и здоровымъ.

Екатерина старалась также удержать его отъ всякаго рода

*) Coxe, Travels, 1785, t. I, p. 511.

***) Whitworth, Anaccount of Russia, Londres, 1771, préface, p. XX.

излишествъ, которымъ онъ любилъ предаваться, отъ ночныхъ оргій, отъ пьянства. Въ сентябрѣ 1724 года, во время безконечнаго банкета, устроеннаго, по обыкновенію, по случаю спуска новаго корабля, она подошла къ каютѣ, гдѣ Петръ заперся съ собутыльниками, чтобы выпить на свободѣ, и закричала: „Пора домой, батюшка“. Онъ послушался и ушелъ вмѣстѣ съ ней *).

Она казалась въ самомъ дѣлѣ любящей и преданной, хотя нѣсколько театральное проявленіе ея горя, послѣ смерти Петра и бросаетъ нѣкоторую тѣнь на искренность ея чувствъ. Вильбоа рассказываетъ о двухъ англичанахъ, которые въ теченіе шести недѣль ежедневно любовались этимъ представленіемъ въ часовнѣ, гдѣ лежало тѣло покойнаго. Самъ Вильбоа, по его словамъ, испытывалъ при видѣ этого зрѣлища такое же волненіе, какъ во время представленія „Андромахи“. Горе, однако, не помѣшало царицѣ настойчиво и съ полнымъ присутствіемъ духа требовать наслѣдство царя. Привязанность Петра къ женѣ менѣе подозрительна; она немного груба, но прочна. Письма его къ Екатеринѣ, написанныя имъ въ рѣдкія минуты разлуки, выражаютъ съ очевидной искренностью глубокую привязанность „старика“, какъ онъ любилъ себя называть, къ своей „Катеринишкѣ“, „другу сердешенькому“, къ матери милаго „Шпичечки“ (маленькаго Петра). Его письма носятъ обыкновенно веселый и шуточный характеръ. Въ нихъ нѣтъ громкихъ фразъ—только простыя, отъ сердца идущія слова; нѣтъ страсти—одна только нѣжность; нѣтъ огня,—но мягкая, ровная теплота. Никогда не звучать рѣзкія ноты и всегда чувствуется желаніе какъ можно скорѣй увидѣть любимую жену, а еще больше—друга, товарища, возлѣ котораго онъ хорошо себя чувствуетъ. Ему не терпится, писалъ Петръ Екатеринѣ въ 1708 году, поскорѣй пріѣхать къ ней, потому что безъ нея грустно и некому заботиться о его бѣльѣ. Въ своемъ отвѣтѣ она высказываетъ предположеніе, что безъ нея онъ плохо вычесанъ. Онъ отвѣчаетъ, что она угадала, но что ей стоитъ только пріѣхать и, навѣрно, найдется какой-нибудь старшій

*) Ruschings M., t. XXII, p. 492.

гребень, и все будетъ приведено въ порядокъ. Въ ожиданіи, онъ посылаетъ ей прядь своихъ волосъ. Какъ и прежде, письма часто сопровождаются подарками: изъ Дрездена Петръ присылаетъ ей въ 1711 году часы, въ 1717 году—мехельнскія кружева, съ Финскаго залива посылаетъ лисицу и двѣ пары голубей. Въ 1723 году, въ письмѣ изъ Кронштадта, онъ извиняется, что ничего не посылаетъ: у него нѣтъ денегъ. Во время переѣзда моремъ въ Антверпенъ онъ отправляетъ посылку, покрытую печатами съ его гербомъ и адресованную „Ея Величеству Царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ“. Раскупоривъ ящикъ, мать „Шишечки“ нашла въ немъ только кусокъ бумаги, съ надписью крупными буквами: „1 апрѣля 1717 года“. Екатерина также посылаетъ ему маленькіе подарки, чаще всего напитки, фрукты или теплую одежду. Въ 1719 году одно изъ писемъ Петра оканчивается выраженіемъ надежды, что это послѣднее лѣто, проведенное ими въ разлукѣ. Нѣсколько времени спустя онъ посылаетъ Екатеринѣ букетъ засушенныхъ цвѣтовъ и вырѣзку изъ газеты, гдѣ разсказывается о четѣ стариковъ, изъ которыхъ мужъ прожилъ до ста двадцати шести лѣтъ, а жена до ста двадцати пяти. Въ 1724 году, пріѣхавъ лѣтомъ въ Петербургъ и не найдя тамъ Екатерины, находившейся въ одной изъ лѣтнихъ резиденцій, въ Петергофѣ или Ревелѣ, онъ тотчасъ же отправляетъ за ней яхту и пишетъ ей: „Когда я вошелъ въ свои покои, я тотчасъ же хотѣлъ бѣжать прочь: такъ все пусто безъ тебя!..“

По правдѣ говоря, она кажется столь же огорченной во время его отсутствія. Въ іюль 1714 года княгиня Голицына, находящаяся съ Екатериной въ Ревелѣ, пишетъ государю слѣдующее выразительное письмо:

„Всемиловитый Государь, дорогой мой батюшка! Желаемъ пришествія твоего къ себѣ вскорѣ; а если ваше величество изволишь умедлить, воистину, государь, проживанье мое стало трудно. Царица-государыня всегда не изволишь опочивать за полночь три часа, а я при ея величествѣ безотступно сижу, а Кириловна, у кровати стоя, дремлетъ; царица-государыня изволишь говорить: тетушка, дремлешь? Она говоритъ: нѣтъ не дремлю, я на туфли гляжу; а Марья

по палатѣ съ постелью ходить и среди палаты стелеть, а Матрена по палатамъ ходить и со всѣми бранится, а Крестьяновна за стуломъ стоитъ, да на царицу-государыню глядитъ. Пришествіемъ твоимъ себѣ отъ спальни получу свободу“ *).

Изъ писемъ, относящихся къ началу ихъ связи, сохранились только письма царя, адресованныя совмѣстно Екатеринѣ и Анисѣ Кирилловнѣ Толстой, которую Петръ прозвалъ „тетушка“. Екатерина же называлась—„мать“. Петръ писалъ Muder по-голландски русскими буквами. Это прозвище оставалось за Екатериной до 1711 года, когда обращенія къ ней Петра начинаютъ принимать все болѣе и болѣе фамилярный, интимный и нѣжный характеръ: Катеринушка, Herzensfreundchen и т. п. Она осмѣливается начать подражать ему только гораздо позднѣе, а до 1718 года продолжаетъ величать его „Величествомъ“. Послѣ 1718 года онъ становится также ея Herzensfreundchen, батюшкой или просто mein Freund (мой другъ). Въ одномъ изъ писемъ она старается даже подражать его шутливому тону и адресуетъ письмо: „Его Превосходительству, Свѣтлѣйшему и Высочайшему Князю-Генералу, Главному Инспектору и Кавалеру компаса и топора подъ короной“ (написано по-нѣмецки).

Переписка Петра съ Екатериной никогда не была, да и не можетъ быть, опубликована полностью. Въ ней слишкомъ много грубой чувственности, которую Петръ высказывалъ безъ стѣсненія, чему Екатерина не смущаясь подражала. Грубость мысли и чувства позволяютъ имъ употреблять такія выраженія: „Если бы вы были со мной, я бы живо сдѣлала вамъ другого Шпшечку“, — писала Екатерина Петру въ минуту разлуки. Таковъ общій тонъ, выраженія же бывали часто гораздо менѣе сдержанны **).

Въ 1724 году, въ годовщину своей свадьбы, отпразднованную въ Москвѣ, Петръ собственноручно устраивалъ фейер-

*) Кабинетъ Петра, карт. II, л. 20.

***) См. Семевскій, Императрица Екатерина, стр. 89; Brückner, Peters d. Grossen Briefwechsel mit Catharina (Raumers Faschenbuch, 5-e série).

веркъ, который должны были зажечь подъ окнами императрицы. Фейерверкъ былъ устроенъ въ видѣ увѣщаннаго короной и окруженнаго эмблемами любви сердца, въ которомъ были переплетены вензеля Петра и царицы. Крылатая фигура, изображавшая Амура, несущаго факель и всѣ прочія свои принадлежности, кромѣ повязки на глазахъ, закинула ракеты. У Амура, вмѣшивавшагося, обыкновенно, въ дѣла этихъ двухъ любовниковъ, совсѣмъ не было крыльевъ, но ихъ любовь, какъ бы она ни была низменна, а порой и грязновата, не кажется отъ этого менѣе симпатичной и трогательной. Она проникнута какимъ-то отраднымъ деревенскимъ простодушіемъ. Послѣ Ништадтскаго мира Петръ подсмѣивается надъ лифляндскимъ происхожденіемъ жены: „По условіямъ договора, я долженъ выдать королю всѣхъ плѣнныхъ. Не знаю, что съ тобой будетъ“. Она отвѣчаетъ, цѣлуя его руку: „И ваша служанка, дѣлайте, что хотите. Не думаю однако, чтобы вамъ очень хотѣлось меня отдать“.—„Я постараюсь какъ-нибудь столковаться съ королемъ“,—возражаетъ Петръ *). Быть можетъ, этотъ анекдотъ въ подробностяхъ и вымышленъ, но, несомнѣнно, онъ вѣрно передаетъ сущность ихъ отношеній. Екатерина съ своей стороны внесла въ эти отношенія много веселости и нѣкоторую дозу женскаго коварства. Говорятъ, что во время совмѣстнаго пребыванія съ царемъ въ Ригѣ, она устроила такъ, чтобы ему показали старинный пергаментъ, извлеченный изъ городскихъ архивовъ и содержащій пророчество, согласно которому русскіе могли покорить страну только послѣ считавшагося невѣроятнымъ событія: послѣ брака одного изъ царей съ лифляндкой. Часто также она обращала вниманіе Петра на то, что до знакомства съ нею ему ничего не удавалось, послѣ же этого знакомства успѣхъ слѣдовалъ за успѣхомъ. Въ данномъ случаѣ, ея слова согласовались съ исторической дѣйствительностью, и факты, скорѣй чѣмъ пророчества, могли произвести впечатлѣніе на суроваго воина.

Нѣтъ, конечно, онъ не хотѣлъ возвращать королю свою маріенбургскую добычу. Въ ея распоряженіи была тысяча

*) Устряловъ, т. IV, стр. 132.

способовъ сдѣлаться пріятной, полезной и необходимой Петру. Какъ и раньше, она безъ ревности, но очень внимательно слѣдила за любовными интригами своего господина и, вмѣшиваясь въ подходящій моментъ, старалась только предупредить слишкомъ серьезныя послѣдствія. Нартовъ рассказываетъ о приключеніи съ прачкой, уроженкой Нарвы, усиленное вниманіе къ которой государя одно время стало внушать опасенія Екатеринѣ. Петръ былъ пораженъ, встрѣтивъ въ одинъ прекрасный день эту дѣвушку въ покояхъ императрицы. Онъ притворился, что не знаетъ ее. Откуда она взялась? Екатерина спокойно отвѣтила: „Мнѣ столько хвалили ея умъ и красоту, что я рѣшилась взять ее къ себѣ на службу, не посоветовавшись съ вами“. Петръ не отвѣтилъ ни одного слова и сталъ искать новыхъ развлеченій въ другомъ мѣстѣ.

Въ то же время у Екатерины не было стремленія вмѣшиваться въ государственныя дѣла и не было никакой склонности къ интригамъ. „Что касается царицы,—пишетъ Кампредонъ, въ мартѣ 1721 года,—хотя царь всегда очень любезенъ съ ней и очень нѣженъ съ великими князьями, она не имѣетъ никакого вліянія въ дѣлахъ, въ которыя и не вмѣшивается. Все свое усердіе она употребляетъ на то, чтобы поддерживать доброе расположеніе царя, насколько возможно удерживать его отъ злоупотребленія виномъ и отъ другихъ излишествъ, значительно подорвавшихъ его здоровье, и умѣрять его гнѣвъ, когда онъ готовъ разразиться противъ кого-нибудь“.

Если предположить, что вмѣшательство Екатерины при катастрофѣ на берегахъ Прута не легенда, а дѣйствительное происшествіе, то это былъ единственный въ своемъ родѣ случай. Переписка ея съ мужемъ доказываетъ, что она была, дѣйствительно, освѣдомлена обо всѣхъ его заботахъ, но только въ очень общихъ чертахъ. Онъ обращался къ ней съ мало-важными порученіями, въ родѣ покупки вина и сыра для подарковъ, которые онъ намѣревался сдѣлать, или приглашенія артистовъ и мастеровыхъ. Онъ часто говорилъ съ ней откровенно, но никогда не вдавался въ подробности. Въ 1712 году онъ пишетъ: „Мы, слава Богу, здоровы, но жить тяжело; лѣвая рука годна не на многое, и я долженъ дер-

жать правой рукой сразу и шпагу и перо; ты сама знаешь, сколько у меня истинныхъ помощниковъ“.

Екатерина сумѣла занять особое мѣсто и принять на себя обязанности, выборъ которыхъ указываетъ на удивительное пониманіе этой крестьянкой своего положенія. Французскій дипломатъ намекаетъ на это въ приведенной выше депешѣ. Она поняла, что рядомъ въ Великомъ Реформаторомъ, доводящимъ до крайности свою роль неумолимага судьи, была второстепенная, но необходимая роль генія кротости и состраданія, что эта роль была самою подходящею для нея, бѣдной служанки, испытавшей на себѣ всѣ житейскія горести, что, принявъ на себя эту роль и помогаясь, насколько было въ ея силахъ, прощенія для другихъ, она легче могла заставить забыть о своемъ происхожденіи; что, наконецъ, среди злобы и ненависти, поднявшихся вокругъ государя, благодаря насильственному проведенію имъ реформъ, кругъ лицъ, обязанныхъ благодарностью государынѣ, могъ послужить ей прибѣжищемъ и защитой, въ случаѣ какой-либо неожиданной перемѣны судьбы.

И въ нужную минуту, послѣ смерти Петра, она, дѣйствительно, нашла среди облагодѣтельствованныхъ ею лицъ не одно только убѣжище.

Такъ же, какъ нѣкогда Лефортъ, только съ большимъ умомъ и тактомъ, она постоянно вмѣшивалась въ кровавую борьбу между царемъ и его народомъ, происходившую изъ-за намѣченной царемъ цѣли и разрѣшаемую изо дня въ день при помощи топора, висѣлицы или кнута. Петръ доходилъ до того, что иногда скрывалъ отъ нея назначаемыя имъ наказанія *). Къ несчастью, она, повидимому, не удовольствовалась выгодами, которыя обѣщало ей ея поведеніе въ отдаленномъ будущемъ. Съ теченіемъ времени ей захотѣлось получать барыши немедленно. Она вообразила, или ее убѣдили, что ей необходимо положить въ основу своего благосостоянія солидную денежную сумму. Она думала, или ей внушили, что въ одинъ прекрасный день ей могутъ пондобиться деньги, много денегъ, для того, чтобы заплатить

*) *Aff. étr. de France: Mémoires et documents, т. II, стр. 119.*

за необходимую помощь и предотвратить возможное падение. Тогда она начала вымогать деньги съ обрацавшихся къ ней за помощью. Чтобы получить надежду избѣжать при ея помощи ссылки или смертной казни, надо было итти къ ней съ кошелькомъ въ рукахъ. Такимъ способомъ Екатерина удалось собрать значительный капиталъ, и, подражая Меншикову и по его совѣту, она положила его въ банкирскія конторы въ Амстердамъ и въ Гамбургъ подъ вымышленнымъ именемъ *). Эти продѣлки не ускользнули отъ бдительности Петра и способствовали появлению облаковъ, омрачившихъ въ послѣдніе годы ясность супружескаго горизонта. Въ 1718 году Екатерина старалась спасти отъ висѣлицы князя Гагарина, провинившагося въ должности главнаго правителя Сибири, въ ужасномъ взяточничествѣ. Она вытянула у князя большую сумму и часть изъ нея употребила на подкупъ ведшаго слѣдствіе князя Волконскаго, стараго, изувѣченнаго солдата, котораго его славное прошлое не спасло отъ искушенія. Волконскій, арестованный въ свою очередь, заявилъ въ свое оправданіе, что боялся отвергнуть авансы царицы, дабы не поссорить ее съ царемъ. Оtvѣтъ, приписываемый Петру, дѣйствительно, совершенно въ его духѣ:

— Дуракъ!.. насъ бы ты не поссорилъ; я только поучилъ бы жену, какъ слѣдуетъ, по-супружески. Ее-то я еще поучу, а тебя повѣшу **).

III.

Трагическое окончаніе ссоры между царемъ и его старшимъ сыномъ было высочайшимъ торжествомъ для мачехи несчастнаго Алексѣя, сразу поднявшимъ ее на головокрутельную вышину, гдѣ она и остается до конца жизни. Поэтому вполне естественно, что ей приписываютъ болѣе или менѣе явное участіе въ подготовленіи ужасной развязки. Къ этому вопросу мнѣ еще придется вернуться. Послѣ смерти

*) Büschings M., t. XI, p. 481 et suiv. Шереръ, т. IV, стр. 61.

***) Долгоруковъ, Воспоминанія, т. I, стр. 83.

Алексѣя наслѣдникомъ престола дѣлается родной сынъ Екатерины, и это еще больше укрѣпляло связь ея съ отцомъ ребенка. Пользуясь этимъ, она понемногу начинаетъ навязывать Петру своихъ родныхъ изъ литовскихъ крестьянъ, которые до сихъ поръ были въ сторонѣ. На помощь ей приходитъ случай. На пути изъ Петербурга въ Ригу почтальонъ, обиженный пассажиромъ, запротестовалъ и сослался на свое родство съ русскимъ царемъ. Почтальона арестовали и о происшедшемъ извѣстили царя. Петръ назначилъ слѣдствие— и вдругъ, совершенно неожиданно у него оказалась цѣлая куча шурьевъ и своячениць, племянниковъ и племянницъ, о которыхъ Екатерина какъ-то слишкомъ легко забыла. Почтальонъ Ѳедоръ Скавронскій былъ ея старшій братъ. Онъ былъ женатъ на крестьянкѣ, и у него было три сына и три дочери. Другой братъ Екатерины, еще холостой, былъ простымъ чернорабочимъ. Старшую сестру звали Катерина, меньшую же, взшедшую на престолъ подъ именемъ Екатерины, звали прежде Мартой. Катерина была, повидимому, проституткой въ Ревелѣ. Третья сестра, Анна, была замужемъ за честнымъ крѣпостнымъ крестьяниномъ Михаиломъ-Іоахимомъ; четвертая, вышла замужъ за выкупившагося крестьянина Симона-Генриха, башмачника въ Ревелѣ.

Петръ велѣлъ привести почтальона въ Петербургъ, показалъ его Екатеринѣ въ домѣ деньщика Шепелева и, убѣдившись такимъ образомъ въ дѣйствительности его родства съ царицей, отправилъ въ деревню, назначивъ ему пенсію. Затѣмъ онъ принялъ мѣры, чтобы обезпечить всѣмъ этимъ появившимся родственникамъ скромное существованіе, и распорядился, чтобы больше о нихъ не было разговоровъ. Черезъ чуръ же скандальную ревельскую родственницу приказалъ посадить подъ замокъ. Только послѣ смерти Петра Екатерина получила возможность сдѣлать еще что-нибудь для своихъ родственниковъ. Бывшій почтальонъ, бывшій башмачникъ, крестьяне и крестьянки были привезены въ Петербургъ, и начался рядъ волшебныхъ превращеній. Симонъ-Генрихъ сдѣлался графомъ Семеномъ Леонтьевичемъ Гендриковымъ. Михаилъ-Іоахимъ превратился въ графа Михаила Ефимовича Ефимовскаго и т. д. и т. д. (Всѣ члены семьи

были богато одарены деньгами и помѣстьями *). Одинъ изъ графовъ Скавронскихъ былъ важной персоной въ царствованіе Елизаветы и выдалъ дочь за князя Салѣгу, потомка знаменитаго польскаго рода, хорошо извѣстнаго во Франціи.

Судьба продолжала возносить Екатерину все выше и выше. 23 декабря 1721 года соединеннымъ мнѣніемъ Сената и Синода было постановлено поднести ей титулъ императрицы. Два года спустя Петръ рѣшилъ короновать бывшую служанку. Коронованіе женщины было новостью въ Россіи, а стеченіе обстоятельствъ придадо этому событію еще большее значеніе. Въ русской исторіи былъ только одинъ подобнаго рода прецедентъ: коронованіе Марины Мнишекъ передъ ея бракомъ съ Дмитріемъ. Но тогда весь смыслъ и цѣль церемоніи заключались въ томъ, чтобы предусмотрительно освятить права на русскій престолъ надменной дочери польскаго магната, которую Польша хотѣла навязать Россіи. Дмитрій же, поддерживаемый войсками Рѣчи Посполитой только въ качествѣ супруга Марины, стоялъ на второмъ планѣ. Послѣ этого русскія царицы были только женами царей, не короновались и не имѣли никакихъ политическихъ правъ. Въ 1719 году, смерть наслѣдника престола выдвинула на сцену вопросъ о престолонаслѣдіи. Въ теченіи нѣсколькихъ слѣдующихъ лѣтъ онъ оставался открытымъ. Послѣ Ништадтскаго мира, давшаго Петру нѣкоторую передышку, вопросъ о престолонаслѣдіи былъ одною изъ его важнѣйшихъ заботъ. По приказанію царя, Шафировъ и Остерманъ имѣли на этотъ счетъ нѣсколько секретныхъ разговоровъ съ Кампредономъ и предлагали союзъ Россіи съ Франціей, если эта держава обѣщаетъ гарантировать желаемый Петромъ порядокъ наслѣдованія престола. Наслѣдованія кѣмъ?.. Кампредонъ предполагалъ, что Петръ имѣлъ въ виду свою старшую дочь, которую хотѣлъ выдать за кого-нибудь изъ подданныхъ и родственниковъ, напримѣръ, за одного изъ Нарышкиныхъ. Шафировъ поддерживалъ его въ такой увѣренности **). Въ обществѣ, до самаго дня коронованія Екатерины, ходили самыя разнообразныя предположенія

*) Карновичъ, Богатства частныхъ лицъ въ Россіи, стр. 179.

**) Депеши Кампредона отъ 20 октября, 17, 21 ноября 1721 года, Aff. étr. de France.

относительно будущаго наслѣдника престола. Но въ этотъ день самая новость событія какъ будто рѣшила въ глазахъ большинства вопросъ о наслѣдованіи въ пользу Екатерины. И Кампредону пришлось присоединиться къ мнѣнію большинства *).

Корона Екатерины, сдѣланная по особому заказу, превосходила своимъ великолѣпіемъ всѣ короны, служившія прежнимъ царямъ. Она была украшена брилліантами и жемчугомъ, съ огромнымъ рубиномъ на верхушкѣ, вѣсила четыре фунта и стоила полтора милліона рублей. Дѣлалъ ее русскій ювелиръ въ Петербургѣ. Платье Императрицы не могло быть сшито въ новой столицѣ, оно было выписано изъ Парижа и обошлось въ четыре тысячи рублей. Петръ собственноручно возложилъ корону на голову жены. Стоя на колѣняхъ предъ алтаремъ Екатерина плакала и хотѣла обнять ноги царя. Онъ поднялъ ее, улыбаясь, и вручилъ ей державу, эмблему самодержавія; но скипетръ, символъ власти, оставилъ у себя. Выйдя изъ церкви, императрица сѣла въ карету, выписанную такъ же, какъ и платье, изъ Парижа, украшенную позолотой и рисунками и увѣчанную императорскою короною **).

Обрядъ коронаванія былъ совершенъ 7/19 мая 1724 года. А шесть мѣсяцевъ спустя въ Зимнемъ дворцѣ разыгралась драма, приведшая государыню къ краю пропасти. По возвращеніи изъ поѣздки въ Ревель, Петръ былъ извѣщенъ о подозрительной близости, установившейся съ нѣкотораго времени между Екатериной и однимъ изъ его камеръ-юнкеровъ. Странно, что Петра не извѣстили объ этомъ раньше, такъ какъ, по словамъ свидѣтелей, вполне заслуживающихъ довѣрія, связь императрицы съ молодымъ красавцемъ Виллимомъ Монсъ, давно уже была всѣмъ извѣстна **). Чтобы составить себѣ ясное представленіе о положеніи вещей, Петру стоило только познакомиться при помощи чернаго кабинета съ перепиской камеръ-юнкера. Онъ нашелъ бы тамъ письма самыхъ высокопоставленныхъ лицъ: министровъ, пословъ, епископовъ, обращавшихся къ молодому человѣку тономъ, ясно показывав-

*) Деша отъ 26 мая 1724 года.

**) Büschings M. t. XXII, p. 447, 463; Голиковъ, т. X, стр. 64.

***) Кампредонъ, деша отъ 9 октября 1724 года.

шимъ какое положеніе приписывалось ему въ домѣ монарха*). Въ этотъ часъ Великій человекъ пожалъ самъ плоды своей инквизиторской политики и понесъ кару за доведеніе до крайности своей системы: повсемѣстное шпионство развило всеобщую осторожность и настороженность противъ шпионовъ. Тотъ, кого стерегутъ, остерегается, и, за то, что Петръ хотѣлъ слишкомъ подробно знать все, что дѣлается у другихъ, онъ былъ наказанъ невѣдѣніемъ того, что творилось въ его собственномъ домѣ.

Камеръ-юнкеръ Монсъ былъ братъ прежней фаворитки Петра. Онъ принадлежалъ къ разряду заносчивыхъ и высокомерныхъ авантюристовъ, историческимъ предкомъ которыхъ въ Россіи былъ Лефорть. Монсъ получилъ самое поверхностное образованіе, но былъ уменъ, ловокъ, веселый товарищъ и, въ случаѣ надобности, поэтъ. Онъ былъ очень суевѣренъ и носилъ на рукѣ четыре кольца: изъ чистаго золота, свинцовое, желѣзное и мѣдное. Вторая его сестра Матрена, была замужемъ за Федоромъ Николаевичемъ Балкъ, происходившимъ отъ боковой вѣтви стариннаго ливонскаго рода Балковъ, переселившейся въ Россію съ 1650 года. Балкъ носилъ чинъ генералъ-майора и исполнялъ губернаторскія обязанности въ Ригѣ. Жена его была въ большой милости у Екатерины и была ея повѣренной. Матрена Балкъ заботилась о счастіи брата и устраивала ему свиданья съ государыней. Но ея роль не ограничивалась однимъ этимъ. При участіи другой любимицы Екатерины, Анны Федоровны Юшковой, герцогини Анны Курляндской и еще нѣсколькихъ придворныхъ дамъ, ей удалось устроить родъ придворной камарильи, сплетничавшей, интриговавшей и постепенно окружившей монарха непроходимой трясинной тайныхъ вліяній и темныхъ козней. Энергія Петра, ослабленная изнурившей его болѣзью, подавляемая окружавшей его навязчивостью, казалась поглощенной этимъ болотомъ. Душой этой организаціи былъ Виллиамъ Монсъ, такъ же принявшій женское имя для переписки съ одной изъ участницъ, нѣкоей г-жей Салтыковой **).

*) Семевскій, Императрица Екатерина, стр. 109.

***) Мордовцевъ, стр. 130.

Такъ начиналась эра владычества женщинъ.

Полученное извѣстіе поставило Петра въ тупикъ одновременно и какъ инквизитора и какъ судью. Онъ долго не зналъ того, что долженъ былъ бы знать, и даже, будучи уже освѣдомленъ, не сумѣлъ сразу поразить виновныхъ и отомстить за непростительное оскорбленіе. Полученное имъ извѣщеніе было анонимно. По этому случаю нѣкоторые рисуютъ картину подготовленной заранѣ ловушки: изображаютъ Екатерину, забывшуюся въ чудный лунный вечеръ въ бесѣдкѣ парка, передъ которой на стражѣ стоитъ Матрена Балкъ, и врасплохъ нагрянувшего Петра *). Жаль только, что такая эффектная постановка совершенно не согласуется съ календаремъ, такъ какъ дѣло было въ ноябрѣ мѣсяцѣ и было вѣроятно градусовъ десять мороза.

Въ документахъ тайной канцеляріи говорится, что Петръ получилъ извѣщеніе объ измѣнѣ жены 5-го ноября. Доносчика найти было нетрудно: онъ оказался однимъ изъ подчиненныхъ Монса. Петръ приказалъ его арестовать и лично произвелъ дознаніе въ застѣнкѣ Петропавловской крѣпости. Но, вопреки всеобщему ожиданію, на этотъ разъ царь дѣйствовалъ не со своей обычной молниеносной быстротой. На картѣ стояла не только его честь, но и его жизнь, такъ какъ въ доносѣ говорилось о заговорѣ и о готовящемся покушеніи. Петръ какъ будто колебался. Онъ скрывалъ свой гнѣвъ и можно было подумать, что онъ, обыкновенно такой порывистый и нетерпѣливый, старается протянуть время. 20-го ноября онъ вернулся во дворецъ, ничѣмъ не обнаруживая своихъ внутреннихъ переживаній, какъ и всегда ужиналъ съ императрицей, долго и дружелюбно разговаривалъ съ Монсомъ, такъ что въ концѣ-концовъ и Монсъ и всѣ остальные успокоились. Было еще довольно рано, когда Петръ заявилъ, что онъ усталъ, и спросилъ, который часъ. Екатерина, посмотрѣвъ на часы съ репетиціей,—подарокъ Петра, присланный изъ Дрездена,—отвѣчала: девять часовъ. Тогда онъ рѣзкимъ движеніемъ взялъ часы, открылъ, перевелъ стрѣлки на три оборота впередъ, и хорошо всѣмъ извѣстнымъ, недопускающимъ

*) Шереръ, т. IV, стр. 78.

возраженій тономъ сказалъ: „Вы ошиблись. Двѣнадцать часовъ и всѣ должны итти спать“.

Левъ проснулся съ грознымъ рычаньемъ и показалъ свои могучіе когти. Вновь появился властелинъ, управляющій временемъ такъ же, какъ всѣмъ и всѣми.

Всѣ разошлись, а черезъ нѣсколько минутъ Монсъ былъ арестованъ. Петръ, какъ говорятъ, самъ былъ и его тюремщикомъ и его судьей. Но во время допроса Монса, имя Екатерины не было произнесено. Петръ рѣшительно выгораживалъ ее изъ дѣла. Слѣдствіе дало возможность предъявить подсудимому другія обвиненія, ввидѣ злоупотребленія властью и разныхъ преступныхъ сдѣлокъ, въ которыхъ была также замѣшана Матрена Балкъ. Два дня подрядъ по улицамъ Москвы ходилъ глашатай и приглашалъ всѣхъ дававшихъ взятки Монсу, подѣ страхомъ наказанія явиться для дачи показаній. Но Монсъ и самъ не запирался. Впослѣдствіи про него, какъ и про Глѣбова, рассказывали, что онъ мужественно спасалъ честь своей любовницы, признаваясь во всемъ, кромѣ связи съ ней. Если даже повѣрить, что это правда, то героизма въ такомъ поступкѣ было немного, ибо даже въ царствованіе Петра гораздо безопаснѣе прослыть взяточникомъ, чѣмъ соперникомъ царя. Доказательствомъ этого могла служить ужасная смерть Глѣбова. Красавецъ же Виллимъ, по видимому, отнюдь не былъ героемъ. Если вѣрить протоколамъ допросовъ, то, будучи приведенъ послѣ ареста на допросъ къ царю, онъ началъ съ того, что упалъ въ обморокъ. Дѣйствительно, его вѣроятно нетрудно было допрашивать, судя по тому, что его даже не пытали. Что касается Балкъ, то она сначала попробовала было заператься, но сдалась послѣ перваго удара кнутомъ.

Монсъ былъ казненъ 28 ноября 1724 года. Согласно донесенію саксонскаго резидента, Петръ навѣстилъ его передъ казнью и выразилъ ему свое сожалѣніе по поводу разлуки съ нимъ. Молодой человекъ съумѣлъ, по крайней мѣрѣ, мужественно держаться хоть во время казни. Великое царствованіе такъ же, какъ впослѣдствіи другое террористическое правительство, научило людей храбро глядѣть въ глаза смерти. Существуетъ легенда, что Монсъ передъ казнью попросилъ

палача достать у него изъ кармана портретъ въ бриллиантовой оправѣ (портретъ Екатерины) и, предложивъ ему оставить у себя оправу, просилъ только уничтожить изображение *). Этотъ разсказъ явная и нелѣпая выдумка: навѣрно тогда, какъ и теперь, заключенныхъ въ тюрьмѣ обыскивали. Матрена Балкъ, получившая одиннадцать ударовъ кнутомъ, не умерла отъ этого, что свидѣтельствуется о ея выносливости, и была сослана въ Сибирь на вѣчное поселеніе, но вернулась оттуда, послѣ смерти Петра. Въ ту эпоху не было ничего вѣчнаго. Тѣ, кому удавалось сохранить голову на плечахъ, могли смѣло рассчитывать подняться со дна глубочайшей бездны. На столбахъ, окружавшихъ мѣсто казни, было вывѣшено объявленіе съ именами всѣхъ лицъ, имѣвшихъ дѣла съ Монсомъ и его сестрою. Въ немъ была представлена вся чиновная іерархія, съ канцлеромъ Головкинымъ во главѣ. Среди другихъ лицъ были упомянуты: Меншиковъ, герцогъ Голштинскій и царица Прасковья Федоровна **).

Екатерина, во время этого испытанія, проявила какое-то потрясающее мужество. Въ день казни она притворялась безумно веселой. Вечеромъ велѣла придти великимъ князьямъ и ихъ учителю танцевъ и вмѣстѣ съ ними училась танцовать менуэтъ. Но въ одной изъ депешъ Кампредона мы читаемъ: „Хотя государыня елико только возможно скрываетъ свое горе, оно ясно выражается на ея лицѣ... такъ что всѣ съ вниманіемъ ожидаютъ, что можетъ съ ней случиться“ ***).

Случился съ ней въ этотъ же самый день довольно неприятный сюрпризъ: собственноручный царскій указъ, обращенный ко всѣмъ учрежденіямъ, запретилъ имъ впредь принимать какія-либо приказанія или рекомендаціи, дѣлаемые отъ имени царицы, ввиду злоупотребленій, совершенныхъ безъ вѣдома монархини. Въ то же время конторы, завѣдывавшія ея личными средствами, были взяты въ опеку и опечатаны, подъ предлогомъ правительственной ревизіи. Это поставило ее въ такое затруднительное положеніе, что для уплаты тысячи дукатовъ, бывшему въ то время въ милости у царя деньщику

*) Crusenstolpe, Der russische Hof, Hambourg, 1857, p. 68.

***) Мордовцевъ, стр. 48—49.

****) Петербургъ, 9 декабря 1724. Aff. étr

Василію Петровичу, она принуждена была дѣлать займы у придворныхъ дамъ *).

На слѣдующій день другая непріятность. Рассказываютъ, что государь выѣхалъ съ супругой въ саняхъ и царственная чета проѣзжала, какъ разъ мимо мѣста казни, гдѣ было еще выставлено тѣло Монса. Платье императрицы коснулось трупа. Екатерина не повернула головы и продолжала улыбаться. Петръ все-таки настаивалъ: онъ приказалъ положить голову казненнаго въ сосудъ со спиртомъ и поставить его въ покояхъ императрицы. Она примирилась съ этимъ ужаснымъ сосѣдствомъ и продолжала сохранять спокойствіе. Напрасно онъ выходилъ изъ себя. Рассказываютъ также, что въ присутствіи Екатерины, Петръ ударомъ кулака разбилъ дивное венеціанское зеркало.

„Такъ же поступлю я съ тобой и со всѣми близкими тебѣ!“

Она возразила, ничѣмъ не обнаруживъ волненія:

„Вы уничтожили одно изъ украшеній нашего жилища. Развѣ оно стало привлекательнѣе отъ этого?“

Она его укрощала и обуздывала такими способами, но отношенія продолжали оставаться чрезвычайно натянутыми. 19 декабря 1724 года, Лефортъ отмѣчаетъ въ своей депешѣ: „почти что не разговариваютъ, не кушаютъ вмѣстѣ и ложатся порознь“. Въ то же время на сценѣ вновь появилась Марія Кантемиръ и привлекла всеобщее вниманіе. Петръ бывалъ у нея каждый день. Полагаютъ, что тогда то онъ узналъ правду о происшествіи въ Астрахани, гдѣ, какъ извѣстно, надежды княжны, а, быть можетъ, и ея любовника, были уничтожены подозрительными преждевременными родами. Докторъ, грекъ Паликала, былъ подкупленъ. Кѣмъ? Отвѣтъ самъ собой напрашивался на уста оскорбленнаго супруга.

Всѣ считали гибель Екатерины рѣшенной. Вильбоа говорить, что Петръ обдумывалъ процессъ въ стилѣ Генриха VIII. Онъ медлилъ только, желая прежде обезпечить судьбу дѣтей, рожденныхъ отъ невѣрной жены. Онъ торопилъ бракосочетаніе старшей дочери Анны съ герцогомъ Голштинскимъ. Были сдѣ-

*) Büschings M., t. XI, p. 494. (Донесеніе Рабютени Императору)

ланы попытки выдать вторую дочь Елизавету за французскаго принца или даже за самого короля. Этотъ проектъ представлялся очень соблазнительнымъ и, повидимому, казался осуществимымъ. Но онъ то какъ разъ выдвигалъ могущественный аргументъ въ защиту Екатерины. Толстой и Остерманъ, ведшіе переговоры съ Кампредономъ, авторитетно заявляли, что врядъ ли можно будетъ убѣдить короля Франціи жениться на дочери второй Анны Болейнъ *).

Въ концѣ-концовъ счастливая звѣзда лифляндки спасла ее. Въ январѣ 1725 года между супругами начинаются попытки къ примиренію, довольно угрюмыя и, можетъ быть, притворныя со стороны Петра, но, тѣмъ не менѣе, очень многозначительныя. Лефортъ пишетъ: „Царица долго стояла на колѣняхъ передъ царемъ, прося прощенія за свои поступки. Разговоръ продолжался почти три часа. Однако ужинали вмѣстѣ и разошлись послѣ ужина“. Менше чѣмъ черезъ мѣсяцъ Петръ умеръ, унеся въ могилу тайну своей злобы и, быть можетъ, подготовляемой втихомолку мести. Здѣсь не мѣсто говорить о томъ, какъ воспользовалась этимъ событіемъ Екатерина, съ точки зрѣнія политической. Личное же ея поведеніе наглядно подтвердило основательность ревнивыхъ заботъ, отравившихъ послѣдніе дни великаго человѣка. Екатерина прожила двадцать лѣтъ въ постоянномъ напряженіи, непрерывно слѣдя за всѣми своими чувствами, напряженно и сосредоточенно стремясь къ единственной, въ концѣ-концовъ достигнутой ею, цѣли. За всѣ эти двадцать лѣтъ она сдѣлала всего лишь нѣсколько ошибокъ. И можно предположить, что въ моментъ смерти Петра послѣдовала реакція, послѣ такого долгаго напряженія, произошло рѣзкое ослабленіе душевныхъ силъ, и въ то же время властно пробудились такъ долго подавляемые инстинкты: грубая чувственность, любовь къ самому обыкновенному разврату, низменныя наклонности: духовныя и физическія. Она, такъ много сдѣлавшая, чтобы удерживать мужа отъ ночныхъ оргій, теперь сама вводитъ

*) По поводу всего этого инцидента см.: Соловьевъ, т. XVIII, стр. 245; Шереръ, т. IV, стр. 18 и сл.; Сборникъ, т. III, стр. 90, (Лефортъ); Büschings M., t. XI, p. 400 et suiv (Rabutin) Вильбоа. Воспоминанія (Рукопись въ Національной библіотекѣ).

ихъ въ обычай, пьянствуя до девяти часовъ утра, со своими случайными любовниками: Левенвальдомъ, Девьеромъ, графомъ Салъгой. Ея царствованіе, къ счастью для Россіи, продолжавшееся только шестнадцать мѣсяцевъ, было временемъ систематическаго расхищенія царской власти Меншиковымъ и другими мимолетными фаворитами, поочередно оспаривавшими крошки, падавшія съ его стола. Преданная, всегда готовая на помощь, подчасъ героическая подруга великаго царя исчезла,—и осталась только опереточная героиня, простая крестьянка, попавшая на престоль, благодаря невѣроятной случайности, и развлекающаяся тамъ сообразно своимъ вкусамъ и наклонностямъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.
ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕТРА.

КНИГА ПЕРВАЯ.
ВНѢШНЯЯ БОРЬБА.—ВОЙНА И ДИПЛОМАТІЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.
Отъ Нарвы до Полтавы (1700—1709).

I. Традиціонная двойная программа внутренней и внѣшней политики. Петръ начинаетъ съ предпріятій внѣшняго характера. Вѣковое колебаніе завоевательныхъ стремленій Россіи между Сѣверомъ и Югомъ. Отказъ Императора заставляеть Петра выбрать для нападенія Сѣверъ. Свиданіе въ Равѣ. Союзъ съ Августомъ. Четверной союзъ. Паткуль. Петръ рѣшается дѣйствовать сообща съ Саксоніей и Даніей противъ Швеціи, но выжидаетъ заключенія мира съ Турціей. Договоръ въ Преображенскомъ. Новости изъ Константинополя. Походъ на Нарву. Прибытіе Карла XII. Вѣгство Петра. Пораженіе. II. Отчаяніе и малодушіе Царя. Отправившись въ Польшу, Карлъ даетъ ему время оправиться и укрѣпляетъ его союзъ съ Августомъ. Новыя военныя приготовленія. Свиданіе въ Бирзѣ (Birze). Новыя неудачи и первые успѣхи. Петръ въ устьи Невы. „Ключъ къ морю“. Петербургъ. Петръ укрѣпляется въ Ингріи и Ливоніи. Августъ теряетъ Польшу. Приготовленія къ рѣшительной брѣвѣ. III. Дипломатическая кампанія. Въ поискахъ посредниковъ. Князь Голицынъ въ Вѣнѣ. Матвѣевъ въ Гаагѣ и въ Парижѣ. Князь Дмитрій Голицынъ въ Константинополѣ. „Турецкія воды“. Переговоры о союзѣ съ Берлиномъ. Карьера и смерть Паткуля. Горжество Шведскаго короля надъ Ливонцемъ. Арведъ Горнъ. Альтранштадтъ. Отпаденіе Августа отъ союза. Дипломатическая двуличность. Калпшское сраженіе. Попытки двухъ Монарховъ заключить сепаратный миръ. Аврора Кенигсмаркъ въ лагерѣ Карла XII. Послы и эмиссары Петра при Европейскихъ дворахъ. Отрицательные результаты. Петръ остается лицомъ къ лицу съ Карломъ. Онъ рѣшается вести борьбу въ родной странѣ. IV. Военный плашъ Карла. Мазепа. Широкіе планы. Первое препятствіе. Колеланія гетмана. Замедленіе движенія Левенгаупта. Лѣто проходитъ. Пер-

спектива зимняго похода. V. Движеніе Карла къ Югу. Побѣда при Головинѣ. Пораженіе Левенгаушта при Лѣсной. Голодь. Мазепа принимаетъ рѣшеніе. Слишкомъ поздно... Онъ теряетъ Украйну. Осада Полтавы. Нужно взять ее или умереть. Деморализація Шведской арміи. Карлъ раненъ. Шансы Петра на побѣду увеличиваются. Столкновение. Пораженіе шведовъ.

Остатки прошлаго и Россія будущаго.

I.

Петръ, являясь наслѣдникомъ и продолжателемъ цѣлаго ряда своихъ предшественниковъ, конечно, стоялъ несравненно выше ихъ, но, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, онъ неполно продолжалъ ихъ дѣло: ихъ заслуги слишкомъ забываютъ. Въ наслѣдство отъ своихъ предшественниковъ, Петръ получилъ двойную программу: внутреннія реформы и расширеніе территоріи. Онъ началъ со второго. Въ распредѣленіи матерьяла, принятомъ мною для этой части книги, я не заботился, какъ легко можно догадаться, только о хронологической точности. Большая часть великихъ реформъ, давшихъ Россіи восемнадцатаго вѣка совершенно новую фізіономію въ политическомъ, экономическомъ и социальномъ отношеніи, относятся къ послѣднимъ годамъ царствованія Петра. Однако въ главахъ историка онъ важнѣе и Полтавской побѣды, и даже завоеванія Балтійскаго моря, и мелочная точность въ датахъ имѣеть, въ данномъ случаѣ, очень мало значенія. Я долженъ былъ руководствоваться другимъ соображеніемъ. Я совсѣмъ не думаю, чтобы реформы Петра, какъ это часто утверждаютъ, имѣли необходимымъ предварительнымъ условіемъ тотъ длинный рядъ переговоровъ и сраженій, которые до 1721 года, почти цѣликомъ поглощали дѣятельность Реформатора. Я, наоборотъ, полагаю—и постараюсь доказать это,—что реформы явились косвеннымъ, но неизбѣжнымъ, или, если угодно, провиденціальнымъ слѣдствіемъ войны. Другими словами, для реформъ не требовалось непременно войны, но, чтобы продолжать войну, оказались необходимы реформы. Представляя дѣло такимъ образомъ, я только восстанавливаю естественную послѣдовательность событій.

Отъ 1693 по 1698 годъ, въ Голландіи и въ Англіи такъ же, какъ въ Воронежѣ и въ Архангельскѣ, Петръ озабоченъ прежде всего тѣмъ, чтобы сдѣлаться настоящимъ морякомъ.

лоцманомъ, плотникомъ и артиллеристомъ. Почему? Потому, что это, прежде всего, его забавляло. Это общеизвѣстно. Онъ игралъ въ моряки и въ солдаты. Мало-по-малу болѣе серьезныя мысли, сознаніе того, что было завѣщано предшественниками, и своего долга относительно завѣщанія, присоединились къ забавѣ, и тогда дѣйствительность, въ концѣ-концовъ, взяла верхъ надъ фантазіями. Но дѣйствительностью въ данномъ случаѣ была война. Съ 1700 по 1709 годъ, для Петра дѣло заключается въ томъ, чтобы побѣдить Карла XII, или погибнуть, ни о чемъ другомъ для него не можетъ быть и рѣчи. Съ 1709 по 1721 г., онъ долженъ все еще продолжать борьбу, не зная ни перемирій, ни отсрочекъ, настолько же для достиженія выгоднаго мира, насколько и для того, чтобы выйти изъ новыхъ затрудненій и опасностей, въ которыя онъ попалъ, благодаря излишней увѣренности въ себѣ и самооптимальности. Только вотъ что тогда происходитъ: на этомъ пути, пустившись въ него сначала съ слишкомъ легкимъ сердцемъ, повелитель былъ вынужденъ просить у своей страны помощи въ такихъ размѣрахъ, которые во много разъ превышали ея средства, при данномъ политическомъ, экономическомъ и социальномъ ея строе. Перегруженные, подавленные громадною тяжестью, которую на нихъ возложили, и громаднымъ напряженіемъ, котораго отъ нихъ требовали, старые устои зданія московской государственности падаютъ и разрушаются. Образуется пустота, которая должна быть заполнена немедленно и чѣмъ бы то ни было, такъ какъ война не ждетъ. И вотъ воинъ дѣлается организаторомъ, а вслѣдствіе этого и реформаторомъ, почти безсознательно, почти противъ своей воли. Его реформы—это совершенно тѣ же импровизированные снаряды, которыми онъ заряжалъ свои пушки, когда боевые припасы истощены.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи я буду настаивать на этой точкѣ зрѣнія, существенно необходимой для пониманія дѣла Петра.

Не будучи совершенно компетентнымъ въ вопросахъ военного искусства, я не поставлю себя въ смѣшное положеніе, и не буду стараться дать полную картину или рациональную критику тѣхъ кампаній, которыя въ періодъ отъ 1700 по

1721 г., отняли у Швеціи ея положеніе въ Европѣ и дали такое положеніе Россіи. Да это не вошло бы въ намѣченныя для моего сочиненія рамки. Я только попытаюсь выяснитъ историческій смыслъ событій этой эпохи, весьма общезвѣстныхъ, пользуясь ими для того, чтобы лучше освѣтитъ главный предметъ моего изслѣдованія: нравственный обликъ великаго человѣка, въ общихъ чертахъ намѣченный уже на предыдущихъ страницахъ, и картину его царствованія, къ разсмотрѣнію котораго я теперь приступаю.

Кажется, только въ Вѣнѣ, въ 1698 году, Петру пришла въ голову мысль напасть на Швецію. До тѣхъ поръ его воинственныя стремленія были скорѣе обращены на югъ. Онъ питалъ замыслы только противъ одной Турціи. Но въ Вѣнѣ, императоръ, на помощь котораго онъ рассчитывалъ, уклонился отъ этого, и тотчасъ же подвижная мысль молодого царя приняла совсѣмъ другое направленіе. Не нуждался ли онъ въ войнѣ,—какой и гдѣ, все равно,—для того, чтобы пустить въ дѣло свое молодое войско? Захватныя стремленія и воинственныя инстинкты его предшественниковъ такимъ же образомъ всегда колебались между сѣверомъ и югомъ, возбуждаемые поочередно, то Чернымъ моремъ, то Балтійскимъ, то пограничными съ Польшей областями. Это—естественный порывъ роста у молодого и сильнаго народа, порывъ, который впоследствии былъ совершенно напрасно идеализированъ и возведенъ въ догматъ подъ видомъ дѣла о б ѣ е д и н е н і я. Надо сказать, что всѣ народы всегда стремились такимъ же образомъ къ округленію національнаго достоянія за счетъ своихъ сосѣдей, и счастливая звѣзда Петра захотѣла, чтобы онъ въ этомъ отношеніи остался еще въ извѣстныхъ границахъ справедливости, логики и истины. Поглощенный, а затѣмъ истощенный, громадными усиліями, которыхъ потребовала отъ него война на сѣверѣ, онъ пренебрегъ значительной частью завоевательныхъ стремленій на югъ и даже на западъ, какъ бы полученныхъ имъ въ наслѣдство отъ царя Алексѣя. Оставшись при прежнихъ границахъ со стороны Польши, отступивъ со стороны Турціи, онъ предъявилъ на сѣверо-западѣ требованіе, относительно говоря, наиболѣе оправдываемое исторически.

На сѣверо-западѣ, часть морского побережья отъ устья Нарвы (или Наровы) до устья Сестры, съ рѣками: Вуоксой, Невой, Ижорой, Лугой, дѣйствительно, нѣкогда была составной частью русскихъ владѣній. Она составляла одинъ изъ пяти округовъ (пятищъ) территоріи Новгорода; тамъ остались города, носящіе славянскія названія: Корела, Орѣшекъ, Ладога, Копорье, Ямъ, Ивангородъ. Только въ 1616 году царь Михаилъ Федоровичъ, борясь съ Густавомъ-Адольфомъ, окончательно покинулъ морской берегъ, чтобы удержать Новгородъ. Но надежда вернуть назадъ потерянные владѣнія осталась столь живой въ сердцахъ русскихъ, что въ царствованіе Алексѣя, послѣ бесплодной попытки со стороны Ливоніи, бояринъ Ординъ-Нащокинъ занялся въ Кокенгаузенѣ на Двинѣ, постройкой извѣстнаго числа судовъ, предназначенныхъ для завоеванія Риги *). Эти историческіе прецеденты внушили Петру смутное, но сильное чувство. Онъ доказалъ это направленіемъ, приданнымъ имъ войнѣ послѣ того, какъ онъ бросилъ перчатку Швеціи. Потомъ ему случалось сбиваться съ дороги, уступать необдуманнымъ увлеченіямъ, но онъ всегда возвращался къ цѣли, указанной ему традиціей: выходъ къ морю, портъ на Балтійскомъ морѣ, открытое окно въ Европу.

Его свиданіе въ Равѣ съ Августомъ II устанавливаетъ окончательно магнитную стрѣлку на его компасѣ, на моментъ отклонившуюся отъ правильнаго направленія. *Pacta conventa*, подписанныя королемъ польскимъ, при вступленіи на престолъ, заставляли и его также требовать отъ Швеціи области, нѣкогда принадлежація Рѣчи Посполитой. Два монарха могли быть почти увѣрены, что Данія будетъ на ихъ сторонѣ: Рескильдскій трактатъ (1658), навязанный Фридриху III, тяготѣетъ надъ его преемниками, и Голштинія, предметъ стремленій другихъ націй послѣ смерти Христиана-Альберта (1694 г.), какъ разъ въ это время можетъ вызвать схватку между сосѣдями. Бранденбургъ также является, какъ возможный союзникъ: соединяясь съ Франціей Людовика XIV и мадамъ де-Ментенонъ, Швеція, правда, предоставляла

*) Веселаго, Очеркъ исторіи русскаго флота, т. I, стр. 7.

Пруссіи всю историческую роль въ Германіи, но, однако, она продолжала тамъ оставаться въ качествѣ соперницы, а въ Кенигсбергѣ уже явился курфюрстъ. Кромѣ того, Августъ лично очаровалъ Петра, что одно доказываетъ, сколько еще этотъ ученикъ плотничнаго дѣла сохранилъ наивности, неопытности и дѣтскаго легкомыслія въ своемъ умѣ, едва начавшемъ шлифоваться.

Высокій, красивый, сильный, ловкій во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, охотникъ, кутила и неутомимый искатель любовныхъ приключеній, Августъ по королевски разгульный, понравился Петру и внушилъ ему уваженіе. Естественно, что сверхъ всѣхъ названныхъ качествъ, онъ ему приписалъ и геніальность и склонился къ тому, чтобы связать свою судьбу съ его судьбой. Къ концу четырехъ дней, проведенныхъ въ непрерывныхъ празднествахъ, они раздѣлили остатки Швеціи и обмѣнялись, въ ожиданіи раздѣла, оружіемъ и одѣянными. Спустя нѣсколько недѣль, царь показался въ Москвѣ въ камзолѣ короля Польскаго на плечахъ и съ его шагаю на боку *). Однако, они еще не остановились ни на какомъ опредѣленномъ планѣ союза и военныхъ дѣйствій. Два друга и будущихъ союзника были въ данный моментъ слишкомъ заняты у себя дома, чтобы начать искать приключеній за границей. Августу достаточно хлопотъ съ его поляками, которыми такъ трудно управлять,—онъ еще не покончилъ со сторонниками принца Контя, а Петру нужно рубить головы: стрѣльцы выбрали, какъ разъ, этотъ моментъ для возстанія.

Рѣшительный призывъ къ оружію не воспослѣдовалъ со стороны ни одного изъ этихъ монарховъ; ни тому, ни другому не принадлежитъ заслуга образованія коалиціи трехъ или четырехъ государствъ, которая, черезъ два года послѣ этого, выставила противъ Карла XII свою внушительную силу. Это было дѣломъ шведа, или, по крайней мѣрѣ, шведскаго подданнаго. Свиданіе въ Равѣ произошло въ августѣ; въ октябрѣ же 1698 года выступилъ на сцену Іоганнъ Рейпгольдъ Паткуль. Роденный въ 1660 году въ тюрьмѣ (послѣ сдачи Вольмара поляками, его отецъ и мать были аресто-

*) Устряловъ, т. III, стр. 622.

ваны и посажены въ тюрьму въ Стокгольмѣ, по обвиненію въ государственной измѣнѣ), этотъ ливонскій дворянинъ кажется съ колыбели предназначеннымъ для трагической участи. Смѣлый и честолюбивый умъ, пылкая и страстная натура, онъ, кромѣ того, имѣлъ всѣ черты героя драмы. Соперничество въ любви заставило его очень рано столкнуться со шведскимъ губернаторомъ его провинціи Гельмерсенемъ. Немного времени спустя, онъ сдѣлался вождемъ ливонской аристократіи въ ея борьбѣ противъ предпріятій Карла XI,—несомнѣнно, личное его раздраженіе играло притомъ нѣкоторую роль. Онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые прикрываютъ свои страсти и дѣлаютъ себѣ иллюзіи объ искренности притворства. Преслѣдуемый и присужденный заочно къ смерти въ 1696 году, онъ ищетъ убѣжища въ Швейцаріи, откуда Флеммингъ, любимый министръ Августа, вызвалъ его въ Варшаву. Онъ прибылъ туда съ совершенно готовымъ планомъ коалиціи, въ которомъ соединяетъ противъ Швеціи—Бранденбургъ, Данію, Россію и Польшу, предлагая этой послѣдней Ливонію, въ награду за содѣйствіе. Россія должна была получить свою часть въ другихъ приморскихъ провинціяхъ, и Ливоненъ постарался весьма точно опредѣлить эту часть. Онъ не довѣрялъ этой союзницѣ, и это недовѣріе сохранилъ навсегда, рекомендуя „хорошенько связать ей руки, чтобы она не пожрала куска, приготовленнаго нами *).

Августъ легко далъ себя склонить къ принятію этого плана. Фридрихъ IV Датскій, со взорами, обращенными на Голштинію, ждалъ только поощренія. Подкупили примаса Польши, Радзѣжовскаго, при помощи ста тысячъ дукатовъ,—и каша заварилась. Секретный пунктъ договора, подписанный Паткулемъ отъ имени дворянства его страны, обезпечивалъ за Августомъ и его наслѣдниками владѣніе Ливоніей, даже въ томъ случаѣ, если бы они потеряли Польскій престолъ. Радзѣжовскій не видалъ этого пункта **). Саксонскій генераль Карловичъ былъ посланъ въ Москву, чтобы условиться окон-

*) Patkuls Berichte, Berlin, 1802. Вернулли, Воспоминанія (отъ 1-го апрѣля и 7-го августа 1699 г.).

***) Шуйскій, Исторія Польши, т. IV, стр. 169.

чательно съ царемъ, и Паткуль сопровождалъ его подъ вымышленнымъ именемъ. Они встрѣчаются съ послами новаго шведскаго короля Карла XII, которые явились просить подтвержденія мира въ Кардисѣ (1660). Петръ хорошо принялъ шведскихъ пословъ, высказавъ однако имъ нѣсколько жалобъ, только теперь впервые сформулированныхъ оффиціально, по поводу дурнаго обращенія, которому подверглись его послы, во время проѣзда черезъ Ригу. Повидимому Петръ только искалъ предлога къ разрыву и хотѣлъ лишь, прежде чѣмъ сбросить маску, обезопасить себя со стороны Турціи. Подписанный 26 января 1699 г., несмотря на усилія французскаго посланника Шатонефа, Карловицкій договоръ, примиряя Порту съ Имперіей и Польшей, давалъ Россіи только перемиріе на два года. Уполномоченному царя Украинцеву, было поручено отправиться въ Константинополь, чтобы превратить перемиріе въ окончательный миръ. 11 ноября 1699 г. Петръ, надѣясь на успѣхъ этого порученія, призываетъ въ свой домикъ въ Преображенскомъ, польскаго и датскаго посланниковъ и подписываетъ тамъ съ ними секретный договоръ, объ оборонительномъ и наступательномъ союзѣ. Въ этомъ договорѣ Августъ упоминается только какъ курфюрстъ Саксонскій. Однако Петръ продолжаетъ ласкать шведовъ. Украинцевъ медлитъ съ исполненіемъ своего порученія. Въ началѣ 1700 г. Августъ и Фридрихъ, вѣрные принятымъ обязательствамъ, начинаютъ войну. Петръ, обязанный сдѣлать то же самое, не движется, не шевелится. Фридрихъ былъ разбитъ, ему угрожала опасность въ собственной столицѣ: тѣмъ хуже для него. Августъ, отнявши у шведовъ Динамюнде, потерпѣлъ поражение подъ Ригой: тѣмъ лучше; Рига останется для русскихъ. Другой саксонскій генераль, Лангенъ, является въ Москву. Царь спокойно выслушиваетъ его жалобы. Онъ будетъ дѣйствовать только тогда, когда ему позволятъ сдѣлать это вѣсти изъ Константинополя. Переговоры идутъ по вѣрному пути, и онъ въ ближайшемъ времени будетъ въ состояніи напасть на шведовъ со стороны Пскова, согласно обѣщанію. Паткуль сильно настаивалъ на этомъ послѣднемъ пунктѣ, и Петръ не возражалъ ему. Со стороны Паткуля это было вполне понятно: такимъ образомъ царь не войдетъ въ

Ливонію *). Наконецъ, 8 августа 1700 г. прибылъ гонецъ отъ Украинцева съ желанной вѣстью: миръ подписанъ. Въ тотъ же день войска царя получили приказъ выступить въ походъ. Но только онъ направляетъ ихъ не на Псковъ; они идутъ на Нарву, въ самое сердце Ливонской страны.

Въ своемъ манифестѣ о началѣ войны Петръ распространяется съ крайней надменностью объ обидахъ, которыя были нанесены ему при проѣздѣ черезъ Ригу. Три недѣли спустя его посланникъ въ Голландіи, Матвѣевъ, котораго не успѣли еще извѣстить, продолжаетъ увѣрять правительство Соединенныхъ провинцій, что царь и не думалъ братья за оружіе, чтобы отомстить за понесенныя его по с л а м ъ оскорбленія **). Оказывается теперь, что царь самъ былъ оскорбленъ, несмотря на свое инкогнито, и царь начинаетъ войну, чтобы отомстить за обиды, нанесенныя Петру Михайлову.

Войско, которое должно было начать осаду Нарвы, состояло изъ трехъ, вновь сформированныхъ дивизій, подъ командой генераловъ Головина, Вейде и Репнина, изъ 10,500 казаковъ и нѣсколькихъ иррегулярныхъ отрядовъ: всего 63,520 человекъ. Дивизія Репнина, насчитывающая 10,834 человекъ, и малороссійскіе казаки оставались еще въ пути, что сводило дѣйствительный наличный составъ къ 40,000 человекъ ***). Но Карлъ XII со своей стороны не могъ привести на помощь осажденному городу больше 5,300 человекъ пѣхоты и 3,130 конницы. Кромѣ того, принужденное итти отъ Везенберга по совершенно опустошенной странѣ, отдѣленное отъ своего лагеря и вслѣдствіе этого вынужденное нести съ собой жизненные и боевые припасы, это войско, очутившись послѣ ряда усиленныхъ переходовъ передъ врагомъ, въ пять разъ болѣе многочисленнымъ, оказалось въ состояніи полного истощенія *†).

Петръ не ожидалъ найти шведскаго короля въ Ливоніи.

*) Устряловъ, т. III, стр. 375—377; Сообщение Валь деръ Гульста, голландскаго резидента въ Москвѣ, секретарю Соединенныхъ провинцій отъ 3 авг. 1700 (Гаагскій архивъ).

**) Записки, 2-го сентября 1700 г. (Гаагскій архивъ).

***) Устряловъ, т. IV, стр. 9.

*†) Hansen, Geschichte der Stadt Narva, Dorpat, 1858, p. 144.

Онъ предполагалъ, что ему достаточно дѣла въ другомъ мѣстѣ, съ королемъ датскимъ. Онъ не зналъ, что условія Травендальскаго мира, которыя долженъ былъ принять его союзникъ, были подписаны въ тотъ самый день, когда русская армія тронулась въ походъ. Онъ весело отправился во главѣ своей гренадерской роты, рассчитывая на легкій успѣхъ. Явившись къ городу 23 сентября, онъ былъ удивленъ тѣмъ, что городъ, повидимому, приготовился къ серьезной оборонѣ. Объявляется правильная осада. Когда, послѣ мѣсяца приготовленій, батареи Петра открываютъ, наконецъ огонь, то дѣйствіе ихъ оказывается ничтожнымъ. Орудія были плохи, а дѣйствовали ими еще того хуже. Второй мѣсяць прошелъ въ ожиданіи счастливаго событія: предложенія капитуляціи или прибытія Репина. Въ ночь съ 17 на 18 ноября пришла новость, что шведскій король прибудетъ черезъ двадцать четыре часа.

Въ эту самую ночь Петръ оставляетъ свой лагерь, поручивъ командованіе герцогу де-Круи.

Изъ тѣхъ соображеній, на которыя ссылались самъ Государь или его апологеты, чтобы оправдать это безпримѣрное дезертирство, ни одно, по моему, не выдерживаетъ критики. Необходимость свиданія съ польскимъ королемъ, желаніе ускорить движеніе Репина—все это жалкія нелѣпости. Генералы Лангенъ и Галлартъ, которымъ Августъ поручилъ слѣдить за военными дѣйствіями въ Ливоніи, серьезно указывали въ своихъ донесеніяхъ, что царь долженъ былъ отправиться въ Москву для приѣма турецкаго посла,—который долженъ былъ прибыть черезъ четыре мѣсяца. Посолъ Императора, Плейеръ приводитъ болѣе вѣскія основанія, говоря, что Государь повиновался настояніямъ своихъ совѣтниковъ, рѣшившихъ, что для него слишкомъ опасно было бы оставаться *). Говоря объ этихъ совѣтникахъ, сановникахъ и генералахъ, Галлартъ не стѣсняется заявить на своемъ грубомъ солдатскомъ языкѣ, что „у нихъ столько же мужества, сколько шерсти у лягушки на брюхѣ“ **). Разстроенная неожиданно

*) Устряловъ, т. IV, стр. 34.

**) Herrmann Geschichte Russlands, т. IV, стр. 116.

встрѣченнѣмъ сопротивленіемъ, плохо вооруженная для побѣды, плохо управляемая, плохо размѣщенная и плохо содержимая русская армія находилась въ этотъ моментъ въ состояніи очень сильной деморализаціи. Прибытіе Карла вызвало въ ней панику и это тотчасъ же отразилось на душѣ очень впечатлительнаго Петра. Инструкція, оставленная имъ де-Круи, ясно показываетъ, въ какомъ безпорядкѣ находились его мысли. Онъ даетъ де-Круи два указанія: Прежде чѣмъ отважиться на приступъ, подождать прибытія артиллерійскихъ снарядовъ, въ которыхъ былъ недостатокъ; второе—попытаться взять крѣпость прежде прибытія шведскаго короля, относительно приближенія котораго онъ отлично былъ освѣдомленъ, ибо оно заставило его бѣжать *).

1683

Какъ генераль, герцогъ Карль-Евгеній де-Круи не былъ первымъ попавшимся. Онъ, прослужившій пятнадцать лѣтъ въ войскахъ Императора, заслужившій чинъ лейтенанта-фельдмаршала, подъ начальствомъ де-Лоррена принимавшій участіе въ 1603 г. въ освобожденіи Вѣны при Собѣскомъ,—обладалъ и опытностью, и авторитетомъ; но онъ только что прибылъ въ русскій лагерь съ посольствомъ польскаго короля; онъ ничего не зналъ объ арміи, которую ему дали въ руки; онъ не зналъ ея вождей; онъ не говорилъ на ея языкѣ. Единственное, что можно поставить ему въ вину—это то, что онъ принялъ командованіе; эту вину онъ искупилъ два года спустя, въ Ревелѣ, взятый въ плѣнъ и лишенный всего необходимого.

Молніеносная быстрота, съ которой Карль освободился подъ стѣнами Копенгагена отъ самаго слабаго изъ своихъ трехъ противниковъ, менѣе удивила бы Петра, если бы молодой государь лучше отдавалъ себѣ отчетъ въ условіяхъ, при которыхъ онъ и его союзники начали борьбу,—по вѣдѣности столь неравную, и неравную въ ихъ пользу. Король Фридрихъ не принялъ во вниманіе могущественныхъ гарантій Альтонскаго договора, поставившаго Голштинію въ безопасное положеніе; не принялъ во вниманіе Люнебургскихъ и Ганноверскихъ

*) Устряловъ, т. IV, стр. 35.

войскъ, немедленно пришедшихъ на помощь Тенингену; не принявъ во вниманіе Англо-голландскаго флота, который, заставивъ его собственный флотъ укрыться подъ защиту копенгагенскихъ стѣнъ, позволилъ шведскому королю переправиться спокойно черезъ Зундъ и высадиться въ Зеландіи. Кромѣ того, онъ не принялъ во вниманіе—и въ этомъ его нельзя винить—еще одного обстоятельства, наполнившаго въ скоромъ времени Европу удивленіемъ и ужасомъ: счастья и военнаго генія Карла XII...

Карль XII родился въ 1682 году, черезъ десять лѣтъ послѣ Петра. Въ шестнадцать лѣтъ онъ охотился на медвѣдей, въ восемнадцать былъ солдатомъ, бредилъ славой, сраженіями, сѣчами. Онъ былъ послѣднимъ представителемъ той расы людей, которая съ XVI по XVII вѣкъ держала центральную Европу въ своихъ желѣзныхъ рукахъ. Это была суровая рать воителей, предавшихъ Германію и Италію огню и мечу, шедшихъ съ оружіемъ въ рукахъ отъ города къ городу, отъ селенія къ селенію. Они сражались безъ отдыха и безъ пощады, жили для войны и войною, старѣлись и выпускали духъ на полѣ брани, въ атмосферѣ убійствъ, съ тѣломъ, покрытымъ ранами, съ руками, оскверненными отвратительными злодѣяніями, и несмотря на все это, съ душой высокой и свѣтлой. На порогъ новой эпохи Карль еще воплощалъ въ себѣ и гордо прославлялъ прежнюю, которая, къ счастью человечества, исчезла вмѣстѣ съ нимъ. Графъ Гюискаръ, сопровождавшій его въ первую кампанію, въ качествѣ представителя французскаго короля, описываетъ Карла слѣдующимъ образомъ:

„Король шведскій высокаго роста, выше меня почти на голову. Онъ очень красивъ. У него прекрасные глаза, хороший цвѣтъ лица, продолговатое лицо и нѣсколько тяжелое произношеніе. Онъ носитъ небольшой парикъ, волосы котораго сзади связаны въ узелъ и опущены въ кошелекъ. На немъ надѣты: простой галстукъ, очень узкое полукафтанье гладкаго сукна, съ узкими рукавами, какъ у нашихъ камзоловъ, поверхъ полукафтання маленькая португеза со шпагой необыкновенной длины и ширины, и совершенно гладкіе башмаки. Все это, вмѣстѣ взятое, составляетъ очень странное одѣяніе

для государя его возраста“ *). Описаніе графа Гюискара очень общее и очень виѣшнее. Описаніе англійскаго уполномоченнаго Стешеня, сдѣланное черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого, кажется болѣе выразительнымъ: „Это высокій, хорошо сложенный монархъ, но довольно неопрятный. Манеры его болѣе грубы, чѣмъ можно было бы представить у молодого человѣка. Для того, чтобы виѣшность его квартиры соответствовала ея внутреннему виду, онъ выбралъ самое грязное мѣсто въ Саксоніи и одинъ изъ самыхъ убогихъ домовъ. Самое опрятное и чистое мѣсто, это—дворъ передъ домомъ, гдѣ сходятъ съ лошади на землю, но и тамъ ноги погружаются въ грязь по колѣно. Тамъ стоятъ и его собственные лошади, безъ попонъ, съ одними недоуздками. Передъ ними нѣтъ ни рѣшетки для сѣна, ни яслей. У нихъ взерошенная шерсть, круглые животы, широкіе крупы и грязные хвосты съ неровными волосами. Конюхъ, ходящій за лопадьями, какъ миѣ показалось, не лучше прикрытъ и не лучше питается, чѣмъ лошади. Одна изъ лошадей постоянно осѣдлана для монарха. Онъ вспрыгиваетъ на нее и ѣдетъ, всегда совершенно одинъ. Онъ пускаетъ лошадь вскачь, и никто его не сопровождаетъ. Онъ дѣлаетъ иногда десять или двѣнадцать нѣмецкихъ миль въ день, что составляетъ сорокъ восемь или пятьдесятъ англійскихъ миль, и это даже зимой, при чемъ перепачкивается въ грязи, какъ почтальонъ. Онъ носитъ костюмъ голубого цвѣта, съ пуговицами изъ желтой кожи, полы полукафтапья подхвачены сзади и спереди, такъ что видны камзолъ и штаны изъ желтой кожи, часто очень выпачканные... Въмѣсто галстука онъ носилъ черный крепъ, но воротникъ его верхняго платья застегнуть такъ высоко, что нельзя знать есть ли на немъ вообще галстухъ. Рубашка и рукава обыкновенно очень грязны, манжеты и перчатки онъ надѣваетъ только тогда, когда ѣдетъ верхомъ. Руки его почти что такого же цвѣта, какъ и рукава, такъ что съ трудомъ можно различить одно отъ другого. У него каштановаго цвѣта волосы, очень густые и короткіе, которые онъ приводитъ въ порядокъ исключительно при помощи пальцевъ. Безъ малѣйшей цере-

*) Делеша, 19 августа, 1699 г. (Aff. étr.).

моніи онъ садится на первый стулъ, который ему попадаетъ въ столовой... Онъ ѣсть скоро, не остается никогда за столомъ больше четверти часа и не говоритъ ни слова во время ѣды... Единственный его напитокъ—легкое пиво... На постели у него нѣтъ ни простынь, ни балдахина; тѣмъ же матрацомъ, который лежитъ подъ нимъ, онъ пользуется, какъ одѣяломъ, натягивая его на себя... Рядомъ съ его постелью лежитъ очень красивая позолоченная Библия, единственная вещь среди всей его обстановки, имѣющая нѣкоторый видъ...“ *).

На этотъ разъ образъ Карла обрисованъ хорошо—дикій, мрачный и внушающій страхъ.

Высадка въ Зеландію была порывомъ юношеской смѣлости. Но Гюискаръ, хотя и считалъ предпріятіе опрѣметчивымъ, тѣмъ не менѣе не только не сталъ отговаривать отъ него монарха, а наоборотъ, самъ первый бросился вмѣстѣ съ нимъ въ воду, чтобы скорѣе достигнуть берега.

— „Ваше величество не захотите, чтобы я оставилъ ваншъ дюръ въ самый лучший день...“

Высадка въ Ливонію, куда дурная погода помѣшала привести часть полковъ, была безуміемъ даже въ глазахъ безстрашнаго дипломата. „Можно очень опасаться, что король не останется въ живыхъ“,—пишетъ онъ **). Чтобы достигнуть со своими восемью тысячами человѣкъ Нарвы, Карлъ долженъ былъ, сдѣлавъ переходъ черезъ совершенно пустынную мѣстность, перейти узкую, перерѣзанную ручьями долину. Если бы она была укрѣплена, Карлу сразу пришлось бы остановиться. Гордонъ думалъ объ этомъ, но Петръ не послушалъ его и только въ послѣднюю минуту послалъ туда Шереметева. Отрядъ Шереметева нашелъ шведовъ, выходящими изъ долины, получилъ нѣсколько залповъ картечью и въ безпорядкѣ отступилъ. Безумство восторжествовало. Но Карлъ, подвигаясь впередъ, продолжаетъ вести свою рискованную игру. Солдаты изнемогли; лошади не ѣли два дня ***). Его никто не останавливаетъ. Вотъ онъ передъ Нарвой. Едва дойдя до нея,

*) Lamberty, Mémoires, La Haye, 1724, т. IV, стр. 438.

***) 2 ноября 1700 г. изъ Реверя (Aff. étr. de France).

****) Sarauv, Die Feldzüge Karls XII, Leipzig 1881, p. 55; Устряловъ, т. IV, стр. 181.

онъ выстраиваетъ своихъ пиведовъ въ штурмовыя колонны и самъ ведетъ въ бой одну изъ колоннъ. Погода ему благоприятствуетъ: сильный вѣтеръ бросаетъ хлопья снѣга въ глаза его противниковъ. Карлъ проникаетъ въ непріятельскій лагерь и черезъ полчаса овладѣваетъ имъ. Только два гвардейскихъ полка оказываютъ сопротивленіе. Остальные бѣгутъ или сдаются въ плѣнъ. Часть русскихъ тонетъ въ Нарвѣ. „Если бы на рѣкѣ былъ ледъ“,—сказалъ Карлъ насмѣшливо,—„то я не знаю, удалось бы намъ убить хоть одного человѣка“.

Пораженіе полное. Нѣтъ больше арміи, нѣтъ артиллеріи, нѣтъ даже чести и нѣтъ монарха. Честь погибла среди насмѣшливыхъ кликовъ Европы, привѣтствовавшей это поражение безъ боя,—а монархъ бѣжалъ!.. Завоевательные планы, мечты о расширеніи предѣловъ Россіи въ Европѣ, мечты о плаваніи по морьямъ сѣвера, мысли о славѣ и о цивилизаторской миссіи,—все рушится, все разлетается прахомъ вокругъ Петра. И самъ онъ ослабѣваетъ подъ рухнувшими обломками. Онъ продолжаетъ бѣжать. Не преслѣдуютъ ли его пиведы? Онъ плачетъ и хочетъ заключить миръ, миръ немедленный и купленный какою бы то ни было цѣной. Онъ обращается съ жалобными просьбами къ Голландскимъ Соединеннымъ провинціямъ, къ Англіи, къ Императору, стараясь добиться ихъ посредничества *).

Но также быстро онъ овладѣваетъ собой. Онъ поднимаетъ голову и сквозь золотой туманъ, застилающій ему глаза вслѣдствіе недоконченнаго воспитанія, склонностей полувосточнаго владыки, вслѣдствіе его неопытности,—онъ видитъ теперь, послѣ этой ужасной катастрофы, послѣ этого страшнаго урока, видитъ дѣйствительность, осязаетъ ее. Онъ видитъ, что долженъ онъ сдѣлать, чтобы стать тѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ быть. Не играть больше въ солдаты и въ матросы, не разыгрывать передъ самимъ собой комедію могущества и славы, не гоняться за приключеніями, не высказывать пренебреженія къ условіямъ времени и мѣста,—но работать надъ усовершенствованіями, идти шагъ за шагомъ, измѣрять усиліе каждаго дня, рассчитывать, что нужно на каждый слѣдующій день, дать

*) Устряловъ, т. IV, стр. 77

плоду созрѣть прежде, чѣмъ протягивать за нимъ руку, быть терпѣливымъ, умѣть выжидать, быть настойчивымъ!.. И онъ сдѣлалъ все это, и нашелъ въ себѣ самомъ, и въ окружающемъ средства для выполнения этой программы. Сильная, выносливая въ страданіяхъ и бѣдствіяхъ раса, къ которой онъ принадлежалъ, дала ему все необходимое. Она предоставила ему неисчерпаемый источникъ преданности, проявила способность къ безкорыстному самоотверженію. Взамѣнъ десяти погибшихъ армій, Петръ выставилъ десять другихъ. Какою цѣной?—Не все ли равно. Его народъ послѣдуетъ за нимъ, будетъ жертвовать собой до послѣдняго человѣка, до послѣдняго куска хлѣба, вырваннаго изо рта голодныхъ. Меньше, чѣмъ черезъ мѣсяць, нарвскій бѣглець сдѣлался достойнымъ прошлаго,—забытаго и почти неправдоподобнаго. Появился будущій полтавскій побѣдитель.

II.

Отъ армій, отправившейся въ походъ, у Петра осталось еще около двадцати трехъ тысячъ человѣкъ: корпусъ Шереметева, конницѣ котораго удалось спастись при пораженіи, и дивизія Репнина. Петръ приказываетъ произвести новый рекрутскій наборъ. Чтобы снова добыть себѣ пушки, онъ беретъ колокола изъ церквей *). Пусть духовенство сколько угодно кричитъ о святотатствѣ... Отъ прежней слабости въ немъ не осталось и слѣда. Онъ распоряжается, дѣйствуетъ, отправляется то туда, то сюда, встряхиваетъ однихъ, выскидываетъ съ другихъ и сообщаетъ всѣмъ часть своей энергии, закаленной въ несчастьи. Онъ старается также,—будучи слишкомъ византійцемъ, чтобы отказаться отъ этого,—дать другое направленіе общественному мнѣнію. Матвѣеву было поручено разказать по своему о Нарвскомъ сраженіи и его послѣдствіяхъ специально для читателей „Голландской Газеты“ и для тѣхъ донесеній, которыя онъ отправлялъ правительству Соединенныхъ Провинцій. Шведы, окруженные

*) Соловьевъ, т. XIV, стр. 327.

въ русскомъ лагерѣ превосходными силами, были, яко бы принуждены сдаться. Тогда нѣсколько русскихъ офицеровъ захотѣли выразить свое почтеніе Шведскому королю, который измѣннически воспользовался этимъ, чтобы захватить ихъ *). Европа только смѣялась надъ этой версіей. Но эта мнимая капитуляція, въ нарушеніи которой обвинялись шведы, въ послѣдствіи послужила для Петра предлогомъ нарушать другія капитуляціи, на которыя онъ самъ соглашался **). Графъ Кауницъ въ Вѣнѣ тоже только улыбнулся, слушая заявленія князя Голицына, что „царь не имѣетъ нужды доказывать свою воинскую славу побѣдами“. На вопросъ вице-канцлера о томъ, какія условія намѣренъ предложить его повелитель своему побѣдоносному противнику, русскій дипломатъ не колеблясь потребовалъ большую часть Ливоніи, съ Нарвой, Ивангородомъ, Кольванью, Копорьемъ и Дерптомъ***). Будущее показало, что онъ не требовалъ слишкомъ многого!

Точно также будущее не замедлило вознаградить смѣлость Петра. Прежде всего Карль XII отказался воспользоваться немедленно выгодами своего положенія относительно Россіи. Петръ съ восторгомъ увидѣлъ, что онъ углубляется въ Польскія равнины. Рѣшеніе шведскаго короля, несогласное, какъ говорятъ, съ мнѣніями его генераловъ, подверглось сильной критикѣ. Гюискаръ находилъ эту критику совершенно справедливой—вѣдь король даже не попытался освободиться отъ Августа при помощи мира, который Августъ охотно заключилъ бы при посредствѣ того же самаго Гюискара. Но на этотъ счетъ Карль оставался глухимъ къ представленіямъ и мольбамъ французскаго дипломата. Почему?—„Онъ боялся, что у него не будетъ враговъ“,—говоритъ Гюискаръ *†). Король не могъ двигаться въ Россію, такъ какъ, въ такомъ случаѣ, онъ повернулся бы тыломъ къ саксонамъ и полякамъ. Поэтому онъ хотѣлъ сначала,—и былъ въ этомъ безъ сомнѣнія правъ,—обезопасить съ этой стороны свою линію отступленія и пути сообщенія. Такимъ образомъ, онъ самъ

*) Ламберти, т. I, стр. 263.

**) Ibid., т. VI, стр. 288.

***) Устряловъ, т. IV, стр. 84.

*†) Денеша 1-го іюня 1701 г. (Aff. étr. de France).

снова скрѣпилъ и связалъ союзъ, начинавшій уже распадаться, вслѣдствіе общихъ поражений его противниковъ. Когда онъ оттолкнулъ Августа, тотъ снова бросился къ Петру, и въ февралѣ 1701 года, въ замкѣ Бирзэ, близъ Динабурга, царь и польскій король заключили новый договоръ, связавшій воедино ихъ судьбы.

Отъ замка Бирзэ, принадлежащаго молодой женѣ графа Нейбурга, урожденной княгинѣ Радзивилль, теперь остались однѣ только развалины. Но въ моментъ свиданія монарховъ онъ былъ еще роскошнымъ жилищемъ. Два союзника начали съ того, что возобновили развлечения, которымъ они раньше предавались въ Равѣ. Побѣжденный днемъ въ артиллерійскомъ состязаніи, Петръ является побѣдителемъ за вечерней пирушкой: Августъ до того напивается, что на слѣдующее утро нѣтъ никакой возможности его разбудить и поставить на ноги, чтобы идти къ обѣднѣ. Петръ отправляется туда одинъ. Онъ набожно присутствуетъ за обѣдней,—католической, конечно, ибо дѣло было въ Польшѣ,—и со своей обычной любознательностью освѣдомляется о подробностяхъ богослуженія. Потомъ, когда Августъ проспался, оргія возобновилась и продолжалась три дня. Впрочемъ, они находили возможность разговаривать о политикѣ даже за столомъ, продолжая въ то же время состязанія въ силѣ и въ ловкости, начатое вышеупомянутой артиллерійской стрѣльбой. Замѣтивъ, что стоявшая передъ нимъ серебряная тарелка недостаточно чиста, Августъ швырнулъ ее за спину, свернувши предварительно въ пальцахъ, какъ листъ бумаги. Петръ тотчасъ сдѣлалъ то же самое. Всей сервировкѣ грозила одинаковая участь, но Петръ остановился первый, говоря, что надо подумать, какъ бы сдѣлать то же самое со шпагой шведскаго короля *). На четвертый день онъ приступилъ, наконецъ, къ переговорамъ съ подканцлеромъ Польши Щукой относительно участія Рѣчи Посполитой въ будущей кампаніи. Они не пришли къ соглашенію насчетъ условій, и Рѣчь Посполитая осталась въ сторонѣ. Но личный союзъ двухъ государей былъ подтвержденъ 26 февраля.

*) Нартовъ, Разказы, стр. 26.

1701 годъ былъ еще тяжелымъ временемъ для Петра. Худо ли, хорошо ли, но Петръ опять собралъ себѣ армию и соединилъ ее съ саксонской арміей Августа. Это не дало никакихъ результатовъ, кромѣ полного совмѣстнаго пораженія подъ стѣнами Риги (3 іюля). Въ іюнѣ произошелъ пожаръ въ Московскомъ Кремлѣ. Приказы съ ихъ архивами, провіантскіе магазины, дворцы,—все сдѣлалось добычей пламени. Съ колокольни Ивана Великаго падали колокола. Самый большой изъ нихъ, вѣсившій 128,000 килограммовъ, разбился при паденіи *). Въ серединѣ зимы Шереметеву удалось съ превосходными силами напасть на Шлиппенбаха и разбить его при Эрестферѣ (29 декабря). Можно представить себѣ радость Петра и тотъ разгулъ триумфальныхъ празднествъ, которому онъ отдался... Онъ не ограничился тѣмъ, что показалъ Москвѣ, среди торжествъ, копировавшихъ римскіе триумфы, немногихъ шведскихъ плѣнниковъ, попавшихъ ему въ руки. Его практичный умъ побудилъ его извлечь изъ плѣнныхъ еще и другую выгоду. Корнелій де-Брюинъ, имѣвшій время свыкнуться съ обычаями страны, спокойно рассказываетъ, что плѣнниковъ продавали сначала за три—четыре флорина съ человѣка, а потомъ цѣна повысилась до двадцати и тридцати флориновъ. Даже иностранцы рѣшались покупать плѣнныхъ и конкурировали съ русскими на рынкѣ **).

18 іюля 1702 года Шереметевъ одержалъ новую побѣду надъ Шлиппенбахомъ. Тридцать тысячъ русскихъ справились съ восемью тысячами шведовъ. Бюллетень, изданный Петромъ, утверждаетъ, что пять тысячъ пятьсотъ шведовъ остались на полѣ битвы, въ то время, какъ Шереметевъ потерялъ только четыреста человѣкъ ***). Это сообщеніе опять насмѣшило Европу, но ливонцамъ было не до смѣха. Вольмаръ и Маріенбургъ попали въ руки побѣдителя, страшно опустошившаго страну. Русскіе еще не научились иначе вести войну, а Петръ, безъ сомнѣнія, и не воображалъ, что эта страна должна нѣкогда принадлежать ему. Кромѣ того, онъ былъ занятъ другимъ. Его старыя склонности и причуды на

*) Устряловъ, т. IV, стр. 99.

***) Voyages, Amsterdam, 1718, т. I, стр. 52.

****) Соловьевъ, т. XIV, стр. 346.

нѣкоторое время опять овладѣли имъ. Онъ оставилъ Апраксина свирѣпствовать въ Ингрии, на берегахъ Невы, на самомъ мѣстѣ своей будущей столицы, а самъ въ это время занялся въ Архангельскѣ постройкой нѣсколькихъ дрянныхъ барокъ. Только въ сентябрѣ, прогнанный изъ Архангельска льдомъ, уже сковавшимъ сѣверный портъ, онъ возвратился на западъ и опять взялся за дѣло. Вотъ онъ на Ладожскомъ озерѣ, куда призываетъ къ себѣ и Шереметева. Цѣль, которую онъ будетъ теперь преслѣдовать долгіе годы, опредѣлилась, наконецъ, въ его подвижномъ умѣ. Онъ осадилъ Нотебургъ, гдѣ нашелъ только гарнизонъ въ четыреста пятьдесятъ человекъ, и 11 декабря, когда маленькая крѣпость сдалась, онъ перекрестилъ ее, давши ей новое символическое имя: Шлиссельбургъ. Ключъ къ морю!..

Затѣмъ, въ апрѣлѣ 1703 года, послѣдовало взятіе Ниешанца, при самомъ устьѣ Невы. Это было личнымъ успѣхомъ для капитана бомбардировъ Петра Михайлова, пустившаго здѣсь въ дѣло свою артиллерію. Мѣсяць спустя артиллеристъ опять превратился въ моряка и далъ Россіи ея первую морскую побѣду: два гвардейскихъ полка, посаженные на тридцать шлюпокъ, окружили два небольшихъ шведскихъ судна, которыя не зная о взятіи Ниешанца, проникли въ сосѣдную съ нимъ мѣстность. Суда были взяты и экипажъ ихъ истребленъ. Безумная, дѣтская радость сказывается въ письмахъ, отправленныхъ побѣдителемъ своимъ друзьямъ *). И, дѣйствительно, онъ имѣлъ основанія радоваться: онъ снова приобрѣлъ историческій лиманъ, открывшій въ девятомъ вѣкѣ первымъ варягамъ дорогу къ югу, подъ небеса Греціи... 16 мая на одномъ изъ сосѣднихъ островковъ началась постройка деревянныхъ домиковъ, которые впослѣдствіи увеличились въ числѣ, превратились въ дворцы и получили названіе: Петербургъ...

Карла XII нисколько не тревожили эти побѣды и начатая постройка новаго города. „Пусть основываетъ новые города. Тѣмъ больше будетъ ихъ для нашихъ завоеваній“. Петру и его арміи приходилось встрѣчаться въ этой сто-

*) Соловьевъ, т. XIV, стр. 349.

ронъ только съ небольшими, разсѣянными шведскими отрядами, какъ-будто заранѣе обреченными на гибель. Русскіе пользовались этимъ, чтобы упрочить свои побѣды, распространяясь и укрѣпляясь въ Ингріи такъ же, какъ и въ Ливоніи. Въ іюль 1704 г. Петръ присутствовалъ при взятіи Дерпта. Онъ вознаградилъ себя за поражение при Нарвѣ, взявъ этотъ городъ послѣ кровопролитнаго приступа. Въ ноябрѣ 1703 г. въ устьяхъ Невы появился нетерпѣливо ожидаемый гость: иностранное торговое судно съ грузомъ водки и соли. Губернаторъ Петербурга устроилъ въ честь капитана празднество и поднесъ ему въ подарокъ пятьсотъ гульденовъ, по тридцати ефимковъ на каждаго матроса *).

Карль XII задержался въ Польшѣ, гдѣ дѣла шли все хуже и хуже для Августа. Сеймъ, собравшійся въ Варшавѣ въ февралѣ 1704 года, объявилъ Августа низложеннымъ. Послѣ того, какъ кандидатура Якова Собѣскаго была устранена, вслѣдствіе ловушки, въ которую низложенный король поймалъ сына освободителя Вѣны, Карль заставилъ принять кандидатуру Станислава Лещинскаго. Шведскій король былъ хозяиномъ положенія. И если онъ въ этотъ моментъ не думалъ о Россіи и о ея повелителѣ, то этотъ послѣдній, уже началъ беспокоиться о послѣдствіяхъ, какія можетъ имѣть для него это занятіе Польши и Саксоніи его противникомъ. Карлу, очевидно, въ концѣ-концовъ придется повернуть обратно, а встрѣча Шереметева съ Левенгауптомъ при Гемауерторфѣ въ Курляндіи (15 іюля 1705 г.) выяснила, что русская армія еще не въ состояніи выдержать столкновенія со шведскими войсками подъ командой хорошаго начальника, если не будетъ значительнаго неравенства силъ съ той и другой стороны. На этотъ разъ Шереметевъ былъ тяжело раненъ самъ и оставилъ на мѣстѣ всю свою пѣхоту *).

Что же теперь дѣлать? Опять работать, увеличивать свои силы и опытность. Такъ какъ Шереметевы показали, что имъ не по силамъ ихъ задача, то выписать генераловъ, инструкторовъ и техниковъ изъ-за границы; затѣмъ все время вы-

*) Московскія Вѣдомости, 15 декабря 1703 г.

**) Adlerfeld, Hist. militaire de Charles XII, Paris, 1741, t. II, p. 522. Устряловъ, т. IV, стр. 376.

ждать и избѣгать всякой рискованной встрѣчи; попробовать также добиться мира, сохранивъ часть завоеванной территоріи; вести переговоры? 1705—1707 годы наполнены для Петра: внутри Россіи—громаднымъ усиленіемъ экономической и военной организаціи, внѣ ея—дипломатической кампаніей, усердно проводимой въ четырехъ концахъ Европы. Я еще возвращусь къ первой части этой тяжелой работы царя: относительно же второй—я хотѣлъ бы сказать здѣсь всего нѣсколько словъ.

III.

Задача русской дипломатіи была въ этотъ моментъ очень неблагоприятной задачей. Европейскіе кабинеты все еще оставались относительно Россіи на той точкѣ зрѣнія, на какую поставило ихъ въ 1700 году позорное пораженіе подъ Нарвой. Въ Вѣнѣ князь Петръ Голицынъ, измученный непріятностями, просилъ о своемъ отозваніи, какъ о милости. Матвѣевъ, получавшій всего двѣ тысячи рублей въ годъ на представительство въ качествѣ русскаго посла въ Гаагѣ, жаловался на нищету. Ему было поручено вести съ Голландіей переговоры о займѣ, въ благодарность за который былъ обѣщанъ отрядъ войска противъ Франціи. Его спрашивали, не будетъ ли обѣщанное имъ войско „тѣмъ самымъ, которое заставило сдаться шведскаго короля?“ Въ добавокъ ко всему, практичные и осторожные голландцы косо смотрѣли на всѣ новыя предпріятія русскихъ на Балтійскомъ морѣ. Въ 1705 г. Матвѣевъ рискнулъ отправиться въ Парижъ, гдѣ царь имѣлъ съ 1703 г. только резидента безъ полномочій, Постникова, пассивно признававшася, что съ нимъ, совершенно, не считаются сколько-нибудь серьезно *). Дмитрій Голицынъ добивался съ 1701 г. въ Константинополѣ подтвержденія договора, заключеннаго Украинцевымъ, требуя, кромѣ того, для Россіи свободнаго плаванія по Черному морю. Увы! Турки не хотѣли даже допустить приѣзда русскихъ пословъ въ Стам-

*) Соловьевъ, т. XV, стр. 44—69.

буль по водѣ, по ихъ водамъ!.. Они согласились все-таки впервые на постоянное пребываніе русскаго посла въ Адрианополь. Но назначенный на эту должность Петръ Толстой тщетно старался принудить ихъ къ диверсіи въ сторону Германіи. Все-таки, хоть на короткій срокъ Петръ былъ въ безопасности съ этой стороны.

Въ концѣ 1705 г. онъ задумалъ привлечь на свою сторону третьяго изъ союзниковъ, предназначенныхъ ему въ планахъ Паткуля, и послалъ ливонца въ Берлинъ. Позиція завладѣла уже загадочной и безпокойной личностью Паткуля, и въ трагедіи Гуцкова этотъ Ландъ-Юнкеръ изображенъ героическимъ борцомъ за латышскую національность. Что касается исторіи, то она, по-моему мнѣнію, не успѣла еще воздать ему должное*). При своемъ появленіи на исторической сценѣ Паткуль, дѣйствительно, имѣетъ видъ защитника правъ родной страны, или, по крайней мѣрѣ, правъ своей касты, противъ поползновеній Карла XII. Но и тогда уже онъ кажется скорѣе играющимъ какую-то роль, чѣмъ исполняющимъ то, на что онъ уполномоченъ. Тѣхъ же, кто его уполномочилъ, мы совсѣмъ не видимъ. Онъ разговаривалъ съ Августомъ отъ имени ливонскаго дворянства, но его полномочія не кажутся очень дѣйствительными, и, будучи сосланъ, онъ остается въ одиночествѣ. Находясь въ апогеѣ своей короткой политической карьеры, онъ сохраняетъ внѣшній видъ авантюриста. Кромѣ того, надъ его предпріятіемъ тяготѣетъ что-то роковое. Правда, обращеніе къ Польшѣ было традиционнымъ въ его странѣ. Но при тогдашнемъ положеніи Рѣчи Посполитой, раздѣляемой, разрываемой въ

*) См. Förster, Die Hoffe und Cabinette Europa's vol, III et Jarochovski, Patkuls Ausgang (Neues Archiv für Jächsische G.), которые кажутся мнѣ наиболѣе близкими къ исторической правдѣ. Ср. Bernowli, Joh. R. U. Patkuls Beriche, Otto von Wernich, Der Livlander I. R. v. Patkul; C. Shirren, Livl. Antvort. 1869; Fr. Biemann, Aus haltischer Vorzeit, t. VI, 1870; Otto Sjogren, I. R. Patkul; C. Schirren Ueber F. F. Carlson's Carl XII (Gotting, Gel. Anz. 1883); E. Bodemann, Leibnitzens Plan, etc. 1883. C. Schirren, Patkul und Leibnitz. (Mitth. aus d., livl. G., vol. 13, 1884; G. Mettli, I. R. v. Patkul, (Nordische Rundschau, vol. III, 1885); H. v. Bruiningk, Patkuliana (Mittheil, u. d., livl. G, vol. 14, 1886).

ключья различными партіями, на нее можно было дѣйствовать только черезъ вождя, котораго она только что выбрала. Вождь же этотъ, при чарующемъ внѣшнемъ обликѣ, былъ, быть можетъ, самымъ сквернымъ, самымъ развращеннымъ человѣкомъ во всей Европѣ. нравственность Паткуля, не будучи твердаго закала, не могла устоять при соприкосновеніи съ такимъ человѣкомъ, а это отразилось и на его миссіи, въ скорости совершенно искажившейся и отклонившейся отъ первоначальной цѣли. Патриотъ превратился въ вулгарнаго интригана, а защита Ливоніи обратилась въ его рукахъ въ самый постыдный торгъ жизненными интересами страны.

Эпоха — увы! — способствовала такимъ превращеніямъ. Исторія Паткуля почти сходна съ исторіей Герца и Струэнзе.

Ливонецъ совершенно не подходилъ для своей новой роли. Онъ слишкомъ плохо владѣлъ своими нервами, былъ безпоеиъ и нетерпѣливъ, наглъ и саркастиченъ. Кромѣ того, не смотря на большой умъ и на большія познанія, онъ отличался поверхностностью и легкомысліемъ. Неспособный сдерживать свой языкъ и еще менѣе того свое перо, онъ возстановилъ противъ себя польскихъ вельможъ, презрительнымъ обращеніемъ съ ними, и не поладилъ съ саксонскими генералами и министрами, распространяя многочисленныя брошюры, въ которыхъ сваливалъ на нихъ отвѣтственность за свои личныя ошибки, или, по крайней мѣрѣ, за ошибки, совершенныя ими совмѣстно. Къ чести его памяти, я долженъ добавить, что онъ не былъ способенъ также войти въ ту роль, которую позволилъ себѣ играть. Въ 1704 г. онъ отправился въ Берлинъ съ проектомъ раздѣла польскихъ провинцій между Пруссіей и Россіей, и въ томъ же году въ письмѣ къ канцлеру Головкину, онъ съ горячностью ссылается на то, что національная ливонская традиція всегда была противъ Россіи и за Польшу*). Такимъ образомъ, онъ дѣйствовалъ впустую. Повѣренный Августа, характеръ котораго онъ глубоко презиралъ, и интимный совѣтникъ Петра, деспотизмъ котораго, по его собственнымъ словамъ „его без-

*) Zaluski, т. IV, стр. 285.

конечно раздражает“, онъ метался между Дрезденомъ и Москвой въ безвыходной путаницѣ интригъ и попытокъ одна рискованнѣй другой. Въ 1703 г. онъ содѣйствовалъ паденію саксонскаго канцлера графа Бейхлингена. И когда министръ палъ, Паткуль ничего не достигъ, кромѣ того, что приобрѣлъ нѣсколько лишнихъ враговъ. Онъ командовалъ въ 1704 г. вспомогательными войсками царя, размѣщенными на квартирахъ въ Саксоніи,—и въ результатѣ былъ разбитъ съ ними подъ стѣнами Торна. Онъ согласился отправиться въ Берлинъ, чтобы вести тамъ переговоры о союзѣ,—и, возвратясь съ пустыми руками, началъ переписку съ прусскими министрами, сообщая, что онъ „усталъ отъ дѣлъ польскаго короля и склоненъ помириться съ королемъ Швеціи“ *). Наконецъ, когда ему надоѣла вся эта бѣготня и хлопоты, когда онъ замѣтилъ, что, не давая никакихъ результатовъ, онъ вырыли пропасть подъ его ногами, когда онъ опротивѣли ему и стали опасны, онъ остался въ Дрезденѣ, такъ какъ хотѣлъ жениться на красивой вдовѣ, графинѣ Эйнзидель, урожденной Софіи Руморъ, лучшей невѣстѣ въ Саксоніи. Во второй разъ въ его судьбу вмѣшалась женщина—и привела его къ гибели.

Извѣщеніе объ этомъ бракѣ разожгло зависть и ненависть его враговъ. 15 декабря 1705 г., воспользовавшись полномочіями, данными ему Петромъ, не превысивъ ихъ, но дойдя до нѣсколько сомнительной границы, Паткуль подписалъ съ графомъ Штратманномъ договоръ, отдававшій на службу императору русскій вспомогательный корпусъ, бывшій въ распоряженіи Паткуля. Договоръ не заключалъ въ себѣ ничего противорѣчащаго интересамъ польскаго короля. Императоръ обязывался никогда при жизни Августа не признавать Станислава и даже поддерживать въ Польшѣ саксонскую партію, а русскій отрядъ, о которомъ шло дѣло, умиралъ отъ голода въ Саксоніи. Съ этимъ не считались: воспользовались предложеньемъ, который могъ доставить то или иное толкованіе полно-

*) Дрезденскій архивъ: Documents concernant l'arrestation du général Patkul, 1. 3516; Копенгагенскій архивъ: Relations de Iesson, 1703—5.

мочій Паткуля, и, четыре дня спустя послѣ подписанія договора, „комиссаръ царя“ былъ арестованъ.

Петръ вступился за Паткуля, но слабо: совѣтникъ его, Меншиковъ, былъ подкупленъ саксонскими министрами *). Долгіе мѣсяцы проходятъ въ переговорахъ и протестахъ, довольно слабыхъ со стороны царя; Паткуль протестовалъ гораздо энергичнѣй и подкрѣплялъ свой протестъ брошюрами, которыя онъ какимъ-то способомъ умудрялся выпускать и распространять изъ своей тюрьмы. Въ это время Августъ, всюду побѣждаемый, затравленный, доведенный до отчаянія въ военныхъ дѣйствіяхъ Карломъ, а на дипломатической почвѣ шведскимъ плѣнникомъ Арведомъ Горномъ, былъ принужденъ 24 сентября 1706 г. подписать позорный Альтранштадтскій миръ, при чемъ одиннадцатая статья мирнаго договора требовала выдачи Паткуля. Польскому королю приписывали намѣреніе выпустить плѣнника послѣ подписанія договора. Предположеніе это слишкомъ лестно для него. Въ Дрезденскихъ архивахъ нѣтъ на этотъ счетъ никакихъ указаній. Единственнымъ намекомъ надо считать записку короля съ приказомъ передать графинѣ Эйнзидель обручальное кольцо, найденное у плѣнника. Итакъ, въ глазахъ короля Паткуль былъ уже осужденъ. Напрасно главный казначей Польши Пшебендовскій осмѣливался напоминать ему, что даже турки, заключая миръ въ Карловицѣ, отказались выдать Рагоци **).

Поведеніе Августа въ данномъ случаѣ достойно всей его жизни. Поведеніе Петра бросаетъ тѣнь на его славу. Въ ночь съ 5-го на 6-е апрѣля Паткуль былъ выданъ шведамъ, нѣкоторое время его возили вслѣдъ за Карломъ XII, потомъ онъ былъ судимъ военнымъ судомъ и приговоренъ къ смертной казни. 10 октября въ Казимирцѣ, въ Польшѣ, Паткуль былъ казненъ посредствомъ колесованія. Крестьянинъ, исполнявшій обязанности палача, нанесъ ему шестнадцать ударовъ колесомъ,—которое не было обито желѣзомъ, и все время раздавались крики Паткуля: „Иисусъ, Иисусъ!..“ Еще

*) Herrmann, Geschichte Russlands, т. IV, стр. 201.

**) Дрезденскій Архивъ, л. 3617

послѣ четырехъ ударовъ онъ пересталъ уже стонать, но у него хватило все-таки силы доползти до плахи, положенной для казни другого осужденнаго, и пробормоталъ: „Kopf ab!“ (Отрубите голову). Полковникъ Вальдовъ, распорядившійся казнью, уважилъ эту послѣднюю просьбу, но пришлось сдѣлать еще четыре удара топоромъ *).

Дипломатія, такимъ образомъ, плохо помогла Петру, и торжество Арведа Горна надъ Паткулемъ, явившееся результатомъ предательства Августа, поставило его войска въ опасное положеніе. Въ началѣ 1706 года запертые въ Гроднѣ, гдѣ Меншиковъ и Огильви оспаривали другъ у друга командованіе, русскіе войска рисковали попасть въ плѣнъ къ Карлу. Только внезапное разлитіе Нѣмана, помѣшавшее шведскому королю перейти рѣку, позволило русскимъ произвести послѣднее отступленіе,—однако, съ потерей артиллеріи и обоза. Не раздѣливъ и на этотъ разъ участи своихъ солдатъ, Петръ приказалъ стрѣлять изъ пушекъ въ Кроншлотъ въ ознаменованіе этой побѣды **). Правда, въ октябрѣ болѣе дѣйствительная побѣда поднимаетъ престижъ русскаго оружія и какъ будто увѣличиваетъ первымъ успѣхомъ союзъ Петра съ польскимъ королемъ. Не зная того, что произошло пятью днями раньше въ Альтраштадтѣ, и увлекаемая за собой вѣроломнаго союзника, скрывающаго измѣну, Меншиковъ вмѣстѣ съ нимъ разбилъ подъ Калишемъ Мардефельдта. Но тотчасъ же огласилась новость объ отпаденіи короля. Петръ остался одинъ передъ своимъ страшнымъ противникомъ, дать отпоръ которому войска Меншикова оказались, совершенно, не въ состояніи.

Въ своихъ сношеніяхъ съ польскимъ королемъ, Петръ явно обнаружилъ сначала недостатокъ предусмотрительности, а потомъ—такта. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ перестало дѣйствовать личное обаяніе, соединившее этихъ двухъ людей, не созданныхъ для взаимнаго пониманія. Петръ разглядѣлъ, сколько духовнаго убожества скрывалось подъ блестящей внѣшностью короля, а Августъ понялъ, что, согласившись

*) Patkuls Berichte, т. III, стр. 300; Förster, Die Höfe, т. II, стр. 404. Lundblat, т. I, стр. 408; Theatrum Europaeum, 1707, стр. 281.

**) Устряловъ, т. IV, стр. 475.

получать отъ Петра, какъ плату за поддержку, ежегодное денежное вознагражденіе, доведенное въ 1703 г. до 300,000 р., онъ заключилъ крайне невыгодную сдѣлку. Черезъ два дня послѣ подписанія договора, обезпечивающаго за королемъ это вознагражденіе (12 октября), Карль овладѣлъ Эльбингомъ, и при одной этой побѣдѣ взялъ 200,000 экю контрибуціи!.. Кромѣ того, субсидію, всегда очень неаккуратно выплачиваемую Петромъ, въ концѣ концовъ и совсѣмъ перестали платить. У Петра не хватало денегъ. Такимъ образомъ, съ 1702 года Августъ, со свойственнымъ ему легкомысліемъ и склонностью къ обману, пошелъ по пути частныхъ переговоровъ. Въ январѣ его бывшая любовница, Аврора Кенигсмаркъ, мать великаго Морица, появилась въ лагерѣ Карла XII, на границѣ Курляндіи и Самогитіи. Правда, она проѣздилась понапрасну, потому что герой упорно отказывается отъ свиданія съ нею, и ей оставалось въ утѣшеніе только сочинить стихи:

„Почему это, молодой король, при всѣхъ вашихъ достоинствахъ

У васъ такъ мало истиннаго счастья...“

Послѣ чего она нашла умѣстнымъ обратиться съ утѣшеніемъ—также въ стихахъ—къ самому Августу, увѣряя его, что дружба государя, столь же доблестнаго, какъ и шведскій король стоитъ больше, чѣмъ польская корона *).

Эта попытка такъ же, какъ и нѣкоторыя другія, была извѣстна Петру, и онъ счелъ нужнымъ воздерживаться отъ подражанія. Въ Польшѣ, предложивъ корону Якову Собѣскому, онъ сваливалъ все на Рагоци, съ которымъ его уполномоченные дошли почти до подписанія формальнаго договора **). Потомъ, обратившись къ посредничеству Голландіи, а когда эта послѣдняя уклонилась, то къ Англіи, онъ пытался заключить отдѣльный миръ со шведскимъ королемъ. Въ 1706 г. Матвѣевъ поѣхалъ изъ Гааги въ Лондонъ, съ порученіемъ подкупить Мальборо и Годольфина. Такъ какъ первый отказался отъ вознагражденія деньгами,—быть можетъ изъ недовѣрія къ

*) Ламберти, т. IV, стр. 292.

**) Архивъ Куракина, т. V, стр. 18 и 14.

платежеспособности царя, и обнаружилъ предпочтеніе подарку землями, то ему предложили на выборъ въ Кіевѣ, Владимірѣ или Сибири земли съ обеспеченнымъ доходомъ въ 5000 экю. Разошлись изъ-за условій мира, па которыхъ настаивалъ Петръ: устье Невы и прилегающіе берега должны остаться во владѣніи русскихъ. Тогда наступила очередь Франціи, а потомъ Австріи. Въ Версалѣ Дезалле, французскій агентъ въ Трансильваніи, въ Вѣнѣ баронъ Генрихъ Гюйссенъ, бывшій наставникъ царевича Алексѣя, явились посредниками, предлагая: первый—всю русскую армію въ распоряженіе христіанинѣйшаго короля, второй—отрядъ казаковъ противъ венгерскихъ мятежниковъ. Но вездѣ требованія царя показались чрезмѣрными, и, кромѣ того, перспектива соприкосновенія между казаками и сосѣдними съ Болгаріей сербами мало улыбалась императору. Двѣ другія одновременныя попытки—въ Берлинѣ, гдѣ посоль царя, Измайловъ, испытывалъ честность графа Вартемберга обѣщаніемъ 100,000 экю,—и въ Копенгагенѣ, гдѣ ему было поручено предложить Нарву и Дерптъ датчанамъ,—также не имѣли успѣха *).

Но, компрометируя себя подобнаго рода попытками, по примѣру своего союзника, ведя рядъ переговоровъ, нарушающихъ союзъ, Петръ утверждалъ, что онъ охраняетъ союзъ, и что его союзникъ получаетъ всѣ выгоды. Альтранштадтъ захватилъ его врасплохъ, поразилъ его неожиданностью.

Онъ искушилъ свои ошибки, быстро принявъ рѣшеніе, и именно то самое рѣшеніе, которое непременно должно было сбезпечить ему окончательную побѣду. Онъ очищаетъ Польшу, отступаетъ и, усиливъ приготовленія, которыя вслѣдствіе долговременнаго пребыванія Карла въ Саксоніи велись очень энергично, рѣшается принять сраженіе только у себя, на своей территоріи, и въ удобное для него время. Онъ снова вооружается терпѣніемъ. Онъ подождетъ еще; онъ истощитъ своего противника. Все время отступая и оставляя за собой опустошенныя пространства, онъ заставитъ его углубиться въ пустыню систематически разграбленныхъ равнинъ, заставить подвергнуться огромному испытанію, которое всегда за-

*) Соловьевъ, т. XV, стр. 198 и слѣд.

ставляло отступать старинныхъ противниковъ Московіи—турокъ, татаръ и поляковъ:—зимовкѣ въ самомъ сердцѣ русской земли. Начинается послѣдняя партія, въ которой, по выраженію царя, десять русскихъ будутъ вести игру противъ одного шведа, при чемъ ихъ союзниками будутъ: время, пространство, голодъ и холодъ.

IV.

Карль, самый несообщительный изъ великихъ полководцевъ, никому не открылъ тайны—по какимъ побужденіямъ рѣшился онъ, въ январѣ 1706 года, объявляя новый походъ на Гродно, сдѣлать то, что соотвѣтствовало планамъ Петра. Въ предыдущемъ году, онъ, на своихъ квартирахъ въ Саксоніи, явился посредникомъ Европы. Франція, побѣжденная при Гохштедтѣ и Рамиле, обращала къ нему умоляющіе взгляды, и точно также вождь побѣдоносной кампаніи, Мальборо, явился просителемъ въ его лагерь. Маловѣроятно, чтобы великій полководецъ захотѣлъ воспользоваться бунтомъ башкировъ, который въ этотъ моментъ затруднилъ положеніе Петра. Въ февралѣ 1706 года они были въ 30 верстахъ отъ Казани. Но Казань далеко, а у Петра было въ той сторонѣ много способовъ дѣйствія. Ему удалось стравить этихъ бунтовщиковъ съ ихъ сосѣдями калмыками. Точно также все кончилось для него удачно и на Дону, гдѣ почти одновременно появился новый Разинъ. Въ 1707 году князь Юрій Долгоруковъ, посланный туда, чтобы прекратить тревожившую правительство эмиграцію мѣстнаго населенія, бѣжавшаго въ Запорожье, этотъ рай, скрытый за порогами Днѣпра, столкнулся въ октябрѣ съ отрядомъ казаковъ, которыми командовалъ нѣкій Булавинъ; Долгоруковъ погибъ вмѣстѣ съ своимъ отрядомъ. Но побѣдители, сейчасъ же послѣ этого раздѣлившіеся, дали разбить себя по частямъ. Булавинъ застрѣлился *).

Быть можетъ, Карль намѣревался устроить себѣ въ Гродно операціонную базу, чтобы по наступленіи весны настойчиво

*) Соловьевъ, т. XV, стр. 259

продолжать свое движеніе на сѣверъ, въ сторону новыхъ завоеваній царя. Петръ, повидимому, такъ и предполагалъ, если судить по приказамъ, даннымъ имъ тогда, и имѣвшимъ въ виду обезопасить для себя Ливонію и Ингрію—окончательно ихъ разоривши. И эти самые приказы могли побудить шведскаго короля оставить свой прежній планъ для другого, одѣна котораго остается предметомъ споровъ между специалистами, по грандіозности котораго нельзя отрицать. Противъ союзниковъ, которые, естественно, были въ распоряженіи Петра въ Россіи, Карлъ какъ разъ только что нашелъ и себѣ союзника въ той же странѣ: этотъ союзникъ назывался Мазепа.

Полная приключеній жизнь гетмана, его историческая драма и драма интимная, начиная съ его приключенія съ папомъ Фальбовскимъ, такъ наивно рассказаннаго Пазекомъ, до его романа съ Матреной Кочубей, примѣшавшагося къ послѣднимъ трагическимъ событіямъ его жизни, слишкомъ извѣстны для того, чтобы я сталъ ихъ здѣсь рассказывать, хотя бы и вкратцѣ. Малороссія переживала въ этотъ моментъ тяжелый кризисъ,—послѣдствіе освободительнаго дѣла Хмѣльницкаго, извращеннаго вмѣшательствомъ Россіи. На мѣсто прежнихъ польскихъ вельможъ, угнетателей страны, явились казаки, въ свою очередь угнетавшіе мѣстное населеніе, крайне недовольное своими старшинами. Гетманы и простые казаки находятся въ открытомъ разрывѣ. Первые стараются увеличить свою власть и мечтаютъ сдѣлать ее наслѣдственной, а вторые защищаютъ свое старое демократическое устройство. Шведская война увеличила затрудненіе Мазепы. Онъ чувствовалъ себя очень стѣсненнымъ между требованіями царя, желавшаго, чтобы казаки были на всѣхъ поляхъ сраженія въ Польшѣ, Россіи и Ливоніи, и сопротивленіемъ казаковъ, желавшихъ оставаться у себя дома. Польскій дворянинъ по рожденію, воспитанный іезуитами, служившій польскому королю Яну-Казимиру и присягнувшій султану, онъ не имѣлъ никакихъ основаній жертвовать для Петра своими интересами и даже жизнью. Приближеніе Карла XII заставляетъ его бояться, что онъ будетъ оставленъ своими, выданъ полякамъ, какъ его предшественникъ, Наливайко. Еще въ 1705 году онъ отклонилъ предложенія Лещинскаго, напомнивъ при этомъ

царю, что эта попытка, честно имъ отвергнутая, была уже четвертая *). Потомъ онъ сталъ раздумывать. Жалобы его казаковъ все усиливались. Вѣдь Петръ думалъ послать два ихъ полка въ Пруссію, чтобы они тамъ выучились военному дѣлу на нѣмецкій образецъ... Приглашенный княземъ Вишневецкимъ, польскимъ магнатомъ изъ Волыни, быть крестнымъ отцомъ его дочери,—Мазепа въ его домѣ вступилъ въ связь съ матерью князя, вышедшей второй разъ замужъ за князя Дольскаго. Возрастъ (Прокоповичъ даетъ ему 54 года, Эпгель 60, а Нордбергъ 76 лѣтъ) не потушилъ его пылкости. Пани Фальбовская, терпѣвшая отъ своего дико-ревниваго мужа жестокое обращеніе (по сообщенію Пазека, папъ Фальбовскій, возвратясь къ своей женѣ черезъ окно, которое Мазепа оставилъ открытымъ, накинулся на свою жену „со шпорами, привязанными къ колѣнамъ для этого случая“), имѣла много замѣстительницъ. Княгиня Дольская сначала дѣлала видъ, что она хлопочетъ единственно о Лещинскомъ, для котораго хотѣла бы пріобрѣсть поддержку царя. Потомъ она сняла маску и открыла свою игру: дѣло шло о поддержкѣ Лещинскаго и его побѣдоноснаго покровителя даже противъ царя. Мазепа началъ съ того, что разсердился на „бабу“. Но она была женщина находчивая. Нѣсколько словъ, какъ будто небрежно уроненныхъ ею, заставили его насторожиться. Будучи въ Леопольдѣ, она встрѣтилась съ русскими генералами Шереметевымъ и Репномъ и слышала, какъ они говорили, что въ недалекомъ будущемъ гетманъ будетъ низложенъ и замѣщенъ Меншиковымъ. Такое сообщеніе въ глазахъ Мазепы не имѣло ничего неправдоподобнаго. Мысль ввести въ Украину русскихъ должностныхъ лицъ частенько являлась, какъ онъ зналъ, въ умѣ сотрудниковъ Петра. Напившись однажды въ Кіевѣ, самъ любимецъ царя проболтался кое-о-чемъ. Кромѣ того, ему было не впервой распоряжаться казацкими полками, не спросившись гетмана. За княгиней Дольской явился іезуитъ Заленскій, говорившій отъ лица Лещинскаго и Карла,—и Мазепа не сказалъ царю ни слова объ этомъ новомъ искустителѣ.

*) Соловьевъ, т. XV, стр. 289.

Извѣстно, какъ послѣдняя любовная интрига гетмана стала причиной того, что Петръ получилъ свѣдѣнія о начавшихся переговорахъ. Казацкій полковникъ Кочубей, дочь котораго соблазнилъ Мазепа, рѣшилъ отомстить за свое безчестье посредствомъ доноса. Къ несчастью для него, онъ не представилъ достаточныхъ доказательствъ. Полагаясь на тѣ милости, которыя онъ не переставалъ оказывать гетману, и, кромѣ того, упорно видя въ немъ представителя своей власти, борющагося съ обычнымъ непослушаніемъ казаковъ, царь позволилъ Мазепѣ обмануть себя и выдалъ ему доносчика. Мазепѣ, на котораго за двадцать лѣтъ доносили двадцать разъ, всегда удавалось оправдаться!. Онъ приказалъ обезглавить Кочубея и его сообщника Искру, но не могъ успокоиться, боясь возвращенія только что отвращенной опасности. Появленіе Карла на русской границѣ заставило его принять окончательное рѣшеніе. Весною 1708 года его эмиссары появились въ Радошковичахъ, къ юго-востоку отъ Гродно, гдѣ Карлъ устроилъ свою главную квартиру *).

Воспользоваться измѣной гетмана, чтобы проникнуть въ самое сердце Россіи, опираясь на богатія южныя области; поднять съ помощью Мазепы донскихъ казаковъ, астраханскихъ татаръ, быть можетъ самихъ турокъ, и напасть такимъ образомъ на московскую державу съ тыла и фланговъ; отбѣснить затѣмъ Петра въ его послѣднее укрѣпленіе—Москву, или даже дальше, въ то время какъ генераль Любекеръ, находящійся въ Финляндіи съ отрядомъ въ 14,000 человекъ, бросится на Ингрію и Петербургъ, а польскіе партизаны Лещинскаго вмѣстѣ со шведами генерала Крассова займутъ Польшу,—таковъ, повидимому, былъ планъ, на которомъ въ этотъ рѣшительный часъ остановился Карлъ **).

Неоспоримо, этотъ планъ былъ грандіозенъ. Однако, первое же препятствіе разрушило его. Мазепа передался Карлу на извѣстныхъ условіяхъ, и Карлъ нашелъ его слишкомъ требовательнымъ. Соглашаясь оставить Польшу Украину и Бѣлоруссію, шведамъ крѣпости Мглинъ, Стародубъ и Новгородъ-

*) Московскій Архивъ. Дѣла Малороссіи, 1708.

**) Saganw, p. 238.

Сѣверскій, по требуя для себя Полоцкъ, Витебскъ и Курляндію на ленныхъ правахъ, гетманъ затанулъ переговоры. Въ то же время, замѣтивъ, что у него недостаточно войскъ для движенія впередъ, Карль рѣшилъ призвать къ себѣ Левенгаупта, находившагося въ Ливоніи. Этотъ генераль долженъ былъ доставить ему шестнадцать тысячъ человѣкъ и боевые припасы. Но шведскій герой плохо разсчиталъ время и разстояніе. Цѣлый рядъ драгоцѣнныхъ дней, дней самаго удобнаго времени года, прошелъ прежде, чѣмъ его распоряженіе было исполнено. И въ первый разъ неувѣренность и нерѣшимость появился въ душѣ Карла, и немедленно сообщились и его сотрудникамъ. Тотчасъ же Левенгауптъ показалъ себя менѣе быстрымъ, чѣмъ обыкновенно, Любекеръ дѣйствовалъ вяло, а Мазепа возвратился къ своей двойной игрѣ: онъ осторожно подготавливалъ своихъ казаковъ къ возстанію во имя старыхъ обычаевъ, національныхъ привилегій и церковныхъ уставовъ, на которые посягнули реформы Петра; онъ укрѣпилъ свою резиденцію въ Батуринѣ, устроилъ тамъ обширные склады. Но въ то же самое время онъ продолжалъ ухаживать за царемъ: надѣлъ нѣмецкую одежду, льстилъ деспотическимъ инстинктамъ повелителя своими планами, которые должны привести къ уничтоженію послѣднихъ слѣдовъ мѣстной независимости, и принималъ подарки отъ Меншикова *).

Такъ проходило лѣто, что предвѣщало зимнюю кампанію. Открылась пропасть, куда Петръ вперилъ уже свой острый взглядъ.

V.

Карль рѣшился оставить Радошковичи только въ іюнѣ, и направился къ востоку на Борисовъ, гдѣ долженъ былъ переправиться черезъ Березину. 3 іюля Шереметевъ и Мешниковъ пытались задержать его при переходѣ черезъ маленькую рѣчку Бабичъ у Головчина. Ночное передвиженіе войскъ и безумно смѣлая атака въ штыки, руководимая королемъ,

*) Engel, Geschichte der Ukraine, Halle, 1796, p. 303 et suiv. Прокоповичъ, Исторія Петра Великаго, стр. 178 и слѣд.

обезпечили ему еще разъ побѣду. Могилевъ открылъ свои ворота побѣдителю. Здѣсь Карлу пришлось задержаться и потерять время, ожидая Левенгаупта. Онъ опять трогается въ походъ въ началѣ августа, объявивъ движеніе на югъ. И вотъ уже солдаты находятъ передъ собой одного изъ союзниковъ Петра: чтобы утолить голодъ, они принуждены варить колосья, размоловъ ихъ между двумя камнями. Ихъ ряды начинаютъ рѣдѣть отъ болѣзней, „съ которыми борются“, какъ говорили суровые солдаты, „три доктора: водка, чеснокъ и смерть“. Левенгауптъ въ это время находился въ Шкловѣ, отдѣленный отъ своей арміи двумя рѣками—Сожей и Днѣпромъ, между которыми занялъ позицію Петръ. Перейдя Днѣпръ безъ препятствій, шведскій генераль встрѣтился при Лѣсной (9 октября) съ русскими, численностью превосходившими его втрое. На другой день Петръ могъ послать своимъ друзьямъ извѣстіе о полной побѣдѣ: „8,500 человекъ убито на мѣстѣ, не говоря о тѣхъ, которыхъ калмыки преслѣдовали въ лѣсахъ. Семьсотъ плѣнныхъ!..“ По этому счету Левенгауптъ, у котораго могло быть всего 11,000 человекъ, долженъ былъ остаться безъ войска. Однако, онъ привелъ еще 6,700 человекъ къ Карлу, послѣ фланговаго движенія, бывшаго, по мнѣнію знатоковъ, прямо чудомъ. Но, не будучи въ состояніи найти мостъ черезъ Сожу, онъ долженъ былъ оставить всю свою артиллерію, весь свой обозъ, и въ лагерь, осажденный голодомъ, онъ ввелъ отрядъ голодныхъ.

Дурныя вѣсти пришли въ то же время изъ Ингріи, гдѣ Любекеръ въ сраженіи также потерялъ обозъ и 3,000 человекъ отборнаго войска. Карлъ, какъ утверждаютъ, былъ разстроенъ до такой степени, что признался своему квартирмейстеру Гилленкроку, что онъ идетъ наугадъ, безъ плана... Прибывши 22 октября въ Мокшинъ на Деснѣ, на границѣ Украины, онъ думалъ встрѣтить тамъ Мазепу. Но старый вождь не явился, желая еще оттянуть время, избѣжать окончательнаго рѣшенія. Чтобы заставить его рѣшиться, понатобилось вмѣшательство окружающихъ казаковъ, которыхъ устрашала перспектива появленія русскихъ на Украинѣ вслѣдъ за шведами. Лучше присоединиться къ послѣднимъ, чтобы преградить дорогу первымъ. Одинъ изъ казаковъ, Вой-

наровский, посланный гетманомъ къ Меншикову, вернулся съ устрашающими новостями: онъ слыхаль, какъ нѣмецкіе офицеры изъ штаба Меншикова говорили о Мазепѣ и его приближенныхъ: „Пусть Богъ сжалится надъ этими людьми... Завтра у нихъ будутъ кандалы на ногахъ“. Услыхавъ это донесеніе, Мазепа „вскочилъ, какъ ураганъ“, помчался въ Батуринь, чтобы сдѣлать тамъ призывъ къ оружію, а потомъ, переправившись черезъ Десну, онъ присоединился къ шведской арміи.

Слишкомъ поздно... При двусмысленномъ поведеніи гетмана, со всѣми его увертками, народныя чувства, на которыя онъ и Карлъ рассчитывали, чтобы вызвать мятежное движеніе, приняли другое направленіе и потеряли всякую устойчивость. Съ Мазепой остался только отрядъ въ 2,000 приверженцевъ—этого было недостаточно даже для того, чтобы отстоять Батуринь, взятый черезъ нѣсколько дней Меншиковымъ, благодаря чему шведская армія потеряла послѣднюю надежду запарастись провіантомъ. Цѣлая Украина, со своими крѣпостями Стародубомъ и Новгородомъ—Сѣверскимъ, которыя держать ворота запертыми, выскользнула изъ рукъ вождя-перебѣжчика и его новыхъ союзниковъ. Изображеніе Мазепы повѣсили и потомъ волочили по улицамъ въ Глуховѣ въ присутствіи Петра. Другой гетманъ, Скоропадскій, былъ назначенъ на его мѣсто. И вотъ настала зима, ужасная зима, такая холодная, что птицы замерзали на лету.

Въ началѣ 1709 года весь наличный составъ арміи Карла доходилъ до 20,000 человекъ, никакъ не больше. Не осмѣливаясь еще напасть на Карла, русскіе окружаютъ его кольцомъ, которое съ каждымъ днемъ суживается, отнимая передніе посты, перерѣзывая линіи сообщенія. Чтобы высвободиться изъ этого кольца, шведскій король принужденъ былъ двинуться въ походъ съ января мѣсяца. Онъ бесполезно потерялъ тысячу солдатъ и сорокъ восемь офицеровъ, чтобы взять ничтожную крѣпость Веприкъ (6 января). Въ этотъ моментъ Мазепа, считая дѣло уже проиграннымъ и стараясь еще разъ вывернуться, предложилъ Петру выдать ему Карла, если Петръ возвратитъ ему гетманскій санъ. Сдѣлка была заключена. Но письмо стараго измѣнника, от-

правленное имъ одновременно къ Лещинскому, попало въ руки царя и заставило его отказаться отъ договора: рѣшительно на этого человѣка невозможно было положиться *). Въ мартѣ приближеніе шведовъ, подступавшихъ къ Полтавѣ, заставило запорожскихъ казаковъ присоединиться къ нимъ. Но это было только частичное облегченіе. При помощи репрессивныхъ мѣръ, энергично проведенныхъ Меншиковымъ, и манифестовъ противъ иностранныхъ еретиковъ, „которые отрицають догматы истинной религіи и плюють на образъ Пресвятой Богородицы“, Петръ быстро поправилъ свое положеніе. Взятіе Полтавы осталось единственнымъ выходомъ для Карла. Нужно было или войти въ городъ, или умереть съ голода.

Городъ былъ плохо укрѣпленъ, но осаждающая армія была уже не та, которая сражалась подъ Нарвой. Она слишкомъ избаловалась удобными стоянками въ Саксоніи и Польшѣ, чтобы выдержать всѣ ужасныя испытанія этой кампаніи. Прежде чѣмъ вступить въ серьезное сраженіе, она была уже совершенно деморализована, какъ иѣкогда русское войско подъ Нарвой. Даже въ главномъ штабѣ и въ кружкѣ приближенныхъ Карла исчезла вѣра въ его геній и въ его счастливую звѣзду. Его лучшіе генералы: Реншельдъ, Гилленкрокъ, его канцлеръ Пиперъ, и даже самъ Мазепа высказываются противъ продолженія осады, которая угрожаетъ затянуться. Карлъ упорствуетъ: „Если бы Богъ послалъ мнѣ одного изъ своихъ ангеловъ, чтобы заставить меня послѣдовать вашему совѣту, я не послушался бы и его“ *). Неискоренимое заблужденіе, результатъ слишкомъ легкихъ побѣдъ при началѣ войны, заставляеть его оцѣнивать силы противниковъ ниже дѣйствительной стоимости. Онъ не знаетъ, не хочетъ знать о новой Россіи, возставшемъ колоссѣ, котораго Петру удалось, наконецъ, выдвинуть ему павстрѣчу. Нѣкоторые, кромѣ того, утверждаютъ, что Мазепа поддерживалъ его въ роковомъ рѣшеніи, мечтая захватить въ Полтавѣ для себя лично наслѣдственное владѣніе, другой Бату-

*) Соловьевъ, т. XV, стр. 361.

**) Грүхен, т. II, стр. 158.

ринь *). Быть может, наконецъ, отступление сдѣлалось уже невозможнымъ.

Петръ долгое время колеблется рѣшительно взяться за дѣло, все еще не довѣряя себѣ, ревностно стараясь увеличить свои силы, свои шансы на побѣду. Со стороны его противниковъ все способствуетъ этому: въ концѣ іюня у нихъ истощились боевые припасы, и они остались безъ артиллеріи и даже почти безъ какого бы то ни было огнестрѣльнаго оружія, принужденные сражаться только холоднымъ оружіемъ. Наканунѣ рѣшительнаго сраженія они оказываются безъ вождя: во время рекогносцировки на берегахъ Ворсклы, раздѣлявшей двѣ арміи, Карлъ, какъ всегда опрометчивый и безъ нужды подвергающій себя опасности, былъ раненъ пулей. „Пустяки, въ погу...“—сказалъ онъ, улыбаясь и продолжая осматривать мѣстность. Но, по возвращеніи въ лагерь, онъ потерялъ сознание, и тотчасъ, разсчитывая на моральное значеніе этого происшествія, Петръ рѣшился перейти Ворсклу. Въ шведскомъ лагерѣ распространился даже слухъ, что король, считая положеніе отчаяннымъ, добровольно искалъ смерти *).

Прошло, однако, еще десять дней въ ожиданіи нападенія, на которое русскіе не осмѣливались. Карлъ предупредилъ ихъ, объявивъ 26 іюня (7 іюля) своимъ генераламъ, что на другой день дано будетъ сраженіе. Все еще сильно страдавая отъ раны, онъ передаетъ командованіе Ренпелду, суровому солдату, но сомнительной цѣнности полководцу, не пользующемуся довѣріемъ войскъ и, какъ говоритъ Лундблатъ, „скрывающему недостатокъ знаній и стратегическихъ способностей подъ мрачнымъ выраженіемъ лица и свирѣпымъ взглядомъ“. Послѣ сраженія, онъ былъ обвиненъ въ измѣнѣ. Это—обычная исторія побѣжденныхъ. Истина, по видимому, заключалась въ томъ, что обычная несообщительность Карла, его склонность ничего никогда никому не открывать изъ своихъ плановъ и предположеній насчетъ сраженій, уничтожили въ концѣ-концовъ у его офицеровъ всякій духъ инициативы. Въ его присутствіи они какъ-будто

*) Lundblad, т. II, стр. 104.

**) Lundblad, т. II, стр. 118

теряли голосъ и способность мыслить. Реншельдъ только раздражался и выходилъ изъ себя. А Петръ, между тѣмъ, ничѣмъ не пренебрегъ, чтобы обезпечить себѣ успѣхъ слѣдующаго дня. Онъ даже переодѣлъ одинъ изъ своихъ лучшихъ полковъ, Новгородскій, въ сермяги, какія носили молодые рекруты, чтобы такимъ образомъ ввести въ заблужденіе врага. Эта военная хитрость не имѣла, между прочимъ, никакого успѣха: подвергшись въ началѣ сраженія нападенію Реншельда, полкъ этотъ былъ весь изрубленъ*). Петръ поручилъ центръ своего войска Шереметеву, правое крыло генералу Ренну, лѣвое—Меншикову, артиллерію Брюсу, а самъ, по обыкновенію, отодвинулся на второй планъ, взявъ на себя командованіе однимъ полкомъ. Но это была одна только видимость. Въ дѣйствительности онъ сражался повсюду въ первыхъ рядахъ, посясь по всему полю сраженія, не щадя себя. Пуля пробила его шляпу; другая, говорятъ, ударила его въ средину груди. Чудеснымъ образомъ она была остановлена золотымъ крестомъ, украшеннымъ драгоценными камнями, который царь всегда носилъ на груди. Это былъ подарокъ авонскихъ монаховъ царю Θεодору. Этотъ крестъ, на которомъ, дѣйствительно, можно замѣтить слѣдъ, оставленный пулей, сохраняется въ Успенскомъ соборѣ, въ Москвѣ.

Не будучи въ состояніи держаться па лошади, Карлъ приказалъ носить себя на посылкахъ, скоро разбитыхъ въ дребезги ядрами, а потомъ—просто на перекрещенныхъ копьяхъ. Онъ до конца остался вѣренъ себѣ въ своемъ героизмѣ. Но онъ являлся уже только живымъ знаменемъ, величественнымъ и бесполезнымъ. Полководецъ же исчезъ. Сраженіе было просто бѣшеной схваткой, въ которой славные остатки одного изъ самыхъ удивительныхъ войскъ, когда-либо существовавшихъ на свѣтѣ, безъ оружія, безъ вожда, безъ надежды на побѣду, окруженные врагами и подавленные ихъ численностью, борются нѣкоторое время только для того, чтобы не покинуть своего короля. Черезъ два часа Карлъ самъ покидаетъ поле сраженія, усѣвшись на старую лошадь,

*) Голицковъ, т. XI, стр. 202.

посившую на себѣ еще его отца. Эта лошадь, называвшаяся Brandklepper (она должна была быть всегда подъ сѣдломъ, на случай пожара въ городѣ), послѣдовала за побѣжденнымъ героемъ въ Турцію. Взятая потомъ турками въ Бендерахъ, возвращенная королю, снова взятая въ 1715 году въ Штральзундѣ и опять возвращенная, она умерла въ 1718 году, въ одинъ годъ со своимъ господиномъ, въ возрастѣ сорока двухъ лѣтъ *). Понятовскій, отецъ будущаго польскаго короля, — участвовавшій въ кампаніи, въ качествѣ любителя, такъ какъ Карлъ не хотѣлъ брать въ походъ польскихъ войскъ изъ-за ихъ недисциплинированности, — собралъ эскадронъ полковника Горна для экспорта королю и, прикрывая его отступление **), получилъ семнадцать пуль, застрявшихъ въ его кожаномъ кафтанѣ. Фельдмаршалъ Реншельдъ, канцлеръ Пишеръ со всей своей канцеляріей, болѣе 150 офицеровъ и 2,000 солдатъ попали въ руки побѣдителей.

Радость послѣднихъ была такъ велика, что они забыли даже преслѣдовать побѣжденныхъ, а принялись прежде всего за пиръ, при чемъ Петръ пригласилъ за столъ наиболѣе выдающихся плѣнниковъ и пилъ за здоровье „своихъ учителей въ военномъ искусствѣ“. Шведы, которыхъ было еще 13,000 человекъ, получили благодаря этому возможность остановиться на короткое время въ своемъ лагерѣ, гдѣ Карлъ призвалъ къ себѣ Левенгаупта, и съ его устъ въ первый разъ въ жизни сорвалась просьба о совѣтѣ: „Что дѣлать?“ Сжечь обозныя повозки, посадить пѣхотинцевъ на упряжныхъ лошадей и отступать къ Днѣпру—таково рѣшеніе, на которомъ остановился генераль. Настигнутый врагомъ только 30 іюня у Переволочны, онъ капитулировалъ, такъ какъ солдаты отказались сражаться. Но король успѣлъ переправиться на другой берегъ. Двѣ лодки, связанныя вмѣстѣ, перевезли его карету, нѣсколько офицеровъ и военную казну, собранную въ Саксоніи. Мазепа также нашель для себя лодку и поставилъ въ нее два боченка съ золотомъ ***).

*) Lundblad, т. II, стр. 137.

**) Кантецкій, Біографія Станислава Понятовскаго, Познань, 1880 (по-польски) т. I, стр. 26.

***) Соловьевъ, т. XV, стр. 378.

Въ Кіевѣ, куда отправился Петръ изъ Полтавы, было отслужено торжественное благодарственное молебствіе. Прославляя одержанную побѣду, малорусскій монахъ Теофанъ Прокоповичъ далъ волю своему вдохновенному краснорѣчію: „Услыша о томъ, что произошло, наши сосѣди скажутъ: не въ иностранную землю, но въ какое-то глубокое море отправилось войско и могущество шведовъ; они погрузились и исчезли какъ свинець подь водою“.

Дѣйствительно, Швеція Густава-Адольфа исчезла. Въ скоромъ времени въ Бендерахъ Карлъ XII казался уже только рыцаремъ, искателемъ приключеній. Казацкая независимость тоже отжила свой вѣкъ. Ея послѣдній, слишкомъ вѣроломный представитель умеръ нѣсколько мѣсяцевъ спустя въ Турціи,—отъ отчаянія, какъ говорятъ русскіе источники, отъ яда, принятаго имъ добровольно, какъ полагають шведскіе историки. Такъ какъ Петръ предложилъ обмѣнять Мазепу на Пипера, то предположеніе объ отравленіи вполне правдоподобно *). Погибло, наконецъ, и дѣло Лещинскаго, возобновленное позднѣе Франціей, но только ради выгодъ самой Франціи. вмѣстѣ съ тѣмъ погибла и самая Польша—трупъ, на который въ скоромъ времени опустились хищныя птицы. Надъ всѣми этими развалинами возвышаются теперь русское могущество, гегемонія Россіи на сѣверѣ, ея новое положеніе въ Европѣ. Имъ предназначено теперь рости со дня на день, безгранично, неизмѣримо. Европа была приглашена на празднества, которыми сопровождалось нѣсколько мѣсяцевъ спустя возвращеніе побѣдителей въ Москву. *Европейскія идеи, традиціи и формы* тоже имѣли свое мѣсто въ торжествѣ, служа украшеніемъ побѣдныхъ трофеевъ. Петръ въ образѣ Геркулеса, укрощающаго шведскаго Юнону, посреди кортежа съ Марсомъ, фуріями и фавнами, символизировалъ союзъ Россіи съ греко-латинскою цивилизаціей. Восточная же, азіатская Москва числилась тоже среди мертвецовъ.

*) Соловьевъ, т. XVI, стр. 42.

Г Л А В А В Т О Р А Я.

Отъ Балтійскаго моря къ Каспійскому.

I. Полтавская побѣда не даетъ Россіи мира. Политика всемірнаго распространенія. Загадки панславизма. Европейскіе союзы. Дипломатія царя. Его неловкости и промахи. Устремившись на западъ, Петръ теряетъ изъ вида югъ. Дипломатическая борьба въ Константинополѣ. Карлъ XII побѣждаетъ въ ней. Звонкіе аргументы. Война объявлена. II. Планъ кампаніи, составленный Петромъ. Его недостатокъ. Онъ не считается съ уроками прошлаго. Походъ на Яссы. Общая ошибка Петра и Карла. Другая Украина и другой Мазепа. Перерывъ сообщенія татарами. Русская армія и царь окружены на берегахъ Прута. Отчаянное положеніе. Новая слабость Петра. Письмо къ Сенату. Завѣщаніе трона достойнѣйшему. Сомнительная подлинность документа. Роль Екатерины. Бриллианты будущей царицы. Спасеніе. Взирь соглашается вести переговоры. Вліяніе бакшиша. Неожиданно-выгодныя условія. Оставленіе Азова. Петръ быстро приходитъ въ себя и утѣшается въ потеряхъ. „Несравненныя приобрѣтенія“. Торжество пастойчивости. Стычка при Бендерахъ. Карлъ XII въ плѣну. III. Союзники мѣшаютъ Петру добиться мира со Швеціей. Соперничество и ссоры. Осада Штральзунда. Попытки сближенія съ Англіей и Пруссіей. Петру везетъ только, когда онъ дѣйствуетъ одинъ. Завоеваніе Филлидін. Его побѣды въ Германіи приносятъ пользу только Пруссіи. Взятіе Штеттина. Карлъ XII снова появляется въ Штральзундѣ. Появленіе на сценѣ Геруа. Взятіе Влсмары. Петръ снова работаетъ для прусскаго короля. Проектъ русско-датской экспедиціи. Морская демонстрація въ Копенгагенѣ. Петръ—во главѣ соединенныхъ эскадръ: Даніи, Голландіи, Англіи и Россіи. Экспедиція не имѣетъ успѣха, вслѣдствіе недостатка единодушія. Въ неудачѣ обвиняютъ Петра. Его вмѣшательство въ германскія дѣла возбуждаетъ всеобщій гнѣвъ. Раздраженіе Англіи. Проектъ захватить царя и потопить эскадру. Отвращеніе Петра къ союзникамъ. IV. Идея Геруа. Проектъ отдѣльнаго соглашенія между Россіей и Швеціей. Французское происхожденіе этой идеи. Она соблазняетъ Петра. Путешествіе во Францію. Тайное свиданіе съ Герумомъ. Амстердамскій договоръ между Россіей, Франціей и Пруссіей. Принятіе французскаго посредничества. Аляндскій конгрессъ. Смерть Карла XII прерываетъ переговоры. Казнь Геруа. V. Возобновленіе переговоровъ на Аляндскихъ островахъ. Противодѣйствіе шведовъ. Способы поужденія. Высадка русскихъ въ Швецію. Англія вмѣшивается въ пользу

шведовъ. Безполезная морская демонстрація. Дипломатическое вмѣшательство Франціи. Кампредонъ. Ништадскій миръ. Радость побѣды. Императорскій титулъ. Адмиралъ и императоръ Всея Руси. Польза мира. Еще война. VI. Восточная граница. Дорога въ Индію. Неудача первыхъ попытокъ въ этомъ направленіи. Новыя военныя и дипломатическія попытки въ сторону Персіи. Волынской. Большая эспедиція 1722 года. Петръ—лично руководить ею. Взятіе Дербента. Вынужденное отступление. Вмѣшательство Турціи и Англіи. Временное соглашеніе. Армяне просятъ у царя покровительства. Покровительство христіанамъ Востока. Еще попытка продвинуться на Дальній Востокъ. Мадагаскарская экспедиція. Направленія и естественныя границы колонизаторскихъ способностей Россіи. Смерть Петра.

I.

Полтавская побѣда окружила Петра, его армію и народъ блескомъ славы, лучи которой перешли за границы великаго царствованія и вѣка; но побѣдитель не извлекъ изъ побѣды выгоды, которой онъ, повидимому, придавалъ и совершенно справедливо — наиболѣе цѣны — моря. Чтобы добиться его, ему нужны были еще двѣнадцать лѣтъ времени, соотвѣтственная затрата новыхъ усилій и новыхъ пожертвованій. Въ значительной мѣрѣ, отвѣтственнымъ за это является самъ Петръ, — пробѣлы его мышленія и недостатки характера. Послѣ Полтавы, линія его поведенія была совершенно ясна; не придя къ возможному соглашенію съ побѣжденными, онъ долженъ былъ настойчиво преслѣдовать и упрочивать свои выгоды: окончить завоеваніе Ливоніи, начать укрѣпленіе въ Финляндіи, извлечь изъ борьбы всю ту пользу, на которую можно было рассчитывать, не беспокоиться болыпе ни о чемъ и не связывать себя ничѣмъ:—ни измѣнившимся саксонскимъ, ни прекратившимъ борьбу, датскимъ союзниками. Но логика, естественный ходъ вещей и требованія обстоятельствъ— все это уступаетъ въ его душѣ мѣсто неразумнымъ инстинктамъ, которыми онъ не умѣетъ управлять. Безъ уважительной причины и, несомнѣнно, безъ отчетливо-установленныхъ намѣреній, онъ бросился, очертя голову на путь приключеній, въ порывѣ стремленія ко всемірному распространенію. Россіи оставалось только слѣдовать за нимъ, а нимъ самимъ, повидимому, управляла слѣпая, безсознательная потребность дѣйствовать, пользоваться и злоупотреблять своей

силою. Ему мало восточнаго берега Балтійскаго моря. Онъ протягиваетъ руку къ Мекленбургу. Онъ выражаетъ намѣреніе распорядиться Польшей и водворить въ ней порядокъ, охраняя анархическую конституцію страны. Онъ первый вступилъ на путь панславистской политики, привлекая Сербію и Черногорію подъ сѣнь своего покровительства и посылая туда на свой счетъ книги и учителей, которыми лучше было бы воспользоваться въ Москвѣ, гдѣ не было ни школъ, ни денегъ на ихъ содержаніе. Онъ рисковалъ потерять въ игрѣ на берегахъ Прута плоды всѣхъ своихъ усилій и побѣдъ; болѣе того, онъ подвергался опасности ввергнуть свою судьбу и судьбу своего народа въ пропасть болѣе глубокую, чѣмъ пропасть, поглотившая Карла XII.

Избавившись какимъ-то чудомъ отъ этой катастрофы, онъ началъ снова, безъ всякой необходимости, побуждаемый желаніемъ быть на виду и сыграть роль въ Европѣ, являться со всѣми и вмѣшиваться во все. Онъ совершенно запутался въ лабиринтѣ подозрительныхъ интригъ и двусмысленныхъ комбинацій, велъ переговоры, торговался, политиканилъ вкривь и вкосъ, рискуя завязнуть въ этой трясиинѣ. Въ теченіи десяти лѣтъ онъ топтался между Берлиномъ, Копенгагеномъ и Амстердамомъ и боролся съ нектати проснувшимися честолюбіемъ и жадностью соперниковъ.

У него не было никакихъ данныхъ для того, чтобы выиграть игру, въ которую онъ пустилъ свое военное могущество и только что европеизированную дипломатію; у него не было ни надлежащаго пониманія различныхъ сталкивающихся здѣсь интересовъ, ни навыка въ дѣлахъ, ни такта, ни чувства мѣры. Повсюду, на каждомъ шагу, онъ наталкивался на препятствія, попадалъ въ капканы, тонулъ въ глубинахъ, которыхъ не умѣлъ избѣжать. Онъ удивлялся тому, что союзъ съ курфюрстомъ ганноверскимъ поссорилъ его съ Англіей, и полагалъ, что помогая Пруссіи, въ ущербъ Швеціи, онъ тѣмъ самымъ служить германскимъ интересамъ. Желая сдѣлать удовольствіе своимъ друзьямъ полякамъ, онъ выдалъ дочь замужъ въ Данцигъ, взявъ, по этому случаю, съ города контрибуцію въ 150000 эку и высказалъ удивленіе, что городъ остался болѣе равнодушнымъ къ оказанной ему чести, чѣмъ къ взя-

тымъ у него деньгамъ. Онъ выѣшался въ распрю между польскими католиками, униатами и православными, и въ концѣ-концовъ настолько возбудилъ православныхъ монаховъ противъ своего комиссара Дудаковского, что они избили его и бросили въ тюрьму съ криками: „Ну ка вы, московиты!“ *). Въ то время, какъ царь надѣдалъ правительству Голландіи просьбами о займѣ, контръ-адмиралъ Крюйсъ (Cruys)—начальникъ одной изъ его эскадръ, сжегъ на Гельсингфорскомъ рейдѣ семь голландскихъ торговыхъ судовъ, часть экипажа перебилъ, а часть взялъ въ плѣнъ. Произошло объясненіе: всему виною шведы, занявшіе Гельсингфорсъ; ихъ слишкомъ сильная артиллерія не позволяетъ адмиралу предпринять что-нибудь противъ нихъ. Чтобы не отступать безъ всякаго военнаго выступленія, онъ обрушился на голландцевъ! **).

Министры царя и его послы стоятъ на такой же высотѣ. Отъ излишка почтительности они переходятъ къ излишку высокомерія. Я читаю въ дневникѣ датскаго резидента отъ 1710 года: „Побѣда преполнила русскихъ самомиѣніемъ, и они совершенно не помнятъ себя; они хотятъ получать почести, не воздавая ихъ“ ***). И можно видѣть, какъ увязаютъ въ трясины эти профессиональные, большей частью, искатели пріключеній, эти люди безъ прошлаго, безъ школы, вышедшіе, подобно Меншикову и Ягужинскому, изъ конюшенъ и людскихъ, или оторванные, подобно Куракину, отъ сладостей патриархальной жизни и отъ привычекъ Домостроя и терема. Они умножаютъ промахи, ошибки и неловкости царя. Въ одномъ мѣстѣ ихъ сажаютъ въ тюрьму за долги, въ другомъ вышвыриваютъ, какъ лакеевъ, за дверь; въ концѣ-концовъ они еще больше запутываютъ клубокъ, нити котораго держать въ рукахъ.

Исторія политики Петра отъ Полтавскаго торжества до Ништадскаго мира—путаница и хаосъ. Благодаря счастливой судьбѣ, героическому терпѣнію и, нужно также сказать, на-

*) Соловьевъ, т. XVIII, стр. 86.

**) Донесеніе Куракина Правительству Соединен. Провинцій 7 августа 1713 г. и 31 января 1714 г. Депеша де-Би Фанлю, 14 октября 1713 г. Гаагскій Архивъ.

***) Государств. Архивъ. Копенгагелъ.

стойчивости и твердости своего вождя, Россія, въ концѣ-концовъ, пробилъ себѣ дорогу. Но сколько, дорогой цѣной купленныхъ, усилій было бесполезно затрачено!

Послѣ Полтавы, царь уѣхалъ въ Кіевъ, а оттуда отправился въ Польшу, гдѣ знатнѣйшіе вельможи, во главѣ съ гетманомъ Сиявскимъ, устроили ему торжественный пріемъ, какъ защитнику польской свободы. Въ октябрѣ онъ встрѣтился въ Торнѣ съ Августомъ II. Вѣроломный король, не дожидаясь послѣдняго пораженія Карла, постарался примириться со своимъ противникомъ. Послѣ безславнаго предпріятія, приведшаго его съ сыномъ Морицемъ и девяти тысячнымъ отрядомъ подъ стѣны Лилля, въ качествѣ союзническихъ наемниковъ, противъ Франціи, онъ одумался. Онъ послалъ въ Петербургъ генерала Гольца, вызвалъ въ Дрезденъ короля датскаго Фридриха IV, лично сѣзидилъ въ Берлинъ. Въ началѣ іюля 1709 года, онъ опять оказался въ распоряженіи трехъ союзниковъ. Оборонительный и наступательный союзъ съ Россіей противъ Швеціи, обезпечилъ ему польскій престолъ, а грамота папы освободила его отъ обязательствъ, принятыхъ въ Альтранштадтѣ, включая сюда и долгъ повинновенія Лещинскому*). Этотъ послѣдній долженъ былъ разрѣшить участь шведскихъ войскъ, и отступить въ Померанію съ отрядомъ Красова.

Такимъ образомъ, мечта Паткуля: коалиція четырехъ государствъ, — осуществилась, и Петръ сдѣлался главой этой коалиціи. Въ Торнѣ Данія предложила ему прямой союзъ, при посредствѣ чрезвычайнаго посла, графа Раптзау. Еще недавно Долгорукій, посланникъ царя въ Копенгагенѣ, старался добиться этого союза при помощи большихъ субсидій Даніи: онъ обѣщаль 300 т. дукатовъ сначала, по сто тысячъ дукатовъ въ слѣдующіе годы и, кромѣ того, матерьялы для флота и матросовъ. Теперь объ этомъ не подымали и рѣчи. Дружба Россіи подорожала на европейскомъ рынкѣ. „Не даль ничего, ни человѣка, ни шелега“, писалъ Долгорукій въ октябрѣ, извѣщая о подписаніи договора**).

Сначала военные успѣхи Петра смѣняются одни другими.

*) Германъ (Herrmann) g. R., т. IV, стр. 247; Боттигеръ (Boettiger) Geschichte Saxens, Hambourg, 1830, т. II, стр. 250.

**) Соловьевъ, т. XV, стр. 391.

Правда, Рига, въ осадѣ которой (въ ноябрѣ) онъ участвовалъ лично и своими руками бросилъ три первыя бомбы, Рига, говорю я, оказала сопротивленіе, но въ слѣдующемъ году, въ іюнь, Выборгъ, атакованный одновременно съ суши и съ моря (царь исполнялъ обязанности вице-адмирала), былъ принужденъ сдаться; въ іюль, наконецъ, Шереметевъ взялъ Ригу. Кекехольмъ, Пернау, Аренсбергъ, Ревель, добровольно открывали передъ неприятелемъ свои ворота или брались приступомъ. Карелія, Ливонія, Эстонія, были завоеваны, а Курляндія добровольно отдалась завоевателямъ: правящій герцогъ Фридрихъ-Вильгельмъ, просилъ руки одной изъ племянницъ царя, Анны Иоанновны.

Съ юга пришли внезапно тревожныя вѣсти. Въ Турціи дипломатія Карла разбила дипломатію Толстова, съ помощью „звонкихъ“ аргументовъ.

Послѣ смерти Мазепы, великій побѣжденный сталъ богачемъ: Войнаровскій ссудилъ ему 80000 дукатовъ, взятыхъ изъ боченковъ, послѣдовавшихъ за гетманомъ въ его бѣгствѣ. 100 тысячъ экю онъ получилъ отъ герцога Голштинскаго; на 200000 онъ заключилъ заемъ черезъ посредство бр. Кукъ, изъ англійской компаніи въ Левантъ; 400000 далъ ему великій визирь Нюманъ-Купріоли. Онъ могъ снарядить надлежащимъ образомъ своихъ агентовъ: Понятовскаго и Нейгебаезера; послѣдній былъ когда-то наставникомъ Алексѣя и сдѣлался перебѣжчикомъ, благодаря дурному обращенію. Агентъ царя, требуя выдачи или, по крайней мѣрѣ, ареста шведскаго короля, имѣлъ въ своемъ распоряженіи лишь 20000 дукатовъ и нѣсколько собольихъ шкуръ, которыми онъ и пытался соблазнить добродѣтель муфтія. Въ концѣ-концовъ Толстой рискнулъ поставить ультиматумъ и 20 ноября 1710 года, на торжественномъ засѣданіи дивана была рѣшена война. Русскій посолъ оказался плѣнникомъ въ Семибашенномъ замкѣ.

Всецѣло поглощенный соображеніями высшей политики, театромъ которой была центральная Европа, Петръ не ожидалъ этого удара; онъ былъ застигнутъ имъ врасплохъ и не сумѣлъ отразить его. Союзники не могли помочь ему. Датчане послѣ полного пораженія, стоившаго имъ 6000 человекъ, стояли снова внѣ борьбы (февраль 1710), а Англія возобновила по-

пытки, которыя дѣлала уже прежде, ввиду соглашенія между ней и Швеціей. У Петра въ это время не было даже представителя въ Лондонѣ. Матвѣева изгнали оттуда кредиторы, послѣ весьма компрометирующаго внушенія (іюнь 1708). Весной 1710 года князю Куракину удалось начать дѣло съ курфюрстомъ Ганноверскимъ, Георгомъ-Филипомъ, о договорѣ оборонительнаго союза. Этотъ договоръ, по которому царь лишается права нападать на Шведовъ въ Германіи, пока они не нападаютъ на его союзниковъ, можно считать полуизмѣнной *). Польскіе подданные Августа были тоже не очень довольны союзомъ короля съ полтавскимъ побѣдителемъ.

Въ началѣ 1711 года Волоничъ явился въ Москву съ жалобой отъ пхъ имени на вымогательства и насилія русскихъ войскъ въ Польшѣ. Онъ потребовалъ немедленнаго удаленія расквартированныхъ въ странѣ отрядовъ, вознагражденія за причиненные ими убытки, возвращенія Ливоніи и польскихъ областей въ Украинѣ, Литвѣ и на правомъ берегу Днѣпра **).

Положеніе вещей на сѣверѣ и западѣ было очень серьезно, но къ сѣверу и западу пришлось повернуться спиной, чтобы выдержать столкновенья на югѣ. Плохо видѣвшій издалека, Петръ хорошо видѣлъ вблизи. Внезапно открывшійся горизонтъ смутилъ его и привелъ въ отчаяніе. Покидая въ апрѣлѣ 1711 года Петербургъ, Петръ былъ сильно озабоченъ судьбой Екатерины и дѣтей, которыхъ онъ имѣлъ отъ нея; на письмо Апраксина, требовавшаго у него инструкцій, онъ отвѣчалъ, что „больной и находясь въ отчаяніи“ не можетъ давать приказанія (24 апрѣля 1711 г.) ***).

Въ такомъ настроеніи царь началъ молдавскій походъ, во время котораго, на личномъ опытѣ познакомился съ тѣмъ, что значить вести наступательную войну въ незнакомой странѣ, не имѣя достаточныхъ средствъ и оцѣнивая силы противника ниже ихъ дѣйствительной стоимости.

*) Соловьевъ, т. XVI, стр. 62.

**) Московскій Архивъ. Польскія дѣла. 1711.

***) Соловьевъ, т. XVI, стр. 71.

II.

Планъ кампаніи, на которомъ остановился Петръ, былъ, кажется, созданъ имъ самимъ. Даже не будучи специалистомъ, можно замѣтить его основную ошибку. Предшественники великаго Преобразователя знали что дѣлали, когда, взявшись дѣйствовать противъ Турціи совмѣстно съ поляками или императоромъ, указывали на татарь, какъ на причину неудачъ.

Крымское ханство, страшный еще обломокъ великой монгольской державы, составляло въ это время авангардъ оттоманскаго войска; съ одной стороны оно преграждало путь съ востока на Константинополь; съ другой,—сидя, какъ въ засадѣ, въ естественной крѣпости Перекопа, оно имѣло полную возможность напасть съ тыла на завоевателя, идущаго по западной дорогѣ, черезъ дунайскія провинціи, и отрѣзать ему отступленіе. Екатерина Великая поняла это въ послѣдствіи и упорно стремилась разрушить ханство. Петръ нападая на Турцію, со стороны Азова, гдѣ рѣчной путь обезпечивалъ ему линію отступленія, тоже, казалось, понималъ это. Но для нападенія со стороны Азова необходимъ былъ флотъ, а флотъ, построенный для этой цѣли въ Воронежѣ, оставался тамъ безъ движенія, вслѣдствіе мелководья. Петръ пошелъ на Яссы, рассчитывая на помощь господарей Молдавіи и Валахіи, Каптемира и Бранкована и на средства продовольствія изъ ихъ областей; такъ Карлъ рассчитывалъ на Украину и Мазету. Съ Петромъ была армія 45000 человѣкъ и огромная свита—лишніе рты. Екатерина сопровождала его; съ ней ѣхало множество женщинъ; при офицерахъ иностранцахъ были ихъ жены и дѣти. Дамы эти собирались ежедневно у будущей царицы и забывали, казалось, о войнѣ*).

Но забыть о ней совершенно было невозможно. Каптемиръ встрѣтилъ гостей съ распростертыми объятіями, но ему нечѣмъ было ихъ кормить. Бранкованъ, послѣ недолгаго колебанія, сталъ на сторону турокъ. Продовольственные склады не были

*) Brasey de Lyon, Амстердамъ, 1716, т. I, стр. 35.

устроены, несмотря на приказаніе Петра; о нихъ забыли въ счетъ похода, а теперь не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы навестать потерянное время. Татары, исполняя знакомую роль, появились въ тылу у русскихъ; сообщеніе съ сѣверомъ было отрѣзано. Царю сообщили, что въ Браиловъ, на Серети, имѣется складъ съѣстныхъ и боевыхъ припасовъ, устроенный турками; царь, думавшій теперь только о томъ, какъ накормить свое войско, отправилъ туда генерала Ренна съ отрядомъ кавалеріи и назначилъ ему встрѣчу на берегу Прута. Прежде встрѣчи съ Ренномъ, царя ждала другая неизбежная встрѣча, которую предвидѣлъ главный штабъ и о возможности которой говорили Петру. 7/18 іюля 1711 г., вечеромъ, его армія, состоявшая, послѣ ухода Ренна, приблизительно изъ 38000 человекъ, оказалась окруженной турками и татарами, занявшими оба берега Прута. Ихъ силы, въ пять или семь разъ превосходили силы царя; ихъ могучая артиллерія была расположена на высотахъ. Отступленіе было невозможно. Приходилось выбирать между плѣномъ и смертью.

Петръ, по словамъ одного изъ свидѣтелей, думалъ и на этотъ разъ лишь о своемъ личномъ спасеніи. Онъ обратился за помощью къ казаку Ивану Некульги, который, какъ онъ думалъ, могъ провести его и Екатерину черезъ непріятельскую линію *). По другимъ свидѣтельствамъ, очень многочисленнымъ и очень еднороднымъ, но тоже не особенно достовернымъ, царь предался отчаянію и былъ совершенно угнетенъ: онъ заперся въ своей палаткѣ и, предоставивъ Екатерину искать способы для общаго спасенія, отказался выходить оттуда, отдавать приказанія и выслушивать совѣты **).

Общезвѣстно, наконецъ, знаменитое письмо Петра къ сенату, написанное, какъ утверждаютъ, въ эти трагическіе часы:

*) Кочубинскій. Отрывки, извлеченные изъ Молдаво-Валашскихъ архивовъ, стр. 64.

**) Coxe Travers, т. I, стр. 499; Bruge Memoires, стр. 44; Rousset (Nestesouranog). Memoires, т. III, стр. 161; Zinkeisen Geschichte d. Ottomanischen Reichs, т. V, стр. 424; La Motraye, Voyages, т. II, стр. 19; Marais, Journal, т. III. Mart ссылается на „Chronique contemporaine“. См. также письмо барона Корфа въ „Библиографическихъ Извѣстіяхъ“, 15 января 1811 г.

„Господа Сенать! Извѣщаю вамъ, что я, со всѣмъ своимъ войскомъ, безъ вины или погрѣшности нашей, но единственно только по полученнымъ ложнымъ извѣстіямъ, въ семь кратъ сильнѣйшею турецкою силою такъ окруженъ, что всѣ пути къ полученію провіанта пресѣчены, и что я, безъ особливья Божія помощи ничего иного предвидѣть не могу, кромѣ совершеннаго пораженія или, что я впаду въ турецкій плѣнъ. Если случится сіе послѣднее, то вы не должны меня почитать своимъ царемъ и государемъ, и ничего не исполнять, что мною, хотя бы то по собственноручному повелѣнію отъ насъ было требуемо, покамѣстъ я самъ не явлюся между вами въ лицѣ моемъ; но если я погибну и вы вѣрныя извѣстія получите о моей смерти, то выберите между собой достойнѣйшаго мнѣ въ наслѣдники“.

Хотя впоследствии этому письму и дали мѣсто между официальными документами, но подлинность его, тѣмъ не менѣе, чрезвычайно сомнительна *). Оригинал письма не существуетъ. Какъ могъ онъ исчезнуть? Первое извѣстное изданіе текста встрѣчается въ анекдотахъ Штелина, который ссылается на устный рассказъ Шереметева.

Редакція полнаго Собранія Законовъ (IV, 712) явно заимствована изъ этого источника. Стилъ письма дѣйствительно характеренъ для Петра, такъ же, какъ и та, крайняя рѣшительность, съ которой онъ разрубаетъ узлы многочисленныхъ вопросовъ, которые должны были возникнуть въ случаѣ его плѣненія или гибели. Но какъ объяснить то, что забыть естественный наслѣдникъ? Вѣдь въ то время ссора Петра съ Алексѣемъ далеко не могла считаться совершившимся фактомъ. Какъ разъ передъ этимъ Петръ рѣшилъ женить сына, чтобы обезпечить престолонаслѣдіе. Какъ объяснить выборъ „достоинѣйшаго“ среди сенаторовъ? Вѣдь любимые сотрудники царя: Апраксинъ, Головинъ, Меншиковъ не были членами этого

*) См. очеркъ Бѣлова въ „Древней и Новой Россіи“, 1876, т. III, стр. 404. Разматривалъ всѣ соображенія за и противъ, Соловьевъ (т. XVI), стр. 89 и сл. не рѣшается высказаться опредѣленно.

Примѣч. пер. Письмо Петра къ Сенату списано съ русскаго текста.

учрежденія! Еще одна несообразность: въ нѣсколькихъ другихъ письмахъ, написанныхъ вскорѣ послѣ письма къ Сенату и несомѣнно подлинныхъ, Петръ ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ этомъ столь важномъ документѣ! Въ одномъ изъ нихъ онъ откровенно говоритъ объ ошибкахъ, поставившихъ его и армію въ отчаянное положеніе *).

Что касается роли, приписываемой Екатеринѣ, то мы принуждены выбирать между довольно подозрительнымъ свидѣтельствомъ самого Петра и свидѣтельствами нѣкоторыхъ второстепенныхъ дѣйствующихъ лицъ драмы. Эти свидѣтели, въ общемъ, не признаютъ за Екатериной какой бы то ни было активной роли. Понятовскій говоритъ только, что Петръ рискнулъ послать парламентаря въ турецкій лагерь **).

Бразей де Ліонъ, находившійся въ рядахъ русской арміи въ качествѣ бригадира, жена котораго пользовалась большимъ успѣхомъ въ ближайшемъ къ царю кружкѣ и была хороша съ будущей царицей, рассказываетъ слѣдующія подробности: „Его Величество, генераль Янусъ, генераль-лейтенантъ баронъ Остенъ и фельдмаршалъ (Шереметевъ) имѣли продолжительное частное совѣщаніе. Всѣ они подошли къ генералу барону Галларту, ранену и потому сидѣвшему въ коляскѣ, и тамъ, между коляской генерала и коляской баронессы Остенъ, въ которой находилась г-жа Бушъ (жена генераль-майора) было условлено, что фельдмаршалъ напишетъ великому визирю письмо съ просьбой о перемиріи ***). Дневникъ генерала Галларта, подтвержденный дневникомъ датскаго министра Жюэля (Juel), получившаго свѣдѣнія отъ генерала †), говоритъ приблизительно то же самое. По свидѣтельству Жюэля неутѣрно даже и то, что Екатерина пожертвовала своими драгоценностями, чтобы содѣйствовать подкупу

*) Устряловъ, Очеркъ въ „Ежегодникъ Академіи Наукъ“, 1859 Витбергъ, Очеркъ въ „Древней и Новой Россіи“, 1875, т. III. стр. 256 и слѣд.

**) Допесеніе Ладискому, Мип. Ия. дѣль во Франціи. Документы и мемуары (Россія), т. II, стр. 121.

***) Мемуары, т. I, стр. 79.

†) Жюэль, Путешествія. Копенгагенъ, 1893, стр. 422.

визиря, она просто раздала ихъ гвардейскимъ офицерамъ, чтобы имѣть возможность современемъ потребовать ихъ обратно.

Тѣмъ или инымъ способомъ, но катастрофа была отвращена.

Отославши назадъ безъ отвѣта перваго парламентаря, визирь затѣмъ согласился вести переговоры. Шафировъ долженъ былъ предложить ему условія, соотвѣтствовавшія взаимному положенію обоихъ войскъ: возвращеніе всѣхъ областей, завоеванныхъ у Турціи во время прежнихъ войнъ, возвращеніе Швеціи Ливоніи и другихъ прибрежныхъ областей, кромѣ Ингріи и Петербурга (Петръ готовъ былъ уступить Швеціи вмѣсто Петербурга Псковъ и другіе города въ сердцѣ Россіи!) *), возстановленіе Лещинскаго, военную контрибуцію, подарки султану. Шафировъ вернулся, получивъ миръ почти даромъ, т.-е. на слѣдующихъ условіяхъ: оставленіе Азова, обязательство не вмѣшиваться въ польскія дѣла, свободное возвращеніе шведскаго короля въ свое государство.

По свидѣтельству Ластнера, справляшагося въ турецкихъ источникахъ, стоимость бакшиша, полученнаго великимъ визиремъ и раздѣленнаго имъ съ Кегаемъ, не превышала 200,000 рублей!

Нѣмецкій историкъ вѣрить во вмѣшательство Екатерины и въ дѣйствіе, произведенное ею брилліантами. Но вѣдь великій визирь и Кегай могли захватить все, — Петра, его жену и его армію.

Это событіе можетъ быть объяснено лишь общей исторіей войнъ, веденныхъ турками. Оттоманы всегда торопились вернуться домой и соглашались на самыя ничтожныя выгоды, чтобы избавиться отъ необходимости большихъ усилій. Отборная часть ихъ войска, съ янычарами во главѣ, была капризна и недисциплинирована. Въ данномъ случаѣ, турки полагали, что полтавскій побѣдитель дорого продастъ свою жизнь или свободу, и Шефировъ утвердилъ ихъ въ этомъ мнѣніи.

Искусство внушать къ себѣ уваженіе, заимствованное у

*) Geschichte d. Osmanischen Reichs, 1828, т. VII, стр. 157.

Византіи и разившееся въ годину бѣдствій, является традиціоннымъ въ Россіи. Мало заботясь о торжествѣ большемъ, чѣмъ то, которое они могли достигнуть безъ боя, безразлично относясь къ судьбѣ Лещинскаго и Карла XII, войска султана не были расположены сражаться и визирь, зная, къ чему ведетъ противорѣчіе ихъ стремленіямъ, уступилъ имъ. Миръ былъ заключенъ *).

Петръ быстро, какъ всегда, оправился отъ перенесенныхъ бѣдствій и снова пріобрѣлъ увѣренность въ будущемъ. Въ день заключенія мира онъ писалъ Апраксину; правда, въ этомъ письмѣ говорить, что никогда еще съ тѣхъ поръ, какъ „началъ служить“, не находился въ такомъ затруднительномъ положеніи, но сейчасъ же добавляетъ, что „потери, понесенныя съ одной стороны, послужатъ къ тому, чтобы укрѣпить недавнія пріобрѣтенія, сохраненныя въ другихъ мѣстахъ“. Онъ не отказывается, однако, отъ недобросовѣстныхъ пріемовъ, желая смягчить жестокость судьбы.

Приказывая скрыть Таганрогъ, онъ рекомендуетъ не трогать укрѣпленій, потому что „обстоятельства могутъ перемениться“. Онъ не хочетъ слышать о возвращеніи Азова и очищеніи Польши раньше, чѣмъ Карлъ XII оставитъ Турцію. Тщетно указываютъ царю на то, что Порта не принимала на себя въ этомъ отношеніи никакихъ обязательствъ.

Шафировъ и сынъ Шереметева, отправленные въ Константинополь, въ качествѣ заложниковъ, оказались въ опасномъ положеніи; царь не заботился объ этомъ, и въ октябрѣ 1712 года они были заключены, какъ плѣнники, въ Семибашенный замокъ, куда уже раньше былъ посаженъ Толстой. Царь уступилъ только подъ вліяніемъ прямой угрозы возобновить военныя дѣйствія; онъ оставилъ Азовъ и согласился на новое исправленіе границъ, котораго требовали турки; но онъ упорно обманывалъ ихъ относительно количества находящихся подъ Варшавой людей и, въ концѣ концовъ, добился того, къ чему стремился: отказавшійся оставить Бендеры Карлъ, послѣ извѣстной, безумно смѣлой выходки, былъ арестованъ и заключенъ въ замокъ Тимурганъ, принадлежавшій

*) Соловьевъ. т. XVI, стр. 104.

султану и находившійся близъ Демопики. Героической вояка потерялъ въ этомъ приключеніи четыре пальца, конецъ уха, кончикъ носа и лишился возможности продолжать свою воинственную пропаганду въ Турціи.

III.

Петръ полагалъ теперь, что будетъ въ состояніи окончить войну со Швеціей. Источеніе страны, безпорядокъ въ финансахъ властно требовали этого. Къ несчастью, онъ не принималъ въ расчетъ пріобрѣтенныхъ имъ союзниковъ.

Въ сентябрѣ 1712 года, предпринятая сообща, осада Штральзунда только возбудила общественное мнѣніе Европы; русскіе, датчане и саксонцы проводили время въ спорахъ и грабежахъ окрестныхъ областей. Такъ какъ окончаніе войны за испанское наслѣдство заставляло опасаться вмѣшательства Англіи, Голландіи и Австріи въ дѣла Сѣвера, то Петръ послалъ князя Куракина въ Гаагу, поручивъ ему добиться гарантій его пріобрѣтеній въ Швеціи, въ обмѣнъ за помощь противъ Франціи; русскаго посла встрѣтили довольно холодно; поведеніе союзниковъ въ Помераніи не располагало къ совмѣстнымъ съ ними дѣйствіямъ. Годъ закончился полнѣйшимъ пораженіемъ саксонско-датской арміи, преслѣдовавшей въ Мекленбургѣ послѣдній шведскій отрядъ, продолжавшій кампанію подъ начальствомъ Стенбока.

Слѣдующій годъ не былъ болѣе счастливымъ. На Утрехтскомъ конгрессѣ выяснилась возможность сближенія между Англіей и Франціей; Петръ отправился въ Ганноверъ, чтобы втянуть курфюрста въ свои интересы. Онъ добился отъ него только нѣсколькихъ любезныхъ словъ. Царь обратился къ Пруссіи, гдѣ въ это время умеръ король Фридрихъ I. Пруссія издавна слѣдовала системѣ, которую вкратцѣ можно выразить такъ: ничего не дѣлать и стараться получить что-нибудь! Предоставимъ другимъ драться и, пользуясь замѣшательствомъ, присваивать часть добычи.

Пруссія приняла предложенный ей Эльбингъ и не дала взамѣнъ ничего, кромѣ довольно неопредѣленныхъ обѣщаній.

Кромѣ того, она уже тогда требовала того, что впоследствии совершилъ Фридрихъ Великій: немедленнаго раздѣла Польши *).

Посѣщеніе новаго короля Фридриха Вильгельма дало Петру возможность убѣдиться въ томъ, что переменна царствования совершенно не измѣнила въ этомъ отношеніи политическихъ принциповъ Пруссіи.

Вернувшись въ Петербургъ въ мартѣ 1713 года, Петръ рѣшился лично нанести ударъ, напавши на Финляндію, эту „мать-кормилицу Швеціи“, какъ онъ ее называлъ **). Событія показали, что полезнѣе всего для него было самому устраивать свои дѣла. Або, главный городъ страны, былъ взятъ въ августѣ, почти безъ сопротивленія; въ октябрѣ Апраксинъ и Голицынъ разбилъ шведовъ при Таммерфорсѣ. Въ Германіи, наоборотъ, кампанія 1713 года была удачна только для Пруссіи. Запертый въ Теннингенѣ, Стенбокъ былъ принужденъ сдаться Меншикову и союзникамъ; затѣмъ послѣдовала сдача Штеттина; пока побѣдители спорили изъ-за выгодъ, данныхъ побѣдой, Пруссія, отказавшаяся дать осаждающимъ свою артиллерію и помочь взять городъ, великодушно согласилась примирить ихъ, введя въ городъ свой гарнизонъ; договоръ секвестра, помогшій ей въ этомъ, включалъ также Рюенъ, Штральзундъ, Висмаръ, всю Померанію. Правда, въ знакъ признательности, король Вильгельмъ объявилъ, что готовъ „отдать свою кровь за царя и его наслѣдниковъ“ ***).

Мало удовлетворенная этимъ вознагражденіемъ Данія, протестовала, требовала гарантій противъ честолюбивыхъ стремленій Пруссіи, Голштиніи и Россіи и дала доказательство своего раздраженія, отказавшись отъ соглашенія съ Ганноверомъ, посредствомъ котораго Петръ надѣялся добиться поддержки Англіи, такъ какъ, послѣ смерти королевы Анны, на англійскій престолъ вступилъ курфюрстъ Георгъ.

Въ 1714 году царь одинъ ведетъ войну на сушѣ и на морѣ и счастье продолжаетъ улыбаться ему. Послѣ взятія

*) Droysen, Geschichte d. Preussischen Politik, IV, partie, 1-re division, стр. 340.

**) Письмо къ Апраксину, 30 октября 1712 г.

***) Соловьевъ, т. XVIII, стр. 24.

Нейшлота, которымъ закончилось завоеваніе Финляндіи, онъ лично разбилъ (25 іюля) шведскій флотъ, между Гельсингфорсомъ и Або, взялъ въ плѣнъ контръ-адмирала Эренсхольда, завладѣлъ Аландскими островами и, возвратившись въ „свой Парадизъ“, послѣ цѣлаго ряда торжествъ, получилъ въ награду чинъ вице-адмирала, который поднесъ ему Сенатъ.

Но въ ноябрѣ, въ Штральзундѣ неожиданно появился Карлъ. Тамъ его встрѣтилъ правитель Любека, регентъ Голштиніи, правившій во время несовершеннолѣтія Карла-Фридриха.

Этотъ послѣдній, сынъ сестры Карла XII, считался тогда за вѣроятнаго наслѣдника шведской короны. Пока что, датчане захватили его голштинское наслѣдство и, повидимому, не хотѣли выпускать его изъ рукъ. Одинъ только Карлъ XII, казалось, могъ помѣшать имъ въ этомъ. Неожиданное появленіе Карла въ Штральзундѣ еще болѣе должно было осложнить продолжительный и, страшно запутанный, скверный кризисъ. Правителя Любека сопровождалъ его министр, сдѣлавшійся въ скоромъ времени любимцемъ и главнымъ совѣтникомъ шведскаго короля. Какъ и почему? Это трудно опредѣлить, потому что въ этомъ человѣкѣ не было ничего располагающаго въ его пользу. Онъ обладалъ зловѣщей наружностью, его обвиняли въ самыхъ отвратительныхъ злодѣяствахъ, или, по крайней мѣрѣ, считали способнымъ на нихъ.

Когда, нѣсколько времени спустя, онъ вмѣшался въ переговоры, которые должны были дать миръ Европѣ, французскій посоль въ Гаагѣ, Шатопефъ, сокрушался о томъ, что ему придется имѣть дѣло съ человѣкомъ, „въ честности котораго можно съ большимъ основаніемъ сомнѣваться“.

Стангонъ называлъ его негодяемъ и обвинялъ въ томъ, что онъ продался Императору. Антипатичный и казавшійся всѣмъ подозрительной личностью, онъ вызывалъ у всѣхъ недовѣріе и ужасъ. Звали его баронъ Герцъ.

Въ началѣ 1715 года, дѣло союзниковъ приняло, какъ будто, лучший оборотъ. Такъ какъ Данія соглашалась уступить Ганноверу Бременъ и Верденъ, а Пруссія дѣлала видъ, что принимаетъ посредничество Франціи между ней и Швеціей, то король Георгъ, какъ курфюрстъ Ганноверскій, принужденъ

былъ объявить войну шведамъ. Скоро все снова перепуталось и пошло вкривь и вкось. Данія потребовала содѣйствія англійскаго флота; курфюрстъ не могъ и не хотѣлъ допустить этого; англійскій флотъ остался въ своихъ портахъ; датская армія—на своихъ стоянкахъ. Въ маѣ къ союзу пристала Пруссія, желая положить руку на Штральзундъ, откуда Карлъ XII бѣжалъ передъ сдачей. Петръ, задержавшійся въ Польшѣ, не могъ принять участія въ осадѣ и былъ этимъ очень недоволенъ. Онъ намѣревался паверстать потерянное, водворивъ въ Германію свою племянницу Катерину Ивановну; онъ собирался выдать ее замужъ за герцога Мекленбургскаго, Карла-Леопольда и, отнявъ у шведовъ, дать въ приданое ей мекленбургскіе города: Висмаръ и Варнемюнде. Въ апрѣлѣ 1716 года Висмаръ, дѣйствительно, сдался союзникамъ, но они не позволили русскому отряду, во главѣ съ Репнинымъ, войти туда. Петръ оказалъ еще одну услугу прусскому королю.

Въ слѣдующее лѣто онъ получилъ лестное для его самолюбія вознагражденіе.

Въ августѣ, на суднѣ собственной работы „Ингерманландія“, царь произвелъ смотръ русской, датской, голландской и англійской эскадрамъ, соединившимся подъ его командой на копенгагенскомъ рейдѣ. Англія и Голландія присутствовали тамъ только для парада, но произошло соглашеніе относительно совмѣстнаго дѣйствія русскаго и датскаго флотовъ въ Сканін, и присутствіе другихъ флотовъ, хотя бы чисто демонстративное, давало союзникамъ сильную моральную поддержку. Соглашеніе разстроилось, къ несчастью, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда должны были начаться дѣйствительныя совмѣстныя дѣйствія. Обѣ стороны взаимно подозревали и обвиняли другъ друга въ намѣреніяхъ, несомнѣстимыхъ съ предполагаемымъ предпріятіемъ. Напрасно Петръ проявилъ столько инициативы и энергіи, то мчась въ Штральзундъ, чтобы ускорить прибытіе задержавшихся датскихъ транспортовъ, то принимая участіе въ опасныхъ рекогносцировкахъ, производимыхъ подъ огнемъ непріятельскихъ батарей. Ядро пробило его шляпку „Принцессу“. Наступилъ сентябрь; дѣла оставались въ прежнемъ положеніи; русскій главный штабъ единодушно заявилъ, что предпріятіе не-

обходимо отложить до слѣдующаго лѣта. Союзники сейчас же вознегодовали; слышались обвиненія; говорили, что Петръ сбросилъ маску, что онъ стоворился со шведами о раздѣлѣ Помераніи и Мекленбурга, что онъ явился въ Германію только для этого, что, можетъ быть, онъ имѣеть даже виды на Копенгагенъ. Столица была защищена; горожанамъ раздавали оружіе. Наиболѣе раздражительнымъ показалъ себя Ганноверъ; ему было настолько непріятно водвореніе русской царевны въ Германіи, что онъ предложилъ царю союзъ съ Англіей и, дѣйствительное содѣйствіе англійскаго флота, требуя только, чтобы царь отказался отъ предполагаемаго брака въ Мекленбургѣ. Утверждаютъ, что король Георгъ хотѣлъ даже послать адмиралу Норрису приказъ: захватить русскаго государя и потопить его эскадру*). Станхонъ, которому дано было это порученіе, увѣряетъ, что онъ сообщилъ о немъ своимъ сотоварищамъ-министрамъ и далъ государю время успокоиться. Петръ почувствовалъ отвращеніе къ своимъ союзникамъ. Онъ приказалъ войскамъ очистить Данію черезъ Роштокъ; Шереметевъ съ главной частью арміи водворился въ Мекленбургѣ, а самъ Петръ отправился въ Амстердамъ, куда звалъ его Герцъ. Герцъ открылъ передъ глазами царя новые горизонты.

IV.

Герцъ, прежде чѣмъ сдѣлаться министромъ Карла, состоялъ на службѣ у герцога Голштинскаго и старался спасти интересы своего господина во время кризиса, когда счастье его, казалось, должно было рухнуть вмѣстѣ со счастьемъ шведскаго короля. Герцъ велъ переговоры съ Пруссіей, Ганноверомъ и польскимъ королемъ, стараясь обезпечить Голштиніи хоть какую-нибудь часть наслѣдства, оставленнаго великимъ побѣжденнымъ; велъ переговоры и съ царемъ, склоняя его выдать московскую царевну замужъ за герцога

*) Manon, Hist. of England, т. I, стр. 338; Droysen, loc. cit, стр. 174; Соловьевъ, т. XVII, стр. 64.

Голштинскаго и возвести послѣдняго на шведскій престоль. Такимъ образомъ, онъ уже заранѣе измѣнилъ своему господину и, благодаря своему образу дѣйствій, приобрѣлъ самую скверную репутацію въ Европѣ. Однако, когда союзники, выпроводивъ его изъ Даніи, занялись голштинскими дѣлами, онъ съ полной искренностью обратился къ вернувшемуся изъ Турціи шведскому королю. Искать спасенія Голштиніи въ торжествѣ шведскаго короля; стараться для этого уменьшить число враговъ короля, изолировать Данію, бросить претендента къ ногамъ Георга Ганноверскаго и послѣ этого начать переговоры съ царемъ, или даже съ Пруссіей, пользуясь посредничествомъ Франціи, — таковъ былъ планъ, избранный Герцомъ.

Петръ, пріѣхавъ въ Голландію, гдѣ Герць находился съ мая 1716 года, относился очень внимательно къ его внушеніямъ. Шотландскій докторъ Эрескинсъ, сторонникъ претендента, котораго Герць приблизилъ къ Петру, вліялъ на царя въ одномъ съ нимъ направленіи.

Содѣйствіе Франціи, казалось, было обезпечено: планъ Герца, въ сущности, только выдѣлилъ основную идею француско-шведскаго договора (13 апрѣля 1715). По этому договору Франція обязалась поддерживать Карла XII въ его стремленіяхъ вернуть свои владѣнія по ту сторону Балтійскаго моря и герцога Гольштейнъ - Готторнскаго въ его требованіяхъ. Такимъ образомъ, идея Герца была, очевидно, французской марки, и марки хорошей: Людовика XIV и Торси*). Для великаго короля и его министровъ важно было спасти отъ полнаго разрушенія систему союзовъ, которая въ теченіе вѣковъ обезпечивала Франціи возможность ея предпріятій въ центральной Европѣ. Ослабленіе Турціи и Польши, удары, нанесенные Россіей Швеціи, подрыли основаніе этого зданія. Мысль построить его снова, изъ новыхъ матеріаловъ, обратиться за помощью къ Россіи, еще не созрѣла, и нужно было еще очень много времени, чтобы она восторжествовала надъ духомъ рутины и естественной привязанностью къ старымъ

*) Syvetan, loc. cit., 1895, стр. 418.

почтеннымъ традиціямъ. До этого идея Герца указывала на довольно удобный выходъ изъ создавшагося положенія.

Отъ іюля до ноября 1716 года, Гаага была центромъ оживленнѣйшихъ переговоровъ. Герць, баронъ Спарре, шведскій посланникъ въ Парижѣ, генераль Ранкъ—шведъ, служившій курфюрсту гессенскому, Понятовскій, преданный другъ Карла XII, вели переговоры съ Куракинымъ, съ Дюбуа, котораго регентъ прислалъ изъ Парижа, съ пенсіонаріемъ Гейнзіусомъ *). Петръ относился все хуже и хуже къ своимъ нѣмецкимъ союзникамъ. Сопровождавшая его Екатерина принуждена была остановиться въ Везелѣ и произвела тамъ на свѣтъ (2 января 1717) царевича Павла, который умеръ черезъ нѣсколько дней. Дурной исходъ родовъ Петръ приписывалъ дурному обращенію, которому подверглась Екатерина, проѣзжая черезъ Ганноверъ. Ея кучеръ былъ избитъ. Къ несчастью, Дюбуа явился въ Голландію не для того, чтобы поддерживать Герца; онъ преслѣдовалъ иную цѣль. Людовикъ XIV уже умеръ. Руководство французской политикой было отнято у Торси, и регентъ отправлялъ Дюбуа съ порученіемъ, встрѣтятся съ Станхономъ, выяснить вопросъ, заслонившій отъ него на нѣкоторое время всѣ другія политическія соображенія и расчеты; вопросъ этотъ касался наслѣдованія регента великому королю!

Это роковое совпаденіе было причиной неудачи Герца. Петръ, понявъ, что на Францію рассчитывать нельзя, попытался сблизиться съ Англіей. Но въ февралѣ 1717 года шведскій посланникъ въ Лондонѣ, Гилленборгъ, былъ арестованъ по обвиненію въ соглашеніи съ претендентомъ; русскій резидентъ Веселовскій былъ также запутанъ въ этомъ дѣлѣ. Петръ послалъ ему на помощь Куракина съ предложеніемъ выгоднаго торговаго союза, который долженъ былъ служить предварительнымъ условіемъ союза политическаго. Но ему прежде всего поставили условіемъ очищеніе Мекленбурга. Петръ понялъ, что англійскій король и ганноверскій курфюрстъ стоворились удалить его изъ Германіи

*) Uhlenbeck, Recherches dans les archives russes pour l'Hist. des rebatons entre la Russie et les Pays-Bas, Гаага, 1891, стр. 192. Шельтана, La Russie et les Pays-Bas, т. III, стр. 323 и сл.

и съ Балтійскаго моря. Онъ снова обратился къ Франціи, и въ мартѣ 1717 года рѣшилъ лично попытать тамъ счастья. Изъ Берлина онъ получилъ благопріятныя вѣсти: Пруссія, казалось, была расположена выступить посредницей къ соглашенію и даже принять въ немъ участіе. Я буду позднѣй говорить подробнѣй о пребываніи царя на берегахъ Сены и о томъ, какой успѣхъ имѣли его личныя дипломатическія попытки. Успѣхъ этотъ былъ невеликъ. Вернувшись въ Амстердамъ, сановники, сопровождавшіе царя въ Парижъ: Головкинъ, Шафировъ и Куракинъ подписали съ Шатопюфомъ (отъ Франціи) и Книппхаузеномъ (отъ Пруссіи) договоръ, главная суть котораго заключалась въ принятіи французскаго посредничества для приведенія къ концу Сѣверной войны. Идея Герца, такимъ образомъ, восторжествовала. Антипатичный дипломатъ завоевалъ личную симпатію царя. Петръ согласился дать ему тайное свиданье въ замкѣ Лоо и безъ колебаній принялъ его планы. Поручивъ ему сдѣлать предложеніе о заключеніи мира съ Карломъ, царь обязался прекратить на три мѣсяца военныя дѣйствія; Герцъ поѣхалъ въ Ревель съ вѣрительными грамотами государя, имѣя ввиду отправиться оттуда на свиданіе со своимъ господиномъ, въ Швецію. Послѣдствія этой новой дипломатической путаницы скоро обнаружались. Въ январѣ 1718 года Петербургъ привлекъ вниманіе политическаго міра Европы: начальникъ артиллеріи Брюсъ и совѣтникъ канцлера Остерманъ готовились къ отъѣзду. Голландскій резидентъ де-Би замѣтилъ, что Брюсъ приказалъ уложить „новое, богатое платье и серебряную посуду“. Онъ былъ извѣстенъ какъ очень экономный человѣкъ, и потому эта роскошь показалась подозрительной. На скромные вопросы ганноверскаго резидента Вебера Остерманъ отвѣтилъ, „раздраженно и съ горечью“, что ихъ посылаютъ произвести рядъ смотровъ и ревизій. Это, однако, не успокоило Вебера *). Въ маѣ Европа поняла все: Брюсъ и Остерманъ, со стороны Россіи, Герцъ и Гилленбургъ, со стороны Швеціи, съѣхались на Аландскихъ островахъ, чтобы вести переговоры о мирѣ. Чтобы положить ко-

*) Де-Би—Гейнзіусу, 21 янв. 1718 г. Гаагскій архивъ.

нецъ спорамъ о первенствѣ, уничтожили перегородку, раздѣлявшую двѣ комнаты, и поставили столъ посерединѣ. Труднѣй было сговориться о предметѣ совѣщанія. Герцъ требовалъ *statu quo aute*, т.-е. отказа Россіи отъ всѣхъ завоеваній въ Швеціи, а Петръ соглашался только очистить Финляндію; стороны были далеки отъ соглашенія. Царь предлагалъ, обнаруживая большую щедрость, возмѣстить Швецію насчетъ нѣмецкихъ владѣній англійскаго короля, причемъ, конечно, предоставлялъ ей самостоятельно удержать за собой эти владѣнія. Онъ обѣщалъ, правда, помочь ей, и, въ случаѣ необходимости, поддерживать дѣло претендента въ Англіи.

Шведы, казалось, не были увлечены этими перспективами, и царь посовѣтовалъ своимъ уполномоченнымъ попытаться подкупить ихъ. Гилленборгъ не отказался бы, конечно, отъ нѣсколькихъ сотъ десятииъ хорошей земли въ Россіи; но ему передали, что ганноверцы подкупили, со своей стороны, шведскаго министра Миллера; онъ наивно возмутился этимъ *). Распространившіеся слухи о народномъ возмущеніи въ Россіи, вызванномъ процессомъ царевича Алексѣя, упорство Карла XII, надежды котораго снова проснулись, трудность отвоеванія Штеттина у Пруссіи,—все это создало серьезныя препятствія, мѣшавшія быстрому соглашенію; катастрофа въ Фредериксгалцѣ положила копецъ переговорамъ. Карлъ былъ убитъ (10 декабря 1718 г.).

Герца обвинили въ соумышленіи съ Россіей въ ущербъ шведскимъ интересамъ и заключили въ тюрьму. По приказанію Ульрики-Элеоноры, вышедшей замужъ за наследнаго принца Гессенъ-Кассельскаго, Фридриха, и получившей наследство, оставленное братомъ, онъ былъ отданъ подъ судъ и казнень. Великій сѣверный кризисъ вступилъ въ новую фазу.

V.

Переговоры на Аландскихъ островахъ возобновились. Баронъ Лиліенштедтъ замѣнилъ Герца; Петръ прислалъ Ягужинъ-

*) Письмо Куракину 27 сентября 1718 г. Архивъ Куракина, т. 1, стр. 4.

скаго съ болѣе заманчивыми предложеніями: русскіе соглашались оставить даже Ливонію. Эти предложенія оказались недостаточными, и царь пустилъ въ ходъ крайнія мѣры: въ іюлѣ 1719 года огромный русскій флотъ, въ составъ котораго входило 30 кораблей, 130 галеръ и 100 мелкихъ судовъ, произвелъ высадку на шведскомъ берегу; проникнувъ внутрь страны, генералъ-майоръ Ласси сжегъ тамъ 135 селеній и много мельницъ, складовъ и заводовъ. Казачкій отрядъ подошелъ къ столицѣ на разстояніе полутора лье. Но героическая тѣнь Карла витала надъ его родиной. Правительство и народъ мужественно встрѣтили это испытаніе. Когда Остерманъ явился въ Стокгольмъ въ качествѣ парламентаря, принцъ Гессенъ-Кассельскій и президентъ сената Кронгельмъ заявили ему, что они готовы помочь русскимъ войскамъ при высадкѣ на берегъ, потому что стремятся къ рѣшительной встрѣчѣ, которая должна покончить споръ. Въ это же время уступка Бремена и Вердена Ганноверу доставила Улриккѣ-Элеонорѣ поддержку Англии.

Вѣнскій дворъ не поладилъ съ петербургскимъ изъ-за дѣла царевича Алексѣя и, изъ зависти къ Пруссіи, сталъ проявлять старую склонность къ Швеціи. Въ іюлѣ 1720 г., состоялось, подъ влияніемъ лондонскаго кабинета, примиреніе Даніи со Швеціей, при чемъ Швеція должна была уплатить 6,000 дукатовъ и отказаться взимать плату за проѣздъ черезъ Зундъ, а Данія возвращала всѣ свои пріобрѣтенія въ Помераніи и Норвегіи. Въ Гаагѣ Куракинъ былъ принужденъ искать поддержку у Испаніи, а французскій резидентъ ла-Ва писалъ изъ Петербурга:

„Безпокойныя движенія царя въ соединеніи съ припадками, которымъ онъ подверженъ, служатъ признаками сильной страсти, волнующей его. Правильный ходъ жизненныхъ отклоненій нарушенъ безсопницей, которая совершенно не даетъ ему покоя, и тѣ, кто находится возлѣ него, распространяютъ слухъ, желая скрыть слишкомъ очевидный поводъ къ этому беспокойству, что причиной его являются галлюцинаціи, преслѣдующія царя“ *).

*) 6 іюня 1719, Мин. Ин. Д. во Франціи.

Причина этого безпокойства заключалась въ томъ, что Петръ увидѣлъ результаты своихъ двадцатилѣтнихъ усилій— въ опасности, благодаря отступничеству союзниковъ; съ которыми онъ перазумно связалъ свою судьбу и которые думали только о томъ, чтобы отнять у него награду за его побѣды; душа, его истощеннаго народа, изнемогшаго въ безконечной войнѣ, вопіяла къ царю. Вотъ къ чему привели Петра связи съ европейскими державами, его попытка вести совмѣстно крупную политику, пышная обстановка и традиціонный блескъ дипломатіи западной Европы, такъ привлекавшія его!

У великихъ державъ, на его счастье, было больше желанія заставить его расплатиться за неблагоразуміе и самолюбіе, чѣмъ средствъ дѣйствительно сдѣлать это. Въ маѣ 1720 г. англійская эскадра, подъ начальствомъ Норриса, подошла къ Ревелю съ угрожающими намѣреніями. Она соединилась со шведскимъ флотомъ, но ограничилась только тѣмъ, что сожгла избу и баню, построенныя рабочими на сосѣднемъ островкѣ. Въ это же время русскій бригадиръ Менгденъ произвелъ новую высадку на шведскомъ берегу и сжегъ 1026 крестьянскихъ домовъ. „Потеря, которую два соединенные флота произвели на островѣ Наргенѣ“,—пишетъ Меншиковъ по этому поводу царю,—„очень чувствительна. Но, принявши все во вниманіе, можно махнуть на нее рукой, оставивши избу на долю шведскаго флота, а баню—на долю англійскаго“ *).

Настала очередь Франціи появиться на міровой сценѣ; но ея болѣе дѣйствительное вмѣшательство произошло совершенно мирнымъ образомъ и было одинаково благотворно для обѣихъ странъ, жаждавшихъ мира. Въ 1721 году Франція добилась новаго сѣзда русскихъ и шведскихъ уполномоченныхъ въ Ништадтѣ. Кампредонъ, ѣздившій незадолго до этого, съ согласія царя, изъ Петербурга въ Стокгольмъ, подготовилъ почву. Со стороны Швеціи упорно добивались исключенія изъ соглашенія герцога Голштинскаго, съ которымъ Петра связывали опрометчиво данныя обязательства. Герцогъ сдѣлался, послѣ смерти своего дяди, законнымъ наслѣдникомъ шведской короны, и Петръ вздумалъ воспользоваться его непризнан-

*) Соловьевъ, т. XVII, стр. 269.

ными правами, чтобы привлечь выгоды для русской политики. Карль-Фридрихъ явился въ июнѣ 1720 г. по приглашенію Петра въ Петербургъ, гдѣ встрѣтилъ очень любезный пріемъ; ему была обѣщана, почти предложена, рука царевны Анны, дочери Петра. Екатерина, какъ говорятъ, публично заявила, что „она счастлива сдѣлаться тещей государя, подданной котораго она могла бы быть, если бы счастье не измѣнило Швеціи“ *).

Правда, традиціи византійской школы такъ же, какъ и традиціи школы западной, научили русскаго государя не стѣсняться обѣщаніями, и онъ, не задумываясь, выбросилъ за бортъ злополучнаго герцога съ его правами, притязаніями и надеждами. 3 сентября 1721 г. въ Выборгъ явился гонецъ, привезшій царю пзвѣстіе о заключеніи мира. Ливонія, Эстонія, Ингрія, часть Карелія съ Выборгомъ и часть Финляндіи отходили къ Россіи за вознагражденіе въ два милліона флориновъ. Со стороны Россіи—Польша, а со стороны Швеціи—Англія были включены въ договоръ. О герцогѣ Голштинскомъ не упоминалось.

Совершилась великая эволюція Московской державы, кончился восточный и континентальный періодъ ея исторіи, начался періодъ западный и морской. Новый факторъ появился въ жизни Европы и началъ играть все большую и большую роль въ ея судьбахъ. Петръ закончилъ свой тяжелый трудъ, закончилъ періодъ своего страшнаго ученичества. Онъ могъ прислушиваться къ радости своего народа, утомленнаго, истощеннаго, доведеннаго до отчаянія народа, который, однако, несмотря ни на что, до конца шелъ за нимъ и раздѣлилъ теперь его, бьющую черезъ край, радость и чувство огромнаго значенія. Петръ вернулся въ Петербургъ. Онъ плылъ вверхъ по Невѣ при непрестанныхъ звукахъ трубъ и стрѣльбѣ изъ трехъ пушекъ на его яхтѣ. Толпа собралась у Троицкой пристани; она издали увидала царя, стоявшаго на носу судна и размахивавшаго платкомъ, съ крикомъ: „Миръ! Миръ!“ Онъ выскочилъ на берегъ и, легко, какъ въ юности, подпрыгивая,

*) Соловьевъ, т. XVII, стр. 269.

Причина этого безпокояства заключалась въ томъ, что Петръ увидѣлъ результаты своихъ двадцатилѣтнихъ усилій— въ опасности, благодаря отступничеству союзниковъ; съ которыми онъ неразумно связалъ свою судьбу и которые думали только о томъ, чтобы отнять у него награду за его побѣды; душа, его истощеннаго народа, изнемогшаго въ безконечной войнѣ, вопіяла къ царю. Вотъ къ чему привели Петра связи съ европейскими державами, его попытка вести совмѣстно крупную политику, пышная обстановка и традиціонный блескъ дипломатіи западной Европы, такъ привлекавшія его!

У великихъ державъ, на его счастье, было больше желанія заставить его расплатиться за неблагоразуміе и самолюбіе, чѣмъ средствъ дѣйствительно сдѣлать это. Въ маѣ 1720 г. англійская эскадра, подъ начальствомъ Норриса, подошла къ Ревелю съ угрожающими намѣреніями. Она соединилась со шведскимъ флотомъ, но ограничилась только тѣмъ, что сожгла избу и баню, построенныя рабочими на сосѣднемъ островкѣ. Въ это же время русскій бригадиръ Менгенъ произвелъ новую высадку на шведскомъ берегу и сжегъ 1026 крестьянскихъ домовъ. „Потеря, которую два соединенные флота произвели на островѣ Наргенѣ“,—пишетъ Меншиковъ по этому поводу царю,—„очень чувствительна. Но, принявши все во вниманіе, можно махнуть на нее рукой, оставивши избу на долю шведскаго флота, а баню—на долю англійскаго“ *).

Настала очередь Франціи полвиться на міровой сценѣ; но ея болѣе дѣйствительное вмѣшательство произошло совершенно мирнымъ образомъ и было одинаково благотворно для обѣихъ странъ, жаждавшихъ мира. Въ 1721 году Франція добилась новаго сѣзда русскихъ и шведскихъ уполномоченныхъ въ Ништадтѣ. Кампредонъ, ѣздившій незадолго до этого, съ согласія царя, изъ Петербурга въ Стокгольмъ, подготовилъ почву. Со стороны Швеціи упорно добивались исключенія изъ соглашенія герцога Голштинскаго, съ которымъ Петра связывали опрометчиво данныя обязательства. Герцогъ сдѣлался, послѣ смерти своего дяди, законнымъ наслѣдникомъ шведской короны, и Петръ вздумалъ воспользоваться его непризнан-

*) Соловьевъ, т. XVII, стр. 269.

ными правами, чтобы привлечь выгоды для русской политики. Карль-Фридрихъ явился въ юнѣ 1720 г. по приглашенію Петра въ Петербургъ, гдѣ встрѣтилъ очень любезный пріемъ; ему была обѣщана, почти предложена, рука царевны Анны, дочери Петра. Екатерина, какъ говорятъ, публично заявила, что „она счастлива сдѣлаться тещей государя, подданной котораго она могла бы быть, если бы счастье не измѣнило Швеціи“ *).

Правда, традиціи византійской школы такъ же, какъ и традиціи школы западной, научили русскаго государя не стѣсняться обѣщаніями, и онъ, не задумываясь, выбросилъ за бортъ злополучнаго герцога съ его правами, притязаніями и надеждами. 3 сентября 1721 г. въ Выборгъ явился гонецъ, привезшій царю извѣстіе о заключеніи мира. Ливонія, Эстонія, Ингрія, часть Кареліи съ Выборгомъ и часть Финляндіи отходили къ Россіи за вознагражденіе въ два милліона фряковъ. Со стороны Россіи—Польша, а со стороны Швеціи—Англія были включены въ договоръ. О герцогѣ Голштинскомъ не упоминалось.

Совершилась великая эволюція Московской державы, кончился восточный и континентальный періодъ ея исторіи, начался періодъ западный и морской. Новый факторъ появился въ жизни Европы и началъ играть все большую и большую роль въ ея судьбахъ. Петръ закончилъ свой тяжелый трудъ, закончилъ періодъ своего страшнаго ученичества. Онъ могъ прислушиваться къ радости своего народа, утомленнаго, истощеннаго, доведеннаго до отчаянія народа, который, однако, несмотря ни на что, до конца шелъ за нимъ и раздѣлилъ теперь его, бьющую черезъ край, радость и чувство огромнаго значенія. Петръ вернулся въ Петербургъ. Онъ плылъ вверхъ по Невѣ при непрестанныхъ звукахъ трубъ и стрѣльбѣ изъ трехъ пушекъ на его яхтѣ. Толпа собралась у Троицкой пристани; она издали увидала царя, стоявшаго на носу судна и размахивавшаго платкомъ, съ крикомъ: „Миръ! Миръ!“ Онъ выскочилъ на берегъ и, легко, какъ въ юности, подпрыгивая,

*) Соловьевъ, т. XVII, стр. 269.

побѣжалъ въ церковь св. Троицы, гдѣ былъ сейчасъ же отслуженъ благодарственный молебенъ.

На площади передъ церковью былъ быстро устроенъ деревянный помостъ; на него втащили бочки съ пивомъ и водкой; Петръ, заплативъ долгъ благодарности Богу, взошелъ на помостъ, въ горячихъ словахъ разсказалъ толпѣ о великомъ событіи и, быстро осушивъ стаканъ водки, подавъ знакъ къ началу радостныхъ возліяній *).

Морскіе офицеры, явившіеся къ нему, просили его принять званіе адмирала, которое должно было какъ бы освятить новую роль царя и новое, завоеванное для страны ея вождемъ, мѣсто на Балтійскомъ морѣ. Петръ охотно согласился. Сенатъ, въ свою очередь, преподнесъ ему три титула: „Отецъ отечества, Петръ Великій и Императоръ“. Онъ колебался. И онъ самъ и его предшественники уже дѣлали попытки въ этомъ направленіи. Уже въ XVI вѣкѣ появилась въ Россіи претензія считать титулъ „царь“ равносильнымъ титулу „Kaiser“ и „Cesar“ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стремленіе отрицать азіатское происхожденіе государства, склонявшася къ европеизаціи. Слово „царь“, которымъ называли сначала татарскихъ князей Казани, соотвѣтствуетъ персидскому „sar“, англійскому „sir“ или французскому „sire“ и имѣетъ одинаковое съ ними значеніе. Въ договорѣ, заключенномъ между императоромъ Максимилианомъ и великимъ княземъ Василиемъ Ивановичемъ, московскій князь былъ названъ императоромъ, отчасти по ошибкѣ. Съ тѣхъ поръ установилось какое-то двухсмысленное положеніе; но еще въ 1711 году Куракинъ былъ принужденъ соскоблить въ письмахъ, адресованныхъ его повелителю королевой Анной, прилагательное „царское“, приданное къ „величеству“ полтавскаго побѣдителя. Раньше Петръ относился довольно безразлично къ этому политическому требованію, отъ котораго,—какъ онъ выражался на своемъ энергичномъ и образномъ языкѣ,—„плѣсенью отдавало“. Теперь онъ уступилъ, но съ ограниченіемъ: онъ будетъ называться „Императоромъ Всероссійскимъ“, но не „императоромъ Востока“, какъ предлагалъ сенатъ. Онъ сознавалъ трудности, которыя ему пред-

*) Шубинскій, Историческіе разсказы, стр. 31 п слѣд.

стояло преодолѣть, чтобы заставить Европу признать его новый титуль. Только Франція и Голландія сразу согласились признать его. Швеція согласилась на это только въ 1723 г. Турція—десять лѣтъ спустя, Англія и Австрія—въ 1742 г.; Франція и Испанія—въ 1745 г.; и, наконецъ, болѣе другихъ государствъ заинтересованная, Польша—только въ 1764 г., послѣ вступленія на престолъ Понятовскаго и накануне перваго раздѣла.

„Всероссійская Россія“, соединившая въ одно цѣлое области, въ продолженіи пяти вѣковъ подчиненныя европейской цивилизаціи, подъ гегемоніей Польши, окончательно совершила свое вступленіе въ исторію. На праздникѣ, устроенномъ по случаю принятія царемъ новаго титула, новый императоръ собственноручно пустилъ фейерверкъ, такъ какъ мастеръ, приставленный къ этому дѣлу, былъ мертвецки пьянъ. Царь пилъ чрезвычайно много и веселился больше, чѣмъ всѣ его подданные вмѣстѣ. На слѣдующій день, однако, онъ всталъ такъ же рано, какъ всегда, и снова принялся за работу. Миръ не принесъ ему покоя. Онъ понималъ, что, кромѣ матеріальныхъ выгодъ, составлявшихъ непосредственную пользу мира, изъ него можно извлечь также моральную пользу для народа, и сознавалъ также, что эта польза стоитъ дороже матеріальныхъ выгодъ, хотя значеніе ея трудно усчитать. Онъ хотѣлъ, чтобы двадцатилѣтняя борьба была школой „съ тройной продолжительностью суроваго обученія“, какъ онъ пишетъ въ одномъ изъ писемъ, извѣщавшихъ его друзей о счастливомъ событіи. Только знать — недостаточно. Необходимо сейчасъ же воспользоваться своими свѣдѣніями. Какъ? Опять начать войну?! А почему бы и нѣтъ. Петръ самъ не чувствовалъ усталости, потому не признавалъ усталости и своихъ подданныхъ. Его снова соблазнило военное предпріятіе, сулившее открыть передъ его глазами горизонты болѣе широкіе, чѣмъ тѣ, которые онъ увидѣлъ черезъ „прорубленное въ Европу окно“.

Даже у историка, слѣдующаго за нимъ, захватываетъ по временамъ духъ.

VI.

Стремясь раздвинуть границы своей имперіи и упрочить свое вліяніе на Западѣ, Петръ не упускалъ изъ виду и восточную границу. Въ 1691 году амстердамскій бургомистръ Николай Витзень, при посредствѣ голландскаго резидента въ Москвѣ, обратилъ вниманіе царя на важность установленія торговыхъ сношеній между Россіей и Персіей. Въ 1692 году путешествіе датчанина Избранда въ Китай сдѣлало эпоху въ знакомствѣ съ этой страной. Одинъ изъ самыхъ преданныхъ сотрудниковъ Петра по постройкѣ судовъ и проведенію каналовъ, англичанинъ Джонъ Перри, старательно изучалъ побережье Каспійскаго моря, гдѣ Астрахань, уже съ половины семнадцатаго вѣка сдѣлалась однимъ изъ центровъ торговыхъ сношеній съ Арменией и Персіей. Неоднократно возобновлявшіяся попытки завоевать рынки Пекина, гдѣ въ эту эпоху была уже построена русская церковь, остались, правда, безрезультатными. Посланный туда въ 1719 году, въ качествѣ посла, полковникъ Измайловъ столкнулся съ сопротивленіемъ іезуитовъ, уже довольно прочно тамъ укоренившихся*). Но эта неудача только укрѣпила Петра въ намѣреніи пробить въ другомъ мѣстѣ дорогу на Дальній Востокъ. Если не Китай, то Индія — думалъ онъ. Мысль столкнуться тамъ съ англичанами и вытѣснить ихъ оттуда, конечно, еще не приходила ему въ голову. Онъ просто хотѣлъ получить свою часть изъ огромнаго запаса богатствъ, которыми хотѣли поживиться почти всѣ европейскія державы. Онъ намѣтилъ Хиву и Бухару, первые этапы на Аму-Дарьинскомъ пути, который долженъ былъ привести его въ Дели, откуда англичане не изгнали еще Великаго Могола. Русскіе купцы уже обслѣдовали эту дорогу. Послѣ несчастнаго похода 1711 года, искушеніе вернуться на Востокъ, на Каспійскомъ морѣ то, что потеряно на югѣ, на морѣ Чер-

*) Baer, Peters Verdienste um die Erweiterung d. geographischen Kenntnisse Beiträge sur Kenntniss d. Russ. Reichs, Спб., 1872, т. XVI, стр. 12—32.

помь, значительно усилилось. Въ 1713 году сообщеніе, сдѣланное туркменскимъ ходжа (hodja), приглашеннымъ въ Москву, еще болѣе возбудило желаніе монарха. Туркмень говорилъ, что на берегахъ Аму-Дарьи можно найти золото и что рѣку эту, впадавшую нѣкогда въ Каспійское море и отведенную, по преданію, въ Аральское море, можно возвратить въ ея первоначальное русло! Шведская война помѣшала организаціи сколько-нибудь значительной экспедиціи; но Петръ не могъ помириться съ этимъ и первый пустилъ въ дѣло систему дѣйствія „небольшими пачками“, которая оказалась роковой и для него, и для позднѣйшихъ завоевателей экзотическихъ странъ. Первый и очень слабый отрядъ, отправившійся въ походъ, подъ начальствомъ нѣмца Бергхольца (1714 г.) пошелъ по Сибирскому пути, наткнулся на калмыковъ и отступилъ. Въ 1718 году, князь Александръ Бекевичъ-Черкасскій, лучше снаряженный, съ четырьмя тысячами пѣхоты и 2,000 казаковъ достигъ Хивы, поочередно ведя переговоры и сражаясь; въ концѣ-концовъ, онъ и всѣ его товарищи были перебиты *).

Удачнѣе были попытки, направленные въ сторону Персін. Въ 1715 г. Артемій Петровичъ Волинскій, посланный ко двору шаха, вернулся оттуда съ торговымъ договоромъ и широко-задуманымъ планомъ экспедиціи. Назначенный въ 1720 году губернаторомъ въ Астрахань, онъ не переставалъ пропагандировать и готовить этотъ походъ. Планъ его и побудилъ Петра снова начать, едва ли не на другой день послѣ заключенія Ништадскаго мира, военныя дѣйствія и отвлекъ его отъ радостей „Парадиза“.

Въ этотъ моментъ положеніе Персін, казалось, само требовало вооруженнаго вмѣшательства. Вслѣдъ за лезгинами и казикумыками, набѣги которыхъ разорили въ теченіе 1721 г. нѣсколько русскихъ конторъ и причинили русскому купцу Евреннову убытковъ на 140,000 рублей, афганцы достигли самой Испагани. Если бы Россія не поторопилась, ее предупредила бы Турція, намѣревавшаяся возстановить порядокъ въ сосѣдней странѣ.

*) Edwards, (H. Sutherland) Russian projects against India. Лондонъ, 1885, стр. 1—30.

Петръ рѣшилъ: не желая упускать благоприятно сложившихся обстоятельствъ, и отвѣчая на энергичныя призывы астраханскаго губернатора, онъ поставилъ на ноги всю свою армію и лично сталъ во главѣ ея.

13 мая 1722 г. онъ оставилъ Москву. Его сопровождали: Толстой, Апраксинъ и Екатерина. 18 іюля онъ пустился въ море изъ Астрахани, съ 23,000 пѣхоты. Его кавалерія, численностью въ 9,000, и иррегулярныя войска (20,000 казачковъ, 30,000 татаръ, 30,000 калмыковъ) отправились сухимъ путемъ. Войска должны были соединиться на дорогѣ къ Дербенту. Что собирался дѣлать царь съ этой стотысячной арміей? Его планы оставались загадкой. Очень возможно, что, устраивая нѣчто противоположное своимъ прежнимъ военнымъ демонстраціямъ на Востокъ, онъ еще разъ позволилъ капризу увлечь себя. Онъ еще разъ обнаружилъ странное легкомысліе, свойственное его характеру и уживающееся съ самыми положительными чертами его характера и ума. 23 августа, послѣ незначительной стычки съ войсками султана Утемиша, Петръ совершилъ торжественный въѣздъ въ Дербентъ, куда сенаторы прислали ему поздравленіе, побуждая его итти впередъ по стопамъ Александра“. Но новый Александръ очень скоро былъ принужденъ повернуть назадъ. Его войска, какъ за 11 лѣтъ до этого въ Молдавіи, подвергались опасности умереть съ голоду. Транспорты съ провіантомъ потонули въ Каспійскомъ морѣ. Его кавалерія принуждена была спѣшиться за неимѣніемъ фуража; лошади падали тысячами. Царь оставилъ маленькій гарнизонъ въ Дербентѣ, положилъ на мѣстѣ слянія рѣкъ Сулака и Аграхани первый камень крѣпости, которая должна была носить имя крѣпости св. Креста, и вернулся въ Астрахань. Было что-то жалкое въ его пышномъ возвращеніи*).

Онъ еще разъ искупилъ свою ошибку основнымъ свойствомъ своего генія: настойчивостью.

Онъ вернулся къ „системѣ небольшихъ пачекъ“ и въ слѣдующемъ году послалъ отрядъ, во главѣ съ полковникомъ

*) Соловьевъ, т. XVIII, стр. 40—50.

Шиповымъ, который занялъ нѣсколько персидскихъ мѣстечекъ; другой отрядъ, подъ начальствомъ генераль-майора Матюшкина, занялъ Баку,—городъ, разсматривавшійся русскимъ главнымъ штабомъ, какъ ключъ позиціи для этихъ областей; въ то же время Петръ заставилъ дѣйствовать свою дипломатію. Въ Испани полковникъ Абрамовъ старался, по приказу царя, объяснить персамъ, что онъ хочетъ только помочь имъ противъ взбунтовавшихся племенъ; 12 сентября 1723 г. Исманъ-Бей подписалъ въ Петербургѣ договоръ, по которому Россія получала всю приморскую полосу Каспійскаго моря, съ Дербентомъ, Баку, провинціями Гилянъ, Мазандеранъ и Астрабадъ, въ обмѣнъ на неопредѣленное обѣщаніе помощи противъ возставшихъ. Въ маѣ слѣдующаго года Петръ рѣшилъ улучшить состояніе своихъ новыхъ пріобрѣтеній и извлечь изъ нихъ бѣльшую пользу. Онъ составилъ для Матюшкина подробнѣйшую инструкцію о пересылкѣ въ Петербургъ мѣстныхъ продуктовъ: керосина, сахара, сушеныхъ фруктовъ и лимоновъ.

Это называется быстро итти впередъ.

Князь Борисъ Мещерскій, отправившійся въ Испанію въ апрѣлѣ 1724 года для утвержденія договора, былъ встрѣченъ ружейными выстрѣлами. Возбужденная Англіей Турція протестовала тоже, требуя очищенія занятой территоріи или, по крайней мѣрѣ, части этой территоріи для себя; она обратилась къ французскому посланнику, маркизу де-Бонака, прося его опредѣлить эту часть. Старавшійся всѣхъ привести къ соглашенію Бонакъ поссорился съ русскимъ посломъ Неплюевымъ, обвинявшимъ его въ томъ, что, взявши 2,000 дукатовъ за защиту интересовъ Россіи, онъ измѣняетъ этимъ интересамъ. Бонакъ выпынулъ дерзкаго посла за дверь *). Но настойчивость восторжествовала еще разъ: въ іюлѣ 1724 года въ Константинополѣ былъ подписанъ договоръ о раздѣлѣ и, хотя границы опредѣлялись имъ не совсемъ ясно, Россія все-таки окончательно утвердилась на этомъ побережьѣ,—гдѣ, тѣми или иными способами, рано

*) Соловьевъ, т. XVIII, стр. 58 и сл. Бонакъ не говоритъ объ этомъ въ своемъ доносѣ.

или поздно, она должна была добиться преобладающаго значенія.

Александръ Румянцевъ, посланный въ Константинополь для обмѣна ратификаціями, встрѣтился по дорогѣ съ армянскою депутаціей, ѣхавшей въ Петербургъ просить помощи у царя противъ Порты. Уже!..

Родилось движеніе, которое не остановится! Поставлена задача, съ рѣшеніемъ которой связано будущее Европы.

Нетрудно представить себѣ, что депутаты 1724 года были встрѣчены съ распростертыми объятіями. Петръ, обладавшій замѣчательнымъ политическимъ смысломъ, сейчасъ же вознамѣрился сдѣлать изъ покровительства христіанскимъ народамъ: армянамъ и грузинамъ,—основаніе своихъ дѣйствій въ странѣ, изъ-за которой шелъ споръ съ турками и персами. Увы, у него не было времени выполнить свою программу. Его дни были сочтены, а его наслѣдники, губя начатое дѣло, потеряли на время изъ виду даже дорогу въ Индію, дорогу, на которой еще такъ недавно были поставлены вѣхи. Вѣхи эти, однако, остались. Восточный вопросъ остался открытымъ даже въ тѣхъ границахъ, которыя указалъ его геній. Онъ наложилъ на него свою печать. До самой смерти онъ не переставалъ заботиться объ участи христіанъ, которымъ обѣщалъ свое покровительство. И въ то же время, нетерпѣливый, не переносившій выжидательнаго положенія, онъ старался, оцупью хотя бы, найти другую дорогу къ далекому и таинственному Востоку.

Въ теченіи 1723 года въ портѣ Рогервикъ работали съ величайшей поспѣшностью и въ величайшей тайнѣ, надъ снаряженіемъ двухъ фрегатовъ, которые должны были въ скоромъ времени сняться съ якоря и назначеніе которыхъ было неизвѣстно. 12/23 декабря они вышли въ море, выдержали шквалъ и были принуждены искать убѣжища въ Ревельскомъ портѣ. Распространился слухъ, что они должны были итти къ Мадагаскару и завладѣть этимъ островомъ, въ продолженіе двухъ вѣковъ возбуждавшимъ колонизаторскія стремленія европейскихъ державъ.

Петръ заимствовалъ эту идею, какъ и многія другія, у Швеціи. Незадолго до своей смерти Карлъ XII вступилъ въ

сношенія съ авантюристомъ Морганомъ, вѣроятно, сыномъ знаменитаго вождя англійскихъ флибустьеровъ, Генри Джона Моргана (1637—1690), умершаго на Ямаикѣ, послѣ бурной жизни, во время которой онъ овладѣлъ Панамскимъ перешейкомъ и на нѣкоторое время приобрѣлъ надъ его населеніемъ неограниченную власть. Морганъ брался открыть шведамъ доступъ на островъ, гдѣ, по его словамъ, можно было приобрести огромныя богатства. Переговоры возобновились въ 1719 г. съ королевой Ульрикой-Элеонорой; были начаты приготовленія къ экспедиціи; Петръ, извѣщенный своимъ стокгольмскимъ агентомъ, рѣшилъ предупредить со-сѣдей. Его пылкому воображенію Мадагаскаръ, какъ и Баку, казался только этапомъ. Занявши островъ и учредивши тамъ русскій протекторатъ, начальникъ его экспедиціи Вильстеръ долженъ былъ продолжать путь на Востокъ, вплоть до ска-зочныхъ странъ, подчиненныхъ скипетру Великаго Могола.

Это была мечта. Съ обычной лихорадочной поспѣшностью Петръ не далъ себѣ времени, необходимаго для того, чтобы получить хотя самыя элементарныя свѣдѣнія о земляхъ, ко-торыя собирался завоевать. Онъ не прочиталъ документовъ, похищенныхъ, по его приказанію, въ государственной кан-целяріи Стокгольма, и, на всякій случай, составилъ письмо къ королю, который, по его предположеніямъ, долженъ былъ владѣть островомъ, указывая ему на то, что въ данный мо-ментъ покровительство Россіи стоитъ дороже, чѣмъ покров-ительство Швеціи. Шведы были лучше освѣдомлены. Царь взялъ для экспедиціи два первыхъ попавшихся фрегата, не думая о томъ—въ состояніи ли они выдержать данное путешествіе. Онъ былъ взбѣшенъ, узнавъ о поведеніи этихъ судовъ, и во всемъ обвинялъ Вильстера и его подчиненныхъ; онъ неистовствовалъ, грозилъ и не хотѣлъ слышать объ оставленіи своего плана; онъ хотѣлъ броней изъ войлока и досокъ покрыть потерпѣвшіе аварію корабли и этимъ воз-мѣстить ихъ плохое качество! Онъ приказалъ адмираламъ жить Рогервикѣ подъ вымышленными именами, въ ожи-даніи скораго отъѣзда. Потерянный трудъ! Фрегаты были совершенно неспособны исполнить свое назначеніе, вой-лочной брони нельзя было найти въ Ревелѣ; въ началѣ

1724 года было рѣшено отложить экспедицію *). Этотъ вопросъ не поднимался больше при жизни великаго государя. Послѣ его смерти, отрезвившаяся отъ своего опьяненія моремъ, Россія сумѣла лучше понять средства, направленіе и естественныя границы своего колонизаціоннаго могущества. Она нашла въ этомъ отношеніи въ достаточной степени благодарную задачу!

*) Голиковъ, т. IX, стр. 300 и сл.; т. X, стр. 370 и сл. Русское Морское Обзорѣніе, мартъ, 1894.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Высшая точка.—Во Франціи.

I. Первый планъ путешествія во Францію и его неудача. Раздраженія царя. Попытки сближенія. Франція беретъ на себя инициативу. Дю-Геронъ. Бальюръ. Поѣздка Матвѣева въ Парижъ. Полный разрывъ дипломатическихъ сношеній. Сближеніе происходитъ помимо политики. Французы въ Россіи и русскіе во Франціи. Двойной потокъ эмиграціи. Французская колонія въ Петербургѣ. Странный приходъ. Отецъ Кайо (Cailleau). Возобновленіе переговоровъ. Лефортъ. Графъ де-Ламаркъ. Дурное положеніе въ Германіи заставляетъ Петра искать поддержки Франціи. Путешествіе въ Парижъ рѣшено. II. Прибытіе въ Дюнкирхенъ. Инкогнито царя. Свита въ 80 человекъ. Требовательный государь. Огорченія де-Либой. Графъ Мейнъ-Нель. Вопросъ объ одноколкѣ. Странный способъ передвиженія. Ужинъ царя въ Бовз. Прибытіе въ Парижъ. Помѣщеніе въ Луврѣ. Квартирный билетъ во Французскую Академію. Отель Лидигьеръ. Три дня заключенія. Царь не желаетъ выходить, пока король не нанесетъ ему визита. Церемоніаль. Забытый этикетъ. Въ рукахъ царя. Петру возвращена свобода. Туристъ. Одежда дикаря. Любопытство, подозрительность и скудость. Вечеръ въ Оперѣ. Царь принимаетъ услуги регента. Недовольство прищевъ и принцессъ. Неприятное приключеніе герцогини де-Догапъ. Царь становится болѣе податливымъ. Посѣщеніе Сень-Сира. Легенда и исторія. Письмо г-жи Ментэнонъ. Посѣщеніе ученыхъ учрежденій. Разныя занятія и развлеченія. Обратная сторона медали. Оргіи въ Трианонѣ. Возвращеніе изъ Фонтенебло. Отъѣздъ. Высшая щедрость. Царь платитъ за себя. По дорогѣ въ Спа. III. Политическіе результаты. Сначала они ничтожны. Упражненія въ дипломатической волтижировкѣ. Только царь хочетъ серьезно вести переговоры. Конгрессъ въ Гаагѣ. Платоническій договоръ. Недостаточное дипломатическое представительство съ обѣихъ сторонъ. Задолжавшіе дипломаты. Баронъ Шлейницъ и Селламаръ. Новыя предложенія царя. Ихъ тайная причина. Царь хочетъ выдать дочь замужъ во Францію. Царевна Елизавета. Людовикъ XV или герцогъ Шартрскій. Эти предложенія встрѣчены во Франціи сдержанно. Молчаніе Дюбуа. Его причины. Внутренній разладъ. Франція хочетъ союза политическаго, Россія—союза семейнаго. Отсутствіе почвы для соглашенія. Союзъ въ будущемъ.

I.

Славное появленіе Петра на копенгагенскомъ рейдѣ во главѣ четырехъ эскадръ, соединенныхъ подъ его управленіемъ, и его путешествіе во Францію обозначаютъ высшую точку его царствованія. Позднѣйшія событія, политическія разочарованія и домашнія огорченія, разрывъ союзовъ, за которыя приходилось слишкомъ дорого платить, процессъ царевича, дѣло Монса, все это, несмотря даже на Ништадское торжество, свидѣтельствуешь о поворотѣ судьбы.

Это упадокъ.

Начиная съ 1701 г., Петръ ежегодно покидаетъ свое гударство и то развѣзжаетъ по большимъ дорогамъ Европы и посѣщаетъ поочередно столицы своихъ союзниковъ, то становится на Карлсбадскихъ или Пирмонтскихъ водахъ свое все болѣе и болѣе разрушающееся здоровье. Путешествіе въ Парижъ казалось ему заманчивымъ уже въ 1698 году. Онъ ожидалъ приглашенія, старался даже вызвать его *). Приглашеніе не было прислано. Царь утѣшился довольно легко. „Русскіе,—говоритъ онъ,—нуждаются въ голландцахъ на морѣ, въ нѣмцахъ на сушѣ, а съ французами имъ нечего дѣлать!“ Тѣмъ не менѣе, сношенія между двумя странами, и безъ того мало развившіяся, пострадали отъ укула, нанесеннаго самолюбію московскаго государя, и это отразилось на интересахъ лицъ, покровительствуемыхъ Франціей на сѣверѣ. Но къ этому результату во Франціи отнеслись съ пренебреженіемъ, равнымъ полупрезрѣнію, которое высказалъ царь. Война за испанское наслѣдство поглощала всѣ умы. Въ мысляхъ христіанинѣйшаго короля, какъ и въ ображеніи большей части его подданныхъ, Московія оставалась, въ сущности говоря, чѣмъ-то далекимъ и малоинтереснымъ; личность ея монарха казалась чуждой, странной, туманной и, въ концѣ-концовъ, нелюбопытной. До 1716 г.

*) Устряловъ, т. III, стр. 135 и 489.

имя полтавскаго побѣдителя не появлялось въ спискѣ европейскихъ государей, печатавшемся въ Парижѣ.

Однако, въ замкѣ Бирзэ въ 1701 г. Петръ разговаривалъ съ французскимъ посломъ, сопровождавшимъ польскаго короля, и, начатя такимъ образомъ, сношенія съ Герономъ поддерживались черезъ русскаго посла при дворѣ Августа, при посредствѣ Паткуля и съ помощью нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Къ несчастью, въ скоромъ времени обнаружилось крупное недоразумѣніе: въ Версалѣ полагали, что, обращаясь къ Россіи, обращаются, оказывая тѣмъ самымъ большую честь, къ еще одному ищущему покровительства Франціи, второстепенному и, естественно, маловзыскательному государству; Россія представлялась другой Польшей, еще болѣе далекой, еще болѣе варварской, еще болѣе готовой служить интересамъ короля за умѣренное вознагражденіе и нѣсколько милостей; въ Москвѣ же требовали обращенія, какъ съ равными. Одна изъ главнѣйшихъ силъ новой Россіи—сознаніе своего значенія и могущества, которыхъ она еще не доказала на дѣлѣ,—великолѣпно проявилась въ этомъ случаѣ. Когда Геронъ заговорилъ о сближеніи между двумя дворами, онъ получилъ отъ своего русскаго собесѣдника, приблизительно такой отвѣтъ: „Единеніе и союзъ между двумя героями вѣка,—онъ подразумѣвалъ Людовика XIV и Петра,—было бы, конечно, предметомъ восторженнаго удивленія всей Европы“ *).

На другой день послѣ Нарвы этотъ комплиментъ долженъ былъ не особенно понравиться Франціи.

Въ 1703 г. замѣститель дю-Герона въ Польшѣ, Балюзъ, ѣздилъ въ Москву и вернулся оттуда довольно смущенный: онъ ожидалъ „призваній“, а ему, послѣ сухого приѣма, предложили самому дѣлать ихъ. До 1705 года Россія имѣла въ Парижѣ агента безъ полномочій, извѣстнаго уже намъ Постникова, который занимался, главнымъ образомъ, переводомъ и опубликованіемъ извѣстій о болѣе или менѣе подлинныхъ побѣдахъ, одержанныхъ его государемъ надъ шведами. Старья

*) Письмо Головина, управляющаго иностр. дѣлами, къ дю-Герону, отъ 27 декабря 1701 г. Affaires Etrangere de France.

московскія посольства оставили неприятныя воспоминанія на берегахъ Сены. Посольства князя Долгорукаго и князя Мещерскаго въ 1667 году едва не привели къ кровавому столкновенію: послы, желая провезти безошлянно грузъ товаровъ, предназначенныхъ для продажи, схватились за ножи, чтобы отдѣлаться отъ королевскихъ таможенныхъ чиновниковъ *).

Въ 1705 г. Матвѣевъ прибылъ изъ Гааги въ Парижъ; ему съ самаго начала пришлось бороться съ общественнымъ мнѣніемъ Франціи, сохранявшимъ множество предразсудковъ по отношенію къ русскимъ и ихъ повелителю. „Правда ли“,— спрашивали Матвѣева,—, что во время своего пребыванія въ Голландіи царь разбилъ стаканъ, замѣтивъ, что туда налили французскаго вина?“ „Его величество до страсти любитъ шампанское!“ „А правда ли, что онъ приказалъ однажды Меншикову повѣсить своего сына?“ „Но эта исторія относится ко временамъ царствованія Ивана Грознаго!“ **). Эти оправданія не имѣли большого успѣха, а у бѣднаго диплома было еще въ запасѣ не очень пріятное порученіе: дѣло касалось двухъ русскихъ кораблей, захваченныхъ дюнкирхенскими корсарами. Въ этомъ направленіи не удалось ничего сдѣлать. Представленія Матвѣева были вѣжливо выслушаны, но русскіе корабли не были возвращены.

Новая попытка къ сближенію имѣла мѣсто послѣ Полтавы, и Петръ отплатилъ французамъ ихъ же монетой; они обмѣнялись ролями, и на этотъ разъ первые шаги сдѣлала Франція. Царь холодно встрѣтилъ ея предложенія. Балюзъ, которому едва удалось въ маѣ 1711 г. настигнуть царя въ его постоянныхъ разъѣздахъ и обратиться къ нему съ предложеніемъ посредничества между Россіей и Швеціей, былъ встрѣченъ очень прощически: „Царь охотно готовъ воспользоваться его посредничествомъ, но только для примиренія съ турками!“

Къ Балюзу отнеслись какъ къ навязчивому человѣку и систематически удаляли его отъ особы царя; онъ былъ доведенъ до необходимости тайкомъ гоняться за царемъ въ Яворов-

*) Aff. estrang. de France. Мемуары и документы. Россія, т. III, стр. 21 и сл.

**) Соловьевъ, т. XV, стр. 72.

скихъ садахъ. Когда, по возвращеніи царя изъ несчастнаго похода, онъ возобновилъ свою миссію, къ нему безъ церемоній повернулись спиной *).

Событія шли. Война за испанское наслѣдство столкнула съ Франціей державы, съ которыми Петръ заключилъ союзъ противъ Швеціи. И общее желаніе вырвать у Франціи самое сильное оружіе, которымъ она располагала, т.-е. поддержку Швеціи, естественнымъ образомъ связывало Петра съ этими державами. „Пока это не сдѣлано“,—писалъ въ эту эпоху Куракинъ,—„невозможно отнять у короля Аррасъ“ **).

Надо замѣтить, что лично Куракинъ ничего не имѣлъ противъ французовъ. Инстинкты большого барина и быстро пріобрѣтенныя привычки свѣтскаго человѣка заставили его любить Парижъ и, особенно, Версаль. Въ это самое время онъ велъ съ Ракочи, вождемъ возставшихъ венгерцевъ, довольно темные и очень двусмысленные переговоры, тайну которыхъ онъ осмѣлился скрыть отъ царя; переговоры велись письменно, письма зашифровывались съ помощью спеціального алфавита. Цѣлью этихъ переговоровъ было покончить войну за испанское наслѣдство на счетъ Австріи; Россія должна была взять на себя, для пользы Франціи, роль „честнаго маклера, уже тогда изобрѣтенную. Въ апрѣлѣ 1712 г. Ракочи появился въ Утрехтѣ, чтобы тамъ попытаться сбросить кандалы со своей родины. Увы! Онъ встрѣтился тамъ съ гонцомъ Шафировъ, извѣщавшаго изъ Константинополя о заключеніи выгоднаго мира, котораго „ему удалось добиться, несмотря на интриги французскаго посла, выказавшаго себя худшимъ врагомъ Россіи, чѣмъ шведы и измѣнники-поляки и казаки“. Куракинъ почувствовалъ, что почва ускользнула изъ-подъ его ногъ, и больше не настаивалъ ***).

Однако, нечувствительно, по естественному ходу вещей, пропасть, образовавшаяся между двумя странами, пзъ года

*) Валуазъ—Королю, Варшава, 11 сент. 1711 г. Aff. Étrang. de France.

**) Замѣтки Куракина для Сень-Джопа. Лондонъ, 21 апр. 7 мая 1711 г. Архивъ Куракина, т. IV, стр. 405.

***) Архивъ Куракина, т. V, стр. XV, I и сл., стр. 171 и сл., 178, 184, 197, 209.

въ годъ стремилась заполниться. Чтобы не говорили, но Россія сдѣлала большой шагъ, чтобы перейти эту пропасть.

Естественныя, неизбежныя сношенія между двумя народами устанавливались понемногу и развивались даже въ то время, когда правительства оставались разъединенными. Нѣсколько русскихъ явились во Францію и поселились тамъ; Французы, въ еще большемъ числѣ, стремились водвориться въ Россію. Уже Постникову было поручено панять въ Парижѣ знающихъ людей: архитекторовъ, инженеровъ и хирурговъ. Сначала встрѣтилось множество затрудненій. Французы были требовательны: „просить по тысячѣ ефимковъ (эку) въ годъ и полагають, что ѣхать въ Россію все равно, что ѣхать на край свѣта“.

Но мало-по-малу эмиграціонное движеніе установилось.

Бретонецъ Вильгельмъ Вильбоа, услугами котораго Петръ заручился въ 1698 году, во время своего пребыванія въ Голландіи, и гасконецъ Балтазаръ де-Лезье, сражавшійся въ 1695 году подъ Азовомъ въ рядахъ московской арміи, быють сборъ зарождавшейся французской колоніи. Въ осадѣ Нотебурга и Ниеншанда дѣятельное участіе принимаетъ инженерный офицеръ Жозевъ-Гаспари Ломберъ-де-Геринъ, дававшій въ послѣдствіи совѣты царю относительно мѣста постройки Петербурга *).

Послѣ Полтавы потокъ французской эмиграціи усилился. Два французскихъ инженера—Меро и де-ла-Скиръ въ 1712 г. работали при сооруженіи новой столицы. Въ 1715 г. смерть Людовика XIV дала Петру возможность достать цѣлую партію артистовъ безъ дѣла: Растрелли, Лежандръ, Лебланъ, Давале, Луи Каравакъ. Въ томъ же году управленіе устроенными въ Петербургѣ верфями было поручено барону Сентъ-Илеру. Графъ Делоне появился между камеръ-юнкерами Петра; графиня Делоне сдѣлалась первой статсъ-дамой молодыхъ царевенъ, дочерей государя. Въ Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ была устроена французская часовня, и священникъ ея, отецъ Кайо (Cailleau) францискалецъ, принялъ званіе „aumônier de la

*) Балтышъ-Каменскій, Историческій Сборникъ. Москва, 1814, стр. 61—67.

nation française“. Все, что намъ извѣстно о немъ и о его приходѣ, не можетъ, надо сказать откровенно, помочь составить о немъ выгодное мнѣніе. Францисканецъ былъ священникомъ во второй разъ: прежде чѣмъ покинуть Францію, онъ добылъ хитростью патентъ полкового священника и былъ выгнанъ изъ полка за дурное поведеніе. Онъ постоянно ссорился со своей петербургской паствой. Онъ хотѣлъ силой проникнуть въ домъ Франсуа Вассона, летейщика, служившаго царю и отказавшаго ему отъ дома; когда m-me Вассонъ загородила дверь, онъ назвалъ ее „воровкой“, „солдатской потаскухой“ и обошелся съ ней такъ грубо, что она слегла въ постель. Онъ угрожалъ отлученіемъ художнику Караваку и объявилъ недѣйствительнымъ его бракъ съ дѣвицей Симонъ, потому что соглашеніе было сдѣлано не въ Василеостровской часовнѣ. Онъ приказалъ новобрачной оставить супружеское ложе и, послѣ ея отказа, преслѣдовалъ ее какимъ-то сборникомъ грязныхъ и позорящихъ пѣсень; это послужило предметомъ разбирательства въ судѣ французскаго консульства. Въ своей защитительной рѣчи францисканецъ хвастливо утверждалъ, что онъ, съ полнымъ знаніемъ дѣла, можетъ говорить о тайныхъ недостаткахъ дѣвицы Симонъ, такъ какъ имѣлъ случай „вполнѣ познакомиться съ ними до ея незаконнаго брака“ *).

Независимо отъ этихъ внутреннихъ неурядицъ, участь колонія была незавидна и въ другихъ отношеніяхъ. Послѣ трехъ лѣтъ службы, награжденный Андреевскимъ крестомъ безъ всякаго денежнаго добавленія, Ламберъ-де-Геринъ былъ вынужденъ продать все свое имущество, чтобы спастись отъ нищеты и оплатить обратный проѣздъ во Францію. Въ 1717 г. онъ писалъ герцогу Орлеанскому: „Я долженъ считать себя счастливымъ, потому что мнѣ удалось выбраться цѣлымъ и невредимымъ изъ страны этого государя (Петра I) и очутиться въ наиболѣе цвѣтущемъ изъ всѣхъ государствъ вселенной; хлѣбъ съ водой здѣсь мнѣ дороже, чѣмъ въ Москвѣ“.

Этотъ случай не является единственнымъ, ибо въ доне-

*) Dosners du Consulat de France à Saint—Petersbourg, juillet, 1720. Aff. étrang. de France.

сені, отправленномъ въ 1718 г. къ Дюбуа коммерческимъ агентомъ ля-Ви, попадаютъ такіа строки:

„Состояніе большинства французовъ, водворившихся въ этой странѣ (Россіи), кажется мнѣ настолько плачевнымъ, что я считаю себя вынужденнымъ извѣстить объ этомъ ваше преподобіе. 25 человекъ, получавшихъ жалованье отъ царя, уволены со службы, несмотря на условія, заключенныя ими въ Парижѣ съ господиномъ Лефортомъ, агентомъ государя. Большинство тѣхъ, кто не состоялъ на службѣ, и кому были обѣщаны въ Парижѣ средства на обзаведеніе, вслѣдствіе неисполненія этого обѣщанія, находятся въ большой нищетѣ“ *).

Офицеръ де-Ламотти счелъ необходимымъ опубликовать, по возвращеніи на родину, „предостереженіе къ публикѣ“, которое произвело сильное впечатлѣніе **).

Но толчокъ былъ дасть, и число французскихъ эмигрантовъ съ каждымъ годомъ увеличивалось въ новой сѣверной столицѣ, и, въ концѣ концовъ, это стало беспокоить агентовъ другихъ державъ. Голландскій резидентъ де-Би подымаетъ тревогу ***). Въ то же время Лефортъ, племянникъ товарища юношескихъ игръ Петра, хлопочетъ, при содѣйствіи канцлера Понтшартрена, объ образованіи франко-русской компаніи. Этотъ планъ рушился почти въ моментъ осуществленія: посредникъ былъ арестованъ за долги. Какой-то злой рокъ преслѣдовалъ скромные признаки зачатка соглашенія, котораго ожидала такая блестящая будущность. Лефорта замѣнилъ Гюгетонъ, называвшій себя барономъ д'Одикъ; французское министерство, присмотрѣвшись повнимательнѣе, узнало въ немъ висѣльника, „лондонскаго банкрота, котораго король повѣсилъ бы, если бы англійскій король уважилъ сдѣланныя ему представленія, чтобы вернуть этого низкаго человека, нашедшаго убѣжище въ Лондонѣ“. Посредничество графа де-Ламарка, которому въ 1716 г. герцогъ Орлеанскій далъ секретное порученіе—найти царя на Пирмонтскихъ водахъ и испытать прочность обязательствъ, связывавшихъ его съ врагами короля,—было

*) Петербургъ, 3 января 1718 г. Aff. étr. de France.

**) Кельнъ, 1704. Брошюра вызвала многочисленныя возраженія и контръ возраженія.

***) Денеша отъ 3 и 6 августа 1714, Гаагскій архивъ.

неудачно *). Новый вѣстникъ мира старательно принялся за дипломатическія приготовленія—составленіе мемуаровъ, предварительныхъ проектовъ и пр. Когда онъ кончилъ, Петръ покинулъ Пирмонтъ.

Казалось бы, что при такомъ ходѣ дѣла нѣтъ большихъ шансовъ на возможность соглашенія между двумя государствами, но логика событій работала сама по себѣ для сближенія двухъ странъ; она восторжествовала надъ непослѣдовательностью и ошибками ихъ дипломатіи.

По мѣрѣ того, какъ во Франціи начинали сознавать ошибку, совершенную при оцѣнкѣ новаго фактора, осложнившаго европейскую политику, Петръ начиналъ яснѣе понимать неудобства и опасности положенія, въ которое поставило его въ Германіи его необдуманное предпріятіе. Въ началѣ 1717 г. Пруссія, интересамъ которой онъ всегда служилъ, грозила разойтись со слишкомъ предпримчивымъ государемъ. Встрѣвоженная положеніемъ коалиціи, въ которой приняла участіе съ благоразумными оговорками, обезпokoенная переговорами царя съ Герцогъ, Пруссія сочла умѣстнымъ обезпечить себя, на всякій случай, секретнымъ договоромъ съ Франціей, который и былъ заключенъ 14 сентября 1716 г. Она приняла посредничество Франціи и обязалась, оставивши Штетинъ, прекратить враждебныя дѣйствія. Петру оставалось только послѣдовать ея примѣру, и путешествіе во Францію было рѣшено. Въ февралѣ 1717 года двадцать дворянъ, принадлежавшихъ къ самымъ знатымъ фамиліямъ страны: Жеребцовъ, Волконскій, Римскій-Корсаковъ, Юсуповъ, Салтыковъ, Пушкинъ, Безобразовъ, Барятинскій, Бѣлосельскій и др., отправились туда. Имъ разрѣшили поступить въ гардемарины короля. Пришла очередь Россіи и ея государя сдѣлать новый шагъ, самый значительный изъ всѣхъ, къ сближенію съ европейскимъ міромъ.

Екатерина не принимала участія въ путешествіи, и это уже указываетъ на его значеніе. Петръ рѣдко разставался со своей любимой подругой. Во время его поѣздокъ по Германіи ее постоянно видѣли рядомъ съ нимъ и онъ не заботился о

*) Инструкція 18 іюня 1716, Aff. étrang de France.

впечатлѣніи, которое она могла произвести. Но онъ нашелъ неудобнымъ взять ее въ Парижъ. Царь сознавалъ, очевидно, что ему придется находиться среди новыхъ элементовъ утонченной культуры, предъявляющей иныя требованія пристойности и выдержки.

II.

Путешествіе обошлось не безъ затрудненій. Петръ прибылъ въ Дюнкирхенъ въ сопровожденіи 57 человѣкъ. Эта многочисленная свита была первой и довольно непріятной неожиданностью для хозяевъ. Петръ хотѣлъ путешествовать, соблюдая строгое инкогнито, и расходы по приему гостей исчислялись соотвѣтственно этому. Судьбѣ угодно было, чтобы первая пренія, возникшія между сановниками коронованнаго путешественника и де-Либоа, придворнымъ короля, присланнымъ встрѣтить его, касались несчастнаго денежнаго вопроса. „Можетъ быть, его царское величество согласится принять опредѣленную сумму на свое содержаніе въ теченіе всего времени, которое онъ собирается пребыть во Франціи? Ежедневно можетъ быть отпущено до 1,500 ливровъ!“ Способъ выплачивать деньгами издержки по приему былъ правиломъ въ эту эпоху для иностранныхъ пословъ, пріѣзжавшихъ въ Россію, и, слѣдовательно, это предложеніе, само по себѣ, не заключало ничего неудобнаго. Однако, Куракинъ запротестовалъ и заставилъ де-Либоа замолчать; онъ привелъ въ отчаяніе несчастнаго агента, кредитъ котораго былъ ограниченъ; кромѣ того, де-Либоа замѣтилъ въ хозяйствѣ его величества громадную *утечку*: „Для того, чтобы приготовить ежедневно своему господину двѣ или три тарелки супу, главный поваръ тратитъ сумму, которой хватило бы на обѣдъ для восьми персонъ, съ мясомъ и виномъ!“

Либоа попытался экономить, и уничтожилъ ужипы. Русскіе вельможи и ихъ слуги единодушно запротестовали. Ихъ число доходило уже до восьмидесяти! Къ счастью, пришедшія изъ Версаля инструкціи регента развязали руки его предста-

вителю. Регентъ предписывалъ не стѣсняться расходами и дѣлать все такъ, чтобы царь былъ доволенъ.

Удовлетворить царя было нелегко. Либоа находилъ въ его характерѣ „доблестные задатки въ совершенно дикомъ состояніи“. Царь вставалъ очень рано, обѣдалъ въ 10 ч., легко ужиналъ, если хорошо обѣдалъ, и въ 9 ч. ложился спать; между обѣдомъ и ужиномъ онъ истреблялъ ужасное количество анисовой водки, пива, вина, фруктовъ и разнаго рода съѣстныхъ припасовъ. „У него подъ рукой всегда два, три блюда съ кушаньями, приготовленными его поваромъ. Онъ оставляетъ роскошно сервированный столъ и идетъ въ свою комнату, приказавъ своему человѣку подать пиво. Онъ находитъ отвратительнымъ все, что подаютъ за столомъ, и на все жалуется“. Это угрюмый Гаргантюа. Господа его свиты не мѣше требовательны. „Они знаютъ толкъ въ хорошихъ вещахъ“. Изъ этого можно заключить, что они не особенно похожи на дикарей. Но вопросъ о столѣ кажется пустячнымъ въ сравненіи съ вопросомъ о переѣздѣ. Царь хотѣлъ доѣхать до Парижа въ 4 дня; это было невозможно при имѣющемся въ наличномъ количествѣ подставныхъ лошадей. Куракинъ окинулъ презрительнымъ взглядомъ поданные кареты и заявилъ, что нигдѣ не видало, чтобы дворянинъ садился „на погребальныя дроги“. Онъ требовалъ берлину. Царь заявилъ неожиданно, что не желаетъ ни кареты, ни берлины. Ему нуженъ былъ двухмѣстный кабріолетъ, въ родѣ одпоколки, которой онъ пользовался въ Петербургѣ. Ни въ Дюнкирхенѣ, ни въ Калѣ не нашлось такого экипажа. Когда всѣ сбились съ ногъ, стараясь угодить ему, онъ измѣнилъ свою фантазію. Любоа съ горечью говорить, что „этотъ маленькій дворъ очень измѣнчивъ, постоянно мѣняетъ свои рѣшенія, и, отъ тропа до конюшни, всѣ его члены легко впадаютъ въ глѣвъ!“

Желанія и планы его царскаго величества мѣнялись каждый часъ. Не было никакой возможности установить программу и опредѣлить что бы то ни было заранее.

Въ Калѣ, гдѣ основались на нѣсколько дней, царь немного смягчился. Онъ сдѣлалъ смотръ полку, посѣтилъ крѣпость, присутствовалъ на охотѣ, устроенной въ его честь. Его настроеніе настолько улучшилось, что Либоа началъ без-

покоиться о добродѣтели „Госпожи Президентши“, на которой лежала обязанность быть радушной хозяйкой для путешественниковъ. Но вопросъ о переѣздѣ возникъ снова и настолько обострился, что Либоа началъ сомнѣваться въ томъ, будетъ ли продолжаться это путешествіе. Неизвѣстно было, сколько времени угодно пребыть царю въ Кала и думаетъ ли онъ, вообще, продолжать путь.

Въ этотъ моментъ, уже 2-го мая, къ Либоа явился высокопоставленный помощникъ, маркизь де-Мейнъ-Нель.

Въ Парижѣ говорили, что молодой аристократъ отправился павстрѣчу московскому государю безъ всякихъ полномочій; говорили, что онъ воспользовался „старинной прерогативой встрѣчать всѣхъ иностранныхъ государей, проѣзжающихъ черезъ Шкардію во Францію“, и нашелъ способъ, будучи совершенно разореннымъ, занять 1,000 пистолей для спасенія традицій. Корреспондентъ герцога Лотарингскаго, являвшійся вхомя этихъ толковъ, прибавляетъ нѣсколько подробностей, въ которыхъ любопытно отражаются распространенныя въ столицѣ представленія о гостѣ, къ приему котораго готовились: когда Мейнъ хотѣлъ сѣсть въ карету государя, тотъ прогналъ его ударомъ кулака; московскій государь отвѣтилъ на какое-то возраженіе пощечиной и т. д. *).

Въ дѣйствительности, онъ получилъ формальное порученіе отъ регента, и насмѣшки парижскаго общества были неосновательны; тѣмъ не менѣе, роль молодого человѣка была довольно неблагоприятной ролью. Во-первыхъ, онъ пріѣхалъ совсѣмъ не во-время. Была русская Пасха, и господа царской свиты не могли оказать ему приѣма, на который онъ имѣлъ право рассчитывать: всѣ они были мертвецки пьяны. Русскій государь одинъ держался на ногахъ и имѣлъ, почти обычный видъ, „хотя и выходилъ инкогнито, въ 9 час. вечера“,—разсказываетъ Либоа,—„чтобы пить со своими музыкантами, помѣщавшимися въ трактирѣ“. Трактиръ и компанія, встрѣченная тамъ, очевидно, мало расположили царя къ тому, чтобы принимать привѣтствія маркиза. Позднѣе,

*) Lettres de Sergent, Bibliothèques national, Collection de Lorraine, vol. 574 (manuscripts).

отрезвившись, онъ нашелъ его слишкомъ изящнымъ. Конечно, царь не стукнулъ маркиза кулакомъ, но, замѣтивъ, что онъ ежедневно мѣняетъ костюмъ, сострилъ на его счетъ. „Развѣ этотъ молодой человѣкъ не можетъ найти себѣ по вкусу портного?“ Настроеніе царя снова испортилось. Онъ выразилъ желаніе снова тронуться въ путь; онъ избрѣлъ новый способъ передвиженія; онъ приказалъ соорудить родъ носилокъ, къ которымъ былъ прикрѣпленъ кузовъ стараго фаэтона, найденнаго имъ среди брошенныхъ, какъ ненужный хламъ, экипажей; это сооруженіе должны были нести на спинахъ лошади. Напрасно старались доказать ему, что опасно ѣхать въ этомъ странномъ экипажѣ.—„Люди,— писалъ по этому поводу Мейнъ,—обыкновенно руководствуются разумомъ; но эти люди, если только можно назвать человѣкомъ того, въ комъ нѣтъ ничего человѣческаго, совершенно не слушаютъ его доводовъ!“ Носилки прикрѣпили какъ можно лучше; важнѣе всего было тронуться въ путь.

Мейнъ идетъ дальше Либоа въ суровости своего отзыва и говоритъ: „Я не знаю еще, будетъ ли царь спать въ Булонн или въ Монтрейля, но много значить и то, что онъ отправился въ путь; я хотѣлъ бы отъ всего сердца, чтобы онъ прибылъ въ Парижъ и даже чтобы онъ скорѣй уѣхалъ оттуда. Когда его королевское высочество увидитъ его и онъ проживетъ въ Парижѣ нѣсколько дней, я убѣжденъ, если позволительно такъ выразиться, что его высочеству не будетъ неприятно избавиться отъ него. Московиты не говорятъ по-французски, кромѣ князя Куракина, котораго я сегодня не видѣлъ... и невозможно понять гримасъ остальныхъ министровъ, гримасъ, правда, совершенно особаго рода!“ *).

Итакъ, 4-го мая московиты тронулись въ путь. Царь слѣзалъ при въѣздѣ въ каждый городъ со своихъ носилокъ, проѣзжалъ черезъ него въ каретѣ и снова влѣзалъ въ облюбо-

*) Это письмо отъ 3 мая 1717 г., не включено въ Сборникъ Документовъ, относящихся къ пребыванію Петра во Франціи, к—ый Императ. Рус. Ист. Общество помѣстило въ XXXIV т. своего большаго изданія, беря матерьялы изъ Арх. Ист. Дѣл. во Франціи Это пропускъ не единственныи.

важный экипажъ. Ему удобно было въ немъ осматривать страну, черезъ которую онъ проѣзжалъ.

Онъ, какъ поль-вѣка спустя другой путешественникъ—Артуръ Юнгъ, былъ пораженъ видомъ нищеты, встрѣчавшагося ему народа. За 12 лѣтъ до этого Матвѣевъ получилъ совершенно другія впечатлѣнія *). Послѣдніе годы разорительнаго царствованія сдѣлали свое дѣло.

Путешественники переночевали въ Булони и на слѣдующее утро продолжали путь, рассчитывая почевать въ Амьенѣ; на поль-дорогѣ царь передумалъ и захотѣлъ ѣхать до Бова. Подставныя лошади не были приготовлены, и онъ разразился бранью, когда ему сказали объ этомъ. Послѣдно извѣщенный индентантъ Бовэ дю-Бернажъ приложилъ невѣроятныя усилія, чтобы достать 60 необходимыхъ лошадей. Онъ приготовилъ, по соглашенію съ епископомъ, ужины въ епископскомъ имѣніи, концертъ, иллюминаціи и фейерверкъ; украсилъ домъ царскими гербами, спальню—мало похожими, вѣроятно, портретами московскихъ князей, его предковъ. Петръ сѣлъ въ карету усерднаго интенданта, быстро проѣхалъ черезъ городъ, взобрался на свои носилки и остановился почевать за четверть лье отъ Бова, въ какомъ-то скверномъ трактирѣ, гдѣ „онъ заплатилъ 18 франковъ за свой ужинъ и за ужинъ всѣхъ своихъ спутниковъ (30 чел.) и вмѣсто скатерти употребилъ салфетку, которую вытащилъ изъ кармана“. Вѣдннй дю-Бернажъ былъ принужденъ, неожиданно, устроить балъ и утѣшаться мыслью, что сдѣланныя имъ приготовленія пропали все-таки не совсѣмъ даромъ **).

Наконецъ, 10-го мая вечеромъ царь, конвоируемый 300 гренадеровъ, сдѣлалъ вѣздъ въ Парижъ. Ему предложили помѣщеніе королевы-матери, въ Луврѣ. Онъ согласился, и его ждали тамъ до послѣдней минуты. Койпелю было поручено почистить живопись и позолоту. Приготовили, по словамъ Сержанъ, „прекрасную постель, которую m-me де-Ментенонъ велѣла сдѣлать для короля,—самую богатую и кра-

*) Соловьевъ, т. XVII, стр. 88, т. XV, стр. 71.

**) Переписка епископа Бовэ и агентовъ герцога Орлеанскаго въ *Aff. etr. de France*, май, 1717. См. также *Lemontres, Hist. de la Rögence*, Парижъ, 1832, т. I, стр. 113.

спвую постель въ мѣрѣ“. Въ большой залѣ дворца пригото- вили два великолѣпно сервированныхъ стола на 60 кувертовъ. Такъ какъ Лувръ былъ слишкомъ тѣсенъ и не могъ вмѣ- стить всю свиту государя, то сочли умѣстнымъ потребовать для этой цѣли—залъ засѣданій Французской Академіи! Зна- менитая корпорація, извѣщенная объ этомъ 5-го мая запис- кой герцога д'Антэна, управляющаго королевскими зда- ніями, поблагодарила его за а в ѣ ж л и в о с т ь и поспѣшила пе- ребраться въ сосѣдній залъ Академіи надписей. Такъ она оставалась до 24-го числа *).

Однако, по совѣту графа Толстого, прибывшаго въ городъ раньше своего господина, приготовили также, на всякій слу- чай, другое, менѣ роскошное помѣщеніе въ отелѣ Ледигьеръ. Это прекрасное жилище, находившееся на улицѣ Сериза, построенное Себастьяномъ Замэ и купленное у знаменитаго финансиста Франсуа Бономъ, принадлежало въ это время маршалу де-Вальруа, жившему въ Тюльери и согласившемуся уступить его царю.

Было сдѣлано много приготовленій и здѣсь; были по- заимствованы королевскіе тканые обои,—всѣ дома улицы должны были служить дополнительными помѣщеніями **). Петръ, рѣшившій, очевидно, разрушать всѣ предположенія, велѣлъ вести себя въ Лувръ, вошелъ въ залъ, гдѣ предпо- лагалось угощать его ужиномъ, бросилъ разсѣянный взглядъ на роскошную обстановку, для него устроенную, потребо- валъ кусокъ хлѣба и рѣпу, попробовалъ шесть сортовъ вина, проглотилъ два стакана пива, приказалъ потушить свѣчи, обиліе которыхъ непріятно поразило его экономные вкусы, и ушелъ. Онъ выбралъ отель Ледигьеръ ***).

Онъ также нашелъ слишкомъ пышнымъ помѣщеніе, приго- товленное тамъ, и слишкомъ большую, предназначенную для него комнату и велѣлъ поставить постель въ гардеробной. Новыя непріятности ждали тѣхъ, кто былъ прикомандированъ вмѣсто Либоа и Мейне къ особѣ государя. Сентъ-Симонъ гово-

*) Registres de l'Academie française, 1895, т. II, стр. 26—29.

**) Burat, journal de la Regence, Парижъ 1865, стр. 267. Памят- ная дощечка была недавно помѣщена на д. № 10.

***) Segreut, Письмо 10-го мая 1717.

рить, что посовѣтоваль регенту возложить эти обязанности на маршала де-Шессе, какъ на „человѣка, которому нечего было дѣлать, который обладалъ хорошимъ знаніемъ свѣта и привыкъ къ иностранцамъ во время путешествій и переговоровъ. Эта должность,—какъ разъ та, которая пужна ему“. Царь однако предпочиталъ маршалу его помощника, графа Вертонъ, королевскаго метръ-д'отеля, „человѣка очень неглупаго, принадлежавшаго къ порядочному обществу, любившаго хорошій столъ и игру“.

Царь задалъ дѣла и хлопотъ обоемъ. Онъ началъ съ того, что впродолженіи трехъ дней не выходилъ изъ отеля. Легко угадать, какъ возбуждали его любопытство чудеса повои столы, которыя онъ видѣлъ мелькомъ; легко угадать нетерпѣніе этого необыкновенно подвижнаго и торопливаго человѣка. Ему приходилось ломать и насиловать себя:—онъ хотѣлъ, чтобы король первый сдѣлалъ ему визитъ. Этого желанія не предвидѣли. Петръ былъ извѣстенъ, какъ человѣкъ покладистый, беззаботно относившійся къ виѣшнимъ формамъ и не расположенный обращать на нихъ вниманіе.

Въ Берлинѣ, въ 1712 году, онъ прямо съ дороги отправился во дворецъ и засталъ короля въ постели. Въ Копенгагенѣ, въ 1716 г., онъ силой прорвался къ Фридриху IV, черезъ двойную ограду придворныхъ, преграждавшихъ ему дорогу, вслѣдствіе поздняго времени, выбраннаго имъ для своего визита. Въ обѣихъ столицахъ его манеры были соотвѣтственно этому непринужденны, развязны и иногда въ достаточной степени неумѣстны *).

Царь, повидимому, забралъ въ голову мысль о глубокой разницѣ между часто посѣщавшимися имъ дворами и дворомъ, къ которому онъ явился теперь и онъ держалъ себя здѣсь совершенно иначе: онъ былъ очень насторожѣ, казался мелочно осмотрительнымъ и строгимъ исполнителемъ этикета,—законы котораго, впрочемъ, онъ самъ хотѣлъ диктовать.

На другой день послѣ его пріѣзда, регентъ явился привѣтствовать его. Петръ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу почитателю, обнялъ его, „съ важнымъ видомъ превосходства“;

*) Сборникъ, т. XX, стр. 57—63.

(по словамъ Сень-Симона), указаль ему на дверь своего кабинета, самъ прошелъ туда первый, „безъ особой учтивости“ и занялъ мѣсто на „верхнемъ концѣ стола“.

Свиданіе, продолжавшееся часъ (Куракинъ служилъ переводчикомъ), произошло въ субботу; въ понедѣльникъ рѣшено было уважить требованія Его Царскаго Величества и послать къ нему маленькаго короля. Петръ встрѣтилъ царственного ребенка почти во дворѣ, у дверокъ, привезшей его, кареты, дошелъ рядомъ съ нимъ до своей комнаты, гдѣ были приготовлены два одинаковыя кресла и занялъ правое изъ нихъ. Обмѣнъ привѣтствій продолжался $\frac{1}{4}$ часа,—при посредствѣ Куракина. Когда король собрался уходить, Петръ, повняуясь порыву, заставившему его забыть объ этикетѣ и вернушаго его къ естественной, присущей ему простотѣ, схватилъ ребенка, поднялъ его на своихъ сильныхъ рукахъ и подбросилъ на воздухъ. Если вѣрить Сень-Симону, то, „король совсѣмъ не испугался и держалъ себя очень „подходящимъ образомъ“.

Петръ писалъ женѣ: „Извѣщаю Васъ, что въ послѣдній понедѣльникъ, былъ у меня маленькій здѣшній король, ростомъ на два пальца выше нашего Луки (любимый карликъ царя). Ребенокъ чрезвычайно пріятный по осанкѣ и лицу и довольно понятливый для своихъ лѣтъ“.

Визитъ былъ отданъ на другой день, съ тѣми же, заранѣе до мелочей обсужденными, церемоніями.

Царь получилъ полную свободу. Онъ широко пользовался ею; и, какъ простой туристъ, началъ осматривать городъ. Его костюмъ состоялъ, по разсказу Бюва, изъ „верхняго платья, изъ сѣраго, довольно толстаго, совсѣмъ гладкаго баркана, камзола изъ сѣрой шерстяной матеріи, съ брилліантовыми пуговицами безъ галстука, безъ манжетъ и безъ кружевъ на концахъ рукавовъ“. Онъ носилъ темный непудренный парикъ, обрѣзанный по его приказанію сзади... маленькій отложной воротникъ, какъ носятъ путешественники... сверхъ верхняго платья—портупю, отдѣланную серебрянымъ позументомъ; на ней висѣлъ большой тесакъ, похожій на тѣ, которые носятъ жители востока“.

Послѣ отъѣзда царя, этотъ костюмъ вошелъ на нѣкоторое

время въ моду подь именемъ: п л а т ь е ц а р я и л и о д е ж д а д и к а р я. Царь посѣщаль общественныя учрежденія, заходилъ въ лавки и поражаль всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло, развязностью манеръ, не исключавшей однако, величія осанки, быстротой движеній, своимъ ненасытнымъ любопытствомъ, подзрительностью и крайней бережливостью. Онъ часто выходилъ изъ дому никого не предупреждая, садился въ первую, встрѣтившуюся возлѣ дверей карету и приказываль вести себя туда, куда ему хотѣлось. Однажды онъ уѣхаль въ Булонскій лѣсъ въ экипажѣ m-me де-Матиньонъ, явившійся „позѣвать“, по выраженію Сенъ-Симона, къ подъѣзду отеля и принужденной за это возвращаться домой пѣшкомъ. Бѣдный де-Шессп, проводилъ время, гоняясь за государемъ, и не зная, гдѣ можно его найти.

14 мая царь отправился въ оперу, въ королевскую ложу, предоставленную ему регентомъ. Во время спектакля, онъ спросилъ пива и нашель вполне естественнымъ, что регентъ подаль его ему, стоя съ подносомъ въ рукахъ. Онъ выпилъ стаканъ, попросилъ салфетку и получивъ ее, „отвѣтилъ улыбкой учтивости и легкимъ наклопеніемъ головы“. Публика, по сообщенію Сенъ-Симона, была, конечно, очень удивлена этимъ зрѣлищемъ. На слѣдующій день царь отправился въ наемной каретѣ осматривать мастерскія, явился на мануфактуру Гобеленовъ, засыпаль рабочихъ вопросами и, уходя, оставилъ имъ экю. Въ звѣринцѣ (19 мая) онъ далъ 25 су зрителю фонтановъ; въ Медонѣ, онъ наградилъ „бумажнымъ экю“ слугу, который, по словамъ Бюва, оказалъ ему услугу въ очень интимномъ и грязномъ дѣлѣ. Онъ расплачивался наличными съ торговцами, сбѣгавшимися въ отель Лидигерь, но сильно торговался; приказавъ исправить, какъ сказано выше, парикъ,—шедевръ парижскаго артиста-парикмахера, онъ заплатилъ семь ливровъ и десять су за работу, которая стоила, по крайней мѣрѣ, 25 экю *).

Царь совершенно не считался съ общественнымъ положеніемъ и правами первенства другихъ, и проявляль по отношенію къ принцамъ и принцессамъ крови не больше по-

*) Sergent, Lettre du 19 juni 1717 г.

чительности, чѣмъ къ первымъ вельможамъ straps. Когда принцы отказались сдѣлать ему визитъ, не получивъ обѣщанія, что онъ вернетъ имъ эту любезность, онъ попросилъ передать имъ, что они могутъ оставаться дома. Герцогиня Беррійская и герцогиня Орлеанская привѣтствовали царя черезъ своихъ придворныхъ кавалеровъ, и онъ посѣтилъ ихъ въ Люксембургѣ и Пале-Рояль, но держался при этомъ, „съ видомъ большого превосходства“. Другія принцессы видѣли его только издали. Изъ принцевъ ему представился только графъ Тулузскій, которому, въ качествѣ гермейстера, было поручено принять царя въ Фонтенебло. Герцогъ де-Менъ, во главѣ отряда швейцарцевъ, и принцъ Субизъ, во главѣ жандармовъ, участвовали въ смотрѣ, на который былъ приглашенъ царь; 300 каретъ, наполненныхъ зрителями и зрительницами, окружали маневрирующій полкъ. Царь не оказалъ никакихъ знаковъ вниманія ни этимъ принцамъ, ни представленнымъ ему офицерамъ.

21 мая онъ отправился въ Гранъ-Берси (Grand-Bercy) и провелъ день у Пажо д'Онъ алъ Брай (Pajot d'Ons en Bray), директора почтъ, осматривая интересныя коллекціи въ обществѣ знаменитаго отца Себастіана, (настоящее имя его Жанъ Трюше), выдающагося физика и механика. Царь обращался съ большимъ почтеніемъ съ ученымъ Кармелитомъ; но герцогиня де-Роганъ, поспѣшно явившаяся изъ своего дома въ Пти-Берси (Petit-Bersy), чтобы посмотреть на царя, вышла вся въ слезахъ и пожаловалась своему мужу на то, что царь не обратилъ на нее никакого вниманія.

— А, мадамъ, какъ же вы могли ожидать вѣжливости отъ этого животнаго!—сказалъ герцогъ, настолько громко, что одинъ изъ московскихъ вельможъ, случайно понимавшій французскій языкъ, услышалъ его и отпарировалъ замѣчаніе въ достаточно энергичныхъ выраженіяхъ *).

Сенъ - Симонъ видѣлъ государя у герцога д'Антэпъ и, попросивъ, чтобы его не представляли ему, безъ церемоній его разсматривалъ. Царь показался ему довольно разговорчивымъ, но ведущимъ себя такъ, какъ будто „онъ вездѣ хо-

*) Sergent, письмо отъ 29 мая 1717 г.

зьянть“. Онъ замѣтилъ, какъ первое подергиванье свело черты царя и измѣнило выраженіе его лица. Де-Тессе сказалъ ему, что это явленіе повторяется по нѣскольку разъ въ день. Герцогиня д'Антэнъ и ея дочери были представлены царю; но царь „гордо прошелъ мимо нихъ“ и удостоилъ ихъ лишь легкаго наклоненія головы. Висѣвшій надъ каминомъ, очень похожій портретъ царицы, который герцогу съ трудомъ удалось достать, доставилъ, повидимому, царю большое удовольствіе. Онъ сказалъ нѣсколько очень любезныхъ словъ по этому поводу, да и вообще, его недостаточная учтивость была, въ сущности, только остаткомъ его робости и дикости; онъ мало измѣнился къ лучшему въ этомъ отношеніи; къ концу своего пребыванія въ Парижѣ, онъ постоянно бывалъ въ гости и, принимая всѣ приглашенія, достигъ того, что казался вполне приличнымъ даже съ дамами. Въ Сентъ-Уанѣ у герцога де-Трэмъ (Tresmes), онъ забылъ въ обществѣ очаровательныхъ дамъ свою гордость и стремился произвести выгодное впечатлѣніе. Ему представили дочь хозяина дома, маркизу де-Бетюнь, и онъ попросилъ ее занять рядомъ съ нимъ мѣсто за столомъ.

Парижъ сдѣлалъ свое дѣло. Царь держалъ себя, если не очень любезно, то во всякомъ случаѣ очень прилично въ Сентъ-Сирѣ у m-me де-Ментэнонь. Извѣстель, ставшій классическимъ, рассказъ Сентъ-Симона о томъ, какъ царь неожиданно явился въ ея комнату и сталъ, самымъ невѣжливымъ образомъ, смотрѣть на нее. Оже (Auger), въ біографіи, прибавленной къ собранію писемъ m-me де-Ментэнонь, опубликованному Саитро-де-Магси, подтверждаетъ эти подробности и даже говоритъ, что любопытство и непочтительность царя распространились и на племянницу, возлюбленной великаго короля:

„Увидавши ее (m-me de-Caylis), однажды въ какомъ-то собраніи и узнавши ея имя, царь взялъ ее за руку и долго глядѣлъ на нее“ *). Самыя неправдоподобныя легенды не должны удивлять историка; удивительно то, что Оже (Auger) не читалъ письма m-me де-Ментэнонь, помѣщеннаго въ

*) I, с.с. XXXV.

его сборникъ: „Въ эту минуту“ (письмо адресовано m-me де-Кайлю (Caylis)—вошелъ господинъ Габріэль и сказалъ миѣ, что господинъ Беллегардъ, т.-е. царь, просить миѣ передать, что онъ хотѣлъ бы явиться сюда послѣ обѣда, если я только найду это удобнымъ. Я не посмѣла отказать и сказала, что приму его въ постели. Больше миѣ ничего не сказали. Я не знаю, нужно ли принимать его съ церемоніаломъ; захочетъ ли онъ осмотрѣть домъ, познакомиться съ дѣвицами; я не знаю даже, явился ли онъ со свитой. Я все предоставила случаю... Царь прибылъ въ семь часовъ вечера; онъ сѣлъ у изголовья моей постели и спросилъ, больна ли я? Я отвѣчала: да; онъ велѣлъ спросить, чѣмъ я больна? Я отвѣчала: моя болѣзнь—глубокая старость вмѣстѣ съ довольно слабымъ тѣлосложеніемъ. Царь не зналъ, что сказать миѣ, а его переводчикъ, какъ будто, не понялъ меня. Его посѣщеніе было очень коротко. Онъ оставался нѣкоторое время въ домѣ, но я не знала гдѣ. Онъ попросилъ открыть нижній край моей постели, чтобы лучше видѣть меня. Вы понимаете, что его желаніе было исполнено!“ *)

11 іюня, послѣ мѣсяца, проведеннаго въ Парижѣ, Петръ уже не былъ способенъ на слишкомъ неприличныя поступки, которые приписываются ему, совершенно, неосновательно. Конечно, онъ чувствовалъ себя легче, когда находился внѣ круга приличій и церемоній, предписанныхъ дворомъ и салономъ. Онъ отлично чувствовалъ себя въ домѣ Инвалидовъ, гдѣ онъ могъ по-товарищески обращаться съ хозяевами, пробовать ихъ супъ и непринужденно болтать съ ними.

Онъ оказался излишне-нервнымъ и странно-любопытнымъ человѣкомъ, но онъ былъ уменъ, достаточно вѣжливъ и, очевидно, стремился къ знаніямъ;—во время посѣщенія имъ монетнаго двора, въ его присутствіи была выбита медаль, въ память его пріѣзда во Францію. Онъ посѣтилъ королевскую типографію, коллежъ четырехъ націй, Сорбонну, гдѣ восполь-

*) 11 іюня 1717 г., т. V, стр. 205, см. также рассказъ въ томъ же родѣ въ Memoire de m-me de Séguier, племянницы маршала Тессе (т. II, стр. 9), правда сомнит. достовѣрности. Danqel говорить, что подробности визита царя въ С.-Спр. было заранѣе обсуждено.

зовались его присутвіемъ, для обсуждения вопроса о соединеніи двухъ церквей; обсерваторію географа Делиля, англійскаго окулиста Вольгуца, который показалъ ему операцію: снятіе катаракта! Докторамъ Сорбонны, царь учтиво и скромно отвѣтилъ, что онъ мало свѣдуещъ въ занимающимъ ихъ вопросѣ, такъ какъ все время его было занято управленіемъ государства и шведской войной, но, что онъ будетъ счастливъ, если они начнутъ переписку съ главой его церкви по этому поводу. Онъ охотно взялъ докладную записку, которая вызвала черезъ три года очень любопытный отвѣтъ русскаго духовенства; отвѣтъ этотъ начинается съ панегирика Сорбоннѣ и кончается заявленіемъ о собственномъ безсиліи; обезглавленная уничтоженіемъ патріархата — (реформа Петра)—русская церковь была не въ состояніи принять участія въ обсужденіи *).

Произведенія искусства интересовали государя меньше и драгоцѣнности королевскаго дома, которыя ему показывали въ Луврѣ и, стоимость которыхъ исчислялась въ 30 миліоновъ, вызвали у него гримасу: онъ напелъ, что деньги эти были плохо употреблены. Когда маршалъ Вильяруа, которому было поручено показать драгоцѣнности, предложилъ ему отправиться посмотрѣть „самое главное сокровище Франціи“, царь не сразу понялъ, что дѣло идетъ о маленькомъ королѣ **).

Въ институтъ онъ отправился только 19 іюня, наканунѣ отъѣзда. Французская Академія не была предупреждена и онъ самъ былъ виной этому! Только два или три члена находились тамъ и встрѣтили его. Они показали царю залъ за сѣданій, который едва не сдѣлался спальней его офицеровъ, объяснили ходъ работъ въ Академіи и показали портретъ короля. Лучшій пріемъ царь встрѣтилъ въ Академіи Наукъ;

*) Этотъ отвѣтъ, составленный вождемъ старой церковной партіи въ Россіи Яворскимъ дошелъ до адресата лишь косвеннымъ путемъ. Официально Петръ выставилъ другіе мотивы отказа, редакцію которыхъ поручилъ сотруднику по церковнымъ реформамъ Прокоповичу. См. П. Пьерлингъ, „La Sorbonne et la Russie“, 1863, стр. 50 и слѣд.

***) Sergent, 29 мая 1717 г.

члены ея были въ полномъ сборѣ. Я подозрѣваю, что это подстроилъ самъ Петръ: достопримѣчательности словаря Академіи имѣли для него весьма посредственную привлекательность. Въ Академіи Наукъ онъ осмотрѣлъ машину для подниманія воды Лафая, дерево Марса Лемери, домкратъ Далесса, приборъ Камю и поблагодарилъ корпорацію за пріемъ письма, написаннымъ по-русски *).

Въ тотъ же день, онъ присутствовалъ (въ особо отгороженномъ помѣщеніи) на торжественномъ засѣданіи парламента; члены были въ красныхъ мантияхъ; присутствіе царя помѣшало герцогу Мену и графу Тулузскому заявить протестъ противъ рѣшеній уполномоченныхъ регента,—рѣшеній, посягнувшихъ на права этихъ аристократовъ **). Программа, какъ мы видимъ, была обширная, почти подавляющая; Петръ исполнялъ ее добросовѣстно, не пропуская ни одной подробности и старался извлечь все, что только можно было извлечь наблюдая, засыпая спутниковъ вопросами, заполяя замѣтками записную книжку, которую онъ помпунтно, не считаясь ни съ временемъ, ни съ мѣстомъ, вынималъ изъ кармана. Онъ пользовался ею въ Луврѣ, въ церкви, на улицѣ... Въ то же время Петръ не отказывался отъ развлеченій, сумасбродствъ, привычныхъ ему излишествъ и разгула. Въ этомъ заключалась непріятная сторона его пребыванія въ Парижѣ.

Въ Трианонѣ онъ только удивилъ своихъ спутниковъ тѣмъ, что забавляясь, обливалъ ихъ водой изъ фонтановъ. Въ Марли, онъ неограничился подобными, малодостойными государя мальчишествами. „Онъ выбралъ это мѣсто“, разсказываетъ современникъ, „для того, чтобы запереться со своей любовницей, которую онъ привелъ сюда и, падъ которой одержалъ легкую побѣду въ помѣщеніи *m-me de-Ментэнонъ*“. Онъ отослалъ дѣвицу, давши ей два эку и хвастаясь своей дикой выходкой передъ герцогомъ Орлеанскимъ, употребилъ выраженія, которые современникъ рѣшился воспроизвести только по латыни: *Dixit ei se salutavisse quemdam meretricem*

*) Библиограф. Извѣстія, 1859, стр. 611 и слѣд.

**) *Marais, Memoires. Парижъ, 1863, т. I, стр. 207.*

datis nocte en una, et huic datis pro tanto labore tantum duobus nummis, tunc illam exclamovisse: Sage, Domiul ut vis magnifice, sed parcissime ut imperator mecum egisti *).

Слухъ объ оргіи, которой онъ осквернилъ королевское жилище, дошелъ даже до m-me де-Ментанонъ, жившей въ полномъ уединеніи. Она сообщаетъ объ этомъ своей племянницѣ: „Миѣ только что сказали, что царь притащилъ съ собой дѣвку и что Версаль и Марли страшно скандализованы. Пришлось послать врачей изъ Парижа въ Триановъ. Охота въ Фонтенебло мало понравилась царю; зато онъ такъ хорошо поужилалъ, что герцогъ д'Антэнъ нашелъ необходимымъ отказаться отъ его общества и сѣлъ въ другую карету. Сень-Симонъ рассказываетъ, что въ каретѣ царь доказалъ, что слишкомъ много ѣлъ и пилъ. Въ Пти-Бургѣ, гдѣ остановились на ночь, пришлось нанять двухъ крестьянокъ, чтобы привести въ порядокъ карету.

Общее впечатлѣніе, на которое вліяли подобныя, конечно, преувеличенные молвой случаи, остается неопредѣленнымъ и скорѣй неблагопріятнымъ. „Я вспоминаю“, писалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Вольтеръ, „какъ кардиналъ Дюбуа говорилъ, что царь просто сумасшедшій, рожденный быть помощникомъ боцмана на голландскомъ суднѣ“ **).

Такое же приблизительно мнѣніе высказалъ, за двадцать лѣтъ до этого, во время пребыванія царя въ Лондонѣ, Бюронетъ. Самъ Сень-Симонъ, обыкновенно столь рѣшительный въ похвалахъ и порицаніяхъ, въ этомъ случаѣ колеблется. Авторъ „Мемуаровъ“ противорѣчитъ автору „прибавленій“ къ журналу Данжо. Болѣе непосредственная замѣтка въ мемуарахъ, кажется болѣе искренней—и она далеко отъ восхваленія—и даже въ „Прибавленіяхъ“, гдѣ уже чувствуется обработка и условность, упоминается о „неприличныхъ оргіяхъ“ и отмѣченъ „сильный отпечатокъ стараго варварства“ ***).

Прощаясь съ королемъ, Петръ принялъ отъ него въ по-

*) Лувилль, Мемуары, Парижъ, 1818, т. II, стр. 241.

***) Письмо Шовелену, 3 окт. 1760, Corresp. gen., т. VII стр. 123.

****) Данжо, т. XVII, стр. 81.

дарокъ только два великолѣпныхъ гобелена. Онъ отказался, изъ-за соображеній этикета, отъ „прекрасной шпаги, украшенной брилліантами“. Онъ неожиданно измѣнилъ, обычно присущей ему, бережливости, которая немало способствовала тому, чтобы возсталовать противъ него общественное мнѣніе столицы.

Въ письмѣ Сержана мы читаемъ: „Царь, котораго упрекали въ отсутствіи щедрости, въ день отъѣзда блестяще доказалъ ея присутствіе; онъ далъ 50.000 ливровъ для тѣхъ, кто заботился о его столѣ, во время его пребыванія во Франціи; 30.000 ливровъ для своей стражи; 30.000 ливровъ для раздачи на королевскихъ мануфактурахъ и заводахъ, которые онъ посѣтилъ; онъ подарилъ свой, украшенный брилліантами, портретъ королю; такой же маршалу де-Тессе герцогу д'Антэнъ и маршалу д'Эстре; портретъ цѣною въ 6.000 ливровъ, онъ далъ королевскому метръ-д'отелю, который служилъ ему. Царь роздалъ, кромѣ того, много золотыхъ и серебряныхъ медалей съ изображеніемъ великихъ событій его царствованія и нѣкоторыхъ сраженій“. Въ общемъ онъ расплатился по-царски и не упустилъ случая обратить всеобщее вниманіе на странности своего ума и характера. Скудныя подачи, раздаваемыя имъ, во время пребыванія въ Парижѣ, обусловливались желаніемъ сохранить инкогнито, о которомъ онъ впрочемъ часто забывалъ. Государь проявилъ себя лишь при отъѣздѣ.

Парижъ, какъ мы видимъ, не относился серьезно къ его инкогнито и отъ пачала до конца обходился съ нимъ, какъ съ царемъ. По дорогѣ изъ Парижа въ Спа, гдѣ царя ждала Екатерина, провинція устраивала ему роскошныя приемы, соперничая въ издержкахъ на нихъ со столицей. Въ Реймсѣ, гдѣ Петръ остановился на 2 часа и гдѣ его интересовало лишь знаменитое славянское евангеліе, муниципалитетъ истратилъ 455 ливровъ и 13 су на приемъ. Городу Шарлевиллю стоилъ 4,327 ливровъ визитъ государя, продолжавшійся только одну ночь. Богато украшенный, распрѣченный національными флагами, корабль ожидалъ царя въ Маасѣ, чтобы перевезти его въ Льежъ; корабль этотъ былъ нагруженъ съѣстными припасами: 170 ф. говядины по 5 су, 1 коза,

35 цыплятъ и куръ, 6 большихъ индюковъ по 30 су, 85 фунта майнцской ветчины по 10 су, 200 раковъ, 200 яицъ по 30 су сотня, 1 лосось въ 15 фунтовъ, по 25 су за фунтъ, 2 большихъ форели, 3 боченка пива... *).

Любезность регента была настолько велика, что онъ попросилъ два портрета государя кисти Риго и Нантье.

Теперь намъ остается разсмотрѣть практическіе результаты этого перваго и послѣдняго появленія полтавскаго побѣдителя въ блестящей, близкой къ паденію французской монархіи.

III.

Двѣ главныхъ причины мѣшали политическому и торговому союзу, добываясь котораго Петръ пріѣхалъ въ Парижъ: договоръ о субсидіи (150.000 эку, черезъ каждые три мѣсяца), подписанный въ апрѣлѣ 1715 года и связывавшій Францію со Швеціей до 1718 г., и личныя связи регента съ англійскимъ королемъ. Переговоры начались тотчасъ же по пріѣздѣ царя. Но маршалъ де-Тессе, которому было поручено вести ихъ вмѣстѣ съ маршаломъ д'Укселль, сейчасъ же замѣтилъ, начавъ эти переговоры, что его правительство не имѣло другой цѣли, кромѣ какъ „вольтижировать“ и водить царя вполоть до его отъѣзда **). Въ то же время эти переговоры помогали держать въ напряженномъ состояніи Англію, дѣлая ея дружбу болѣе вѣрной, и беспокоить Швецію, дѣлая ея политику болѣе послушной. Напрасно Петръ рѣшительно и съ полной искренностью стремился впередъ. Онъ напрямикъ предлагалъ замѣнить Швецію Россіей въ системѣ союзовъ, обезпечивавшей до сихъ поръ европейское равновѣсіе. Онъ брался, какъ Швеція, производить нужныя диверсіи и получать субсидіи. Все это хорошо, но нужно сговориться относительно цифры, и обсужденіе этого предварительнаго пункта затягивалось на цѣлыя недѣли. Когда вопросъ былъ

*) Шалопскій Архивъ, см. *Revue contemporaine* 1865 (Barbhelemes).

**) De Tesse, *Memoires*, Paris, 1806, т. II, стр. 319.

исчерпанъ, на сцену выступила Пруссія, требуя черезъ своего посланника, барона Книфайзена, включенія ея въ договоръ. Превосходно, Россія и Франція гарантировали ей владѣніе Штеттиномъ. Но теперь приходилось измѣнить редакцію проекта союзнаго договора, принятую раньше. Петръ опять подгонялъ своихъ уполномоченныхъ и секретарей, и регентъ не мѣшалъ ему, такъ какъ получилъ изъ Берлина извѣщеніе, успокоившее его относительно результатовъ этой траты чернилъ. Когда актъ былъ совершенно готовъ и дѣло было только за подписями, выяснилось, что всѣ труды пропали даромъ: Книфайзенъ не имѣлъ полномочій! И царь принужденъ былъ отправиться домой съ пустыми руками.

Регентъ посмѣялся надъ московскимъ государемъ. Но де-Тессе нѣсколько безпокоился за болѣе отдаленныя послѣдствія этой неудачи. Не бросится ли отвергнутый и оскорбленный царь въ объятія императора, или не начнетъ ли переговоры непосредственно со Швеціей? О, нѣтъ. Его удерживаетъ Пруссія: это единственный уголокъ, остающійся ему въ Германіи. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ настоятельныя требованія Петра вызвали собраніе въ Амстердамѣ для возобновленія переговоровъ. Регентъ согласился на это. Рѣшеніе его не соглашаться ни на что серьезное осталось непоколебимымъ, но онъ измѣнилъ тактику: Книфайзенъ теперь имѣлъ полномочія, но Франція измѣнила свои требованія. Когда, благодаря стремительности Петра, 2-го сентября былъ заключенъ новый договоръ, съ явными и тайными статьями, какъ это и полагается для дипломатическаго акта, надъ которымъ работали представители трехъ великихъ державъ, то въ этомъ договорѣ удалось сговориться лишь относительно надеждъ на будущее, установить платоническій *desideratum*. Личныя статьи заключаютъ принятіе посредничества короля для заключенія мира на сѣверѣ, но это посредничество ставится въ зависимость отъ окончательнаго разрыва обязательствъ, связывавшихъ въ тотъ моментъ его христіанѣйшее величество со Швеціей. Секретныя же статьи обусловливаютъ оборонительный союзъ на основѣ Баденскаго и Утрехтскаго договоровъ. Но опредѣленіе взаимныхъ обязанностей, которыя должны явиться для союзниковъ результа-

томъ договора, откладывается до новыхъ переговоровъ. Франція, правда, обязалась по окончаніи срока своего договора со Швеціей, относительно субсидіи не возобновлять его. Но такъ какъ это обязательство было только устнымъ и уполномоченные короля особенно настаивали, чтобы оно было устнымъ, то Петръ не довѣрялъ ему, и былъ правъ.

Въ общемъ не сдѣлано ничего, и даже не положено начала установленію правильныхъ дипломатическихъ сношеній между двумя сторонами. Ту и другую сторону преслѣдуетъ несчастье въ выборѣ лицъ, предназначенныхъ для этой цѣли. Такъ какъ Петръ выразилъ желаніе видѣть въ Петербургѣ въ качествѣ французскаго посла де-Вертона, правъ и темпераментъ котораго ему понравились, то де-Вертонъ былъ назначенъ на эту должность и снабженъ инструкціями. Онъ собирався отправиться, когда его арестовали; кредиторы посадили его въ тюрьму. Представительство французскихъ интересовъ на берегахъ Невы осталось довѣреннымъ Лави, которому нечѣмъ было оплачивать пересылку своихъ писемъ!.. А представителемъ Россіи въ Парижѣ дѣлается баронъ Шлейницъ, котораго ждутъ впереди тяжкія испытанія.

Ничтожное значеніе договора 2-го сентября скоро стало для всѣхъ очевиднымъ. Въ слѣдующемъ 1718 году, въ то время какъ Шлейницъ завязываетъ сношенія съ Селламаромъ, Франція вступаетъ съ Англіей, императоромъ и Голландіей въ четверной союзъ противъ Испаніи, при чемъ союзники обѣщаютъ другъ другу взаимную помощь до конца Сѣверной войны. Въ Берлинѣ французскій посолъ графъ Ротенбургъ, работаетъ надъ заключеніемъ договора между Пруссіей и Англіей, въ результатѣ чего долженъ быть заключенъ, посредствомъ уступки Штеттина, отдѣльный миръ между Пруссіей и Швеціей. Наконецъ, въ Стокгольмѣ Кампредонъ спокойно ведетъ переговоры о возобновленіи договора 1715 года...

Такимъ образомъ Россія и Франція открыто оказываются въ противоположныхъ лагеряхъ. Правда, ни съ той, ни съ другой стороны не рѣшаются на открытый разрывъ. Стараются обращаться другъ съ другомъ осторожно и даже обмѣниваются любезностями. Петръ думаетъ о Константинополѣ,

гдѣ посоль императора готовъ предложить Портѣ союзъ противъ Россіи, а регентъ со своей стороны, думая о возможности осуществленія идей Герца внѣ Франціи, позволяетъ де-Бунаку, пользующемуся большимъ довѣріемъ Порты, оказать помощь князю Дашкову. Царь проситъ короля быть крестнымъ отцомъ его дочери Натальи, и регентъ отвѣчаетъ на этотъ актъ вѣжливости, давъ Шлейницу обѣщаніе, что Кампредонъ будетъ лишенъ полномочій.

Открытие заговора Селламара и писемъ Шлейница въ бумагахъ министра-авантюриста снова вылило ушатъ холодной воды на эти отношенія. Регентъ тѣмъ болѣе склоненъ былъ негодовать на дѣйствительно оскорбительное сообщничество русскаго князя, что пріемовъ Герца, казалось, нечего было больше опасаться: палачъ положилъ имъ конецъ. Однако, постепенно все вернулось къ прежнему положенію, вслѣдствіе возстановленнаго вскорѣ мира съ Испаніей и примирительнаго поведенія царя. Петръ стремился выйти изъ своего изолированнаго положенія и въ январѣ 1720 года Шлейницъ снова началъ осаждать регента докладными записками съ просьбами о посредничествѣ Франціи. Онъ добивался только письменнаго заявленія съ утвержденіемъ, что у короля нѣтъ никакихъ обязательствъ, могущихъ помѣшать безпристрастію, желательному для посредника. Но герцогъ Орлеанскій принялъ это требованіе очень свысока: вѣдь онъ уже сказалъ, что Кампредонъ лишенъ полномочій. Развѣ его слово не стоитъ всѣхъ писаній? И царь кончилъ тѣмъ, что уступилъ. Онъ уступилъ во всѣхъ пунктахъ, даже по вопросу о присоединеніи Англіи къ посредничеству Франціи, несмотря на то, что по этому поводу онъ имѣлъ многое сказать противъ *).

Эта покладистость Петра, эта рѣшимость идти на уступки, имѣли еще другую секретную причину, которая должна была отнынѣ направлять политику государя въ дальнѣйшихъ переговорахъ съ регентомъ и Франціей. Въ іюль 1719 г. несчастный Лави съ героическими усиліями нашелъ въ своей дырвой мошинѣ достаточно денегъ для отправки въ Парижъ письма, сообщавшаго сенсаціонную новость: царь забралъ

*) Письмо Царя герцогу Орлеанскому, 29 мая 1720. Aff. étr.

себѣ въ голову выдать замужъ за короля свою младшую дочь, „очень красивую и очень хорошо сложенную, которая могла бы сойти за истинную красавицу, если бы ея волосы не были нѣсколько рыжаго цвѣта“.

Дѣло шло о царевнѣ Елизаветѣ. Сначала Петръ имѣлъ для нея въ виду внука англійскаго короля *). Получивъ съ этой стороны отказъ, Петръ съ обычной для него быстротой и страстностью ухватился за мысль о родственномъ союзѣ съ Франціей. Но въ это время онъ опять оказался лишеннымъ представителя на берегахъ Сены. Кое-какъ выйдя изъ неловкаго положенія, въ которое его поставили сношенія съ Селламаромъ, Шлейницъ былъ обвиненъ регентомъ въ томъ, что выдалъ тайну переговоровъ, въ которыхъ принималъ участіе. Рѣшено не имѣть съ нимъ больше дѣла. Онъ былъ отозванъ, но не могъ уѣхать. Такъ же, какъ Вертона, его задержали кредиторы, а такъ какъ все его состояніе было вложено въ спекуляціи Ло, то вскорѣ онъ „впалъ въ крайнюю бѣдность“ **). Петръ былъ вынужденъ обходиться только услугами Лави. Секретныя сообщенія бѣднаго коммерческаго агента встрѣтили въ Версалѣ довольно холодный пріемъ. Нужно, чтобы царь прежде всего заключилъ миръ со Швеціей. Царь лучшаго и не желалъ. Онъ принялъ помощь Кампредона, сновашаго весной 1721 года между Стокгольмомъ и Петербургомъ. Но, когда ловкій дипломатъ успѣшно провель свою миссію, пустивъ для этого въ ходъ всѣ средства, — царю постоянно цѣлую руку, а его сановникамъ обѣщая на ушко денежные подарки ***) ,— когда Нипштадтскій миръ былъ заключенъ, Дюбуа, принявшій руководство французской политикой, выставилъ на первый планъ другое требованіе: прежде чѣмъ итти дальше въ обсужденія выдвинутаго Петромъ вопроса, Франція желаетъ, чтобы Россія приняла ея посредничество для примиренія ея съ Англійей. Это въ настоящее время самое главное дѣло регента и его министра. Пусть будетъ такъ; это обсудятъ. Но и у царя съ своей стороны есть другой предметъ разговора, который онъ горитъ желаніемъ

*) Архивъ князя Куракина, т. II, стр. 121.

**) Вилльруа къ Дюбуа 13 августа 1721 г. Aff. étr. de France.

***) Денеша Кампредона отъ 23 марта 1721 г. Aff. étr.

поставить на очередь, не зная, как за это взяться. Какой это предмет—догадаться нетрудно. Проекты царя дѣйствительно измѣнились. Долгоруковъ, смѣшившій Шлейница въ Парижѣ, далъ знать, что король помолвленъ съ испанской принцессой. Ну, что-жъ. Франція достаточно богата принцами для того, чтобы царица могла такъ или иначе найти себѣ подходящую партію. Въ ноябрѣ 1721 г. изобрѣтательный Толстой думалъ, что онъ нашелъ способъ начать переговоры. Съ невиннымъ видомъ онъ показалъ Кампредону нумеръ „Голландской Газеты“, гдѣ сообщалось о назначеніи маркиза Бель-Иль чрезвычайнымъ посланникомъ короля въ Петербургъ съ порученіемъ просить руки старшей дочери царя для герцога Шартрскаго *). Кампредонъ достаточно хорошо зналъ свое ремесло, чтобы не ошибиться относительно значенія сообщенной такимъ образомъ ложной новости. Но его нѣсколько смутила широта замысловъ, связывавшихся въ умѣ царя съ этимъ новымъ планомъ: предложеніе Россіи гарантировать, „при существующихъ обстоятельствахъ“, отказъ испанскаго короля отъ французской короны въ пользу регента; просьба о взаимныхъ гарантіяхъ того, что русскій престолъ перейдетъ будущей герцогинѣ Шартрской; избраніе герцога Шартрскаго, въ ожиданіи лучшаго, на престолъ Польши... Все это—и еще многое—заклучалось въ меморандумѣ, составленномъ въ январѣ 1722 года. Такъ какъ слишкомъ оффиціальное участіе Долгорукова къ передачѣ меморандума версальскому кабинету показалось слишкомъ рискованнымъ, то прибѣгли къ несчастному Шлейницу, котораго для этого случая извлекли изъ его бѣдственнаго положенія, уплативъ за него нѣсколько тысячъ рублей **). Кампредона попросили изложить эти предложенія и просьбы и ходатайствовать объ инструкціяхъ для отвѣта на нихъ.

Инструкціи заставили себя ждать. Но я весьма склоненъ думать, что напрасно винять Дюбуа за молчаніе, въ которое онъ заперся съ этого момента на долгіе мѣсяцы. По этому

*) Депеша Кампредона отъ 24 ноября 1721.

***) Меморандумъ переданный Шлейницей 10 февр., 1722 г. Тайныя инструкціи, данныя ему въ декабрѣ 1721. *Aff. étr. de France*, t. XI, p. 420.

поводу охотно рассказывают о конфликтѣ между кардиналомъ-министромъ и его представителемъ при русскомъ дворѣ: говорятъ, что Кампредонъ приходилъ въ отчаяніе отъ замедленія, подвергавшаго опасности успѣхъ его переговоровъ и интересы его страны, а Дюбуа въ это время былъ поглощенъ своими личными дѣлами, дѣлавшими его безразличнымъ ко всему остальному. Этотъ инцидентъ драматизировали, придавъ ему живописныя подробности: пятнадцать курьеровъ мчатся другъ за другомъ по дорогѣ изъ Петербурга въ Парижъ и напрасно ждутъ въ переднихъ Версальской обратной отправки; доблестный Кампредонъ заперся въ своемъ домѣ, притворяясь больнымъ; наконецъ, Бонакъ въ Константинополь по своему собственному почину вмѣшался въ распри между Россіей и Турціей, чтобы спасти подвергающееся опасности будущее неопредѣляемаго союза *). Историческая наука во Франціи имѣетъ давнишніе счеты съ правительствомъ регенства, и, быть можетъ, неумѣстно вмѣшиваться въ нихъ иностранному писателю, противорѣча историкамъ, которые были его учителями. Все-таки ему можно позволить одно: предоставить фактамъ самимъ говорить за себя. Кампредонъ не посылалъ пятнадцати курьеровъ къ кардиналу Дюбуа, такъ какъ онъ не могъ бы этого сдѣлать. Въ то время путешествіе курьера изъ Петербурга въ Версаль обходилось въ сумму отъ пяти до шести тысячъ ливровъ, а въ описываемый моментъ французскій дипломатъ не получалъ даже своего жалованья, запоздавшаго на цѣлый годъ, и имѣлъ потому очень вѣскія финансовыя причины для того, чтобы запереться дома. Для отправки экстраординарныхъ депешъ изъ одной столицы въ другую, во все время миссіи Кампредона, можно было воспользоваться всего только двумя курьерами, путешествовавшими для большей безопасности вмѣстѣ. Съ другой стороны, маркизу де-Бонаку вовсе не приходилось совѣтоваться только со своимъ патриотизмомъ и дальновидностью для того, чтобы исправлять въ Константинополь по собственной инициативѣ ошибки французской ди-

*) См. между прочимъ: Vandal, Louis XV et Elisabeth, Paris, 1882, p. 64—65.

пломатіи на берегахъ Невы: въ сущности, онъ только исполнялъ весьма точныя инструкціи, данныя уже давно, но постоянно возобновлявшіяся до января 1723 года *). Наконецъ, пославъ Кампредону въ концѣ 1723 года указанія, выводившія внѣшнюю французскую политику на новую, исполненную трудностей дорогу, кардиналь никакъ не могъ быть поглощенъ, какъ его обвиняють, въ 1724 году заботами о внутреннемъ управленіи и о своемъ личномъ положеніи до того, что оставилъ своего агента въ теченіе почти цѣлаго года безъ новыхъ инструкцій. Не могъ потому, что онъ уже умеръ!

Кардиналь, дѣйствительно, оставлялъ безъ отвѣта, въ теченіе ровно шести мѣсяцевъ, какъ депеши Кампредона, такъ и докладныя записки Шлейница и князя Долгорукова. Но это продолжительное молчаніе вовсе не послѣдовало, какъ это воображаютъ, за отправкой его первыхъ инструкцій, касавшихся дипломатическихъ новостей столь исключительнаго характера, которыя въ этотъ моментъ дошли до него отъ царя разными путями. Молчаніе Дюбуа предшествовало отправкѣ этихъ инструкцій, и въ тотъ моментъ онъ былъ правъ, поступая такимъ образомъ. Разсматриваемый инцидентъ имѣлъ мѣсто между весной и осенью 1722 года. Заключивъ миръ со Швеціей, Петръ быстро измѣнилъ свои виды относительно союза съ Франціей. До этого момента онъ разсматривалъ союзъ только какъ способъ покончить съ войной, теперь же союзъ долженъ былъ явиться основаніемъ цѣлаго политическаго зданія, въ которое входили, какъ составныя части, Польша и Испанія,—на двухъ противоположныхъ концахъ Европы. И Петръ мечталъ увѣнчать это зданіе семейнымъ союзомъ, бракомъ очаровавшимъ его воображеніе. Въ сущности даже все зданіе проектировалось только для этого конца. Затѣмъ, пустивъ эту ракету, царь покинулъ свою столицу и отправился въ довольно рискованную экспедицію съ сомнительнымъ исходомъ. Онъ выступилъ въ походъ на Персію. Отсутствіе его продолжалось шесть мѣсяцевъ. Молчаніе

*) Инструкція Бонаку въ январѣ 1723 г. Деша Бонака къ Дюбуа отъ 5-го января 1723 г. *Aff. étr. de France (Turquie, vol. 65)*.

Дюбуа продолжалось столько же. Я склоненъ думать, что кардиналь при существующихъ обстоятельствахъ принялъ наилучшее рѣшеніе. Долженъ прибавить, что и самъ Кампредонъ былъ такого же мнѣнія. Онъ не увеличивалъ числа курьеровъ,—которыхъ и найти-то было невозможно—онъ не обнаруживалъ нетерпѣнія,—развѣ только изъ-за того, что оставался безъ денегъ. Но отъ безденежья пострадали только его привычки къ мотовству и роскоши, уже достаточно проявившіяся.

Въ октябрѣ 1722 года въ Версалѣ узнали сразу объ относительномъ успѣхѣ экспедиціи въ Персію, о возможности новаго столкновения между Россіей и Турціей и о посылкѣ въ Вѣну Ягужинскаго, которому, какъ предполагали, дано важное порученіе. Тотчасъ же Дюбуа рѣшилъ, что пришло время ему заговорить, и, какъ бы ни былъ онъ занятъ кризисомъ, вызваннымъ одновременно съ этимъ его борьбой съ Вилльруа въ правительствѣ регентства, онъ поспѣлъ во-время. Единственные два курьера, находившіеся въ его распоряженіи, Миссипъ и Пюилоранъ, отправились изъ Версаля 25 октября 1722 года, и прибыли въ Москву 5 декабря, еще до отъѣзда Ягужинскаго. Зная, что они въ дорогѣ, Кампредонъ не дожидался даже ихъ прибытія, чтобы сдѣлать запросъ Ягужинскому въ довольно забавной формѣ. Русскій дипломатъ только что развелся съ женой, принудивъ ее уйти въ монастырь. „Не за тѣмъ ли вы отправляетесь въ Вѣну, чтобы завести новую связь?“—„Я предпочелъ бы искать ее въ Парижѣ“,—отвѣтилъ Ягужинскій тѣмъ же тономъ,—„но вы слишкомъ долго заставляете насъ ждать“.—„Подождите еще нѣсколько дней“.

Миссипъ и Пюилоранъ привезли все, чего могъ только желать французскій посоль: точныя указанія, подобныя полученнымъ Бопаккомъ, деньги для поправленія его личныхъ дѣлъ и еще деньги для необходимыхъ раздачъ. Того, что ему давали, было вполнѣ достаточно, а то, что ему приказывали, было въ общемъ вполнѣ разумно. Въ Версалѣ не хотѣли смѣшивать двухъ дѣлъ: франко-русскій союзъ—это было одно дѣло, а бракъ герцога Шартрскаго съ царевной—другое. Первое дѣло вращалось около вопроса о субсидіи, которую

будеть выплачивать Франція, и объ услугахъ, которыя будутъ оказывать Россія. „Во Франціи могутъ дать до 400,000 вѣку въ годъ. Дастъ ли Россія твердое обѣщаніе выставить армейскій корпусъ въ случаѣ войны съ Германіей?“ Второе дѣло было дѣломъ расчета: если приданое царевны Елизаветы должно состоять въ польской коронѣ, то пужно, чтобы это приданое было реализировано. Относительно же второстепенныхъ условій можно сговориться. Франція можетъ даже согласиться на признаніе императорскаго титула, недавно принятаго Петромъ, но, конечно, потребуетъ вознагражденія за эту уступку, представляющуюся очень значительной.

И вотъ, дѣло, казалось, находится въ хорошемъ положеніи. Почему же оно не пришло къ желанному концу? Какимъ образомъ произошла новая, весьма значительная задержка? По истинѣ кардиналъ тутъ не причемъ. Затрудненія происходили прежде всего отъ организаціи русскаго правительства и привычекъ русской дипломатин, о которыхъ я уже сказала нѣсколько словъ. Эта дипломатія дѣйствовала только въ тѣни и шла впередъ только ощупью. Переговоры всякій разъ обставлялись чрезмѣрными предосторожностями, чрезвычайно мѣшавшими ходу дѣла. Къ посламъ безпокойнымъ, всегда находящимся насторожѣ, нельзя было подступиться въ ихъ кабинетахъ. Чтобы переговорить съ ними по секрету, приходилось иной разъ отправляться даже въ трактиръ „Четырехъ фрегатовъ“, посѣщаемый матросами!.. Царю недовѣрчивому и подозрительному пужень былъ всегда какой-нибудь предлогъ, чтобы пригласить къ себѣ для бесѣды иностраннаго дипломата, необходимо было замаскировать такимъ образомъ настоящій предметъ разговора. Только въ февралѣ 1723 года онъ воспользовался тѣмъ, что Кампредону было поручено извѣстить его о смерти тетки короля, чтобы позвать его въ свой домъ въ Преображенскомъ, и тамъ, за заботливо запертыми дверями, при помощи Екатерины, служившей переводчицей, поговорить съ нимъ откровенно. И тогда оба замѣтили, что они ни въ чемъ не приходятъ къ соглашенію. Крѣпко держась за свои инструкціи, оставшіяся неизмѣнными даже послѣ удаленія Дюбуа, и послѣ того, какъ умеръ регентъ и завѣдываніе дѣлами перешло герцогу Бурбонскому, Кампре-

донъ настаивалъ на принципахъ, обѣщавшихъ, казалось бы, легкое соглашеніе. Мысли же русскаго государя мѣнялись. Онъ продолжаетъ выражать желаніе выдать дочь замужъ во Францію и снабдить ее приданымъ въ Польшѣ, гдѣ достаточно „добыть правящему королю новую, умную и привлекательную любовницу, чтобы сдѣлать тронъ свободнымъ“. Но и въ своихъ разсужденіяхъ и въ своихъ поступкахъ онъ какъ-будто приходитъ къ тому, что несовмѣстимо съ политическимъ союзомъ двухъ странъ. То онъ говоритъ о разрывѣ съ Турціей, у которой хочетъ взять обратно Азовъ; то какъ-будто размышляетъ объ экспедиціи въ Швецію, чтобы при помощи народнаго возстанія посадить тамъ на престолъ герцога Гольштинскаго. Поднимался даже вопросъ о высадкѣ русскихъ войскъ въ Англіи съ претендентомъ!.. *). Въ августѣ 1723 года, послѣ смерти Дюбуа, новый министръ де-Морвиль былъ вынужденъ написать Кампредону: „Ваши депеши все яснѣй и яснѣй показываютъ невозможность договориться до чего-либо съ царемъ, пока онъ не установитъ твердо своихъ плановъ и своихъ мыслей... Нужно подождать, пока время и обстоятельства дадутъ возможность судить, можетъ ли король съ увѣренностью принимать какія-нибудь обязательства по отношенію къ этому государю и исполнить ихъ“.

Ожиданіе было напраснымъ до самой смерти Петра. Продолжалось топтанье на одномъ мѣстѣ. На короткое время Кампредонъ могъ считать себя выигравшимъ дѣло. Въ началѣ августа 1724 года Петръ былъ очень обрадованъ извѣстіемъ о томъ, что разногласія съ Турціей уладились мирно, чему въ сильной степени содѣйствовалъ Бонакъ. Выходя изъ церкви, гдѣ былъ отслуженъ благодарственный молебень, царь обнялъ посланника и сказалъ ему слова, полныя обѣщаній: „Вы всегда были для меня ангеломъ мира. Меня нельзя назвать неблагодарнымъ, вы это увидите“. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней послѣ этого французское посольство было осаждено русскими сановниками, явившимися съ радостными лицами: государь уступилъ по всѣмъ пунктамъ, даже относительно участія въ договорѣ вмѣстѣ съ Франціей и

*) Соловьевъ, т. XVIII, стр. 131.

Англіей, что составляло до сихъ поръ одно изъ главныхъ препятствій къ соглашенію. Союзъ былъ заключенъ. Увы!— это была напрасная радость. Прежде всего, пришлось отложить подписаніе договора обѣими сторонами. До конца ноября и Петръ и окружающіе его такъ поглощены были дѣломъ Моиса, что къ нимъ невозможно было подступиться. Затѣмъ, для того, чтобы видѣться съ Остерманомъ, Кампредонъ каждый разъ долженъ былъ рисковать жизнью при переправѣ черезъ Неву: моста не было, а на рѣкѣ шель ледъ! Когда сообщеніе было восстановлено и можно было опять собраться для совѣщанія, оказалось, что еще ничего не сдѣлапо. Царь снова перемѣнилъ мнѣніе и слышать больше не хотѣлъ о включеніи Англіи въ договоръ. Что же случилось? Очень простая вещь: Куракину, посланному въ Парижъ для замѣщенія Долгорукова, понравилось пребываніе на новомъ посту, и, чтобы остаться тамъ, онъ приписывалъ себѣ небывалые дипломатическіе успѣхи, возбудивъ этимъ нерасположеніе государя къ Кампредону и его примирительнымъ стремленіямъ. Куракинъ дошелъ до того, что подалъ царю надежду на возможность брака царевны съ самимъ Людовикомъ XV, который якобы не хотѣлъ больше своей испанки. Потомъ пришлось умѣрить свои надежды. Припужденный дать объясненіи, Куракинъ долженъ былъ сознаться, что бракъ царевны даже съ однимъ изъ принцевъ крови представляется французскимъ министрамъ „чѣмъ-то слишкомъ отдаленнымъ“ для того, чтобы можно было примѣшивать этотъ вопросъ къ ведущимся переговорамъ.

Участь этихъ переговоровъ была рѣшена. Послѣ воцаренія Екатерины I появилась была надежда на ихъ возобновленіе, но эта надежда исчезла такъ же быстро, какъ и появилась. Договоръ остался безъ подписей, а царевна Елизавета безъ мужа. Понадобилось еще полтора вѣка испытаній и глубокихъ потрясеній на всемъ прострaнствѣ европейскаго континента для подготовленія пути къ осуществленію преждевременно задуманнаго союза. Неудача попытокъ къ его осуществленію, произведенныхъ въ XVIII вѣкѣ, мнѣ кажется, можетъ быть объяснена и оправдана безъ необходимости возлагать отвѣтственность за нее на правительство Франціи

или Россіи. Имъ придется сводить съ исторіей нѣе счеты. Эти правительства не могли притти ко взаимному пониманію, во-первыхъ, потому, что еще не настало время, и, во-вторыхъ, потому, что, по внѣшности стремясь къ соглашенію, на самомъ дѣлѣ они сначала до конца поворачивались другъ къ другу спиной. Начали съ того, что даже въ собственныхъ мысляхъ откладывали на будущее время установленіе связи, одинъ только Петръ въ теченіе нѣкотораго времени стремился къ этому серьезно. Потомъ, когда желаніе сблизиться стало обоюднымъ, оба правительства предъявляли очень разнорѣчивыя требованія: Франція хотѣла политическаго союза, а Россія семейнаго. И тотъ и другой союзъ вмѣстѣ были желательны только для Петра. Одной сторонѣ было непріятно возвести на ложе французскихъ королей незаконную, — хотя и узаконенную впоследствии тайнымъ бракомъ, — дочь бывшей прачки, чтобы не сказать хуже. Другая сторона не слишкомъ стремилась возложить на себя ярмо политическаго подчиненія, побывавшее на шеѣ покровительствуемыхъ Франціей поляковъ и шведовъ. Правду говоря, здѣсь нечему удивляться и нечѣмъ возмущаться. Не существовало почвы, указанной самой судьбой, для встрѣчи этихъ двухъ народовъ и соединенія ихъ интересовъ. Она была подготовлена только недавнимъ потрясеніемъ, послѣдствія котораго отразились на всей системѣ европейскихъ политическихъ группировокъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Внутренняя борьба.—Реформы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Новый строй.—Уничтоженіе стрѣлецкаго войска.—Петербургъ.

I. Новый строй. Предварительный вопросъ. Реформы и своеобразная культура старой Москвы. Славянофилы и Западники. Происхождение преобразовательнаго движенія. Какъ эта эволюція превратилась въ революцію. Общій характеръ дѣятельности. Послѣдовательность, въ которой могутъ быть изучаемы достигнутые ею результаты. Символическія черты.

II. Уничтоженіе стрѣлецкаго войска. Его причины. Новая армія и старая милиція. Недовольство этой послѣдней. Бунтъ. Петръ пользуется имъ, какъ предлогомъ для уничтоженія стрѣльцовъ. Грандіозное слѣдствіе. Четырнадцать застѣнковъ. Отрицательные результаты. Царевна Софья. Ея соучастіе недоказано, тѣмъ не менѣе ея приговариваютъ къ заточенію въ монастырь. Массовыя казни. Участіе въ нихъ Петра. Высшій судья. Московская „Гревская площадь“. Лобное мѣсто.

III. Петербургъ. До и послѣ Полтавы. Крѣпость или столица? Причины, побудившія Петра перенести туда центръ управленія. Критика и оправданіе этого поступка. Національный обычай.

I.

Новый строй.

Мои русскіе читатели не простили бы мнѣ, если бы я приступилъ къ этой части моего труда, не коснувшись предварительно вопроса, который, помимо даже чисто исторической критики, остается въ Россіи неистощимой темой для безконечныхъ споровъ: не измѣнилъ ли Петръ насильственно ходъ исторіи Россіи, бросивъ ее въ объятія западно-европейской культуры, и не слишкомъ ли онъ пренебрегъ элементами

туземной своеобразной культуры, способными, может быть, къ наивысшему развитію и, во всякомъ случаѣ, болѣе соотвѣтствующими національному духу?

Въ этомъ заключается великій споръ славянофиловъ съ западниками.

Я полагаю, что можно не касаться вопроса о расовыхъ отличіяхъ русскаго народа. По фізіологическимъ свойствамъ русскіе, сколько бы не возражали противъ этого, занимаютъ совершенно опредѣленное мѣсто среди индо-европейскихъ народовъ, и основы ихъ цивилизаціи созданы изъ тѣхъ же индо-европейскихъ матеріаловъ. Но спеціальныя историческія и географическія условія могли наложить на нѣкоторые изъ этихъ матеріаловъ извѣстный отпечатокъ отчего и произошли своеобразные нравы и обычаи, особыя представленія и идеи. Напримѣръ, въ вопросахъ о собственности, о семьѣ, о верховной власти. Уничтожилъ ли все это Петръ, и былъ ли онъ правъ, поступая такимъ образомъ?

Въ этомъ въ настоящее время заключается вся сущность спора.

Я надѣюсь, что настоящее изслѣдованіе, если и не разрѣшитъ этотъ споръ, то, по крайней мѣрѣ, прольетъ на него нѣкоторый свѣтъ. Изъ него тотчасъ же можно сдѣлать двоякій выводъ, обнаруживающій съ одной стороны элементарное, зачаточное, неорганическое состояніе большей части элементовъ, надъ которыми пришлось трудиться преобразователю; съ другой стороны, напротивъ, стойкость нѣкоторыхъ чертъ, то, какъ-будто по вѣщности мѣняющихся, но по существу неизмѣнныхъ, то всецѣло ускользающихъ отъ воздѣйствія реформъ.

Уничтоженіе стараго вовсе не было такъ полно, какъ это хотятъ представить. Во многихъ отношеніяхъ старый строй уже отжилъ гораздо раньше Петра. Оба основныхъ устоя, поддерживавшихъ этотъ строй,—православіе и абсолютная власть, самодержавіе,—пошатнулось еще за четверть вѣка до воцаренія Петра и разрушились, одинъ благодаря внутреннимъ несовершенствамъ организаціи, обнаружившимся съ самаго начала, другой, благодаря преувеличенію своего основного принципа, порожденному отчасти политической

борьбой, изъ которой царствованіе самого Петра могло выйти только при помощи государственнаго переворота. Со времени учрежденія московской гегемоніи на развалинахъ прежнихъ враждующихъ удѣловъ, личная власть монарха облекается въ восточныя формы и въ основаніе ея кладется частное право. Исчезаютъ права владѣнія по феодальному образцу, остается простое право собственности, распространяющееся не только на имущество подданныхъ, но и на ихъ личность. Кромѣ этого единственнаго права никто, за исключеніемъ церкви, не имѣлъ никакихъ другихъ. Нѣтъ законнаго наследованія одного подданнаго другому—имущества просто произвольно распредѣляются монархомъ въ награду за оказанныя ему услуги; обладаніе ими иногда наследственно (вотчины), чаще пожизненно (помѣстья). Не существуетъ, или почти не существуетъ, частной торговли и промышленности; торговля и промышленность, какъ и все остальное, принадлежитъ царю. Его монополія допускаетъ только посредниковъ. Монархъ покупаетъ оптомъ и продаетъ въ розницу все, вплоть до съѣстныхъ припасовъ, мяса, фруктовъ, овощей *). Прежніе удѣльные князья Рюриковичи, Тверскіе, Ярославскіе, Смоленскіе, Черниговскіе, Рязанскіе, Вяземскіе и Ростовскіе,—теперь образуютъ просто высшее сословіе среди другихъ слугъ общаго господина. Низшій классъ составляютъ закрѣпощенные съ 1600 г. (за исключеніемъ нѣкотораго числа вольныхъ крестьянъ на югѣ) крестьяне. И на нихъ то оскорбленные Рюриковичи вымещаютъ свое униженіе. Другихъ классовъ нѣтъ, нѣтъ корпорацій, нѣтъ общественной жизни. Новгородская купеческая корпорація, создавшая нѣкогда благоденствіе города, исчезла вмѣстѣ съ другими слѣдами норманскаго устройства и культуры. Для борьбы съ владычествомъ монголовъ Москва позаимствовала у нихъ же принципы и приемы управленія. А для того, чтобы укрѣпить свое превосходство надъ другими городами, она довела примѣненіе этихъ принциповъ и приемовъ до послѣдней крайности.

Итакъ, царь является ни только хозяиномъ, но въ пол-

*) Котошихинъ, Записки, гл. X.

номъ смыслѣ слова собственникомъ своей страны и своего народа. Но его праву и его власти, столь высоко воздвигнутымъ, не достаетъ точки опоры; они воздвигнуты надъ пустотой, въ которой пресмыкаются жалкіе рабы. Нѣтъ общественной группировки, нѣтъ іерархіи, нѣтъ органической связи между отдѣльными единицами. Мы видимъ случайное броженіе, вызываемое элементарными инстинктами. Неинтеллигентныя массы, живущія безсознательной жизнью, проявляютъ разгулъ дикихъ страстей, грубыхъ аппетитовъ, бросаются на приманку ближайшей добычи, переходя отъ Петра на сторону Софьи, и отъ Софьи на сторону Петра. Хаосъ въ настоящемъ и непроглядный мракъ въ будущемъ.

Что касается церкви, то она перешла изъ Византіи въ Кіевъ уже ослабленная и униженная, потерявъ свою нравственную силу въ пучинѣ греческаго упадка. Духъ вѣры былъ поглощенъ внѣшними формами. Религіозность граничила съ надоедливымъ ханжествомъ и сводилась къ поклоненію мощамъ, образамъ, къ формуламъ молитвъ и постовъ, къ непонятному богослуженію. Духовенство скоро разбогатѣло и приобрѣло значительное вліяніе, благодаря устройству множества монастырей. Но, подобно Риму, въ тягостныя времена папства, оно воспользовалось этимъ только для пониженія умственнаго уровня народа, и никогда, по примѣру Рима, не работало надъ улучшеніемъ его экономического или моральнаго уровня. Внутренняя слабость церкви обнаружилась во всей своей полнотѣ, когда при царѣ Алексѣею былъ поднятъ вопросъ о простомъ измѣненіи церковнаго обряда: произошло возмущеніе и появился расколъ.

Петръ достигъ власти при помощи государственнаго переворота. Подстрекаемые Софьей Сръльцы старались произвести другой переворотъ, чтобы его ниспровергнуть. Такимъ образомъ, онъ очень рано почувствовалъ, что его всемогущество не имѣетъ подъ собой реального основанія. А когда глава обширнаго государства попробовалъ использовать во внѣшней борьбѣ тѣ силы, которыми, по его предположенію, обладала его страна, то еще раньше Нарвы, уже подъ стѣнами Азова, онъ увидѣлъ, что все ему измѣняется: войска разбѣжались черезъ нѣсколько часовъ, казна

опустѣла черезъ нѣсколько дней, а административныя учрежденія, казалось, потеряли всякую дѣеспособность.

Предшественники великаго реформатора прекрасно понимали положеніе дѣлъ и пытались иногда его исправить. Они намѣтили цѣлую программу преобразованій, по нѣкоторымъ вопросамъ находящуюся еще въ стадіи туманныхъ идей, попытокъ и неопредѣленныхъ стремленій, но по другимъ проявившуюся даже въ опредѣленныхъ мѣропріятіяхъ. Эта программа имѣла цѣлью, конечно, не коренное измѣненіе, а лишь улучшеніе существующаго порядка, приспособленіе его къ новымъ требованіямъ политическаго устройства страны съ возрастающимъ значеніемъ и честолюбіемъ. Въ эту программу входило переустройство военныхъ силъ страны и, какъ необходимое условіе этого, улучшеніе ея финансовой системы, развитіе ея экономическихъ силъ и поощреніе внѣшней торговли. Предки Петра признавали необходимость болѣе непосредственнаго соприкосновенія съ заграницей и обращенія за помощью къ иностранцамъ. Они имѣли въ виду начать общественное переустройство съ амансипаціи городского населенія и даже раскрѣпощенія крестьянъ. Наконецъ, при Никонѣ они коснулись вопроса о церкви, а, слѣдовательно, и объ обученіи, такъ какъ церковь являлась единственнымъ разсадникомъ просвѣщенія.

Но вотъ появился Петръ: Ч то д р у г о е, н о в о е создалъ онъ? Въ сущности, ничего, или очень немного. Онъ усвоилъ себѣ ту же самую программу. Онъ нѣсколько расширилъ ее, прибавилъ къ ней реформу нравовъ, измѣнивъ характеръ установленныхъ уже отношеній съ западомъ. Но и онъ такъ же оставилъ нетронутыми основы доставшагося ему въ наслѣдство политическаго зданія. А съ точки зрѣнія общественнаго переустройства онъ даже отсталъ отъ того, что было задумано или подготовлено его предшественниками. До сихъ поръ недостаточно отмѣчено, что дѣятельность Петра, несмотря на его какъ-будто всеобъемлющія стремленія, не выходила изъ сравнительно узкихъ общихъ границъ, и даже въ этихъ границахъ была очень поверхностна. Это, какъ было уже сказано раньше, была п о д п р а в к а и ш т о п к а, а не созданіе чего-либо новаго. По-

слѣднее началось до Петра. Единственно, что измѣнилось при немъ, это условія, въ которыхъ приходилось теперь работать. Новостью же при немъ явилась прежде всего безконечная война, въ теченіе двадцати лѣтъ воодушевлявшая Петра и имъ управлявшая. Результатомъ ея былъ съ одной стороны, ускоренный ходъ начавшейся раньше эволюціи, съ другой стороны перестановка естественнаго порядка входящихъ въ нее политическихъ и соціальныхъ перемѣнъ, сообразно требованіямъ даннаго момента, которыя не всегда строго согласовались съ наиболѣе настоятельными нуждами народной жизни. Новыми затѣмъ были вкусы, духовный складъ, странности и своеобразныя привычки, полученныя этимъ гениальнымъ, но причудливымъ работникомъ, благодаря воспитанію, посѣщеніямъ слободы и соприкосновенію съ Европой; будучи возведены имъ въ принципъ, они занимаютъ въ его дѣятельности мѣсто несоответственно большое по сравненію съ ихъ естественнымъ значеніемъ. Новостью, наконецъ, былъ личный характеръ реформатора, придававшій всѣмъ его мѣропріятіямъ оттѣнокъ насилія, преувеличенія и горячности, въ равной степени оскорблявшихъ и приводившихъ въ замѣшательство заинтересованныхъ лицъ. Все это вмѣстѣ взятое превратило прежнюю мирную эволюцію въ революцію. И тѣ самыя стремленія и попытки которыя при царяхъ Алексѣѣ и Θεодорѣ встрѣчали лишь слабое сопротивленіе, при Петрѣ вызываютъ уже возмущеніе, вначалѣ бывшее почти всеобщимъ и требующее примѣненія суровыхъ принудительныхъ мѣръ. Реформы, производившіяся лишь по личному усмотрѣнію государя, внезапно, порывисто, безъ опредѣленнаго порядка и безъ видимой связи между собой, обрушивались на его подданныхъ, какъ снѣгъ на голову, или какъ удары грома. Подгоняемый войной, увлекаемый своей горячностью, бредящій тѣмъ, что онъ видѣлъ въ Германіи, Англіи и Голландіи, Петръ не имѣлъ возможности ни согласовать между собой свои мѣропріятія, ни размышлять долго при ихъ подготовленіи, ни проявить терпѣніе при ихъ осуществленіи. Онъ пронесся надъ своей страной и народомъ, подобно урагану. Онъ импровизировалъ, прибѣгалъ къ отчаяннымъ мѣрамъ и всѣхъ терроризировалъ.

Но я далека от желанія отрицать, что именно это-то и придало обновительному движенію, создавшему современную Россію, размѣры и быстроту, которыхъ отнюдь не могли ему сообщить скромныя попытки Алексѣя и Θεодора. Въ нѣсколько лѣтъ Петръ совершилъ работу нѣсколькихъ вѣковъ. Остается выяснить: послужилъ ли на благо Россіи этотъ неожиданный скачекъ черезъ время и пространство. Это уже другой вопросъ, изученію котораго, по-моему, должно предшествовать изученію самихъ фактовъ, т.-е. изученіе, достигнутыхъ Петромъ, результатовъ.

Слѣдить за этими результатами по мѣрѣ того, какъ они обнаруживались въ исторіи великаго царствованія, было бы неблагоприятной задачей отъ которой въ концѣ-концовъ получилось бы впечатлѣніе хаоса. До извѣстной степени осуществленіе реформъ происходило въ порядкѣ, опредѣлявшемся великимъ духомъ инициативы уже отмѣченнымъ мною у Петра. Война, естественно, выдвинула на первый планъ прежде всего военныя реформы; эти послѣднія вызвали рядъ финансовыхъ мѣропріятій, потребовавшихъ въ свою очередь предпріятій экономического характера. Но въ такомъ порядкѣ не было ничего безусловнаго. Въ противномъ случаѣ, произведенный въ самомъ началѣ царствованія опытъ преобразования городского устройства съ трудомъ могъ бы найти себѣ мѣсто въ ряду предпринятыхъ Петромъ реформъ. Въ своемъ изслѣдованіи я буду придерживаться порядка относительной важности предметовъ. Во всякомъ случаѣ для того, чтобы очистить и освѣтить то довольно широкое и загроможденное поле, на которомъ должно происходить это изслѣдованіе, я выдѣлю сначала нѣкоторыя событія, сыгравшія въ общей реформаторской работѣ только побочную и очень второстепенную роль, но которымъ, тѣмъ не менѣе, въ глазахъ широкой публики приписывается самая сущность и все значеніе этой работы. Впрочемъ, публика въ своемъ, естественно, черезчуръ упрощенномъ пониманіи, ошибается только на половину. Эти событія, сами по себѣ, почти не имѣющія значенія, очень важны въ смыслѣ выразительности въ нихъ проявляется характеръ новаго режима, его видимыя отли-

чительныя черты. Повтому-то они и говорят такъ много во-
ображенію толпы. Подъ такими событіями я подразумѣваю:
гоненіе на бороду, уничтоженіе Стрѣлецкаго войска и осно-
ваніе Петербурга.

II.

Уничтоженіе стрѣлецкаго войска.

Вернувшись изъ перваго путешествія по Европѣ, Петръ
показался своимъ подданнымъ въ обноскахъ Августа Поль-
скаго, въ „заморскомъ платьѣ“, котораго онъ до сихъ поръ
не носилъ при нихъ. Нѣсколько дней спустя, на пиру у
генерала Шеина онъ вооружился ножницами и принялся
обрѣзать бороды гостямъ. Царскій шутъ Тургеневъ сдѣ-
лалъ то же. Свидѣтели этой сцены могли принять ее за
простой капризь деспота. Самъ Петръ отъ природы былъ
почти лишень волосъ; у него была только рѣденькая бо-
родка и убогіе усы; онъ много пилъ за столомъ у Шеина
и легко могъ выбрать такой способъ проявить свою весе-
лость.—Вовсе нѣтъ! Черезъ нѣсколько дней послѣ этого,
взмахи ножницъ были санкціонированы указомъ и оказа-
лось, что при помощи забавной выходки на пиру между
двумя стаканами вина была проведена широкая мораль-
ная, умственная и экономическая реформа! Дальше я укажу
то, что было въ ней серьезнаго.

Вслѣдъ за этимъ, вскорѣ послѣдовало и упраздненіе
стрѣльцовъ. Оно было первымъ неожиданнымъ, но въ сущ-
ности естественнымъ послѣдствіемъ тѣхъ воинственныхъ пла-
новъ, неотразимыми чарами которыхъ было поражено во-
ображеніе юнаго царя при соприкосновеніи съ его саксонско-
польскимъ другомъ. Петръ подъ стѣнами Азова испыталъ
военную доблесть своихъ ополченцевъ, и этотъ опытъ убѣ-
дилъ его, что та вооруженная сила, обладателемъ которой
онъ считалъ себя, вовсе не была силой. Тогда онъ громко
высказалъ намѣреніе сформировать новыя войска по образцу
европейскихъ, доказавшихъ въ это время свое относительное
превосходство, и сдѣлать ядромъ новой организаціи два

своихъ потѣшныхъ полка. Затѣмъ онъ уѣхалъ за границу, повидимому, для изученія принциповъ тамошняго военнаго устройства. Такимъ образомъ прежняя московская армія, стрѣльцы, была осуждена на исчезновеніе. Имъ уже начали поручать неблагодарную работу. Въ военныхъ упражненіяхъ, предшествовавшихъ Азовскому походу, они всегда должны были изображать побѣжденныхъ. Послѣ взятія Азова потѣшные полки отправились въ Москву, торжественно вошли въ нее, имъ устраивали оваціи, имъ давали награды. Стрѣльцы же въ это время оставались въ побѣжденномъ городѣ для починки укрѣпленій. Прежде чѣмъ уничтожить, ихъ унижали и обижали. Они взбунтовались. Въ мартѣ 1698 года, во время пребыванія Петра въ Англіи, они прислали изъ Азова въ Москву депутацію, уполномоченную принести ихъ жалобы. Депутація возвратилась, не получивъ никакого удовлетворенія, и привезла возбуждающія новости: Петръ душою и тѣломъ предался иностранцамъ, а заключенная въ Новодѣвичьемъ монастырѣ сестра его, царевна Софья, призываетъ своихъ старыхъ приверженцевъ стать на защиту престола и алтаря противъ нечестиваго и революціоннаго царя. Письма бывшей правительницы, настоящія или подложныя, начинаютъ распространяться въ полкахъ. Отрядъ стрѣльцовъ, около 2,000 человекъ, былъ выдѣленъ въ это время изъ Азовскаго гарнизона и посланъ въ Великія Луки для охраны польской границы. Разлука съ товарищами и долгій переходъ съ одного конца государства на другой довели этотъ отрядъ до крайней степени раздраженія. Тѣмъ болѣе, что въ мирное время стрѣльцы привыкли оставаться дома. Посланный въ Великія Луки отрядъ взбунтовался первый и отправился въ Москву. Генералъ Шейнъ вышелъ навстрѣчу стрѣльцамъ съ болѣе сильнымъ отрядомъ и съ пушками, встрѣтилъ ихъ 17 іюня возлѣ Воскресенскаго монастыря, убилъ нѣсколько человекъ, взялъ въ плѣнъ остальныхъ и нѣкоторыхъ изъ плѣнниковъ послѣ допроса велѣлъ повѣсить. Казалось бы, дѣло было окончено *).

*) Московскій государств. архивъ. Дѣло стрѣльцовъ; Соловьевъ, т. XIV, стр. 254.

Ничуть не бывало. Петръ, получивъ извѣщеніе обо всемъ происшедшемъ, поспѣшилъ вернуться и тотчасъ же рѣшилъ воспользоваться обстоятельствами для того, — чтобы нанести окончательный ударъ. Съ самаго дѣтства стрѣльцы постоянно становились ему поперекъ дороги: они убивали его родныхъ и друзей; они поддерживали противъ него власть узурпаторши; даже и теперь, во время переговоровъ съ Шейнымъ, передъ тѣмъ, какъ онъ разбилъ ихъ въ пухъ и прахъ, они осмѣлились ожесточенно нападать на Лефорта и другихъ иностранцевъ, окружавшихъ царя. Довольно съ него! Онъ хотѣлъ покончить съ ними разъ навсегда, навѣки уничтожить на родной землѣ сѣмена вѣчныхъ возстаній, утопить въ морѣ крови кровавыя видѣнія, которыми эти люди съ самой колыбели отравляли его душу. Онъ не удовлетворится нѣсколькими ударами кнута и нѣсколькими повѣшенными. Онъ поведетъ дѣло широко, на свой собственный ладъ. Слѣдствіе, поверхностно веденное и законченное Шейнымъ и Ромодановскимъ, было начато снова и поставлено въ условія, которымъ, хотѣлось бы вѣрить, не было подобныхъ въ исторіи человѣчества. Четырнадцать застѣнковъ были устроены въ Преображенскомъ и работали днемъ и ночью. Въ нихъ можно было найти все обыкновенныя и необыкновенныя орудія пытокъ, въ томъ числѣ жаровни, на которыхъ поджаривали пытаемыхъ. Одинъ изъ нихъ подвергался пыткамъ семь разъ и получилъ девяносто девять ударовъ кнута, изъ которыхъ пятнадцати было бы достаточно, чтобы убить человѣка. Подполковникъ Корпаковъ пытался перерѣзать себѣ горло, чтобы положить конецъ мученьямъ; онъ только поранилъ себя, и пытка продолжалась. Женщинъ: женъ, дочерей и родственницъ стрѣльцовъ, служанокъ или приближенныхъ Софьи — допрашивали такимъ же образомъ. Одна изъ нихъ разрѣшилась отъ бремени во время пытокъ. Дознаніе производилось главнымъ образомъ насчетъ участія, которое принимала царевна и ея сестры въ приготовленіяхъ къ мятежу. Петръ былъ убѣжденъ въ ихъ виновности, но онъ хотѣлъ доказательствъ, а слѣдствіе ихъ не доставляло. „Могутъ же онѣ умереть за насъ“, — наивно пишетъ одна изъ царевенъ по поводу нѣсколькихъ приговоренныхъ къ пыткамъ служанокъ, на молчаніе которыхъ она рассчитываетъ. Одного

стрѣльца подвергли пыткамъ на дыбѣ, дали ему тридцать ударовъ кнутомъ и долго поджаривали, но изъ него не удалось вытянуть ни слова. Едва удавалось вырвать у него полупризнание, неясный намекъ,—какъ только ему давали перевести духъ, онъ снова возвращался къ своимъ первымъ показаніямъ или застывалъ въ нѣмомъ молчаніи. Софья, которую, какъ говорятъ, допрашивалъ и пыталъ самъ Петръ, такъ же осталась непреклонной въ своемъ заперательствѣ. Младшая сестра, Марѳа, призналась только въ томъ, что сообщила бывшей правительницѣ о предстоящемъ прибытіи стрѣльцовъ и о ихъ желаніи вновь сдѣлать ее правительницей.

Съ этой стороны слѣдствіе не дало никакихъ результатовъ. Текстъ одного очень компрометирующаго письма Софьи къ стрѣльцамъ былъ только отрывкомъ, составленнымъ изъ безсвязныхъ и вѣроятно потомъ взятыхъ назадъ клочковъ показаній, вырванныхъ въ застѣнкѣ. Это признаетъ даже самъ опубликовавшій его, который въ общемъ очень хорошо освѣдомленъ *). Послѣ заточенія въ Новодѣвичій монастырь, царевну строго стерегли; отрядъ въ сто человекъ стоялъ на караулѣ передъ монастыремъ. Хотя, правда, она сохранила возможность сообщаться съ внѣшнимъ міромъ, и поддерживать ежедневныя сношенія съ дворомъ, другими царевнами и со всѣми своими друзьями. Она могла даже попрежнему оказывать широкое гостепрѣимство: дворцовые слуги доставляли ей ежедневно десять стерлядей, пару щукъ, два боченка икры, два боченка селедокъ, пироги, орѣховое масло, ведро меду, ведро мартовскаго пива, четыре ведра обыкновеннаго пива и всякаго рода иные съѣстные припасы и напитки; въ праздничные дни ко всему этому прибавлялся боченокъ анисовой водки и бочка обыкновенной. Ромодановскій позволилъ, кромѣ того, ея сестрамъ посылать ей лакомства, ежедневная передача которыхъ облегчала, какъ думаютъ, обмѣнъ тайными посланіями. Что касается приверженцевъ бывшей правительницы, то они всегда имѣли возможность свободно пройти въ монастырь съ толпою нищихъ обоюга пола, составлявшихъ въ Москвѣ привилегированную касту. Въ извѣстныя времена года большія

*) Устряловъ, т. III, стр. 159.

обители принимали ежедневно нѣсколько сотъ нищихъ и давали имъ пріютъ. Въ ихъ числѣ было очень много стрѣлецкихъ вдовъ, занимавшихъ первое мѣсто въ томъ бродячемъ населеніи, среди которыхъ, обыкновенно, вербовались недовольные *). Разумѣется, при помощи этихъ элементовъ велась постоянная пропаганда въ пользу бывшей правительницы. Дѣятельное участіе въ этой пропагандѣ принимала стрѣльчиха Афимка Кондратьева, вдова трехъ свирѣпыхъ ополченцевъ. Но ни малѣйшаго слѣда заговора въ сущности не было обнаружено.

Слѣдствіе ничего не выяснило. Оно только до крайности раздражило жестокіе инстинкты юнаго царя и закалило его безчувственность. Онъ лично присутствовалъ при допросахъ и казняхъ. Испытывалъ ли онъ при этомъ, какъ полагаютъ нѣкоторые, удовольствіе и наслаждался ли, какъ любитель, соприкосновеніемъ съ задыхающимися тѣлами, видомъ продолжительной агоніи, всеѣмъ жгучимъ вкусомъ горя и смерти? Не думаю. Онъ наблюдалъ скорѣе съ любопытствомъ, какъ человѣкъ жаждущій ощущеній и неуклонно стремящійся все видѣть лично, во все вмѣшиваться. Несомнѣнно, что среди этой оргіи верховнаго правосудія его душа ожесточалась и воображеніе распалось. Послѣ окончанія процесса ему понадобились еще безконечныя казни, кучи головъ, падающихъ подъ топоромъ палача, лѣса висѣлицъ, гекатомбы человѣческихъ жизней.

30 сентября 1698 г. къ мѣсту казни отправляется первый транспортъ осужденныхъ. Пятеро были по дорогѣ собственноручно казнены Петромъ передъ его домомъ въ Преображен-

*) Корбъ, стр. 84; Гваріентъ у Устрялова, т. III, стр. 407; Фокеродтъ (Германъ), стр. 20; Вильбоа, Неизданныя Записки; Соловьевъ, т. XIV, стр. 286; Костомаровъ, т. II, стр. 517; Изданіе книги Корба, перваго обратившаго вниманіе Европы на эту жестокость, было уничтожено, вслѣдствіе ходатайства Царя при Вѣнскомъ дворѣ. Отъ него осталось, какъ полагаютъ, 12 экземпляровъ. Англійскій переводъ былъ изданъ по копии, сохранившейся въ бібліотекѣ Фраскати. Я пользовался однимъ изъ рѣдчайшихъ экземпляровъ подлиннаго изданія, чѣмъ обязанъ любезности ученаго русскаго бібліофла, поселившагося въ Парижѣ, г-на Онѣгина, котораго прошу принять мою глубокую благодарность.

скомъ. Этотъ фактъ удостовѣренъ многочисленными свидѣтелями и признанъ большинствомъ историковъ. Даже Лейбницъ, такъ благосклонно относившійся къ царю-преобразователю, былъ возмущенъ и негодовалъ по поводу этого случая*). Петру мало было того, что онъ самъ работалъ топоромъ, онъ хотѣлъ, чтобы и его приближенные дѣлали то же. Голицынъ оказался неловкимъ и заставлялъ долго мучиться казнимыхъ; Меншиковъ же и Ромодановскій оказались болѣе способными. Только иностранцы: Лефортъ и полковникъ Преображенскаго полка Бломбергъ отказались отъ этой ужасной работы. Приговоренныхъ привезли на Красную площадь въ саняхъ попарно, съ зажженными свѣчами въ рукахъ, и положили рядами по пятьдесятъ человѣкъ вдоль бревна, служившаго плахой. 11 октября было совершено 144 новыхъ казни; 205 человѣкъ было казнено 12 октября; 141—тринадцатаго; 109—семнадцатаго; 65—восемнадцатаго; 106—девятнадцатаго. Двѣсти стрѣльцовъ были повѣшены передъ окнами Софьи въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, при чемъ трое изъ нихъ держали въ рукахъ копіи прошенія, адресованнаго царевнѣ. Сама она отдѣлалась довольно дешево: она была лишена сана, который сохраняла до сихъ поръ, заперта въ тѣсную келью и стала отнынѣ только инокиней Сусанной. Ея сестра Марѳа подверглась той же участи въ Успенскомъ монастырѣ, въ нынѣшней Владимірской губерніи, гдѣ она приняла имя Маргариты. Обѣ онѣ умерли монахинями, первая въ 1704 году, вторая въ 1707 г.

Одновременно съ этимъ въ Азовѣ и другихъ мѣстахъ государства также велись слѣдствія, сопровождавшіяся массовыми казнями. Несчастныхъ стрѣльцовъ травили повсюду. Это была война не на животь, а на смерть. Приостановленные на нѣсколько недѣль въ виду пребыванія Петра съ ноябрю по декабрь въ Воронежѣ, допросы и казни возобновились въ самой Москвѣ въ январѣ 1699 г. Цѣлыми тысячами убирали трупы, загромождавшіе площадь. Впрочемъ, вся уборка ограничивалась тѣмъ, что ихъ перетаскивали на сосѣднія поля, гдѣ и представляли имъ гнить на просторѣ, а топоръ палача начиналъ ра-

**) Guerrier, p. 20.

ботать снова. Пики съ насаженными на нихъ головами и висѣлицы съ висящими гроздьями человѣческихъ тѣхъ вплоть до 1727 года продолжаютъ украшать на Красной площади,—этой Гревской площади Москвы,—представляемое, обыкновенно, палачу Лобное мѣсто, оказавшееся въ настоящее время слишкомъ узкимъ.

Лобное мѣсто! Это мѣсто, орошенное кровью, носить особый характеръ и имѣть своеобразную исторію, которую необходимо знать, ибо она объясняетъ,—я не смѣю сказать: оправдываетъ,—и кровавую оргію, въ которой Петръ непременно хотѣлъ играть роль, и самую эту роль, какъ бы неоправдываема она ни казалась. Происхожденіе самаго названія невыяснено. Одни производятъ его отъ латинскаго *lobium*, возвышенное мѣсто; другіе отъ русскаго слова „лобъ“. Оно является синонимомъ Голгофы, гдѣ, по преданію, была зарыта голова Адама,—и въ этомъ сказывается своеобразность, причудливая смѣсь представлений и чувствъ, связанныхъ въ народномъ преданіи съ этимъ мрачнымъ мѣстомъ. Это мѣсто казни, но въ то же время—это священное мѣсто. Помѣщенное, въ подражаніе іерусалимскому ливостратону, передъ одними изъ шести воротъ, открывающихъ доступъ въ Кремль, оно имѣетъ религіозное и національное значеніе. Тамъ прежде помѣщались мощи и образа, принесенные въ Москву; тамъ въ торжественныхъ случаяхъ совершаются еще и теперь обряды богослуженія; оттуда патріархъ благословляетъ православныхъ; оттуда, наконецъ, читались самые важные указы и возвѣщалось о перемѣнѣ правленія. Въ 1550 году Іоаннъ Грозный пришелъ туда каяться въ преступленія передъ своими подданными и молить ихъ о прощеніи. Лже-Дмитрій огласилъ оттуда манифестъ о своемъ восшествіи на престолъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ тамъ же былъ выставленъ на показъ толпѣ его трупъ въ „маскерѣ“ и съ волюнкой въ рукахъ *).

Такимъ образомъ на этомъ мѣстѣ орудія казни и трупы казненныхъ, всѣ отвратительныя принадлежности человѣческой мстительности, не имѣютъ ничего такого, что въ другихъ мѣстахъ дѣлаетъ ихъ предметомъ отвращенія и ужаса;

*) Пыляевъ, Старая Москва, стр. 72, 412 и слѣд.

они связаны съ самыми величественными моментами народной жизни. Равно также и Петръ, показываясь въ этомъ мѣстѣ съ топоромъ въ рукахъ, не совершалъ ничего, унижающаго величіе его сана и не казался отвратительнымъ; онъ только продолжалъ исполнять свои обязанности верховнаго судьи. Тогда при случаѣ всякій могъ сдѣлаться палачомъ. Когда было слишкомъ много дѣла, для этой кровавой барщины брали дополнительныхъ работниковъ прямо съ улицы и находили ихъ сколько угодно. Оставаясь царемъ, Петръ могъ въ то же время сдѣлаться палачомъ такъ же, какъ онъ дѣлался барабанщикомъ или матросомъ. Онъ работалъ при этомъ собственноручно, какъ и при снаряженіи своихъ кораблей. И это никого не возмущало и не раздражало. Наоборотъ, его скорѣй готовы были восхвалять за это!

Всѣ эти черты очень существенны для правильнаго пониманія людей и событій исторической среды, при изученіи которой приходится откинуть всякую мысль объ объясненіи и сужденіи по аналогіи съ воспоминаніями европейской исторіи.

Петръ рѣшилъ упразднить стрѣлцкое войско, и сдѣлалъ все необходимое для этой цѣли. Употребленныя имъ средства были ужасны, но вѣдь терроръ уже давно сдѣлался въ его государствѣ обычнымъ приемомъ управленія. Стрѣльцы исчезли. Всѣ, за кого онъ принялся въ Москвѣ, умерли или были сосланы въ самыя отдаленныя мѣста Сибири. Ихъ жены и дѣти должны были покинуть столицу. Было запрещено давать имъ работу или хлѣбъ *). Какъ! Ихъ приговорили къ голодной смерти?—Конечно. Самое названіе ненавистнаго ополченія было уничтожено. Ополченцы изъ провинціи, обезоружившіе гнѣвъ царя своимъ послушаніемъ, были понижены на степень простыхъ солдатъ. Такимъ образомъ, съ этой стороны образовалась пустота, и созданіе новой арміи, черезъ которую новое устройство Петра могло бы быть введено и могло получить европейскій характеръ,—ибо такова была точка отправленія Петра,—созданіе такой арміи дѣлалось не только возможнымъ, но даже необходимымъ, и

*) Гордонъ, Journal, англійское изданіе, стр. 193.

при томъ возможно скорѣй. Стрѣльцовъ не было, но не было также и вообще войска. Это было такъ ясно, что черезъ три мѣсяца самъ Петръ понялъ, что зашелъ слишкомъ далеко, и дѣйствовалъ слишкомъ поспѣшно, и увидѣлъ себя вынужденнымъ вызвать къ жизни мертвецовъ. Въ битвѣ при Нарвѣ въ 1700 г., среди сражающихся, снова фигурируютъ стрѣльцы: это были ополченцы изъ провинціи, у которыхъ указомъ 11 сентября 1698 года были отняты, а указомъ 20 января 1699 года вновь возвращены ихъ организаціи и имя *). Въ 1702 г. въ Дорогобужѣ, по приказу самого Преобразователя, были сформированы по старому образцу четыре полка московскихъ стрѣльцовъ. Въ 1704 года вышелъ новый приказъ по тому же поводу. Это были уступки, вызванныя шведской войной. Полное и окончательное уничтоженіе остатковъ прежней толпы, непривыкшихъ къ повиновенію, стрѣльцовъ было рѣшено только въ 1705 году, послѣ астраханскаго бунта, въ которомъ они принимали участіе. Дѣло истребленія закончилось новыми транспортами плѣнныхъ по дорогѣ въ Москву, новыми массовыми казнями на Красной площади.

III.

Перспектива Великой Сѣверной войны побудила Петра покрыть Красную площадь трупами стрѣльцовъ; случайности этой войны привели его къ созданію Петербурга. Съ самаго начала, бросивъ перчатку шведамъ, онъ намѣтилъ себѣ въ добычу Ливонію, Нарву и Ригу. Слишкомъ хорошо защищенная Ливонія заставила его отступить дальше къ сѣверу, къ Ингріи. Онъ направился туда съ большой неохотой и послалъ впередъ Апраксина, который превратилъ легко сдавшуюся провинцію въ настоящую пустыню. Только довольно много времени спустя молодой монархъ ориентировался въ этой сто-

*) Милюковъ, Реформы Петра Великаго, Петербургъ, 1892, стр. 141.

ронѣ и направилъ свое вниманіе и свои вождѣнія на устье Невы. Еще Густавъ-Адольфъ понялъ стратегическое значеніе этой позиціи, которую теперь его наслѣдникъ считалъ незаслуживающей вниманія, и старался лично изучить ея доступныя мѣста. Кромѣ уже признанной цѣнности, съ точки зрѣнія военной и торговой, Петра просто очаровала эта страна сама по себѣ. Онъ не хотѣлъ больше покидать ее. Здѣсь онъ чувствовалъ себя болѣе дома, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и съ волненіемъ вызывалъ историческія воспоминанія, говорившія, что нѣкогда эта страна принадлежала Россіи. Вліяло ли на него неясное сходство этихъ болотистыхъ долинъ съ низменностями Голландіи, проснулись ли въ немъ инстинкты предковъ, — неизвѣстно, что его воодушевляло. Легенда, разсказанная Несторомъ, гласитъ, что отсюда первые норманскіе завоеватели отправлялись въ свои путешествія черезъ Варяжское море, с в о е м о р е, до самаго Рима! И Петръ, въ своей роли основателя города самъ похожій на легендарнаго героя эпической поэмы, какъ будто старается воскресить девятивѣковое преданіе. Въ одномъ популярномъ разсказѣ описывается, какъ онъ съ солдатской аллебардой въ рукахъ вырѣзываетъ двѣ полосы дерна и кладетъ ихъ крестъ-на-крестъ, со словами: „Здѣсь долженъ быть городъ“. За неимѣніемъ въ этой мѣстности камня, онъ былъ при закладкѣ города замѣненъ дерномъ. Затѣмъ Петръ оставляетъ аллебарду, беретъ лопату и собственноручно начинаетъ земляныя работы. Въ этотъ моментъ показывается орелъ, парящій въ воздухѣ надъ головой царя. Ружейный выстрѣлъ заставляетъ его упасть на землю. Петръ поднимаетъ раненую птицу и садится въ челнокъ, чтобы изслѣдовать окрестности *). Все это происходило 16 мая 1703 года.

Исторія добавляетъ, что для продолженія работъ употреблялись шведскіе плѣнники, тысячами умиравшіе на этой работѣ. Не хватало самыхъ простыхъ инструментовъ. За неимѣніемъ тачекъ, землю носили въ полахъ одежды! Сначала была построена деревянная крѣпость на островѣ, называвшемся по-фински Janni saari (Залчій островъ); это

*) Пыляевъ, Старый Петербургъ, стр. 16 и слѣд.

была будущая Петропавловская крѣпость. Потомъ выстроили—деревянную же—церковь и убогій домишко, послужившій Петру первымъ дворцомъ. На слѣдующій годъ была воздвигнута поблизости лютеранская церковь, перенесенная позднѣе на лѣвый берегъ рѣки, въ кварталъ Литейной улицы, и былъ выстроенъ постоянный дворъ, знаменитый трактиръ Четырехъ фрегатовъ, долго исполнявшій роль гостиницы, раньше чѣмъ сдѣлался мѣстомъ дипломатическихъ свиданій. Наконецъ, когда сотрудники Петра поселились во кругъ въ лачугахъ, подобныхъ царской, къ этой кучкѣ скромныхъ построекъ прибавился базаръ. Городъ былъ созданъ.

Однако, до Полтавской битвы Петръ и не думалъ сдѣлать изъ этого города новую столицу. Онъ довольствовался тѣмъ, что имѣлъ крѣпость и гавань. Онъ не чувствовалъ себя въ достаточной степени хозяиномъ, прилегающихъ къ этому новому приобрѣтенію, земель и не былъ достаточно увѣренъ въ возможности удержать ихъ въ своемъ владѣніи, чтобы захотѣть сосредоточить тамъ управление и устроить свою резиденцію. На этой идеѣ онъ остановился только послѣ великой побѣды *). Его рѣшеніе подвергалось самой ожесточенной критикѣ, особенно со стороны иностранныхъ историковъ; оно было строго судимо и осуждено безвозвратно. Прежде чѣмъ высказать свое мнѣніе на этотъ счетъ, я хочу вкратцѣ напомнить соображенія, выставляемые какъ мотивъ для такого неблагоприятнаго приговора.

Говорили, что именно великая побѣда уменьшила стратегическое значеніе Петербурга и свела почти къ нулю его значеніе какъ порта. Устраивать же въ немъ столицу всегда было безуміемъ. Отнынѣ, въ качествѣ неоспоримаго хозяина всего Балтійскаго поморья, Петру нечего было больше бояться нападенія шведовъ въ Финляндскомъ заливѣ: прежде чѣмъ атаковать его съ этой стороны, они постарались бы возвратить Нарву или Ригу. Если позднѣе они и домогались овладѣть Петербургомъ, то только потому, что онъ приобрѣлъ политическое значеніе, котораго по су-

*) См. письмо Петра къ Апраксину отъ 9-го іюля 1709 года. Кабинетъ, кар. I, л. 28.

шеству онъ не долженъ бы былъ имѣть, такъ какъ, будучи превосходнымъ пунктомъ для атаки это мѣсто было очень плохо защищено; тамъ невозможно было сосредоточить сколько-нибудь значительныя войска, ибо, на сорокъ лье (около 133 верстъ) кругомъ страна представляла безплодную пустыню. Въ 1788 году Екатерина II жаловалась, что находится тамъ слишкомъ близко отъ шведской границы и слишкомъ мало защищена отъ нападенія врасплохъ, едва не удавшася однажды Густаву III. Вотъ что говорилось съ точки зрѣнія военной.

Съ точки зрѣнія торговли, Петербургъ, правда, представлялъ довольно цѣнную водную систему путей сообщенія. Но Рига представляла другую, гораздо лучшую. Со времени завоеванія Прибалтійскихъ провинцій, Ливонскіе, Эстонскіе и Курляндскіе порты—Рига, Либава и Ревель—являлись единственными точками соприкосновенія Россіи съ Западомъ. Они находились на равномъ разстояніи отъ Москвы и отъ Петербурга, были значительно менѣе удалены отъ торговыхъ центровъ Германіи и обладали болѣе мягкимъ климатомъ. Они краснорѣчиво доказываютъ все это и въ наши дни, увеличивая изъ года въ годъ свои торговыя сношенія съ дальними краями въ ущербъ Петербургу, торговля котораго, искусственно развиваемая и поддерживаемая, тѣмъ не менѣе, идетъ на убыль. Кромѣ того, какъ портъ, Петербургъ при жизни своего творца оставался если не совсѣмъ, то, приблизительно, только въ области проектовъ. Морскія учрежденія Петра перекочевали изъ Кроншлота въ Кронштадтъ. Нева въ то время имѣла вплоть до самаго устья не болѣе восьми футовъ глубины; корабли, построенные въ Петербургѣ, должны были, по донесенію Малштейна, до своего снаряженія переводиться въ Кронштадтъ на буксирѣ; будучи снаряжены, они уже не были въ состояніи подняться снова по рѣкѣ. Кронштадтская гавань была покрыта льдомъ шесть мѣсяцевъ изъ двѣнадцати и расположена такъ, что суда могли выйти изъ нея только при восточномъ вѣтрѣ. Вода въ ней была настолько прѣсна, что дерево очень быстро начинало гнить. Кромѣ того, въ мѣстныхъ лѣсахъ не было дуба для постройки; его должны

были привозить изъ-за Казани! Петръ настолько ясно сознавалъ всѣ эти неудобства, что нашель для верфей болѣе подходящее мѣсто въ Рогервикѣ, въ Эстоніи, недалеко отъ Ревеля. Но тамъ ему было очень трудно защитить рейдъ отъ шкваловъ и отъ внезапныхъ нападений непріятеля. Онъ думалъ справиться съ этимъ, выдвинувъ въ море два мола, построенные изъ еловыхъ кессоновъ, набитыхъ камнями. На это ушли лѣса Ливоніи и Эстоніи, но послѣ того, какъ постройка была два раза снесена бурей, ее пришлось бросить. Съ другой стороны, въ Петербургѣ столица убивала торговый городъ. Присутствіе двора сдѣлало жизнь дорогой, вслѣдствіе чего повысилась также заработная плата. Такимъ образомъ, продукты вывоза были обременены значительными накладными расходами, такъ какъ по своему объему требовали большого количества рабочихъ рукъ для веденія дѣла. По свидѣтельству голландскаго резидента того времени, деревянный домъ, гораздо худшій, чѣмъ самая жалкая крестьянская хижина въ Нидерландахъ, обходился въ Петербургѣ отъ 800 до 1,000 флориновъ въ годъ; въ Архангельскѣ же купецъ могъ прожить вполнѣ прилично за четвертую часть этой суммы. Расходы по перевозкѣ,—составляющіе отъ Москвы до Архангельска 9—10 коп. за пудъ, отъ Ярославля до Архангельска 5—6 коп., отъ Вологды до Архангельска 3—4 коп.,—между этими мѣстностями и Петербургомъ повышаются до 18—20 и даже 30 коп. Отсюда и произошло сопротивленіе поселившихся въ Архангельскѣ купцовъ, когда имъ приказали переѣхать въ Петербургъ. Петръ разрѣшилъ вопросъ, по своему обыкновению, очень быстро, запретивъ безъ дальнѣйшихъ разговоровъ торговлю коноплей, льномъ, кожами и хлѣбомъ черезъ Архангельскъ. Это запрещеніе оставалось въ силѣ въ продолженіи всего его царствованія и было только немного смягчено въ 1714 году, по ходатайству правительства Соединенныхъ провинцій Голландіи. Въ 1718 году конопля и нѣкоторые другіе продукты получили право свободного вывоза изъ Архангельскаго порта, но съ ограничительнымъ условіемъ, по которому двѣ трети вывозимыхъ продуктовъ

должны были доставляться въ Петербургъ. Вотъ что говорилось по поводу мореходства и торговли.

Выборъ Петербурга какъ столицы—былъ неудаченъ, по всѣмъ вышеизложеннымъ причинамъ и по всѣмъ другимъ географическимъ, этнографическимъ и климатическимъ условіямъ, дѣлающимъ изъ него и теперь еще какое-то воплощенное противорѣчіе здравому смыслу. Говорили, что довольно страшная идея для русскаго царя основывать столицу славянскаго государства среди финновъ, рядомъ со шведами *); странно сосредоточивать управленіе огромной территоріей на самомъ окраинномъ пунктѣ этой территоріи; странно разсчитывать приблизиться къ Европѣ, удаляясь отъ Польши и Германіи, и заставляя свою семью, дворъ, чиновниковъ и дипломатическій корпусъ жить подъ суровымъ небомъ, въ одномъ изъ самыхъ негостепримныхъ уголковъ земли, какіе только возможно найти. Мѣстность представляла собой болото. Нева по-фински значитъ—„грязь“. Въ окрестныхъ лѣсахъ водились только волки. Въ 1714 году они съѣли зпмнею ночью двухъ солдатъ, стоявшихъ на часахъ передъ пушечнымъ заводомъ. И теперь еще, выходя изъ города, попадаешь прямо въ пустыню. Огромная равнина тянется необозримо; не видно ни колоколыни, ни деревца, ни одной штуки скота, никакого признака человѣческой или хотя бы животной жизни. Пастбищъ нѣтъ, какая бы то ни было обработка почвы невозможна. Вся эта мѣстность находится въ промежуточномъ состояніи между моремъ и сушей, и до самаго царствованія Екатерины наводненія были хроническимъ бѣдствіемъ въ странѣ. 11-го сентября 1706 года Петръ, вытаскивъ изъ кармана, находившійся всегда при немъ, инструментъ для измѣренія, установилъ, что вода поднялась на 21 футъ надъ поломъ его домика. Вокругъ онъ видѣлъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, сидѣвшихъ верхомъ на уносимыхъ рѣвкой обломкахъ строеній. Онъ описывалъ свои впечатлѣнія въ письмѣ къ Мепшикову въ слѣдующихъ словахъ: „Это чрезвычайно занимательно“, письмо помѣчено: „Изъ „Парадиза“ **). Со-

*) Custine, La Russie, Paris, 1843, т. I, стр. 204.

**) Устряловъ, т. IV, стр. 273.

мнительно, чтобы пашлось много охотниковъ раздѣлить его веселость. Въ настоящее время сообщеніе съ городомъ облегчено проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, но въ эпоху великаго царствованія оно было не только затруднительно, но и опасно. Кампредонъ на переѣздъ изъ Москвы въ Петербургъ истратилъ 1,200 рублей, потопилъ дорогой восемь лошадей и часть своего багажа, провель въ пути четыре недѣли и пріѣхалъ въ Петербургъ совершенно больнымъ. Самъ же Петръ, обогнавшій дипломата, долженъ былъ часть пути сдѣлать верхомъ, переправляясь черезъ рѣки вплавь.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ эти доводы, существованность которыхъ я не намѣренъ отрицать, я склоненъ думать, что идея Петра была вѣрна. Развѣ не понятно, что ему было противно оставить столицей Москву? Въ тамошней средѣ, явно враждебной, еще и донынѣ упорно реакціонной, дѣло Петра не могло существовать прочно, и ему всегда угрожалъ, если не при жизни Петра, то послѣ его смерти, произволъ одного изъ народныхъ возстаній, передъ которыми установленная въ Кремлѣ царская власть оказывалась безсильной. Вырвавъ Московію изъ ея прошлаго и изъ ея прежнихъ границъ, Петръ логически долженъ былъ пожелать перенести со стараго мѣста главный центръ управленія. Кромѣ того, внѣшній видъ и отличительныя черты мѣста, выбраннаго имъ для новаго устройства, придавали этому устройству характеръ настоящаго военнаго построенія: острый конецъ обращенъ къ Западу, мѣсто начальника и его главный городъ во главѣ колонны. Разъ все это было установлено и необходимость перенесенія столицы на западную окраину вновь пріобрѣтенныхъ государствомъ владѣній въ принципѣ была признана, Ингрія представляла для этой цѣли преимущества, превышающія, по-моему, указанная выше неудобства. Въ то время это была дѣвственная страна со скуднымъ, разбросаннымъ населеніемъ финскаго племени, не имѣющимъ историческаго прошлаго и вслѣдствіе этого покорнымъ и легко ассимилирующимся. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ Балтійскаго поморья—въ Эстоніи, Карелии, Курляндіи изгнавъ шведовъ, пришлось бы имѣть дѣло съ пѣмцами,—прочно тамъ водворившимися и черпающими

въ сосѣднемъ очагѣ нѣмецкой культуры силу для непобѣдимого сопротивленія. Несмотря на почти двухвѣковое владычество русскихъ, Рига и донинѣ осталась нѣмецкимъ городомъ. Черезъ посредство Петербурга, Россія сдѣлалась европейской и космополитичной, но самый городъ остался всецѣло русскимъ, такъ какъ окрестное финское населеніе въ счетъ не идетъ.

Если обо всемъ этомъ у Петра не было яснаго и продуманнаго представленія, то у него, по крайней мѣрѣ, былъ могущественный и вѣрный инстинктъ, подтверждающій его геніальность. Я убѣжденъ, впрочемъ, что онъ по своему обыкновенію внесъ въ это предпріятіе и нѣкоторую долю фантазіи, на примѣръ, ребяческое желаніе подражать Амстердаму. Еще я думаю, что при осуществленіи своего намѣренія онъ перешелъ всѣ границы. Двѣсти тысячъ рабочихъ погибли, какъ говорятъ, при сооруженіи новаго города, а русскіе вельможи разорялись строя дворцы, становившіеся въ скоромъ времени необитаемыми. Но зато между осужденнымъ прошедшимъ и желаннымъ преобразователемъ будущимъ была вырыта пропасть, а національная жизнь, насильно сосредоточенная въ новомъ центрѣ, получила сначала поверхностный, а потомъ все болѣе и болѣе глубокій западно-европейскій отпечатокъ, который и хотѣлъ придать ей царь. Москва и до сегодня еще сохранила набожную, почти монашескую внѣшность. Часовни заграждаютъ путь прохожимъ на каждомъ углу улицы. Какъ бы ни было занято населеніе, оно не проходитъ мимо, не сотворивъ крестнаго знаменія и не преклонивъ колѣнъ передъ святыми образами, повсюду возбуждающими его благочестіе. Петербургъ принялъ съ самаго начала и сохранилъ совершенно иной, свѣтскій видъ. Въ Москвѣ было запрещено исполнять публично свѣтскую музыку. Въ Петербургѣ же Петръ могъ велѣть играть цѣлые дни музыкантамъ-нѣмцамъ на балконѣ своего трактира. Къ серединѣ вѣка тамъ уже былъ французскій театръ и итальянская опера, и Шлецеръ говоритъ, что тамъ совершали богослуженіе на четырнадцати языкахъ. Только тамъ могла зародиться и вырасти современная цивилизованная Россія, образовав-

ная, сравнительно, умственно эмансипированная и, сравнительно, либеральная.

Въ сущности говоря, Петръ, произведя это странное перемѣщеніе своей столицы, не совершилъ особаго насилія надъ историческими традиціями страны. Столица Россіи всегда кочевала. Она переѣзжала изъ Новгорода въ Кіевъ, изъ Кіева во Владиміръ и изъ Владиміра въ Москву. Это явленіе вызывалось размѣрами территоріи и колебаніями народной жизни. Отъ начала до конца вѣковой эволюціи старой Руси ея разрозненныя, разсѣянныя, волнующіяся силы заставляли перемѣщаться ея центръ тяжести. Такимъ образомъ, Петербургъ является только равнодѣйствующей силой въ задачѣ по динамикѣ. Борьба со шведами, завоеваніе балтійскихъ провинцій и еще болѣе важное завоеваніе, — завоеваніе мѣста среди европейскихъ народовъ, — естественно въ высшей степени ускорили теченіе національной жизни. Петръ хотѣлъ это упрочить. Я склоненъ думать, что онъ былъ неправъ.

Г Л А В А В Т О Р А Я.

Нравственное преобразование.—Интеллектуальная жизнь.

I. П р а в ы. Тезисъ славянофиловъ. Идиллическіе нравы древней Россіи. Дѣйствительность. Грубость и дикость. Разбойничество. Грубая пошлость семейнаго быта. Пьянство. Дѣятельность Петра. Запасъ нравственныхъ качествъ, которымъ онъ пользуется для своихъ попытокъ. Безсвязность и бѣдность первыхъ попытокъ. Реформа костюма. Послѣдующіе успѣхи. Реформа календаря. Либеральныя тенденціи новаго строя. Великая реформа семейнаго быта. Уничтоженіе терема. Куда пойдетъ женщина, выйдя изъ терема? Петръ создаетъ свѣтскую жизнь посредствомъ указа. Ассамблеи. Недостаточность достигнутыхъ результатовъ съ точки зрѣнія общественности. Причины. Самъ Петръ черезчуръ несвѣтскій человекъ. Отсутствие Двора, дающаго тонъ обществу. Стиль, господствующій вокругъ Царя, отнюдь непохожъ на Версальскій. Грубость, сохранившихся при Дворѣ, обычаевъ. Оффиціальныя празднества въ здашіи почты. Балы въ Лѣтнемъ саду. Приемъ дипломатическаго корпуса въ Петергофѣ. Распутство и грубость нравовъ. Одни пороки замѣняются другими. Перемена главнымъ образомъ была поверхностна, но тѣмъ не менѣе совершился большой моральный переворотъ. Обученіе посредствомъ примѣра. II. О б у ч е н і е. Учебныя заведенія великаго царствованія. Смѣлость и шпрота теоретическихъ принциповъ. Нерѣшительность и бѣдность практическаго ихъ примѣненія. Начальныя училища и высшія учебныя заведенія. Пробѣлы. Недостатокъ учениковъ. Посылка молодыхъ людей за границу. Незначительные результаты. Россія остается дащицей Европы. Академія Наукъ. Настоящая школа великаго царствованія. Еще примѣръ. III. И н т е л л е к т у а л ь н а я ж и з н ь. Новый языкъ. Книги. Учрежденіе архивовъ и библиотекъ. Музеи. Безплатный входъ. Академія художествъ. Дидактическое искусство. Театръ. Пресса. Общій обзоръ.

I.

Славянофильскіе писатели охотно дѣлають теперь изъ нравовъ старой Россіи блестящую и соблазнительную картину, очень выразительно отгнѣяемую изображеніемъ въ

мрачныхъ краскахъ жизни современныхъ западныхъ народовъ. Это одно изъ послѣднихъ убѣжищъ тезиса, защищать который на другихъ пунктахъ борьбы стало затруднительно. Уже давно сдѣлалось труднымъ настаивать на существованіи всѣхъ тѣхъ элементовъ оригинальной культуры, которыми должна была бы обладать Московія XVI и даже XVII вѣка для того, чтобы соответствовать идеалу, грезившемуся ея восхвалителямъ,—мы имѣемъ въ виду литературу, искусство и науки. Пусть Московія была безграмотна! Зато она восторжествовала въ смыслѣ нравственности. Избѣжавъ тройного растлѣвающего вліянія среднихъ вѣковъ, эпохи Возрожденія и новаго времени, она осталась чистой. Она была святой. Но это надо рассмотреть.

Странно прежде всего то, что никто изъ свидѣтелей или даже участниковъ этой идилліи не признаетъ ея очарованія. Пусть свидѣтельства иностранцевъ — Олеарія, Маргарета, Флетчера — кажутся незаслуживающими довѣрія; но что думать о томъ мѣстѣ воспоминаній Желябужскаго, на которое я уже намекалъ, и въ которомъ текущая хроника превращается въ календарь уголовного судопроизводства?

Въ ноябрѣ 1699 года князь Ѳеодоръ Хотетовскій былъ битъ кнутомъ на одной изъ площадей за то, что продалъ одно и то же владѣніе нѣсколькимъ покупателямъ. Въ декабрѣ двое судей изъ Владиміра, Дмитрій Дивовъ и Яковлевъ-Колычевъ, подверглись наказанію кнутомъ за нарушение долга: Колычевъ далъ подкупить себя двадцатью рублями и боченкомъ водки. Въ томъ же году дворянинъ, по фамиліи Зубовъ, подвергся преслѣдованію за разбой на большой дорогѣ. Царицынскій воевода Иванъ Бартенева бралъ взятки и похищалъ дѣвушекъ и замужнихъ женщинъ, чтобы сдѣлать ихъ своими любовницами. Князь Иванъ Шейдяковъ былъ уличенъ въ грабежъ и убійствъ *).

Вооруженные разбой были такъ распространены въ то

*) Желябужскій, стр. 129, 130; Корбъ, стр. 77, 78. Ср. Костомаровъ, Картины семейной жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XIV и XVII вѣкѣ, стр. 99—128. Бѣляевъ, Лекціи о русскомъ законодательствѣ, стр. 464 и слѣд.; Гольцевъ, Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка, стр. 17 и слѣд.

время, что самъ Петръ оказался безсильнымъ прекратить ихъ, хотя и пустилъ въ ходъ всю свою энергію. Еще въ 1710 году пришлось выслать войско для охраны ближайшихъ окрестностей столицы. Въ 1719 году юстицъ-коллегія получила извѣщеніе о присутствіи въ Новгородскомъ и Можайскомъ уѣздахъ хорошо вооруженныхъ шаекъ разбойниковъ отъ сотни до двухсотъ человѣкъ каждая *). Саксонскій резидентъ Лефортъ писалъ въ 1723 году: „Десяти-тысячная толпа воровъ, предводительствуемая отставнымъ русскимъ полковникомъ, вознамѣрилась поджечь адмиралтейство и другія присутственныя мѣста Петербурга и перерѣзать иностранцевъ. Поймано тридцать шесть человѣкъ, которыхъ посадили на колъ и повѣсили за ребра... Мы накануне крайне затруднительнаго положенія. Нищета увеличивается со дня на день. Улицы полны бѣдняковъ, желающихъ продать своихъ дѣтей. Опубликованъ приказъ ничего не подавать нищимъ. Чѣмъ же остается имъ заняться, кромѣ грабежа на большой дорогѣ? **).

Эти воры, вооружившіеся противъ иностранцевъ, служить истинными представителями старой Руси, но я не вижу въ этомъ ничего идиллическаго. Выдающіяся, характерныя черты прошлаго, на которыя ссылаются славянофилы, также представляютъ мало идиллическаго. Дикость и грубость, больше ничего. Нѣмецкій наставникъ царевича Алексѣя, Нейгебауеръ, былъ уволенъ въ 1702 году за то, что осмѣлился найти непристойнымъ, когда его ученикъ перекладывалъ содержимое своей тарелки въ блюда, предназначенныя для другихъ гостей. Никакого чувства общественной ответственности не было въ душѣ этого народа, считавшаго, подъ влияніемъ византійскаго аскетизма, науку—ересью, искусство—соблазномъ, музыку, пѣніе, танцы—оскорбленіемъ Бога. Любовь, даже освященная церковью, вызывала тревогу совѣсти. Вдохновившись духомъ Домостроя, Посошковъ рекомендуетъ новобрачнымъ провести двѣ первыхъ ночи въ молитвѣ: первую, чтобы отогнать бѣсовъ, а вторую, чтобы

*) Соловьевъ, т. XVI, стр. 251.

***) Сборникъ, т. III, стр. 354, 360.

почтить патриарховъ. Въ высшихъ классахъ женщины томилась за закрытыми дверями терема, мужчины же развлекались со своими посѣтителями мужскаго пола изъ бѣдныхъ дворянъ, которыхъ они то ласкали, то били; съ шутами, остроумныя выходки которыхъ носили, обыкновенно, безстыдный характеръ; съ бахарями, или сказочниками, рассказывавшими нелѣпыя исторіи; съ домрачеями, игравшими на домрѣ (инструментъ въ родѣ гитары) и пѣвшими религиозныя псалмы; рѣже со скоморохами или жонглерами, такъ какъ на послѣднихъ уже поглядывали косо и даже ихъ преслѣдовали. Въ данномъ случаѣ гражданская власть соединилась съ церковной для преслѣдованія свѣтскихъ удовольствій. Настоящимъ же развлеченіемъ, какъ боярѣ, такъ и крестьянѣ, было пьянство. Всѣ собранія были сплошнымъ пьянствомъ, оканчивавшимся шумными, а подчасъ даже кровавыми столкновеніями *).

Наверху общественной лѣстницы, такъ же какъ и внизу ея,—полное отсутствіе какого бы то ни было нравственнаго идеала, чувства самоуваженія, чести и сознанія долга. Свободные люди, утверждаетъ Корбъ, дешево цѣнили свободу и охотно становились рабами. Ремесло доносчика, говорить онъ же, было распространено во всѣхъ классахъ. Всюду господствовали праздность, нерадѣніе и подлость. Посланный въ 1705 году въ Астрахань для подавленія мятежа, грозившаго, въ случаѣ распространенія, затронуть и привести въ замѣшательство всю страну, лучшей изъ русскихъ генераловъ Петровскаго времени—Шереметевъ—остановился по дорогѣ въ Казани и думалъ только объ одномъ: какъ бы вернуться въ Москву, чтобы провести тамъ зиму и праздникъ Пасхи. Онъ отправился дальше только подъ вліяніемъ угрозъ **). Честь, долгъ, самолюбіе и даже мужество были совершенно новыми понятіями, объясненіемъ которыхъ своимъ подданнымъ пришлось заняться Петру. Онъ хвастался

*) Забѣляя, Домашняя жизнь русскихъ царицъ, стр. 397 и слѣд.; Дитятинъ, Статьи по исторіи Русскаго права, стр. 560 и слѣд.

**) Устряловъ, т. IV, стр. 493.

этимъ *). Онъ долженъ былъ вырвать изъ ихъ душъ и сердце укореившееся въ нихъ наставленіе русской пословицы, смыслъ которой таковъ: „Убѣгать не особенно почетно, но зато очень полезно“. Конечно, для успѣшнаго выполненія этой задачи недостаточно было бы употребляемыхъ имъ приемовъ залугиванія и упрощеннаго суда, вродѣ повѣщенія цѣлой толпы бѣглецовъ въ 1703 году подѣ стѣнами Петербурга. Петру дано было использовать нѣкоторыя нравственныя основы, существовавшія и раньше въ этихъ темныхъ и униженныхъ душахъ: фанатическую любовь къ семейному очагу, выносливость, безконечную покорность и способность къ безграничному самоотверженію. Больше не было ничего, и все остальное было дѣломъ рукъ Петра.

Работа царя была небезупречна. На ней отразились всѣ недостатки и неспособность мастера. Начавъ со стрижки бороды и съ измѣненія костюма, Преобразователь началъ, конечно, не съ самаго слѣшнаго и серьезнаго. Безъ сомнѣнія, русскій костюмъ конца XVII вѣка былъ въ равной степени какъ неудобенъ, такъ и неизященъ. Однако, его отличительныя черты: ширина и большое количество одеждъ, надѣтыхъ другъ на друга, находятъ оправданіе въ климатическихъ условіяхъ. Сверхъ вышитой сорочки и широкихъ, заправленныхъ въ сапоги, брюкъ русскій бояринъ надѣвалъ сначала жупанъ, или жилетъ изъ цвѣтнаго шелка, затѣмъ прилегающій къ тѣлу кафтанъ, доходящій до колѣнъ и заканчивающійся наверху прямымъ воротникомъ изъ бархата, шелка или парчи. Широкіе и длинные рукава застегивались у кисти пуговицами изъ болѣе или менѣе драгоценныхъ камней. Такова была домашняя одежда. Выходя изъ дома, нужно было надѣть поясъ изъ персидской ткани, затѣмъ, сверхъ кафтана надѣвалась ф е р я з ь—длинная и широкая бархатная одежда, безъ таліи и безъ воротника, застегнутая спереди сверху донизу, и также съ длинными и широкими рукавами. За ф е р я з ь ю слѣдовали: л ѣ т о м ъ—о п а ш е н ь или о х а б е н ь, широкое и длинное до пятъ одѣяніе

*) См. его разговоръ съ герцогомъ Голштинскимъ въ 1722 г., переданный Бергхольцемъ (Büschings Magazin, t. XX, p. 387).

изъ дорогой матеріи, съ длинными рукавами и четырехугольнымъ воротомъ; осенью—одно рядка, болѣе теплая одежда изъ какой-нибудь шерстяной ткани или сукна; зимой—мѣховая шуба. Густая борода служила естественнымъ дополненіемъ этого наряднаго одѣянія и была такъ же драгоценна съ точки зрѣнія климата. Что касается эстетики, то о ней уже говорить не приходится. Во всѣ времена и подъ всѣми широтами люди не находили нужнымъ считаться съ ней, російскіе кучера и теперь еще округляютъ свою фигуру при помощи подушекъ, что считается желательнымъ добавленіемъ къ ихъ профессиональной красотѣ.

Подобно тѣмъ реформамъ, приписываемымъ Петру, та, о которой здѣсь идетъ рѣчь, имѣла историческіе прецеденты, бывшіе слѣдствіемъ общей эволюціи, передвигавшей Московію еще со временъ Бориса Годунова съ Востока на Западъ. При царѣ Алексѣѣ, отецъ баярина Шереметева отказался благословить сына, потому что тотъ явился къ нему съ бритымъ подбородкомъ, а патриарху Іоакиму пришлось пустить въ ходъ угрозу отлученія отъ церкви, чтобы остановить движеніе въ этомъ направленіи. Къ этому вопросу, повидимому, примѣшались религіозныя представленія: на православныхъ иконахъ и Богъ Отецъ и Богъ Сынъ изображаются съ бородами и отнюдь не въ короткихъ одеждахъ, а по народному вѣрованію, поддерживаемому церковными объясненіями, человекъ созданъ по образу и подобию Божію и повиненъ въ кощунствѣ, если нанесетъ ущербъ этому священному сходству*). Гражданская власть должна была считаться съ подобными понятіями, проводя политику компромисса: указъ царя Алексѣя далъ удовлетвореніе патриарху въ томъ, что касалось бороды, но въ 1681 году царь Феодоръ Алексѣевичъ предписалъ мужскому персоналу при дворѣ и во всѣхъ учрежденіяхъ носить болѣе короткую одежду.

Теперь, конечно, можно смѣяться надъ подобными спорами. Но пусть, однако, мои читатели благоволятъ припомнить, что былъ моментъ, когда вопросъ о ношеніи бороды,

*) Буславевъ, Историческіе очерки, т. II, стр. 216.

введенной въ моду Францискомъ I, отрастившимъ бороду съ цѣлью прикрыть шрамъ на лицѣ, вызвалъ страстные споры даже во Франціи *).

Петръ разрѣшилъ вопросъ со свойственнымъ ему радикализмомъ: долой бороду, и обязать всѣхъ носить европейскій—французскій или польскій—костюмъ. Указъ помѣченъ 29 августа 1699 года. Модели, установленной указомъ, одежды были выставлены на улицахъ. Бѣдные люди получали нѣкоторую льготную отсрочку, чтобы износить старую одежду. Но начиная съ 1705 года всѣ должны были надѣть новое, одинаковое платье подѣ страхомъ штрафа или даже еще болѣе строгихъ взысканій.

Столь стремительно введенная реформа должна была встрѣтить сильное противодѣйствіе, особенно въ низшихъ классахъ. Бояре, въ общемъ, оказались довольно послушными: они уже одѣвались по-польски во времена Дмитрія, французская же одежда соблазняла ихъ своимъ изяществомъ. Въ мартѣ 1705 года Витвортъ уже не встрѣчалъ ни одного человѣка знатнаго рода одѣтаго по-старинному. Простой народъ былъ недоволенъ и имѣлъ на то основанія. При русскомъ климатѣ, короткіе панталоны и открытые чулки были безсмыслицей. Говорятъ, что старинная одежда была одеждой лѣнтяевъ. Но самый климатъ дѣлалъ сѣверные народы лѣнзивыми, вынуждая ихъ волей-неволей бездѣйствовать въ теченіе долгой зимы. Лишившись длинной шубы, простолюдины, конечно, получали возможность проявить больше проворства, но за то подвергались риску отморозить себѣ ноги. Самъ Петръ умеръ отъ простуды. Бѣдные мужики, принужденные разстаться съ бородой, согрѣвавшей имъ щеки при сорокаградусномъ морозѣ, требовали, чтобы бороду клали съ ними въ гробъ, дабы послѣ смерти они могли предстать въ приличномъ видѣ передъ Николаемъ Угодникомъ. Какъ и многія народныя суевѣрія, это послѣднее согласовалось со вполне оправдываемымъ влеченіемъ къ полезному.

Петръ объ этомъ не заботился. Въ 1704 году, производя

*) Franklin, Journal du siege de Paris en 1590, p. 108—109.

въ Москвѣ смотрѣ высшихъ и низшихъ чиновниковъ, онъ приказалъ бить кнутомъ Ивана Наумова, уклонившагося отъ бритья*). Въ 1706 году, астраханскій губернаторъ поставилъ въ дверяхъ церковей солдатъ, приказавъ останавливать при выходѣ строптивыя бороды и выдирать ихъ насильно. Въ то же время по приказанію царя, рѣшившаго укоротить также и женскую одежду, всѣ юбки, превышающія установленную мѣрку, раздирались публично, безъ всякаго уваженія къ стыдливости **). Борода была для Петра предметомъ особенной и, въ нѣкоторомъ родѣ, личной ненависти. Она олицетворяла въ его глазахъ всѣ идеи, всѣ традиціи, всѣ предрассудки, которые онъ хотѣлъ побѣдить. Въ выговорахъ, обращенныхъ имъ къ царевичу Алексѣю, въ манифестѣ противъ этого непокорнаго сына, выпущенномъ въ 1718 году, выраженіе: „длинные бороды“—повторяется нѣсколько разъ и служитъ синонимомъ всей реакціонной партіи, которую Петръ осыпаетъ фѣдкой бранью: „Это понятно со стороны этихъ распутныхъ людишекъ, quorum Deus venter est“. Правду сказать, онъ пользовался латинскими цитатами нѣсколько наудачу. Если во время его царствованія ему и пришлось допустить ношеніе бороды, при условіи уплаты особаго налога, то только потому, что финансовыя затрудненія принудили его обращать въ деньги все, что возможно. Раскольники должны были внести до ста рублей въ годъ за привилегію носить бороду и должны были открыто носить выдаваемыя имъ взаменъ денегъ медали съ надписью: „Борода лишняя тягота“.

И вотъ русскіе выбриты и одѣты по-европейски. Реформаторъ спѣшитъ воткнуть имъ еще трубку въ зубы. Еще передъ своимъ отъѣздомъ за границу онъ разрѣшилъ продажу табака, до сихъ поръ воспрещенную въ Россіи, нисколько не заботясь о народныхъ предрассудкахъ, оскорбленныхъ этимъ мѣропріятіемъ. Извѣстно, что во время своего пребыванія въ Англии, онъ велъ переговоры съ маркизомъ Кермартея (Caermarthen) о монополизированіи торговли та-

*) Голиковъ, т. II, стр. 513.

***) Витвортъ, депеша 20-го февраля 1706 г. Сборникъ, т. XXXIX, стр. 249.

бакомъ. Онъ курилъ самъ, и всѣ должны были курить. Надо сознаться, что все это показываетъ убогость фантазіи. Но этимъ торжественно началась цивилизаторская дѣятельность великаго человѣка въ области морали. Впослѣдствіи Петръ продолжалъ лучше, но началъ онъ плохо, это вѣрно.

20 декабря 1699 года, былъ объявленъ указъ о перемѣнѣ календаря. Русскій календарь былъ связанъ съ византийскими традиціями: годъ начинался 1-го сентября, предполагаемое число сотворенія міра въ 5,508 г. до Рождества Христова. Отнынѣ онъ долженъ начинаться по-европейски 1-го января. Всѣмъ было приказано присутствовать въ этотъ день на богослуженіи, совершавшемся во всѣхъ церквахъ, и при выходѣ обмѣниваться поздравленіями и обычными пожеланіями. Реформаторъ охотно пошелъ бы дальше и ввелъ бы Грегорианскій календарь; но этотъ календарь, будучи римскимъ и папскимъ, въ ту эпоху встрѣтилъ сопротивленіе даже въ Англіи, гдѣ былъ принятъ только въ 1752 году. Проведенная даже въ такихъ размѣрахъ реформа встрѣтила большое неудовольствіе: „Могъ ли Богъ сотворить миръ зимою?“ Петра это не смутило, и онъ былъ правъ. На этотъ разъ онъ вступилъ на правильный путь. На немъ онъ и остается. Этимъ новымъ 1700 годомъ помѣченъ указъ, по которому въ Москвѣ устроены первыя аптеки, въ числѣ восьми; также и другой указъ, запрещающій подъ страхомъ наказанія кнутомъ и ссылки, пошеніе ножей, игравшихъ слишкомъ часто роковую роль во время ссоръ, ареной для которыхъ ежедневно служили улицы Москвы. Въ слѣдующемъ году, либеральный духъ новаго режима проявляется въ рядѣ приказовъ, запрещающихъ падать на колѣни при проѣздѣ государя, обнажать зимой голову, проходя мимо его дворца, и т. д. Наконецъ, въ 1702 году, была проведена великая реформа семейнаго быта: разбиты двери терема, и бракъ обставленъ нѣкоторыми нравственными гарантіями. Петръ простеръ свою покровительственную и сострадательную руку надъ русской семьей. Въ 1704 году, онъ обрушился на слѣды ненавистныхъ ему правовъ: на свободно практиковавшееся уничтоженіе дурно сложенныхъ или рожденныхъ внѣ брака дѣтей. Онъ благосклонно отнесся къ созданію пріюта для

бѣдныхъ подкидышей, которое было предпринято въ 1706 году по инициативѣ Новгородскаго митрополита Іова. Позднѣе, въ 1715 году, онъ вмѣшался болѣе рѣшительно въ разрѣшеніе этой печальной проблемы, приказавъ основать подобныя же учрежденія во всѣхъ большихъ городахъ имперіи.

Это было прекрасно, но все же еще отрывочно, неполно. Но для того, чтобы сдѣлать изъ своихъ начинаній одно стройное гармоничное цѣлое, Преобразователю нужно было бы имѣть больше досуга. Война постоянно занимаетъ его время и отвлекаетъ его. Онъ вывелъ женщину изъ терема. Превосходно, но куда же ей итти? Петръ очень хочетъ, чтобы она „вступила въ свѣтъ“, подобно своимъ подругамъ во Франціи и въ Германіи. Но въ Россіи нѣтъ свѣтской жизни. До 1718 года Петру некогда думать объ этомъ затрудненіи. Въ этомъ же году, воспользовавшись передышкой, данной ему войной, онъ разрѣшилъ вопросъ по своему, какъ и всегда путемъ указа. Единственный до сихъ поръ случай въ исторіи, мнѣ кажется. Было приказано въ нѣкоторыхъ частныхъ домахъ устраивать періодическія собранія, носившія названіе ассамблей. Регламентомъ устанавливались ихъ продолжительность, послѣдовательность и мельчайшія подробности. Не надо забывать, что Петръ только что побывалъ во Франціи; очевидно, его вдохновляли и имъ руководили воспоминанія, оставленныя французскими салонами. Но онъ всему придалъ свой стиль. Ассамблеи должны были продолжаться отъ четырехъ часовъ пополудня до десяти вечера. Хозяевамъ дома было запрещено подъ угрозой штрафомъ, выходить навстрѣчу своимъ гостямъ или провожать ихъ. Имъ предоставлялось только устраивать болѣе или менѣе пышныя приготовленія для приема гостей, готовить освѣщеніе, прохладительныя напитки, игры. Кромѣ того, приглашенія не были личными: былъ составленъ общій листъ приглашенныхъ, который въ день каждаго приема опубликовался въ Петербургѣ черезъ посредство полицмейстера, а въ Москвѣ, коменданта города. Азартныя игры были запрещены. Специальнымъ указомъ отъ 28-го іюня 1718 года запрещалось, подъ угрозой наказанія кнутомъ, игра въ кости и въ карты *).

*) Голиковъ, т. III, стр. 44.

ната была отведена для играющихъ въ шахматы, и она же должна была служить курительной комнатою. Но въ дѣйствительности курили повсюду, и примѣръ подавалъ самъ Петръ. Кожаные кисеты съ табакомъ валялись по всѣмъ столамъ; голландскіе купцы съ трубками въ зубахъ бродили среди щеголей, разодѣтыхъ по послѣдней парижской модѣ *). Главное мѣсто въ программѣ этихъ баловъ занимали танцы, а такъ какъ подданные Петра, какъ кавалеры, такъ и дамы, не умѣли танцовать, то онъ считалъ своимъ долгомъ обучать ихъ также и этому. Берггольцъ находить его превосходнымъ учителемъ танцевъ. Онъ исполнялъ всѣ па, во главѣ кавалеровъ, а эти послѣдніе обязаны были выдѣлывать своими ногами все, что Петръ выдѣлывалъ своими. Это нѣсколько напоминало ученіе на плацу, но такое сходство не было непріятно государю. Особенный параграфъ регламента запрещалъ доступъ въ салоны челяди, очень многочисленной во всѣхъ московскихъ домахъ, и водворялъ ее въ передней. За этимъ исключеніемъ равенство было полное, и первый встрѣчный могъ пригласить танцовать саму императрицу **).

Какъ и всѣ нововведенія Петра, ассамблеи сначала прививались туго, особенно въ Москвѣ. Когда Петръ прибылъ въ Москву въ 1722 году для празднованія Ништадтскаго мира, специальнымъ указомъ была созвана ассамблея, на которую обязаны были явиться подъ угрозой „ужаснаго наказанія“ всѣ дамы старше десяти лѣтъ отроду. Ихъ удалось собрать только семьдесятъ. Въ Петербургѣ нововведеніе акклиматизировалось, повидимому, къ концу третьяго года. Остается выяснить его пользу. Петръ преслѣдовалъ три главныхъ цѣли: посвятить русскую женщину въ жизнь, подобную жизни прекраснаго пола западныхъ государствъ; ознакомить высшіе классы русскаго общества съ формами общественной, принятыми въ этихъ государствахъ; и, наконецъ, объединить разные классы общества и смѣшать ихъ съ иностранными

*) См. живописное описаніе этихъ ассамблей у Пушкина въ отрывкѣ его историческаго романа „Арапъ Петра Великаго“, т. IV Собранія сочиненій, изд. 1887 г.

**) Шубинскій, Историческіе рассказы, стр. 39; Карповичъ, Рассказы, стр. 240.

элементами. Последняя цѣль, можетъ быть, самая важная въ его глазахъ, по свидѣтельству всѣхъ современниковъ не могла быть достигнута. Русскія дамы упорно выбирали себѣ кавалеровъ изъ среды своихъ соотечественниковъ и въ этомъ сказывалось только подчиненіе общему лозунгу. Для достиженія двухъ другихъ цѣлей, Петръ не былъ подходящимъ дѣйствующимъ лицомъ; ему слѣдовало самому быть болѣе свѣтскимъ человѣкомъ и менѣе матросомъ и плотникомъ. Всѣ окружающіе копировали его манеры такъ же, какъ пируэты въ танцахъ, а эти манеры были со свѣтской точки зрѣнія не изъ самыхъ вѣжливыхъ и общительныхъ. Въ перерывахъ между танцами кавалеры и дамы расходились въ разныя стороны, не зная, о чемъ разговаривать между собой, и воцарялась мрачная тишина. Для того, чтобы сломать ледъ, государь не придумалъ ничего лучше, какъ ввести новый танецъ, въ одной изъ фигуръ котораго дамы должны были позволить своимъ кавалерамъ цѣловать себя въ губы! *) Кромѣ того, сами дамы были слишкомъ далеки отъ своихъ парижскихъ образцовъ; правда, онѣ являлись на ассамблеи въ фижмахъ, но въ то же время продолжали чернить себѣ зубы! **).

Въ Петербургѣ, такъ же, какъ и въ Парижѣ, дворъ былъ призванъ давать тонъ обществу; но тонъ, царившій вокругъ Петра и его жены, ничѣмъ рѣшительно не напоминалъ Версаль. Напримѣръ, на банкетѣ, устроенномъ въ императорскомъ дворцѣ, по случаю крещенія сына Екатерины, за мужскимъ столомъ, изъ большого пирога, украшавшаго середину стола, вылѣзла голая карлица, а за дамскимъ—голый карликъ ***). 24 ноября 1724 г., въ день именинъ императрицы, когда ихъ величества обѣдали въ Сенатѣ съ многочисленной компаніей, въ которой находились герцогиня Мекленбургская и царица Прасковья, одинъ изъ сенаторовъ влѣзъ на столъ и прошелся по немъ изъ конца въ конецъ, буквально ступая ногами въ блюда *†). На всѣхъ большихъ празднествахъ при дворѣ важную роль играли шесть гвардейскихъ гренадеровъ,

*) Карновичъ, стр. 242.

**) Хмыровъ, Графиня Головкина и ея время, стр. 89.

***) Пыляевъ, Забытое прошлое, стр. 308.

*†) Семевскій, Царица Прасковья, стр. 169.

приносивших большой ушатъ водки, сильно приправленной пряностями; Петръ, вооружившись большой деревянной ложкой, распредѣлялъ содержимое ушата между присутствующими, какъ мужчинами, такъ и женщинами. Въ депешѣ Кампредона отъ 8-го декабря 1721 года, мы читаемъ: „Послѣднее празднество по случаю тезоименитства царьцы было по обычаю страны великолѣпно: дамы много пили“.

Впрочемъ Петръ, какъ извѣстно, не имѣлъ постоянного двора. Одно изъ первыхъ его мѣропріятій было обращеніе на главнѣйшія нужды государства суммъ, расходованныхъ прежде на содержаніе государя и его семейства. Такимъ образомъ были упразднены различныя должности, имѣвшія отношеніе къ его дому, и цѣлая армія дворцовыхъ офицеровъ и служителей. Исчезли 3000 парадныхъ лошадей и 40000 упряжныхъ, кормившихся на конюшняхъ предшественниковъ Петра; исчезли также 300 поваровъ и поварячь, приготовлявшихъ ежедневно 3000 блюдъ въ ихъ кухняхъ *). Только къ концу царствованія было создано нѣсколько новыхъ придворныхъ должностей по образцу европейскихъ, но и тѣ функционировали только нѣсколько разъ въ годъ по торжественнымъ днямъ. Въ обыкновенные праздники, когда царь возвращался изъ церкви домой обѣдать, его сопровождали министры и толпа офицеровъ. Но столъ покрывался только на шестнадцать приборовъ. Приходилось брать мѣста съ бою, а тѣмъ, которые позволили себя отѣснить, царь просто говорилъ: „Идите, осчастливьте вашихъ женъ, обѣдая съ ними“. Извѣстно также, что большіе приемы никогда не устраивались во дворцѣ, даже когда Петру, наконецъ, удалось приобрести дворецъ. Въ послѣднее время для этой цѣли служило зданіе почты, замѣнявшее дворецъ Меншикова, и когда Петръ собиралъ тамъ своихъ приближенныхъ, то получалось впечатлѣніе самаго сквернаго кабака. Берггольцъ описываетъ банкетъ, устроенный въ маѣ 1721 года, по случаю спуска корабля: къ серединѣ обѣда женщины были такъ же пьяны, какъ и мужчины. Водку смѣшивали съ виномъ. Старый адмиралъ Апраксинъ заливался слезами. Князь Меншиковъ валялся подъ сто-

*) Полевой, Исторія Петра Великаго, т. 1, стр. 340 и слѣд.

ломъ, а его жена и свояченица старались привести его въ чувство. Потомъ начались ссоры и обмѣнъ пощечинами. Пришлось арестовать одного генерала, подравшагося съ лейтенантомъ *). Прибавимъ еще, что во все время этихъ оргій, продолжавшихся часовъ шесть и дольше, всѣ выходы обязательно должны были быть заперты; можно догадаться объ отвратительныхъ и неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ этой мѣры. Такимъ образомъ открыто подтверждалось полное презрѣніе Петра къ вопросамъ приличія и благопристойности. Въ январѣ 1723 года, вышло распоряженіе о придворномъ траурѣ по случаю кончины регента, а на первую же ассамблею большинство дамъ явились въ цвѣтныхъ платьяхъ. Онѣ отговаривались немѣпиемъ другихъ. Петръ велѣлъ ихъ прогнать, но тотчасъ же вслѣдъ за этимъ, осушивъ нѣсколько стакановъ вина, самъ подалъ знакъ начинать танцы **).

Въ теплое время года приемы, обыкновенно, переносились въ Лѣтній садъ и принимали видъ шумной ярмарки. Запахъ водки, настоенной на пряностяхъ, доходилъ до сосѣднихъ улицъ. Хохотъ пьющихъ, крики женщинъ, которыхъ насильно заставляли опорожнять стаканы вина, и смѣхотворное пѣнье пуговскихъ кардиналовъ служили потѣхой тысячамъ зрителей. Танцевали на чистомъ воздухѣ, въ открытой галлерей, построенной вдоль Невы. Въ лѣтнихъ резиденціяхъ, смежныхъ съ Петербургомъ или Москвой, царь и его приближенные еще больше давали волю грубости своихъ привычекъ и инстинктовъ. Прочтемъ рассказъ о поѣздкѣ въ Петергофъ, предписанный дипломатическому корпусу въ маѣ 1715 года:

„9-го царь поѣхалъ въ Кронштадтъ, куда мы послѣдовали за нимъ въ галерей; но поднявшаяся внезапно буря принудила насъ простоять на якорѣ два дня и три ночи въ этомъ открытомъ суднѣ, безъ огня, безъ постелей и безъ провіанта. Когда мы прибыли, наконецъ, въ Петергофъ, насъ угостили тамъ по обыкновенію, заставивъ выпить за обѣдомъ столько токайскаго, что когда надо было расходиться, то мы съ трудомъ могли держаться на ногахъ. Это не помѣшало царя предложить

*) Büschings Magazin, т. XIX, стр. 94—96. Депеша Кампредона, помѣченная 14 марта 1721 г., содержитъ аналогичныя подробности.

***) Büschings Magazin, т. XXI, стр. 191.

намъ по стакану водки, вмѣстимостью около пинты, которую мы обязаны были выпить. Потерявъ отъ этого послѣдній разумъ, мы заснули — одни въ саду, другіе въ лѣсу, третьи гдѣ попало на землѣ. Въ четыре часа вечера насъ разбудили и привели во дворецъ, гдѣ царь каждому изъ насъ вручилъ топоръ, приказавъ слѣдовать за нимъ. Опъ привелъ насъ въ лѣсъ, гдѣ намѣтилъ аллею вдоль моря, приблизительно въ сто шаговъ шириной, которую нужно было вырубить. Опъ первый принялся за работу и, хотя мы мало привычны къ такому тяжелому труду, мы всемеромъ, не считая Его Величества, окончили работу въ теченіе трехъ часовъ. Такъ какъ за это время винные пары достаточно разсѣялись, то съ нами ничего не случилось, если не считать, что одинъ извѣстный министръ, работавшій слишкомъ усердно, попалъ подъ падающее дерево, которое его слегка поранило. Послѣ того, какъ царь поблагодарилъ насъ за сдѣланную работу, насъ вечеромъ угостили по обыкновенію и дали такую большую порцію ликера, что мы пошли спать безъ памяти. Мы не проспали и полтора часа, какъ около полуночи пришелъ фаворитъ царя, разбудилъ насъ и пасильно повелъ къ князю Черкасскому, который лежалъ со своей супругой. Намъ пришлось остаться до четырехъ часовъ утра около ихъ постели и пить вино и водку такъ, что мы ужъ и сами не знали, какъ добраться до своего помѣщенія. Въ восемь часовъ насъ пригласили завтракать во дворецъ; но вмѣсто ожидаемыхъ нами чаю или кофе, намъ предложили по большому стакану водки, послѣ чего отправили прогуляться на высокій холмъ, у подножья котораго мы нашли крестьянина съ семьєю злыми клячами, безъ сѣделъ и стремятъ, которыя всѣ вмѣстѣ не стояли и четырехъ эю. Каждый влѣзъ на своего одра, и въ такомъ комическомъ видѣ мы проѣхали, какъ на смотру, передъ ихъ Царскими Величествами, глядѣвшими изъ оконъ“ *).

Отмѣтимъ кромѣ того, что эти дикія выходки шли рука объ руку съ распутствомъ и грубостью правовъ, которымъ

*) Weber, Nouveaux Mémoires, Paris, 1725, т. I, стр. 148. Веберъ былъ въ то время представителемъ Ганноверскаго Двора.

Петръ первый подавалъ примѣръ. Почти накапунѣ женитьбы на дочери монарха, герцогъ Голштинскій выставлялъ на показъ въ Петербургѣ свою любовницу, мужу которой онъ покровительствовалъ, и его будущій тестъ ничего не находилъ въ этомъ предосудительнаго.

Во многихъ отношеніяхъ Петръ, въ дѣйствительности, достигъ только замѣны одной извращенности другою, и основное положеніе славянофиловъ находятъ въ этомъ нѣкоторое оправданіе. Даже въ томъ, что касалось внѣшнихъ формъ, все свелось лишь къ переодѣванію, способному лишь удовлетворить любовь Петра къ маскарадамъ: одѣтые по французской модѣ русскіе остались такими же мужланами, какими были и раньше, но вдобавокъ сдѣлались еще смѣшными. Въ 1720 году, одинъ французскій капуцинъ, поселившійся въ Москвѣ, такъ передавалъ свои наблюденія по этому поводу:

„Мы начинаемъ знакомиться понемногу съ духомъ московскаго населенія. Говорятъ, что за двадцать лѣтъ Его Царское Величество значительно измѣнилъ своихъ подданныхъ. Правда, ихъ можно было бы сдѣлать еще болѣе похожими на людей, такъ какъ они обладаютъ тонкимъ умомъ; но, благодаря своему упрямству, большая часть изъ нихъ предпочитаетъ оставаться животными. Кромѣ того, они относятся педовѣрчиво къ иностранцамъ, они величайшіе плуты и воры. Совершенно вѣрно, что устраивались ужасныя казни, но этимъ ихъ невозможно запугать. Они способны убить человѣка за нѣсколько грошей, благодаря чему небезопасно ходить въ позднее время по улицамъ“ *).

Перемѣна была главнымъ образомъ поверхностная; мало-мальски сильный порывъ духа или плоти подъ вліяніемъ вина или гнѣва—и маска спадаетъ: въ день торжественнаго въѣзда Петра въ Москву послѣ персидскаго похода (въ декабрѣ 1722 года), сенаторъ и дипломатъ князь Григорій Долгорукій и князь-кесарь (Иванъ Ромодановскій) вцѣпились другъ другу въ волосы въ присутствіи многочисленныхъ зрителей и въ теченіе добраго получаса тузили другъ друга ку-

*) Письмо отца Ромала де-Пуррентрью къ французскому по-
лапнику въ Польшѣ. *Aff. étr. de France.*

лаками, и никто не думалъ ихъ разнять. Иностранцы были окружены почетомъ и лестью только въ присутствіи государя; какъ только онъ отворачивался, съ нихъ срывали парки. Самому герцогу Голштинскому съ трудомъ удавалось сохранить свой *). Понятія о чести, порядочности и долгѣ, ревностнымъ проповѣдникомъ которыхъ былъ Петръ, въ чемъ заключается самая большая заслуга его передъ исторіей,— эти понятія съ трудомъ проникали въ глубину сознанія и скользили по поверхности непокорныхъ душъ, не проникая вглубь. Когда обвиненный Демидовымъ въ растратахъ Татищевъ былъ вызванъ съ Урала, то даже онъ ссылался въ свою защиту на слѣдующее моральное представленіе, не имѣющее въ себѣ еще ничего европейскаго: „Зачѣмъ въ принципѣ осуждать судью, берущаго плату съ тяжущихся? Награда честно заработана, если судъ былъ честенъ“ **). Въ 1715 году возникло громкое дѣло о злоупотребленіяхъ, открытыхъ при поставкахъ на армію. Обвиняемыми были: Меншиковъ, адмиралъ Апраксинъ, петербургскій вице-губернаторъ Корсаковъ, глава адмиралтейства Кикинъ, первый комисаръ того же учрежденія Сенявинъ, главный пачальникъ артиллеріи Брюсъ, сенаторы Волконскій и Лопухинъ!.

Даже такой неутомимый работникъ, какъ Петръ, не могъ побѣдить всецѣло въ своихъ подданныхъ укоренившуюся привычку къ лѣности, къ физическому и духовному бездѣйствію. Здоровые люди тысячами ходили по улицамъ, готовые скорѣе просить милостыню, чѣмъ работать. Нѣкоторые надѣвали кандалы на ноги и выдавали себя за заключенныхъ, посланныхъ на улицу просить поддержки у общественной благотворительности (способъ дѣйствительно практиковавшійся въ то время настоящими арестантами). Беззаботная праздность, влекущая за собой ужасную нищету, продолжала царить въ деревняхъ. „Когда мужикъ спитъ, говоритъ Посошковъ, нужно поджечь его избу, чтобы заставить его подняться съ постели. Но онъ не побеспокоится, чтобы потушить пожаръ у сосѣда“. Поэтому часто случались пожары, уничтожавшіе цѣлыя деревни;

*) Бергхольцъ, *Büschings Magazin*, t. XX, p. 589; t. XXI, p. 231.

**) Соловьевъ, т. XVIII, стр. 189.

а то, что щадилъ огонь, расхищалось безъ всякаго сопротивленія шайками грабителей. Крестьяне же не додумывались до того, чтобы соединиться всѣмъ вмѣстѣ и прогнать злодѣевъ. Грабители входили въ избу, подпаливали пятки мужику и его женѣ для того, чтобы заставить ихъ указать, гдѣ спрятаны деньги, похищали весь домашній скарбъ, складывали его въ телѣги и спокойно уѣзжали; сосѣди все это видѣли и не трогались съ мѣста. Чтобы избавиться отъ военной службы, молодые люди уходили въ монастырь; другіе поступали въ устроенныя Петромъ школы и старались тамъ ничего не дѣлать.

Все это не помѣшало совершиться великому моральному перевороту. Петръ необдуманно, неправильно и немного причудливо бросалъ въ родную почву сѣмена, которыя выросли и принесли плоды. Но кромѣ этого, онъ подалъ примѣръ жизни, въ которой жалкіе недостатки, продуктъ врожденной испорченности, совмѣщались съ самыми мужественными и благородными доблестями. Исторія указала впоследствии, на какой сторонѣ былъ перевѣсъ. Стомилліонный народъ развернулъ передъ глазами сначала удивленной, а вскорѣ затѣмъ и встревоженной старой Европы силу, элементы которой не были конечно, только матерьяльными. Эту силу современная Россія почерпнула въ душѣ своего героя.

Она обязана ему также умственнымъ прогрессомъ, несмотря на то, что учебныя заведенія великаго царствованія считаются, и не безъ основанія, очень и очень несостоятельными.

II.

Обученіе.

У славянофиловъ есть предвзятая идея, и идея довольно самопадѣнная, относительно обученія, введеннаго въ Россію до Петра Великаго. По ихъ мнѣнію, замѣнивъ общее образованіе, практиковавшееся въ довольно удовлетворительно поставленныхъ начальныхъ школахъ, школахъ второго разряда и въ Славяно-греко-латинской Академіи въ Москвѣ, профес-

сіональнымъ обученіемъ, уже дискредитированнымъ на западѣ, Петръ скорѣ повелъ свою страну назадъ, чѣмъ впередъ. Надо прежде разсмотрѣть, что такое представляли изъ себя эти школы и что представляло въ сущности даваемое ими общее образованіе. Школы?—Ихъ было всего только нѣсколько штукъ при нѣкоторыхъ монастыряхъ. Общее образованіе?— Оно сводилось, по-моему, къ чтенію священныхъ книгъ и развѣ только къ самому элементарному преподаванію географіи и исторіи. У гроба Реформатора Теофанъ Прокоповичъ, котораго врядъ ли можно подозрѣвать во враждебномъ при-страстіи къ этому церковному обученію, напомнилъ, что когда въ Россіи не было введено школъ Петромъ, въ ней съ большимъ трудомъ можно найти компасъ! Въ букваряхъ того времени мы находимъ упражненія въ вопросахъ и отвѣтахъ, очень интересно разоблачающія умственный уровень составителя. Вопросъ: „Что такое высота неба, широта земли, глубина моря?“ Отвѣтъ: „Высота неба, это Отецъ; широта земли, это Сынъ; глубина моря, это Духъ Святой“. Вопросъ: „Кому было дано первое писаніе Христа?“ Отвѣтъ: „Апостолу Каіафъ“ (sic!).

Въ дѣйствительности для русскихъ того времени не существовало періода обученія. Не было перехода отъ младенчества къ зрѣлому возрасту. Благодаря этому даже и въ зрѣломъ возрастѣ, умъ сохранялъ часть дѣтской свѣжести, но зато также и дѣтской наивности. Его можно сравнить со свѣтлыми утренней зари, полными неясныхъ и смѣшанныхъ образовъ; въ немъ причудливо перемѣшаны языческія суевѣрія со странно искаженными христіанскими легендами. Перунъ, богъ грома, былъ только замѣненъ пророкомъ Іліей съ его катящеюся по облакамъ колесницею. Явленія физическаго міра и явленія міра духовнаго одинаково считаются результатомъ дѣятельности таинственныхъ и страшныхъ силъ, передъ которыми человекъ чувствуетъ себя безоружнымъ и жалко безпомощнымъ *).

Вотъ съ этими-то химерическими представленіями о дѣй-

*) Забѣляевъ, Русское общество до Петра Великаго, Историческіе очерки. Москва, 1872, стр. 90 и слѣд.; Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XVIII, стр. 184 и слѣд.

ствительной жизни, а также съ инстинктами лѣности и хотѣлъ бороться Петръ при помощи образованія. Его идеи въ этомъ направленіи заходили очень далеко,—вплоть до введенія обязательнаго и бесплатнаго обученія, столь превозносимаго Посошковымъ. Въ принципѣ введеніе всеобщаго обученія было подтверждено указомъ 28-го февраля 1714 г. Но на практикѣ пришлось ограничиться одной только категоріей учениковъ, взятыхъ изъ числа дѣтей приказныхъ дьяковъ и священниковъ. Сенатъ отказался предпринять что-либо сверхъ этого. Взять мальчиковъ-учениковъ изъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій не значило ли это разорить промышленность и торговлю? Реформаторъ уступилъ и удовольствовался тѣмъ, что къ этому ограниченному проведенію своей идеи въ жизнь приложилъ обычную для него горячность и суровость: сытъ дьяка Петръ Ижоринъ, отказавшійся посѣщать Олонецкую математическую школу, былъ по царскому указу отправленъ въ Петербургъ съ кандалами на ногахъ *). Школы, школы повсюду, и всевозможные типы школъ—вотъ лозунгъ дня.

Но какія же школы?—На этотъ счетъ Петръ, къ несчастью, довольно долгое время колеблется. Вначалѣ онъ какъ будто рѣшилъ отдать преимущество школъ псевдо-универсальнаго типа, съ грамматическимъ характеромъ, типъ преобладавшій и до тѣхъ поръ, благодаря польскому и малорусскому вліяніямъ. По возвращеніи изъ перваго заграничнаго путешествія, онъ думалъ также просто расширить программу московской Академіи. Встрѣча съ пасторомъ Глюкомъ побудила его предпринять другую попытку, преслѣдующую впрочемъ ту же самую цѣль. Прежній хозяинъ Катерины Трубачевой былъ сразу назначенъ директоромъ учебнаго заведенія, гдѣ преподавали: географію, этику, политику, латинскую риторику, философію Декарта, греческій, еврейскій, сирійскій, халдейскій, французскій и англійскій языки, танцы и верховую ѣзду! **). Бѣдняга Глюкъ позабылъ тамъ то немногое, что зналъ. И вдругъ съ обычной своей порывистостью,

*) Поповъ. Татищевъ и его время, стр. 38.

***) Пекарскій. Наука и литература въ Россіи, т. I, стр. 128.

Реформаторъ повернулъ въ другую сторону; онъ нашелъ свой настоящій путь. Ему пужны профессиональныя школы, подобныя тѣмъ, которыя онъ видѣлъ въ Германіи, въ Голландіи и въ Англіи. Но онъ не далъ себѣ труда составить предварительно общій планъ для того, чтобы начать съ начала, т.-е. съ учрежденія начальныхъ школъ и школъ второго разряда. Онъ начинаетъ сразу съ высшего обученія: съ инженерныхъ наукъ, съ мореплаванія, съ высшей математики. Это случилось потому, что отнынѣ онъ думаетъ не столько о распространеніи просвѣщенія, сколько о подготовкѣ необходимыхъ ему для арміи и для флота офицеровъ. Такая утилитарная и правительственная точка зрѣнія долгое время господствовала во всѣхъ его начинаніяхъ. Въ Петербургѣ вскорѣ была учреждена Морская Академія; въ Москвѣ—военная хирургическая школа, гдѣ хорошо оплачиваемыя кафедры были заняты нѣмецкими и англійскими префессорами. Не хватало только учениковъ. Чтобы приступить къ изученію высшей математики, сыновьямъ дьяковъ и священниковъ, находящимся въ распоряженіи Петра, не доставало умѣнья читать и считать! Петръ слишкомъ проворно взобрался на самую вершину лѣстницы, не обративъ вниманія на промежуточные ступени. Правда, въ 1714 году былъ опубликованъ указъ, содержащій планъ провинціальныхъ школъ, какъ начальныхъ, такъ и второразрядныхъ, которыя должны были быть учреждены при епархіяхъ и монастыряхъ. Но въ 1719 году Григорій Скорняковъ-Писаревъ, назначенный завѣдывать этими учрежденіями, доложилъ государю, что оказалось возможнымъ открыть одну только школу, насчитывавшую двадцать шесть учениковъ, въ Ярославлѣ. Въ 1723 году, изъ Петербурга или изъ Москвы было отправлено въ провинцію сорокъ семь учителей; изъ нихъ восемнадцать вернулись обратно не найдя должности. Въ томъ же году былъ поднятъ вопросъ о соединеніи проектируемыхъ школъ съ церковными школами, вызванными къ жизни недавно опубликованнымъ указомъ. Синодъ заявилъ, что существуетъ одна единственная подобная школа въ Новгородѣ *).

*) Пекарскій, т. I, стр. 125.

вала до 1713 года, всего двадцать три ученика; въ этомъ же году Петръ распорядился помѣстить туда семьдесятъ семь молодыхъ людей, набранныхъ среди дѣтей дворцовыхъ служителей, ученые профессора должны были начать преподаваніе этимъ ученикамъ съ объясненія азбуки!

Петръ до нѣкоторой степени отдавалъ себѣ отчетъ въ бѣдности достигнутыхъ имъ такимъ образомъ результатовъ. Онъ рѣшилъ помочь дѣлу, отправивъ большое число молодыхъ людей въ заграничныя учебныя заведенія. Но здѣсь опять возникли препятствія: Англія закрыла свои учебныя заведенія для постороннихъ элементовъ. Не хватало денегъ; двое молодыхъ людей, однимъ изъ которыхъ былъ арапъ Ибрагимъ, посланные въ Парижъ въ 1716 и 1717 г., жаловались на нищету: они могли тратить въ день только одинъ эю на двоихъ! Кромѣ того, помѣхой, какъ всегда, служила лѣдность и дурное поведеніе. Въ 1717 году, князь Репнинъ обратился съ письменнымъ прошеніемъ къ государю, прося разрѣшить вернуться въ Россію его двумъ сыновьямъ, которые вмѣсто того, чтобы изучать военное искусство въ Германіи, дѣлають тамъ только долги. Въ то же самое время въ Тулонѣ, администрація должна была принять дисциплинарныя мѣры противъ русскихъ молодыхъ людей, принятыхъ въ гардемариинскую роту. По донесенію агента Зотова, они ссорились и ругались, „какъ здѣсь не дѣлають люди самаго низкаго званія“, и дѣло дошло даже до покушеній на убійство „иначе чѣмъ на дуэли“. Пришлось отнять у нихъ шпаги *).

Въ общемъ Россіи приходится попрежнему вербовать кадры военныхъ, ученыхъ, артистовъ и промышленниковъ въ Европѣ, и хотя ей и удается кое-какъ пополнить существующій недостатокъ во всѣхъ этихъ людяхъ, но все-таки въ составленныхъ такимъ образомъ кадрахъ чувствуются досадные пробѣлы. Но Петръ не отчаивается и продолжаетъ двигаться впередъ. Послѣ поѣздки въ Парижъ его начинаетъ преслѣдовать желаніе основать въ Петербургѣ Академію Наукъ.

При помощи безчисленныхъ, составляемыхъ по его желанію, проектовъ, при помощи собираемыхъ имъ повсюду

*) Ibid., стр. 163.

наблюдений и всего того, что онъ внесъ въ это начинаніе своего личнаго, онъ въ концѣ-кошцовъ создалъ себѣ объ этомъ учрежденіи очень неопредѣленное, но очень честолюбивое представленіе. Академія кажется ему призванной заполнить сразу всѣ приводящія его въ отчаяніе пробѣлы, какъ школьной организаціи, которую онъ задался цѣлью создать изъ ничего, такъ и умственной жизни, которую надѣется развить вокругъ новаго учрежденія. До извѣстной степени онъ ясно отдаетъ себѣ отчетъ въ недостаточности матеріаловъ, имѣющихся у него подъ рукой для того, чтобы обставить дѣло какъ слѣдуетъ. Вотъ почему онъ противъ своего обыкновенія долго колеблется; онъ идетъ ощупью и даетъ пройти годамъ. Только въ 1724 году, за годъ до своей смерти, онъ принимаетъ рѣшеніе, по-своему, однимъ почеркомъ пера. Подъ докладомъ Фика о необходимости достать для Россіи способныхъ чиновниковъ онъ подписываетъ: „Сдѣлать Академію“.

Въ маленькихъ провинціальныхъ городкахъ и даже въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ кварталахъ Парижа можно встрѣтить учрежденія смѣшаннаго характера, не то лари, не то табачныя лавочки, гдѣ продаются одновременно марки, бакалейные товары, сигары, хозяйственныя принадлежности, газеты и даже книги. Это образецъ первобытнаго базара, къ которому большіе универсальные магазины нашего времени какъ-будто вернулись по окольному пути, явленіе часто встрѣчающееся въ исторіи цивилизаціи. Все различіе состоитъ въ томъ, что господствующій тамъ беспорядокъ замѣненъ здѣсь методическимъ порядкомъ. Созданная указомъ Петра Великаго Академія представляетъ собой элементарный багарь. Въ ней странно совмѣщены и смѣшаны три классическихъ образца: нѣмецкая гимназія, нѣмецкій университетъ и французская академія. И, въ сущности, эта странность легко объясняется: какъ и ларочки, гдѣ свертки со свѣчами лежатъ бокъ-о-бокъ съ томиками романовъ, она соотвѣтствовала низшей степени развитія. По той же причинѣ Академія, учрежденная въ Москвѣ до воцаренія реформатора, носила полудуховный, полусвѣтскій характеръ. Созданіе Академіи вызвало тѣмъ не менѣе жестокую и от-

части справедливую критику *). Какъ учебное заведеніе, она никогда серьезно не функционировала за недостаткомъ аудиторіи, которая была бы въ состояніи проходить курсы, читаемые профессорами вродѣ Германа, Деділя, Берпулли, работавшими гдѣ величайшими проблемами теоретическихъ наукъ, излагавшими высшую математику, изучавшими греческія и римскія древности. Какъ учебное общество, Академія, конечно, служила интересамъ науки вообще и даже въ частности интересамъ русской науки. Практическое значеніе работъ Деділя надъ собираніемъ русскихъ картъ такъ же неоспоримо, какъ значеніе работъ Байера надъ изученіемъ греческихъ и римскихъ древностей. Остается выяснитъ, не могли ли 24,912 рублей, ассигнованныхъ на поддержаніе Академіи изъ доходовъ Нарвы, Дерпта и Пернау, найти себѣ лучшее употребленіе въ эпоху, когда духовная роскошь могла, по всей справедливости показаться несвоевременной, и когда, прежде чѣмъ издавать книги по высшимъ наукамъ, нужно было позаботиться найти читателей для болѣе элементарныхъ изданій.

Но настоящей школой великаго царствованія, единственной не измѣнившей своей программѣ и своей задачѣ, была та школа, учителемъ которой въ теченіе тридцати лѣтъ былъ Петръ: лучшей школой былъ примѣръ, подаваемый всей жизнью великаго человѣка, его всеобъемлющая любознательность, его жажда всему научиться, которая была по существу заразительна и несмотря ни на что передалась до извѣстной степени его подданнымъ. И послѣ

*) Неблагопріятныя сужденія современныхъ дипломатовъ Плейера и Фокеродта, опубликованныя Геррманпомъ, вызвали въ 1874 г. довольно оживленную полемику, въ которую вмѣшался выдающійся французскій славистъ, г. Леж. Въ журналѣ Министрства Народнаго Просвѣщенія (январь 1874 г.), а затѣмъ въ Русскомъ журналѣ Брюкнеръ выступилъ на защиту Петра и его академикомъ. Статья Леж, помѣщенная въ *Revue critique* (1874, № 14), обратила вниманіе Геррманна на эту защиту, на которую онъ счелъ умѣстнымъ отвѣтить очень ядовитой брошюрой. (I. G. Vokerodt und der Professor für Russische Geschichte zu Dorpat, A. Bruckner, 1874), вызвавшей довольно рѣзкое возраженіе въ Русскомъ журналѣ. 1875, т. VI, стр. 113.

этого нельзя даже упрекать его въ пренебреженіи къ основнымъ элементамъ того умственнаго переворота, творцомъ котораго онъ хотѣлъ быть.

III.

Интеллектуальная жизнь.

Петръ не только научилъ своихъ подданныхъ грамотѣ, онъ сдѣлалъ больше: онъ далъ имъ совершенно новый языкъ, цѣликомъ, или почти цѣликомъ созданный имъ, какъ и все остальное. Въ 1700 году въ Амстердамѣ онъ поручилъ голландцу Янну Тессингу при помощи поляка Копьевскаго или Копьевича *) основать тамъ русскую типографію. Такимъ образомъ было выпущено первое изданіе русскихъ книгъ, трактующихъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ: то были книги по исторіи, по географіи, по языковѣдѣнію, о военномъ искусствѣ и объ искусствѣ мореплаванія. Это были по большей части переводы или передѣлки, не имѣвшія научной цѣнности, но представлявшія собой хорошія общедоступныя изданія. Въ 1707 году эта типографія открыла отдѣленіе въ Москвѣ, приславъ туда наборщика, печатника и литейщика, привезшихъ съ собою русскій алфавитъ. Это былъ гражданскій шрифтъ, названный такъ въ противоположность старому славяно-сербскому алфавиту, усвоенному церковью. Петръ тотчасъ же принялъ его для перваго изданія, бывшаго учебникомъ геометріи, и для втораго—сборника комплиментовъ, переведеннаго съ нѣмецкаго. Затѣмъ послѣдовали переводы сочиненій, имѣющихъ отношеніе къ военнымъ наукамъ, корректуры которыхъ Петръ исправлялъ собственноручно. Но одной новой азбуки недостаточно было для творческаго рвенія Реформатора. Въ 1721 году Петръ рѣшилъ поручить, недавно учрежденному, Святѣйшему Синоду переводъ части произведеній Пуффендорфа. По этому поводу среди почтеннаго собранія возникъ споръ: слѣдовало ли при-

*) Онъ самъ писалъ свое имя обоими способами.

мѣнить для предстоящей работы старшій церковно-славянскій языкъ, или же нужно было воспользоваться разговорнымъ языкомъ, очень измѣнившимся съ теченіемъ времени? Въспавшійся въ споръ, государь прекратилъ разногласіа неожиданнымъ образомъ: долженъ быть употребленъ для перевода специальный языкъ, нигдѣ раньше не употреблявшійся, кромѣ дипломатической канцеляріи царя, и носившій отпечатокъ космополитическаго происхожденія. Это былъ своеобразный языкъ, напичканный иностранными словами и неологизмами, лепетъ варваровъ, съ трудомъ разбирающихся въ европейской цивилизаціи. Отнынѣ этотъ языкъ становится официальнымъ языкомъ; въ настоящее время на немъ говорятъ и пишутъ сто милліоновъ человѣкъ.

Заставить переводить Пуффендорфа собраніе духовныхъ особъ—можетъ показаться довольно странной идеей; но вѣдь извѣстно, что у Петра была привычка пользоваться всѣми средствами для достиженія намѣченной цѣли. Ему нужны книги. Заказавъ завѣдующему типографіей Поликарпову Исторію Россіи, онъ остался недоволенъ полученнымъ произведеніемъ и поручилъ эту работу чиновникамъ своей канцеляріи, языкъ которой онъ принялъ и узаконилъ. Чтобы основать музей, онъ взываетъ къ усердію всѣхъ своихъ подданныхъ и беретъ, не относясь черезчуръ взыскательно, все, что они даютъ ему въ качествѣ достопримѣчательностей: теленка о двухъ головахъ или дѣтей-уродцевъ,—старался убѣдить ихъ въ то же время, что „монстры“ вовсе не произведеніе дьявола, чему они очень склонны вѣрить. И развѣ не трогателемъ онъ, въ сущности, въ своей постоянной напряженной работѣ, часто непродуманной, неискусной, недостигающей цѣли, но постоянно возобновляемой, никогда не надѣдающей, всегда направленной къ лучезарной цѣли прогресса и свѣта, которую онъ видитъ передъ собой? И, несмотря ни на что, онъ ее достигаетъ! Въ 1719 году два флотскихъ офицера, Иванъ Евреиновъ и Ѳеодоръ Лукинъ, отправляются для изслѣдованія береговъ Камчатки. Имъ поручено разрѣшить вопросъ, поставленный Лейбницемъ: соприкасаются ли между собой съ этой стороны Азія и Америка, или онѣ раздѣлены моремъ? Результатомъ этой экспе-

диции была только карта Курильских острововъ. Но преслѣдуя свою идею, Петръ снова вернулся къ ней, и при помощи Беринга былъ открытъ проливъ, обезсмертившій имя отважнаго изслѣдователя.

Въ мемуарахъ Парижской Академіи Делиль-старшій говоритъ о картѣ Каспійскаго моря и смежныхъ съ нимъ областей, показанной ему Петромъ въ 1717 году. Карта эта, не будучи совершенно точной, исправляла, тѣмъ не менѣе, свѣдѣнія, имѣвшіяся въ то время объ этихъ странахъ на Западѣ. Въ 1721 году тридцать картографовъ работали уже въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Петръ далъ имъ по обыкновенію довольно поверхностную инструкцію: „Опредѣлить въ каждомъ городѣ широту при помощи квадрата; затѣмъ идти по прямой линіи по различнымъ направленіямъ картуши компаса до границъ округа“. Все-таки имъ удалось выполнить кое-какую работу. Кромѣ того, изъ специальныхъ изслѣдователей были посланы: лейтенантъ Герберъ на сѣверъ Каспійскаго моря, докторъ Мессершмидтъ и шведскій плѣнникъ Таббертъ, извѣстный больше подъ именемъ Штраленберга,—въ Сибирь; итальянецъ Флоріо Беневени—въ Персію, въ Хиву и въ Бухару; лейтенантъ Бухгольцъ и майоръ Лихаревъ—по теченію Иртыша. Секретарю Сената, Ивану Кириллову, было поручено, при помощи собранныхъ такимъ образомъ данныхъ, составить общій атласъ, надъ которымъ онъ работалъ до 1734 года, и который является цѣннымъ трудомъ *).

Въ 1720 году безчисленные монастыри получили приказъ доставить изъ своихъ архивовъ хартіи, рукописи и древнія книги *). Это послужило началомъ архивовъ. Книги, взятые во время Сѣверной войны въ Митавѣ и сохранявшіяся сначала въ Петербургѣ въ Лѣтнемъ дворцѣ, составили первое основаніе библіотеки, бывшей прямымъ плодомъ побѣды. Недоставало еще художественнаго музея, поэтому въ 1717 году Петръ заказалъ флорентійскимъ художникамъ,— между прочимъ Боначчи,—двѣ статуи, изображавшихъ Адама

*) Struwe, Russische Revue, t. VIII, 1876.

**) Сводъ законовъ, 3693.

и Еву. Въ 1713 году онъ предпринимаетъ покупки въ Римѣ; его агентъ Кологривовъ докладываетъ ему, что онъ приобрѣлъ античную Венеру, „болѣе прекрасную, чѣмъ флорентійская, и лучше сохранившуюся“. Онъ заплатилъ за нее всего 196 дукатовъ. При музеѣ была устроена Академія искусствъ, страннымъ образомъ соединенная съ канцеляріей арсенала. Входъ въ музей былъ бесплатный. Тщетно совѣтники Петра, поднимая вопросъ, возбуждаемый часто и въ наше время, предлагали опредѣлить сборъ со скромной входной платы на расширеніе коллекцій; Петръ былъ рѣшительно противъ этого, и по его приказанію посѣтителямъ предлагали даже бесплатно освѣжительные напитки! Такой обычай продолжался до царствованія Анны Іоанновны и вызывалъ ежегодный расходъ въ 400 рублей *). Въ садахъ окружавшихъ Лѣтній дворецъ были помѣщены для украшенія фонтановъ шестьдесятъ группъ, изображавшихъ въ лицахъ басни Эзопа. Текстъ басенъ былъ опубликованъ позднѣе. Позолоченнымъ свинцовымъ фигурамъ не доставало красоты, но самое поучительное намѣреніе было прекрасно.

Петръ не позабылъ также и о театрѣ, какъ объ орудіи умственной пропаганды. Исторія театра въ Россіи до великаго царствованія очень мало извѣстна. Въ нѣкоторыхъ кievскихъ и московскихъ монастыряхъ, а позднѣе въ госпиталѣ старой столицы устраивались періодическія представленія, вдохновляемые примѣромъ іезуитскихъ учебныхъ заведеній. Пьесы были на религіозныя темы; въ качествѣ артистовъ выступали семинаристы и другіе учащіеся. Постановка была очень посредственная, а общій стиль очень грубый. Надъ этими представленіями смѣялись въ Нѣмецкой слободѣ. Рассказывали, будто бы во время представленія, изображавшаго Благовѣщеніе, Дѣва Марія отвѣчала ангелу: „Что-жъ ты думаешь, что я дѣвка, что ли?“ *). Въ 1672 году, въ годъ рожденія Петра, театръ впервые появился при дворѣ. Первая жена царя Алексѣя, Мило-

*) Голиковъ, т. X, стр. 42.

**) Haigold Beilagen zum neueranderten Russland Leipzig, 1770, t. I, p. 399.

славская, покорная игу византійскаго аскетизма и наставленіямъ Домостроя, относилась враждебно къ театральнымъ представленіямъ; вторая же, Наталья, веселая и съ болѣе широкимъ умомъ, открыла имъ доступъ въ Кремль. Играли нѣмцы, но ожидали, что они сдѣлаютъ русскихъ актеровъ изъ отданныхъ имъ въ обученіе подьячихъ. Еще до Расина на сценѣ ставили исторію Агасфера и Эсфири, въ которой видѣли намекъ на исторію Алексѣя и Натальи. Смерть Алексѣя и послѣдовавшіе за ней смутные годы прервали эти развлечения. Правда, рассказываютъ, что Софья ставила въ самомъ теремѣ, около 1680 года, пьесы собственнаго сочиненія, и, между прочимъ, переводъ „Доктора по неволѣ“ Мольера. Она будто бы выступала даже какъ актриса. Какъ характеръ правительницы, такъ и тревожная исторія ея правленія, дѣлаютъ эти рассказы мало вѣроятными. Быть можетъ, ее просто смѣшиваютъ со старшей сестрой Петра, царевной Натальей, которой въ то время было семнадцать лѣтъ и которая позднѣе проявила себя истинной поклонницей театра.

Какъ бы то ни было всѣ эти спектакли носили интимный характеръ. Петръ же его совершенно уничтожилъ. Онъ перенесъ театръ на Красную площадь и открылъ доступъ въ него широкой публикѣ. Онъ хотѣлъ также имѣть русскую труппу, играющую русскія пьесы, и добился этого. Въ 1714 году царевна Наталья поселила въ Петербургѣ въ одномъ большомъ домѣ, только что отстроенномъ и уже брошенномъ, русскихъ актеровъ, игравшихъ трагедіи и комедіи. Она сама завѣдывала постановками и механикой, рисовала декорации и писала пьесы, изобиловавшія политическими намеками и нравоучительными тенденціями. Былъ также составленъ оркестръ изъ русскихъ музыкантовъ, въ которомъ, правда, батоги, по словамъ Вебера, часто замѣняли дирижерскую палочку. Петръ очень любилъ музыку, особенно религіозную. У него былъ недурной хоръ церковныхъ пѣвчихъ, которымъ онъ охотно подпѣвалъ самъ; у него были также свѣтскіе музыканты, трубачи и польскіе волынщики. Начиная съ 1720 года, онъ часто приглашалъ играть при Дворѣ оркестръ герцога Голштинскаго, впервые познакомив-

пій русскихъ съ сонатами, соло, тріо и концертами знаменитыхъ тогда нѣмецкихъ маэстро, какъ Телеманнъ, Кейзеръ, Гейншентъ, Шульцъ, Фуксъ, или итальянскихъ, какъ Корелли, Тартини и Порпора.

Роль и значеніе періодической печати также не укрылись отъ безпокойнаго взгляда великаго человѣка. Съ 1702 года барону Гюйсену было поручено, за наличныя деньги поддерживать хорошія отношенія между царемъ и европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ. Онъ переводилъ, издавалъ и распространялъ всѣ постановленія царя, имѣвшія отношеніе къ военной организаціи его имперіи; приглашалъ ученыхъ всѣхъ странъ посвящать ихъ труды Его Царскому Величеству или даже писать новыя для Его восхваленія; наводнялъ Голландію и Германію брошюрами, въ которыхъ Карлъ XII гораздо раньше Полтавской битвы былъ разбитъ и поставленъ въ самое безвыходное положеніе. Онъ субсидировалъ также лейпцигскую газету *Europäische fama*, честно возвращавшую царю его деньги въ формѣ комплиментовъ и низкопоклонной лести. Въ 1703 году въ Москвѣ появилась первая русская газета, и появленіе ея было другимъ окномъ, открывшимъ доступъ для воздуха и свѣта съ запада. До этого времени въ Россіи только одинъ царь, или почти онъ одинъ, зналъ, что дѣлалось за границей. Выдержки изъ иностранныхъ газетъ (Куранты), редактируемыя Посольскимъ приказомъ, были предназначены только для царя и его приближенныхъ. Все новое, что происходило внутри страны, передавалось только изъ устъ въ уста, искажалось и поселяло заблужденія въ наивныхъ душахъ. Первый номеръ новой газеты содержалъ разъясненіе о количествѣ пушекъ, только что отлитыхъ въ Москвѣ, и о числѣ учениковъ, посѣщающихъ недавно основанныя школы.

Русской періодической печати и теперь еще надо много сдѣлать для того, чтобы сравняться съ западными образцами, и, если бы кто-нибудь захотѣлъ оцѣнить дѣятельность Петра въ этомъ направленіи съ точки зрѣнія видимыхъ и непосредственныхъ результатовъ, то польза ея показалась бы ничтожной. Нѣсколько довольно плохихъ переводовъ, докладъ государственнаго секретаря Шафирова о причинахъ,

вооружившихъ царя противъ Швеціи, написанный по-французски русскими буквами, историческая компиляція Петра Крекшкина; другая—князя Хилкова, написанная такимъ же неприятнымъ способомъ, какъ и работа Шафирова; третья, — и далеко не лучшая, — Василя Татищева — вотъ и вся литература. Единственнымъ хорошимъ поэтомъ эпохи былъ князь Антиохъ Кантемиръ, сынъ того молдавскаго господаря, дружба котораго едва не сдѣлалась роковой для Петра. Онъ написалъ восемь сатиръ силлабическими стихами, но онѣ увидѣли свѣтъ только послѣ смерти великаго царя. Изъ научныхъ книгъ былъ изданъ посредственный трактатъ по ариметикѣ и нѣсколько географическихъ картъ. По части искусства результатомъ дѣятельности Петра были нѣсколько статуй, позаимствованныхъ въ Италіи, и три художника, обучавшихся въ Италіи же: Никитинъ, Меркульевъ и Матвѣевъ. Исполненный послѣднимъ портретъ Петра нельзя назвать шедевромъ. Путь, пройденный великимъ инициаторомъ, а вслѣдъ за нимъ и его народомъ, не можетъ быть измѣряемъ такимъ образомъ. Мѣриломъ для него нужно брать явленія болѣе интимнаго порядка, общее движеніе умовъ и душъ, вызванное реформами, и измѣненіе мыслей и чувствъ, бывшее ихъ слѣдствіемъ. И если необходимо непременно сослаться на точные документы, то вотъ два такихъ документа, стоящихъ какъ пограничные столбы на двухъ противоположныхъ концахъ царствованія: завѣщаніе Посошкова въ началѣ, завѣщаніе Татищева въ концѣ; оба они адресованы скорѣй къ духовнымъ потомкамъ завѣщателей, чѣмъ къ ихъ прямымъ наслѣдникамъ. Посошковъ восторженный поклонникъ Реформатора и его дѣятельности; безусловный его приверженецъ во всемъ, что касается идей и принциповъ правительственныхъ и административныхъ; но во всемъ, что касалось религіи, онъ не могъ выйти изъ круга монастырской жизни пятнадцатаго вѣка. Вслѣдъ за нимъ явился Татищевъ—и кругъ какъ будто былъ разрушенъ. Современный же русскій родится прислушиваясь къ отдаленнымъ вѣяніямъ, не боится широкихъ теченій, а скорѣе готовъ въ нихъ броситься; онъ смѣлъ и стремится къ

прогрессу, что дѣлаетъ его нѣсколько эксцентричнымъ и похожимъ на американца. И это дѣло рукъ Петра Великаго.

Отвратить умы отъ религіозныхъ интересовъ и обратить ихъ на предметы свѣтскіе, общечеловѣческіе,—было великимъ дѣломъ. Очень странно, что послѣ Петра больше всѣхъ сдѣлалъ для этой эволюціи священникъ, Теофанъ Прокоповичъ. Онъ говорилъ только въ церквахъ; онъ писалъ исключительно на теологическія темы или о церковныхъ правилахъ; но ему случалось вставлять политическіе памфлеты въ проповѣди и сатиру въ духовные регламенты. Петръ дѣлалъ свѣтскимъ даже духовенство! Просто потому, что создавшееся вокругъ него движеніе въ поискахъ среды, которой оно могло бы сообщиться, захватило этого священника въ его храмъ и бросило его наружу. Этотъ ураганъ новыхъ идей и новыхъ чувствованій, отрывающій души отъ ихъ привычекъ, отъ ихъ предразсудковъ, отъ ихъ алтарей, поднимающій ихъ съ ложа вѣковой лѣни и бросающій въ водоворотъ пробуждающейся умственной и духовной жизни, создалъ современную Россію. И это также и больше всего было дѣломъ рукъ Петра Великаго.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Церковная реформа.—Уничтоженіе патриаршества.

I. **Церновъ.** Теофанъ Прокоповичъ. Пропаганда духовенства и церковная реформа. Киевскій центръ. Непрочное положеніе древней московской церкви. Матеріальное благосостояніе и моральное уничиженіе. Опасность раскола. Реформа кажется Преобразователю необходимой. Смерть патриарха Адріана открываетъ путь. II. **Патріархатъ.** Назначеніе временнаго хранителя патриаршаго престола. Стефанъ Яворскій. Петръ нападаетъ на монастыри. Черное духовенство покорено. Раскольники. Борьба. Петръ увлекается ею. Стефанъ Яворскій вмѣняетъ своей миссии и обманываетъ правительстве. Конфликтъ. Постепенное разрушеніе остатковъ патриаршей власти. Необходимость коренной реформы. III. **Святѣйшій Синодъ.** Церковный регламентъ. Программа и памфлеты. Всеобщее недовольство не останавливаетъ Реформатора. Отмѣла Патриаршества. Учрежденіе Святѣйшаго Синода. Духъ реформы. Ея результаты.

I.

Ц е р н о в ь .

Теофанъ Прокоповичъ родился въ Кіевѣ въ 1681 году. Онъ росъ, окруженный польскимъ вліяніемъ и воспитывался подъ вліяніемъ католической церкви. Начальное образованіе онъ получилъ въ униатской школѣ, а потомъ поѣхалъ въ Римъ. Оттуда онъ привезъ ненависть къ католицизму, умъ, готовый воспринять идеи и стремленія того времени, философію, науку, политику и даже лютеранскія тенденціи. Не зная еще Петра, будучи простымъ профессоромъ богословія, онъ сдѣлался недовольнымъ новаторомъ и сторонникомъ смѣлыхъ выступленій *). Онъ былъ захваченъ теченіемъ, развитію котораго способствовалъ самъ Петръ и которое проникло уже къ под-

*) Пекарскій, т. I, стр. 481.

пожїямъ алтарей. Священника съ подобной нравственной фїзіономїей Россїя еще не видѣла; онъ представлялъ собой, тогда еще неизвѣстный, теперь почти исчезнувшїй типъ западнаго прелата.

Умный, прощрливый, властолюбивый, онъ получилъ разностороннее образованїе, зналъ толкъ въ литературѣ и искусствѣ, и былъ немножко скептикомъ и сибаритомъ. Прокоповичъ владѣлъ библіотекой въ 30.000 томовъ и велъ открытую жизнь. Онъ ѣлъ мясо круглый годъ, но, кромѣ того, въ его домѣ ежегодно употреблялось 1,500 лососей, 21,000 сиговъ, 11 пудовъ икры, 11 бочекъ спиртныхъ напитковъ и т. д. Онъ жилъ широко и также широко благотворительствовалъ. Въ 1721 году онъ устроилъ въ одномъ изъ своихъ петербургскихъ домовъ лучшую, въ то время, школу. О томъ какъ надо вести преподаванїе въ этомъ заведенїи, онъ составилъ наставленїе, подъ которымъ свободно могъ бы подписаться любой іезуитъ и пригласилъ учителей-лютеранъ. Онъ кропалъ стихи и сочинялъ пьесы, которыя разыгрывались учениками его школы.

Лежа въ 1736 году на смертномъ одрѣ онъ тихо сказалъ: „О главо, главо, разума упившись куда ее приклонишь?“ *).

Движенїе, принесшее Теофана Прокоповича, развилось главнымъ образомъ въ польско-малорусской средѣ, кїевского общества, въ нѣдрахъ котораго выросло—впослѣдствїи цѣлое поколѣнїе людей, обладавшихъ воспрїимчивымъ, образованнымъ умомъ. Тамъ Петръ нашелъ главное средство для своей пропаганды и главныхъ сотрудниковъ проведенїя церковной реформы. До Прокоповича, другой малорусскїй священникъ Димитрій, ставшїй Ростовскимъ епископомъ, служилъ словомъ и перомъ дѣлу Преобразователя. „Что лучше? обрѣзать бороду или лишиться головы“,—спросили его. Онъ отвѣтилъ: „Развѣ выростеть голова, если ее отрѣжутъ?“ **).

Умный и болѣе энергичный Теофанъ исполнялъ другую работу: онъ служилъ тараномъ, которымъ Петръ совершенно разрушилъ старую московскую церковь.

*) Чистовичъ, Біографїя Теофана Прокоповича, Спб., 1868.

***) Соловьевъ, т. XV, стр. 125—126.

Великая реформа не могла пройти мимо этой твердыни. Да и сама она грозила разрушиться даже без вишняго воздѣйствія. Священники и монахи, черное и бѣлое духовенство составляли многочисленную, могущественную, богатую и распущенную касту, владѣвшую огромными богатствами. Монастырям принадлежало почти 900 тысячъ крѣпостныхъ. Сергіевскій монастырь владѣлъ 92 тысячами крестьянъ, рыболовными тонями, мельницами, лугами, огромными лѣсами. Архимандриты и настоятели подобныхъ монастырей носили брилліантовые пряжки на башмакахъ, и вели неподобающую сану роскошную и нерѣдко развратную жизнь. Спросъ на священниковъ былъ очень великъ. Характерной чертой въ жизни русскихъ семей той эпохи, является стремленіе къ изолированности. Онѣ не признавали общественной жизни и хотѣли имѣть не только собственный домъ, но и собственную церковь и отдѣльнаго священника. Въ крайнемъ случаѣ онѣ приносили въ общую церковь свой образъ и молились только передъ нимъ. Если не хватало средствъ содержать священника цѣлый годъ, то онѣ нанимали его для каждой отдѣльной службы. На площадяхъ можно было найти священниковъ, готовыхъ предложить свои услуги.

Духовенство имѣло огромное вліяніе на дѣла государства. Съ 1619 до 1633 года прапрадѣдъ Петра патріархъ Филаретъ управлялъ страной во время царствованія своего сына Михаила—перваго изъ дома Романовыхъ. Патріархъ Никонъ не повиновался царю Алексѣю и, чтобы положить конецъ его неповиновенію, царь долженъ былъ прибѣгнуть къ помощи его соперниковъ Александрійскаго и Антиохійскаго патріарховъ. Католическое вліяніе и слабость свѣтской власти придали церковной власти видъ папства. Но я уже имѣлъ случай указывать, что добродѣтель и нравственная сила духовенства совершенно не соотвѣтствовали его матеріальному благосостоянію. Изысканные священники думали лишь объ исполненіи обрядовъ и забыли о воспитаніи душъ. Они слишкомъ заботились о плоти и были слишкомъ невѣжественны. Въ Славянско-греко-латинской московской академіи насчитывалось въ 1700 г. до 150 учениковъ, которые почти не занимались, да и самое зданіе грозило разрушеніемъ.

Кромѣ того, Годуновъ рѣшительно порвалъ узы, связывавшія русскую церковь съ патріархомъ Константинопольскимъ и, объявивъ ея независимой, оказалъ ей очень сомнительную услугу. Съ этого времени, церковь стала независимой, но можно сказать также, что сила ея была сломлена. Ея глава, патріархъ московскій, сохранилъ лишь административную власть. Духовная власть ускользнула изъ его рукъ. Онъ не имѣлъ права толковать вопросы, касающіеся вѣры и догматовъ; они оставались въ вѣдѣніи Вселенскаго собора, собраніе котораго было мало вѣроятно, чтобы не сказать—невозможно. Отдѣлившаяся церковь, способная затронуть эти вопросы, готовая начать жить и дѣйствовать, была осуждена на бездѣйствіе. Когда она попыталась выйти изъ него, произошелъ расколъ. Патріархъ Никонъ, хотѣвшій сдѣлать нововведенія лишь въ области, касающейся религиозныхъ обрядовъ, вызвалъ волненія во всей странѣ.

Патріархатъ былъ дискредитированъ даже какъ административное учрежденіе.

Реформа въ этой области казалась необходимой Преобразователю. Онъ былъ очень доволенъ, что его вынудили осуществить ее. Въ новомъ государствѣ, которое создавалъ Петръ, наслѣдство Филарета и Никона являлось бы помѣхой. Посѣщенія нѣмецкой слободы и пребываніе въ Голландіи и Англіи сдѣлали молодого монарха неспособнымъ согласиться съ идеей раздѣленія власти и принять схоластическій принципъ, по которому два свѣтила, независимо одно отъ другого освѣщаютъ жизнь народовъ. Когда патріархъ Адріанъ осмѣлился критиковать заключенный въ Англіи договоръ объ откупѣ табака, царь рѣзко замѣтилъ: „Развѣ патріархъ завѣдуетъ моими таможенными!“ Онъ дѣйствовалъ, однако, очень осторожно. Онъ часто насилывалъ чужую волю, но казалось, не рѣшался насиловать совѣсть. Онъ оставилъ святителя на его тронѣ и терпѣливо выносилъ, что духовный владыка въ его отсутствіи, а иногда и въ его присутствіи завладѣвалъ въ Москвѣ свѣтской властью. Но извѣстіе о смерти патріарха (въ октябрѣ 1700 года) показалось ему побѣдною вѣстью.

II.

Патріархъ.

Говорятъ, что царь не назначилъ ему замѣстителя, непосредственно послѣ его смерти, по совѣту Курбатова. Зародилась ли уже въ его головѣ мысль объ уничтоженіи патріаршества? Это неправдоподобно. Лишить, оставшуюся свободной должность, части ея привилегій, и полномочій, чтобы въ концѣ концовъ поручить ее болѣе покорному замѣстителю, лишенному прежней власти, въ отсутствіи хозяина сдѣлать необходимый ремонтъ и вынести домъ,—таковъ былъ его планъ.

Указъ отъ 16 декабря 1700 года, касающійся организаціи временнаго управленія дѣлами церкви, говоритъ о необходимости коллегіальнаго управленія, порученія различныхъ отраслей управленія извѣстному числу бюро и довѣряетъ веденіе важнѣйшихъ дѣлъ „временному хранителю святительскаго трона“. Этотъ постъ долженъ былъ занять также малороссъ. Стефанъ Яворскій, епископъ Рязанскій и Московскій, былъ также уроженцемъ Кіева и воспитанникомъ иностранныхъ школъ. Петръ умышленно отнялъ у него управленіе монастырями, довѣривъ его бюро, во главѣ котораго стоялъ мірянинъ Мусинъ-Пушкинъ. Онъ хотѣлъ нанести первый ударъ съ этой стороны. Среди огромнаго населенія монастырей было много мужчинъ и женщинъ, никогда не думавшихъ даже о произнесеніи монашескаго обѣта. Случайности жизни, полной опасностей, желаніе избавиться отъ тяжелаго труда, иногда просто стремленіе къ сытой праздности, заставляли этихъ лже-монаховъ и лже-монахинъ надѣвать клобукъ, и кочевать изъ одного монастыря въ другой, обирать города и деревни и всюду предаваться всевозможнымъ видамъ разврата. Сейчасъ же были приняты двѣ радикальныя мѣры: общая перепись монастырскаго населенія и запрещеніе поступать въ монастыря, и выходить изъ нихъ внѣ контроля монарха; замаскированная конфискація доходовъ. Недостаточно надѣтъ рясу, чтобы стать монахомъ; доходы собирались въ московскомъ бюро, во главѣ котораго стоялъ Мусинъ-Пуш-

кинъ и тамъ дѣлились между монастырями, въ зависимости отъ ихъ нуждъ. Остатокъ тратился на содержаніе воспитателей.

Петръ не ожидалъ послѣдствій, которыя вызвала эта реформа. Предоставленное самому себѣ духовенство, несомнѣнно, подчинилось бы ей, не протестуя. Абсолютная власть царя надъ имуществомъ церкви была освящена традиціей. Получивъ отъ священниковъ отказъ дать денегъ на расходы, вызванныя войной съ татарами, царь Иванъ Васильевичъ, заставилъ двадцать изъ нихъ биться съ 20 медвѣдями, въ своего рода циркѣ *). Петръ не шель, конечно, такъ далеко; но Прокоповичъ, говоря отъ лица царя, выставялъ папистскимъ всякое стремленіе къ независимости отъ царя, котораго священники и монахи могли бы требовать **). Призывъ къ неповиновенію раздался извнѣ. Оставленное ими дѣло взяли въ свои руки другіе недовольные и перенесли его на чисто религіозную почву. Знамя возстанія подняли раскольники. Петръ имѣлъ право удивиться. Расколъ его не касался ни вблизи, ни издалека. Онъ не родился еще, когда предпріятія Никона взволновали (1666) умы и были совершенно равнодушны къ вопросамъ ритуала, которыя служили темой для великой распри. Презрѣніе и жалость чувствуется въ его отношеніи къ несчастнымъ раскольникамъ, преслѣдуемымъ официальной церковью. „Зачѣмъ дѣлаютъ изъ нихъ мучениковъ? Они слишкомъ глупы для этого“ ***). Почему бы не жить съ ними въ добромъ согласіи?

Въ окрестностяхъ Олонецкаго озера, недалеко отъ недавно выстроеннаго завода, часть ихъ собиралась построиться и основать религіозную общину. „Какое досадное сосѣдство!—Какое счастье. Пускай работаютъ въ кузницахъ и молятся за это какъ хотять *†).

Сами раскольники, къ несчастью были гораздо менѣе покладисты. Другъ Лефорта и Гордопа, кальвиниста и ка-

*) Голицынъ, Мемуары, Парижъ, 1862 г., стр. 410.

**) Чистовичъ, Біографія Теофала Прокоповича.

***) Соловьевъ, т. XVI, стр. 295.

*†) См. Синайскій, Расколъ и церковь, Спб. 1895, стр. XIII и сл.; стр. 327 и слѣд.

толика, находился у них подъ подозрѣніемъ. Онъ былъ очевидно соучастникомъ, если не создателемъ нечестивыхъ нововведеній, возмущающихъ души истинно вѣрующихъ. Не Антихристъ ли онъ? Лозунгъ ихъ былъ—защита религіи, а защитники ея являлись цѣнными союзниками. Какъ всѣ преслѣдуемые, они были смѣлы и изъ нихъ вырабатывались доблестные люди. Трудлюбивые, расчетливые, трезвые, сравнительно образованные или по крайней мѣрѣ грамотные, благодаря любви къ текстамъ, о которыхъ они такъ горячо спорили, они приобрѣли богатство, вліяніе и уваженіе; они подкупали чиновниковъ, пользовались сильной протекціей, смѣялись надъ невѣжествомъ оффиціального духовенства, добивались власти. Передъ ними заискивали, у нихъ просили помощи и ихъ недовольство церковной реформой смѣшивалось мало по-малу со всеобщимъ недовольствомъ, направленнымъ противъ реформъ. Въ легендѣ, которая называетъ Петра незаконнымъ сыномъ Никона, это смѣшеніе выражается особенно рѣзко, и дѣло монаховъ призвано имъ воспользоваться.

Итакъ Преобразователь долженъ вести борьбу съ раскольниками. Какъ онъ могъ сдѣлать это, не вступая въ союзъ съ оффиціальной церковью, которую онъ хотѣлъ лишить, мѣшавшихъ ему, преимуществъ? Онъ роковымъ образомъ приходитъ къ этому. Онъ попробовалъ этого избѣжать, поставивъ иначе вопросъ. Какъ и съ монахами, онъ надѣялся сначала на ихъ поддержку и только въ 1716 году, послѣ переписи, преслѣдовавшей цѣли фиска, ихъ обложили двойной податью: Эти люди, имѣя состояніе, отказывались исполнять общественныя обязанности, ихъ нельзя было сдѣлать ни чиновниками, ни солдатами, за преимущество стоять особнякомъ, они должны были платить *). Конечно они отказались, и борьба началась. Петръ сейчасъ же увлекся ею. Въ сентябрѣ 1718 года, Георгій Ржевскій, въ сопровожденіи монаха Питирима, обращеннаго, бывшаго раскольника, отправился въ Нижній-Новгородъ—одинъ изъ главныхъ центровъ раскола, и работалъ съ кнутомъ въ рукѣ надъ восстановленіемъ порядка; въ это же время Стефанъ Яворскій,

*) Сводъ Законовъ, стр. 2991, 2996.

слѣдуя данному примѣру, пользовался тѣмъ же оружіемъ въ борьбѣ съ кальвинистской и лютеранской ересью. Въ 1717 году, замѣченная въ склонности къ протестантизму, жена маленькаго чиновника, областного приказа, Наталья Зима, получила 85 ударовъ кнутомъ, въ три приѣма и спасла свою жизнь, лишь отказавшись отъ своихъ заблужденій. Другихъ, менѣе покорныхъ, казнили. Петръ собственноручно подписывалъ приговоры *).

Это являлось отрицаніемъ идей и принциповъ, которые предполагалъ проводить Петръ, при помощи самаго Яворскаго. Но „временный хранитель патриаршаго престола“, измѣнилъ свои взгляды, вступивъ въ эту должность. Забота ли о сохраненіи рождающейся популярности или сознаніе новой, принятой на себя отвѣтственности, заставляли его съ каждымъ годомъ все больше проникаться ея, не только духомъ древняго православія съ его узкимъ, нетерпимымъ фанатизмомъ, но и старымъ московскимъ духомъ, возстающимъ противъ какого бы то ни было прогресса. Развѣ онъ не рѣшался въ 1712 году схватываться съ новымъ режимомъ, какъ разъ на почвѣ его административныхъ реформъ и съ высоты кафедры громить непопулярное учрежденіе фисковъ!

Петръ пошелъ съ этимъ товарищемъ по ложному пути. Признаніе своей ошибки, передъ которымъ онъ, по своему обыкновенію, не отступилъ, должно было измѣнить судьбу официальной церкви и ея главы.

И прежде всего, прежде чѣмъ попробовать вести войну съ расколомъ и вытекающими изъ нея, неприятными для него послѣдствіями, царь долженъ былъ зацѣпить себя и свое дѣло отъ главы церкви, отнимая у него его полномочія и еще сокращая, уже уменьшенную власть. Даже въ дѣлахъ, управленіе которыми Яворскій сохранилъ, его права оказывались ограниченными сначала совѣтомъ епископовъ, періодически собиравшимся въ Москвѣ, потомъ вмѣшательствомъ Мусина-Пушкина.

Съ созданіемъ Сената въ 1711 году, исчезла тѣнь его независимости. Дѣла церкви, какъ и всѣ другія дѣла, были съ

*) Соловьевъ, т. XVI, стр. 302, 315.

тѣхъ поръ переведены въ вѣдѣніе новаго собранія. Замѣститель патріарха не могъ больше безъ согласія Сената назначать архіереевъ. Когда опъ пытался вмѣшиваться въ обсужденіе дѣлъ, которыя ему были поручены, и которыми такъ произвольно распоряжались, и заговорить о своихъ правахъ, его рѣзко обрывали и онъ въ слезахъ покинулъ залъ *). Въ 1718 году, заподозрѣвъ своего прежняго фаворита въ сообществѣ съ Алексѣемъ, Петръ велѣлъ ему уѣхать изъ Москвы и поселиться въ Петербургѣ; такимъ образомъ, царь имѣлъ возможность слѣдить за нимъ и держать его въ рукахъ. Его соперникомъ сталъ, сдѣлавшійся епископомъ псковскимъ, Прокоповичъ, вліяніе котораго все увеличивалось.

Въ 1720 г., отъ прежняго могущества и прежняго значенія патріарха, почти ничего не осталось. Яворскій не сохранилъ ничего. Но Преобразователь понималъ ненормальность подобнаго положенія вещей, подобнаго подчиненія духовной власти, не монарху даже,—византійская традиція не протестовала противъ,—но простому правительственному учрежденію. Духовенство покорилось конечно, но существовало ли духовенство? Скорѣе полкъ, подчинившійся военной дисциплинѣ, но не дорожившій честью знамени. Архимандритъ по роль монаховъ, архіерей пороль архимандрита, правительство липало сана и ссылало архіерея, наказавъ его кнутомъ; верхи и низы духовенства, подчиненные такому режиму, опускались, впадали въ невѣжество, лѣпость, пьянство и еще худшія пороки. Было невозможно итти дальше по этой дорогѣ. Нужно было предпринять что-нибудь. Учрежденіе св. Синода въ 1721 году, вызванное крайней необходимостью и внушенное друзьями Прокоповича, обязаннаго большей частью своихъ знаній протестантскимъ богословамъ Кѣнстедту и Дергарду, спасло Россію отъ пропасти, въ которой грозило потонуть ея религіозное и моральное будущее.

*) Ольшевскій, Св. Синодъ при Петрѣ, Кіевъ, 1894, стр. 9.

III.

Святѣйшій Синодъ.

Петръ думаль о немъ уже въ 1718 г. и очень вѣроятно, что причастность духовенства къ дѣлу царевича, ускорила окончательное его рѣшеніе *). Я склоненъ думать, впрочемъ, что Петръ былъ выше этого. Въ слѣдующемъ году онъ работаль съ Прокоповичемъ надъ составленіемъ Регламента, который долженъ былъ оправдать новую реформу и утвердить ея основы.

Это интересное произведеніе рисуеть картину церковныхъ нравовъ того времени, сатирическое вдохновеніе псковскаго епископа дало въ немъ себѣ ходъ, обнаруживая въ то же время странную смѣсь идей и доктринъ, заимствованныхъ въ четырехъ концахъ религіознаго, философскаго и политическаго міра западной Европы. Преимущество коллективной власти доказано тамъ съ большою убѣдительностью. Авторъ страннымъ образомъ не замѣчаетъ, что въ его произведеніи можно найти аргументы противъ самодержавной, единоличной власти монарха. Неспособность Петра къ воспріятію абстрактныхъ идей, не требуетъ другихъ доказательствъ.

Регламентъ, прочитанный въ засѣданіи Сената, на соѣтѣ епископовъ, и разосланный въ епархіи для подписи епископамъ и главнымъ архимандритамъ, вызваль бурю ярости. Его приняли за то, чѣмъ онъ былъ, т.-е. за памфлетъ. Авторы считали себя цѣлителями душъ, и прежде чѣмъ прописать выбранныя лѣкарства, описывали болѣзнь съ ужасающей настойчивостью. Они намѣрены устранить изъ священства толпу людей безъ призванія, принимающихъ санъ изъ расчета. Во избѣжаніе этого будутъ устроены епархіальныя школы для кандидатовъ въ священники. До учрежденія ихъ, кандидаты будутъ подвергаться суровымъ испытаніямъ, провѣряющимъ не только знанія, но и моральный уровень будущихъ пастырей. По мнѣнію Петра и Прокоповича, священ-

*) Piereing—Сорбонна и Россія, стр. 47.

никъ не долженъ быть ни мистикомъ, ни фанатикомъ. Необходимо убѣдиться, что онъ не подверженъ „видѣніямъ“ и „смущающимъ грезамъ“. Особенно строго нужно допрашивать и испытывать домашнихъ священниковъ, постоянно занимающихся, по отзыву Регламента, темными дѣлами и устраивающихъ неправильные браки. Священники, служащіе въ часовняхъ, содержимыхъ вдовами, совершенно упраздняются; запрещается считать чудотворными мѣста, не признанныя таковыми Св. Синодомъ. Побочные доходы должны состоять лишь изъ добровольныхъ приношеній; „палогъ на мертвыхъ“ уничтожается: Регламентъ назвалъ такъ вымогаемыя воздаянія за молитвы по усопшимъ, которыя по обычаю должны были читаться въ продолженіи сорока дней. Издержки по содержанію церковей должны покрываться исключительно палогомъ на прихожанъ.

Но сильнѣе всего Регламентъ обрушивается на черное духовенство: мужинамъ запрещается поступать въ монастырь раньше тридцатилѣтняго возраста; монахи обязаны исповѣдываться и причащаться не менѣе четырехъ разъ въ годъ; во всѣхъ монастыряхъ вводятся обязательныя работы; монахамъ запрещается посѣщать женскіе монастыри и даже частные дома; монахинямъ запрещается давать окончательный обѣтъ до 50 лѣтъ; продолженный до наступленія этого возраста искусъ не препятствуетъ замужеству *).

Недовольство, на этотъ разъ всеобщее, не останавливаетъ однако Реформатора. 25 января 1721 года, былъ опубликованъ Регламентъ, а 11 фвряля—открыта Духовная Коллегія, названная въ послѣдствіи Святѣйшимъ Синодомъ, изъ запоздалаго уваженія къ византійской традиціи. Патріархатъ уничтоженъ. Постоянное собраніе, въ которомъ простые священники засѣдаютъ рядомъ съ епископами, получаетъ въ свое вѣдѣніе охрану гражданскихъ и духовныхъ интересовъ Церкви, а такъ

*) Регламентъ опубликованъ по русски въ Сводѣ Законовъ п. 3718 и нѣсколько разъ въ нѣмецкихъ переводахъ. См. Catalogue des Russica, 265—267. Мнѣ удалось достать въ Спб., экземпляръ, изданный въ царствованіе Екатерины II. Параграфъ относительно духовниковъ при вдовахъ уничтоженъ, хотя, благодаря небрежности издателя, и значится въ оглавленіи.

же всю полноту законодательной, судебной и исполнительной власти, необходимой для управления, подъ высшимъ контролемъ представителя государства. Она поставлена наравнѣ съ Сенатомъ, надъ всѣми другими коллегіями и органами власти.

Не слѣдуетъ забывать, что въ то время, замѣна отдѣльныхъ администраторовъ коллегіальными учрежденіями, составляла часть системы, бывшей очень въ ходу въ восточныхъ странахъ. Во Франціи, министры Людовика XIV, уступили мѣсто совѣтамъ регентства, а Петръ только что вернулся изъ Парижа. Съ другой стороны, произведенный имъ переворотъ можно разсматривать, какъ послѣдствіе эволюціи, насчитывающей уже двѣсти лѣтъ, и измѣнившей устройство восточныхъ Церквей. Святѣйшему Синоду предстоитъ исполнять въ извѣстной мѣрѣ обязанности и упраздненнаго Патріархата и несуществующаго Собора. Это настолько вѣрно, что шесть Восточныхъ Церквей, одна за другой кончатъ устройствомъ своей частной организаціи по тому же образцу. Наконецъ, реакція противъ папистскаго духа, пропитавшаго Патріархатъ, обнаруживается въ чисто пресвитеріанскомъ, демократическомъ характерѣ организаціи, призванной его замѣнить.

Возбуждавшая наиболѣе споровъ реформа великаго царствованія, освящена съ тѣхъ поръ давностью существованія и широтой распространенія. Я не возьму на себя производить ей здѣсь оцѣнку. Созданіе еще осталось: въ Петербургѣ до сихъ поръ существуетъ Святѣйшій Синодъ. Оправдало ли оно ожиданія создавшаго? Имѣя достоинство, независимость и власть, вернуло ли оно, или дало ли русской Церкви власть надъ душами и необходимыя для этого свойства? На эти вопросы найти отвѣтъ невозможно, не переходя на почву живой дѣятельности, это я запретилъ себѣ. Впрочемъ, Реформаторъ больше всего стремился не допустить Церковь оставаться или сдѣлаться помѣхой въ новомъ, имъ созданномъ государствѣ, и съ этой точки зрѣнія нельзя отрицать, эта цѣль имъ была вполне достигнута.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Соціальная реформа.—Табель о рангахъ.

I. Знать. Былъ ли Петръ соціальнымъ реформаторомъ? Общественные классы древней Московіи. Служилые люди Ивана III. Тройная роль этой группы: военная, административная и экономическая. Петръ дѣлаетъ изъ нея знать. Новое распредѣленіе обязанностей и преимуществъ. Всеобщее зачисленіе въ полки. Табель о рангахъ. Коллективизмъ. II. Крестьяне. Сельское населеніе. Два класса крестьянъ. Вліяніе политики и законодательства Петра на ихъ положеніе. Общее подчиненіе. Государственныя соображенія. Величіе Россіи и расплата за него. Платить крестьянинъ. III. Буржуазія. Попытки Петра создать ее. Напрасныя усилія и недуманные поступки. Городское самоуправленіе и бюрократія. Знать и разночинцы. Близорукость великаго человѣка. Широкозадуманное дѣло. Соціализація Церкви.

I.

Знать.

Былъ ли Петръ соціальнымъ реформаторомъ? За нимъ не признавали этого званія. При этомъ основывались на томъ, что всѣ, правда, очень важныя измѣненія, происшедшія въ продолженіи его царствованія въ положеніи различныхъ общественныхъ классовъ, были лишь косвенными, наименѣ предвидѣнными, наименѣ желательными иногда послѣдствіями его законодательной работы. Этотъ аргументъ для меня не убѣдителенъ. Дѣйствительно, я долженъ былъ замѣтить, что большая часть современныхъ реформъ носитъ одинъ и тотъ же, до нѣкоторой степени, случайный характеръ. Петръ ничего не измѣнилъ въ строеніи классовъ и даже въ ихъ взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ; онъ просто немного перераспредѣлилъ преимущества и тяготы. Но онъ также, если не ввелъ, то, по крайней мѣрѣ, рѣши-

тельно и твердо далъ перевѣсъ при этомъ преобразованіи принципу большой соціальной и политической важности. Оставя споръ о словахъ, перейдемъ къ фактамъ.

Восходя ко временамъ до монгольскаго нашествія, можно найти въ древней Россіи слѣды дѣленія на три класса, смутно соотвѣтствующаго соціальному дѣленію эпохи карловинговъ и меровинговъ на Западѣ. Вверху мути или именьные граждане, имѣющіе нѣкоторое сходство съ *rachimbourgs* и *bonshommes* той эпохи; они обнаруживаютъ тотъ же смѣшанный, неясный характеръ, что и галло-франкская аристократія; ниже люди, какъ тамъ *homines*, сплоченная группа, обнимающая всѣхъ свободныхъ людей страны; на послѣдней ступени—чернь, рабы. Это семейное сходство достаточно объясняется норманскимъ происхожденіемъ русскаго государства. Монгольское иго почти совершенно его уничтожаетъ, всѣхъ уравнивая общимъ рабствомъ. Только во второй половинѣ пятнадцатаго вѣка, въ этой бесплодной грязи зародится органическая жизнь. Съ жестокой энергіей преслѣдуя цѣль—объединеніе страны, Іоаннъ III создаетъ новую группировку: классъ должностныхъ лицъ, служилыхъ людей, которые въ то же время одни владѣютъ земельной собственностью. Дѣйствительно, государь раздаетъ имъ земли, въ потомственное владѣніе и пожизненно, съ обязательствомъ служить ему въ мирное и военное время. Такимъ образомъ, эта группа играетъ въ государствѣ и обществѣ важную роль съ точки зрѣнія военной, административной и экономической: она воюетъ, помогаетъ государю управлять и владѣть всѣми, или почти всѣми національными богатствами. Но до появления Петра, ей не удается отвердѣть въ правильно организованное тѣло. Это не каста, ни аристократія. Петръ впервые рѣшается придать ей подобный характеръ, давъ заимствованное съ польскаго, общее имя—п л я х е т с т в о, т.-е. благородное сословіе. До того времени группа сохраняла ту неопредѣленность, что то зыбкое, характеръ несформировавшагося зародыша, и новому названію не сразу удалось совершенно избавить ее отъ этихъ чертъ.

Предпринятая Петромъ реорганизація военной и гражданской службы прежде всего опредѣляетъ положеніе этихъ

служилыхъ людей, или дворянъ. Военная служба въ мѣстныхъ ополченіяхъ, собираемыхъ во время войны, превращается въ постоянную службу въ полкахъ. Такимъ образомъ, новорожденная аристократія вызвана изъ своей естественной среды. Корпоративный духъ, начинавшій развиваться въ губернскихъ центрахъ, перемѣщенъ, перенесенъ въ полки и корпуса арміи, гдѣ получаетъ особый отпечатокъ. Въ то же время, гражданская служба отдѣлена отъ военной. Прежде дворяне несли двойную службу: одновременно солдаты и чиновники, они не снимая шпаги, исполняли обязанности судей и администраторовъ. Теперь каждому своя задача. Но обязанности становятся тяжелы. Военная или гражданская служба, захватываетъ служащаго съ пятнадцати лѣтъ и не выпускаетъ до смерти. До пятнадцати лѣтъ, онъ обязанъ подготовляться исполнять ее надлежащимъ образомъ. Онъ долженъ учиться и отъ него потребуютъ строгаго отчета—о его занятіяхъ. Въ своей знати Петръ хотеть имѣть разсадникъ офицеровъ и начальниковъ канцелярій. Онъ разсчитываетъ заполнять ею высшіе ряды арміи и администраціи. Рядовыхъ же онъ на вербуетъ изъ низшаго сословія, передъ которымъ дворяне сохранять такимъ образомъ свои преимущества. Но Реформаторъ тотчасъ же отклоняется отъ этого выдержаннаго принципа іерархической группировки общественныхъ классовъ. Вѣрный стремленію, пробывшемуся уже въ попыткахъ преобразованій, предшествовавшихъ его восшествію на престолъ, онъ хотеть, чтобы при распредѣленіи чиновъ аристократическій коэффициентъ, происхождение, уравновѣшивался демократическимъ—выслугой. Крестьянинъ можетъ возвыситься до офицерскаго чина и, ставъ офицеромъ, становится также дворяниномъ, благороднымъ. Это прекрасно; но нельзя сомнѣваться, что это въ конецъ уничтожаетъ самостоятельное распредѣленіе соціальныхъ элементовъ. Остается просто отбываніе, всѣми годными къ дѣлу единицами службы въ рядахъ правительственной іерархіи. Пресловутая табель о рангахъ, опубликованная въ 1721 году, есть лишь выраженіе и официальное утверженіе установившагося отнынѣ порядка. Служба государю представляется теперь раздѣленной на три отдѣла: армія, госу-

дарство, дворъ; но персоналъ служащихъ одинъ и тотъ же. При помощи четырнадцати классовъ или степеней службы (чинъ), соответствующихъ одинъ другому во всѣхъ отдѣлахъ, какъ ступеньки крайней лѣстницы, достигнуто однообразіе іерархіи. На вершинѣ стоятъ рядомъ фельдъ-маршалъ и военный службѣ и канцлеръ въ статской; непосредственно послѣ нихъ, генералъ и тайный совѣтникъ, и такъ дальше, до самаго низа, гдѣ пару составляютъ прапорщикъ и коллежскій регистраторъ. Іерархическая градація распространяется и на семью: жена имѣетъ рангъ мужа; дочь чиновника перваго класса до замужества равна женѣ чиновника четвертаго класса.

Подобное искусственное раздѣленіе, очевидно, не имѣетъ ничего общаго съ самостоятельно развившимся въ средѣ другихъ обществъ Европы. Но можетъ быть только оно и годится странѣ, гдѣ оно появилось на свѣтъ. По существу дѣла дѣйствительныя статскіе совѣтники и коллежскіе регистраторы, выдуманные Петромъ, представляютъ собой воспроизведеніе, подѣ французскимъ или нѣмецкимъ именемъ, тѣхъ же служилыхъ людей Ивана III, въ первый періодъ ихъ существованія. Эта историческая группировка, освященная традиціей; быть можетъ она соответствуетъ духу и плоти народа, въ теченіе столѣтій выказывавшаго себя одинаково неспособнымъ создать ни свободную демократію, ни сильную аристократію. Чтобы не дать ему итти въ рассыпную, Петръ замыкаетъ его въ полки; онъ каждому указываетъ его мѣсто и его дѣло, а сдѣлавъ это, приводитъ какъ общій принципъ идею подчиненія правъ и интересовъ личныхъ или корпоративныхъ—идеѣ права и интереса коллективнаго, закону государства. Одинъ писатель по этому случаю приписываетъ ему заслугу—опередить на сто лѣтъ свое время *). Мы хотимъ удвоить срокъ. Развѣ его формула не та же формула современнаго коллективизма? Остается только опредѣлить, развивается ли принципъ, утвердившійся уже при Иванѣ III.

*) Филипповъ, Реформа Петра Великаго и уголовный законъ, стр. 58.

Распредѣливъ и перемѣтивъ дворянъ подобнымъ образомъ, Петръ однако, еще не находить, что они дали ему все, что должны и могутъ дать въ качествѣ землевладѣльцевъ. Онъ выдумываетъ для нихъ еще и странную роль какихъ-то сельскихъ управляющихъ на службѣ государства. Это прямой смыслъ указа 23 марта 1714 года, о единонаслѣдіи, который напрасно считаютъ учреждающимъ майоратъ. Правда, прежде чѣмъ приступить къ этой реформѣ, Петръ занялся образцами, которые могли дать ему для ея осуществленія иностранныхъ законодательства. Но поручивъ Брюсу собрать цѣлую библиотеку сочиненій, трактующихъ о порядкѣ наслѣдованія въ Англіи, во Франціи и въ Венеціи, онъ вернулся подъ конецъ къ болѣе близкимъ началамъ права и мѣстнаго обычая. Онъ просто соединилъ въ своемъ указѣ обѣ существовавшія въ странѣ формы собственности вотчинну и помѣстье, и принципы передачи той и другого. Такимъ образомъ, онъ избрѣлъ право единоличнаго наслѣдованія, соединенное со свободой завѣщанія. Дворянинъ можетъ завѣщать землю только одному изъ своихъ дѣтей, но онъ воленъ выбирать— кому именно. Это не идея майората; это идея автократіи, перенесенной къ самому домашнему очагу. Да и вообще это вовсе не майоратъ. Петръ былъ встревоженъ безъ сомнѣнія обѣднѣніемъ знати и надѣялся помочь, остановивъ дробленіе имѣній. Само собой разумѣется, онъ беспокоился ради своихъ личныхъ,—т.-е. я хочу сказать государственныхъ интересовъ. Чтобы служить такъ, какъ онъ хочетъ, чтобы ему служили, чтобы проводить всю жизнь въ арміи или въ канцеляріяхъ безъ всякаго вознагражденія, да сверхъ того строить еще въ Петербургѣ дворцы, дворянамъ необходимо быть богатыми. А эти, въ общемъ, разорены. Рюриковичи принуждены зарабатывать хлѣбъ, служа частнымъ лицамъ; одинъ изъ князей Бѣлосельскихъ, состоитъ мажордомомъ въ домѣ какого-то купца; князь Вяземскій управляетъ имѣніемъ какого-то выскочки *).

Законодатель имѣлъ также въ виду создать группу „младшихъ сыновей“, въ которой думалъ найти отличный разсад-

*) Карповичъ, Крупныя состоянія, стр. 33.

никъ людей для торговли и промышленности. Лишенные наслѣдства дворянскіе сыновья не замажутъ своего званія, взявшись за ремесло, а, прослуживъ семь лѣтъ въ военной службѣ, десять въ гражданской и пятнадцать въ торговлѣ или промышленности—всегда служба!—Они могутъ прибрѣтать имѣнія и снова входить въ якобы аристократическую касту, изъ которой ихъ заставило выйти лишеніе наслѣдства. Тѣ, кто не захочетъ ничего дѣлать, ничѣмъ не могутъ владѣть, а кто не станетъ учиться, не смѣетъ даже жениться!

Наконецъ, Петръ надѣялся улучшить положеніе рабовъ. Болѣе богатые владѣльцы будутъ жалостливѣй. Все это есть въ указѣ, даже фразы о „славѣ знаменитыхъ фамилій“, которую законодатель поставилъ себѣ цѣлью охранять. Но по существу дѣло для него вовсе не въ томъ. Законъ общій, порядокъ единоличнаго наслѣдованія примѣняется ко всѣмъ формамъ недвижимой собственности, къ имѣнію земледѣльца такъ же, какъ и къ лавочкѣ суконщика, а Петръ озабоченъ преимущественно тѣмъ, чтобы и въ деревнѣ и въ городѣ имѣть поручителей за безнедоимочное поступленіе налоговъ и точное выполненіе обязанностей, налагаемыхъ государствомъ. Единонаслѣдники суть главныя приказчики и царя и законъ его—законъ по преимуществу фискальный.

Успѣхъ его ничтоженъ. Семнадцать лѣтъ спустя, отмѣняя законъ, императрица Анна укажетъ, какъ причину своего рѣшенія, невозможность его примѣненія: большинству земле-владѣльцевъ удастся при помощи разныхъ уловокъ обходить волю законодателя. Порядокъ этотъ помогъ только созданію двухъ крупныхъ состояній: князей Шереметевыхъ и зязей Кантемиръ *).

Настоящіе майораты англійскаго типа не привились въ Россіи. На всемъ протяженіи огромной имперіи ихъ насчитываютъ сейчасъ не больше сорока.

*) Тамъ же.

II.

К р е с т ь я н е .

Кромѣ землевладѣльцевъ, сельское население Россіи состояло при восшествіи на престоль Петра изъ двухъ главныхъ группъ крестьянъ, положеніе которыхъ представляло глубока различія съ точки зрѣнія политической, экономической и юридической: крестьяне и холопы. Классъ свободныхъ людей, воздѣлывающихъ землю и не принадлежащихъ къ этимъ группамъ исчезалъ. У крестьянъ было два хозяина: государство и помѣщикъ; оба требовали уплаты податей и отбыванія повинностей. Навсегда закрѣпощенные, крестьяне могли быть проданы вмѣстѣ съ землей, которую они воздѣлывали, и безъ нея. Холопы, по крайней мѣрѣ кабальные холопы, т.-е. за долги ставшіе таковыми, ничего не должны были государству, а отъ владѣльцевъ, обрабатываемой ими земли, находились въ личной зависимости, какъ бы въ залогѣ у нихъ—въ кабаль, —которая длилась до смерти владѣльца земли. Они никоимъ образомъ не подлежали отчужденію. Политика Петра относительно всего этого народа была двулична: прямо, онъ вступался за нихъ цѣлымъ рядомъ распоряженій либеральнаго и гуманитарнаго характера: указы разрѣшали продажу рабовъ только въ случаяхъ безусловной необходимости и обязательнымъ дѣлали отчужденіе цѣлыхъ семей; спеціальныя комиссары должны были преслѣдовать злоупотребленія и т. д. *). Косвенное дѣйствіе его правленія и законодательства проявляется совсѣмъ иначе; но неизмѣнно стремится съ одной стороны смѣшать обѣ категоріи, съ другой—покрѣпче затянуть на ихъ шеѣ петлю рабства. Съ точки зрѣнія политической, слияніе началось съ 1705, когда обязательная военная служба была указомъ распространена и на холоповъ. Съ точки зрѣнія юридической и экономической работу объединенія закончить общая перепись 1708 года и рядъ указовъ, касающихся ея состава переписныхъ листковъ,

*) Сводъ Законовъ, 3294, 3770, годы 1769 и 1791.

изданныхъ съ 1720 до 1722. Такъ какъ въ это время поземельная подать была замѣнена подушной, то государю нужно было разыскать насколько возможно больше головъ или „душъ“, подлежащихъ обложенію. Какъ ихъ добыть? Землевладельцы, призванные играть роль податныхъ управляющихъ, отвѣтственныхъ сборщиковъ новаго налога, хотѣли и могли отвѣчать только за тѣ „души“, которыми они владѣли, которыми они могли распоряжаться вполнѣ. Естественнo они стремились сократить ихъ число на переписныхъ листкахъ. А государство старалось наоборотъ увеличить его. Такимъ образомъ завязалась борьба, изъ которой государство выйдетъ побѣдителемъ только согласившись сдѣлаться сообщникомъ общаго и полнаго закрѣпощенія всей почти массы земледѣльцевъ. Всякій, попавшій въ перепись, крестьянинъ считается отнынѣ какъ бы навѣки закрѣпощеннымъ своему поручителю, который иначе и ручаться за него не сталъ бы. Понемногу всѣ крестьяне попадаютъ такимъ образомъ въ ловушку *).

Это—дѣло Петра. Оно дополнено рядомъ другихъ указовъ, цѣлю которыхъ было остановить массовое выселеніе крестьянъ, бѣгущихъ отъ новыхъ тяготъ, толпой ищущихъ убѣжища по ту сторону границы, населяющихъ смежныя области Польши. Эти указы были новыми задвижками въ тюрьмѣ общаго рабства. Потомъ создана новая категорія рабовъ. Не хватало рабочихъ для фабрикъ, объ устройствѣ которыхъ заботился Реформаторъ. Гдѣ взять ихъ? Въ странѣ извѣстны одни только трудящіеся—рабы. Свободный трудъ не существуетъ. Ну, такъ у фабрикъ будутъ рабы, какъ у земли. Промышленники получаютъ право набирать необходимый составъ рабочихъ путемъ покупки **).

Петръ не безчеловѣчный государь. Это краснорѣчиво доказывается устройствомъ въ 1701 году шестидесяти богадѣленъ при московскихъ церквахъ **). Но требованія государ-

*) Ключевскій, Подушная подать и ея вліяніе на положеніе крестьянъ, Русская Мысль, 1886.

**) Указъ 18 января 1721; см. Бѣляевъ, Крестьяне на Руси, Москва, 1860, стр. 257.

***) Пыляевъ, Старая Москва, стр. 419.

ства, котораго онъ является представителемъ, создаютъ суровый, жестокой даже, законъ. Они сулятъ Россіи величіе и славу, но требуютъ взамѣнъ немалаго выкупа. Большую часть будетъ платить до 1861 года, русскій крестьянинъ.

III.

Б у р ж у а з і я .

Если вѣрить его апологетамъ, Петръ не рѣшился бы сократить программу преобразованій, завѣщанную ему его предшественниками, выбросивъ изъ нее освобожденіе сельскаго населенія. Онъ только подчинилъ разрѣшеніе этой задачи выполненію иного дѣла: освобожденію городского люда. Поднятый изъ нищеты и униженія, городъ освободилъ бы деревню. Я нигдѣ, ни въ дѣлахъ, ни въ запискахъ великаго человѣка, не замѣтилъ и слѣда подобной мысли. Онъ безъ сомнѣнія не мало старался создать буржуазію въ нарождающихся городахъ своей имперіи и сдѣлать эту буржуазію достойной ея естественнаго назначенія. Административная автономія и англійскій *self-governement*, французскіе цехи, нѣмецкія гильдіи,—онъ испыталъ, по своему обыкновенію все сразу и вперемежку. Успѣхъ не соответствовалъ ожиданіямъ. Конечно, въ исторіи развитія промышленныхъ и торговыхъ центровъ современной Россіи, его царствованіе создало эпоху; но достигнутые результаты нисколько не обусловлены попыткой организаціи торгово-промышленнаго класса. Она дала только обманутыя надежды. Города развились благодаря политическимъ успѣхамъ и экономическимъ побѣдамъ, завоеванію портовъ и устройству новыхъ путей сообщенія, которые дали толчекъ промышленности и торговлѣ страны. Въ Балтійскихъ провинціяхъ, Петръ нашелъ уже готовую мѣстную буржуазію. Внѣ ихъ онъ напрасно хлопоталъ, стараясь создать ее изъ ничего. Я не думаю, чтобы геній русскаго народа былъ такъ враждебенъ духу корпораціи, какъ это утверждаютъ. Возможны вѣдь различныя формы объединенія, и а р т е л ь, національный и демократическій видъ ассоціаціи, очень распространенный

въ Россіи, является въ сущности одной изъ наиболѣе свободныхъ, наиболѣе соответствующихъ основному принципу сотоварищества, испорченному въ корпораціяхъ Запада деспотическимъ духомъ Рима. Я увѣренъ,—и примѣръ Петра только укрѣпляетъ мою увѣренность,—въ невозможности создать общественныя силы путемъ законовъ и регламентовъ. Петръ не мало использовалъ ихъ понапрасну. По своему обыкновению, онъ вложилъ въ нихъ много непослѣдовательности. Набросавъ въ 1699, широкій планъ городского самоуправления, онъ кончилъ въ 1724 тѣмъ, что замѣнилъ его вульгарнымъ городскимъ управленіемъ бюрократическаго типа. Онъ не позаботился также узнать, были ли тѣ чужеземныя формы, которыя изъ дня въ день онъ навязывалъ торгово-промышленной жизни своей страны, платьемъ, шитымъ по ея мѣркѣ. Онъ не замѣтилъ, что это платье уже износилось на плечахъ европейскихъ сосѣдей, которые готовились его бросить, и одѣвать свою страну въ старыя отрепья. Стремясь поощрять развитіе торговли и промышленности, онъ не отказался однако отъ фискальной политики своихъ предшественниковъ, которые именно въ городскомъ населеніи видѣли главный источникъ податей и повинностей. Онъ только усилилъ подобную, необдуманную эксплуатацію *). Наконецъ, какъ я указалъ выше, онъ желалъ, чтобы занятіе дѣлами буржуазнаго класса не пятнало званія его якобы аристократіи, дворянъ, но за переходъ члена этой аристократіи въ словіе мѣщанъ, назначилъ позорное наказаніе, клейменіе и трудно раздѣлять восторгъ, который эта идея внушила Вольтеру *).

Петръ былъ, самъ того не сознавая, социальнымъ реформаторомъ. Это его лучшее оправданіе. Въ городѣ, какъ и въ деревнѣ, великій близорукій только коснулся, мимоходомъ и небрежно, или оцупью задѣлъ нѣкоторыя важныя проблемы, пониманіе которыхъ потребовало бы отъ него иной внимательности взгляда и болѣе обширнаго поля зрѣнія.

*) Дитяишъ, Городское управленіе въ Россіи, стр. 175.

**) См. размышленія по этому повсду, Damaze de Raymend въ его Tableau historique, géographique, etc, de la Russie, t. I, p. 119, Paris, 1812.

Онъ все же совершилъ однако въ этой области, хотя и безсознательно и косвенно, дѣло большой важности. Онъ ввелъ или вѣрнѣй, заставилъ войти въ общественный организмъ начало, которое будучи усвоено, должно вести къ болѣе согласному дѣйствию его частей. До него Церковь жила независимо отъ общества. Соперничая въ правахъ и преимуществахъ съ государствомъ, управляя безъ всякаго правительственнаго надзора своими огромными имѣньями, владѣя особыми кадрами служащихъ, пользуясь неограниченной юрисдикціей въ духовныхъ дѣлахъ, она составляла особое государство. Мы знаемъ уже, что Петръ все это измѣнилъ, въ его царствованіе поны и монахи занимаютъ надлежащее мѣсто. Если онъ не превратилъ ихъ въ гражданъ, то по крайней мѣрѣ сдѣлалъ изъ нихъ подданныхъ. Это начало.

Г Л А В А П Я Т А Я.

Экономическая дѣятельность.

I. Промышленность. Руководящія идеи. Ихъ размахъ и относительная глубина. Причины частью испортившія ихъ плодъ. Крупная ошибка. Петръ разсчитываетъ создать торгово-промышленную жизнь при помощи указовъ. Меркантилизмъ. Протекціонизмъ. Государственная промышленность. Петръ—фабрикантъ перкаля. Ненадежное положеніе созданныхъ заведеній. Творецъ ихъ находитъ однако плодосную почву. Горная промышленность. II. Торговля. Торговая монополія. Либеральныя тенденціи Петра. Потребности военного времени заставляютъ его отъ нихъ отказаться. Теоретическое возвращеніе къ либерализму. Пользованіе на практикѣ приемами самовластия. Петербургскій портъ. Каналы. Дороги. Торговля караваномъ. Рынокъ въ Персіи и Индіи. III. Сельское хозяйство. Петръ—земледѣлецъ и дѣспичій. Общій обзоръ. Двойное препятствіе къ экономическому росту, нравственного и политическаго характера. IV. Финансы. Бюджетъ. Видимость и дѣйствительность. Попрежнему нужды войны. Политика дезорганизации и вымогательства. Проверка описи недвижимыхъ имуществъ. Непріятные результаты. Еще выходъ. Дефицитъ. Возвращеніе къ болѣе здоровымъ идеямъ. Общая налоговая реформа. Замѣна поземельнаго налога подушнымъ. Частичная поддержка старыхъ заблужденій. Несостоятельность.

I.

Промышленность.

При вступленіи на престолъ Петра, русской промышленности, такъ сказать, не существовало, и былъ въ Россіи одинъ только крупный торговецъ: царь. Во время двоецарствія Петра и Ивана капитану французскаго корабля объѣзжали крупную награду за ввозъ въ страну бѣлой бумаги, вина и еще нѣкоторыхъ продуктовъ, которыхъ иначе достать было бы нельзя. Въ то же время первый русскій экономистъ, Посошковъ, писалъ книгу—свое *Завѣщаніе*,—въ

которомъ восхвалялъ презрѣніе къ богатству. Двадцать лѣтъ спустя тотъ же авторъ напишетъ на бѣлой бумагѣ, изготовленной въ Россіи, Трактатъ о бѣдности и богатствѣ, въ которомъ будетъ стараться изыскать способы умноженія частныхъ и государственныхъ богатствъ и выяснитъ, раньше Смита и Тюрго, преимущество сдѣльной работы передъ работой поденной.

Петръ сдѣлалъ свое дѣло.

Дѣло это значительно. По величинѣ усилія, по многочисленности и замысловатости употребленныхъ средствъ, по логической связи руководящихъ идей, оно достойно, несмотря на нѣкоторыя непоследовательности, занять почетное мѣсто въ исторіи гениальнаго работника. Увеличить благосостояніе частныхъ лицъ, удвоивъ въ то же время доходы государства; одновременно создать новые источники налоговъ и производительности; замѣнить предметы ввоза продуктами національной промышленности; возбудить народную дѣятельность въ духѣ предприимчивости; заставить праздныхъ монаховъ, монахинь, нищихъ занять мѣсто въ рядахъ трудящихся; уничтожить равнодушіе или даже враждебность администраціи къ производительнымъ силамъ, недостатокъ правосудія, слабое развитіе кредита, отсутствіе общественной безопасности, неимѣнье третьяго сословія; однимъ словомъ—заставить Россію войти въ современное экономическое движеніе, вотъ чего онъ хотѣлъ и что пытался совершить.

Успѣхъ его предпріятія оказался отчасти испорченъ досаднымъ совпаденіемъ и основной ошибкой. Совпала съ нимъ война съ ея послѣдствіями и естественными требованіями. Именно она сдѣлала Петра, убѣжденнаго противника монополій, творцомъ новыхъ монополій, заставила одной рукой разрушать то, что строила другая. Ошибкой была его вѣра въ возможность создать торгово-промышленную жизнь, одарить это созданіе свойственными ему потребностямъ органами, дать ему кровь и мышцы, а потомъ управлять его движеніями, заставляя его идти направо и налево, какъ онъ создавалъ и заставлялъ маневрировать свои полки, съ помощью указовъ и палочныхъ ударовъ. Въ 1699 году торговля и промышленныя компаніи были первой попыткой

этого рода. Сначала голландцы пугаются ихъ, подь конецъ— смѣются надъ ними.

Война требуетъ денегъ; на Западѣ именно постоянныя арміи способствовали развитію меркантилизма, и вотъ Петръ— яростный защитникъ знамени Кольбера. Правда, и національная традиція тоже за Кольбера. Уже при Алексѣѣ Михайловичѣ, а вѣроятно и раньше, право ввоза оплачивалось въ московской таможенѣ венгерскими дукатами и голландскими талерами. Петръ поддерживаетъ и усиливаетъ ту же систему, просуществовавшую и донинѣ. Онъ запрещаетъ ввозъ золота и серебра въ слиткахъ, не заботясь о томъ, что могутъ написать объ опасности подобной мѣры Бодэнъ или Чайльдъ.

Не читавши ни Клока, ни Шредера, ни Декера, онъ пошелъ дальше ихъ, до запрещенія своимъ подданнымъ принимать въ уплату за свои товары русскую монету*). Онъ вѣрилъ въ торговый балансъ, и добился баланса довольно благопріятнаго; его имперія, наравнѣ съ Испаніей, сохраняла это преимущество еще недавно. По Марперже, около 1723 года Россія въ своемъ обмѣнѣ съ границей наживаетъ ежегодно нѣсколько тоннъ золота**). Онъ вѣритъ въ благодѣтельность протекціонизма. Господинъ страны, которая въ наши дни живетъ съ точки зрѣнія внѣшней торговли почти исключительно какъ производитель сырья, онъ запретилъ вывозъ нѣкоторыхъ продуктовъ этого рода, напр., шерсти, а другіе обложилъ почти запретительной вывозной пошлиной. Пока онъ не можетъ еще одѣть всю армію въ русское, мѣстнаго изготовленія сукно, но для собственнаго платья не желаетъ иного и дѣлаетъ обязательнымъ употреблять его па ливрен***). Французъ Маморонъ устроилъ въ Москвѣ фабрику чулокъ, и москвичамъ запрещено было покупать чулки въ иномъ мѣстѣ. Покровительствуемые царемъ промышленники колеблются, не превратить ли въ шляпы часть выработаннаго войлока, и тотчасъ же, чтобы придать имъ

*) Сводъ законовъ, 2793, 2889, 3441. Ср. этюдъ. Stieda въ *Russische Revue*, т. IV, стр. 206.

**) *Moscovitischer Kaufmann* 1723, стр. 218.

***) Соловьевъ, т. XVI, стр. 203.

мужества, вмѣшивается указъ: они не смѣютъ торговать прочимъ своимъ товаромъ, не выпустивъ изъ своихъ мастерскихъ на рынокъ извѣстнаго числа головныхъ уборовъ.

Этотъ натискъ убѣдительныхъ, настойчивыхъ и принудительныхъ аргументовъ, нравственной и денежной поддержки не остался безъ послѣдствій. Возникали фабрики, однѣ при поддержкѣ, другія прямо подъ управленіемъ государя, третьи, наконецъ, существуя за собственный счетъ. Императрица основала въ Екатерингофѣ фабрику тюля и крахмальный заводъ. Петръ ограничивался сперва предпріятіями, производящими предметы, нужные флоту,—парусное полотно, селитру, сѣру, кожи, оружіе,—но со временемъ и немного противъ воли вынужденъ былъ расширить область. Я вижу его—фабрикантомъ перкаля въ Петербургѣ, бумаги—въ Дергофѣ, сукна—вездѣ понемногу.

Несчастье было въ томъ, что заведенія его не процвѣтали. Царь напрасно торговалъ перкалемъ себѣ въ убытокъ, отдавая за пять копеекъ аршинъ матеріи, обходившейся ему по четырнадцати. Но, какъ всегда, онъ упорствовалъ; онъ еще удорожалъ производство, стремясь одновременно завести производство предметовъ роскоши. Россія дошла до того, что, не владѣя еще прядильнями, производила тканые обои и ковры высшихъ сортовъ! И онъ никогда не ограничивается побужденіемъ къ дѣлу, онъ бьетъ! Въ 1718 году запрещено указомъ, употребленіе сала при выдѣлкѣ кожъ и приказано употреблять деготь—подъ угрозой конфискаціи имущества и каторжныхъ работъ!

Но вотъ, мечась такимъ образомъ изъ стороны въ сторону, онъ встрѣчаетъ легко обрабатываемое неизмѣримо богатое поле, дающее немедленный урожай,—и тотчасъ же его жаръ, увлеченіе, творческое вдохновеніе дѣлаютъ чудеса. Онъ взялся за рудники. Уже при Алексѣѣ одинъ голландецъ и датчанинъ произвели въ окрестностяхъ Москвы изысканія, построили фабрики и лили пушки*). Петръ вмѣшался, и предпріятіе принимаетъ огромные размѣры. Надо

*) Storch Historisch—Statistische Gemalde d. Russischen Reiches, Riga, 1797, II, 485.

сказать, что въ этомъ случаѣ создателя вдохновляетъ, ведетъ и толкаетъ война. Предписывая указомъ устроить съ 1697 года кузни въ Верхотурьи и Тобольскѣ, онъ имѣлъ въ виду единственно военныя нужды; онъ хочетъ ружей и пушекъ, но, разъ двинувшись въ путь, онъ идетъ, идетъ,—а въ концѣ пути нынѣшнее необычайное развитіе русскаго горнаго дѣла.

Государь началъ поисками и разработкой желѣза; немало позже его хватила, какъ и слѣдовало ожидать, золотая лихорадка. Онъ все сильнѣй увлекается, собирая признаки, кидаясь по слѣдамъ. Многочисленныя экспедиціи, которыя онъ устраиваетъ, какъ экспедиція Бековича-Черкаскаго въ сторону Персіи въ 1717 году или Лихарева въ Сибирь въ 1719, правда, остаются безплодными. Но попутно открыли мѣдь, опять желѣзо, а въ 1722 году—каменный уголь; въ Казанской губ. устроено было тридцать шесть плавильнъ, въ Московской—тридцать девять.

Частная предприимчивость—кромѣ отдѣльнаго случая Демидова—долго оставалась недѣятельной. Указъ 1719 года даетъ по этому поводу характерныя указанія; онъ объявляетъ свободными, всѣмъ доступными розыскъ и добычу всякаго рода металловъ на всѣхъ земляхъ.

Владѣльцы рудоносныхъ земель имѣютъ только право первенства. Тѣмъ хуже для нихъ, если они опоздаютъ имъ воспользоваться. Если же они попытаются скрыть существованіе мѣсторожденія, доступнаго разработкѣ, и помѣшать его эксплуатаціи, то за такое преступленіе грозитъ смерть *). Въ 1723 году законодатель сдѣлалъ въ томъ же направленіи еще шагъ; онъ намѣренъ окончательно порвать съ системой промышленной монополіи короны. Къ регламенту, выработанному Мануфактуръ-Коллегіей, онъ прибавляетъ манифестъ, приглашающій частныхъ лицъ взять у государства эксплуатацію всевозможныхъ, созданныхъ имъ, заведеній, и предлагаетъ выгодныя условія. Общность повторныхъ усилій даетъ, наконецъ, результаты: творческое движеніе жизни растетъ, развивается, и національная промышленность становится дѣйствительностью.

*) Сводъ законовъ, 3464.

II.

Т о р г о в л я .

Исторія ея приблизительно та же, что и національной промышленности. Вступая на престоль, Петръ очень хотѣлъ отказаться отъ права регалій, которое дѣлало его крупнѣйшимъ и даже единственнымъ крупнымъ торговцемъ его страны. Но ему пришлось подчиниться закону войны: онъ остался купцомъ, чтобы зарабатывать деньги, а такъ какъ онъ ничего не дѣлалъ наполовину, то онъ расширилъ дѣла, гораздо полнѣй чѣмъ прежде монополизировавъ, поглощая всѣ внутренніе и внѣшніе обороты. Создавъ новыя вѣтви торговли, онъ только умножилъ списокъ монополій. Закупая оптомъ, торгуя въ розницу, онъ въ Москвѣ продавалъ распивочно венгерскія вина*). Одно время, поглощенный заботами правленія и разстроенный неправильнымъ поступленіемъ доходовъ, онъ мечталъ ихъ сдать въ аренду. Меншиковъ снялъ архангельскія рыбныя ловли, тресковый жиръ и тюленьи кожи. Потомъ надежда на близкій миръ уменьшила денежныя заботы, и государь вернулся къ естественнымъ своимъ либеральнымъ наклонностямъ. Въ 1717 году объявлена свободной торговля хлѣбомъ, а въ 1719 году уничтожены всѣ монополіи. Въ то же время, основанная въ 1715 году Коммерческая Коллегія начала развивать плодотворную дѣятельность, занимаясь между прочимъ, коммерческимъ образованіемъ торговаго класса, посылая дюжинами за границу—въ Голландію, въ Италію молодыхъ людей, избранныхъ среди сыновей крупныхъ московскихъ купцовъ, число которыхъ быстро росло. Дипломатія государя работала съ своей стороны надъ расширеніемъ международныхъ сношеній. Война повлекла за собой въ этой области довольно досадныя соглашенія, напримѣръ, продажу въ 1713 году Любеку за тридцать съ чѣмъ-то тысячъ экю исключительныхъ правъ и преимуществъ; подоб-

*) Голиковъ, т. VI, стр. 326.

ные же договоры—съ Данцигомъ и Гамбургомъ. Съ 1717 года Петръ рѣшаетъ, повидимому, покончить съ колебаніями и ни при переговорахъ, завязавшихся въ то время съ Франціей, ни въ инструкціяхъ, данныхъ консуламъ, одновременно назначеннымъ въ Тулонъ, Лиссабонъ и Лондонъ, о нихъ нѣтъ и рѣчи.

Онъ поддавался еще искушенію управлять немного произвольно судьбами, зарождающихся сношеній. Тому доказательствомъ служить исторія Петербургскаго порта и битва по всѣмъ правиламъ, данная великимъ человѣкомъ иностраннымъ русскимъ кушамъ, упорно предпочитавшимъ Архангельскъ. Когда онъ исчерпалъ средства мирнаго убѣжденія, когда онъ убѣдился, что ни созданіе обширнаго Гостинаго Двора, ни устройство особаго, преимущественно, изъ иностранцевъ состояшаго управленія, ни, наконецъ, его заботы доставить въ новую столицу побольше ихъ излюбленнаго продукта, пеньки, дешевой и хорошаго качества, не въ силахъ ихъ туда привлечь, онъ геройски воззвалъ къ традиціямъ предковъ. Онъ не произвелъ непосредственно и *ma ni militari* пересадки архангельцевъ въ Петербургъ, какъ сдѣлалъ великій князь Василій, переселившій псковитянъ въ Москву; но онъ предписалъ имъ продавать и покупать пеньку въ Петербургѣ и нигдѣ больше *).

Мѣра принесла плоды, которые и слѣдовало ожидать. Новая столица была отвратительнымъ складомъ, и только. Система каналовъ, которая должна была соединить Волгу съ Невой черезъ Ладожское озеро, оставалась въ проектѣ. Перри, великій англійскій инженеръ, которому поручено было вести работы, бросилъ ихъ въ самомъ началѣ, недовольный дурнымъ обхожденіемъ, которое ему пришлось вынести. Второй каналъ, выдуманнй Петромъ для избѣжанія опаснаго плаванія по Ладожскому озеру, останется до 1732 г. незаконченнымъ. Третья система, основанная на использованіи промежуточныхъ рѣкъ, повела только къ обогащенію нѣкоего Сердюкова, который ее выдумалъ, и воспользовался слишкомъ

*) Чулковъ, Историческій обзоръ русской торговли, т. VI, 438; Storch VI, 19 и слѣд.

поспѣшно данной ему концессіей, чтобы настроить по Цнѣ и Хлынѣ (Chlina) мельницъ и кабаковъ, не представлявшихъ никакого интереса для петербургскаго порта. Итакъ, пенька, кожи и другіе товары, такъ какъ съ 1717 года двѣ трети всѣхъ продуктовъ осуждены были направляться туда,—доставлялись съ трудомъ, обремененные огромными расходами на перевозку, а тамъ, не находя покупателей, скоплялись, обезцѣнивались, благодаря своему изобилію, и, наконецъ, гнили, особенно пенька.

Пусть! волей-неволей Петербургъ станетъ огромнымъ портомъ. Въ 1714 году туда явилось всего только шестнадцать иностранныхъ судовъ; черезъ годъ ихъ было уже пятьдесятъ три; въ 1722—сто девятнадцать; въ 1724—сто восемьдесятъ. А Петръ заложилъ основаніе системы рѣчныхъ сообщеній, которую преемники его, кончая Екатериной II, позаботятся закончить и улучшить и которая, связавъ бассейны Волги съ бассейномъ Невы и Сѣв. Двины, т.-е. Каспійское море съ Балтійскимъ и Бѣлымъ, свяжетъ на территоріи въ триста двѣ квадратныя версты, шестьдесятъ шесть озеръ и сто шесть рѣкъ *). Растрчены огромныя богатства, масса труда и множество человѣческихъ жизней; но сила Россіи и тайна ея судьбы всегда заключалась въ желаніи и возможности не считаться съ расходами, когда надо добиться чего-либо. На этотъ разъ снова платятъ безъ слишкомъ большого ропота добрые мужики, погребенные десятками тысячъ въ финскихъ болотахъ.

Петръ не придавалъ того же значенія развитію путей сообщенія на сушѣ и даже не обращалъ на нихъ вниманія. Онъ не строилъ дорогъ. Въ этомъ еще и теперь, съ экономической точки зрѣнія, слабая сторона Россіи, а существующія недостаточно многочисленныя шоссе цѣликомъ сооружены корпусомъ инженеровъ, созданнымъ только въ 1809 году. Но великій человѣкъ, однако, не отнесся небрежно къ караванной торговлѣ, которую вели его предки. Онъ самъ занимался ею, скупая въ Венгріи на корню сборы

*) Storch V, 27.

**) Schnitzler, L'empire des Tsars, Paris VI, 673.

Токая и увозя въ Москву вина на сотняхъ телѣгъ, которыя взамѣнъ привозили продукты Сибири *); и, отдавая Балтійскому морю и торговлѣ съ Западомъ цвѣтъ своихъ мыслей и силъ, онъ не терялъ изъ виду, какъ я уже указывалъ, юго-восточную границу и торговые интересы, требовавшіе тамъ его вмѣшательства. Весьма возможно, что, достигнувъ Бухары, онъ началъ бы уже въ то время торговлю съ Индіей. Въ Астрахани появились уже отдѣльные караваны, привозившіе не только бухарскія шелковыя и бумажныя ткани, но и продукты Индіи, драгоценныя камни, золото и серебро въ слиткахъ. Но все же Петръ захватилъ теченіе Иртыша, владѣя которымъ отбросилъ киргизъ и калмыковъ и обезопасилъ границы Сибири, а также овладѣлъ Колыванскими горами, богатства которыхъ, открытыя позднѣй, сдѣлають правдой греческую басню о золотыхъ рудникахъ, охраняемыхъ гномами. Удержавшись въ Азовѣ, онъ преслѣдовалъ бы цѣль восстановленія древняго торговаго пути венеціанцевъ и генуэзцевъ и, быть можетъ, добился бы его. Отброшенный къ Каспійскому морю, онъ попытался отклонить этотъ путь къ востоку, на Астрахань и въ Петербургъ. Предпринятая имъ въ 1722 году большая экспедиція, предполагавшаяся и начатое основаніе большого торговаго города при устьѣ Куры, гдѣ въ моментъ его смерти работало пять тысячъ человѣкъ татаръ, черемисовъ и чувашъ, достаточно указываетъ, повидимому, на подобную мысль. Можно сказать, что она была отчасти фантастической, отчасти безумной, что разумный расчетъ возможностей, разстояній, стоимости перевозки въ нее нисколько не входилъ. Но, несмотря на чрезмѣрную смѣлость замысловъ, на забвеніе, которому ихъ скоро предала беззаботность ближайшихъ наслѣдниковъ, они достигли нѣкотораго результата: заманчивый путь къ рынкамъ Персіи и Индіи составляетъ часть колоссальнаго наслѣдства, которымъ Россія и въ наши дни продолжаетъ пользоваться, еще не составивъ даже полной описи и не добившись полной производительности.

*) Storch V, стр. 37, Голиковъ, т. VI, стр. 326.

Ш.

Сельское хозяйство.

Этому человѣку съ почти всеобъемлющимъ умомъ не хватало только быть земледѣльцемъ. Онъ былъ имъ и очень увлекался дѣломъ. Въ исторіи сельскаго хозяйства Россіи его царствованіе создало эпоху. И онъ не удовлетворялся тѣмъ, что училъ крестьянъ сажать картофель, какъ дѣлалъ позднѣе Фридрихъ; въ окрестностяхъ Москвы онъ показывалъ, съ орудіемъ въ рукахъ, какъ убирать хлѣбъ; близъ Петербурга—какъ плести лапти. Онъ считалъ ихъ школьниками, которыхъ онъ долженъ учить, и запрещалъ носить подошвы на большихъ гвоздяхъ, такъ какъ это портитъ полъ; онъ опредѣлялъ ширину грубаго холста, который ткали въ ихъ хижинахъ. Ему понравился во Франціи садъ одного деревенскаго священника, и, вернувшись въ Россію, онъ сейчасъ же взялся за своихъ поповъ: почему у нихъ нѣтъ такихъ же? Онъ заботился о выборѣ зерна для посѣвовъ, о воспитаніи домашнихъ животныхъ, объ удобреніи полей, о введеніи улучшенныхъ орудій и приемовъ обработки. Онъ пробовалъ акклиматизировать виноградъ въ Донской области и старался развить виноградарство въ окрестностяхъ Дербента, гдѣ заставлялъ сажать персидскія и венгерскія лозы. Въ 1712 году онъ устроилъ первые конскіе заводы. Въ 1706 году онъ первый началъ разводить овецъ въ теперешнихъ—Харьковской, Полтавской и Екатеринославской губерніяхъ, которыя теперь населены ими *). Онъ былъ также первымъ лѣсничимъ своей страны. Онъ первый занялся защитой лѣсныхъ пространствъ отъ привычки къ неразумному истребленію, укоренившейся у его подданныхъ. Въ его рукахъ, правда, были средства, которыми не могъ бы пользоваться теперь министръ земледѣлія даже въ Россіи: по берегамъ Невы и вдоль Финскаго залива стояли черезъ каждыя пять верстъ висѣлицы въ поученіе хищникамъ. Въ

*) Русскій Архивъ, 1873, стр. 2288.

чертъ нынѣшняго Петербурга, на мѣстѣ, гдѣ теперь таможня, поднимался тогда сосновый лѣсъ; такъ какъ въ немъ упорно рубили дрова, то Петръ устраивалъ облаву и при-суждалъ десятого преступника на висѣлицу, а остальныхъ—къ кнуту *).

Въ общемъ, на почвѣ экономического развитія добрая воля реформатора встрѣтила двойное препятствіе: нрав-ственного и политическаго порядка. Въ указѣ отъ 13 марта 1716 года назначается смертная казнь тѣмъ русскимъ куп-цамъ, которые осмѣлились бы вкладывать въ связки пеньки попорченный товаръ или даже камни для увеличенія вѣса— постоянно практиковавшійся приѣмъ, на который давно уже жаловались ихъ англійскіе кліенты **). Задача морализаціи національной торговли и промышленности, тѣмъ не менѣе, осталась въ наслѣдство грядущимъ временамъ. Въ концѣ царствованія зачатки торгово-промышленной дѣятельности, вызванные къ жизни, извлеченные изъ пустоты великимъ творцомъ, оставались еще въ дикомъ состояніи. Въ 1722 году Бестужевъ отмѣчаетъ прибытіе въ Стокгольмъ нѣсколь-кихъ русскихъ купцовъ изъ Або и Ревеля: они привезли немного холста, деревянные ложки, орѣхи, и продаютъ все это на улицахъ, прямо съ возу; они варятъ кашу подъ открытымъ небомъ, отказываются повиноваться требованіямъ полиціи, пьютъ, ссорятся, дерутся, и представляютъ постыдное зрѣ-лище, отталкивающей нечистоплотности *).

Политическимъ препятствіемъ были финансы. Финансо-вая политика является темнымъ пятномъ въ исторіи вели-каго царствованія. Изъ всей дѣятельности Петра эта область наиболѣе непосредственно диктуется и обусловливается вой-ной. На ней—отпечатокъ войны. Она далека отъ преобра-зованій; почти всегда она откровенно отвратительна. Я могу указать это лишь въ общихъ чертахъ.

*) Зобовъ. Этюдъ въ Журналѣ Земледѣлія, 1872.

**) Сборникъ, т. XI, стр. 308.

***) Соловьевъ, т. XVIII, стр. 164.

IV.

Ф и н а н с ы.

Источники доходовъ, которыми Петръ располагалъ при вступленіи на престоль, нельзя непосредственно сравнивать съ источниками другихъ европейскихъ государствъ. По подсчету Голикова, они не давали больше 1.750,000 рублей *). Матеріальное существованіе русскаго государства, опирающагося на такой тощій бюджетъ, принимало видъ неразрѣшимой задачи, даже независимо отъ внѣшнихъ его усилій, если не считаться съ особыми условіями, въ которыхъ оно въ то время находилось. Да притомъ, кромѣ содержанія арміи, государство это почти не несло расходовъ. Оно не платило чиновникамъ, которые обязаны были служить въ обмѣнъ за дарованныя имъ преимущества, или косвенно вознаграждались системой кормленія. Оно не поддерживало дорогъ, такъ какъ дорогъ не было. И такъ дальше. Вотъ, на примѣръ, расходы по бюджету 1710 года. Онъ поучителенъ въ этомъ отношеніи:

Содержаніе арміи	1.252,525 руб.
„ артиллеріи	221,799 „
„ флота	444,288 „
„ гарнизоновъ	977,896 „
Расходы по вербовкѣ	30,000 „
Расходы на покупку оружія	84,104 „
Дипломатическая служба	148,031 „
Другіе расходы (включая жалованіе артиллерійскимъ мастерамъ)	675,775 „ **).

Передъ вступленіемъ на престоль Петра, въ 1679 году, въ этой устарѣлой организаціи было произведено крупное и благотворное преобразование: доходы сосредоточены въ Приказѣ Большой Казны, замѣненномъ въ 1699

*) Т. XIII, стр. 706.

***) Bloch, Les finances de la Russie, Варшава 1884, т. I, стр. 20.

году Ратушей. Великій человекъ является, чтобы перестроить все уже выстроенное. Онъ слишкомъ спѣшить, чтобы выполнять планы, обѣщающіе хорошій результатъ только черезъ долгое время. Ему нужно много денегъ, и сейчасъ же онъ подражаетъ сыновьямъ семействъ, дѣла которыхъ запутаны. вмѣсто того, чтобы продолжать централизовать и такимъ образомъ, послѣдовательно уничтожать частныя, мѣстныя учрежденія, которыя отводятъ въ стороны и поглощаютъ національное богатство, онъ изобрѣтаетъ новые органы хищенія, въ видѣ военныхъ финансовыхъ конторъ, которымъ поручено собирать, созданныя войной, налоги. вмѣсто того, чтобы изыскивать способы увеличить производительность тѣхъ источниковъ дохода, которые уже существуютъ и соответствуютъ производительнымъ силамъ страны, онъ выбираетъ политику финансоваго вымогательства, облагая наудачу все, что кажется ему подлежащимъ обложенію, вплоть до бородъ своихъ подданныхъ; отбирая у столяровъ дубовые гроба, которые затѣмъ будутъ продаваться въ монастыряхъ вчетверо дороже въ пользу казны. Въ 1700 году онъ завладѣваетъ сборами, которые взимаютъ съ кушцовъ еще до сихъ поръ частныя владѣльцы рыночныхъ площадей. Въ 1704 накладываетъ руку на гостиницы. Въ 1705—присваиваетъ монополию на соль и табакъ. Въ 1707—распространяетъ ту же систему на цѣлый рядъ товаровъ, составляющихъ главные предметы вывоза. Въ промежуткахъ онъ попробовалъ перечеканить монету, по совѣту Котошихина, но только обѣднялъ отъ этого, понизивъ почти вдвое цѣнность рубля *).

Попытка болѣе разумной эксплуатаціи государственныхъ имуществъ (оброчныхъ статей), созданныхъ въ 1704 году особымъ бюро, устроеннымъ въ домѣ Меншикова (Ижорская канцелярія), удалась лучше; этотъ источникъ приносилъ отъ 299,000 до 569,000 рублей; но такъ какъ одновременно возросли расходы, то безденежье казны осталось прежнимъ. Между Ратушами и новыми бюро съ пер-

*) Сводъ законовъ, 1799, 1977, 2014, 2015, 2132. Ср. Storch, V, стр. 131; Pegg, Present state of Russia, стр. 249. Устряловъ, т. IV, ч. 2, стр. 641; Сборникъ XXXIX, стр. 361; Милюковъ, стр. 204.

ваго же момента завязалась борьба, поддерживая путаницу и хищенія. Великая административная и финансовая реформа 1708 года только внесла въ это положеніе вещей новый элементъ смуты и безпорядка—распредѣленіе доходовъ между различными бюро. Въ 1711 году въ бюджетѣ московскаго приказа оказался дефицитъ: ему причислили доходы артиллерійскаго приказа, который собственно никакихъ доходовъ не имѣлъ, а существовалъ вынужденными субсидіями другихъ приказовъ! Споры, упреки и усиленная путаница...

Въ 1710, вѣчно воюя и крайне нуждаясь, Петръ позволилъ внушить себѣ планъ пересмотра кадастра или списка жилыхъ домовъ и обработанныхъ земель, на основаніи котораго взимается главный и исконный, поистинѣ національный, налогъ. Результатъ операціи плачевный: съ 1678 года, со времени послѣдней переписи, число подлежащихъ обложенію имуществъ сократилось на одну пятую. На сѣверѣ, потеря доходовъ до 40%. Это явленіе вызвано рекрутскими наборами и бѣгствомъ плательщиковъ налога. У Петра нѣтъ недостатка въ средствахъ помощи дѣлу, и онъ выбираетъ безъ сомнѣнія наиболѣе подходящее къ духу страны, такъ какъ оно и до сихъ поръ продолжаетъ примѣняться къ нѣкоторымъ категоріямъ плательщиковъ: за отсутствующихъ заплатить, оставшіеся наличные, общая сумма собранная въ 1678, должна по прежнему реализоваться. Но, очевидно, мѣра эта не изтѣхъ, которыя останавливаютъ потокъ эмиграціи; и, дѣйствительно, положеніе ухудшается. Если съ 1704 по 1709, бюджетъ и сводился съ дефицитомъ постоянно, то перевѣсъ расходовъ надъ доходами, могъ всегда быть покрытъ избыткомъ предшествующихъ лѣтъ:

	1701	1702	1703	1704	1705	1706	1707	1708	1709
Приходъ . . .	2,86	3,15	2,73	2,49	2,64	2,52	2,41	2,02	2,76
Расходъ . . .	2,25	2,47	3,34	3,24	3,34	2,71	2,45	2,22	2,70

милліоновъ рублей*). Но въ 1710, появляется и все растетъ настоящій дефицитъ. Попытки иностраннаго займа ни къ чему не ведутъ. Такъ какъ суммъ, имѣющихся въ распоряженіи, едва хватаетъ на нужды войны, то ихъ и рѣшаютъ обратить исключительно на эти нужды, предоставивъ осталь-

*) Милюковъ, Упом. трудъ, стр. 235.

нымъ вѣдомствамъ выпутываться, какъ знаютъ. Потомъ не хватаетъ необходимаго и на войнѣ; только тогда въ душу Петра закрадывается тревога, и въ умѣ его вспыхиваетъ мысль, прибѣгнуть къ болѣе раціональнымъ принципамъ и разумнымъ приемамъ. Вскорѣ послѣ этого, пребываніе во Франціи непосредственно столкнуло его съ экономическими ученіями, которыя начинали тогда господствовать въ западномъ мірѣ, и онъ, окончательно отказавшись отъ насилія и грабежа, пробуетъ съ одной стороны умножить источники доходовъ и соотвѣтственно предметы обложенія, устройствомъ коммерческой коллегіи; съ другой,—улучшить эксплоатацію ихъ общей налоговой реформой, проведенной съ 1718 до 1722.

Къ второй реформѣ относятся различно. Безспорно, замѣняя налогъ на имущество налоговой податью, налогъ на обитаемый домъ (подворный) или на обработанную землю (посошный), налогомъ на душу обитателя (подушный), она придала русской податной системѣ искусственный и въ нѣкоторомъ родѣ антинаціональный характеръ, сохранившійся и донынѣ. Изъ современниковъ, имъ возмущался Посошковъ: „Душа, цѣнность неизмѣряемая и неоцѣнимая, можетъ ли быть обложена налогомъ?“ Позже, краснорѣчивый историкъ финансовыхъ учрежденій Россіи, графъ Дмитрій Толстой, съ силой изобразилъ губительное вліяніе нововведенія на экономическое развитіе страны. Изъ всѣхъ русскихъ государственныхъ людей, только графъ Канкринъ, правда одинъ изъ лучшихъ министровъ финансовъ, которыми втеченіе двухъ вѣковъ владѣла Россія, попытался ее одобрить. Немедленные и осязательные результаты реформы, говорятъ въ ея пользу. Поступленіе единственнаго прямого налога, взимаемаго казной, болѣе чѣмъ удвоилось, поднявшись сразу съ 1,8 до 4,6 милліоновъ, и бюджеты послѣднихъ лѣтъ царствованія представляются прогрессирующими, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія доходовъ. Въ 1725, по Голикову, балансъ достигалъ 9,776,554 рублей. И въ то же время, новое направленіе въ управленіе финансами, приносило плоды: въ графѣ расходовъ появляется кредитъ въ 47,371 рубль на школы, другой, въ 35,417 рублей, на содержаніе госпиталей и бога-

дѣлень. Въ общемъ, однако, прогрессъ сводился къ пустякамъ и былъ болѣе кажущимся, чѣмъ дѣйствительнымъ.

Но и относительно доходовъ и относительно расходовъ, составлявшіеся въ то время бюджеты, продолжали быть какимъ-то зрительнымъ обманомъ. Въ дѣйствительности, государство получило и давало гораздо больше, чѣмъ было замѣтно; его доходы умножались множествомъ натуральныхъ и даже денежныхъ повинностей: бесплатная поставка съѣстныхъ припасовъ и фуража при постоѣ войска въ деревняхъ; мѣры ржи и овса, доставлявшіяся каждымъ крестьяниномъ на содержаніе гражданскихъ чиновниковъ; уплаты пенсій, которую казна возлагала на частныхъ лицъ. Княгиня Анастасія Голицына получала подобную пенсію, выплачиваемую Алексѣемъ Милославскимъ, взаменъ избавленія отъ военной службы*). То же и съ расходами: въ 1713 году, подъячье Тайной канцеляріи, жаловались на недостаточность жалованья и получили ассигновку „изъ доходовъ со всѣхъ иностранныхъ дѣлъ и дѣлъ Строганова, кромѣ товаровъ Архангельска“**).

Это были отголоски заблужденій прошлаго и поддержка ихъ, смѣшиваясь съ неполнымъ и неловкимъ примѣненіемъ новыхъ приемовъ, представляла препятствіе болѣе быстрому усвоенію благодѣяній новаго порядка. Содержаніе арміи, оставаясь важнѣйшимъ дѣломъ и главной обязанностью казны, продолжало составлять предметъ спора между финансовымъ управленіемъ, худо ли, хорошо ли преобразованнымъ въ 1708 году, и важными канцеляріями, вносявшими беспорядокъ въ его работу, подъ предлогомъ подражанія шведскимъ порядкамъ. Но, въ Швеціи, населеніе, обыкновенно, кормило войска по договору съ правительствомъ и это было скорѣй выгодной сдѣлкой для народа, чѣмъ тяготой. Здѣсь армія и народъ были противопоставлены, какъ должникъ и кредиторъ, и правительство вмѣшивалось только, чтобы всѣмъ авторитетомъ своимъ поддержать кредитора. Система имѣла всѣ неудобства постоянного военного постоа.

*) Мемуары Кампредона, относящіеся къ Петербургу 1724 года, содержатъ любопытныя подробности по этому поводу (*Aff. étr. de France, t. XV p. p. 75. Russie.*)

**) Сводъ законовъ, 2683.

И вѣчно важная причина, недостатокъ нравственнаго воспитанія, присоединилась къ остальнымъ, чтобы въ корнѣ испортить самыя разумныя и искусныя мѣры, и опорочить ихъ дѣйствіе. Продажность податныхъ чиновниковъ и легкость, съ какой плательщики, благодаря ей освобождались отъ части своихъ обязательствъ, были баснословны. Я прочелъ въ документѣ, повидимому очень правдивомъ: „Если кто-либо изъ комиссаровъ устоитъ противъ подарковъ, это было бы чудомъ въ Россіи, у помѣщика найдется другое средство обмануть его, приказавъ на время осмотра соединить вмѣстѣ нѣсколько домовъ; потомъ ихъ легко снова раздѣлить и поставить на прежнія мѣста, такъ какъ всѣ они построены изъ деревянныхъ балокъ и для переноски ихъ, требуется всего нѣсколько часовъ“ *).

Въ 1722, изъ-за Персидскаго похода, снова появился угрожающій дефицитъ. Въ 1723, указомъ приказано расплачиваться съ военными и гражданскими чиновниками, за неимѣніемъ другой монеты, сибирскими товарами; а потомъ, въ томъ же году, чтобы удовлетворить настоятельныя нужды казны, предписано было сдѣлать изъ ихъ же жалованья вычетъ; такъ, что чиновникамъ пришлось похлопотать внести обратно деньги, которыхъ они не получали **). Въ 1724 году, по докладу саксонскаго резидента Лефорта, не платили ни войскамъ, ни морякамъ, ни коллегіямъ, „ни кому бы то ни было и всѣ жалуются“ ***). Въ моментъ смерти Петра, дипломатическій корпусъ считалъ опаснымъ положеніе свое и всѣхъ, жившихъ въ Петербургѣ, иностранцевъ, такъ какъ можно было опасаться насилій со стороны черни, умиравшей съ голода, и даже со стороны солдатъ, неполучавшихъ жалованья уже шестнадцать мѣсяцевъ †*).

Вызванная потребностями войны, постоянно приспособлявшаяся къ ея нуждамъ и требованіямъ, финансовая политика великаго царствованія не выполнила обязательствъ даже относительно арміи.

*) Мемуары Кампредона.

***) Сводъ законовъ, 4533, 4565.

***) Сборникъ, т. III, стр. 382.

†*) Депеша Кампредона отъ 6 февраля 1725 г.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Политическая дѣятельность.

I. **Администрація.** Духъ и реформа. Городское самоуправленіе. Въ дѣйствительности оно—просто фискальная мѣра. Первые восемь губерній. Другое средство. Децентрализація управленія. Сенатъ. Учрежденіе развивается самопроизвольно и становится централизирующимъ органомъ. Всащиваніе и смѣшеніе властей. Административный и финансовый контроль. Фискалы. Ихъ непопулярность. Прокуроры. Общіе недостатки этихъ учрежденій. Недостатокъ единства и равновѣсія. Коллегии. Отсутствие при ихъ учрежденіи общей идеи. Новые элементы смуты. Избытокъ административныхъ органовъ и недостатокъ администраторовъ. II. **Полиція.** Преслѣдованіе грабежей. Нравственный уровень общества препятствуетъ успѣху борьбы. III. **Правосудіе.** Петръ слишкомъ поздно обращаетъ на него вниманіе. Онъ хочетъ дѣлать все вмѣстѣ и сразу. Причины неуспѣха. Общій политическій режимъ есть отрицаніе идеи законности. Непрерывность законодательной работы препятствуетъ кодификаціи. Отсутствие юридическихъ принциповъ и юристовъ. Общій обзоръ.

I.

Администрація.

Съ точки зрѣнія экономическаго, соціального и интеллектуальнаго развитія, Россія и теперь еще стоитъ позади своихъ сосѣдей и соперниковъ въ западной Европѣ; но ей удалось уже создать одинъ изъ громаднѣйшихъ извѣстныхъ міру аккордовъ человѣческаго могущества. Архаическій и азіатскій, по своей внутренней структурѣ и по духу, воплотивъ современный и европейскій по внѣшнему виду и оборудованію, аппаратъ этотъ, со всѣми слабыми и сильными сторонами, началъ создаваться Петромъ. Это завершеніе его дѣятельности.

Общее преобразование учреждений, какъ часть его правительственной дѣятельности, никогда не входила, какъ я говорилъ уже, въ планы Реформатора. Довольно долго даже, почти все время пока тянулась Сѣверная война, его заботы и усилія ограничивались въ этой области разрѣшеніемъ относительно очень узкой задачи: имѣть армію, способную побѣждать шведовъ, флотъ, способный занять видное положеніе въ сѣверныхъ моряхъ, и деньги, чтобы ихъ содержать. Только между дѣломъ, случайно и беспорядочно, онъ обращалъ вниманіе на другія стороны своего могущества,—на власть исполнительную, судебную, законодательную,—и со всей энергіей принимался одновременно измѣнять характеръ учреждений и исправлять ихъ недостатки или пороки, по вдохновенію, часто недостаточно обдуманному. Онъ управлялъ и преобразовывалъ управленіе; судилъ и устраивалъ суды; онъ издавалъ законы, какъ мы знаемъ, въ изобиліи, и,—удерживая въ основѣ своего правленія начало единоличной власти и деспотизма, доставшееся ему по наслѣдству,—онъ измѣнял его вѣншее строеніе по новому плану, который я попытаюсь объяснить.

Само собой разумѣется, въ немъ нечего искать рѣзкихъ контуровъ и точныхъ линій. Здѣсь, какъ вездѣ, рисовальщикъ работаетъ крупными штрихами, разбросанными, неровными, но съ пробѣлами, то пересѣкающимися; у рисунка видъ, безсвязности, присущій всей дѣятельности Петра. Въ немъ не слѣдуетъ искать также заранѣе принятаго рѣшенія—измѣнить. Устраненіе старыхъ формъ и замѣна ихъ новыми, почти все время являются результатомъ самостоятельной дѣятельности разложенія, подготовляющаго дорогу новымъ органическимъ структурамъ, даже вызывающаго ихъ; въ этой дѣятельности, воля работника даже ни при чемъ. Дѣятельность эта, есть косвенный плодъ войны. Жизнь бросаетъ истощенные старые органы, сдѣлавшіеся негодными къ употребленію, благодаря злоупотребленію ими, она прибѣгаетъ къ новымъ, которые вызваны изъ пустоты, настоятельными нуждами момента. Съ одной стороны атрофія, распадненіе на части, съ другой—развитіе, тамъ и сямъ нѣсколько швовъ,—и вотъ одной реформой стало больше. Но ходъ явленія ка-

призень, и первое его послѣдствіе—созданіе неподходящихъ, плохо подобранныхъ сочетаній, мѣшающихъ и задѣвающихъ другъ друга. Старыя и новыя категоріи чиновниковъ и правительственныхъ канцелярій выставляются одна передъ другой, и соперничаютъ. Одѣтые, обставленные, названные по европейски, новые сотрудники Петра, его министры, канцлеры, совѣтники, дѣйствуютъ бокъ о бокъ съ окольными, кравчими, постельничими, стараго режима. Эти послѣднія, должности, главной задачей которыхъ было кормить должностное лицо, исчезнуть лишь постепенно. Старые приказы становятся лицомъ къ лицу съ только что созданными учрежденіями: а всѣ эти морскія, артиллерійскія, провіантскія, горныя и др. канцеляріи, появляются и начинаютъ дѣйствовать толчками, подъ рѣзкимъ давленіемъ внезапно обнаруженной потребности. Исполненіе слѣдуетъ немедленно за мыслью, но необходимыя для правильнаго дѣйствія распоряженія запаздываютъ.

Но главное дѣло въ томъ, что новыя созданія заимствуютъ у западныхъ образцовъ только ихъ форму. Духъ они оставляютъ въ сторонѣ. Онъ слишкомъ бы противорѣчилъ основѣ, душѣ политическаго организма, которая существуетъ еще и, какъ я покажу, сохраняетъ свой характеръ. Именно это обыкновенно плохо понимаютъ; именно это съ очевидностью и ясностью проявляется въ исторіи перваго по времени значительнаго законодательнаго акта царствованія: указа 30 января 1699 года, подписывающаго устройство городскихъ управленій. Историки, обыкновенно слишкомъ дальновидные, пожелали въ немъ видѣть опытъ организаціи городского самоуправления въ англійскомъ или нѣмецкомъ стилѣ, мѣру огромнаго политическаго, экономическаго и социальнаго значенія. Новымъ городскимъ управленіямъ, составленнымъ путемъ избранія,—Земскія избы, а въ Москвѣ Бургомистрская палата—предназначено было по мысли законодателя сдѣлаться первой въ Россіи школой политической жизни. Научить гражданъ дѣйствовать сообща для охраны общихъ интересовъ, отучить ихъ отъ разъединенности, отдававшей ихъ до сихъ поръ во власть права сильнаго, избавить купцовъ и промышленниковъ отъ

владычества алчных воеводъ,—таково ихъ назначеніе*). Если всмотрѣться, то невозможно приписывать Петру честь такого широкаго замысла. Да и не знаю даже—честь ли это. Тридцать лѣтъ назадъ, сотрудникъ Алексѣя, Ординъ-Нащокинъ, будучи воеводой въ Псковѣ, попытался дѣйствительно дать преобладаніе принципу городского самоуправления, при которомъ общіе интересы были вручены управленію пятнадцати выборныхъ старостъ. Онъ столкнулся съ трудностью согласовать это учрежденіе съ общимъ духомъ господствующаго режима,—именно съ принципомъ неограниченной власти,—и дѣло его оказалось недолговѣчно**). Въ 1699, Петръ зналъ конечно объ этомъ опытѣ и ему въ голову не приходило его повторить. Онъ просто хотѣлъ одѣть по-англійски или по-нѣмецки старыя приказныя избы, существовавшія въ городахъ и обязанныя охранять не интересы мѣстнаго населенія, но интересы государя. Онъ ожидалъ получить болѣе дѣятельныхъ и лучше вооруженныхъ сборщиковъ налоговъ, и его немного наивная вѣра въ значеніе одежды, виѣшности, формы, заставило его поддѣлать самоуправленіе. Но кромѣ выборнаго принципа, введеннаго въ ихъ организацію, (а пользованіе этимъ принципомъ не было для Россіи новостью), новыя городскія управленія во всѣхъ отношеніяхъ походили на старыя. Они и дѣлали то же, что старыя—только суровѣй? Заинтересованныя лица не ошибались на ихъ счетъ. Чтобы вести избирателей къ уркамъ и удерживать избранныхъ на ихъ мѣстахъ, приходилось прибѣгать къ штрафамъ и наказаніямъ кнутомъ. А воеводы гнули бурмистровъ въ баралій рогъ, какъ привыкли поступать съ ихъ предшественниками.

Якобы великое дѣло, было простой фискальной мѣрой.

Созданіе въ 1708 году, восьми крупныхъ административныхъ центровъ—въ такъ называемыхъ губерніяхъ—было другой такой же мѣрой, какъ все въ ту эпоху, вызваннoй войной. Постройка флота въ Воронежѣ и устройство въ

*) Устряловъ, т. III, стр. 260. Bruckner Histoire de Pierre le Grand, стр. 506.

**) Дитятинъ, Этюды по исторіи русскаго права, Петербургъ 1895 г., стр. 460 и слѣд.

Азовъ порта, породили первый военный и финансовый центръ; завоеваніе Ингрии и Карелии, вызвало устройство изъ завоеванной страны первой губерніи, порученной Меншикову; походъ Карла XII, направленный къ сердцу Россіи, сосредоточилъ военныя и денежныя средства обороны въ рукахъ кievскаго и смоленскаго воеводъ; подавленіе возстанія на Волгѣ создало Астраханскій округъ; сколько новыхъ административныхъ единицъ—столько же и ядеръ новой организаціи, поставленной на ноги наканунѣ Полтавской битвы. Она только связала и дополнила подготовленные элементы, обобщивъ типъ управленія, развившійся въ Ингрии по шведскимъ образцамъ. Съ территоріальной точки зрѣнія, восемь губерній также соотвѣтствовали отчасти прежнему военному и финансовому дѣленію, созданному мѣстными нуждами, да и самое названіе губернаторъ, было переводомъ русскаго званія воеводы, главы прежней административной единицы. Уже въ 1694 году, обращаясь къ архангельскому воеводѣ, Петръ называетъ его по-голландски: „Min Her Gubernor“.

Реформа 1708 года, въ этомъ отношеніи не заслуживаетъ упрековъ, которыми ея часто осыпають, за ея „случайный и механическій“ характеръ. Безъ сомнѣнія, прежнее дѣленіе, территоріальныя черты котораго она удержала, само было до извѣстной степени искусственно и произвольно; по русская исторія не создала провинцій въ европейскомъ смыслѣ слова, заключающемъ въ себѣ идею органическаго единства. Петръ пристроилъ свое дѣло къ этому, что онъ нашелъ худо ли, хорошо ли организованнымъ на зыбкой почвѣ своей родины.

Но дѣло это вызываетъ другіе, болѣе справедливыя, упреки.

Въ зародышѣ своемъ она была, какъ я уже говорилъ, не столько орудіемъ управленія, сколько хитростью казначейства. Объявляя себя убѣжденнымъ противникомъ новаго дѣленія, Курбатовъ, временный министръ финансовъ, котораго добылъ себѣ Петръ, отстаивалъ правильные принципы своего управленія, которые она разрушала. Онъ стоялъ за централизацию съ Ратушей въ центрѣ. Но у государя былъ свой

планъ: доходы, собранные въ Ратушѣ, непременно расходо-
вались бы на другія отрасли управленія, которыя имѣли бы
въ ней своихъ представителей, а онъ забралъ себѣ въ го-
лову, отдѣлить большую ихъ часть на единственное дѣло:
войну. Обособленные, непосредственно связанныя съ госу-
дарствомъ только волей главы его, и поэтому легче упра-
вляемые, губерніи должны были ему помочь. Онъ для того
ихъ и выдумалъ. Для того и порвалъ съ программой семнад-
цатаго вѣка, программой централизаціи, создавшей единство
страны. Онъ могъ хвалить сколько угодно передъ своими со-
трудниками выгоды, которыя онъ извлекалъ якобы изъ этого
разрыва: легкость контроля, болѣе удобное взиманіе нало-
говъ. По правдѣ говоря, онъ дѣйствовалъ не какъ политикъ,
но какъ военачальникъ. Онъ преслѣдовалъ и свои личныя
удобства: вѣчно въ дорогѣ, онъ не замѣчалъ необходимости
центра управленія, или вѣрнѣе принималъ, что этотъ центръ
перемѣщается вслѣдъ за нимъ. А для того, чтобы согласо-
вать преимущества централизаціи и мѣстнаго самоуправле-
нія, онъ слишкомъ мало былъ свѣдующъ, особенно въ 1708
году, и ему въ голову не приходила такая возможность. Онъ
и не подумалъ даже сразу опредѣлить власть созданныхъ
органовъ управленія. Для начала, онъ распредѣлилъ террито-
ріи и города между восемью губерніями; потомъ отдался
военнымъ заботамъ и, повидимому, забылъ о нихъ; онъ
удерживалъ даже при себѣ, въ лагеряхъ, большую часть
новыхъ губернаторовъ,—своихъ генераловъ. Только весной
1709, во время таянія снѣговъ и распутицы, давшей ему
минуточку передышки, онъ вздумалъ передать имъ бразды пра-
вленія въ ихъ губерніяхъ, предписывая имъ въ то же время—
„непосредственно наблюдать за поступленіемъ налоговъ и
блюсти интересы государства“. Это было все, что онъ имъ
сообщилъ объ ихъ новыхъ обязанностяхъ.

Можно догадаться, что сами они мало были освѣдомлены
на этотъ счетъ, не зная въ дѣйствительности, ни какъ взяться
за выполненіе того, что на нихъ было возложено, ни даже,
что собственно они должны дѣлать, и къ несчастію самъ го-
сударь не въ состояніи былъ ничего разъяснить имъ въ со-
вѣтѣ на ихъ многочисленные официальные запросы и част-

ные разговоры. Какъ, для начала, отобрать управленіе финансами у ратушъ, гдѣ оно было и перевести его въ губернскія канцеляріи, гдѣ оно должно быть? Ни онъ, ни они этого не знали. Пришлось призвать на совѣтъ самого Курбатова. Какъ затѣмъ согласовать административныя обязанности губернаторовъ съ ихъ постояннымъ присутствіемъ во главѣ командуемыхъ ими военныхъ частей? Изъ затрудненія выпутались, назначивъ имъ замѣстителей подъ именемъ ландрихтеровъ. Какъ, наконецъ, объяснить этимъ администраторамъ, что ихъ главное назначеніе—пополнять военную кассу?

Противорѣчіе между видимой цѣлью новой организаціи и цѣлью дѣйствительной, обнаруживалось такимъ образомъ, и съ первыхъ же шаговъ вызывало острый конфликтъ. Петръ думалъ только о томъ, чтобы выкачивать деньги изъ губернскихъ управленій, а тѣ полагали, что ихъ обязанность—защитить общіе интересы своихъ подчиненныхъ, и завязалась борьба, какъ между неаккуратнымъ должникомъ и требовательнымъ кредиторомъ. Обѣ стороны хотѣли перехитрить другъ друга, пользовались разными увертками, одна,—чтобы захватить наличныя суммы, другая,—чтобы скрыть ихъ. Понятно за Петромъ оставалось послѣднее слово, такъ какъ въ концѣ-концовъ, онъ прибѣгалъ къ своимъ обычнымъ приемамъ: указъ 6 іюня 1712 года, отнималъ попросту у петербургской губерніи и передавалъ адмиралтейству доходы съ извѣстныхъ мѣстностей; въ тотъ же день изъ губернской кассы было произвольно взято десять тысячъ рублей для уплаты запоздавнаго жалованья французамъ и венграмъ, служащимъ въ арміи. Средство показалось настолько хорошимъ, что вошло въ употребленіе; мѣстная касса стала постоянно выплачивать контрибуціи, особенно послѣ перевода въ Петербургъ, сената. Никто и не думаетъ сообразоваться съ росписью доходовъ и расходовъ на 1711 годъ. Хаосъ полный.

Добавимъ, что Петръ думалъ распредѣлять между губерніями содержаніе полковъ, въ подражаніе тому, что какъ онъ слышалъ, дѣлается въ Швеціи; но такъ какъ полки были постоянно въ походѣ, то особые комиссары, посланные соот-

вѣтствующими губерніями, обязаны были заботиться о пищѣ и снаряженіи,—новое колесо, новое осложненіе уже чрезвычайно запутаннаго механизма.

Короче говоря, ближайшимъ результатомъ реформы, было устройство выгодныхъ мѣстъ, изъ за которыхъ ссорились любимцы государя, которыми они торгуютъ и дорого оплаченное полученіе которыхъ, побуждаетъ должностныхъ лицъ возмѣщать расходы за счетъ подчиненныхъ. Если на нихъ донесутъ, что рѣдко случается, такъ какъ торговцы эти держатся насторожѣ, то они выходятъ изъ затрудненія по турецки, предлагая господину долю взятки. Принятая Петромъ система стремится сдѣлать изъ губернаторовъ, что то вродѣ откупщиковъ податей (*fermiers généraux*), съ почти неограниченной властью для добыванія средствъ, изъ которыхъ взималась требовавшаяся съ нихъ огромная военная контрибуція. Плохо обдуманная и еще хуже осуществленная, новая организація только къ концу царствованія начнетъ принимать приличный, правильный и стройный видъ, пользуясь тогда благами мира, а въ окончательно завоеванныхъ балтійскихъ провинціяхъ, беря примѣръ съ шведскаго военного и административнаго строя*).

Созданіе сената въ 1711 году, было новымъ важнымъ шагомъ по пути послѣдовательнаго устраненія старыхъ органовъ управленія или усвоенія ими внѣшнихъ признаковъ западныхъ учреждений. Однако Петра напрасно хвалили за замѣну новымъ собраніемъ прежняго совѣта бояръ, боярской думы. Дѣйствительно, неизвѣстно, когда именно исчезъ этотъ устарѣлый обломокъ древняго государства московскаго, но достовѣрно, что въ 1711 году, его больше не было. Онъ былъ уже замѣненъ, по крайней мѣрѣ, съ 1700 года, совѣтомъ министровъ, собиравшимся въ ближней капелляріи и часто смѣняемымъ съ нею. Однако Петръ съ самаго начала изъяслялъ изъ вѣдѣнія этого совѣта и взялъ въ свои руки весьма важный отдѣлъ: эксплуатацію всѣхъ регалій, которыми онъ рассчитывалъ управлять, имѣя въ виду

*) Для всей этой части см. замѣчательную картину, хотя краски и сгущены, у Милокова, упом. трудъ, стр. 291 и слѣд.

совершенно личные дѣла, при помощи особыхъ и рибыльщ и ковъ. Отправляясь въ Прутскій походъ, онъ не знаетъ, что дѣлать съ этимъ управленіемъ, уже значительно развившимся, п первоначальная задача Сената — освободить царя отъ него. Это снова военная мѣра. Указъ, призвавшій къ жизни новое учрежденіе, опубликованъ въ одинъ день съ объявленіемъ войны съ Турціей и, несмотря на общую идею и названіе, заимствованныя въ Польшѣ или Швеціи, Петръ придалъ своему созданію характеръ своеобразности. Навѣрно онъ далеко былъ отъ предположенія, какую важную, хотя и непредвидѣнную имъ роль сыграетъ оно впоследствии.

Роль эта вполне естественно выразится въ замѣнѣ отсутствующихъ центральныхъ учреждений, уничтоженныхъ, уже упоминавшейся выше, работой разрушнїа. Реформа 1708—1710 года, ничего не выдумала, чтобы согласовать новую губернскую организацію съ прежней, сосредоточенной въ Москвѣ; она содѣйствовала только ея разрушенію. Единственной центральной властью остается Тайная канцелярїа, но она показываетъ себя явно неспособной выполнить задачу. Въ 1714 году, изъ среды новаго собранїа назначается постоянная коммиссія, обязанная восполнить пробѣлъ; ей поручены нѣкоторыя текущїа дѣла. Съ 1711 до 1718 года, относительныя компетенціи Канцелярїи и Сената оставались неопредѣленными. Не зная, куда обращаться съ докладами или запросами, другїа учреждения выходили изъ затрудненїа, отдѣлываясь молчаніемъ. Область компетенціи Сената выяснилась постепенно, при помощи указовъ, которые изъ года въ годъ, а иногда изъ мѣсяца въ мѣсяць, опредѣляли ее и постоянно расширяли. Она, наконецъ, распространяется, особенно до созданїа коллегій, на всѣ части управленїа: администрацію, судъ, полицію, финансы, войско, торговлю, виѣшнюю политику. Сенатъ заботится о снабженїи арміи провіантомъ во время похода; о продажѣ товаровъ государственна; о сооружеиїа каналовъ; объ очисткѣ петербургскихъ улицъ. До устройства святѣйшаго синода, и даже послѣ, онъ вмѣшивается въ духовныя дѣла. Въ 1722 году, онъ заводитъ въ Польшѣ переговоры, съ цѣлью дать перевѣсъ русскому вліанію. Наконецъ, онъ является высшей ин-

станцій для уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ *). Приказавъ въ 1724 году издавать указы Сената наравнѣ со своими собственными, Петръ только осыятилъ уже нѣсколько лѣтъ признанную имъ за Сенатомъ законодательную власть. Онъ дешево уступилъ принципъ раздѣленія властей и, въ общемъ, далъ Сенату только имя европейское. Но самъ себя онъ извинилъ тѣмъ соображеніемъ, что все это временное. Потомъ можно будетъ все устроить правильнѣй.

А пока что у сенаторовъ „все въ рукахъ“. Это выраженіе самого царя. Но имъ не легко достаются порученныя обязанности и возложенная отвѣтственность. Давъ много, онъ много и требуетъ. Упреки, выговоры, угрозы, дождемъ сыпятся на злополучныхъ представителей власти государя. Онъ пишетъ имъ: „На смѣхъ вы что ли дѣлаете или взятки получили; но я васъ заставляю сюда пріѣхать (въ Ингрию) и мы поговоримъ иначе“ *). Къ несчастью, упреки бывали часто слишкомъ заслуженны. Голландскій резидентъ съ своей стороны пишетъ въ ноябрѣ 1714 года: „Главное неудобство въ томъ, что всѣ дѣла отсылаются въ Сенатъ, а онъ ничего не рѣшаетъ“.

Съ перваго же момента Петръ нашель нужнымъ дополнить свое созданіе органомъ контроля. Онъ началъ съ того, что посылалъ присутствовать въ засѣданіяхъ новаго собранія штабныхъ офицеровъ, обязанныхъ слѣдить поочередно за ходомъ дѣлъ! Потомъ онъ назначилъ фискаловъ. Но и на этотъ разъ онъ позаимствовалъ въ Швеціи только названіе, но прикрылъ имъ вещь совершенно мѣстнаго происхожденія; изъ шведскихъ контролеровъ, инквизиторская политика царя сдѣлала шпионовъ въ худшемъ смыслѣ этого слова. До 1714, фискаль не несъ отвѣтственности за донесенія, признанныя лживыми и клеветническими, и раздѣлялъ съ казной штрафы, паложенные по его указанію. Необходимо было, чтобы смѣлый голосъ Стефана Яворскаго загремѣлъ въ 1712, въ Успенскомъ соборѣ, противъ подоб-

*) Петровскій, Сенатъ при Петрѣ Великомъ, Москва, 1875, стр. 224—238.

**) Указъ Сенату въ сентябрѣ 1771 года. Архивъ Министерства Юстиціи.

наго недопустимаго злоупотребленія властью; только онъ вызвалъ запоздалое уменьшеніе ихъ полномочій. Указъ 17 марта 1714 года, сдѣлалъ наказуемыми, по крайней мѣрѣ, произвольныя ошибки агентовъ.

Оберъ-фискаль, или главный контролеръ былъ прикомандированъ къ Сенату. Въ 1722, его замѣнилъ генераль-прокуроръ; его назначеніе было настоящимъ движеніемъ впередъ, поскольку онъ соединялъ власти, такъ долго работавшія безъ всякой близкой связи: Царя, Сената и различныхъ исполнительныхъ учреждений. Генераль-прокуроръ, сносившійся съ этими послѣдними черезъ посредство подчиненныхъ ему прокуроровъ, и самъ исполнявшій обязанности посредника между царемъ и сенатомъ, служилъ соединительнымъ звеномъ. Петръ безъ сомнѣнья взялъ за образецъ шведскаго *Ombudsman*, представителя правительства въ судѣ. Но его главный контролеръ не имѣлъ однако мѣста въ высокомъ собраніи и потому напоминалъ скорѣе французскаго *procureur-général* той эпохи, прикомандированнаго къ парламенту. Какъ и тотъ, онъ могъ активно вмѣшиваться въ дѣла, за ходомъ которыхъ наблюдалъ. У него было право инициативы, даже законодательной. Онъ имѣлъ замѣстителя, называвшагося оберъ-прокуроромъ. Ягужинскій первый занялъ этотъ постъ.

Подобнымъ же образомъ прокуроры, какъ агенты контроля, и въ другихъ областяхъ управленія заняли мѣсто фискаловъ, служба которыхъ осталась виѣшней, со всѣми непріятными чертами тайной полиціи.

До 1718 года, Сенатъ въ Россіи остается какъ-то не у дѣлъ, нестати. Онъ не стоитъ, какъ въ Швеціи, во главѣ другихъ органовъ управленія, такъ какъ органы эти не существуютъ; онъ не представляетъ собою, какъ тамъ, собранія президентовъ коллегій, потому что и коллегій-то нѣтъ.

Петръ рано опѣнилъ преимущества коллегіальнаго управленія; онъ даже составилъ о немъ преувеличенное представленіе. Лейбницъ расхвалилъ ему механизмъ коллегій, „похожій на часовой“, и онъ хотѣлъ бы стать часовщикомъ; но ему не хватало колесъ. Старые Приказы напоминали колеса, съ уже поломанными зубьями.

Неизвѣстно точно, когда и какъ зародилась и развилась въ его мозгу мысль, замѣнить приказы, именно коллегіями. Похоже, что онъ, въ этомъ дѣлѣ, повиновался цѣлому ряду внушеній: еще въ 1698 году, когда онъ былъ въ Англии, Франсисъ Ли представилъ ему по его просьбѣ, планъ управленія при посредствѣ семи Комитетовъ или Коллегій *). Въ 1702 году Паткуль въ особой запискѣ знакомитъ его съ организаціей *Geheimes Kriegs Collegium* **). Въ 1711 году саксонскій инженеръ Блюеръ совѣтовалъ ему учредить Горную Коллегію ***). Но въ то время мысль Реформатора была занята опрометчивымъ разрушеніемъ всѣхъ централизирующихъ учреждений. Только въ 1712 году анонимная записка, представлявшая пользу Коммерцъ-Коллегіи, вызвала переворотъ въ его мысляхъ, какъ извѣстно, чрезвычайно подвижныхъ. Съ обычной своей стремительностью рѣшеній, государь далъ на эту записку неожиданный отвѣтъ: именнымъ указомъ 12 февраля 1712 года создана была Коллегія, о которой шла рѣчь. Правда, на этотъ разъ рѣшеніе было чисто платоническое. До 1715 года объ исполненіи приказа и не слышно было. Въ это время, также внезапно, воскресло въ Петербургѣ новое учрежденіе, которое сначала попытались устроить въ Москвѣ. У него былъ уже и управитель въ лицѣ Апраксина; но больше у него тогда ничего не было. Въ это же время можно найти въ записныхъ книжкахъ Петра доказательство того, что мысль о коллегіяхъ его занимаетъ и что онъ съ ней освоился. Но она еще оставалась довольно смутной, колеблясь между Горной Конторой, Трибуналомъ при Сенатѣ, въ качествѣ юстицъ-коллегіи, и Коллегіей торговли. Но немного позже, собственноручная замѣтка намѣчаетъ уже органическую совокупность шести Коллегій шведскаго образца *†). Тутъ не обошлось, конечно, безъ вліянія Генриха Фика (*Henri Fich*), находившагося въ то время у царя на службѣ. Первый по-

*) *Proposals given to Peter the Great. Londres 1752.*

**) Письма и замѣтки Петра I. т. II, стр. 39—50.

***) Милюковъ, стр. 567.

*†) Сборникъ, т. XI, стр. 285, 286.

дробный проект по этому вопросу быть может составленъ имъ *).

Фикъ ѣздилъ даже въ Швецію, гдѣ бы на мѣстѣ изучить организацію, которой предстояло подражать; но прошло еще два года, а ничего не было сдѣлано. Петръ путешествовалъ. Въ концѣ 1712 года его резидентъ въ Гамбургѣ, Бöttigerъ (Boetticher) передалъ ему Reflexions über des Russischen Reiches Staats-Oeconomie, барона Chr. de-Luberas, сынъ котораго служилъ въ Россіи, и тотчасъ авторъ былъ приглашенъ въ свою очередь составить окончательный проектъ.

Такимъ образомъ, здѣсь какъ и вездѣ, никакая общая идея не служила исходной точкой готовившейся реформы, а предварительныя работы были произведены иностранцами. Въ путь пустились, не зная хорошо, куда именно идти, горизонтъ расширился уже во время пути. Жизнь ставитъ задачи; иностранцамъ поручаютъ найти рѣшеніе; они вырабатываютъ проекты; Петръ налету искусно схватываетъ и выдѣляетъ основныя черты; потомъ наступаетъ очередь его русскихъ сотрудниковъ, практически согласовать эти черты съ мѣстными условіями. Тогда появляется указъ, въ большинствѣ случаевъ, слишкомъ еще рано. Осуществленіе обнаруживаетъ недостатки замысла и Петръ всегда съ большою проницательностью и искренностью признаетъ ихъ. Въ заключеніе разрушаютъ то, что было сдѣлано, чтобы начать заново.

Поэтому, несмотря на всѣ указы, устройство Коллегіи въ 1717 г. только еще готовится. Въ этомъ году ограничились тѣмъ, что опредѣлили число и компетенцію ихъ и назначили президентовъ. Долгое отсутствіе государя задержало послѣ этого ходъ дѣла. Если Голиковъ (VI, 65) и самъ Петръ въ своемъ дневникѣ упоминаютъ Коллегію, какъ учрежденіе, уже дѣйствующее въ то время, то они говорятъ о военныхъ канцеляріяхъ, объ адмиралтействѣ и канцеляріи иностранныхъ дѣлъ, которыя въ обыденной рѣчи уже носили это названіе **), Но Камеръ-Коллегія, или казначейство, дѣйствительно устроена только въ 1722 г.; организація же остальныхъ колле-

*) Нанеч. Пекарскимъ въ его Истор. Акад. Наукъ, т. I, стр. 23.

**) Милоковъ, стр. 589.

гій въ 1720 г. была только въ зародышѣ. Самъ Петръ почти стоялъ въ сторонѣ отъ этой работы. Только въ 1722 г. онъ вмѣшался, внеся нѣсколько подробностей по поводу Адмиралтейской Коллегіи, регламентъ которой онъ пожелалъ редактировать лично. Тогда можно было замѣтить, что онъ совершенно не зналъ уже сдѣланнаго и что представленія его по этому вопросу остались очень элементарными, почти ребяческими. 11 мая 1722 г. онъ издаетъ указъ, предписывающій взять регламентъ Адмиралтейской коллегіи за образецъ для остальныхъ. Тамъ, гдѣ нужно, слѣдуетъ только перемѣнить названія*). Но другія коллегіи уже составили свои регламенты, а единственная изъ нихъ, Вотчинная коллегія, пожелавшая буквально выполнить волю монарха, доходила, повинуваясь этому указу, до забавныхъ нелѣпостей.

При жизни Петра, послѣдствія реформы обнаружались только отчасти. Одинъ благодѣтельный результатъ достигнуть былъ немедленно: я говорю о возстановленіи единства Казначейства, которое исчезло послѣ созданія губерній, благодаря разрушенію централизаціи. Скоро послѣдовало и возстановленіе бюджетнаго равновѣсія, нарушеннаго съ 1704 года. Но эти благодѣянія были тотчасъ же испорчены поспѣшнымъ возвращеніемъ на практикѣ къ національной традиціи, которой западные приемы въ этомъ отношеніи внушали отвращеніе. Обобщивъ въ принципѣ, принялись специализировать доходы и расходы, связывая извѣстный источникъ дохода съ какимъ-нибудь частнымъ расходомъ. Безпорядокъ захватилъ и администрацію. Подчипивъ сначала Коллегіи Сенату, сдѣлали потомъ исключеніе для трехъ изъ нихъ, для военной, морской и иностранныхъ дѣлъ, которыя получили право сносятся непосредственно съ государемъ и такимъ образомъ поставлены были іерархически выше Высокаго собранія. Воскресала децентрализація, неся съ собой отсутствіе дисциплины и хаосъ.

Но это еще не все, устройство Коллегій было дополнено шведскими финансовыми провинціями. Это бы

*) Сводъ законовъ, н^о 4008.

хорошо; но провинціи оказались ненужнымъ повтореніемъ губерній, уже существовавшаго административнаго и финансоваго раздѣленія. Да и сами Коллегии во многихъ отношеніяхъ оказывались ненужнымъ повтореніемъ Сената. Теперь оказывался избытокъ колесъ и въ то же время не хватало людей, чтобы приводить ихъ въ движеніе. Чтобы наполнить размноженные безъ толку бюро, пришлось употребить плѣнныхъ шведовъ! *). Размѣстились слишкомъ роскошно. Понастроили дворцовъ, которымъ грозила та же участь, что и домамъ новой столицы: стоять пустыми. Трудно было даже подыскать достаточное число приличныхъ сенаторовъ. Одинъ изъ первыхъ, получившихъ званіе, князь Михаилъ Владиміровичъ Долгорукій, не умѣлъ даже писать! **) Ни у кого не было ни малѣйшей дѣловой опытности, ни представленія объ истинной цѣли ихъ назначенія, ни заботы—исполнить свой долгъ, а большинство лишено было даже простой честности. Въ Коллегіяхъ они теряли время—указъ самого Петра сообщаетъ это—на болтовню и на перебранку, „какъ торговки“. Въ Сенатѣ одинъ изъ Волконскихъ и директоръ монетнаго двора, Апухтинъ, уличены были въ растратѣ, подверглись наказанію кнутомъ и прокалыванію языка каленымъ желѣзомъ ***).

Вообще говоря, наказаніе недостойнаго чиновника не влекло даже за собой увольненія. Слишкомъ трудно было бы замѣнить его. Въ 1723 году Скорняковъ-Писаревъ потерялъ мѣсто генераль-прокурора, чины и имѣнье; но, разжалованный въ солдаты, получилъ порученіе: слѣдить за работами на Ладожскомъ каналѣ.

Итакъ, Петръ получилъ не только армію, но и администрацію, снаряженную по европейски. Но онъ легче находилъ солдатъ, чѣмъ администраторовъ. Позаимствовавъ у Европы форму коллегій, Реформаторъ не сумѣлъ, да и не старался, усвоить одновременно ихъ живой духъ, принципъ совмѣстной работы,

*) Сводъ заповѣй, п. 3101.

**) Петровскій, стр. 50.

***) Депеша голландскимъ Генеральнымъ Штатамъ 26 апрѣля 1715. Архивъ въ Гаагѣ.

раздѣленія отвѣтственности, „плодь слишкомъ чуждый, чтобы акклиматизироваться въ Россіи“, какъ сказалъ недавно русскій писатель *). Онъ только основалъ современное чиновничество.

П.

П о л и ц і я.

Нравственное основаніе, на которомъ архитекторъ утвердилъ свое созданіе, немало отразилось на проявившихся въ немъ недостаткахъ. Полиція великаго человѣка почувствовала это не меньше его администраціи. Главной ея задачей была борьба съ разбоемъ, этой язвой общества, которую поддерживали и углубляли общая грубость нравовъ, народная склонность къ бродяжничеству, политическія смуты шестнадцатаго и семнадцатаго вѣка. Но напрасно государь прижигалъ ее каленымъ желѣзомъ, ему приходилось бороться со всѣми слоями общества. Въ 1695 году князь Ухтомскій и два брата Шереметевы, были задержаны среди бѣла дня въ Москвѣ; они грабили домъ и избивали жителей **). Предшественники Петра ухудшили положеніе дѣлъ, колеблясь между двумя методами лѣченія, употреблявшимися по очереди: крайнею суровостью и чрезмѣрнымъ милосердіемъ. Теперь нѣтъ и рѣчи о колебаніи, легко угадать, на какой сторонѣ остановится выборъ господина. Указомъ предписано было рѣзать косы до кости тѣмъ разбойникамъ, которыхъ не найдутъ нужнымъ повѣсить; по другой указъ приказывалъ вѣшать немедленно всѣхъ безъ исключенія, пойманныхъ на разбоѣ. Дѣйствіе этой мѣры оказалось гибельно. По мнѣнію Посошкова, по отзыву самого Петра, число бродягъ все росло. Это было слѣдствіемъ общихъ условій, слишкомъ тяжелыхъ, слишкомъ жестокихъ. Разбойники и бунтующіе казаки были, въ большинствѣ случаевъ, просто возставшими. Существовали артели злоумышленниковъ, какъ въ другихъ мѣстахъ клубы революціонеровъ.

*) Милюковъ, стр. 565.

**) Желябужскій, стр. 19, 42.

Въ Петербургѣ полицейскія правила были многочисленны, точны и чрезмѣрно строги. Въ странѣ, гдѣ въ теченіе вѣковъ нищета составляла обычный элементъ общественной жизни, они карали за подачу милостыни штрафомъ и присуждали къ кнуту, или къ принудительнымъ работамъ за попрошайничество на улицахъ! Въ 1719 году за это преступленіе ежедневно наказывали кнутомъ человекъ пять-шесть *). Это очевидное доказательство, что средство было недѣйствительно.

Такъ же безсилны были мѣры, принимаемыя съ цѣлью сократить число пожаровъ, другой мѣстной язвы. Въ Москвѣ въ 1712 году огонь уничтожилъ въ одинъ день 9 монастырей, 86 церквей, 35 богадѣленъ, 32 общественныхъ зданія, 4,000 частныхъ домовъ и пострадало 136 человекъ **).

Общество съ трудомъ выходило изъ состоянія дикости и помощь, которую оказывало правосудіе полиціи и администраціи, была не изъ тѣхъ, которыя ускоряютъ развитіе.

III.

С у д ѣ.

Въ этой области Петръ столкнулся съ укоренившимся, до самого послѣдняго времени неискоренимымъ представленіемъ каждаго русскаго, что всякая должность, административная ли или судебная, не есть служба, обязанность, но бенефицій. Старинная система кормленія подтверждала это мнѣніе и поддерживала его. Должность кормить человека и только на то и нужна ***). „Въ Россіи правосудіе продажно“,—восклидалъ сербъ-публицистъ Крижаничъ, современникъ Локка. Посошковъ въ другихъ выраженіяхъ подтверждаетъ это утверженіе. Всѣ иностранцы, Герберштейнъ, Флетчеръ, Олеарій, Маскевичъ, указываютъ на это зло. Петръ съ нимъ не справился. Въ 1724 году онъ еще издаетъ законы противъ судей, нарушающихъ свой долгъ.

*) Костомаровъ, Исторія Россіи, т. II, стр. 629.

**) Соловьевъ, т. XVI, стр. 629.

***) См. Нилъ Поповъ, Татищевъ и его время, стр. 25.

Великіе князья Московскіе завоевали свое верховенство не столько при помощи меча, сколько при посредствѣ подарковъ, раздававшихся татарскимъ чиновникамъ; Россія прошла эту школу и сохранила ея слѣды. Зло у нея въ крови. Да и Петръ слишкомъ поздно принялся за эту часть своей задачи. Кромѣ указа 1714 года, противъ взятокъ, который только разработанъ шире въ 1724 да нѣсколькихъ мѣръ, принятыхъ въ 1716, чтобы ускорить теченіе уголовныхъ дѣлъ и разгрузить тюрьмы, онъ до 1718 воздерживается отъ всякихъ попытокъ общаго характера. Въ 1718 году его вниманіе, наконецъ, обращается въ эту сторону, и, какъ всегда, онъ стремится тотчасъ же сдѣлать все въ одно время и съ одного разу поставить вещи на европейскую ногу. Снова моделью служитъ Швеція и въ Стокгольмѣ снимаютъ копии со множества документовъ, которые должны доставить необходимыя указанія. Воеводы лишены судебной власти, въ провинціи учреждены суды первой и второй инстанціи, въ столицѣ и главныхъ городахъ появляются апелляціонные суды.

Здѣсь, какъ и вездѣ, Реформаторъ затратилъ значительное усиліе, въ то же время онъ проявилъ замѣчательное сознаніе своего собственнаго долга. Кто-то обратился къ нему съ жалобой; онъ отказался выслушать и не принялъ письменнаго прошенія. Жалобщикъ сказалъ: „Это жалоба на васъ“.—„Давай“. Государь передалъ дѣло въ Сенатъ, позволилъ осудить себя, и не сморгнувъ глазомъ уплатилъ протори и убытки по его приговору *). У него бывали счастливыя идеи, вродѣ запрещенія пытатъ беременныхъ женщинъ (указъ 1716 года),—но увы!—исключеніе было сдѣлано для дѣлъ, касающихся государственной безопасности; или вродѣ уничтоженія въ 1718 году варварскаго обычая правяща (См. стр. 27). Общій результатъ былъ совершенно неудовлетворителенъ. Въ 1723 году, послѣ процесса Шафирова, во всѣхъ судахъ Имперіи появляется посреди стола, за которымъ засѣдаютъ судьи странное треугольное сооруженіе изъ позолоченнаго дерева съ двуглавымъ орломъ

*) Ниль Поповъ, Татищевъ и его время, стр. 17.

на верхушкѣ, оно и донниѣ тамъ. Петръ приказалъ написать на немъ текстъ трехъ приказовъ, изданныхъ въ то же время, указы эти являются ничѣмъ инымъ, какъ желчной критикой судебныхъ нравовъ того времени; это памфлетъ на судей, прикрывающихся мантией правосудія, чтобы легче нарушать законы, извращая самый ихъ смыслъ, что въ другихъ странахъ не дѣлается; на всѣхъ, кто притворяется не знающимъ или не понимающимъ текстъ, которыми обязаны руководиться; на всѣхъ, кто, какъ Шафировъ, не боится открыто порицать и нарушать законы, которые имъ поручено охранять.

Двѣ причины особенно препятствовали немедленному улучшенію: первымъ препятствіемъ и, наиболѣе значительнымъ, была невозможность поставить на должную высоту самую идею законности въ условіяхъ режима, который былъ полнымъ ея отрицаніемъ. Безъ сомнѣнія одной изъ крупныхъ заслугъ Петра было освобожденіе этой идеи отъ грубыхъ и звѣрскихъ представленій, затемнявшихъ ея смыслъ въ глазахъ его подданныхъ. Онъ первый сумѣлъ замѣтить въ ней принципъ независимый отъ воли государя и выше ея стоящій. Разъ законъ существуетъ, всѣ должны подчиниться ему, начиная съ царя. И Петръ самъ подавалъ примѣръ. Къ несчастью, одержавъ эту побѣду надъ состояніемъ варварства, онъ самъ тотчасъ ронялъ ея значеніе и благотворность, проявляя власть, которой не умѣлъ обуздывать и которой злоупотреблялъ. Онъ преклонялся передъ закономъ, но законъ былъ только его личной волей, выраженной въ указѣ, и какой самовластной, какой измѣнчивой всегда! Великій поэтъ, попытавшійся стать историкомъ, чтобы лучше прославить національнаго героя, думалъ, что въ его законодательныхъ трудахъ онъ нашелъ характерное различіе между учрежденіями и приказами: первые создавались широкимъ прозорливымъ умомъ; вторые диктовались капризомъ и часто бывали жестоки „словно написанные кнутомъ“; одни будутъ жить вѣчно или, по крайней мѣрѣ, долго, другіе „похожи на внезапную вспышку нестерпливаго и деспотическаго дворянчика“. Исторія созданныхъ Петромъ учреждений, много разъ имъ же самимъ

сдѣланныхъ, раздѣланныхъ и передѣланныхъ, позволяетъ находить въ этомъ замѣчаніи только незначительную долю точности. Ни въ одномъ изъ его законодательныхъ актовъ нѣтъ ничего вѣчнаго. Безъ сомнѣнія, онъ всегда старается сдѣлать все къ лучшему. Можно отмѣтить то стараніе, которое онъ неизмѣнно прилагаетъ, чтобы объяснить нѣсколько многословно мотивъ каждаго своего рѣшенія и почему-то, что онъ устроить лучше того, что было. Слѣдъ этой дидактической системы еще и теперь можно найти въ русскомъ законодательствѣ. Но „лучше“ есть лишь то, что въ данный моментъ кажется ему таковымъ. Замѣтимъ, что все его законодательство совершенно отдѣляетъ идею законности отъ всѣхъ моральныхъ представленій. Законъ, по его мнѣнію, это— не то, что справедливо, но то, что должно или не должно совершаться, по причинамъ, часто совершенно чуждымъ этикъ. Виновенъ, подлежитъ наказанію не тѣтъ кто дурно поступаетъ, но просто тотъ, кто поступаетъ несогласно съ текстомъ указа. Самый способъ примѣненія наказаній даетъ любопытныя разоблаченія въ этомъ отношеніи. Въ январѣ 1724 года французъ-ремесленникъ Гильомъ Белень осужденъ за убійство на каторгу, но наказаніе ему смягчено: его посылаютъ на верфи въ качествѣ слесаря и онъ долженъ учить своему ремеслу русскихъ рабочихъ *). Деспотизмъ и утилитаризмъ: между этими двумя полюсами движутся правовыя представленія того времени. Случается, что назначенное наказаніе замѣняется принятіемъ виновнаго въ лоно православной церкви. Крещеніе вмѣсто ударовъ кнута! **).

Перехожу ко второму препятствію. Петръ много издавалъ законовъ; но ихъ обиліе и самая непрерывность законодательной работы помѣшали кодификаціи. Первый по времени русской кодексъ, „Учебникъ“ Ивана Васильевича (1542) еще допускаетъ судебныя поединки при недостаткѣ доказательствъ. Уложеніе Алексѣя (1650) скорѣе справочникъ обычнаго права. Въ 1695, въ эпоху двое-

*) Флипповъ, Реформа Петра Великаго и уголовный законъ, Москва 1895, стр. 156, 249.

**) Тамъ же, стр. 255.

царствія—Ивана и Петра, почувствовалась потребность въ новомъ сводѣ, и Приказамъ предписано было готовить матеріалы. Можно думать, что они не особенно старались, такъ какъ въ 1700 году дѣло было возвращено въ Боярскую Думу. Дума потребовала у Приказовъ матеріалы и на томъ остановилась. Притомъ она вскорѣ послѣ этого исчезла, а Петръ самъ въ теченіе многихъ лѣтъ занятъ былъ по горло другими заботами. Только въ 1714 году вопросъ о кодификаціи снова сталъ на очередь, и естественно, что на этотъ разъ онъ былъ порученъ Сенату. Сенатъ началъ съ того же, что и Дума; Приказы кончили тѣмъ же, что и въ 1700 году, т.-е. ничего не сдѣлали, и работа опять остановилась.

Общее бездѣйствіе имѣло законное оправданіе: какъ кодифицировать, когда съ другой стороны законы издаются безъ перерыва? Дѣятельность Петра ежеминутно измѣняла условія задачи; со дня на день все мѣнялось, дѣлалось и передѣлывалось; одна волна уносила то, что другая принесла. Реформаторъ былъ принужденъ въ 1719 году воспользоваться однимъ изъ тѣхъ героическихъ средствъ, какіе по вкусу были его гению. Въмѣсто того, чтобы кодифицировать, почему не взять прямо изъ готоваго кодекса? Годъ назадъ онъ уже соблазнялся идеей юридическаго сборника, въ которомъ заняли бы мѣсто шведскіе и датскіе законы, наряду съ избранными продуктами русскаго законодательства. Теперь онъ подумывалъ еще сократить дѣло, взявъ просто шведскій кодексъ, въ которомъ непримѣнимыя къ Россіи распоряженія можно исключить или замѣнить заимствованіями изъ Уложенія 1650 года. Чтобы осуществить этотъ планъ Сенатъ выдѣлилъ въ 1720 году изъ своей среды особую комиссію, къ которой присоединены были иностранные юристы. Но ея работы привели только къ торжественному признанію въ 1722 году полной непригодности шведскаго кодекса примѣнительно къ мѣстнымъ потребностямъ. А папльвъ указовъ все продолжался!

Въ 1724 году Петръ, какъ ни былъ упоренъ, а отказался, повидимому, самъ отъ новыхъ попытокъ въ этомъ направленіи; указомъ 11 марта онъ постановляетъ, что указы.

которые будутъ въ дальнѣйшемъ опубликованы, за неимѣніемъ другого кодекса, будутъ служить продолженіемъ Уложения 1650 года.

Нельзя на него лично возлагать всю отвѣтственность за эту неудачу. Для болѣе полного успѣха ему не удалось найти ни правовыхъ принциповъ, достаточно проникшихъ въ мозгъ и сознаніе, хотя бы сливокъ общества, ни юристовъ, способныхъ помочь въ его усиліи. Воздвигнутое имъ на скорую руку политическое и соціальное зданіе долго еще будетъ съ этой стороны имѣть непріятный видъ старой стѣны, немного подновленной, съ выглядывающими изъ-подъ свѣжей известки трещинами, мохомъ и грибами. Таковъ же будетъ приблизительно и общій видъ зданія. Невозможно въ двадцать лѣтъ сдѣлать работу десяти столѣтій.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Армія и флотъ.

I. Армія. Прецеденты. Петръ только ускорилъ движеніе. Свообразные поступки. „Потѣшныя полки“. Достоинства и недостатки новыхъ построеній. Матерія и духъ. Опытъ Нарвы. На хорошей дорогѣ. Нравственное начало. II. Флотъ. Прецеденты. Поспѣшный и стремительный характеръ новаго дѣла. Флотъ военный и флотъ торговый. Двойная неудача. Что остается отъ дѣла, послѣ смерти работника.

I.

Армія.

Петръ не далъ Россіи хорошо организованныхъ финансовъ; онъ далъ ей военное устройство, которое само за себя говоритъ и даетъ ему одно изъ неоспоримѣйшихъ правъ на славу. Но, однако, его созданіе даже въ этой области не имѣетъ безусловнаго характера личнаго творчества, который ему вообще довольно часто приписываютъ, и не свободно отъ нѣкоторыхъ недостатковъ. Не затѣвая спора, выходящаго изъ области моей компетенціи, я ограничусь короткимъ изложениемъ наиболѣе выпуклыхъ фактовъ и авторитетныхъ мнѣній.

Про предшественниковъ великаго человѣка можно сказать, что они имѣли двѣсти тысячъ вооруженныхъ людей и ни одного солдата. Очень живописный видъ ихъ арміи, совершенно, не носилъ военнаго характера. Рядомъ съ средневѣковымъ рыцаремъ, закованнымъ съ головы до ногъ въ кольчугу, можно было видѣть всадника на тощей клячѣ, безъ сѣдла, съ палкой, вмѣсто оружія и мѣшкомъ ржи за спиной, вмѣсто всѣхъ военныхъ запасовъ. Этотъ разношерстный сбродъ не навербовывался правильно: созывались про-

сто вооруженные люди, принадлежащие къ одному классу, классу землевладѣльцевъ. Никакой подготовки къ военному ремеслу: въ мирное время военныя упражненія неизвѣстны. Управление не организовано: руководство полками по праву принадлежит мѣстной знати, боярамъ, окольничимъ. Интендантства нѣтъ: люди снаряжаются и кормятся, какъ хотятъ и могутъ. Наконецъ, армія эта состоитъ почти исключительно изъ кавалеріи, слѣдовательно, неспособна удовлетворить требованіямъ современной войны.

Но подобный порядокъ вещей не оставался неизмѣннымъ до вступленія на престолъ Петра. Въ шестнадцатомъ вѣкѣ у царя Θεодора Ивановича было уже нѣсколько постоянныхъ полковъ, обученныхъ и снаряженныхъ по-европейски. Французъ Маржеретъ и ливонецъ фонъ-Розенъ состояли у него на службѣ, командуя корпусомъ въ двѣ тысячи пятьсотъ челевѣкъ, составленнымъ преимущественно изъ поляковъ и ливонцевъ, съ нѣсколькими шотландцами, датчанами, шведами, французами и греками *). Непосредственные предшественники Петра, Алексѣй и Θεодоръ Алексѣевичи, пошли дальше. Они завѣщали своему наслѣднику первую попытку общей реформы, касающейся командованія, вербовки и самого устройства арміи въ демократическомъ духѣ и по современному образцу. Учрежденная въ 1681 году подъ предсѣдательствомъ князя Василія Голицына коммиссія предложила при выборѣ военныхъ начальниковъ давать перевѣсъ дарованіямъ. Въ то же время личная служба землевладѣльцевъ въ извѣстной мѣрѣ замѣнена была доставкой рекрутовъ (даточные), пропорціонально количеству земли. Наконецъ, сформированы были постоянныя регулярныя полки, иноземныя и даже туземныя, съ пѣхотными отрядами.

Личное дѣло Петра было, въ сущности, лишь развитіемъ, довольно мало методичнымъ, надо признаться, и нѣсколько фантастичнымъ, по крайней мѣрѣ, вначалѣ, этихъ начатковъ. 30 января 1683 года Сергѣй Бухвостовъ, конюхъ при потѣшныхъ конюшняхъ, первый былъ завербованъ на „военную потѣшную службу“, которая пришла на умъ мо-

*) Устряловъ, т. I, стр. 179.

лодому царю. Позднѣ онъ станеть первымъ солдатомъ Преображенскаго полка. Потомъ были послѣдовательно записаны другіе конюхи и знатные молодые люди, принадлежавшіе къ партіи недовольныхъ правленіемъ Софьи. Въ 1684 году было уже триста добровольцевъ и создалась военная организація въ Преображенскомъ. Въ слѣдующемъ году Петръ рѣшился открыто объявить призывъ на службу, число милиціонеровъ дошло до тысячи и создано было другое учрежденіе въ Семеновскомъ, откуда явилось впоследствии имя второго гвардейскаго полка. Въ 1690 и 1691 гг. продѣланы были первые маневры этого войска, такъ называемый, Семеновскій походъ. Въ 1692 году „потѣшныя полки“ получили окончательное устройство, Петръ взялъ себѣ чинъ сержанта въ Преображенскомъ. Въ 1694—новый рядъ маневровъ, „Кожуховскій походъ“, въ которомъ они показываютъ себя правильно сформированными тактическими единицами и теряютъ свой характеръ и названіе „потѣшныхъ полковъ“. Больше въ солдатики не играютъ; готовятся къ серьезному дѣлу. Въ томъ же году составлена была бомбардирская рота, и царь вошелъ въ ея составъ подъ именемъ Петра Алексѣева.

Это ядро будущей арміи; съ точки зрѣнія состава, дисциплины и обученности оно не имѣетъ отнынѣ ничего общаго съ древней ратью, или милиціей разныхъ родовъ оружія. Только полкъ Лефорта, болѣе поздняго происхожденія да Бутырскій, организованнны въ 1642 году, При Михаилѣ Федоровичѣ, въ извѣстной степени принадлежали къ новой организаціи.

Она выказала свое превосходство подъ стѣнами Азова въ 1695 году. До 1699 года Петръ, однако, ничего не дѣлаетъ, чтобы расширить и обобщить принципъ. Онъ только уничтожилъ стрѣльцовъ, что заставило исчезнуть прежнюю армію, но не поставилъ ничего поваго на ея мѣсто. Чтобы возбудить творческую жилку великаго человѣка понадобилась шведская война. Но тогда слѣдуетъ взрывъ, огромная высыпь идей и начинаній, которыя словно вызываютъ на бой время, пространство, матерію и самый разумъ. Начинанія несравненной мощности и смѣлости,

идеи иногда своеобразныя. Для начала творецъ отказывается отъ системы вербовки, практикующейя въ большинствѣ европейскихъ армій того времени; онъ принимаетъ способъ рекрутскаго набора, отличающійся отъ теперешней обязательной службы только своимъ коллективнымъ, а не личнымъ характеромъ. Разница эта, правда, составляетъ основной недостатокъ. Возложенное на извѣстныя общественныя группы обязательство доставить соотвѣтствующее число рекрутовъ, несло съ собой роковой обычай: замѣнъ выкуповъ и наймовъ по контракту. Петръ прибавилъ къ этому по жизни ненность службы, что прежде всего противорѣчило принятому принципу равенства, такъ какъ не могли же всѣ служить въ арміи, ряды которой разрѣжала только смерть. Затѣмъ пожизненная служба отдѣляла армію отъ народа, придавая ей характеръ замкнутой касты, и, наконецъ, дѣлала ее арміей инвалидовъ. Имѣя такимъ образомъ нѣкоторыя преимущества передъ Европой, дѣло, однако, кажется плохо обоснованнымъ. Да оно и касается только внѣшности. Духъ военныхъ учрежденій Европы, то-есть ихъ истинная сила, повидимому, отсутствуетъ. Скоро осада Нарвы докажетъ это. Изъ тридцати двухъ тысячъ человѣкъ регулярнаго войска, которое Петръ уже можетъ выставить, только Семеновскій и Преображенскій полки и выказываютъ нѣкоторую стойкость. Но, разряжая свои ружья разъ по двадцати, они, по свидѣтельству Посошкова, никого не убиваютъ.

Это второе испытаніе открываетъ, наконецъ, молодому государю значеніе моральнаго элемента. Съ которымъ онъ совершенно не считался до сихъ поръ и ставитъ его на настоящую дорогу. Не оставляя безъ вниманія другіе элементы дѣйствительнаго могущества, онъ отнынѣ съ особой заботливостью займется созданіемъ души своихъ солдатъ. Въ этомъ его особая заслуга, болѣе важная, чѣмъ созданіе пушечныхъ заводовъ на Охтѣ и въ Тулѣ, фабрикъ пороха въ Петербургѣ и на Охтѣ, военной школы въ Москвѣ, и даже перваго опыта, который ему приписываютъ, устройствѣ конной артиллеріи. Къ концу царствованія у него будетъ сорокъ полковъ пѣхоты и тридцать три драгунскихъ полка, пятьдесятъ семь тысячъ девятьсотъ пятьдесятъ шесть

человѣкъ пѣшихъ и тридцать шесть тысячъ триста тридцать три конныхъ въ регулярной арміи, не считая иррегулярную, казаковъ, калмыковъ и т. д. Это число, само по себѣ внушительное, имѣетъ, однако, второстепенное значеніе въ совершенномъ дѣлѣ; оно цѣнно главнымъ образомъ по мощному духу, которымъ творецъ сумѣлъ проникнуть и оживить свое созданіе. Обработанный имъ русскій солдатъ, изъ простаго полубезсознательнаго животнаго, какимъ онъ былъ, сталъ мыслящимъ существомъ, покорный, чтобы тамъ ни говорили, другимъ побужденіямъ, а не одному только страху наказанія. Передъ его глазами идеаль дѣятельнаго мужества, разумной отваги, который передается не съ палкой въ рукахъ. Въ противовѣсъ слишкомъ легкомысленно составленнымъ оцѣнкамъ, я сообщу одну только черту: въ то время какъ на Западѣ война за испанское наслѣдство, казалось, окончательно установила превосходство механическаго принципа въ построеніи сраженія, Петръ у себя старался дать преимущество принципу органически независимаго дѣйствія отдѣльныхъ тактическихъ единицъ, а всѣ сго инструкціи и регламенты военные, неизмѣнно, вдохновлены одной и той же мыслью, одной и той же заботой развить и выставить на первое мѣсто личную инициативу сражающихся *).

Его военное законодательство, хотя и носитъ слѣды тщательной подготовки и закончено, въ видѣ исключенія, кодификаціей, но не во всѣхъ частяхъ своихъ одинаково достойно похвалы. Съ точки зрѣнія дисциплинарной и уголовной оно непосредственно противорѣчитъ принципамъ, положеннымъ въ основу организаціи и воспитанія силы арміи: оно является обратной стороной медали. Въ защиту его выставляли тотъ аргументъ, что суровостью мѣръ, варварствомъ орудій наказанія, костромъ, виселицей, четвертованіемъ, отрѣзаніемъ носа и ушей, оно только подражаетъ иностраннымъ образцамъ, а именно французскому военному кодексу, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ смягчая даже

*) Масловскій, Русскія войска въ эпоху Петра Великаго, Москва, 1883, стр. 47.

ихъ суровость *). Защита не убѣдительна. Она не считается съ разницей, которую военная реформа Петра оставила между русской и западными арміями, утвердивъ ее и еще развивъ. Русскій солдатъ эпохи великаго царствованія вовсе не то же самое, въ принципѣ, по крайней мѣрѣ, что рекрутъ въ нѣмецкомъ или французскомъ смыслѣ этого слова; онъ вышелъ не изъ подонковъ народа, какъ это слишкомъ часто случается тамъ; скорѣе онъ, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ является представителемъ сливокъ общества. Да и въ дѣйствительности онъ представляетъ значительно высшій элементъ. Этого не сумѣлъ понять самъ Петръ. Благодаря этому онъ добился того, что вызвалъ общее стремленіе къ бѣгству, какое-то „спасайся, кто можетъ“, краснорѣчиво выразившееся въ количествѣ указовъ по поводу преслѣдованія и тѣтчиковъ, уличенныхъ въ уклоненіи отъ службы, превратившейся въ безжалостное и позорное рабство **).

Съ другой стороны вся его энергія и умѣнье не могли преодолѣть нѣкоторыхъ условий, создавшихъ болѣе низкій уровень русской арміи, которыя и въ болѣе близкую эпоху вредили ея успѣху: порочность администраціи, недостаточность высшаго командованія. Опытъ выясняетъ, я полагаю, разницу между естественными, такъ сказать, инстинктами, добродѣтелями и достоинствами человѣка и тѣми, которыя развиты въ немъ долгой и тщательной культурой. Петръ въ этомъ отношеніи не могъ нарушить вѣчные законы нравственной и интеллектуальной жизни. Мужество и даже честь—суть явленія элементарнаго порядка, и встрѣчаются даже у людей въ дикомъ состояніи. Со знаніемъ и честностью дѣло обстоитъ иначе. Старая Московія не была воинственной; побѣды великихъ князей московскихъ надъ татарами были плодомъ терпѣливой и лукавой политики; современная Петру Россія сумѣла быстро стать воинственной и героической; онъ нашелъ ту струнку, играя на которой ему удалось вызвать это превра-

*) Бобровскій, Военный законъ въ западной Европѣ въ эпоху устройства регулярной арміи.

***) Розенгеймъ, Очеркъ исторіи военныхъ учрежденій въ Россіи, 1878, стр. 215.

шеніе, возвратъ къ отдаленнымъ традиціямъ норманской эпохи. Онъ тщетно пытался пойти дальше; но, тѣмъ не менѣе, давая своей странѣ полтавскую армію, онъ сковалъ удивительное орудіе, одновременно творящее матеріальную мощь и нравственный прогрессъ. Генеральное величіе Россіи создано имъ.

II.

Ф л о т ъ.

О томъ, что касается мореплаванія, о военномъ и торговомъ флотѣ современныхъ великому царствованію, я позволю себѣ говорить съ нѣкоторыми оговорками. Въ томъ, поскольку работа Петра была по существу и черезчуръ размахиста, я охотно соглашусь видѣть продуктъ атавистическаго инстинкта, ставшаго безсознательнымъ, подчинившагося мѣстнымъ условіямъ и превратившагося въ капризъ деспота. Прецеденты, потому что и на этомъ пути прецеденты были, должны бы заставить Петра остерегаться полета его воображенія. Въ царствованіе Михаила Федоровича голштинскіе купцы, желая использовать теченіе Волги для торговыхъ сношеній съ Персіей, попросили разрѣшенія построить въ Нижнемъ-Новгородѣ нѣсколько судовъ; позднѣе Алексѣй Михайловичъ самъ сталъ судовладѣльцемъ въ Дѣдиновѣ, при сліяніи Москвы-рѣки и Оки. Попытки эти кончились неудачами: голландскіе суда погибли въ Каспійскомъ морѣ, другіе захвачены и сожжены Стенькой Разнымъ въ Астрахани*). Въ этой безбрежной странѣ сама природа вещей возставала, казалось противъ совершаемаго надъ ней насилія.

Пустившись по бурнымъ волнамъ Бѣлаго моря на борту яхты, небрежно построенной на импровизированной Архангельской верфи, Петръ самъ подвергался и подвергалъ свою имперію гораздо большому риску. Наложивъ контрибуцію на голландскихъ строителей, онъ въ 1694 году владѣеть уже эскадрой изъ трехъ судовъ: трехъ парусниковъ, снаряженныхъ и

*) Веселаго, Очеркъ исторіи русскаго флота, I, стр. 5.

для войны и для торговли, по типу, который, изъ боязни пиратовъ вошелъ въ употребленіе при первыхъ опытахъ плаванія по Волгѣ и надолго удержался въ судостроительной архитектурѣ страны. Но эта эскадра была только игрушкой, и молодой государь такъ хорошо самъ понималъ это, что въ 1695 г. внезапно бросилъ свой сѣверный портъ и съ увлеченіемъ начатое тамъ дѣло, какъ простую увеселительную поѣздку. Вотъ онъ вернулся въ прѣсныя воды Яузы, гдѣ впервые разгулялась его фантазія мореплавателя. Теперь предстоитъ, взявъ за образецъ составныя части голландской галеры, привезенной въ саняхъ, заготовить въ разобранномъ видѣ флотилію, перевезти ее также сухимъ путемъ въ Воронежъ, а затѣмъ спуститься по Дону, и съ помощью ея взять Азовъ *).

Я говорилъ уже о сомнительномъ успѣхѣ этой попытки. Въ слѣдующемъ же году военная флотилія, въ свою очередь, заброшена, какъ переставшая нравиться игрушка. Теперь Петръ стремится получить лучше торговый флотъ, и вѣрный своему способу пониманія вещей, онъ представляетъ себѣ возможнымъ, со дня на день, добыть себѣ флотъ, выражая свою волю въ формѣ приказаній и прибѣгая къ насильственнымъ приемамъ. 4 ноября, собравъ въ Преображенскомъ свой совѣтъ, онъ рѣшаетъ, что всѣ собственники, свѣтскіе и духовные, имѣющіе сто и болѣе домовъ, должны составить компаніи для постройки торговыхъ судовъ. Архимандриты, пользующіеся монастырскими имѣніями, сдѣлаютъ то же, а патріархъ доставитъ два пятидесятипушечныхъ фрегата, такъ какъ число подлежащихъ снаряженію судовъ опредѣлено. Ихъ должно быть девяносто, а государство возьметъ на себя постройку еще восьмидесяти. Ихъ форма и вооруженіе опредѣлены указомъ; постройка должна быть закончена въ два года. Запоздавшимъ грозитъ смертная казнь. Остается только повиноваться, и къ назначенному числу все готово; но въ 1700 году, 20 апрѣля появляется новый указъ, уничтожающій компаніи, которыя выполнили волю государя, сьорганизовались и построили флотъ, но положительно не могутъ научиться имъ пользоваться**).

*) Цвѣтаевъ, Созданіе русскаго флота, 1896, стр. 12.

***) Веселаго, т. I, стр. 13 и слѣд.

Вся эта значительная затрата времени, энергии и денег окончилась только морской демонстрацией, которая, правда, имела свое значение. В августе 1699 года русский корабль пересёкъ Черное море и появился на Константинопольском рейдѣ, съ самыми мирными намѣреніями, конечно, везя двухъ уполномоченныхъ царя съ порученіемъ—окончательно столкнуться о договорѣ; появленіе его вызвало живѣйшее сопротивленіе турокъ. Дипломатическіе аргументы, просьбы и угрозы пущены были въ ходъ, чтобы заградить путь этому посѣтителю. Но Петръ настоялъ на своемъ. Въ общемъ этотъ демонстративный характеръ останется у русскаго флота и въ будущемъ. Онъ вліяетъ и имѣетъ значеніе, главнымъ образомъ, моральное воздѣйствіе. Донская же флотилія задержалась въ Воронежѣ, благодаря слишкомъ низкой водѣ, и ею удалось воспользоваться только въ 1711 году, при возобновленіи враждебныхъ отношеній съ Турціей. Послѣ потери Азова она становится негодной къ употребленію. Часть ее уступаютъ тѣмъ же туркамъ, остальное оставляютъ гнить.

Болѣе серьезнымъ дѣломъ казалось созданіе сѣвернаго флота, вызванное войной со шведами. Первые шаги его были героическими. При атакѣ Архангельска, въ іюнѣ 1701 года два русскіихъ матроса, Иванъ Рабовъ и Дмитрій Бориновъ, захваченные шведами и принужденные исполнять обязанности люцмановъ, завели непріятельскіе корабли подъ огонь крѣпости и заставили ихъ потерпѣть крушеніе, и сдаться. Ихъ хотѣли убить, но они притворились мертвыми, и имъ удалось спастись. Потомъ послѣдовало нѣсколько удачныхъ сраженій на Ладожскомъ озерѣ, которое осталось въ рукахъ русскіихъ. Въ 1703 г., послѣ завоеванія устья Невы, была устроена судостроительная верфь въ Олонцѣ. Въ слѣдующемъ году создано было петербургское Адмиралтейство, а при взятіи Дерпта и Нарвы, молодой русскій флотъ помогалъ уже, перевозя войска и припасы. Въ 1705 году онъ отразилъ нападеніе шведовъ на островъ Котлинъ. Въ 1706 году онъ захватилъ подъ стѣнами Выборга большой шведскій корабль „Espern“. Въ 1710 г. онъ принималъ участіе во взятіи Выборга. Но Швеція все же оставалась госпожей Финскаго залива, блокируя все побережье Балтійскаго моря. Одною ея количественнаго превосходства доста-

точно было, чтобы обезпечить за ней преобладаніе. Правда, уже въ 1701 году, при встрѣчѣ съ Августомъ въ Бирзе, Петръ говорилъ своему царственному другу, что у него есть восемьдесятъ шестидесяти и восьмидесяти пушечныхъ кораблей, одинъ изъ которыхъ, построенный по его собственнымъ чертежамъ, называется *Провидѣніе*. На носу у этого корабля—статуя св. Петра надъ аллегорическимъ, также имъ самимъ нарисованнымъ, корабликомъ полнымъ дѣтей *). Онъ могъ сколько угодно доставлять чертежей и рисунковъ, но эскадра, съ которой двѣнадцать лѣтъ спустя онъ предпринялъ, правда побѣдоносный, походъ на Гельсингфорсъ и Борго, насчитывала только семь линейныхъ кораблей и четыре фрегата, да и то три корабля и два фрегата куплены были за границей.

Эта же самая эскадра, сопровождая флотилію изъ двухсотъ галеръ и прочихъ мелкихъ судовъ, участвовала въ первой мало-мальски важной морской побѣдѣ, которой гордятся лѣтописи русскаго флота—въ Гангутской, 25 іюля 1714 года, когда шведскій адмиралъ Эренскиельдъ отдалъ шпагу Петру Михайлову. Она же грабитъ въ 1710 г. берега Швеціи; она же, давъ возможность генералу Ласси, въ 1721 году произвести высадку на шведскій берегъ, мощно содѣйствуетъ ускоренію Ништадтскаго мира. Большая часть этихъ дѣйствій является демонстраціями, побѣдоносными ихъ дѣлаетъ численность и качество войскъ, посаженныхъ на корабли. Въ 1719 году съ Апраксинымъ было двадцать семь тысячъ пѣхотинцевъ. Самыя сраженія, въ которыхъ она участвуетъ, происходятъ неизмѣнно вблизи береговъ и не могутъ считаться настоящими морскими сраженіями. Главную роль въ нихъ играетъ и рѣшаетъ дѣло элементъ сухопутный **).

Короче говоря и съ военной, и съ торговой точки зрѣнія Петръ съ увлеченіемъ, но бесполезно старался превратить русскихъ въ націю мореплавателей. Имъ можно извинить ихъ неподатливость его фантазіямъ, какъ жителямъ обширнаго континента, граничащаго съ мало гостепримными морями.

*) Соловьевъ, т. XIV, стр. 331.

**) См. А. Михлаевскій, Финляндская война въ 1712—1714, 1896.

Въ торговомъ отношеніи Россія и до сихъ поръ остается данницей иностранныхъ флотовъ. Военный флотъ на Дону, съ его подражаніями голландскимъ, англійскимъ, венеціанскимъ галерамъ былъ дорогимъ и неудачнымъ опытомъ. Необходимость уменьшить водоизмѣненіе не позволила даже воспроизвести основныя морскія свойства моделей. Благодаря менѣе неблагоприятнымъ мѣстнымъ условіямъ и опыту, пріобрѣтенному государемъ, верфи Сѣвера дѣйствовали лучше и даже причинили живѣйшее безпокойство Англій*), которая, какъ выяснилось вскорѣ, слишкомъ, повидимому, рано забила тревогу. Превеличеніе и стремительность, два недостатка, присущіе всей дѣятельности великаго человѣка, здѣсь какъ и вездѣ повредили успѣшности его успій. Онъ строилъ изъ недостаточно сухого лѣса, снаряженіе оказалось плохого качества, матросы были плохо обучены. Течи, потеря мачтъ, неумѣлость и недостаточность экипажа, набраннаго наспѣхъ, сокращаемаго болѣзнями, вотъ ежедневныя явленія въ исторіи его эскадръ. Насчитываютъ, что въ эпоху великаго царствованія построено въ общемъ около тысячи судовъ всякаго рода,—линейныхъ кораблей, фрегатовъ и галеръ. Черезъ девять лѣтъ послѣ смерти Петра, въ 1734 году, когда предполагалась блокада Штетина, ихъ призвали на службу, и нашлось только пятнадцать, способныхъ съ трудомъ держаться на водѣ и ни одного офицера, чтобы командовать имп **).

Петръ слишкомъ спѣшилъ, и главное, слишкомъ много хотѣлъ. Хорошо было дать Россіи флотъ; но не особенно благо-разумно желать сдѣлать изъ нея Голландію. Устраняя въ двадцати пяти мѣстахъ Имперіи, часто въ мѣстахъ совершенно безводныхъ, верфи, послѣдовательно бросая ихъ ***), замѣняя судостроительную контору во Владимірѣ—Московскимъ Адмиралтействомъ, при чемъ оба города отстоятъ отъ моря болѣе, чѣмъ на шестьсотъ километровъ, онъ придалъ своему дѣтищу характеръ искусственности, который за нимъ и остался. Перенесенныя поздиѣ въ Петербургъ, вмѣстѣ съ канцеляріей воен-

*) Сборникъ, т. LXI, стр. 563.

***) Весолого, т. I, стр. 54—70.

****) Тамъ же.

наго флота (1712 г.), сосредоточенныя окончательно въ адмиралтейской коллегіи, его предпріятія могли показаться затѣянными главнымъ образомъ для его развлеченія и самообмана. Они, безъ сомнѣнія, послужили къ тому, чтобы, если не оправдать, то вооружить нѣсколькими вѣскими аргументами противниковъ всей его дѣятельности, оппозицію, съ которой ему пришлось столкнуться и о которой я поговорю въ концѣ книги.

Г Л А В А В О С Ъ М А Я.

Оппозиція.—Царевичъ Алексѣй.

I. Коллективное и единичное сопротивление. Заговоры и покушенія. Характеръ оппозиціи, представляемой Алексѣемъ. II. Воспитаніе Царевича. Первое столкновеніе съ отцовской властью. Алексѣй не хочетъ быть солдатомъ. Ссылка въ Москву. Взаимная симпатія. Духовенство и аристократія. Мысль о перемѣнѣ правителя. Новое внимательство отца. Алексѣй долженъ служить. Плохой новобранецъ. Царевичъ по болѣзни не участвуетъ въ Полтавской битвѣ. Петръ посылаетъ его за границу учиться и жениться. Женитьба. Принцесса Шарлотта. Медовый мѣсяцъ и скорый конецъ супружескаго согласія. Алексѣй во главѣ партіи. Смерть Шарлотты. У Екатерины рождается сынъ. Лишеніе наслѣдства. Царевичъ или монахъ. Первое и второе поселеніе на жительство. III. Легенда. Шарлотта жива. Разгадка тайны. IV. Последнее переселеніе. Петръ зоветъ сына къ себѣ. Бѣгство Царевича. Преслѣдованіе. Ищейки Царя. Вѣна. Эренбергъ. Неаполь. Появленіе на сценѣ Евфросинія. Измѣна любовницы. Алексѣй преданъ. Возвращеніе V. Отреченіе. Слѣдствіе въ Москвѣ. Алексѣй выдаетъ друзей. Казни. Отцовское прощеніе. Планы будущаго. Женитьба на Евфросиніи. Довѣріе и счастье бывшаго наслѣдника. VI. Петербургъ. Появленіе метрессы. Допросъ ее. Свидѣтель со стороны обвиненія. Новое слѣдствіе. Въ колесѣ. Арестъ. Преданіе суду. Пытка. Признанія. Верховный судъ. Приговоръ. VII. Смерть Алексѣя. Различныя толкованія. Возможности. Дѣйствительность и нравственная отвѣтственность. Мнѣніе Европы. Судъ потомства. Вольтеръ. Передъ судомъ исторія.

I.

Дѣятельность великаго реформатора и трудности, съ которыми ему приходилось бороться, плохо оцѣнены даже равными его. „Онъ обрабатывалъ свой народъ, какъ царская водка—желѣзо“,—сказалъ Фридрихъ Великій, быть можетъ не безъ оттѣнка зависти. Сравненіе мало справедливо. Подъ внезапнымъ грубымъ натискомъ на его привычки, обычаи, чувства, натискомъ, похожимъ скорѣе на удары молота и топора, чѣмъ

на медленное разѣданіе кислотой, народъ русскій не оставался совершенно бездѣтельнымъ. Въ самыхъ яростныхъ вспышкахъ своего гнѣва и мстительности, Петръ часто лишь отвѣчалъ на насиліе насиліемъ. Протоколы Преображенскаго Приказа доказываютъ это. „Что это за царь?“ — восклицалъ на допросѣ въ 1698 году одинъ изъ арестованныхъ. — „Это — турокъ! Онъ въ среду и въ пятницу ѣстъ говядину, онъ себѣ велитъ подавать лягушекъ! Жену заточилъ, съ иноземкой живетъ!“ — „Что это за царь?“ Смѣсь изумленія и негодованія въ этомъ крикѣ передаетъ лучше всего возмущеніе оскорбленной вѣры. А затѣмъ слѣдуетъ разсужденіе: „Невозможно, чтобы человекъ этотъ, для котораго нѣтъ ничего святого въ томъ, чѣмъ живетъ и во что вѣрить уже сотни лѣтъ святая Русь, рожденъ былъ отъ русскихъ родителей. Онъ, навѣрно, сынъ нѣмца. Это — сынъ Лефорга и нѣмки, имъ подмѣнили въ колыбели дитя Алексѣя и Натальи. Настоящій Петръ Алексѣевичъ остался въ 1697 году за границей. Нѣмцы его не пускаютъ, послали вмѣсто него самозванца. А можетъ быть это — Антихристъ!“ *). Въ 1701 году нѣкій Талицкий, переписчикъ, былъ осужденъ на смерть за защиту этого послѣдняго предположенія, а позднѣе Стефанъ Яворскій написалъ цѣлую книгу, чтобы цитатами изъ Апокалипсиса доказывать его ложность **).

Въ 1718 году, проѣзжая по дорогѣ въ Петербургъ черезъ какое-то село, одинъ иностранецъ увидалъ толпу, человекъ въ триста-четыреста. Попъ, котораго онъ спросилъ, что здѣсь происходитъ, отвѣтилъ ему: „Наши отцы и братья лишены бородъ; алтари наши — служителей; самые святыя законы нарушены, мы стонемъ подъ игомъ иноземцевъ!“ Это были предвѣстники возстанія ***).

Примѣръ стрѣльцовъ сдѣлалъ, правда, безнадежными подготовлявшіяся попытки мятежа; но отдѣльные случаи возмущенія и даже сопротивленія будутъ еще часты. Иногда они принимали наивную и трогательную форму. Какой-то обѣднѣвшій дворянинъ принесъ въ церковь, и въ присутствіи царя, по-

*) Костомаровъ, Этюдъ въ Русской старинѣ 1875, т. XII,

**) Семевскій, Слово и Дѣло, стр. 107 и слѣд.

***) Депеша 10 января 1818 года, Франц. архивъ иностр. лѣтъ

ложилъ передъ образами, письменно изложенный, протестъ *). Но чаще всего фанатическій приверженецъ Домостроя, оскорбленный въ томъ, что ему было всего дороже, подымалъ руку и пытался отвѣтить на ударъ—ударомъ. Покушенія на особу государя повторялись изъ года въ годъ. Въ 1718 г. Лави упоминаетъ одно изъ нихъ, двадцать девятое по счету отъ начала царствованія. „Нѣтъ никакого сомнѣнія“,—писалъ въ 1721 году Кампредонъ,—„что какъ только умретъ царь, это государство вернется къ прежнему образу правленія, о которомъ вздыхаютъ тайно всѣ его подданные“.

Конечно, недовольство не было такимъ всеобщимъ, и скоро обнаружилось доказательство этого; все болѣе и болѣе смиряясь и слабѣя по мѣрѣ того, какъ новый режимъ утверждалъ свою прочность и силу, оно беспильно было помѣшать серьезно его развитію; но до конца оно не сложило оружія. Составлявшіе его элементы, вдохновлявшіе ея побужденія, свойственныя ему средства дѣйствія, его духъ и характеръ проявляются и выясняются въ мрачной исторіи, плачевнымъ героемъ которой былъ старшій сынъ Петра. И, такъ какъ я долженъ также дать заключеніе, то въ послѣдней главѣ я и сосредоточу свое вниманіе главнымъ образомъ на немъ.

Многіе занимались этимъ вопросомъ раньше меня, я нахожу, что это одновременно и облегчаетъ и усложняетъ мою задачу. Вокругъ трагическаго образа несчастнаго царевича создались во всѣхъ странахъ и на всѣхъ языкахъ цѣлая литература, исторія, романъ, драма и поэзія. Во Франціи, блестящій писатель придавалъ нѣсколько устарѣлому труду русскихъ историковъ все очарованіе своего горячаго и красочнаго стиля **). Я хотѣлъ бы избѣжать повтореній. Мнѣ показалось, однако, что истинная фізіономія событій и лицъ до сихъ поръ еще не проявилась съ желательной ясностью и возможно большей долей правды, полускрытая часто увлекательными и чарующими декорациями. Я не утверждаю, что мнѣ удалось добиться успѣха, да простятъ мнѣ, что я взялся за эту задачу.

*) Русскій Архивъ, 1878, стр. 353.

***) Виконтъ Мельхюръ де Вогиюэ. Сынъ Петра Великаго, Парижъ. 1884.

II.

Алексѣй родился 19 февраля 1690 года. На существующихъ его портретахъ онъ выглядитъ какъ разъ подстать своей исторіи и своему процессу: ни красивъ, ни дурень собой, съ выпуклымъ лбомъ и безпокойными круглыми глазами, съ видомъ тщедушнымъ и упрямымъ. Въ немъ нѣтъ ничего отцовскаго ни въ физическомъ, ни въ нравственномъ отношеніи; но, однако, онъ вовсе не такое отверженное существо, какимъ его часто изображали. Его здоровье особенно крѣпко, и скоро разрушено всевозможными излишествами, но онъ ничѣмъ не боленъ; открытый характеръ: любовь къ чтенію; общая всѣмъ славянамъ способность къ изученію иностранныхъ языковъ и даже любознательность, по крайней мѣрѣ, въ извѣстной области. Онъ предпочиталъ, какъ и его дядя Ѳеодоръ, книги по богословію. Въ этомъ проявляется духъ старой Москвы, но также и вліяніе *Methodus instructio- nis*, составленнаго для юнаго царевича однимъ изъ его наставниковъ, барономъ Гюйссеномъ, который былъ, повидимому, чрезвычайно набожнымъ человѣкомъ. Среди документовъ процесса, возбужденнаго Петромъ противъ сына, попадаются выдержки изъ Баронія, поставленныя въ вину обвиняемому. Въ нихъ можно открыть иныя черты, чѣмъ увидала отцовская строгость, признаки души благородной и нѣжной. Алексѣю понравилось, что Ѳеодосій и Валентиніанъ имѣли привычку освобождать по случаю Пасхи заключенныхъ; что въ теченіе поста, они не допускали смертныхъ казней и запрещали отбирать у бѣдняковъ ихъ топливо и ложе. Ему, правда, понравилось также, что одинъ изъ втихъ государей довольно строго соблюдалъ посты, а другой былъ убитъ за покушеніе на права Церкви. Я нахожу въ немъ, сынѣ и внукѣ полузіатскихъ деспотовъ, черты, которыя теперь мы назвали бы свойственными либеральному человѣку, но также и черты жесточайшаго фанатика. Ни невѣждой, ни ограниченнымъ человѣкомъ онъ не былъ.

Ему случалось проявлять остроуміе. Въ концѣ вопроса его спросили однажды, какъ смѣлъ онъ предсказывать, что Петербургъ будетъ потерянъ; онъ отвѣтилъ: „Вѣдь отдали же Азовъ!“ Если онъ вспыльчивъ, грубъ и жестокъ, то это потому, что его рано научили пить слишкомъ много и онъ часто бывалъ пьянъ. Если ему и случалось дергать за волосы второго своего наставника, Вяземскаго, или даже хватать за бороду духовника, протопопа Игнатьева, то подобныя вспышки покажутся невинными, если сравнить ихъ съ примѣрами, которые ему ежедневно подавалъ самъ отецъ. Неистово, грубо и жестоко было общество, въ которомъ онъ жилъ.

И не нахожу у него даже убѣжденнаго и безусловно враждебнаго отношенія къ преобразовательному движенію. Я вижу, что онъ интересуется пребываніемъ за границей сына одного изъ своихъ служителей, его занятіями тамъ, и настаиваетъ, чтобы этому юношѣ преподавали латинскій, нѣмецкій и даже французскій языки. Его пугаетъ и отталкиваетъ отъ революціи, которой Петръ хотѣлъ ускорить движеніе, слишкомъ большое усиліе, слишкомъ сильный толчокъ, слишкомъ рѣзкая перемѣна, и на подобной почвѣ сопротивленія онъ былъ не одинъ. Хорошая половина Россіи раздѣляетъ съ нимъ непріязнь, вызвавшую его несогласія съ отцомъ.

До девяти лѣтъ онъ оставался при матери. Для нея лично первыя же шаги реформы не были благопріятны и ребенокъ, вѣроятно, зналъ кое-что объ этомъ. Въ 1699 году бѣдная Евдокія заключена была въ Суздальскій монастырь; для сына это было безъ сомнѣнія ударомъ и причиной преждевременнаго озлобленія. Мать замѣнили наставники. Отсутствующій отецъ, поглощенный военными заботами, довольно поздно собрался вмѣшаться въ воспитаніе наследника. И тогда же произошло первое столкновеніе. Прежде всего разбитый при Нарвѣ, будущій полтавскій побѣдитель считалъ нужнымъ сдѣлать своего наследника солдатомъ. Характеръ у Алексѣя не былъ воинственнымъ. Петръ могъ сколько угодно говорить ему великолѣпнымъ языкомъ объ обязанностяхъ, лежащихъ на государѣ. Да, безъ сомнѣнія.

долгъ призываетъ его стать въ первомъ ряду, когда его подданные сражаются; но зачѣмъ они сражаются? Было бы такъ просто сидѣть дома и оставить въ покоѣ шведовъ. Ученику не хватаетъ понятливости, учителю терпѣнья. Послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ попытокъ одного передать другому любовь къ суровому ремеслу, предмету спора, Алексѣй предоставленъ самому себѣ, брошенъ въ Москвѣ, какъ предметъ бесполезный. Естественно, домъ его сталъ центромъ, объединяющимъ всѣхъ недовольныхъ, довольно многочисленныхъ по сосѣдству съ Кремлемъ, всѣхъ тѣхъ, кого стѣсняеть и беспокоить новый режимъ, съ его непрерывными перемѣнами, постоянной лихорадочной дѣятельностью, ужасной растратой силъ. Молодой человѣкъ и старый городъ подходятъ другъ къ другу. Онъ любитъ Москву, и она отвѣчаетъ ему тѣмъ же. Онъ особенно любитъ въ ней то, что въ ней дѣйствительно достойно любви и привлекательности, ея безчисленныя святыни, соборы и церкви, украшенныя золотомъ, камнями и мистическими легендами, благоухающія тайной и наивной поэзіей. „Думаете ли вы,—спросили его впоследствии,—что невѣста ваша согласится перемѣнить религію?“ А онъ съ довѣрчивой улыбкой отвѣтилъ: „Я не буду ее принуждать; я только поведу ее въ наши московскія церкви; я увѣренъ, что она захочетъ молиться тамъ вмѣстѣ со мной“ *).

Но вотъ революція готова поднять кошунственную руку на величіе и красоту этихъ святынь мѣсть! Она лишаетъ столицу патриарха; она грабитъ монастыри! Алексѣй совѣщается съ духовникомъ. Въ своей спальнѣ въ Преображенскомъ, передъ причастіемъ онъ поклялся этому священнику въ вѣчномъ повиновеніи, онъ общалъ всегда въ немъ видѣть „ангела-хранителя, судью всѣхъ своихъ поступковъ, передающаго волю Христа“. И снова дрожащій голосъ Божьяго человѣка откликается, словно эхо, на всѣ его сокровеннѣйшія чувства, возбуждаетъ и разжигаетъ ихъ. Онъ говоритъ о негодованіи духовенства, объ угнетеніи народа—и о надеждахъ, которыя всѣ эти изра-

*) Соловьевъ, Чтенія 1861, кн. III

ненія сердца возлагають на благодѣтельную, восстанавливающую перемѣну главы государства. Онъ вызываетъ воспоминаніе о матери, о первой трогательной жертвѣ заблужденій и излишествъ, отъ которыхъ всѣмъ приходится страдать.

Перемѣна государя? Такъ, значить сама церковь не видитъ иного способа спасенія! Удивленный сначала умъ юноши понемногу осваивается съ этой мыслью. Послѣ разговоровъ съ угрюмымъ священникомъ, члены московской аристократіи стараются приучить его къ ней. Они также негодуютъ и теряютъ терпѣніе; ихъ особенно больно оскорбляетъ видъ сотрудниковъ неизвѣстнаго происхожденія, которыми Петръ все болѣе и болѣе окружаетъ себя. Развѣ Меншиковъ рядомъ съ нимъ не занялъ уже чуть ли не мѣсто самого царевича? Перемѣна царствованія? Подготовка къ ниспроверженію отца! Да, но вѣдь, это значить—освободить мать, поднять ее изъ несправедливаго униженія! Отца Алексѣй при томъ видитъ очень рѣдко и всегда въ образѣ строгаго и сердитаго учителя. Какъ онъ провелъ время? Чему научился? Никогда ни одного ласковаго слова; упреки, угрозы, иногда удары. Да еще такіе несправедливые вѣнѣкоторыхъ случаяхъ; въ 1707 году, напримѣръ, за посѣщеніе бѣдняжки, заточенной въ Суздаль! *).

Въ 1708 году Петромъ вдругъ, снова, овладѣло желаніе опредѣлить своего наслѣдника къ дѣлу, „заставить его служить“,—какъ онъ говорилъ. Онъ послалъ его въ Смоленскъ, въ качествѣ комиссара по снабженію войскъ, потомъ въ Москву, съ порученіемъ укрѣпить городъ на случай предполагавашагося шведскаго нападенія. Опытъ кончился плохо. Гнѣвъ отца; письма сына къ вліятельнѣйшимъ изъ отцовскихъ приближенныхъ съ просьбами о заступничествѣ; между прочимъ, и къ новой фавориткѣ, которая станетъ впоследствии мачехой, но которую будущій пасынокъ называетъ пока просто Катериной Алексѣевной. Въ слѣдующемъ году, ведя подкрѣпленіе, потребованное царемъ, царевичъ простудился и не могъ участвовать

* Устряловъ, т. VI, стр. 18.

въ Полтавской битвѣ. Положительно онъ былъ слишкомъ хилъ, чтобы учиться военному дѣлу. Чтобы сдѣлать изъ него приличнаго наслѣдника, надо испробовать что-нибудь иное. Петръ рѣшаетъ послать сына въ Германію. Онъ тамъ пополнить свое образованіе. Можетъ быть, тамъ онъ, наконецъ, войдетъ во вкусъ цивилизаціи, начала которой остаются ему слишкомъ чужды. Наконецъ, онъ тамъ выберетъ себѣ жену, вліяніе которой поможетъ измѣнить направленіе его мыслей.

Алексѣй былъ въ восторгѣ отъ такого рѣшенія, такъ какъ оно прежде всего удаляло его отъ отца. Онъ позволилъ отправить себя въ Дрезденъ и тамъ занялся или притворился, что занялся геометріей и фортификаціей, продолжая, однако, вести оживленную переписку съ Игнатьевымъ, который при слалъ ему вмѣсто себя другого духовника, переодѣтаго слугой, и съ другими московскими друзьями, сообщавшими ему о своихъ сѣтованіяхъ и о своихъ обычныхъ надеждахъ. Онъ не забывалъ и развлекаться, и занимался спасеніемъ души столько же, сколько замѣной, оставленныхъ въ Москвѣ, любовныхъ связей—новыми. Крайняя набожность отлично уживалась въ византійскомъ духѣ съ извѣстной распущенностью нравовъ. Но Петръ окружилъ сына цѣлой командой тайныхъ агентовъ, которымъ поручено было, если не беречь его добродѣтель, то, по крайней мѣрѣ, возможно скорѣе его женить. Внезапно юный принцъ уступаетъ ихъ настояніямъ, остановивъ свой выборъ на принцессѣ Шарлоттѣ Вольфенбюттельской, сестра которой вышла за будущаго императора Карла VI. Партія очень приличная. Помолвка отпразднована 14 октября 1711 года въ Торгау, въ домѣ польской королевы, курфюрстины Саксонской. Шарлотта у нее воспитывалась.

Петру пришла счастливая мысль, которой повредили, увы! какъ съ нимъ это часто случается, слишкомъ небрежные приемы выполненія. Некрасивая, съ лицомъ, попорченнымъ оспой, съ длинной плоской фігурой, Шарлотта была все же очаровательной женщиной, несмотря на физическіе недостатки; не о такой подругѣ мечтали для Алексѣя отецъ. Бѣдное созданье, такое граціозное и слабое, что смотрѣть жалко, попа-

лось словно птица въ западню; подготавлилась мрачная драма, а она неспособна была ни защищаться, ни даже понять, что кругомъ происходитъ. Она съумѣетъ только страдать и умереть.

Первые шаги молодоженовъ были казалось счастливы. Алексѣю, повидимому, нравилась супруга. Онъ живо отражалъ недоброжелательныя выходки Меншикова, по ея адресу; она цѣнила это и была ему благодарна. Кроткая и мечтательная, она хотѣла только, чтобы ее любили. Экспедиція на островъ Рюгенъ, въ которой Алексѣй долженъ былъ принять участіе, приводила ее въ смятеніе. Она была бы „невыразимо несчастна,—писала она, если бы потеряла милаго своего мужа“. Сначала ее пугала мысль слѣдовать за нимъ въ Петербургъ; но тотчасъ же она заявляетъ, что „готова итти на край свѣта, только бы съ нимъ не разставаться“ *). Опять Петръ начинаетъ портить дѣло; выказывая втеченіе послѣдующихъ лѣтъ ревностное стараніе разрушить свою же работу. Имъ снова завладѣваетъ мысль заставить наслѣдника „служить“. Съ 1711 до 1713 года, Алексѣй почти постоянно въ дорогѣ, то онъ ѣдетъ въ Торнъ для заготовки провіанта, то везетъ въ Померанію секретныя приказанія Меншикову, то отправляется на берега Ладожскаго озера, занимается судостроеніемъ. Въ то же время, разрушенной подобной жизнью, семьѣ приходится страдать отъ жестокой нужды, отъ безденежья, такъ какъ ихъ часто оставляютъ безъ всякихъ средствъ. Въ апрѣлѣ 1712 года, принцессѣ приходится прибѣгнуть къ кошельку Меншикова, своего оскорбителя, чтобы занять пять тысячъ рублей; въ 1713, боясь умереть съ голода, она спасается къ родителямъ **).

Такихъ испытаній не выдерживаетъ супружеское счастье. Въ письмахъ Шарлотты къ роднымъ, скоро проглядываетъ смятеніе, отчаяніе. Птица бьется въ клѣткѣ. Въ ноябрѣ 1712 года, она потеряла надежду; ея положеніе „ужасно“; она видитъ, что вышла замужъ за человѣка „никогда ее не любившаго“. Потомъ лучъ солнца: все словно мѣняется; ца-

*) Герье, Кронпринцесса Шарлотта, 1875, стр. 25, 86, 90.

***) Соловьевъ, т. XVII, стр. 148

ревичъ „страстно влюбленъ въ нее“, она его „безумно любить“. Но это бѣглый проблескъ. Въ ближайшемъ же письмѣ обнаруживается, что она „несчастнѣй, чѣмъ могла себѣ представить“; до сихъ поръ она старалась прикрыть недостатки мужа, но „теперь маска упала“ *).

Возможно, что признанія, неосторожно довѣренныя почтѣ, способствовали отчасти ихъ разногласіямъ. Никакое прочное сближеніе, никакая серьезная близость не могли, конечно, завязаться между молодыми людьми, имѣющими такъ мало общаго. Болѣе важныя препятствія моральнаго характера присоединились къ вліянію почты постоянной разлуки. Шарлотта осталась лютеранкой; московскія церкви оказались недостаточно краснорѣчивы, чтобы убѣдить ее. Она привезла съ собой маленькій кружокъ придворныхъ-нѣмцевъ,—составлявшій ее постоянное общество. Алексѣй, по прежнему фанатикъ православія и, повидимому, все глубже уходитъ въ узкіе интересы московской партіи. Своими требованіями и насиліями, Петръ добился только того, что Алексѣй сталъ совершеннымъ и упорнымъ противникомъ новаго режима. Отнынѣ между отцомъ и сыномъ, завязывается открытая борьба, въ которой ясно сказываются ихъ естественныя склонности: съ одной стороны предприимчивость, суровая энергія, съ другой—упорная пассивная бездѣятельность; настойчивое деспотическое принужденіе и упорное глухое противодѣйствіе. Въ 1713 году, чтобы избѣжать провѣрки своихъ способностей и успѣховъ, какъ рисовальщика, Алексѣй прострѣлялъ себѣ изъ пистолета правую руку **).

Онъ тѣмъ тверже стоитъ на своемъ, что вокругъ него начинается облекаться плотью общее недовольство. Не думая объ этомъ и не остерегаясь, онъ становится во главѣ партіи. Самъ Стефанъ Яворскій, въ средѣ духовенства, питаетъ къ его особѣ расположеніе, прорывающееся въ знаменитой проповѣди 12 марта 1712 года, а представители древнихъ аристократическихъ фамилій, Долгорукіе и Голицыны, обращаютъ на него тревожныя взгляды. Но сближеніе съ ними, от-

*) Guergier, стр. 117, 137.

**) Устряловъ, Документы процесса.

далаеть его и отъ отца, и отъ жены. Она—еретичка, иноземка, ей нѣтъ мѣста въ мечтахъ о будущемъ, которыя они лелѣютъ для него и для себя. Она также является олицетвореніемъ ненавистнаго режима!

Въ 1714 году, добившись разрѣшенія поѣхать въ Карлсбадъ лѣчиться, онъ безъ сожалѣнія оставляетъ ее, хотя она на девятомъ мѣсяцѣ беременности, а она отпускаетъ его безъ грусти. Ей самой теперь приходится страдать отъ его природной грубости, тѣмъ болѣе, что потворство приближенныхъ толкаетъ его къ грубому разгулу, составляющему часть національныхъ обычаевъ. Онъ посѣщаетъ проститутокъ и неумѣренно пьетъ. „Онъ пьянъ почти всегда“, пишетъ прицесса. Она беспокоится по поводу того, что его невоздержанность на языкъ въ пьяномъ видѣ, можетъ подвергнуть его опасностямъ. Вино доводитъ его до мечтанія вслухъ: „Когда произойдетъ то, что должно произойти, друзья отца и мащехи познакомятся съ коломъ... Флотъ будетъ сожженъ, а Петербургъ потонетъ въ своихъ болотахъ...“

При возвращеніи изъ Карлсбада, онъ пользуется моментомъ, когда она подарила ему дочь, чтобы нанести ей жесточайшее оскорбленіе: пресловутая Евфросинія, которой предстоитъ сыграть роковую роль въ его судьбѣ, появляется рядомъ съ ней со всѣми отличіями, признанной, фаворитки. Черезъ годъ, его жена снова беременна, втеченіе тяжелой беременности, онъ ухаживаетъ за ней довольно заботливо. Она умираетъ родами 22 октября 1715 года, разбитая горемъ, поражая своей безропотностью въ послѣднія минуты, а онъ трижды лишается чувствъ у ея постели. Горе или раскаяніе? Быть можетъ онъ просто сознаетъ, насколько это событіе отягчаетъ его положеніе: поздиѣ, онъ признается, что чувствовалъ въ этотъ моментъ новую, надвигающуюся, опасность. Дѣйствительно, несчастная покойница родила мальчика. Имперія имѣетъ поваго наслѣдника, и послѣдствія этого событія, которое непокорный сынъ долженъ былъ смутно предвидѣть, не заставили ждать себя.

Черезъ шесть дней, письмо отца, нарочно помѣченное заднимъ числомъ, какъ еслибы оно написано было 11 октября, приносить ему подтвержденіе его тревогъ. Всѣ состав-

ная части драмы, главнымъ героемъ и жертвой которой онъ станетъ, уже на лицо, и занавѣсъ поднимается.

Письмо заключало въ себѣ требованіе, „последнее требованіе“,—говорилъ государь, подчеркивая, что не имѣть привычки угрожать понапрасну. „Ты ничего не хочешь дѣлать, ничему не хочешь учиться; когда ты станешь у власти, тебѣ придется смотрѣть изъ чужихъ рукъ, какъ несмысленно... Я ни своей жизни не щажу, ни жизни подданныхъ; и для тебя не собираюсь дѣлать исключеніе. Ты исправись и постарайся стать полезнымъ государству, а не то я лишу тебя наслѣдства“.

Слово сказано, а на другой же день, послѣ полученія письма, новое событіе еще обостряетъ заключенную въ немъ дилемму: у Екатерины также родился сынъ.

Какое чувство руководило Петромъ въ эту минуту? Съ точки зрѣнія исторической отвѣтственности, это главная задача въ плачевномъ процессѣ. Хвалители великаго человѣка выставляютъ государственныя соображенія. Петръ заботился и долженъ былъ заботиться о спасеніи своего дѣла, о защитѣ наслѣдства отъ неспособнаго или недостойнаго наслѣдника. По причинамъ, которыя я уже указывалъ, по другимъ, которыя выяснятся по ходу моего разсказа, я не могу согласиться съ подобнымъ рѣшеніемъ. Государь слишкомъ энергично и послѣдовательно проявлялъ свою отцовскую власть, слишкомъ мягко и неопредѣленно регламентировалъ вопросъ о престолонаслѣдіи, чтобы можно было признать оба дѣла тѣсно связанными въ его умѣ. Я думаю, что въ первомъ случаѣ въ немъ говорилъ главнымъ образомъ деспотъ. Онъ хотѣлъ покорности. Можетъ быть на него вліяли и естественныя послѣдствія второго брака. Независимо даже отъ непосредственнаго вліянія Екатерины, дитя ея, возлюбленной супруги, должно быть ему дороже сына первой, отвергнутой, жены. Алексѣй, въ его глазахъ былъ живымъ укоромъ; а извѣстно, какъ онъ поступалъ обычно съ вещами и людьми, которые его стѣсняли. Я вернусь еще къ этому спору.

По совѣту своихъ ближайшихъ друзей, Вяземскаго, Кикина, Игнатьева, Алексѣй отвѣчаетъ на прямой ударъ смѣ-

лымъ отпоромъ: признавая себя неспособнымъ нести бремя царствованія, чувствуя себя больнымъ, душевно и тѣлесно ослабѣвшимъ, онъ предлагаетъ самъ отказаться отъ своихъ правъ, теперь, когда братъ можетъ его замѣнить. Онъ проситъ только дать ему убѣжище въ деревнѣ и средства для скромной жизни тамъ. Петръ не ожидалъ, что его такъ поймаютъ на словѣ и быстрота отреченія показалась ему подзрительной. До 19 февраля 1716 года, онъ обдумываетъ, потомъ снова принимается за дѣло. Ему случалось призывать Людовика XIV и даже историческихъ героевъ Греціи, чтобы доказать сыну необходимость болѣе мужественнаго поведенія; теперь онъ ссылается на царя Давида. Царь Давидъ изрекъ ту истину, что всякій человѣкъ напнтанъ ложью. Уединеніе въ деревнѣ для царевича неприлично, да и дѣло невѣрное. Оттуда можно вернуться. Наслѣдникъ, отрекшійся отъ престола, но оставшійся царевичемъ,—ни рыба, ни мясо. Надо выбирать между трономъ и убѣжищемъ болѣе вѣрнымъ; надо доказать свою способность царствовать или же постричься въ монахи: такова альтернатива. Онъ долженъ рѣшить, а не то съ нимъ поступать, „какъ съ злодѣемъ“.

Монастырь, „подземная тюрьма, могильная сѣнь, убивающая безшумно“, какъ сказалъ историкъ-поэтъ! Алексѣй задрожалъ отъ тоски. Онъ снова совѣщается съ друзьями.—„Ба!—отвѣчаетъ Кикинъ, вернуться и оттуда можно; клубокъ вѣдь не гвоздемъ къ головѣ прибить“. Отвѣтъ сына готовъ въ трехъ строкахъ: онъ будетъ монахомъ. Но отправляя это извѣстіе отцу, онъ изъ предосторожности, одновременно разъясняетъ смыслъ его въ письмахъ, переданныхъ Евфросиніи для двухъ вліятельнѣйшихъ членовъ партіи стараго порядка. Кикинъ и Игнатъевъ, прочтутъ въ нихъ: „Я ухожу въ монастырь, меня принудили къ этому“.

Снова Петръ застигнутъ врасплохъ. Немного погодя, онъ отправился за границу, оставивъ дѣло въ прежнемъ положеніи. Очевидно онъ понимаетъ, что зашелъ слишкомъ далеко. Онъ думалъ напугать сына и заставить его покориться. Онъ слишкомъ хорошо знаетъ какую роль монахамъ, даже болѣе далекимъ отъ престола, случалось играть въ исторіи страны. Къ несчастью для Алексѣя, его друзья даютъ ему теперь

иные, менѣ разумныя, совѣты. Всегда послушный ихъ внушенію, онъ въ свою очередь идетъ впередъ, теряетъ всѣ выгоды своей видимой покорности, отдаетъ отцу всѣ завоеванныя преимущества, бросается въ пропасть.

Но прежде чѣмъ послѣдовать за нимъ по роковому уклону, я скажу нѣсколько словъ, по поводу легенды, очень странной, но пользовавшейся одно время большимъ довѣріемъ; она примыкаетъ къ сложности, загадочности и романическимъ чертамъ мрачной трагедіи.

III.

Принцесса Шарлотта пережила мужа. Измученная его дурнымъ обращеніемъ (онъ билъ ее ногой въ животъ, во время беременности), она задумала выдать себя за мертвую, а потомъ при помощи одной изъ дамъ свиты, графини Варбекъ, перебралась сначала во Францію; позднѣе, она отправилась въ Луизиану и стала женой французскаго офицера, Шевалье Обанъ, отъ котораго имѣла дочь. Черезъ десять лѣтъ послѣ замужества, ее снова встрѣтили въ Парижѣ, куда ея мужъ пріѣхалъ посоветываться съ врачами и сдѣлать операцию. Ее узналъ на прогулкѣ въ Тюльери, будущій маршалъ Саксонскій, видѣвшій ее въ Петербургѣ. Онъ хотѣлъ сообщить объ этой встрѣчѣ королю, но она заставила его дать обѣщаніе молчать три мѣсяца, а къ концу этого срока исчезла. Они отправились на островъ Бурбоновъ, гдѣ мужъ ея получилъ мѣсто. Король, узнавъ объ этой встрѣчѣ, сообщилъ новость императрицѣ Маріи-Терезіи, родной племянницѣ воскресшей Шарлотты, а та предложила ей убѣжище въ своемъ государствѣ, при условіи, что она согласится покинуть того, чье имя она носила. Она отказалась. Во Францію она вернулась только послѣ смерти Шевалье, въ 1760 году, и жила очень уединенно, въ Витри, въ деревенскомъ домикѣ, который ей продалъ за сто двѣнадцать тысячъ франковъ, президентъ Фейдо. Всѣ подробности, какъ видно, очень точны. Она получала отъ своей тетки, императрицы, сорокъ пять

тысяч ливровъ пенсіи, по раздавала три четверти бѣднымъ. Приключеніе это было довольно широко извѣстно въ Парижѣ, такъ, что Вольтеръ, занятый, въ то время исторіей Россіи при Петрѣ Великомъ, обратился къ герцогу Шуазель, за справкамъ по этому поводу. Министръ сказалъ,—что знаетъ объ этомъ дѣлѣ, какъ всѣ другіе, но не можетъ ручаться за достовѣрность слуховъ *).

Мнимая принцесса умерла въ 1771 году и парижскія газеты напечатали по этому случаю всю ту странную по-смертную біографію, которую я передалъ въ общихъ чертахъ. Екатерина II, царствовавшая тогда въ Россіи, была этимъ возмущена и отвѣтила аргументаціей въ шести пунктахъ. „Всѣмъ извѣстно, утверждала она, что принцесса умерла отъ чахотки въ 1715 году и, что никогда ей не приходилось выносить дурного обращенія.—Всѣмъ извѣстно, отрѣзалъ одинъ изъ освѣдомленныхъ журналистовъ, что Петръ III умеръ отъ апоплексіи“. Австрійскій посланникъ присутствовалъ при погребеніи отшельницы въ Витри, а аббатъ Совестръ, придворный священникъ, совершалъ службу по приказу короля. Вольтеръ, все же, повидному, получилъ уже свѣдѣнія о загадочной особѣ: въ письмѣ къ г-жѣ Фонтенъ, въ сентябрѣ 1760 года, онъ шутитъ по поводу легковѣрія парижанъ, а въ другомъ, г-жѣ Бассевичъ, немного позже, онъ утверждаетъ, что Шевалье д'Обанъ женился на какой-то польской авантюристкѣ. Въ 1781, кто-то изъ жителей столицы справился изъ любопытства въ книгѣ для записей умершихъ въ приходѣ Витри. Онъ нашель тамъ, кажется, имя Доромел-Марія-Елпзаветы Даніельсонъ **).

Больше я ничего не знаю объ этомъ.

*) Отвѣтъ присоединенъ къ одному изъ Мемуаровъ, собранныхъ Вольтеромъ для его работы. Устриловъ напрасно сѣтуетъ о потерѣ этихъ документовъ, они сохранились въ бібліотекѣ фило-софа, перенесенной, какъ извѣстно, въ Петербургъ, и свидѣль-ствуютъ о добросовѣстной работѣ, хотя въ нихъ и встрѣчаются довольно странныя замѣтки и размышленія, вроде: „Камчатка, обширная страна, гдѣ ни вина, ни хлѣба... Какъ обѣдня“?

**) Journal de Paris, 15 февраля 1771 года. О томъ же эпизодѣ: *ouveaux Voyages dans l'Amerique septentrionals* шевалье Bossue

IV.

28 августа 1716 года, послѣ шестимѣсячнаго молчанія, Петръ, покинувшій Петербургъ въ началѣ года, прислалъ сыну новое предписаніе: Если онъ желаетъ остаться въ міру, то долженъ исполнить обязанность Царевича, пріѣхать къ отцу и вмѣстѣ съ нимъ отправиться въ походъ; если же онъ предпочитаетъ стать монахомъ, то настало время приступить къ осуществленію изъявленнаго имъ намѣренія, выбрать монастырь и указать, когда онъ туда отправится.

Если вѣрить нѣкоторымъ показаніямъ, то царь предупредилъ рѣшеніе Царевича, выбравъ монастырь въ Твери и приказавъ тамъ приготовить келью, которая благодаря его распоряженіямъ, обращена была въ настоящую тюрьму *). Знали ли друзья Царевича эту подробность? Это было бы ихъ оправданіемъ. Во всякомъ случаѣ рѣшеніе, къ которому толкаетъ Алексѣя ихъ единодушное мнѣніе, очень поспѣшно. Онъ извѣщаетъ Меншикова, что отправляется къ отцу, спрашиваетъ тысячу дукатовъ на путешествіе и разрѣшенія взять съ собой Евфросинью, получаетъ еще двѣ тысячи рублей отъ Сената и отправляется въ путь по направленію къ Ригѣ, 26 сентября 1716 года. Но въ послѣднюю минуту онъ сообщаетъ лакею Афанасьеву, остающемуся въ Петербургѣ, свои тайныя намѣренія: онъ и не думаетъ ѣхать къ царю; онъ ѣдетъ въ Вѣну, чтобы обратиться къ защитѣ императора. Кикинъ отправился туда нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ позондировать почву и прислалъ очень утѣшительныя вѣсти:

Парижъ, 1777 (тамъ впервые встрѣчается упоминаніе о немъ); Continuation de l'Histoire moderne de l'abbé de Marcy Рише; Extrait du Memorial du M. Duclos, historiographe de France, напечатанныя въ Pièces intéressantes et feu connues pour servir à l'histoire, Брюссель—Парижъ, 1781; Levesque Histoire de Pierre le Grand; Русская старина. 1874; въ 1804. Цшокке написалъ на эту тему очень талантливую новеллу, а въ театрѣ Variété въ Парижѣ ставили одноактный водевиль Madame Peterhof на тотъ же сюжетъ.

*) Русскій Вѣстникъ, 1860, № 13.

императоръ не выдастъ свояка и дастъ ему на прожитье три тысячи флориновъ въ мѣсяцъ.

Въ Либавѣ, бѣглець встрѣчаетъ тетку, Марію Алексѣевну, и съ нею тоже дѣлится своими плачами. Она испугана: „Да куда же ты спрячешься? Онъ тебя всюду найдетъ“. Она не отговариваетъ его, такъ какъ сама плохо относится къ Петру изъ-за его второго брака, но ее пугаетъ мысль о его всемогуществѣ. Алексѣй старается ее успокоить, убаюкиваетъ самъ себя надеждами, поданными Кикинымъ и продолжаетъ путь.

Петръ довольно долго не зналъ, что случилось съ сыномъ. При первомъ же извѣстіи о его исчезновеніи, онъ послалъ въ погоню своихъ лучшихъ ищекъ: Веселовскаго, своего резидента въ Вѣнѣ, Румянцева, потомъ Толстого и началась настоящая травля. „Мы на слѣду; мы скоро догонимъ звѣря“, такія выраженія употребляются преслѣдователями. Травля продлилась около года.

Вечеромъ, 10 ноября 1716 года, Царевичъ явился внезапно въ Вѣнѣ, къ вице-канцлеру, графу Шенберну и „сильно жестикулируя, бросая по сторонамъ испуганные взгляды, бѣгая изъ угла въ уголь по комнатамъ“, попросилъ защиты императора для спасенія своей жизни. Онъ обвинялъ наставниковъ, которые его дурно воспитали; Меншикова, разрушившаго его здоровье, пріучая его къ пьянству; отца, желавшаго заморить его чрезмѣрной работой, а кончилъ тѣмъ, что попросилъ пива. Очень смущенный императоръ и его совѣтники, рѣшили постараться уладить недоразумѣнія между отцомъ и сыномъ, а пока спрятать бѣглеца. Старая башня въ долинѣ Леха, разрушенная впоследствии въ 1800, солдатами Массена, замокъ Эренбергъ, кажется имъ достаточно вѣрнымъ тайникомъ; Алексѣй позволяетъ увести себя и запереть тамъ, подъ строжайшимъ инкогнито, какъ государственнаго преступника.

Его выслѣдили тамъ только въ мартѣ слѣдующаго года. Румянцевъ съ нѣсколькими офицерами бродилъ вокругъ маленькой крѣпости. Ходилъ слухъ, что ему приказано было захватить бѣглеца какой бы то ни было цѣной. Тогда рѣшили перевезти его въ Неаполь, уступленный, какъ извѣстно,

имперскому дому по Утрехтскому договору. Ему предложили разстаться съ московскими слугами, постоянное пьянство которых могло его выдать. Онъ настаивалъ, желая удержать одного пажу и его оставили по причинамъ, которыя графъ Шенборнъ такъ объясняетъ въ письмѣ къ принцу Евгению Савойскому: „Нашъ маленькій пажъ... признанъ наконецъ женщиной, незамужней, но, повидимому и не дѣвственной; она объявлена любовницей и необходимой для здоровья *).

Этого пажу узнать нетрудно, это Евфросинья. Финская крестьянка, раба Вяземскаго или плѣнница побѣдоноснаго генерала, какъ Екатерина: свидѣтельства расходятся. Крупная, сильная, съ толстыми губами, рыжая, какъ говорить Румянцевъ; маленькаго роста, по докладу Веселовскаго; во всякомъ случаѣ низкаго происхожденія и очень заурядная. Какъ удалось ей получить надъ сердцемъ Алексѣя ту безграничную власть, которая обычно лежитъ въ основѣ чело-вѣческихъ трагедій? Это тайна навѣки. Несчастный принцъ упаслѣдовалъ, повидимому, отъ отца не умъ его и волю, а ту особую грубую чувственность, проникнутую однако сентиментализмомъ, которая проглядываетъ въ большинствѣ любовныхъ связей великаго чело-вѣка. Въ Неаполѣ Евфросинья рѣшила его участь.

Румянцевъ сначала послѣдовалъ за нимъ туда, потомъ, вернувшись въ Вѣну, присоединился къ Толстому, чтобы официально потребовать у императора выдачи царевича. Дѣло было серьезное. Царь рѣшился, повидимому, на крайнія мѣры; съ той арміей, которая была у него въ Польшѣ, онъ вполне способенъ былъ осуществить на дѣлѣ угрозы, сквозившія подъ надменными рѣчами его агентовъ. Силезія была ему доступна, да и Богемія тоже, гдѣ онъ навѣрно нашелъ бы хорошій приѣмъ среди славянскаго населенія страны. Карлъ VI старается выгадать время. Онъ пишетъ королю Георгу Англійскому, чтобы заинтересовать его участіемъ преслѣдуемаго сына и хочетъ видѣть конецъ затѣяннаго похода,

*) Устряловъ, т. VI, стр. 95. Всѣ ниже приведенныя подробности, кромѣ особо указанныхъ, заимствованы мною изъ документовъ, обнародованныхъ этимъ историкомъ въ шестомъ томѣ его труда, посвященномъ, исключительно, Царевичу и его процессу.

который кажется клонится не къ выгодѣ царя. А пока, онъ убѣждаетъ обоихъ русскихъ агентовъ, самихъ сдѣлать свое дѣло въ Неаполѣ. Можетъ быть Царевичъ согласится по доброй волѣ отдаться въ ихъ руки. Они отправились туда и завязалась борьба, въ которой вице-король, графъ Даунъ сыгралъ не очень то красивую роль. Изъ Вѣны онъ получилъ приказаніе облегчить агентамъ московскаго государя встрѣчу съ молодымъ Царевичемъ, въ случаѣ надобности даже принудить его ихъ принять. Онъ открылъ для нихъ настежь двери замка св. Эльма, гдѣ былъ запертъ бѣглець. Тотъ понялъ, что хозяину очень бы хотѣлось избавиться отъ своего протеже, и нисколько не ошибся, думая такъ. Толстой и Румянцевъ постараются довести его до самыхъ крайнихъ выводовъ изъ этого предположенія.

Алексѣю предстояло выдержать осаду по всѣмъ правиламъ. Сначала ему показываютъ письмо отца, угрожающее и милостивое вмѣстѣ, обещающее ему полное прощенье взаимнѣ немедленнаго повиновенія. Иначе царь объявитъ войну императору и возьметъ сына силой. Онъ остается непоколебимъ. Тогда секретарь графа Дауна, Вейнгартъ, подкупленный нѣсколькими дукатами, шепчетъ ему тихонько на ухо: императоръ рѣшилъ отъ него отстуниться. Потомъ Толстой въ разговорѣ упоминаетъ оскоромъ прїздѣ Петра въ Италію. Алексѣй трепещетъ, онъ уже испуганъ. Наконецъ, переходя границы полученныхъ инструкцій, вмѣшивается самъ Даунъ, съ иного рода угрозой, немедленно оказывающей дѣйствіе: если царевичъ хочетъ остаться въ Сентъ-Эльмѣ, онъ долженъ рѣшиться на разлуку съ Евфросиньей. И раба въ свою очередь появляется на сцену; она стала на сторону отца, противъ сына—она сама потомъ хвалится,—подкупленная также подарками и обѣщаньями, она поддерживаетъ нападеніе своими слезами и мольбами. Алексѣй обезоруженъ.

Онъ ставитъ только два условія своего подчиненія: ему позволять жить спокойно въ его имѣньяхъ и рѣчи больше не будетъ о разлукѣ съ Евфросиньей. Толстой и Румянцевъ соглашаются и даже обѣщаютъ добиться отъ царя согласія на бракъ Царевича съ этой дѣвкой. Онъ пишетъ отцу униженное письмо, раскаяваясь въ прошломъ и умоляя исполнить

просьбы; потомъ, съѣздивъ въ Бари, гдѣ онъ стремился поклониться мощамъ св. Николая, онъ позволяетъ себя увезти. Скоро онъ становится довѣрчивъ и веселъ, приходитъ въ восторгъ, получивъ дорогой отвѣтъ Петра, который даетъ ему удовлетвореніе: онъ женится на Евфросиньѣ, царь требуетъ только, чтобы вѣнчались въ Россіи, въ уединенномъ мѣстѣ, „чтобы еще большаго сраму избѣжать“. Но такъ какъ финка беременна, то онъ принужденъ оставить ее въ Италіи; она пріѣдетъ къ нему послѣ родовъ и онъ поручаетъ ее же брату беречь свое сокровище; онъ пишетъ этому человѣку: „Иванъ Федоровичъ, здравствуй! Умоляю тебя, береги се-стру твою, а мою жену (хоть и невѣнчанную, да у меня приказъ есть (sic), чтобы ничѣмъ она не огорчалась, только и помѣхи вѣнчанью, это ея беременность, которая, Богъ по-можетъ, кончится хорошо“... Письмо содержитъ *post-scriptum*, обращенный къ одному изъ слугъ возлюбленной, въ немъ сказывается вся заботливость любовника, но и вся грубость его, тоже: „Александръ Михайловичъ! Собака, (sic), забавляй Евфросинью, какъ можешь, чтобы она не горевала. Все хо-рошо идетъ, только брюхо ее и мѣшаетъ покончить скоро“.

Евфросинью, повидимому, забавлять было нетрудно; на пути, ведущемъ къ пытки и смерти человѣка, котораго она предала, она думаетъ только о развлеченіяхъ, швыряя зарабо-танныя деньги, цѣну крови. Въ Венеціи, она купила тринад-цать локтей золотой парчи, за сто шестьдесятъ семь дукатовъ, крестъ, серьги, кольцо съ рубиномъ; она посѣщаетъ кон-цертъ и жалѣетъ, что не нашла ни оперы, ни трагедіи. Ду-мала ли она о будущемъ, о мечтахъ беззаботной любви, о тихомъ счастіи уединенія съ „Афросиньюшкой“, о которыхъ твердили всѣ письма Алексѣя? Ея шаблонные отвѣты, продик-тованные секретарю, ничего не говорятъ объ этомъ. Соб-ственноручно она прибавляла только нѣсколько словъ, круп-нымъ неуклюжимъ почеркомъ, прося прислать какихъ-ни-будь національныхъ лакомствъ, икры или каши.

У несчастнаго Алексѣя былъ еще одинъ случай спастись. То, что произошло въ Неаполѣ, смутило императора и вызвало укоры совѣсти. Не совершили ли надъ царевичемъ насилія? Онъ рассчитываетъ увидѣть свояка при его проѣздѣ и спро-

сать. Вдругъ онь узнаеть, что Алексѣй уже въ Брюннѣ, въ Моравіи. Толстой и Румянцевъ провезли его черезъ Вѣну ночью. Они скрывали добычу. Карль VI благородно исполнилъ свой долгъ. Губернаторъ области, графъ Коллоредо, получилъ предписаніе задержать путешественниковъ, повидаться съ Царевичемъ безъ свидѣтелей, спросить, по доброй ли волѣ онь возвращается въ Россію, и въ случаѣ отрицательнаго отвѣта, помочь ему остаться въ Австріи, принявъ всѣ необходимыя мѣры, чтобы обезпечить ему безопасность. Приказаніе не было исполнено, увы! Въ гостиницѣ, гдѣ остановился Алексѣй со своимъ конвоемъ, произошла сцена, въ которой проявилась вся нравственная сила уже выработанная царемъ и его школой. Въ сердцѣ имперіи, агенты царя не пропустили представителя императора. Если понадобится, они будутъ защищать доступъ къ Царевичу съ оружіемъ въ рукахъ. Коллоредо просить новыхъ предписаній и снова, увы! имперскій совѣтъ высказывается за невмѣшательство. Участъ Алексѣя рѣшена: 31 января 1718 года, Петръ съ мрачной радостью узнаеть, что сынъ его вернулся въ Москву.

V.

Никто въ Европѣ не подозрѣвалъ въ то время, что ждеть несчастнаго на родинѣ, и слабость совѣтниковъ императора отчасти находятъ въ этомъ оправданіе. *Gazette de Hollande* извѣщала даже о предстоящемъ бракосочетаніи царевича, съ его двоюродной сестрой Анной Иоанновной. Въ Россіи, наоборотъ, волненіе было сильное. Во время долгаго отсутствія Царевича, ходили самыя противорѣчивыя слухи: его считали то женихомъ нѣмецкой принцессы, то запертымъ въ монастырь, то убитымъ по приказу отца, или скрытымъ подъ вымышленнымъ именемъ въ рядахъ Императорской арміи. Истина, обнаружившись, вызвала среди его открытыхъ и тайныхъ сторонниковъ жестокою тревогу. Безъ сомнѣнія, Петръ не удовлетворится тѣмъ, что нашель сына. Будеть слѣдствіе,

розыски сообщниковъ, пытки въ застѣнкахъ Преображенскаго. Наиболѣе скомпрометированный сообщникъ, Кикинъ, попытался даже подговорить лакея Аванасьева пойти къ Царевичу и предупредить его; но боясь вызвать подозрѣніе, тотъ отказался шагъ ступить. Никто изъ заинтересованныхъ ни на минуту не надѣялся на царское прощеніе. И Петръ дѣйствительно не замедлилъ оправдать общее мнѣніе.

Прежде всего, 3 февраля 1718 года созвано было въ Кремлѣ собраніе высшаго духовенства и свѣтскихъ сановниковъ. Алексѣй появляется передъ нимъ, какъ обвиняемый, безъ шпаги. Увидя его, Петръ выходитъ изъ себя, осыпаетъ его оскорбленіями и упреками. Царевичъ обливаясь слезами, падаетъ на колѣни, бормочетъ извиненія, умоляетъ снова о прощеніи, повѣривъ которому, онъ позволилъ привезти себя сюда, словно на убой. Онъ будетъ прощенъ; но онъ ставилъ свои условія, теперь царь поставитъ свои. Виновный и недостойный Царевичъ долженъ торжественно отречься отъ престола и выдать всѣхъ причастныхъ къ его поступку, всѣхъ кто совѣтовалъ преступное бѣгство или помогалъ ему. Это именно то, чего ожидали; это слѣдствіе, а съ нимъ рядъ пытокъ и казней. Въ Успенскомъ соборѣ, томъ самомъ, гдѣ онъ призванъ былъ возложить на себя корону, Алексѣй передъ Евангеліемъ отказался отъ своихъ правъ на престолъ, призналъ наслѣдникомъ младшаго своего брата, Петра, сына Екатерины, а въ низкой кремлевской палатѣ, гдѣ Царь заперся съ нимъ съ глазу на глазъ, онъ выдалъ имена всѣхъ тѣхъ, кого могъ припомнить, всѣхъ, кто въ его испуганной памяти связанъ былъ съ покровительствомъ, знакомъ сочувствія, просто ласковымъ словомъ, услышаннымъ во время нравственнаго перелома, закончившагося бѣгствомъ.

Онъ предупрежденъ: одного пропуска, одного умолчанія достаточно, чтобы уничтожить всѣ выгоды, пріобрѣтенныя признаніемъ.

Первымъ названъ Кикинъ, потомъ Вяземскій, Василій Долгорукій, Аванасьевъ и множество другихъ; сама царевна Марья, по случаю встрѣчи въ Либавѣ, хотя она и выказала тогда большую сдержанность. Петръ рычалъ отъ гнѣва при каждомъ имени. Кикинъ еще въ 1714 году считался въ чи-

слѣ ближайшихъ приближенныхъ. Веберъ неоднократно видѣлъ, какъ царь ходилъ съ нимъ обнявшись *). Изъ всѣхъ представителей старой аристократіи только одному Долгорукому царь оказывалъ большое довѣріе. Оба привезены въ Москву съ желѣзнымъ ошейникомъ на шеѣ и слѣдствіе начинается.

Очень быстро становится очевиднымъ, что между Алексѣемъ и его друзьями никогда не было никакого соглашенія для достиженія опредѣленной цѣли, ни малѣйшей тѣни заговора въ собственномъ смыслѣ слова. Въ этомъ отношеніи иностранная дипломатія, отчеты которой довольно единодушно утверждаютъ обратное, позволила ввести себя въ заблужденіе или повиновалась чувству низкой угодливости.

За Алексѣя могла стоять, какъ утверждали голландскій резидентъ, униженная знать, ограбленное духовенство, народъ, раздавленный подъ тройнымъ игомъ рабства, налоговъ и пожизненной военной службы **); это были сторонники, но не заговорщики. Налицо были элементы партіи, но никакого слѣда организациі. Де-Би, говорить даже о двухъ заговорахъ, одновременно, но врозь, преслѣдовавшихъ одну и ту же цѣль: возведеніе на престолъ Алексѣя, изгнаніе всѣхъ иностранцевъ и заключеніе какого-бы то ни было мира со Швеціей. Это чистая выдумка; жаровни Преображенскаго приказа ничего не узнали объ этомъ. Призванный принести присягу новому наследнику престола, служащій въ артиллерійской канцеляріи, Докукинъ, замѣнилъ формулу присяги негодующимъ протестомъ. Но это политическій мученикъ, а не заговорщикъ ***).

Въ Вѣнѣ, гдѣ онъ прожилъ нѣсколько недѣль, Кикинъ познакомился кой съ кѣмъ изъ бѣглецовъ, съ остатками прежнихъ политическихъ партій, съ нѣсколькими старыми стрѣльцами, чудомъ избѣгнувшими смерти въ 1698 году. Съ другой стороны, у него сохранились хорошія отношенія съ

*) Herrmann, Peter de Grosse und der Tsarevitch Alexei. Leipzig, 1880, 122.

**) Дешпи де Би отъ 8 января 1717, 24 февраля и 10 марта 1718: Архивъ Гааги; депеша Лави отъ 26 февраля 1718: Архивъ иностр. дѣлъ Франціи.

***) Соловьевъ, т. XVII, стр. 216.

приближенными царя, связь съ Полкановскимъ, однимъ изъ любимыхъ деньщиковъ царя. Передъ бѣгствомъ Алексѣй по-видался съ Аврааміемъ Лопухинымъ, братомъ Евдокіи, который сообщилъ ему извѣстія о заключенной. Бѣдный Царевичъ настолько мало былъ съ ней въ заговорѣ, что не зналъ даже, жива ли она! Узнавъ, что она крайне нуждается, онъ поручилъ Лопухину передать ей пятьсотъ рублей. Это все, что слѣдствію удалось узнать о главныхъ обвиняемыхъ, да еще нѣсколько грубыхъ замѣчаній, вырвавшихся у Царевича въ минуты гнѣва или опьяненія.

Говоря о своей женитьбѣ на Шарлоттѣ, онъ жалуется на совѣтниковъ отца, „которые навязали ему чертовку“, и клянется, что отомститъ. Думая о нихъ, онъ говоритъ: „Плевать мнѣ на нихъ на всѣхъ! То ли дѣло мелкій людъ! Придетъ мое время, не будетъ отца, я только словечко шепну архіереямъ, тѣ передадутъ понамъ, а поны прихожанамъ,— и посадятъ меня на царство“.

Все это не очень зло, и не очень серьезно, тѣмъ болѣе, что покидая Россію, Алексѣй твердо и совершенно искренно держался рѣшенія отречься добровольно, продиктованнаго послѣдними покушеніями отца на его независимость. Его показанія по этому поводу не мѣняются даже тогда, когда смысла пѣтъ лгать или скрывать что бы то ни было. Его планъ, слѣдовать которому помѣшала ему слабохарактерность, состоялъ въ томъ, чтобы дождаться за границей смерти отца и тогда овладѣть престоломъ во время малолѣтства младшаго брата.

Чего же хочетъ царь, приводя въ дѣйствіе всю машину судопроизводства? Онъ и самъ, вѣроятно, не знаетъ хорошенько. Его подозрѣвали въ обдуманныхъ планахъ заманить несчастнаго Алексѣя въ своего рода систему зубчатыхъ колесъ, захваченный которой, онъ переходилъ бы отъ ошибки къ ошибкѣ, отъ проступка къ проступку, и наконецъ поставилъ бы на карту голову *); но ни одинъ точно установленный фактъ не подтверждаетъ подобныхъ предположеній и

*) Погодинъ, Процессъ Царевича Алексѣя, см. Русская Бесѣда, 1860, т. I, стр. 1—110.

все, что извѣстно о характерѣ Петра, имъ противорѣчить. Онъ не способенъ на такой расчетъ. Правдоподобно, что онъ слѣдовалъ за событіями, согласуя съ ними свои страсти. На время, впрочемъ, онъ удовлетворится жертвами, которыя дадутъ его мщенію признанія свыше и слѣдствіе, добравшееся даже до Суздаля. Кикинъ колесованъ, получивъ прежде въ четыре приѣма сто ударовъ кнутомъ. Несчастному Аванасьеву, виновному только въ томъ, что выслушалъ признаніе своего господина, отрубили голову. Судьба Евдокин и Глѣбова извѣстна. Долгорукій и Вяземскій, говоря о которыхъ Алексѣй хватилъ черезъ край, вѣроятно, обязаны настойчивости Царевича тѣмъ, что отдѣлались потерей должностей и имѣній, да ссылкой. Досифей, епископъ Ростовскій, котораго выдалъ Глѣбовъ, заявивъ, что тотъ обнадёживалъ Евдокію, признался подъ пыткой, что предсказывалъ бывшей царицѣ близкую смерть Петра и воцареніе Алексѣя; но, обращаясь къ собранію архіереевъ, которымъ предстояло лишитъ его сана, онъ произнесъ слѣдующія многозначительныя слова: „Загляните въ глубину вашихъ собственныхъ сердець; прислушайтесь, что говоритъ народъ, и повторите, что услышите“. Его также колесовали съ однимъ изъ священниковъ. Головы казненныхъ выставлены на шипахъ, внутренности сожжены. Поклановскому отрѣзали языкъ, уши и носъ. Княгиня Троекурова, двѣ монахини, много дворянъ въ томъ числѣ и недавно вернувшійся изъ Англіи одинъ изъ Лопухиныхъ,—биты кнутомъ. Княгиня Анастасія Голицына, веселая кумушка, за то, что узнавъ отъ игуменни Суздальской о сношеніяхъ Евдокинъ съ Глѣбовымъ, промолчала объ этомъ, кнута избѣгла, но бита была батогами. Петръ заставилъ сына присутствовать при наказаніяхъ, длившихся три часа, а потомъ увезъ въ Петербургъ.

Алексѣй считаетъ себя теперь непричастнымъ къ дѣлу и повидному очень доволенъ своей судьбой. Несчастія сдѣлали его безчувственнымъ. Онъ относится теперь сердечно только къ своей Евфросиніи. Онъ ей пишетъ, извѣщая, что отецъ съ нимъ хорошъ и даже приглашаетъ его къ столу съ собой. Онъ говоритъ, что очень радъ избавиться отъ титула наслѣдника: „Ты вѣдь знаешь хорошо, что мы о томъ только

и думали, какъ бы жить спокойно въ Рождественкѣ. Мое единственное желаніе покойно прожить съ тобой до смерти“ *). Быть можетъ, письмо писалось для читателей изъ чернаго кабинета; но очень возможно, что онъ больше чѣмъ когда-либо думалъ о бракѣ съ Евфросиніей. Передъ отъѣздомъ изъ Москвы онъ бросился къ ногамъ Екатерины, прося ее отнестись благосклонно къ этому союзу.

VI.

Евфросинья пріѣхала въ Петербургъ 15 апрѣля 1718 года и вызвала общее любопытство, перешедшее скоро въ недоумѣніе. Какъ, это въ нее то царевичъ, такъ сильно влюбился **). Ее заключаютъ въ крѣпость, подвергаютъ нѣсколькимъ допросамъ и вдругъ разносится слухъ, что и царевичъ арестованъ. До тѣхъ поръ онъ сохранялъ свободу, жилъ въ домѣ по сосѣдству съ дворцомъ и получалъ сорокъ тысячъ рублей пенсіи ***). Развѣ показанія этой дѣвки выяснили новыя данныя? Насколько извѣстно, нѣтъ. Живя въ Эрленбергѣ, царевичъ писалъ своимъ друзьямъ въ Россію. Сенату, архіереямъ, напоминая имъ о себѣ, писалъ и Императору, прося о защитѣ. Онъ говорилъ о мятежѣ въ русской арміи, расквартированной въ Мекленбургѣ, о бунтахъ въ окрестностяхъ Москвы, и радовался этимъ новостямъ, извѣстнымъ ему изъ газетъ. Въ Неаполѣ онъ продолжалъ переписку и неумѣстныя замѣчанія. Онъ объявлялъ, что намѣренъ бросить Петербургъ, когда власть перейдетъ къ нему, и жить зимой въ Москвѣ, лѣтомъ въ Ярославлѣ, что кораблей имѣть не хочетъ, а войскъ сохранить только немного для обороны страны.

Узнавъ о болѣзни маленькаго Петра Петровича, онъ сказалъ любовницѣ: „Ты видишь, батюшка по своему хочетъ, а

*) Письмо приведено у Костомарова (Царевичъ Алексѣй въ Старой и Новой Россіи, 1875, январь—февраль); у Устрялова его нѣтъ.

**) Де-Ви Генеральнымъ Штатамъ, 29 апрѣля 1718. Архивы Гааги.

***) Сборникъ, т. XXXIV, стр. 331.

Богъ по своему⁴⁴. Наконецъ, увидя, что Императоръ его покинулъ, онъ думалъ отдаться подь покровительство Паны. Все это слухи. И Петръ самъ сначала такъ мало имъ придавъ значенія, что только черезъ два мѣсяца Алексѣй былъ арестованъ. Въ промежуткѣ его допрашивали, безъ сомнѣнія, о разныхъ подробностяхъ, сообщенныхъ его любовницей, быть можетъ даже пускали въ ходъ мѣры принужденія, къ которымъ такъ привыкъ его отецъ. Въ маѣ онъ сопровождалъ царя въ Петергофъ навѣрно не для развлечения. Позднѣ одинъ крестьянинъ графа Муслинъ-Пушкина былъ осужденъ на каторгу за то, что разказалъ, какъ будучи въ деревнѣ съ государемъ, царевичъ былъ проведенъ въ уединенную постройку, откуда послышались крики и стоны⁴⁵). Но до 14 июня Алексѣй оставался на свободѣ.

Наканунѣ этого дня Петръ снова созвалъ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ и вручилъ имъ декларацію, въ которой, взывая къ ихъ правосудію, просить разсудить его съ сыномъ, нарушившимъ ихъ договоръ, скрывъ часть истины. Очевидно государь нашель въ показаніяхъ Евфросиніи предлогъ для возобновленія, кончившагося въ Москвѣ, процесса. Но почему искалъ онъ этого предлога? Быть можетъ онъ убѣдился, что новое положеніе бывшего наслѣдника грозитъ опасностями. И нашель подобное положеніе недопустимымъ. Но можетъ быть онъ просто поддался увлеченію, ужасному очарованію процедуры убійства и снова захотѣлъ ее привести въ дѣйствіе. Я вѣрю охотно, что его самого затянуло въ колесо. Его инстинкты инквизитора, деспота, неумолимаго судьи возбуждены. Опъ виѣ себя отъ ярости.

Въ собраніи, къ которому онъ обратился, духовенство въ большомъ затрудненіи; черезъ пять дней оно выпутывается, призывая Ветхій и Новый Заветъ поочередно, первый даетъ примѣры, разрѣшающіе отцу карать сына, второй приводитъ иныя, болѣе мягкіе, говоритъ о милосердіи въ притчѣ о блудномъ сынѣ, о женщинѣ, уличенной въ прелюбодѣянніи. Сенатъ просить болѣе подробныхъ инструкцій. Безъ сомнѣнія, Петръ только того и хочетъ; для Алексѣя же это неминуемая ги-

*) Русскій Вѣстникъ, 1861, № 21.

бель. Ужасная машина страданія и смерти не выпустить больше добычу.

Послѣ новаго появленія передъ высокимъ собраніемъ, давшимъ лишь подтвержденіе прежнихъ признаній: все та же однообразная и незначительная исторія о сношеніяхъ со сторонниками стараго порядка, о надеждахъ, сообща питаемыхъ,—19 іюня Царевичъ впервые подвергнуть пыткамъ. Двадцать пять ударовъ кнута и новое признаніе: Алексѣй желалъ смерти отца. Онъ каялся въ этомъ духовнику и получилъ отвѣтъ: „Богъ тебя проститъ, мы всѣ ее желаемъ“. Допрошенный въ свою очередь Игнатевъ подтверждаетъ показаніе. Но въ немъ вѣдь только доказательство преступной мысли. Этого недостаточно. Черезъ три дня Царевичу предложено три вопроса: „почему онъ не повиновался отцу? Какъ не боялся онъ наказанія, котораго долженъ былъ ожидать? Почему думалъ онъ получить отцовское наслѣдство незаконными путями?“ Алексѣй съ этой минуты чувствуетъ, что стоитъ надъ бездной, которая его поглощаетъ. У него теперь только одна забота: обфлить Евфросинію. Говорятъ, его поставили съ ней на очную ставку и онъ услышалъ изъ ея устъ лживыя, обвиняющія его слова. Все равно, онъ ее любитъ и будетъ любить до могилы. Онъ топить всѣхъ и себя самого, но ее упорно выгораживаетъ. Она ничего не знала, ничего не дѣлала; она всегда подавала ему хорошіе совѣты, которымъ онъ къ несчастію не слѣдовалъ. Его отвѣты, проникнутые этой одной заботой, обнаруживаютъ всю жалкую агонію его души: „Меня воспитывали женщины и научили только притворству, къ которому я, правда, имѣлъ прирожденную склонность. Я не хотѣлъ работать, какъ требовалъ отъ меня отецъ. Вяземскій и Нарышкинъ въ свою очередь толкали меня только къ болтовнѣ да къ шпьянству съ попами и монахами. Только Меншиковъ и училъ меня добру. Такъ мало-по-малу не только приближенные отца, но и онъ самъ стали несправедливы; пребываніе за границей, куда послалъ меня отецъ для моего же добра, не успѣло меня исправить. Если я недостаточно боялся его справедливаго гнѣва, то въ этомъ виновата моя дурная природа. Съ дѣтства я сбился съ добраго пути, и не желая слѣдовать за отцомъ, принужденъ былъ искать иного пути“.

Толстой, исполнявшій обязанности слѣдователя, неудовлетворенъ этимъ нитьемъ. Ему хотѣлось бы чего нибудь болѣе опредѣленнаго, какого нибудь факта, на которомъ можно бы построить обвиненіе. Настойчивостью онъ добивается, вырываетъ у несчастнаго новое признаніе: „онъ воспользовался бы помощью Императора, чтобы силой завладѣть короной“. Но была ли ему предложена эта помощь? Нѣтъ. Слѣдствіе возвращается къ исходной точкѣ. Все грѣшныя намѣренія, преступныя мысли, и ни одного дѣйствія. Надо еще постараться. 24 іюня новая пытка. Пятнадцать ударовъ. Результатъ: ничего. Обвиняемый довѣрялъ Стефану Яворскому, архіерею-фрондеру, но никогда даже не разговаривалъ съ нимъ. Другіе указывали на того, какъ на сочувствующаго ихъ дѣлу. Все кончено. Ни кнутъ, ни дыба ничего больше не дадутъ. Приходится сдѣлать заключеніе.

Каково оно будетъ? Сомнѣваться невозможно. Недопустимо, чтобы работали такъ много понапрасну. Недопустимо, чтобы Царевичъ былъ преданъ въ руки палача, а потомъ бы оказался оправданнымъ и вышелъ изъ тюрьмы, вынося наружу спину, исполосованную кровавыми шрамами, ужасное свидѣтельство отцовской низости. Но осмѣлится ли Петръ?

Герой легенды десятаго вѣка, Василій Буслаевичъ въ борьбѣ съ Новгородцами, поднимаетъ мечъ на родного отца. Чтобы удержать его, мать хватается его сзади за полы одежды, и герой говоритъ ей: „Ловка ты, старая. Слумѣла съ моей силой справиться. Кабы ты подошла ко мнѣ спереди, не пощадилъ бы тебя, государыня матушка, убилъ бы, какъ мужика новгородскаго!“ Петръ изъ той же расы; онъ послѣдній представитель эпического цикла свирѣпыхъ воиновъ, но позади него нѣтъ никого, кто его удержалъ бы. Несмотря на отсутствіе уликъ противъ него, Алексѣй, однако, лицетворяетъ въ глазахъ Реформатора враждебную партію, противъ которой ему пришлось бороться двадцать лѣтъ. Это не сынъ уже, это противникъ, мятежникъ, лицомъ къ лицу встрѣченный мужикъ новгородскій. А потомъ отъ Петербурга до Москвы слѣдствіе пролило вокругъ главнаго обвиняемаго море крови. Двадцать шесть женщинъ и множество мужчинъ стонало подъ

плетью, корчилились надъ пылающими жаровнями *). Несчастные слуги, которые сопровождали Алексѣя за границу, не сомнѣваясь, что исполняютъ только свой долгъ, биты кнутомъ, вздерпнуты на дыбу, сосланы въ Сибирь, такъ какъ неприлично было бы, говорить приговоръ, оставлять ихъ жить въ Петербургѣ!“ **). На многіе мѣсяцы усилился въ столицѣ терроръ. „Городъ этотъ, писалъ Лави въ январѣ 1718 года, сталъ словно зловѣщимъ, благодаря такому множеству приговоровъ; всѣ какъ будто заражены; здѣсь можно быть только или обвинителемъ или обвиняемымъ“. Петръ зараженъ также. Онъ обезумѣлъ отъ пролитой крови.

Высшее судилище, составленное изъ сенаторовъ, важнѣйшихъ сановниковъ, высшихъ чиновъ гвардіи, (духовенство исключено, какъ уклоняющееся повидимому) призвано произнести приговоръ. Сто двадцать семь судей. Всѣ знаютъ, какого вердикта отъ нихъ ждуть, и ни одинъ неспособенъ отказать подать свой голосъ за угаданную волю монарха. Отказался подписаться только одинъ гвардейскій лейтенантъ: онъ не умѣлъ писать. Процессъ приходитъ къ роковому концу. 24 іюня вынесенъ приговоръ: смерть.

Но драма, однако, не кончена. Она усложняется послѣднимъ эпизодомъ, самымъ мрачнымъ, одной изъ самыхъ темныхъ загадокъ исторіи. Приговоръ въ исполненіе не приведенъ. Алексѣй умеръ раньше, чѣмъ отецъ рѣшилъ дать совершиться правосудію или оказать милость. Какъ онъ умеръ?

VII.

Официальная версія такова: „Выслушавъ чтеніе приговора, Царевичъ былъ пораженъ чѣмъ-то вродѣ апоплексическаго удара; приведенный въ чувство, онъ пожелалъ увидѣть отца, еще разъ въ его присутствіи покаялся въ своихъ пре-

*) Семевскій, Замѣтки къ шестому тому Устрялова; Русское Слово, 1860, № 1, стр. 39—45.

**) Brückner, Der Tsarevitch Alexei, стр. 207.

ступленіяхъ, получилъ его прощеніе и черезъ нѣсколько минутъ испустилъ послѣдній вздохъ“. Петръ, какъ утверждаютъ документы, исходящіе изъ того же источника, былъ склоненъ помиловать его, но „въ этой неувѣренности и неприятномъ волненіи Всемогущему Господу, святыхъ рѣшенія котораго всегда справедливы, угодно было по Своей божественной добротѣ избавить государя и его имперію отъ всякаго страха и отъ всякой опасности“. Затѣмъ тѣло царевича было въ продолженіи недѣли выставлено на показъ, „съ разрѣшеніемъ всѣмъ его осматривать, дабы убѣдиться, что онъ умеръ естественной смертью“ *).

Итакъ, естественная смерть царевича вызывала сомнѣнія. Во всѣхъ другихъ современныхъ разсказахъ объ этомъ событіи мы находимъ не только сомнѣнія, но категорическое утвержденіе, что развязка была совсѣмъ иная. Разногласія вызывалъ только видъ насильственной смерти. Имперскій резидентъ Плейеръ утверждаетъ, что царевичу отрубили голову въ тюрьмѣ, а Шереръ называетъ даже палача, генерала Вейде. По разсказамъ, нѣкую дѣвицу Крамеръ, дочь одного нарвскаго горожанина, заставили пришить голову казненнаго къ туловищу такъ, чтобы не было замѣтно слѣда убійства **), что не помѣшало ей позднѣе сдѣлаться придворной дамой великой княжны Натальи, дочери убитаго. Штелинь говоритъ только, что ей было поручено одѣть тѣло Царевича, и не можетъ объяснить ничѣмъ инымъ ея участія въ этомъ дѣлѣ ***). Генрихъ Брюсъ разсказываетъ исторію о питъѣ для больного, потребованномъ генераломъ Вейде у дрогиста Бэра, который поблѣднѣлъ какъ полотно, прочтя рецептъ *†). Въ одномъ сборникѣ анекдотовъ, изданномъ въ Англіи, высказывается предположеніе о ядѣ, которымъ была

*) Докладъ, представленный Куракиннмъ правительству Соединенныхъ провинцій 6 августа 1718 г. Архивъ Гааги. Точно донесеніе о томъ, что произошло по поводу осужденія Царевича Алексѣя и объ обстоятельствахъ его смерти, с. 1. 1718. (Официальное изданіе).

**) Долгоруковъ, Воспоминанія, т. I, стр. 10.

***) Анекдоты, стр. 322.

*†) Воспоминанія, стр. 186. Подлинность этихъ воспоминаній оспаривается.

пропитана, переданная Алексѣю, бумага съ приговоромъ суда *). Письмо Алексѣя Румянцева, распространявшееся въ многочисленныхъ рукописныхъ копіяхъ, гораздо убѣдительнѣе. Авторъ рассказываетъ въ немъ одному изъ своихъ друзей, Дмитрію Титову, что Царевичъ погибъ по приказанію царя и что онъ былъ задушенъ подушками; исполнителями монаршей воли были Бутурлинъ, Толстой, Ушаковъ и самъ авторъ письма. Но подлинность этого документа оспаривалась (между прочимъ и Устряловымъ) и подлежитъ сомнѣнію. Де-Ви и Тильбоа настаиваютъ, что Царевичу вскрыли вены ланцетомъ, но они собирали только слухи. Самые подробные рассказы принадлежатъ Лефорту, сдѣланному въ послѣдствіи совѣтникомъ при Саксонскомъ посольствѣ, а въ то время находившемуся на службѣ у царя, и графу Рабютену, занявшему позднѣе должность резидента вмѣсто Плейера, Эти рассказы расходятся между собой только въ мелочахъ. „Въ день смерти Царевича,—рассказываетъ Лефортъ,—царь въ сопровожденіи Толстого отправился въ четыре часа утра въ одинъ изъ сводчатыхъ казематовъ крѣпости, гдѣ были подпорки и всѣ другія приспособленія для наказанія кнутомъ. Туда же привели несчастнаго, котораго подняли и осыпали ударами кнута, при чемъ,—чему я не могъ повѣрить, хотя меня и увѣряли въ этомъ,—отецъ нанесъ ему первые удары. Въ десять часовъ утра снова повторили ту же экзекуцію, а къ четыремъ часамъ дня онъ былъ такъ замученъ, что умеръ подъ кнутомъ“ *). Рабютенъ болѣе рѣшителенъ и говорить объ участіи въ дѣлѣ Екатерины. Петръ ударилъ, и, „такъ какъ онъ не умѣлъ хорошо владѣть (кнутомъ), то нанесъ такой ударъ, что несчастный тотчасъ же свалился безъ памяти, и министры думали, что онъ умеръ“. Но Алексѣй былъ только въ обморокѣ, и, видя, что онъ пришелъ въ себя, Петръ уходя, съ досадою произнесъ: „Дьяволъ еще его не взялъ“. Очевидно, онъ рассчитывалъ возобновить пытку. Но Екатерина избавила его отъ этого труда. Узнавъ, что Царевичу лучше, она посовѣтовалась съ Толстымъ и послала

*) A select collection of singular histories, Londres, 1773, t. II, p. 123.

**) Herrman, Geschichte Russlands, t. IV, стр. 330.

къ заключенному придворнаго хирурга Гобби, который и открылъ ему вены. Увѣдомленный о смерти Царевича Петръ пришелъ, поглядѣлъ на тѣло, покачалъ головой, какъ-будто сомнѣвался въ томъ, что произошло, но ничего не сказалъ *).

Цѣнность этихъ свидѣтельствъ заключается въ ихъ ужасномъ соотвѣтствіи съ однимъ документомъ, истинность котораго неоспорима: съ дневникомъ петербургскаго гарнизона, веденнымъ изо дня въ день въ той самой крѣпости, гдѣ разыгралась вся драма **). Въ этомъ дневникѣ мы читаемъ слѣдующія подробности: „14-го іюня былъ устроенъ особый застѣнокъ въ казематѣ, смежномъ съ Трубецкимъ бастиономъ, гдѣ какъ разъ въ этотъ день былъ заключенъ Царевичъ. 19-го было два допроса въ этомъ застѣнкѣ, отъ двѣнадцати до часу дня и отъ шести до девяти часовъ вечера; на другой день былъ третій допросъ отъ восьми до одиннадцати часовъ вечера; 24-го было два допроса, одинъ отъ десяти часовъ утра до полудня, другой отъ шести до десяти часовъ вечера; 26-го былъ еще одинъ допросъ въ присутствіи самого царя, и въ тотъ же день въ шесть часовъ вечера Царевичъ скончался“.

Такимъ образомъ удостовѣренъ тотъ фактъ, что Алексѣя пытали даже послѣ приговора; впрочемъ, поступая такъ, его палачи, только слѣдовали обычному порядку уголовнаго судопроизводства того времени ***). Но при такомъ положеніи дѣла кажется непонятнымъ, съ одной стороны, зачѣмъ же нужно было Петру или Екатеринѣ прибѣгать къ другимъ способамъ, чтобы ускорить смерть ихъ жертвы, если достаточно было одного кнута; съ другой стороны, гипотеза о смерти, ускоренной чрезмѣрными пытками, приобретаетъ большую степень вѣроятности. Аналогичные случаи насчитываются тысячами въ судебныхъ лѣтописяхъ той эпохи, Алексѣй же, какъ извѣстно, не отличался очень крѣпкимъ сло-

*) Büschings-Magazin, т. XI, стр. 487.

***) Сохраняется въ библиотекѣ Петербургской Академіи наукъ.

***) Брюкнеръ (Der Tsarevitch Alexei, стр. 221) замѣчаетъ, что пѣтъ яснаго указанія именно на Царевича въ записи о допросѣ въ застѣнкѣ 26-го. Я не допускаю, чтобы чтеніе документа могло бы оставить на этотъ счетъ какія-либо сомнѣнія.

женіемъ. Еще въ 1714 году у него, по свидѣтельству де-Би, было что-то вродѣ паралича правой стороны *). Наконецъ, внезапный характеръ развязки, при возможномъ примѣненіи какого-либо насилія, топора, яда, или чрезмѣрныхъ пытокъ, кажется поставленнымъ внѣ всякаго сомнѣнія слѣдующимъ многозначительнымъ обстоятельствомъ. Донесеніе де-Би о происшедшемъ, перехваченное такъ же, какъ донесеніе Плейера, навлекло на него тяжкую немилость и повело за собой даже довольно вызывающее нарушеніе неприкосновенности жилища и его дипломатическихъ полномочій. Собранныя имъ свидѣтельства вызвали особое слѣдствіе, занявшееся главнымъ образомъ слѣдующимъ фактомъ: плотникъ, по имени де-Боллесъ, зять акушерки голландки Маріи ванъ-Гуссе, работалъ въ крѣпости во время заключенія тамъ Царевича. Кушанья, подаваемые Царевичу, приготовлялись въ его домѣ. На другой день послѣ смерти Алексѣя жена этого плотника рассказала своей матери, а та въ свою очередь женѣ резидента, что наканунѣ въ полдень царевичу подавали кушать какъ всегда. Она видѣла блюда, которыя принесли початыми. Она не придавала никакого значенія этой подробности: слѣдствіе же ей приписывало значеніе огромной важности. Двѣ несчастныя женщины, будучи допрошены, вѣроятно, подъ пыткой могли только повторять съ нѣкоторыми измѣненіями свои слова, и, такъ какъ впоследствии онѣ были освобождены, то правдивость ихъ словъ должна быть поставлена внѣ сомнѣній **). Но, если за нѣсколько часовъ до смерти Алексѣй былъ еще въ состояніи ѣсть, значить, смерть его была насильственной.

Я пропускаю многочисленныя легенды, сложившіяся по поводу ужасной драмы. Среди крестьянъ долго сохранялась увѣренность, что царевичъ, чудеснымъ образомъ спасшійся изъ рукъ своихъ палачей, живъ. Въ 1723 году появился даже мнимый Алексѣй въ Псковѣ, а въ 1738 году

*) Деша, задержанная 5-го мая 1712 года. Московскій архив.

**) О результатахъ слѣдствія см. у Устрялова, т. VI, стр. 299. Де Би съ своей стороны подтвердилъ свое донесеніе (Exhibition 8 августа 1718. Архивы Гааги).

другой же-Алексѣй въ Ярославлѣ. Въ сущности, я былъ бы даже склоненъ считать дѣйствительное существованіе фактовъ, повлекшихъ за собой гибель несчастнаго царевича, не имѣющимъ особаго значенія съ точки зрѣнія историка. Нравственная же отвѣтственность за нее лежитъ на Петрѣ. Въ этомъ процессѣ, гдѣ судили за одни только намѣренія, его собственное намѣреніе не вызываетъ сомнѣній: онъ хотѣлъ какимъ бы то ни было способомъ освободиться отъ сына, и этотъ зловѣщій поступокъ заклеилъ его павѣки. Его поведеніе послѣ происшедшаго также должно заставить умолкнуть всякія попытки къ его защитѣ. Въ дневникѣ петербургскаго гарнизона и въ частномъ дневникѣ Меншикова *) мы находимъ потрясающее описаніе его време-препровожденія въ первые дни послѣ прискорбной развязки:

„27-го іюня (на слѣдующій день послѣ смерти Царевича): Обѣдня и благодарственный молебенъ по случаю годовщины Полтавской битвы: артиллерійская стрѣльба въ присутствіи Его Величества... Въ девять часовъ вечера тѣло Царевича было перенесено изъ Трубецкаго бастиона въ домъ губернатора.

28-го іюня: Въ десять часовъ утра перенесеніе тѣла Царевича въ церковь св. Троицы, гдѣ оно было выставлено.

29-го іюня: Тезоименитство Его Величества. Спускъ въ адмиралтействѣ корабля „Лѣсная“, построенаго по плану Его Величества. Его Величество присутствовалъ на церемоніи со всѣми министрами. Очень веселились“.

Въ своихъ депешахъ отъ 4-го и 8-го іюля Плейеръ говоритъ также объ обѣдѣ, данномъ по тому же случаю въ Лѣтнемъ дворцѣ, о ночномъ празднествѣ и о фейерверкѣ. На вопросъ чиновъ дипломатическаго корпуса, по поводу траура, канцлеръ отвѣтилъ отрицательно, ибо Царевичъ умеръ преступникомъ. Имперскій резидентъ подтверждаетъ, что если Екатерина проявляла все-таки нѣкоторые признаки горя во время этихъ кошунственныхъ празднествъ, то Петръ все время продолжалъ казаться очень веселымъ. Даже отъ этого послѣдняго оскорбленія не

*) Сохраняется въ Государственномъ Архивѣ.

была избавлена плачевная судьба сына Евдокии; эта судьба была рядомъ сплошныхъ несчастій, и понятно, что искусство и поэзія нашли въ ней неисчерпаемый источникъ души раздирающихъ волненій. Къ очень интересному очерку Костомарова приложенъ снимокъ съ картины русскаго художника Ге: Петръ представляетъ своему сыну показанія Евфросиньи.

Что случилось съ этой послѣдней? Чтобы тамъ ни говорили, она получила плату за предательство. Она присутствовала при описи имущества Царевича, и значительная часть этого имущества досталась ей *). По донесенію Плейера, царь и царица были къ ней очень благосклонны, а, если вѣрить другимъ современникамъ, она вышла замужъ за офицера петербургскаго гарнизона, съ которымъ и прожила еще тридцать лѣтъ въ мирѣ и довольствѣ **).

А Петръ сохранилъ хорошее расположеніе духа. Черезъ мѣсяць послѣ смерти сына, въ письмѣ къ женѣ изъ Ревеля 1-го августа 1718 года, онъ вспоминаетъ о происшедшемъ веселымъ тономъ и съ видимымъ удовлетвореніемъ и утверждаетъ, что онъ открылъ факты, еще болѣе обвиняющіе покойнаго, чѣмъ тѣ, которые были открыты раньше. Алексѣй старался сговориться съ Карломъ XII ***). Къ концу года по приказанію государя была выбита медаль, на которой была изображена императорская корона, освѣщенная лучами солнца, пронизывающими облака. Внизу была сдѣлана слѣдующая надпись: Горизонтъ прояснился.

Да, Петръ расчистилъ свой горизонтъ; онъ обезглавилъ гидру оппозиціи; онъ поразилъ умъ своихъ подданныхъ ужасомъ еще сильнѣйшимъ, чѣмъ ужасъ, вызванный процессомъ стрѣльцовъ, и бодро продолжалъ свой путь. Хотя мрачный процессъ и не нарушилъ хода его занятій, такъ же какъ и его развлеченій, все-таки въ ходѣ дѣлъ произошло нѣкоторое замедленіе: съ 21 апрѣля по 21 іюня были опубликованы только двадцать одинъ указъ, причѣмъ въ промежутокъ съ 9 по 25 мая не вышло ни одного указа,

*) Устряловъ, т. VI, 571.

***) Büschings Magazin, т. XV, стр. 235.

***) Соловьевъ, т. XVII, стр. 232.

тогда какъ обыкновенно они выпускались почти каждый день. Но потомъ Петръ удвоилъ ихъ число. Онъ могъ теперь издавать законы, у него была надежда, что теперь ему будутъ повиноваться лучше, чѣмъ прежде!

Но онъ взволновалъ общественное мнѣніе, по крайней мѣрѣ, за предѣлами своей страны, и ему не удалось измѣнить его, несмотря на огромное количество официальныхъ оправдательныхъ рѣчей: манифестовъ, „точныхъ и достоверныхъ донесеній“ и щедро оплачиваемыхъ газетныхъ статей. Уже спустя сорокъ лѣтъ онъ подвергъ жестокому испытанію совѣсть наименѣ щепетильнаго изъ европейскихъ публицистовъ. Вольтеръ писалъ конфиденціально Даламберу: „Царь Петръ меня мучаетъ; я не знаю, какъ мнѣ взяться за его сына; я отнюдь не думаю, чтобы какой-нибудь принцъ заслуживалъ смерть за то, что отправился путешествовать, когда его отецъ дѣлалъ то же съ своей стороны, или за то, что влюбился въ дѣвку“. Не будучи столь откровеннымъ съ Шуваловымъ, онъ старался опровергнуть Ламберти при помощи благопріятныхъ для него документовъ, которыми онъ замѣнилъ другіе, менѣ благопріятныя; однако, онъ объявилъ, что не можетъ выступить противъ Алексѣя изъ боязни прослыть историкомъ „трусливо пристрастнымъ“, и, будучи увлеченъ своимъ пыломъ публициста, онъ написалъ слѣдующую пламенную защитительную рѣчь:

„Послѣ четырехъ мѣсяцевъ уголовного процесса заставляютъ этого несчастнаго принца написать, что если бы нашлись мятежники, которые возстали бы, и если бы они его позвали, то онъ сталъ бы во главѣ ихъ. Кто считалъ когда-либо такое заявленіе имѣющимъ силу и принималъ его за настоящій документъ на судѣ. Кто судилъ когда-либо мысль, гипотезу, предположеніе о случаѣ, котораго не было? Гдѣ эти мятежники? Кто подвѣлъ оружіе? Кто предложилъ Царевичу стать во главѣ мятежниковъ? Кому онъ сообщалъ объ этомъ? Съ кѣмъ сводили его на очную ставку по поводу этого важнаго пункта?.. Не дадимъ ввести себя

*) Сводъ законовъ, 3193—3211.

въ обманъ... Я готовъ предстать предъ судомъ Европы, рассказывая это дѣло. Будьте увѣрены, сударь, что нѣтъ ни одного человѣка въ Европѣ, который думалъ бы, что Царевичъ умеръ естественной смертью. Всѣ только пожимаютъ плечами, когда слышать, что юноша двадцати трехъ лѣтъ умеръ отъ апоплексическаго удара при чтеніи приговора, который, какъ онъ долженъ былъ надѣяться, не будетъ приведенъ въ исполненіе. Поэтому-то и остереглись прислать мнѣ изъ Петербурга какія-либо записки объ этомъ роковомъ происшествіи“ *).

Долго спустя послѣ своей смерти несчастный Алексѣй нашель краснорѣчивѣйшаго изъ адвокатовъ, а Петръ страшнаго обвинителя. Чтеніе Исторіи Россіи, къ несчастью, доказываетъ, что графъ Шуваловъ нашель впоследствии, не въ Петербургскихъ архивахъ, конечно, доказательства, способныя поколебать убѣжденіе защитника и заставить его перемѣнить мнѣніе. Но защитительная рѣчь и обвинительный актъ остаются; они останутся навѣки выразителями общественнаго мнѣнія по поводу этого процесса, и Петръ вѣчно будетъ нести на себѣ ихъ бремя.

Я охотно признаю, что онъ въ силахъ выдержать это бремя не согнувшись.

Онъ убилъ своего сына. Для этого нѣтъ никакихъ оправданій. Я отрицаю и отрицаю доказательства политической необходимости, вызванной самообороной. Отвѣтомъ па такой аргументъ служить фактъ: Такъ какъ Петръ не желалъ видѣть этого сына своимъ наслѣдникомъ, то кому оставилъ онъ свое наслѣдство?—На произволь судьбы. Екатерина овладѣла имъ при помощи дворцовой интриги. Въ продолженіе полувѣка Россія находилась во власти случайностей и въ рукахъ авантюристовъ. Вотъ для чего великій человѣкъ заставлялъ работать своихъ палачей. Но онъ былъ великъ и сдѣлалъ Россію Великой. Въ этомъ его единственное оправданіе.

*) Сочиненія, т. XII, стр. 255.

Г Л А В А Д Е В Я Т А Я.

Завѣщаніе Петра Великаго.—Заключеніе.

I. Смерть Петра.—II. Апокрифическое и настоящее завѣщаніе великаго человѣка.—III. Общій обзоръ.

I.

Петръ совершенно не считался съ возможностью историческаго возмездія послѣ своей смерти. Но за царевича Алексѣя вскорѣ отомстила сама судьба. Выбравъ наслѣдника согласно своему желанію, Петръ естественно долженъ былъ находить удовольствіе въ мысли, что, воспользовавшись свободнымъ временемъ, оставленнымъ ему въ то время войной, онъ можетъ и физически и морально воспитать по-своему это дитя любви. Онъ нѣжно любилъ своего меньшого сына. И вдругъ, 16-го апрѣля 1719 года, меньше чѣмъ черезъ годъ послѣ смерти другого сына, его поразилъ ударъ судьбы: сынъ Екатерины, маленькій Петръ Петровичъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней былъ унесенъ болѣзнію, и наслѣдникомъ отнынѣ дѣлался другой Петръ, сынъ Шарлотты и казненнаго Алексѣя.

Сначала Петръ казался взбѣшеннымъ этимъ рѣшеніемъ судьбы, разрушившимъ его планы. Окружающіе его, начиная съ Екатерины и Меншикова, также, конечно, были поражены. Тѣмъ не менѣе, государь пропустилъ почти два года, не принимая никакого рѣшенія. Только 11 февраля 1722 года былъ опубликованъ манифестъ, утверждавшій, ссылаясь на авторитетъ царя Ивана Васильевича, право царя назначать себѣ наслѣдника по собственному усмотрѣнію. Это былъ принципъ „правды воли монаршей“, догматически изложенный въ то время въ зна-

менитомъ произведеніи Теофана Прокоповича. Но тщетно въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ ожидали осуществленія этого принципа на практикѣ. Въ этомъ отношеніи ничего не послѣдовало дальше, если не считать неяснаго и различно толкуемаго указанія, въ видѣ коронованія Екатерины.

А между тѣмъ здоровье государя начинало внушать опасенія его близкимъ. Уже въ маѣ 1721 года Лефорть упоминаетъ объ астмѣ, сильно заставлявшей страдать Петра. Предполагали, что у него внутренній нарывъ. „Кромѣ этихъ недомоганій,—прибавляетъ дипломатъ,—приключилось въ Ригѣ, совершенно неподходящее и едва не доконавшее царя. Богъ знаетъ откуда оно взялось, замѣчено только, что одинъ изъ неряхъ казачковъ этого героя имѣлъ счастье заболѣть одновременно со своимъ господиномъ *). Царь находился въ агоніи въ теченіе семнадцати часовъ, и, едва поправившись, совершенно пересталъ беречься. Можно было только замѣтить, что онъ молился съ большимъ усердіемъ, чѣмъ прежде, каляся, часто опускался на колѣни и цѣловалъ землю.

Одаренный на рѣдкость крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, Петръ всегда слишкомъ многого отъ себя требовалъ. Онъ, что называется, жегъ свѣчу съ двухъ концовъ. Въ 1722 году во время персидскаго похода, появились первые признаки задержанія мочи, усилившіеся зимой 1723 года. Петръ не хотѣлъ лѣчиться и рѣшительно отказывался отдохнуть. Дѣло Монса, потомъ дѣло Меншикова, котораго Петръ долженъ былъ лишити мѣста президента Военной коллегіи изъ-за его грабежей, раздражали больного и этимъ ускоряли теченіе болѣзни. А онъ продолжалъ тратить свои силы безъ мѣры. Онъ ругалъ набитыми дураками и прогонялъ отъ себя ударами дубинки докторовъ, нѣмца Блюментроста и англичанина Паульсопа, рекомендовавшихъ ему умѣренность. Въ сентябрѣ 1724 года діагнозъ болѣзни выяснился окончателно: это былъ песокъ въ мочѣ, осложненный возвратомъ плохо вылѣченнаго веперического заболѣванія. Петръ страдалъ отъ жестокихъ болей въ поясницѣ, у него выдѣлялись довольно большіе камни,

*) Сборникъ, т. III, стр. 332.

а нѣсколько дней спустя—куски гноя. На ляжкахъ у него появились гноящіяся опухоли *). Все это не помѣшало ему поѣхать въ слѣдующемъ мѣсяцѣ осматривать работы на Ладожскомъ каналѣ. Онъ проводилъ очень холодныя ночи въ палаткѣ и ѣздилъ верхомъ по подмерзшимъ болотамъ **). Окончивъ осмотръ, онъ поѣхалъ на Олонецкіе желѣзодѣлательные заводы, потомъ на заводы въ Старой Руссѣ, гдѣ исполнялъ обязанности рабочаго. Наконецъ, въ половинѣ ноября онъ упрямо настоялъ на возвращеніи въ Петербургъ водой. По дорогѣ, возлѣ маленькаго городка Лахты онъ увидѣлъ сѣвшее на мель судно и на немъ солдатъ; положеніе было опасное. Петръ кинулся туда и попалъ по поясъ въ воду. Судно было спасено, но самъ онъ вернулся въ столицу въ жесточайшей лихорадкѣ и слегъ, чтобы больше уже не вставать. Проколъ, предписанный итальянскимъ докторомъ Лацаротти, былъ отложенъ до 23 января; а когда онъ былъ въ этотъ день произведенъ англійскимъ хирургомъ Хорномъ, то выяснилось, что положеніе безнадежно.

Петръ умеръ, какъ и жилъ, не уступая сразу, но успѣлъ еще разъ пожертвовать своимъ положеніемъ царя, ради своей маніи быть простымъ рабочимъ. Въ концѣ его жизни еще разъ обнаружилось то, что было героически чрезмѣрнаго, необдуманнаго и несоразмѣрнаго въ его всеобъемлющей работѣ. Онъ всегда упускалъ изъ виду ту истину, что героизмъ матроса и героизмъ главы государства очень различны между собой. Онъ спасъ барку и, быть можетъ, жизнь нѣсколькимъ людямъ, но оставилъ въ опасности огромный корабль и многочисленный экипажъ, которыми онъ командовалъ. Кто замѣнитъ его у руля? Объ этомъ ничего не было извѣстно. Онъ ничего не предусмотрѣлъ, ничего не узаконилъ и оказался неспособнымъ совершить передъ смертью послѣднее великое усиліе воли и сознанія, котораго отъ него въ правѣ были ожидать. Его

*) Кампредонъ, 30 сентября 1724 г. *Aff. étr. de France*. Рихтеръ въ своей „Исторіи медицины въ Россіи“ (т. III, стр. 84—94) отрицаетъ осложненія сифилитическаго происхожденія, но онъ можетъ сослаться только на авторитетъ анекдотиста Штелина.

**) Біографія Миниха, *Büschings Magazin*, т. III, стр. 401.

только что видѣли матросомъ за работой; теперь же всѣ видѣли передъ собой только обыкновеннаго умирающаго человека. Его смерть была смертью набожнаго сына православной Церкви, но не смертью царя. Съ 22 по 28 января онъ исповѣдывался и приобщался три раза; онъ проявлялъ признаки раскаянія; будучи соборованъ, онъ проявилъ большое душевное сокрушеніе и нѣсколько разъ повторялъ: „Я вѣрю, я надѣюсь“, но ни слова не сказалъ по поводу ужасной проблемы, волновавшей всѣ умы около его смертнаго ложа. Онъ сдѣлалъ несостоятельными принципъ, утвержденный его манифестомъ, и свое всемогущество, такъ высококомѣрно провозглашенное и такъ сурово защищаемое всю жизнь; онъ не выполнилъ самой существенной изъ своихъ обязанностей. Онъ не оставилъ завѣщанія. Казалось, что какая-то растерянность и нравственное безсиліе, уже неоднократно проявленныя имъ въ трагическія минуты жизни, еще разъ, передъ послѣднимъ испытаніемъ, сломили его умъ и мужество. Кампредонъ говорить о большомъ малодушіи, проявленномъ царемъ *). 27-го числа, въ два часа пополудня, онъ попробовалъ писать, но могъ только начертать слѣдующія слова: „Отдайте все...“ Въ этомъ еще разъ проявилась его манера кратко и въ общихъ чертахъ разомъ разрѣшать самые сложные и щекотливые вопросы, манера, которая часто бывала характерной чертой его начинаній. Немного позднѣе онъ велѣлъ позвать свою дочь Анну, выразивъ желаніе продиктовать ей свою послѣднюю волю. Она прибѣжала, но онъ больше не могъ произнести ни слова. А во время его агоніи Екатерина, заливавшаяся слезами у изголовья его ложа, время отъ времени вытирала глаза и выходила въ сосѣдную комнату, чтобы обсудить съ Меншиковымъ, Толстымъ и Бутурлинымъ способы и условія государственнаго переворота, долженствовавшего отдать въ ихъ руки власть. На другой день, 28-го января, въ шесть часовъ утра Петръ испустилъ послѣдній вздохъ, а черезъ нѣсколько часовъ послѣ этого въ Россіи было провозглашено новое правленіе, въ которомъ женское владычество соединилось съ военной олигархіей. Оно продолжалось до конца вѣка, и, если дѣло Петра и даже самое существованіе

*) Денеша 30 января 1725 года. Aff. étr. de France.

его страны не погибли окончательно во время этого долгаго испытанія, то это не было заслугой Петра. Счастье новой Россіи превзошло гений ея создателя.

Смерть великаго человѣка не вызвала тотчасъ же живыхъ и всеобщихъ сожалѣній. Въ широкихъ массахъ она скорѣе произвела впечатлѣніе, похожее нѣсколько на то, которое позднѣе надѣялся произвести своей смертью Наполеонъ. Россія также сказала: уфъ!.. Графъ Рабютенъ упоминаетъ даже о „всеобщей радости“ *). Теофанъ Прокоповичъ произнесъ, правда, пышный панегирикъ, но народное чувство выразилось гораздо искреннѣе въ гравюрѣ, изображавшей въ насмѣшливомъ и карикатурномъ видѣ, „Какъ мыши kota хоронили“ **). Народному чувству свойственна такая минутная безсовѣстность и неблагодарность, и въ послѣдствіи Россія уплатила свой долгъ памяти самаго доблестнаго и славнаго изъ своихъ сыновъ. Понятно, почему у отверстой могилы не пролились тотчасъ же слезы, болѣе искреннія, чѣмъ слезы Екатерины: слишкомъ много было крови вокругъ.

II.

Петръ не оставилъ завѣщанія. Говоря такъ, я не забываю о документѣ, который такъ усердно выдавался за завѣщаніе Петра и сопровождался многочисленными комментаріями ***). Но, не говоря ужъ о томъ, что этотъ документъ не имѣлъ никакого непосредственнаго практическаго значенія (въ немъ заключается программа отдаленнаго завоеванія Европы Россіей и никакихъ распоряженій относительно наслѣдованія престола), онъ былъ только мистификаціей. Я далекъ отъ слѣпнаго преклоненія передъ тѣмъ, что считается въ исторіи несомнѣннымъ. Слишкомъ часто моя вѣра въ эту несомнѣнность бывала по-

*) Büschings Magazin, т. XI, стр. 497.

**) Ровинскій, Русскія народныя картины, т. I, стр. 391—401.

***) Недавно еще этотъ документъ послужилъ одному талантливому публицисту темой для доказательства опасности франко-русскаго сближенія. (Libre Parole 4 сентября 1896 года).

колеблена при ближайшемъ разсмотрѣніи тѣхъ элементовъ, на основаніи которыхъ историки считали то или иное несомнѣннымъ. Но здѣсь очевидность мистификаціи вытекаетъ изъ такихъ доказательствъ, которыя исключаютъ всякое сомнѣніе.

Разсмотримъ сначала доказательства психологическія.

Петръ умеръ, не сдѣлавъ никакихъ распоряженій и не устроивъ даже ближайшаго будущаго оставляемой имъ въ наслѣдство своимъ преемникамъ страны. Можете ли вы представить себѣ, чтобы онъ заботился о судьбахъ Европы и Россіи черезъ сто лѣтъ послѣ его смерти? И чтобы забота эта была не только неясной мыслью, туманной грезой,—на это я счелъ бы его способнымъ,—но чтобы она проявилась методично и точно, указавъ даже этапы на пути, который долженъ быть пройденъ!.. Да еще какіе этапы въ этомъ странномъ маршрутѣ, съ какимъ начальнымъ пунктомъ! Не забудемъ, что Россія въ то время побѣдила Швецію при помощи доброй половины Европы, при помощи Саксоніи, Пруссіи, Даніи и Англіи, цѣною восемнадцати лѣтъ ожесточенныхъ усилій. Можно ли себѣ представить, чтобы Петръ въ своемъ воображеніи, какъ бы экзальтировано оно ни было, исходя изъ такихъ реальныхъ фактовъ, могъ дойти логическимъ и въ нѣкоторомъ родѣ математическимъ путемъ до мысли о завоеваніи Европы?

А Шевалье д'Эонъ или женщина, носившая это имя! Вы знаете, что первое секретное сообщеніе, доставленное въ копіи Версальскому кабинету, исходило отъ него, или отъ не я. Впослѣдствіи мемуары этой загадочной личности, опубликованные въ 1836 году Гальярде, распространили потрясающее разоблаченіе среди широкой публики. Откуда досталъ Гальярде эти мемуары? Въ 1836 году ему было двадцать пять лѣтъ, и онъ работалъ вмѣстѣ съ Дюма надъ „Нэльской башней“ (Tour de Nostle). Подлинныя мемуары д'Эона находятся въ архивахъ Орсейской набережной. Нужно ли добавлять, что они не имѣютъ ничего общаго съ тѣми мемуарами, которые приписывались д'Эону, и что въ нихъ и намекъ нѣтъ на какое-либо завѣщаніе? Напротивъ, они очень ясно свидѣтельствуютъ о такомъ направленіи ума автора, которое исключаетъ мысль о его знакомствѣ съ подобнаго рода документомъ. Д'Эонъ былъ

скорѣе противникомъ сближенія Франціи съ Россіей. Потому ли, что онъ считалъ эту послѣднюю державу опасной? Вовсе нѣтъ! Потому, что онъ считалъ ее величиной, не заслуживающей вниманія!

Я не знаю, откуда Гальярдѣ взялъ мемуары, которые ему угодно приписывать д'Эону или, пожалуй, я знаю это слишкомъ хорошо. Я знаю, откуда онъ взялъ знаменитое завѣщаніе. Здѣсь я перехожу къ вещественнымъ уликамъ. Первый разъ изложеніе этого документа встрѣчается въ книгѣ Лезюра: „О политикѣ и объ успѣхахъ русской державы“, изданной въ Парижѣ въ 1811 году. Дата изданія указываетъ достаточно ясно его характеръ, а вотъ еще болѣе изобличающая его подробность: Сэръ Робертъ Вильсонъ, агентъ англійскаго правительства при русскомъ Дворѣ, во время похода слѣдующаго года, упоминаетъ о многочисленныхъ экземплярахъ этого произведенія, найденныхъ въ вещахъ министра иностранныхъ дѣлъ герцога де Бассано *). Завѣщаніе было тамъ еще представлено просто какъ краткій сводъ секретныхъ замѣтокъ, сохранившихся въ частныхъ архивахъ русскихъ Государей. Произведеніе это было довольно скоро забыто, и до 1836 года европейская литература не упоминаетъ вовсе о документѣ пророческаго характера. Сопоставляя нѣкоторыя мѣста изъ „Современныхъ воспоминаній“ (Souvenirs contemporains) Вильмена „Мемуары“ графа Мольена, изъ „Посланія къ Сенату“ (Message au Sénat) и „Воспоминанія объ островѣ Св. Елены“ (Mémorial de Sainte-Hélène), Берггольцъ пришелъ къ заключенію, что авторомъ этого Свода, слегка измѣненнаго Гальярдѣ и превращеннаго въ Завѣщаніе, былъ никто другой, какъ Наполеонъ I *). Мнѣ остается прибавить еще всего одно слово. Во время полемики, поднявшейся относительно подлинности этого документа, отрицалось присутствіе въ архивахъ Орсейской набережной его копій, доставленной самимъ д'Эономъ или кѣмъ-

*) Private Diary, Лондонъ, 1861, т. I, стр. 258.

*) Napoléon I-er auteur du Testament de Pierre le Grand, Брюссель, 1863. См. также по этому поводу Ausburger Allgemeine Zeitung, ноябрь 1865 г. №№ 225—227.

либо другимъ *). Это прекрасно. Копія эта дѣйствительно тамъ находится; но вотъ отдѣлъ, гдѣ она помѣщена, и ея вышій видъ исключаютъ возможность заблужденій относительно ея даты и ея происхожденія: ее слѣдуетъ отнести ко времени второй Имперіи и Крымской кампаніи.

Я охотно готовъ сознаться, что весь этотъ споръ имѣетъ въ моихъ глазахъ только второстепенное значеніе и небольшой интересъ постольку лишь, поскольку можетъ служить для характеристики личности Петра, и не имѣетъ никакого значенія какъ матеріаль, изъ котораго можно дѣлать выводы съ болѣе общей точки зрѣнія о русскомъ могуществѣ и о русской политикѣ. Петръ не написалъ ни строчки изъ документа, прославившагося подъ его именемъ. Но онъ сдѣлалъ больше и лучше. Одиннадцать первыхъ параграфовъ Свода, опубликованнаго въ 1811 году, были признаны сравнительно точнымъ изложеніемъ политики, которой придерживалась Россія съ 1725 года, и развитія ея могущества. Вотъ истинное *Завѣщаніе* великаго человѣка, завѣщаніе, не сохраняющееся въ тайныхъ архивахъ, а начертанное при свѣтѣ дня, запечатлѣнное на скрижаляхъ исторіи современнаго міра въ присутствіи, въ качествѣ свидѣтельницы, всей Европы. Вотъ его дѣло, на которое я долженъ бросить еще одинъ общій взглядъ.

III.

Не безъ робости приступаю я къ этой дополнительной части моей работы. У подножія мавзолея, въ которомъ успокоились въ день погребенія останки человѣка, бывшаго самымъ яркимъ врагомъ спокойствія, какого когда-либо носила земля, находчивое вдохновеніе художника помѣстило символическое изображеніе скульптора и неоконченной фигуры, высѣкаемой изъ глыбы мрамора его рѣзцомъ. Латинская подпись прибавляетъ слѣдующее поясненіе, дышащее наивной искренностью:

*) Les auteurs du Testament de Pierre le Grand, Парижъ, 1877. (Анонимное сочиненіе).

„Пусть древность умолкнетъ; пусть Александръ и Цезарь уступать ему первенство. Побѣда была легка для вождей героя, командовавшаго непобѣдимыми войсками; но Тотъ, который отдохнулъ только въ могилѣ, нашелъ въ своихъ подданныхъ не людей, жаждущихъ славы, или искусныхъ въ военномъ дѣлѣ, или людей не боящихся смерти, но нашелъ дикихъ звѣрей, едва достойныхъ названія человѣка; и онъ сдѣлалъ ихъ цивилизованными существами, несмотря на то, что они были подобны своимъ соотечественникамъ медвѣдямъ, и несмотря на то, что они отказывались сдѣлаться образованными и цивилизованными при его помощи *).

Десять лѣтъ спустя этотъ первый приговоръ потомства былъ пересмотрѣнъ судьей, несомнѣнно компетентнымъ. Кронпринцъ прусскій, будущій Фридрихъ Великій, писалъ Вольтеру: „Счастливыя обстоятельства, благопріятныя событія и неосвѣдомленность иностранцевъ сдѣлали изъ царя героическую фигуру. Мудрый историкъ, бывшій отчасти свидѣтелемъ его жизни, нескромно приподнимаетъ покрывало и показываетъ намъ этого государя со всѣми человѣческими недостатками и съ немногими добродѣтелями. Это уже не всеобъемлющій умъ, все знающій и желающій все основательно изслѣдовать,—а человѣкъ, управляемый своими фантазіями, достаточно новыми для того, чтобы придать ему извѣстный блескъ и ослѣпить; это не безстрашный воинъ, не боящійся и не знающій никакихъ опасностей, но робкій, даже трусливый государь, котораго мужество оставляетъ во время опасности. Жестокій во время мира, слабый во время войны...“ **).

Я умолкаю. Такъ скоро начался вкругъ величественной памяти и такъ далеко зашелъ уже вѣчный споръ, нарушающій могильный покой великихъ мертвецовъ. За границей, особенно во Франціи, въ Англіи и даже въ Германіи, взяло верхъ отрицательное отношеніе къ Петру; оно началось съ Бюрне (Burnet) и Руссо, съ Фридриха и Кондильяка и черезъ де Мэстра и Кюстина дошло до временъ Леруа-Болье (Lerou-Beaulieu).

*) Голицынъ, Записки, стр. 118.

**) Remusberg, 113 nov. 1738. Вольтеръ, Сочиненія, т. X, стр. 45.

Въ Россіи общественное мнѣніе и историческая критика, которую оно до нѣкоторой степени вело за собой, принимали различныя направленія. Первымъ движеніемъ была рѣзкая реакція, проявившаяся въ страстномъ поклоненіи осужденному реформами прошлому и нашедшая выраженіе въ книгѣ Болтина. Царствованіе Елизаветы и особенно царствованіе Екатерины положили ей конецъ, и въ книгѣ Голикова слышится отзвукъ всеобщаго энтузіазма, вызваннаго продолжательницей великаго царствованія. Въ началѣ девятнадцатаго вѣка послѣдовало возвращеніе реакціонныхъ идей подѣ двойнымъ вліяніемъ французской революціи и гегемоніи Наполеона: революціонныя попытки вызывали неодобреніе; національное чувство пробудилось какъ въ Россіи, такъ и въ Германіи; съ одной стороны зарождается славянофильство, съ другой германофильство. Петръ и его дѣятельность осуждены. Потомъ опять происходитъ полная перемѣна. Мнѣнія о Петрѣ получаютъ дальнѣйшее развитіе. Нѣкоторые изъ представителей славянофильской школы доходятъ до того, что сами начинаютъ смягчать свой обвинительный приговоръ. Петра не обвиняютъ больше въ томъ, что онъ отвратилъ Россію отъ ея естественныхъ и болѣе счастливыхъ путей, бросивъ ее въ объятія чуждой и испорченной цивилизаціи. Онъ былъ только неправъ, форсируя событія и нарушивъ этой поспѣшностью и ея неизбежнымъ орудіемъ—насіемъ хода эволюціи, которая совершилась бы и безъ него, но болѣе медленно и менѣе болѣзненно. Это приблизительно точка зрѣнія, которой придерживался Карамзинъ въ послѣдніе годы своей жизни. Если бы Петръ не обрушился на свою страну подобно урагану, безжалостно вырывая изъ родной почвы всѣ зачатки туземной культуры и замѣняя ихъ безо всякаго разбора сѣменами, собранными во всѣхъ концахъ Европы, отрывками ея разсужденій, лохмотьями ея одеждъ, обломками ея учреждений, крошками ея стола,—его дѣятельность не пробудила бы ни въ одной русской душѣ ни страха, ни отвращенія. Но, жестокой и неразумительный, грубой и циничный, думающій, что можно цивилизовать народъ ударами двухпудовой дубины, онъ могъ внушить стремленіе къ образованію и любовь къ наукѣ только отдѣльнымъ рѣдкимъ лицамъ. Остальныхъ онъ

только напугалъ и оглушилъ, и надолго заставилъ ихъ застыть на мѣстѣ въ оцѣпенѣніи и ужасѣ.

Въ сравнительно недавнюю эпоху одинъ важный русскій сановникъ вздумалъ вознаградить своихъ крестьянъ за хорошее поведеніе, устройвъ имъ школу. Школа пустовала. Когда жертвователю сталъ настаивать на ея посѣщеніи, то ему удалось только добиться коллективнаго выступленія крестьянъ, пришедшихъ просить пощады: „Мы всегда были тебѣ вѣрными слугами; за что же, батюшка, ты хочешь насъ наказать?“

Вотъ представленіе о цивилизаціи, которое Петръ вложилъ въ умы своихъ мужиковъ *).

Поставленный въ эти предѣлы славянофильскій тезисъ замѣтно приближается къ точкѣ зрѣнія, усвоенной вообще западной критикой. Я готовъ признать справедливость такой точки зрѣнія, но исключивъ вопросъ о личной отвѣтственности Петра, или, по крайней мѣрѣ, сведя ее къ опредѣленнымъ размѣрамъ. Мнѣ казалось бы также, что при опредѣленіи этой отвѣтственности слѣдуетъ имѣть въ виду цѣлый рядъ смягчающихъ вину обстоятельствъ. Представленіе о человѣкѣ съ историческимъ назначеніемъ, объ избранникѣ, оказывающемъ на ходъ человѣческихъ дѣлъ и на естественное развитіе народовъ рѣшающее вліяніе по своему усмотрѣнію, мнѣ кажется, въ наше время уже отвергнутымъ исторіей и отношеннымъ къ числу романическихъ вымысловъ. Современный умъ считается съ наличностью коллективныхъ силъ, составляющихъ среду для великихъ актеровъ человѣческой драмы и увлекающихъ ихъ. Дѣйствіе этихъ силъ въ достаточной степени очевидно въ жизни и дѣятельности Петра. Его образовательная программа была создана не имъ самимъ. Одинъ ли онъ выполнилъ ее? Мы видимъ, что онъ былъ возведенъ на престолъ опредѣленной партіей; мы видимъ затѣмъ, что онъ окруженъ группой людей, воодушевлявшихъ его и управлявшихъ его первоначальными дѣйствіями: Лефортъ, Виніусъ. Онъ даже не самъ лично вызвалъ этихъ иностранцевъ изъ Швейцаріи или изъ Голландіи. Онъ нашелъ ихъ на мѣстахъ, уже расположенными играть роль, соотвѣтствующую ихъ

*) Е. Мамоновъ, Русскій архивъ, 1873, стр. 2503.

происхожденію и ихъ естественнымъ наклонностямъ, готовыми выйти на сцену. Кромѣ того, вокругъ него были не одни только иностранцы! Курбатовъ былъ русскимъ такъ же, какъ Меншиковъ и Демидовъ. Но, скажутъ мнѣ, Сѣверная война и ея вліяніе на ходъ преобразовательнаго движенія? Я призналъ это вліяніе. Но я долженъ былъ также признать, что, ринувшись въ эту войну, Петръ шелъ по намѣченному уже пути. Россія стремилась къ Балтійскому морю гораздо раньше него. Она начала вооружаться тоже гораздо раньше него. А если она начала вооружаться, то, значить, хотѣла сражаться. Но темпераментъ, характеръ, личное воспитаніе великаго человѣка? Я принялъ во вниманіе также и эти элементы. Только я постарался въ то же время показать, откуда они происходили. Я указалъ ясно на Слободу, эту первую воспитательницу юнаго царя. Развѣ Петръ выстроилъ ее тамъ, на порогѣ старой столицы? Я обратилъ вниманіе читателя на суровость, на дикую энергію, такъ ясно видимыя въ душѣ и плоти того народа, изъ котораго вышелъ великій человѣкъ. Онъ ли одинъ вышелъ изъ этого народа въ то время? Развѣ Меншиковъ не походилъ на Петра настолько, что его порой можно было принять за двойника царя? А остальные, Ромодановскій со своими кровожадными вспышками, Шереметевъ со своей героической выдержкой? Наконецъ, я готовъ даже признать Петра одинокимъ и единственнымъ въ своемъ родѣ, явившимся внѣ связи со всѣмъ окружающимъ, упавшимъ съ неба, подобно аэролиту и увлекшимъ окружающіе элементы быстротой своего паденія и тяжестью своей массы. Допустимъ, что я даже согласился бы осудить духъ цѣлаго народа, способнаго быть до такой степени терпѣливымъ, согласился бы вычеркнуть его прошлое и сдѣлать этотъ самый народъ отвѣтственнымъ за насильственный характеръ переворота. Но я совершенно не усматриваю изъ исторіи того цѣлаго, о которомъ идетъ рѣчь, чтобы его было такъ легко привести въ движеніе и заставить слѣдовать за собой. Русскому народу послѣ Петра пришлось видѣть во главѣ правленія двухъ сумасшедшихъ, или почти что сумасшедшихъ. Но онъ, тѣмъ не менѣе, не совершалъ безумствъ. Онъ чуть-чуть только уклонился отъ своего пути. Этотъ путь былъ намѣченъ до Петра,

и его направлѣніе не измѣнилось послѣ смерти Петра. Дѣло Реформатора не умерло съ прекращеніемъ его земного существованія; оно продолжало развиваться, несмотря, на то, что среди его прямыхъ наслѣдниковъ были люди незначительные и недостойные. Оно сохранило тотъ же характеръ и осталось попрежнему бурнымъ, доходящимъ до крайностей и поверхностнымъ. Нужны ли другія доказательства, чтобы опредѣлить его происхожденіе и признать, что это дѣло было дѣтищемъ всей Россіи?

Петръ былъ сыномъ своего народа и своего времени. Онъ явился во время. Въ одной народной пѣснѣ той эпохи говорится о печали неизвѣстнаго героя, страдающаго отъ избытка силъ, которыя его подавляютъ и которыя онъ не знаетъ къ чему приложить. Это образъ и жалоба цѣлаго народа. Въ Россіи того времени билъ черезъ край избытокъ физической и нравственной энергіи, осужденной на бездѣйствіе, вслѣдствіе отсутствія общественной жизни. Героическія времена прошли; герои отжили свой вѣкъ. Петръ явился кстати, чтобы дать работу этимъ силамъ. Онъ былъ неистовъ и грубъ. Но не надо забывать, что ему приходилось имѣть дѣло съ людьми совсѣмъ иными чѣмъ тѣ, къ которымъ мы привыкли, съ людьми, отличающимися силой и выносливостью, о какихъ намъ трудно даже составить себѣ представленіе. Берггольцъ, находясь въ Москвѣ въ 1722 году, видѣлъ казнь трехъ разбойниковъ, приговоренныхъ къ колесованію. Самый старшій умеръ черезъ пять или шесть часовъ пытокъ; два другихъ помоложе еще были живы. Одинъ изъ нихъ съ большимъ трудомъ поднялъ сло-манную руку, чтобы высморкаться въ рукавъ; затѣмъ, увидѣвъ, что при этомъ движеніи нѣсколько капель крови упало на колесо, къ которому онъ былъ привязанъ, онъ снова поднялъ изувѣченную руку, чтобы вытереть кровь *). Можно рискнуть на многое съ молодцами такого сорта, и можно отъ нихъ получить. Но если дѣло зайдетъ о противорѣчій ихъ природнымъ наклонностямъ, ихъ инстинк-

*) Büschings Magasin, t. XX, p. 540.

тамъ, и ихъ предрасудкамъ, то совершенно ясно, что съ ними ничего не достигнешь мѣрами кротости.

Петръ былъ циникъ и развратникъ. Та смѣсь туземной дикости и западной развращенности, которую ставятъ ему въ вину хулители его дѣятельности, прежде всего обнаруживалась отталкивающими внѣшними чертами въ немъ самомъ. Откуда взялась въ немъ эта дикость и развращенность? Мы видимъ, что онъ были у него гораздо раньше его перваго пребыванія за границей. Супружескія несчастья Евдокіи и триумфы Монсъ предшествовали великому путешествію. Молодому царю достаточно было перейти ручей, чтобы у воротъ древняго московскаго Кремля найти наполовину законченное уже отвратительное сляніе русскихъ и иноземныхъ порочныхъ элементовъ въ оградѣ Нѣмецкой слободы. Пусть при немъ развращенность усилилась, но, съ другой стороны, подавая примѣръ прекраснѣйшихъ добродѣтелей, развѣ не далъ онъ окружающимъ средства возвыситься, какъ сдѣлалъ это онъ самъ?

Петръ, наконецъ, былъ нетерпѣливъ и горячъ. Я убѣжденъ въ томъ, что въ этомъ отношеніи его умъ, его характеръ и его темпераментъ были опять-таки только выраженіемъ состоянія коллективной души Россіи; его порывистая, пылкая и лихорадочная дѣятельность была слѣдствіемъ явленій общаго порядка. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что онъ самъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ своемъ дѣйствительномъ положеніи, въ своей роли волны во время прилива, которая увлекаетъ за собой другія волны, и которую въ свою очередь уноситъ валъ подъ вліяніемъ отдаленныхъ и неподлежащихъ учету силъ. Его ошибку раздѣляли знаменитые его соревнователи, и въ тотъ моментъ даже прозорливые свидѣтели могли ошибиться. На разстояніи же гораздо легче выяснитъ истинное положеніе вещей. Приливъ сразу бросается въ глаза, и ходъ явленія вырисовывается отчетливо.

Ходъ событій русской исторіи опредѣлялся, мнѣ кажется, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ; былъ замедленъ надолго и потомъ снова ускоренъ совокупностью причинъ, совершенно независящихъ отъ воли одного или нѣсколькихъ

человѣкъ. Вотъ поэтому-то отвѣтственность какъ личная, такъ и родовая, должна быть, какъ мнѣ кажется, почти всецѣло исключена изъ этого обсуждения.

Хотя эволюція, которая ввела, или, вѣрнѣе, вернула Россію въ семью европейскихъ народовъ, подготовлялась издавна, тѣмъ не менѣе при Петрѣ она приобрѣла стремительный характеръ потому, что того требовали историческія условія развитія страны. Дѣло цивилизаціи, рѣзко остановленное въ XIII вѣкѣ, только въ концѣ XVII вѣка встрѣтило обстоятельства, благопріятствовавшія возобновенію его поступательнаго движенія. И, найдя при этомъ проторенные пути, дѣло это естественно ускорило свой ходъ и такъ же естественно паправилось по прорытому передъ нимъ руслу, отказываясь открывать новые и особенные пути.

Впрочемъ, то, что происходило въ этомъ отношеніи въ Россіи въ области моральной, и теперь постоянно происходитъ тамъ на нашихъ глазахъ въ области матеріальной. Въ этой странѣ все дѣлается порывисто. Періодъ развитія растительности тамъ гораздо короче, чѣмъ въ другихъ странахъ, и, это отражается на способахъ сельскохозяйственной культуры. Пахота можетъ начаться только въ маѣ мѣсяцѣ, и меньше чѣмъ черезъ три мѣсяца жатва должна быть собрана.

Эволюція въ Россіи была черезчуръ стремительна по той же причинѣ. Разбивается ли торжествующій прибой о подводные камни, падаетъ ли лавина,—съ ускореніемъ движенія увеличивается сила удара при столкновеніи. Последнія реформы, проведенныя въ Россіи въ XIX вѣкѣ, носили, хотя въ меньшей степени, тотъ же насильственный характеръ. Уничтоженіе крѣпостного права приняло въ нѣкоторыхъ частяхъ Имперіи характеръ соціального переворота. Можно считать привилегированными уголками земного шара тѣ страны, которымъ удалось достигъ высшихъ степеней цивилизаціи безъ особыхъ потрясеній и безъ вмѣшательства извнѣ, исключительно посредствомъ долгой внутренней работы и мирнаго шествія по пути прогресса. Побѣда цивилизаціи была насильственно ускорена въ Америкѣ; трудно разсчитывать, чтобы она свершилась безъ нѣкотораго насилія въ Азіи и Африкѣ.

Я вовсе не намѣренъ оспаривать, что невыгодно для народа мчатся безъ остановокъ по пути цивилизаціи, въ догонку за находящимися въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ сосѣдями. Но также невыгодно родиться кафромъ или полинезійцемъ.

Одинъ выдающійся писатель, изучая послѣдствія, которыя имѣла для Россіи скороспѣлая дѣятельность Петра, нашелъ, что она была вредна въ четырехъ отношеніяхъ: она причинила зло моральное, интеллектуальное, соціальное и политическое *). Я не поручусь за число, но охотно готовъ признать, что приведа въ соприкосновеніе старую московскую грубость со скептической распущенностью Запада такъ внезапно, какъ онъ это сдѣлалъ, Реформаторъ добился только появленія въ Россіи цинизма, одинаково возмущающаго, какъ русскихъ стараго закала, такъ и ихъ западныхъ сосѣдей; угнетая своихъ подданныхъ суровостью законовъ, неблагоразуміемъ своихъ распоряженій, жестокостью наказаній, онъ внушилъ имъ духъ лицемѣрія и низости. Относясь съ такимъ абсолютнымъ презрѣніемъ къ національному прошлому, къ національнымъ традиціямъ, учрежденіямъ и даже предрасположеніемъ и нисколько не дорожа ими, онъ привелъ умы въ такое состояніе, слѣдствіемъ котораго явился современный нигилизмъ. Вотъ все, что касается зла моральнаго. Я согласенъ также и съ тѣмъ, что, съ точки зрѣнія интеллектуальной жизни, чрезмѣрное и слишкомъ быстрое развитіе способности къ ассимиляціи еще больше увеличило недостатокъ оригинальности и самобытности, вложенной въ русскій народъ самой природой и развитый исторіей, и уничтожило у него всякій духъ инициативы; съ точки зрѣнія соціальной, поверхностное, въ силу необходимости, воспріятіе культуры породило опасное разъединеніе между высшими и низшими слоями общества, такъ какъ только первые переняли западные нравы и идеи, вторые же остались незатронутыми западнымъ вліяніемъ; наконецъ, съ точки зрѣнія политической, слишкомъ внезапное введеніе чуждыхъ формъ

*) Leroy-Beaulieu, L'empire des Tsars, Парижъ, 1890, т. 1, стр. 270 и слѣд.

управленія не дало навязанной такимъ образомъ странѣ организаціи слиться съ ея стремленіями и съ ея естественными склонностями. Со всѣмъ этимъ я согласенъ, такъ же какъ еще со многими другимъ. Въмѣстѣ съ Кюстиномъ, взгляды котораго въ этомъ отношеніи по исключительно счастливой случайности совпадаютъ со взглядами русскаго поэта и историка Сумарокова, отказавшагося подъ старость отъ своего первоначальнаго оптимизма, я согласенъ, что „превратить не употреблявшихъ пудры людей въ обсыпанныхъ „мукой“ животныхъ“, или „сдѣлать изъ медвѣдей обезьянъ“*), не было слишкомъ блестящей побѣдой. Я согласенъ съ Левекомъ, что желаніе согласовать промышленный, торговый и умственный прогрессъ съ увеличеніемъ тягостей крѣпостного права было неудачной идеей. Къ знанію идутъ медленными шагами, а не хватаютъ его съ налета,—сказалъ Жозефъ де-Местръ. Я также присоединяюсь къ его мнѣнію. Нума,—замѣчаетъ тотъ же авторъ,—никогда не собирался обрѣзать тоги римлянамъ, и желаніе поднять нравственный уровень народа, отказывая въ то же время этому народу въ уваженіи, является бессмыслицей и худшей изъ ошибокъ. Я готовъ признать и это. Даже такой энтузіастъ, какъ Костомаровъ, соглашается, что средства, которыми пользовался для проведенія своихъ реформъ національный герой,—кнути, топоръ и вырываніе ноздрей—не были самыми подходящими для пробужденія въ умахъ и сердцахъ его подданныхъ идей и чувствъ, необходимыхъ для того, чтобы его дѣло привилось въ Россіи: для пробужденія гражданскаго мужества, чувства чести и признанія долга. И я становлюсь на сторону Костомарова противъ Петра.

Но не сводятся ли всѣ эти разсужденія къ тому, что татары сдѣлали бы лучше, если бы не покорили въ XIII вѣкѣ Россію, предоставивъ ей свободно и по своему усмотрѣнію цивилизоваться въ продолженіе слѣдующихъ столѣтій?

Что касается „зачатковъ самобытной культуры“, которыми, по мнѣнію хулителей Петра, онъ пренебрегъ при про-

*) Custine, La Russie, Paris, 1843, т. III, стр. 282; Сумароковъ, Der erste Aufstand der Strelitzen, Рига, 1772, стр. 15.

веденіи своихъ реформъ, и которые будто бы даже уничтожилъ, то съ этимъ вопросомъ дѣло обстоитъ такъ же, какъ съ вопросомъ о русскомъ искусствѣ въ постройкахъ Кремля. Очень трудно разрѣшить споръ между археологами и эстетиками ввиду невозможности отдѣлить черты оригинальнаго творчества въ архитектурѣ или орнаментациі отъ болѣе или менѣе измѣненныхъ позаимствованій, сдѣланныхъ у Византіи или Рима, у греческаго античнаго искусства, у нѣмецкаго средневѣковья или итальянской Эпохи Возрожденія. Въ общемъ, я не думаю, чтобы вслѣдствіе дѣятельности Реформатора произошла значительная потеря очень цѣннаго матеріала. Извѣстно, что одинъ историкъ считалъ преступленіемъ со стороны Петра недостатокъ вниманія къ плану административной автономіи, составленному Ординымъ-Нащокинымъ *). Но была ли она дѣйствительно русской, эта автономія, которая, кромѣ того, могла быть примѣнена въ такихъ ограниченныхъ размѣрахъ и существованіе которой было такъ вѣчно? Да и самъ Ординъ-Нащокинъ, развѣ не былъ онъ самъ уже западникомъ? И, кромѣ того, какъ обвинять Петра въ томъ, что онъ отказался отъ этого наслѣдія недавняго прошлаго? Вѣдь онъ съ самаго начала сдѣлалъ его круглымъ камнемъ, воздвигаемымъ имъ зданія... Конечно, онъ не взялъ отъ него всего того, что желательно было бы взять. Имѣлъ ли онъ шансы на успѣхъ? Примѣръ Нащокина не указываетъ на это. Отъ чего же существеннаго отрекся еще Петръ, или что существенное онъ уничтожилъ? Онъ не коснулся самодержавія, а только одѣлъ по-европейски своихъ чиновниковъ. Ту цѣну, въ какую обошлись реформы Петра Россіи, также преувеличиваютъ. Обошлись онѣ ей дорого, это правда. Въ странѣ, гдѣ средняя заработная плата не превышала четырехъ копеекъ въ день, или, скажемъ, двѣнадцать рублей въ годъ, населеніе вдругъ увидѣло себя вынужденнымъ со введеніемъ реформъ платить ежегодный налогъ по одному рублю съ человѣка... И эта тяжесть была еще наименьшей

*) Гольцевъ, Законодательство и нравы, Петербургъ, 1896, Дополненіи, стр. 22.

среди всѣхъ остальныхъ. Въ 1708 году работы, предпринимаемыя въ Петербургѣ, потребовали сорокъ тысячъ человѣкъ рабочихъ, которые, повидимому всѣ, или почти всѣ, погибли при постройкѣ города, такъ что въ слѣдующемъ году пришлось набрать такое же число рабочихъ. Въ 1710 году понадобилось только три тысячи человѣкъ; но за то въ 1711 году понадобилось сначала шесть тысячъ, потомъ сорокъ тысячъ человѣкъ: еще столько же потребовалось въ 1713 году. Эти рабочіе, прежде чѣмъ погибнуть въ смертоносныхъ болотахъ, окружавшихъ новую столицу, получали по полтиннику въ мѣсяцъ заработной платы и жили на счетъ населенія, одни нищенствуя, другіе занимаясь грабежами. Въ то же время армія въ свою очередь поглощала человѣческую жизнь. Въ 1701 году было приказано забирать въ солдаты всѣхъ несостоятельныхъ должниковъ; кредиторы теряли такимъ образомъ свои деньги, но за то государство приобрѣтало солдатъ. Въ 1703 году всѣ крестьяне, владѣльцы которыхъ были чиновниками или купцами, должны были представить на военную службу пятаго человѣка. Въ январѣ 1705 года былъ сдѣланъ наборъ по одному рекруту съ двадцати дворовъ; другой рекрутскій наборъ былъ сдѣланъ въ февралѣ; третій въ декабрѣ; кромѣ того, былъ сдѣланъ наборъ драгунъ среди родственниковъ канцелярскихъ чиновниковъ. Въ общемъ, въ продолженіе великаго царствованія налоги увеличились въ три раза, а населеніе въ тотъ же періодъ времени уменьшилось на двадцать процентовъ *), не считая ужасныхъ жертвоприношеній, совершавшихся во славу цивилизаціи въ тюрьмахъ и застѣнкахъ Преображенскаго, на Красной площади въ Москвѣ, въ казематахъ Петропавловской крѣпости.

Какъ бы то ни было, Россія все это уплатила, и, подводя итогъ достигнутымъ результатамъ, какой русскій захотѣлъ бы теперь признать недѣйствительной сдѣлку, уничтожить кровавый договоръ, заключенный его предками съ ихъ ужаснымъ тираномъ? Россія уплатила и, по подсчету 1725 года, не обѣднѣла отъ этого. Приемники великаго

*) Миллюковъ, стр. 244 и слѣд.

расточителя въ продолженіе сорока лѣтъ, до восшествія на престоль Екатерины II, жили на счетъ полученнаго ими отъ него наслѣдства, а остатокъ отъ него хватило для того, чтобы вдова Петра III могла создать себѣ въ Европѣ положеніе, которое всѣмъ извѣстно.

Я согласенъ также, что Петръ въ своей дѣятельности стоялъ на точкѣ зрѣнія исключительно утилитарной, относясь съ полнымъ пренебреженіемъ къ другимъ, самымъ благороднымъ элементамъ культуры и цивилизаціи. И критика дѣятельности Петра съ этой стороны кажется мнѣ наиболѣе основательной. Россія Петра Великаго была лагеремъ, заводомъ; она никогда не была очагомъ тепла и свѣта, откуда при помощи благородныхъ научныхъ открытій и блестящихъ изысканій искусства могли бы исходить въ міръ возвышенныя идеи, составляющія гордость другихъ историческихъ странъ и служащія къ ихъ прославленію. Я думаю, въ концѣ-концовъ, что пессимизмъ славянофиловъ произошелъ отъ этого соображенія, еще въ 1764 году явившагося у сотрудника Екатерины—Бецкаго, и развитаго впоследствии Шербатовымъ. Петръ сдѣлалъ изъ русскихъ чиновниковъ рабочихъ и солдатъ, но отнюдь не мыслителей и художниковъ. Практичный, положительный и слишкомъ привязанный къ землѣ, онъ научилъ ихъ, или старался научить, употребленію усовершенствованнаго оружія, чтенію и счету, но не внушилъ имъ благородныхъ порывовъ ума и сердца, стремленія къ общечеловѣческимъ идеаламъ, не научилъ ихъ поклоняться прекрасному, а также быть добрыми и сострадательными. Быть можетъ, подумавъ, можно найти все это естественнымъ, а потому заслуживающимъ оправданія. Историческія, географическія и климатическія условія, о которыхъ мнѣ приходилось уже говорить раньше и которыя сыграли такую важную роль при возникновеніи и развитіи Россіи, превратили ея существованіе въ непрерывную войну. Россія, не имѣющая естественныхъ границъ и расположенная подъ суровымъ небомъ, находилась и теперь еще находится въ постоянной борьбѣ со своеобразнымъ союзомъ враждебныхъ элементовъ, въ борьбѣ съ людьми и неодушевленными предметами, со своими сосѣдями и съ самой природой, изъ-за

своихъ земель, и изъ-за насущнаго куска хлѣба. Легко понять, почему такъ развился въ ней самый низменный изъ всѣхъ инстинктовъ,—инстинктъ самосохраненія, и почему матеріальныя заботы получили перевѣсъ надъ всѣми другими. Подъ вліяніемъ долгихъ періодовъ вынужденнаго бездѣйствія стремленіе къ физической лѣности и умственному оцѣпенѣнію соединилось въ ней съ внезапными вспышками напряженной дѣятельности. Вотъ та форма, въ которой отличись Петръ и его дѣло. Петръ былъ на свой ладъ большимъ идеалистомъ, все подчинившимъ своему представленію, своей мечтѣ о Россіи, способной не только защищать и увеличивать доставшееся ей отъ предковъ матеріальное наслѣдство, но способной также потребовать нѣкогда духовное наслѣдіе Греціи и Итали. Это была, конечно, только мечта. Дѣйствительность тотчасъ же отбросила его обратно къ борьбѣ за существованіе, и онъ остался борцомъ, по-неволѣ занятымъ прежде всего тѣмъ, чтобы приобрѣсти самому и дать окружающимъ силу и орудія для борьбы.

Можно ли разрушить ту форму, изъ которой вышелъ Великій Преобразователь? Самые прозорливые пророки слишкомъ часто ошибались въ предсказаніи судьбъ великой имперіи, и это лишаетъ меня желанія слѣдовать по ихъ стопамъ. Европа не сдѣлалась еще ни республикой, ни страной казаковъ. Быть можетъ, прежде чѣмъ она станетъ тѣмъ или другимъ, Россія осуществитъ желаніе своего строителя и позаимствуетъ у Запада его единственныя, несокрушимыя пачала могущества и величія.

14 іюня 1896 года.

К о н е ц ъ .

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Предисловіе. Ш

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВОСПИТАНІЕ.

КНИГА ПЕРВАЯ. ОТЪ АЗИИ КЪ ЕВРОПѢ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Кремль и Нѣмецкая Слобода.

I. Женитьба Алексѣя.—Выборъ супруги.—Царскій вѣнецъ для прекраснѣйшей.—Кремлевская спальня.—Наталья Нарышкина.—Рожденіе Петра.—Оспариваемыя отцовскія права.—Борьба Нарышкиныхъ и Милославскихъ.—Ссылка.—II. Кремль.—Склепъ, сераль и тюрьма.—Десять вѣковъ исторіи.—Русь Московская и Русь Кіевская.—Норманское завоеваніе.—Исчезнувшее величіе.—Сыновья Рюрика.—Ярославъ Великій и Генрихъ I французскій.—Монгольское нашествіе.—Паденіе.—Подъемъ.—Московская гегемонія подъ предводительствомъ монголовъ.—Освобожденіе.—Иванъ Великій.—Заря новой культуры.—Европейскія вліянія.—Поляки.—Нѣмцы.—Англичане.—Голландцы.—III. Нѣмецкая слобода.—Европа и Азія.—Московское Гетто.—Просвѣтительная работа.—Расцвѣтъ.—Петръ идетъ въ Слободу.—IV. Дни испытанія.—Послѣднія потуги азіатскаго строя.—Смерть Алексѣя и Феодора.—Выборная царская власть.—Роль Патриарховъ.—Побѣда Нарышкиныхъ.—Петръ провозглашенъ царемъ.—Призрачное торжество.—Местъ Милославскихъ 1

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Царевна Софья.

I. Кремлевскій теремъ.—Москва и Византія.—Софья и Пульхерія.—У постели умирающаго царя.—Властолюбіе и любовь.—Васи-

лій Голицынъ.—II. Стрѣльцы.—Величіе и паденіе.—Солдаты и купцы.—Предвѣстники и причины бунта.—Народное движеніе.—Софья и Голицынъ хотятъ воспользоваться волненіями для достиженія власти.—Осажденный Кремль.—Трехдневная рѣзня.—Власть, подобранная въ крови.—Паденіе Петра.—Возведеніе на престолъ Ивана.—Тронъ съ двумя сѣдалищами.—Регентша.—III. Регентъ.—Идиллія и супружеская драма.—Мечты о будущемъ.—Препятствіе.—IV. Дѣтство Петра.—Ссылка.—На волѣ.—Занятія и игры.—Астролябія.—Аптекарская плюшка.—Солдаты и морякъ.—Преображенскій лагерь и Переяславское озеро.—Товарищи.—Провозвѣстники реформъ.—Армія, флотъ, зарождающееся общество.—V. Юность.—Женитба.—Евдокія Лопухина.—Раннее вдовство.—Возвращеніе къ прежнимъ развлеченіямъ.—Захваченный теченіемъ.—Дѣла увлекають работника.—Орудіе партіи.—Аристократическая оппозиція.—Петръ во главѣ ея.—Между двухъ культуръ.—Европа римская и Европа протестантская.—Выборъ.—Приготовленія къ борьбѣ.—Кривизна.

19

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Троице-Сергіевская Лавра.

I. Правленіе регентства.—Его заслуги.—Причины слабости.—Ошибки и недовольство.—Въ пустотѣ.—Внѣшнія дѣла.—Крымскія кампаніи.—Пораженія.—Возвращеніе Голицына.—Общественное негодованіе.—Партія Петра пользуется имъ.—Кремль и Преображенскій лагерь.—Софья идетъ навстрѣчу бурѣ.—Конфликтъ.—II. Ночь 7-го августа.—Покушеніе или военная хитрость?—Бѣгство Петра.—Троицкая лавра.—Архимандритъ Викентій.—Борисъ Голицынъ. Организациія борьбы.—III. Переговоры.—Чья армія?—Мужество Софьи.—Слабость Василя Голицына.—Измѣна.—Регентъ сдается. Онъ является къ Троицѣ.—Ссылка.—Допросы и пытки.—Софья сдается.—Монастырь.—Новый режимъ.—Товарищи Петра у власти.—Реакція.—Будущее.

41

КНИГА ВТОРАЯ.

ВЪ ШКОЛѢ КУЛЬТУРНАГО МІРА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ дѣйствіи.—Военная школа.—Созданіе флота.—Взятіе Азова.

I. Новые друзья Петра.—Патрикъ Гордонъ.—Францъ Лефорть.—Характеръ ихъ вліянія.—Домъ Лефорта въ Слободѣ.—

Московское казино.—Слободскія красавицы.—Царь развлекается.—
Правленіе бояръ.—Реакціонный дух.—Развлеченія въ Преображен-
скомъ.—Военныя игры, забавы.—Король Пресбургскій и лже-ко-
роль польскій.—Переяславское озеро.—Флотъ въ прѣсныхъ во-
дахъ.—На пути въ Архангельскъ.—Моря.—Смерть царицы На-
тали.—Недолгій трауръ.—Петръ возвращается къ прежнимъ раз-
влеченіямъ.—II. Шаткое положеніе Россіи.—Царь скучаетъ.—По-
иски развлеченій.—Проектъ заграничнаго путешествія.—Петръ хо-
четъ сперва добыть военную славу.—Новая турецкая кампанія.—
Первый азовскій походъ.—Полная неудача.—Геній Петра обнару-
живается.—Истинность.—III. Величіе Петра и величіе Россіи.—
Плодъ монгольскаго завоеванія.—Удвоенное успіе.—Второй по-
ходъ.—„Осада Трои“.—Успѣхъ.—Петръ можетъ показаться Ев-
ропѣ.—Путешествіе рѣшено.

52

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ пути.—Германія, Голландія, Англія.—Возвращеніе.

I. Прецеденты.—Инкогнито царя.—Маскарадъ.—Великое посоль-
ство.—Петръ Михайловъ.—Впечатлѣніе въ Москвѣ и въ Европѣ.—
Запоздавшій отъѣздъ.—Заговоръ.—Кровавыя призраки.—Топоръ
дровосѣка и сѣкира Ивана Грознаго.—Въ Швеціи.—Рига.—Холод-
ный пріемъ.—Будущій casus belli.—Въ Германіи.—Кенигсбергъ.—
Любознательность и эксцентричность.—Дипломъ канонира.—Встрѣча
съ Софьей-Шарлоттой Прусской.—Слѣтскіе дебюты Петра.—Лейб-
ницъ.—II. Въ Голландіи.—Заандамъ.—Легенда и Исторія.—Крим-
пенбургскій домъ.—Прекрасная голландка.—Амстердамъ.—Начало
серьезныхъ занятій.—Царь и плотникъ.—Чудачества и слабости.—
Русскій Бахусъ.—III. Въ Англіи.—Петръ въ Кенсингтонскомъ
дворцѣ.—Неблагоприятное впечатлѣніе.—Бернетъ.—Еще легенда.—Въ
Лондонѣ и въ Дептфордѣ.—Работа и развлечения.—Актриса.—
Гроссъ.—Всестороннія знанія.—IV. На пути въ Вѣну.—Неудав-
шійся вѣздъ.—Австрійская спѣсь.—Урокъ дипломатіи.—Униже-
ніе.—Въ замкѣ фаворитки.—Царь и императоръ.—Неудобства
инкогнито.—Дипломатическое пораженіе.—Неудачная поѣздка въ
Венецію.—Тревожныя новости изъ Россіи.—„Сѣмья Милослав-
скихъ“.—Поспѣшное возвращеніе.—Свиданіе съ Августомъ II въ
Равѣ.—Конецъ путешествія

74

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
Л И Ч Н О С Т Ъ .

КНИГА ПЕРВАЯ.
Т Ъ Л О и Д У Х Ъ .

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Физическій и нравственный обликъ.

Стр.

I. Портреты кистью и перомъ.—Кнеллеръ и де-Мооръ.—Сень-Симонъ.—Сила и нервность.—Судороги.—Странности костюма.—Статуя въ Зимнемъ дворцѣ.—Рубище героя.—Заштопаные чулки и башмаки въ заплаткахъ.—Дубина.—II. Темпераментъ.—„Радость дѣйствія“.—Аудіенція въ 4 часа утра.—Ежедневно четырнадцать часовъ работы.—Вездѣсущность и всезнаніе.—Государственный человѣкъ и барабанщикъ, дирижеръ танцевъ, пожарный, дворецкій, медикъ.—Царь и его арапченокъ.—Человѣкъ и раса.—Русская дѣшъ.—Петръ все же сынъ своей страны.—Соотвѣтствіе физическихъ и духовныхъ явленій.—Длинные зимы и торопливыя весны.—Періоды инертности и возвращеніе къ лихорадочной дѣятельности.—Герои парходной легенды.—III. Храбръ ли Петръ?—Нарва и Полтава.—Идея долга.—Противорѣчія.—Энергія и душевная слабость.—Измѣчивость и непостоянство въ мелочахъ, послѣдовательность и настойчивость въ главномъ.—Петръ импульсивецъ.—Национальныя черты.—Мозгъ и сердце.—Безчувственность.—Веселость и общительность.—Мальчишества.—Почему его не любили.—Припадки гнѣва и вспыльчивость.—Удары шпаги и удары палки.—IV. Чрезмѣрное пьянство.—Специальныя въ монастырѣ.—Царь выпивши.—Обычное пьянство.—Послѣдствія.—V. Грубость нравовъ.—Пирушки и оргіи.—Пьянство женщинъ.—Первосортная пьяница.—Богословскіе споры за столомъ.—Роль стакановъ съ водкой.—Кабакіе и казарменные вкусы.—Жестокъ ли онъ?—Судья и палачъ.—Государственныя соображенія.—Идеализмъ и чувственность.—Рабство закона. 101

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Интеллектуальныя черты. Нравственный обликъ.

I. Даровитость.—Мощь и гибкость.—Сравненіе съ Наполеономъ I.—Славянская воспріимчивость.—Сношенія съ ква-

керами.—Доу (Law).—Любознательность и жажда знания.—Ночь в музее.—Безсвязность и элементарность приобретенных знаний и навыков.—Дипломатия Петра.—Полководец ли он?—Недостаток чувства меры.—Смесь серьезности и ребячества.—Петр хирург и деспот.—Научные и художественные учреждения.—Петр и аббат Бишонь (Bignon).—II. Ясность и точность его ума.—Эпистолярный стиль.—Характерная восточная газета.—Проект восстановления Колосса Родосского.—Противоречивые черты.—Великодушье и мелочность.—Честность и плутовство.—Скромность и хвастливость.—Их согласование.—История и традиция.—Рыцарский дух на Западе и византийский в России.—Жанна д'Арк и княгиня Ольга.—Баярд и св. Александр Невский.—Мораль Петра.—Отсутствие щепетильности и презренье к приличиям.—Причины и следствия.—III. Могущество и уость взгляда.—Умственная близорукость.—Дефекты психологии.—Неспособность к восприятию абстрактных идей.—Почему он все же идеалист?—IV. Любовь к переодѣвьямь.—Шутка.—Извращенность ума или политический расчет?—Придворные шуты.—Манеры царя.—Царь забавляется.—Опасная сторона этих развлечений.—Жизнь и маскарад.—Шуть—хранитель печатей.—Засѣданіе маскированных сенаторов.—V. Лже-Патріархатъ.—Цѣль его.—Папа или Патріархъ?—Хотѣлъ ли Петръ высмѣять духовенство.—Происхождение и развитіе учрежденія.—Лже-Папа и его Конклавъ.—Странныя церемоніи и шествія.—Ряса Отца Калльо (Cailland).—Женитьба Князя-папы.—Княжна-игуменья.—Сиптезъ и объясненіе явленія.—Мѣстныя причины и иностранныя вліянія.—Византийскій аскетизмъ и черныя мессы на Западѣ.—Нравственное угнетеніе и реакція.—Своеобразность, деспотическія причуды и стремленія къ уравнию.—Петръ и Иванъ Грозный.—Людовикъ XI и Фальстафъ. 127

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Идеи, принципы и приемы управления.

I. Обиліе идей.—Мнемоническіе приемы.—Внутреннія идеи.—Увлеченіе Западомъ.—Недостатокъ извѣстныхъ основныхъ знаний.—Правосудіе, религія, мораль.—Умственная неустойчивость.—Утилитарный умъ.—II. Пониманіе роли монарха.—Противорѣчія.—Самоотреченіе ради блага общественнаго.—Введеніе социальнаго принципа со всѣми его послѣдствіями.—„Первый слуга государства“.—Петръ передаетъ государству богатства, скопленные его предшественниками.—Вотчина Романовыхъ.—Жалованье „Петра Михайлова“.—Приходо-расходная книга—366 р. въ годъ.—Оборотная сторона медали.—Фантазія и деспотизмъ.—Слуга подни-

масть руку на господина.—III. Причины противорѣчій.—Революціонный характер реформы.—Азіатскіе элементы.—Терроръ усиленный, благодаря ихъ вліянію.—Историческая круговая порука.—Произволь и инквизиція.—Любитель пытокъ.—Универсальный сыскъ.—„Языки“.—Секретная канцелярія и трибуналы Копвента.—Продолжительность этого режима и кротость подчинявшейся ему страны.—Національные нравы.—IV. Вѣчная угроза.—Упрощенный судъ.—Дубина.—Подъ топоромъ палача.—Побѣги.—Мѣры, принятыя противъ нихъ.—Клеймо.—Объявленіе внѣ закона.—Недостаточность подобныхъ мѣръ.—„Спасайся, кто можетъ“.—„Близко царь, смерть близко“.—Уклоненіе родовыхъ семей.—Выскочки увеличиваютъ гнетъ системы.—Фаворитамъ.—Традиціи предковъ.—Ихъ роль въ преобразовательной работѣ и вліяніе на ея размахъ. 166

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Внѣшная жизнь.

I. Домикъ въ Петербургѣ.—Обѣдъ лодмана.—Катя.—Дворецъ и деревенскіе дома.—Липа въ Стрѣльнѣ.—Петергофъ.—Царское Село.—Ревель.—II. День великаго человѣка.—Утро.—Утренняя работа.—За столомъ.—Семейные обѣды и обѣды званые.—Кухня Екатерины.—Что Петръ ѣлъ и что онъ пилъ.—Роскошь дворца и домашняя простота.—Кареты Меншикова и однокodka царя.—Какъ онъ одѣвается.—Грубость и нечистоплотность.—Тараканы.—III. Развлеченія.—Не охотникъ и не игрокъ.—Любимое развлеченіе на водѣ.—Зимняя навигація.—Петербургъ на морѣ.—Животныя.—Лизетъ и Финетъ.—Полятическая роль собаки.—IV. Въ обществѣ.—Встрѣча съ маркграфиней Байрейтской.—Въ пѣмецкой слободѣ.—Товарищи забавъ.—Вечеръ.—Подушка царя.—День щики.—Свадьба фаворита.—Дѣвица Матвѣева. 187

КНИГА ВТОРАЯ.

ОКРУЖАЮЩІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Сотрудники, друзья и фавориты.

I. Знать и простопародный элементъ.—Школа дѣятелей.—Фавориты.—Ромодановскій.—Князь Кесарь.—Преображенскій приказъ.—Красная площадь въ Москвѣ.—Старая Россія.—Медвѣдь въ должности дворецкаго.—Честность, энергія и жестокость.—Во-

сточная гибкость.—Шереметевъ.—Плохой капитанъ и хороший солдатъ.—Меншиковъ.—Мальчикъ-пирожникъ.—Любимецъ царя.—Равнодушіе Петра къ разговорамъ по этому поводу.—А лек с а ш к а становится княземъ.—Изобиліе титуловъ и должностей.—Всемогущество.—Злоупотребленіе властью.—Военачальникъ.—Администраторъ.—Достоинства и недостатки.—Оправдательное слово воровству.—Снисходительность Петра истощается.—Полу-опала.—П. Второстепенные сотрудники.—Головинъ.—Адмиралъ, не бывшій морякомъ, и министр иностранныхъ дѣлъ, не бывшій дипломатомъ.—Русскіе и иностранные моряки.—Апраксинъ и Крюксъ (Сгуус).—Политиканы и полицейскіе.—Головкинъ.—Толстой.—Русскій дипломатъ—ведьможа новаго типа: Борисъ Куракинъ.—Выдающіеся дѣятели.—Неплюевъ и Татищевъ.—Духовникъ царя: Надежскій.—Состязаніе съ секретаремъ аббата Дюбуа.—III. Второстепенные дѣятели.—Ягужинскій, Шафировъ.—Польскіе евреи.—Вессловскіе.—Продуктъ новаго строя: п р и б ы л ь щ и к и.—Курбатовъ, Соловьевъ.—Первый русскій экономистъ: Посошковъ.—Карьера Демидовыхъ.—Ломоносовъ.—IV. Сотрудники-иностранцы.—Они часто исполняютъ работу, но остаются въ тѣни.—Шереметевъ и Огильви.—Вяннисуъ.—Яковъ Брюсъ.—Остерманъ.—Португальскій еврей: Девьеръ.—Побитый полицеймейстеръ.—Однообразный финалъ всѣхъ блестящихъ карьеръ.—Заключительное паденіе.—Французы.—Де-Вильбуа.—Драма въ постели императрицы.—Англичане.—Перри, Фергюсонъ.—Арабъ, предокъ Пушкина Абрамъ Ганнибалъ.—V. Общій итогъ.—Статисты и полезности.—Личность Великаго Реформатора въ соперничества.—Петръ и Лейбницъ.—Посмертная роль великаго Нѣпа. 201

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Женщины.

I. Любовница короля и любовница царя.—Донжуанство Петра.—Государь, мало заботящійся о приличіяхъ.—Предпримчивый дячка.—Окружающія женщины.—Княгиня Голицына.—Грубость и пинизмъ.—Другая сторона отношеній къ женщинамъ.—II. Первые шаги.—Женитьба.—Евдокія Лопухина.—Медовый мѣсяцъ.—Разногласія.—Неподходящая пара.—Разрывъ.—Монастырь.—Романъ затворницы.—Майоръ Глѣбовъ.—Любовная переписка.—Слѣдствіе.—Процессъ.—Казнь любовника.—Наказаніе любовницы.—Екатерина ревнуетъ.—Въ темницѣ.—Реваншъ, полученный Евдокіей.—III. Первая фаворитка.—Анна Монсъ.—Мотовство Петра.—Обмануть!—Утѣшенія.—Гянекей Меншикова.—Сестры фаворита.—Дѣвцы Арсеньевы.—Екатерина Василевская.—IV. Фрейлины.—Госпожа Черныше-

ва.—Авдотья „бой-баба“.—Марія Матвѣева.—Теремъ и гаремъ.—
 Марія Гамильтонъ.—Любовникъ и палачъ.—Лекція по анатоміи у
 подножія эшафота.—Послѣдняя соперница Екатерины: Марія Кан-
 теміръ.—Торжество супруги и государыни.—Подруга.—Полька.—
 Госпожа Сенявская.—V. Роль женщины въ жизни Петра и его роль
 въ судьбѣ русской женщины.—Русскій духъ въ XVII вѣкѣ.—Пре-
 арѣшніе къ женщинѣ.—Причины и слѣдствія.—Национальный геній
 и иноземныя вліянія.—Востокъ и Византія.—Аскетическое тече-
 ніе.—Семейная жизнь.—Бракъ.—Домострой.—Варварскіе нравы.
 Угнетеніе женщины унижаетъ мужчину.—Освободительное теченіе.—
 Преобразованія Петра.—Ихъ слабыя стороны.—Значеніе дѣла Пет-
 ра.—Искупитель.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Екатерина.

I. Прибытіе въ Россію.—Взятіе Маріенбурга.—Происхожденіе.—
 Семейство пастора Глюкъ.—Въ лагерѣ Шереметева.—Въ домѣ Мен-
 шикова.—Гинекей.—Екатерина Трубачева.—Мать Петрушки.—
 Бракъ.—Бывшая служанка превращается въ царяцу.—II. Мнѣнія
 современниковъ.—Баронъ Пельницъ.—Маркграфиня Байрейтская.—
 Кампредонъ.—Портреты галереи Романовыхъ.—Ни красоты, ни
 благородства.—Энергичный характеръ и уравновѣшенный умъ.—
 Офицерская жена.—Вліяніе на Петра.—Очаровательница и укроти-
 тельница.—Ихъ переписка.—Супружеская близость.—Политическая
 роль Государыни.—Ея благодѣянія и ошибки.—Торговля вліяніемъ.—
 Облака на домашнемъ горизонтѣ.—III. Екатеринѣ удастся ихъ раз-
 сѣять.—Судьба ее превозносить.—Смерть Алексѣя.—Мать наслед-
 ника престола.—На сцену появляются родные Екатерины.—Почта-
 льонъ на римскомъ трактѣ.—Публичная женщина изъ Ревеля.—
 Башмачникъ.—Всѣ родственники дѣлаются графами и вельможами.—
 На вершинѣ.—Коронованіе.—Престолонаслѣдіе.—На краю пропа-
 сти.—Преступная связь.—Камеръ-юнкеръ Монсъ.—Казнь.—Испыта-
 нія и угрозы.—Сомнительное примиреніе.—Смерть Петра и оконча-
 тельная побѣда Екатерины.—Екатерина плохо ею пользуется.—Ин-
 стинкты служанки проявляются.—Шестнадцатилѣтнее царствованіе.—
 Опереточная королева.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.
ДЪЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕТРА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ВНѢШНЯЯ БОРЬБА — ВОЙНА И ДИПЛОМАТІЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Отъ Нарвы до Полтавы (1700—1709).

Стр.

I. Традиціонная двойная программа внутренней и внѣшней политики.—Петръ начинаетъ съ предпріятій внѣшняго характера.—Вѣковое колебаніе завоевательныхъ стремленій Россіи между Сѣверомъ и Югомъ.—Отказъ императора заставляетъ Петра выбрать для нападенія Сѣверъ.—Свиданіе въ Равѣ.—Союзъ съ Августомъ.—Четвертый союзъ.—Паткуль.—Петръ рѣшается дѣйствовать сообща съ Саксоніей и Даніей противъ Швеціи, но выжидаетъ заключенія мира съ Турціей.—Договоръ въ Преображенскомъ.—Новости изъ Константинополя.—Походъ на Нарву.—Прибытіе Карла XII.—Бѣгство Петра.—Пораженіе.—II. Отчаяніе и малодушіе царя.—Отправившись въ Польшу, Карлъ даетъ ему время оправиться и укрѣпляетъ его союзъ съ Августомъ.—Новыя военныя приготовленія.—Свиданіе въ Бирзе (Birze).—Новыя неудачи и первые успѣхи.—Петръ въ устьи Невы.—„Ключъ къ морю“.—Петербургъ.—Петръ укрѣпляется въ Ингріи и Ливоніи, Августъ теряетъ Польшу.—Приготовленія къ рѣшительной борьбѣ.—III. Дипломатическая кампанія.—Въ поискахъ посредниковъ.—Князь Голицынъ въ Вѣнѣ.—Матвѣевъ въ Гаагѣ и въ Парижѣ.—Князь Дмитрій Голицынъ въ Константинополѣ.—„Турецкія воды“.—Переговоры о союзѣ съ Берлиномъ.—Карьера и смерть Паткуля.—Торжество шведскаго короля надъ Ливонцемъ.—Арведъ Горнъ.—Альтранштадтъ.—Отпаденіе Августа отъ союза.—Дипломатическая двуличность.—Калишское сраженіе.—Попытки двухъ монарховъ заключить сепаратный миръ.—Аврора Кенигсмаркъ въ лагерѣ Карла XII.—Послы и эмиссары Петра при европейскихъ дворахъ.—Отрицательные результаты.—Петръ остается лицомъ къ лицу съ Карломъ.—Онъ рѣшается вести борьбу въ родной странѣ.—IV. Военный планъ Карла.—Мазепа.—Широкіе планы.—Первое препятствіе.—Колебанія гетмана.—Замедленіе движенія Левенгаупта.—Лѣто проходить.—Перспектива зимняго похода.—V. Движеніе Карла къ югу.—Побѣда при Головчинѣ.—Пораженіе Левенгаупта при Лѣсной.—Голодъ.—Мазепа принимаетъ рѣшеніе.—Слишкомъ поздно!—Онъ теряетъ Украину.—

Осада Полтавы.—Нужно взять ее или умереть.—Деморализация шведской армии.—Карль ранен.—Шапсы Петра на побѣду увеличиваются.—Столкновенія.—Пораженіе шведовъ.—Послѣдствія этого событія.—Остатки прошлаго и Россія будущаго.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Отъ Балтійскаго моря нъ Наспійскому.

I. Полтавская побѣда не даетъ Россіи мира.—Политика всемірнаго распространенія.—Зачатки панславизма.—Европейскіе союзы.—Дипломатія царя.—Его неловкости и промахи.—Устремившись на западъ Петръ теряетъ изъ вида югъ.—Дипломатическая борьба въ Константинополѣ.—Карль XII побѣждаетъ въ ней.—Звонкіе аргументы.—Война объявлена.—II. Планъ кампаніи, составленный Пестромъ, его недостатокъ.—Онъ не считается съ уроками прошлаго.—Походъ на Яссы.—Общая ошибка Петра и Карла.—Другая Украина и другой Мавепя.—Перерывъ сообщенія татарами.—Русская армія и царь окружены на берегахъ Прута.—Отчаянное положеніе.—Новая слабость Петра.—Письмо къ Сенату.—Завѣщанія трона достойнѣйшему.—Сомнительная подлинность документа.—Роль Екатерины.—Бриллианты будущей царицы.—Спасеніе.—Визирь соглашается вести переговоры.—Вліяніе бакшиша.—Неожиданно-выгодныя условія.—Осталеніе Азова.—Петръ быстро приходитъ въ себя и утѣшается въ потеряхъ.—„Несрапнщныя пріобрѣтенія“.—Торжество настойчивости.—Стычка при Бендерахъ.—Карль XII въ плѣну.—III. Союзники мѣшаютъ Петру добиться мира съ Швеціей.—Соперничество и ссоры.—Осада Штральзунда.—Попытки сближенія съ Англіей и Пруссіей.—Петру везетъ только когда онъ дѣйствуетъ одинъ.—Завоеваніе Финляндіи.—Его побѣды въ Германіи приносятъ пользу только Пруссіи.—Взятіе Штетина.—Карль XII снова появляется въ Штральзундѣ.—Появленіе на сценѣ Герца.—Взятіе Висмара.—Петръ снова работаетъ для прусскаго короля.—Проектъ русско-датской экспедиціи.—Морская демонстрація въ Копенгагенѣ.—Петръ во главѣ соединенныхъ эскадръ Даніи, Голландіи, Англіи и Россіи.—Экспедиція не имѣетъ успѣха, вслѣдствіе недостатка единодушія.—Въ неудачѣ обвиняютъ Петра.—Его вмѣшательство въ германскія дѣла возбуждаетъ всеобщій гнѣвъ.—Раздраженіе Англіи.—Проектъ захватить Царя и потопить эскадру.—Отвращеніе Петра къ союзникамъ.—IV. Идея Герца. Проектъ отдѣльнаго соглашенія между Россіей и Швеціей.—Французское происхожденіе этой идеи.—Она соблазняетъ Петра.—Путешествіе во Францію.—Тайное свиданіе съ Герцемъ.—Амстердамскій договоръ между Россіей, Франціей и Пруссіей.—

Принятіе французскаго посредничества. — Аландскій конгрессъ.—Смерть Карла XII прерываетъ переговоры.—Казнь Герца.—V. Возобновленіе переговоровъ на Аландскихъ островахъ.—Противодѣйствіе шведовъ.—Способы понужденія.—Высадка русскихъ въ Швецію.—Англія вмѣшивается въ пользу шведовъ.—Безполезная морская демонстрація.—Дипломатическое вмѣшательство Франціи.—Кампредонъ.—Нештадтскій миръ.—Радость побѣды.—Императорскій титулъ.—Адмиралъ и Императоръ всея Руси.—Полезъа мира.—Еще война.—VI. Восточная граница.—Дорога въ Индію.—Неудача первыхъ попытокъ въ этомъ направленіи.—Новыя военныя и дипломатическія попытки въ сторону Персіи.—Волынскій.—Большая экспедиція 1722.—Петръ лично руководитъ ею.—Взятіе Дербента.—Вынужденное отступленіе.—Вмѣшательство Турціи и Англіи.—Временное соглашеніе.—Армяне просятъ у Царя покровительства.—Покровительство христіанамъ Востока.—Еще попытка продвинуться на Дальній Востокъ.—Мадагаскарская экспедиція.—Направленія и естественныя границы колонизаторскихъ способностей Россіи.—Смерть Петра.

343

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Вышая точка. — Во Франціи.

I. Первый планъ побѣдки во Францію и его неудача.—Раздраженіе Царя.—Попытки сближенія.—Франція беретъ на себя инициативу.—Дю-Героль.—Балюзъ.—Побѣдка Матвѣева въ Парижѣ.—Полный разрывъ дипломатическихъ сношеній.—Сближеніе происходитъ помимо политики.—Французы въ Россіи и рускіе во Франціи.—Двойной потокъ эмиграціи.—Французская колонія въ Петербургѣ.—Странный приходъ.—Отецъ Калльо (Cailleau).—Возобновленіе переговоровъ.—Лефортъ.—Графъ де ла-Маркъ.—Дурное положеніе въ Германіи заставляетъ Петра искать поддержки Франціи.—Путешествіе въ Парижъ рѣшено.—II. Прибытіе въ Дюнкирхенъ.—Инкогнито царя.—Свита въ восемьдесятъ человекъ.—Требовательный государь.—Огорченія господина де-Либой.—Графъ Мейнъ-Нель.—Вопросъ объ одноколѣ.—Странный способ передвиженія.—Ужияъ Царя въ Бовэ.—Прибытіе въ Парижъ.—Помѣщеніе въ Лувръ.—Квартирный билетъ во французскую Академію.—Отель Лодигьеръ.—Три дня заключенія.—Царь не желаетъ выходить, пока Король не нанесетъ ему визита.—Церемоніаль.—Забутый этикетъ.—Въ рукахъ Царя.—Петру возвращена свобода.—Туристъ.—О д е ж д а д и к а р я.—Любопытство, подозрительность и скупость.—Вечеръ въ Оперѣ.—Царь принимаетъ услуги Регента.—Недовольство принцевъ и принцессъ.—Непріятное приключеніе герцогини де-Роганъ.—Царь становится болѣе податливымъ.—Посѣщеніе Сень-Сира.—Ле-

тенда и исторія.—Письмо г-жи Ментенонъ.—Посѣщеніе ученыхъ учреждений.—Серьезныя занятія и развлеченія.—Обратная сторона медали.—Оргія въ Трианоѣ.—Возвращеніе изъ Фонтенебло.—Отъѣздъ.—Высшая щедрость.—Царь платитъ за себя.—По дорогѣ въ Спа.—III. Политическіе результаты.—Сначала они ничтожны.—Упражненія въ дипломатической вольтижировкѣ.—Только Царь хочетъ серьезно вести переговоры.—Конгрессъ въ Гаагѣ.—Платоническій договоръ.—Недостаточное дипломатическое представительство съ обѣихъ сторонъ.—Задолжавшіе дипломаты.—Баронъ Шлейницъ и Селлармаръ.—Новыя предложенія Царя.—Ихъ тайная причина.—Царь хочетъ выдать дочь замужъ во Францію.—Царевна Елизавета.—Людовикъ XV или герцогъ Шартрскій.—Эти предложенія встрѣчены во Франціи сдержанно.—Молчаніе Дюбуа.—Его причины.—Внутренній разладъ.—Франція хочетъ союза политическаго, Россія—союза семейнаго.—Отсутствіе почвы для соглашенія.—Союзъ въ будущемъ..

377

КНИГА ВТОРАЯ.

ВНУТРЕННЯЯ БОРЬБА. — РЕФОРМЫ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Новый строй.—Уничтоженіе стрѣлечнаго войска. Петербургъ.

I. Новый строй.—Предварительный вопросъ.—Реформы и своеобразная культура старой Московіи.—Славянофилы и западники.—Происхожденіе преобразовательнаго движенія.—Какъ эта эволюція превратилась въ революцію.—Общій характеръ дѣятельности.—Послѣдовательность, въ которой могутъ быть изучаемы достигнутые ею результаты.—Символическія черты.—II. Уничтоженіе Стрѣлечкаго войска.—Его причины.—Новая армія и старая милиція.—Недовольство этой послѣдней.—Бунтъ.—Петръ пользуется имъ, какъ предлогомъ для уничтоженія стрѣльцовъ.—Грандіозное слѣдствіе.—Четырнадцать застѣнковъ.—Отрицательные результаты.—Царевна Софья.—Ея соучастіе не доказано, тѣмъ не менѣе ее приговариваютъ къ заточенію въ монастырь.—Массовыя казни.—Участіе въ нихъ Петра.—Высшій судья.—Московская „Гревская площадь“.—Лобное мѣсто.—III. Петербургъ.—До и послѣ Полтавы.—Крѣпость или столица?—Причины, побудившія Петра перенести туда центръ управленія.—Критика и оправданіе этого поступка.—Национальный обычай.....

415

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Нравственное преобразование.—Интеллектуальная жизнь.

Стр.

1. П р а в ы.—Тезисъ славянофиловъ.—Идиллическіе нравы древней Россіи.—Дѣйствительность.—Грубость и дикость.—Равбойничество.—Грубая пошлость семейнаго быта.—Пьянство.—Дѣятельность Петра.—Запасъ нравственныхъ качествъ, которымъ онъ пользуется для своихъ попытокъ.—Безсвязность и бѣдность первыхъ попытокъ.—Реформа костюма.—Послѣдующіе успѣхи.—Реформа календаря.—Либеральная тенденція новаго строя.—Великая реформа семейнаго быта.—Уничтоженіе терема.—Куда поидетъ женщина, выйдя изъ терема?—Петръ создаетъ свѣтскую жизнь посредствомъ указа.—Ассамблеи.—Недостаточность достигнутыхъ результатовъ съ точки зрѣнія общественности.—Причины.—Самъ Петръ чуждъ не свѣтскій человѣкъ.—Отсутствіе двора, дающаго тонъ обществу.—Стиль, господствующій вокругъ Царя, отнюдь не похожъ на Версальскій.—Грубость сохранившихся при дворѣ обычаевъ.—Офіціальныя празднества въ зданія почты.—Балы въ Лѣтнемъ саду.—Пріемъ дипломатическаго корпуса въ Петергофѣ.—Распутство и грубость нравовъ.—Одни пороки замѣняются другими.—Перемена главнымъ образомъ была поверхностна, но тѣмъ не менѣе совершился большой моральный переворотъ.—Обученіе посредствомъ примѣра.—II. О б у ч е н і е.—Учебныя заведенія великаго царствованія.—Смѣлость и шпрота теоретическихъ принциповъ.—Нерѣшительность и бѣдность ихъ практическаго примѣненія.—Начальныя училища и высшія учебныя заведенія.—Пробѣлы.—Недостатокъ учениковъ.—Посылка молодыхъ людей за границу.—Незначительные результаты.—Россія остается дащицей Европы.—Академія Наукъ.—Настоящая школа великаго царствованія.—Еще примѣръ.—III. И н т е л л е к т у а л ь н а я ж и з н ь.—Новый языкъ.—Книги.—Учрежденіе архивовъ и библиотекъ.—Музеи.—Безплатный входъ.—Академія художествъ.—Дидактическое искусство.—Театръ.—Пресса.—Общій обзоръ..... 439

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Черновная реформа.—Уничтоженіе патріаршества.

1. Ц е р к о в ь.—Феофанъ Прокоповичъ.—Пропаганда духовенства и церковная реформа.—Кіевскій центръ.—Непрочное положеніе древней московской церкви.—Матеріальное благосостояніе и моральное уничтоженіе.—Опасность раскола.—Реформа кажется Преобразователю необходимой.—Смерть патріарха Адріана открываетъ путь.—II. П а т р і а р х а т ь.—Назначеніе временнаго хранителя патріаршаго престола.—Стефанъ Яворскій.—Петръ нападаетъ на монастыри.—Черное духовенство покорено.—Раскольники.—Борьба.—

Петръ увлекается ею.—Стефанъ Яворскій измѣняетъ своей миссiи и обманываетъ правительство.—Конфликтъ.—Постепенное разрушенiе остатковъ патрiаршей власти.—Необходимость коренной реформы.—III. Святѣйшiй Синодъ.—Церковный регламентъ.—Программа и памфлетъ.—Всеобщее недовольство.—Оно не останавливаетъ Реформатора.—Отмѣна Патрiаршества.—Учрежденiе Святѣйшаго Синода.—Духъ реформы.—Ея результаты..... 471

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Соціальная реформа.—Табель о рангахъ.

I. Знать.—Быль ли Петръ соціальнымъ реформаторомъ?—Общественные классы древней Московiи.—Служилые люди Ивана III.—Тройная роль этой группы: военная, административная, экономическая.—Петръ дѣлаетъ изъ нея знать.—Новое распределенiе обязанностей и преимуществъ.—Всеобщее зачисленiе въ полки.—Табель о рангахъ.—Коллективизмъ.—II. Крестьяне.—Сельское населенiе.—Два класса крестьянъ.—Влiяние политики и законодательства Петра на ихъ положенiе.—Общее подчиненiе.—Государственные соображенiя.—Величiе Россiи и расплата за него.—Платить крестьянiнъ.—III. Буржуазiя.—Попытки Петра создать ее.—Напрасныя усилiя и необдуманные поступки.—Городское самоуправленiе и бюрократiя.—Знать и разночинцы.—Близорукость великаго чловѣка.—Широкозаманное дѣло.—Социализацiя Церкви..... 483

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Экономическая дѣятельность.

I. Промышленность.—Руководящiя идеи.—Ихъ размахъ и относительная глубина.—Причины отчасти испортившiя ихъ плодъ.—Крупная ошибка.—Петръ рассчитываетъ создать торгово-промышленную жизнь при помощи указовъ.—Меркантилизмъ.—Протекционизмъ.—Государственная промышленность.—Петръ—фабрикантъ перкаля.—Ненадежное положенiе созданныхъ заведенiй.—Творецъ ихъ находитъ однако плодоносную почву.—Горная промышленность.—II. Торговля.—Торговая монополiя.—Либеральныя тенденции Петра.—Потребности военного времени заставляютъ его отъ нихъ отказаться.—Теоретическое возвращенiе къ либерализму.—Пользованiе на практикѣ прiемами самовластия.—Петербургскiй портъ.—Каналы.—Дороги.—Торговля каравановъ.—Рынокъ въ Персiи и въ Индiи.—III. Сельское хозяйство.—Петръ—земледѣлецъ и лѣсничiй.—Общiй обзоръ.—Двойное препятствiе къ экономическому

росту, нравственного и политическаго характера.—IV. Финансы.—
Бюджет.—Видимость и действительность.—Попрежнему нужды
войны.—Политика дезорганизации и вымогательства.—Проѣрка описи
недвижимыхъ имуществъ.—Непріятные результаты.—Еще выходъ.—
Дефицитъ.—Возвращеніе къ болѣе здоровымъ идеямъ.—Общая нало-
говая реформа.—Замѣна поземельнаго налога подушнымъ.—Частич-
ная поддержка старыхъ заблужденій.—Несостоятельность..... 434

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Политическая дѣятельность.

I. Администрация.—Духъ и форма.—Городское само-
управленіе.—Въ действительности оно—просто фискальная мѣра.—
Первыя восемь губерній.—Другое средство.—Демократизация упра-
вленія.—Сенатъ.—Учрежденіе развивается самопроизвольно и стано-
вится централизуемымъ органомъ.—Всасываніе и смѣшеніе вла-
стей.—Административный и финансовый контроль.—Фискалы.—
Ихъ непопулярность.—Прокуроры.—Общіе недостатки этихъ учрежде-
ній.—Недостатокъ единства и равновѣсія.—Коллегии.—Отсутствіе
при ихъ учрежденіи общей идеи.—Новые элементы смуты.—Избы-
токъ административныхъ органовъ и недостатокъ администрато-
ровъ.—II. Полиція.—Преслѣдованіе грабежей.—Нравственный
уровень общества препятствуетъ успѣху борьбы.—III. Правосудіе.—
Петръ слишкомъ поздно обращаетъ на него вниманіе.—Онъ
хочетъ дѣлать все вмѣстѣ и сразу.—Причины неуспѣха.—Общій
политическій режимъ есть отрицаніе идеи законности.—Непрерыв-
ность законодательной работы препятствуетъ кодификаціи.—Отсут-
ствіе юридическихъ принциповъ и юристовъ.—Общій обзоръ..... 510

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Армія и флотъ.

I. Армія.—Прецеденты.—Петръ только ускорилъ движеніе.—
Свособразные поступки.—„Потѣшныя полки“.—Достоинства и не-
достатки новыхъ построеній.—Матерія и духъ.—Опытъ Нарвы.—
На хорошей дорогѣ.—Нравственное начало.—II. Флотъ.—Преце-
денты.—Поспѣшный и стремительный характеръ новаго дѣла.—Флотъ
военный и флотъ торговый.—Двойная неудача.—Что остается отъ
дѣла послѣ смерти работника..... 533

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Оппозиція—Царевичъ Алексѣй.

Стр.

I. Коллективное и единичное сопротивление.—Заговоры и покушения.—Характеръ оппозиціи, представляемой Алексѣемъ.—II. Воспитаніе Царевича.—Первое столкновение съ отцовской властью.—Алексѣй не хочетъ быть солдатомъ.—Ссылка въ Москву.—Взаимная симпатія.—Духовенство и аристократія.—Мысль о переменѣ правителя.—Новое вмѣшательство отца.—Алексѣй долженъ с л у ж и т ь.—Плохой новобранецъ.—Царевичъ по болѣзни не участвуетъ въ Полтавской битвѣ.—Петръ посылаетъ его за границу учиться и жениться.—Женитьба.—Пригласеніе Шарлотты.—Медовый мѣсяцъ и скорый конецъ супружескаго согласія.—Алексѣй во главѣ партіи.—Смерть Шарлотты.—У Екатерины родится сынъ.—Лишеніе наслѣдства.—Царевичъ или монахъ.—Первое и второе поселеніе на житье.—III. Легенда.—Шарлотта жива.—Разгадка тайны.—IV. Последнее переселеніе.—Петръ зоветъ сына къ себѣ.—Бѣгство Царевича.—Преслѣдованіе.—Искыи Царя.—Вѣна.—Эренбергъ.—Неаполь.—Появленіе на сценѣ Евфросинія.—Измѣна любовницы.—Алексѣй преданъ. — Возвращеніе. — V. Отрѣченіе. — Слѣдствіе. — Въ Москвѣ.—Алексѣй выдаетъ друзей.—Казни.—Отцовское прощеніе.—Планы будущаго.—Женитьба на Евфросиніи.—Довѣріе и счастье бывшаго наслѣдника.—VI. Петербургъ.—Появленіе метрессы.—Допросъ ее.—Свидѣтель со стороны обвиненія.—Новое слѣдствіе.—На колесѣ.—Арестъ.—Преданіе суду.—Пытка.—Признанія.—Верховный судъ.—Приговоръ.—VII. Смерть Алексѣя.—Различныя толкованія.—Возможности.—Дѣйствительность и нравственная отвѣтственность.—Мнѣніе Европы.—Судъ потомства.—Вольтеръ.—Передъ судомъ исторіи

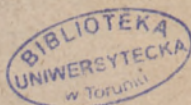
545

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Завѣщаніе Петра Великаго.—Заключеніе.

I. Смерть Петра.—II. Апокрифическое и настоящее завѣщаніе Великаго человека.—Общій обзоръ

582

Biblioteka
Główna
UMK Toruń

1264702

1264702

